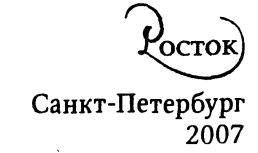
М. Пришвин

М. М. ПРИШВИН
ДНЕВНИКИ
1914–1917

М.М.ПРИШВИН

Дневники

1914
1915
1916
1917

Санкт-Петербург
2007

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Фонда Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина

Пришвин М. М.

П77 Дневники. 1914—1917 / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; Коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина; Указат. имен Т. Н. Бедняковой, Е. В. Михайлова. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2007. — 608 с.

Книга «Дневники 1914—1917» является переизданием, дополненным новыми материалами, обнаруженными в архиве М. М. Пришвина (РГАЛИ)

ISBN 978-5-94668-047-9

УДК 882
ББК 84Р7-4

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1914

1915

1916

1917

[д. Песочки под Новгородом]

1 Января. Вчера был наш русский Новый год, он старыми снами для меня начался: я видел во сне судьбу свою, Вас, лицо постаревшее Ваше — не Ваше, но сила прежняя. Но как ни больно мне было, как ни горько видеть таким лицо моей возлюбленной, все равно я руку свою отдал Вам и сказал: хорошо! Едем вместе. Пробудившись в Новый год, я сильно страдал весь день, неизбывная грызла тоска, и только на другой день я понял значение сна и тоски новогодней. Прошлый год я (написал против). Нельзя против судьбы...

Близко-близко я подступал к счастью, и вот, кажется, только бы рукой взять его, да тут-то как раз вместо счастья — нож в то самое место, где счастье живет. Прошло сколько-то времени, и привык я к этому своему больному месту: не то чтоб помирился, а так иначе стал все понимать на свете: не в ширину, как раньше, а в глубину, и весь свет для меня переменился, и люди стали приступать ко мне совсем другие.

Гражданские записки.

Общинный дух русского крестьянного люда, столь милый сердцу старого нашего интеллигента, происходит от креста, соединявшего некогда крепостных рабов. Крест является человеку в неволе как свет и высший дар свободы. Этот свет излучал некогда лик русского крестьянина, и этим светом жило прежнее народолюбие, и он сохранился в прошлом нашей истории.

На этой земле, нищей, раздробленной на мельчайшие полоски, вырос чудесный христианский цветок, имя ему «Мир» («Міp»). Во имя этого цветка «Мира» и соединилась крестьянская дружина старых народников-рационалистов

и славянофилов-мистиков. Рационалисты впоследствии потонули в головных спорах о крестьянской общине, мистики где-то потерялись в Гегеле... Что же осталось теперь от чудесного христианского цветка «Мира»?

До сих пор еще можно там и тут встретить в народе белых стариков, от которых веет духом прежнего мира, если с ними говорить по отдельности. Если же посмотреть на лицо такого старика, обращенное к современному быту, то от него веет духом непримиримой вражды, и ответ у них на все один: человеку палка нужна; песнь о палке, как вздох освобожденного узника о стенах своей тюрьмы, — вот что осталось теперь у прежнего крепостного раба.

Есть «Мы» с большой буквы и есть «мы» с маленькой, теперь от «мира» осталось «мы» маленькое, обывательское; община современная есть крестьянская, а не христианская. В этом споре маленьких «я», составляющих обывательский «мир», есть особое острое «я», как стремление быть во что бы то ни стало свободным; на этой почве вырастает с одной стороны «я» Каиново — хозяйственный индивидуализм, кулачество, и [с другой –] «я» разбойничье — хулиганство.

Каждый закон, по-моему, лучше бы вышел из дела и поступка, чем из мысли.

Или это одно управление с другим не совокупляется, или мешают какие-нибудь партии.

Все эти три такие «я»: стариковское, хулиганское и кулаческое — все с разных сторон закона современного не признают и чинов, приставленных к закону, не уважают, ссылаясь на какой-то Божий закон.

<На полях:> *Хулиганы — это прежние разбойники. Разбойники теперь казнены или покаялись и поставили на месте своих злодеяний монастыри. Если бы они не покаялись, то не было бы и хулиганов. После того, как лучшие из прежних разбойников покаялись и поставили на местах своих злодеяний монастыри, всякий разбойник обратился в хулиганство. Не покайся разбойники — не было бы теперь и хулиганов... будь они просто разбойники, оставались они при своем и боролись до конца...*

Кончина Августа Бебеля. Однажды в кругу нашей духовной аристократии, слушая скучные споры в области чистой теории (Гиппиус как из пушки стреляла: «прагматизм! идеализм! реализм!»), дошла очередь до меня, Гиппиус спросила: что же вы молчите? Я спросил их: видели ли они тот свет и пламень, [который] мы видели, когда в юности крестились у Бебеля? Стали обсуждать это, оказывалось, что видели свет по-своему, но мне как-то не верилось, все как-то выходило книжно, я сказал прямо, что это не то.

— Боже мой, — сказал кто-то, — да ведь вы были рядовым марксистом, вы об этом говорите! — И все этому засмеялись.

По-моему, это был настоящий смех книжников и фарисеев, вообще филистеров, людей, никогда не бывших «рядовыми» и, значит, некрещеных, потому что в тот самый момент, когда человек принимает крещение, он непременно становится в ряды.

Мы принимали свое крещение от Августа Бебеля за благоговейным чтением его книги «Frau und Sozialismus»*. Перед наступлением момента света мной овладели две идеи этой книги: первое, что близко время всемирной катастрофы, и второе, что женщина после этого, «женщина будущего», явится такой, как я желал в сокровенности глубины детства своего. В самый же момент крещения самое счастливое, самое высокое было, что я стал со своими друзьями одно существо, идти в тюрьму, на какую угодно пытку и жертву стало вдруг не страшно, потому что был уже не я, а мы, друзья мои близкие, и от них, как лучи, «пролетарии всех стран».

Еще за год или больше до этого момента мне рассказали учение Маркса. В нем поразило меня, что наш духовный мир есть «надстройка» над экономическими отношениями классов. Это было мне и непонятно, и ненавистно до последней степени.

---

* «Женщина и социализм».

6 Января. Зимний рассвет: строгий красный начался и не кончился: солнце выбивалось, выбивалось, да так и не взошло, какая-то мгла затянула все.

Снег в эту зиму необыкновенный, выходу нет, неуборимая сила давно того не было, бывали снега, слов нет, бывали, да не такие. Хотели мы с хозяином один дубок посмотреть за баней, через дорогу всего пройти десяток саженей, и не могли, вернулись. А все метели каждый день еще прибавляют, и кажется, что вот придет день и не выйдешь из дому, проснешься — темно, окна засыпаны. Вокруг деревни пустыня недоступная.

Почему-то русский человек не признает лыж. Удивительно выйти на лыжах в поле: знакомые места, поля, бывало, искрещенные тропами, изгородями, межами, теперь будто вот только, только что сотворены. Следы заячьи, звериные, а человеческих нет и нет.

Нет ничего более жалкого, расслабленного, бессильного, как русский крестьянин зимой в сильные морозы. Русская печь, такая огромная — самая слабая печь для защиты от мороза и самая угарная: как мороз, так уж непременно все в доме угорают. Я думаю, это оттого, что в мороз тепло из печи сильнее устремляется в холодную избу и угарные газы проникают через кирпичную кладку. Раньше угары были сильнее, бывало, как закроют печь в мороз, так в гости к соседу, если у того труба еще не закрыта. А если все-таки угорят, то самое лучшее средство выйти на улицу и считать звезды, часа два считать, полнеба пересчитать, и все пройдет. И вот все тогда молятся, все охают, бледные, как смерть, от угара, молятся, чтобы прошел мороз. Молитвы бывают разные, самая лучшая, слышал я, в месячную ночь выйти, стать по колено в снег и просить месяц и двенадцать лысых: «Месяц ясный, двенадцать лысых, мороз сломайте!»

Теперь в нашем краю совершилась неизвестная миру техническая революция: завели чугунки, и угар прекратился. И такая вера поселилась в эту чугунку: затопишь чугунку, и нет угара. Я думаю, это оттого, что угар уходит в трубу чугуна, а отчасти и потому, что в нагретую чугункой избу

не так устремляются вредные газы из печи, как в холодную. Снятую мной избушку каждый день топили, но, когда я приехал, все стали говорить о чугунке: необходима чугунка, а то угоришь. Не мог я нигде достать чугунки и, делать нечего, решил жить так. Истопила печь Авдотья, прислала дочку свою Лизу, девочку лет двенадцати, закрыть трубу. Посмотрели мы с Лизой, нет синих огоньков, и закрыли трубу. Прибежала сама Авдотья, посмотрела.

— Ничего, ничего,— говорит,— только вот, Лиза, поставь горшки в печь, а то дух в избе скоромный, а как съедобным запахнет, так лучше.— И ушла.

Я пошел и стал раскладывать свои вещи и немного спустя как-то странно себя начинаю чувствовать, как будто, кажется мне, возле каждой вещи свой особенный заколдованный духовный невидимый венчик, хочешь взять вещь, а руки проходят [будто] через вещный венчик и не сразу попадаешь на вещь. А Лиза что-то уж очень долго копается с горшком. Оглянулся я туда: Лиза не стоит, а сидит на полу.

—Ты что, Лиза?

Она поднимается, ничего не говорит и так странно смотрит на меня и вдруг так с открытыми глазами какими-то непротестующими валится. И вокруг нее, больше, чем везде, почему-то кажется мне этот особенный заколдованный духовный круг. Я иду к ней, но меня качает в сторону, и я все-таки иду, но никак не могу отчего-то приблизиться к девочке. Но дверь такая широкая, бегу к двери, отворяется. Лиза у меня на руках, болтается голова, ноги висят, не Лиза, а мешок с чем-то, я несу, весь мир обведен заколдованным кругом, спотыкаюсь и куда-то лечу: куда-то в хорошее.

Обвязанный мокрым полотенцем, поднимаю голову и говорю старику:

— Ну, вот, дед, побывал я на том свете, ничего...

В избе смеются: собралось много народу смотреть на меня.

— Что вы смеетесь,— говорю я,— правду говорю: умирать вовсе нестрашно.

— Нестрашно, нестрашно! — подхватили сочувственно все.— От угара смерть самая легкая!

— Смерть,— говорит старый Крюков,— всякая смерть легкая. Жить трудно, а умирать легко: умер, стало быть, отмучился.

Крюков такой человек, что как завидит только образованного человека, так и сам начинает рассуждать и философствовать и все по-своему, а цель — найти общую точку.

— Смерть легка, а отчего же страх?

— Страх от людей. В горячке, в беспамятстве бормочет человек, а ближним представляется страх. Это хорошо: страх ведет к смирению. Человек смиряется и на другого смотрит: как другой живет.

Мы что в одиночку: как дикие звери, сами по себе, в норах забивались. А как страх загулял, так на другого смотришь, а третий зовет к послушанию, хочет привести всех к одной точке. Только это трудно, чтобы к одной точке — вы как думаете?

В чугунку подложили дров, запахло чугуном — ужасный запах! — застучало в голове, и мысли опять стали дробиться. А как хорошо отвечал старику пчеловод из Сибири и потом курсистка, дети моего хозяина. Не помню их ответа, не помню длинного спора. Прекрасные были ответы, прекрасные рассуждения, мысли, чувства. Или ничего особенного не было, а так, что вот чужие люди в глухой деревне, а как будто в своей семье — весь мир одна семья, стоит только заговорить по-человечески.

— Точку-то как найти, что есть точка? — перебивает старик.— Как вы понимаете?

— У каждого своя точка, личная.

— А как же общая?

— Нельзя и своей упустить.

— И не упускай, а только как же без страха, чтобы к общей точке прийти?

Опять подложили дровец в чугунку, запахло чугуном, и все спуталось с воем метели. Но бьется такая радость, что я в семье своей. Под лесною елью с огромными снежными лапами, где-то в избах под сугробами нахожу я себя, и так радостно быть тут, и мечтать, и так верить, что все мы тут-

то возле самой точки, все мы собрались такие далекие и такие близкие.

Много раз топили чугунку, и опять изба остывала — то жар, то холод, ничего среднего, ровного — вся наша Россия снежная.

Был Кант, явственно слышал слово «Кант»: что-то старику говорили о Канте. И он отвечал им...

А этой же самой ночью мчался между разорванными облаками ясный месяц и по колено в снегу стояла старуха и молилась:

— Месяц ясный, двенадцать лысых, мороз сломите!

Молилась месяцу, а потом с фонарем в руке обходила темные углы и ставила белые крестики.

Пчеловод из Сибири (Алексей Ефремович) рассказывал, как началось рамочное пчеловодство на Алтае, где-то на Черном Иртыше в Змеиногорском уезде.

Там в XVII столетии в поисках Беловодья осел на кабинетской земле некий старообрядец Григорьев и завел свое хлебопашество с пасекой: в это время на Алтае кабинетская земля только значилась на бумаге, что кабинетская, а занимать ее каждый мог. Во время Александра III семья Григорьева была уже в сорок восемь человек, а пасека стала огромной. В это время поехал глава Григорьевых с медом в Петербург и поставил себе непременной целью повидать царя и поднести ему Алтайского меду. Долго, чуть ли не целый год старовер добивался увидеть царя и, наконец, удалось ему возле Казанского встретить и объяснить, что мед привез в подарок. Царь его долго расспрашивал об Алтайском крае, о пчеловодстве и, наконец, направил его в Лесной поучиться рамочному пчеловодству и даже потом подарил ему учебник пчеловодства <*1 нрзб.*> с собственной надписью. В недавнее время случилась с Григорьевым беда: кабинетская земля понадобилась правительству, чиновники заставили убрать их знаменитую Алтайскую пасеку. Тогда опять Григорьев поехал в Петербург жаловаться царю на чиновников и, как доказательство своих прав на землю, захватил с собой книгу, подаренную царем. А в Петербурге дело Григорьева было уже известно, как ни бил-

ся он, сколько ни ходил по департаментам — в аудиенции было отказано. Тогда вдруг пришла Григорьеву гениальная мысль: старой императрице, жене покойного государя, нужно пожаловаться, ее аудиенции нужно добиваться. Сказали, что государыня уехала в Грецию. Тогда весь такой, как есть, в старообрядческом кафтане, в самодельных сибирских сапогах отправляется Григорьев в Грецию и там добивается свидания с государыней.

Жар-птица. Спиридон-солнцеворот. Тьма северная. Леса новгородские. Снег голубой, следы. Вагон, ночь, цыган поет таборную песнь, хохлы беседуют, генерал. Мальчик едет к бабушке. Все что-нибудь говорят, а цыган все поет и поет.

— Со Спиридона, слава Богу, светлее.

Рассвет долгий, зимний, строгий, северный, покажется солнце или не покажется. Голубой снег, леса, глухариные следы, зубцы леса, красный пожар.

— Что это? — спросил мальчик.

Смотрим: опять! Красная огненная птица мелькнула между соснами и скрылась.

Птица?

Это жар-птица. Гонится за нами эта жар-птица...

Страшно, что вот кончится это и все обнаружится,

Даже хохлам страшно, а цыган все поет и поет. Стали просыпаться, [за деревьями] пролетела жар-птица, в одном месте ясно было, что солнце. И опять.

— Опять! — сказал мальчик.

А только уж давно знал, что-то неуловимое мелькнуло: стыд и обида, и самолюбие, все струнки души дрогнули, в один миг и потом стало незаметно — мальчик сказал себе: все равно, пусть будто Жар-птица, и следил за ней с прежним любопытством и по-прежнему восклицал. Вдруг оборвалось это, и солнце спокойно, величественно стояло на небе, мы неслись, солнце стояло.

Все хохлы, генерал, озаренные светом солнца, смотрели на мальчика, а он, озаренный солнцем, говорил:

— Смотрите, Жар-птица остановилась.

В свете солнца показались громадные здания, трубы, огромный город, прекрасный, залитый солнцем, каждый дом — крепость, и хохлы говорили, что всё, как крепость... Все были удивлены, все болтали, а цыган молчал.

Поезд врезался в гущу домов, остановился. Цыган поднялся и сказал:

— Приехали с орехами.

12 Января. Зимой рано утром, когда начинает светать, снег бывает весь голубой, и небо голубое и снег голубой, а между небом и снегом бор черный, как самая черная ночь, стоит. Потом за черным бором начинается красный строгий восход, и долго все разгорается, разгорается, и часто бывает, так и не осилит солнце зимнего дня, не выбьется, и мгла застелет все и до вечера так останется, а вечером полусвет, так что видно, как зайцы выходят на озимь из лежки, становятся друг против друга.

В Песочках много невест, прекрасных девиц, обреченных быть старыми девами. Интересны они тем, что на них можно проследить, как общественные предрассудки калечат людей, как «время переходит» и как между временами остаются жертвы. Выход им — ученье, курсы и проч., но отцы их не следят за временем и не отдают в ученье. Другой выход — падение, проституция, но они именно не проститутки, а прирожденные жены и матери. За крестьянина низко, другие не берут. Вот где «не судьба», «нет судьбы», человек не волен.

Метод писания, выработанный мной, можно выразить так: я ищу в жизни видимой отражения или соответствия непонятной и неведомой жизни моей собственной души. Встречаясь с достойным писания сюжетом, вдруг получаешь как бы веру и, не находя, страдаешь неверием.

Поэтому я и не могу ничего написать из прошлого о себе самом: прошлое мое есть то, что перешло в невыразимое, что есть уже сама душа без материала для выражения, там все стало «я», т. е. хаос бесчисленных материально умер-

ших существ или даже, может быть, не рождавшихся. Нужно жить, переживать что-нибудь, и они оживают, и я пишу об этих новорожденных.

В своем прошлом я «засмыслился» и потому не могу о нем писать, нет концов клубка. Нужно верить в настоящее рождавшихся, знать, кто я, чтобы писать о прошлом.

13 Января. Наблюдения в Песочках. Почтальон Николай был пастухом, а теперь почтальон — целая карьера. Пастух в деревне — дурачок. Кто же возьмется быть почтальоном? Конечно, только дурачок. Теперь эта должность перешла к Николаю, и тут в этом дурачке оказалось шестое чувство (шестое чувство — интеллигентность, это есть особое состояние души, первичное состояние, которое потом эксплуатируется в высших слоях настоящими «интеллигентами» или «аристократами» и так создается внешняя защита этого состояния души).

Николай вдруг преобразился, когда стал почтальоном (столкнулся с другим классом людей). И теперь родные очень обижаются, когда спросит кто-нибудь из прежних:

— А дурачок ваш с вами?

Прасковья Сергеевна стоснула по мужу (Александра Сергеевна, сестра ее такая же): особое бабье состояние души, особые типы баб, которые могут стоснуть (знание на расстоянии и проч.). Клумова из Лейпцига. На такой женился Карпов: боялся жениться, видел худую жизнь отца с матерью. Сватался: разговаривает хорошо: о хозяйстве. Страх преодолел. Как привыкали друг к другу: ни с того, ни с другого расплачется. Как взаимно уступали при вспышках (бабе нельзя поперек) и плач, когда съездит домой. И вывод: на неизвестной жениться лучше.

В этом есть смысл: когда «любят», то до свадьбы развивается своеволие, например, хотя бы поссориться, поругаться. Совсем другое, когда женаты или когда на воле: ссориться на воле и думать, что вот захочу и уйду, не отвечаю за свои слова — так привыкают не отвечать за слова; а в браке за лишнее слово ответ немедленный. Карпову выпало

счастье, а Михаилу несчастье: но счастье и несчастье есть только мера жизни в ширину и в глубину: в несчастье Михаил находит крест. Так или иначе, но в этом «браке на неизвестной» характерная черта народа русского. И возможно, что ею, этою чертою, бывает окрашена и любовь некоего интеллигента к неизвестному безликому образу и в вихре этого чувства бывают схвачены только редкие черты, как оболочка, из которых не составляется желанного образа.

Пошáва ходит такая, вот и я от нее заболел.

[***Петербург***]

На площадке вагона при въезде в Петербург я стоял со своими вещами. Выходит молоденькая девушка с бумажной большой розой на шляпе и с горсткой подсолнухов. И так это удивительно, что лицо у худенькой девушки похоже на мадонну, а вот зимой у ней на меховой шляпе зачем-то бумажная роза и эти подсолнухи.

— Вы откуда едете? — спросила она меня так мило, так просто. Я ответил, что из Медведя.

— И я из Медведя, да как же это я вас не видела там, вот удивительно, да куда же вы едете?

— В Петербург.

— А я в Гельсингфорс.

Так удивительно было, что она с этой розой и подсолнухами едет в Гельсингфорс. Я спросил, зачем.

— Я замужем за офицером.

— Замужем! такая молоденькая!

— У меня двое детей.

— Двое детей, да вы же совсем гимназистка!

— Вышла по безумной любви.

— И... ничего?

— Ничего...

— Сколько лет?

— Шесть лет.

— Шесть лет!

— Да, и ничего.

— Не раскаиваетесь?

— Напротив...

Я радуюсь ужасно, и она радуется.

Поезд останавливается. Я провожаю даму с бумажной розой до извозчика, усаживаю, и так мы прощаемся с ней, будто на редкость близкие, вечно знакомые друг другу.

Ужасный ураган, прокативший по Невскому льду волны, чуть не потопившие зимой Петербург, настиг меня в Новгородской губернии возле соснового бора, в избушке, одного, в лихорадке. Перед этим я случайно попал в избу, где вымерла чуть ли не вся почти семья от брюшного тифа, и, как началась лихорадка, я вспомнил про ту семью и подумал: «Ну, это тиф!» Мелькнуло в голове, что скорее нужно теперь складываться и бежать в Петербург, но как посмотрел на вещи, что их еще нужно укладывать и потом доставать лошадь, и потом вылетишь из саней на ухабах — стало тошно, сильнее затрепала лихорадка, и так в полузабытьи лег я на подушку и лежал, не знаю, сколько времени. В это время ураган летел на сосновый бор, и началось совершенно как на океане в шторм: совершенно те же самые звуки и страсти. Мне чудилось, будто плыву я но океану открывать Северный полюс и что там, на полюсе, стоит снежная гигантская фигура капитана Гаттераса, обращенная лицом к полюсу, и все наше стремление, мучительно влекущее, обогнуть снежную фигуру и заглянуть ей в лицо. Мы боремся с волнами, делая нечеловеческие усилия, и вдруг нам говорят: «Полюс открыт, там нет ничего, напрасно трудились!»

Должно быть, я застонал в бреду, и в ответ на мой стон — ох! — я слышал этот свой стон — ох! — в ответ мне послышалось, будто кто-то еще, кроме меня, тоненьким тенорком простонал уже не по страданию, а по сочувствию к моей боли:

— Ох! Господи, Господи, барин, барин, да что же это такое?

Необыкновенно это приятно было, когда кто-то отзывается на собственный вздох, вдруг откликается: эхо такое еще продолжительное. Я опять охаю, и опять откуда-то отвечает:

— Ох! Господи, Господи, барин, барин, да что же это такое?

Открываю глаза: кто-то зажег в моей избе керосиновую лампочку, и она горит одна под потолком [ярко], в избе никого нет.

— Что же это такое, Господи? — вслух говорю я один.

— Что же это такое, Господи,— отвечает мне с печи.— Господи, барин, барин, да что же это такое?

Тогда я и увидел на печи против моей постели голову: там спал почтальон Николай, спал крепко, по-настоящему. Ужасный ураган, ломавший в это время гигантские сосны и швырявший сучья в нашу избушку, не мог разбудить его, но стоило мне только чуть-чуть простонать, в ответ раздавалось у спящего сочувственное эхо. Я тогда, изумленный [своим] открытием, назвал Николая, он быстро поднялся, спустил с печи ноги и, почесываясь, глядел на меня.

— Со мною,— говорю,— Николай, какая-то дрянь творится?

— Ничего, ничего,— опять тоненьким голоском успокаивал Николай,— пройдет, пришло и пройдет: пóшерсть такая ходит.

— Пошава — это горячка?

— Да, да, это ничего: это не горячка, а так, пошерсть: пришла и уйдет...

19 Января. Собрание Религиозно-философского общества для исключения Розанова. Когда-то Розанов меня исключал из гимназии, а теперь я должен его исключать. Не хватило кворума для обсуждения вопроса, но бойцы рвались в бой: всеобщее негодование по поводу этой затеи Мережковского. Сутолока, бестолочь, какой-то армянин в решительную минуту добивается слова, чтобы сказать: «В Религиозно-философском обществе аплодисменты не допускаются». Кто-то просит изменить «параграф». Гиппиус же [молчит] и щурится, изображая кошечку. Карташов взводит очи горе. Мережковский негодует. Вячеслав Иванов настроился на скандал. Чулков говорит об антиномии. Стахович спрашивает, что такое антиномия. Старухи-тео-

софки, курсистки, профессора, литераторы <*1 нрзб.*>, баптисты, попы, восточный человек, увесистые хайки и честнейшие ученые жиды. Теряю всякую способность наблюдать, думать, разбираться, сберегать услышанное, хаос. Вот и все, что вышло из общественной затеи Мережковского. Лет пять тому назад взял я себе напрокат «Светлого иностранца» и теперь возвращаю: не то.

Рембрандт, Рубенс и Ван Дейк: Рубенс изображает низкую силу, В. Дейк — человека, Рембрандт соединяет то и другое, как Гоголь.

Киевская черешня и ветхозаветная смоковница. Всем известно, что Мережковский влюблен в Розанова, и сам Розанов пишет в «Уединенном»: «За что он (Мережковский) меня любит?» А вот теперь Мережковский хочет исключить Розанова из Религиозно-философского общества. Возмущение всеобщее, никто ничего не понимает, как такая дерзкая мысль могла прийти в голову — исключить основателя Религиозно-философского общества, выгнать Розанова из единственного уголка русской общественной жизни, в котором видно действительное человеческое лицо его, ударить, так сказать, прямо по лицу. И мало ли еще чем возмущались: говорили, что это вообще не по-русски как-то — исключать и многое другое. Какая-то девственная целина русской общественности была затронута этим постановлением совета, и люди самых различных партий, толков и между ними настоящие непримиримые враги Розанова — все были возмущены. Словом, произошло полное расстройство общественных основ этого маленького Петербургского муравейника, где время от времени собираются чрезвычайно разнообразные люди высших интеллигентных профессий. И замечательно, что все это [полное] расстройство общественности во имя самой общественности.

Я очень хорошо понимаю Мережковского и лиц его окружения в совете. Понимаю мучительное состояние верующего или страстно желающего верить и в то же время проповедовать в обществе воистину мертвых (и мертвые

восстанут, но когда!). Мережковский пытался уже испробовать организацию секций, в которых могли бы собираться более активные люди, подбирал молодежь, но эти секции [лишь только] говорили о Боге, а действия все равно никакого не было, почему? оставляю вопрос до будущего. Но вот настал подходящий случай — дело Бейлиса: вот где, казалось бы, можно высказать <*1 нрзб.*>. Ожидали, что общество [временно] будет закрыто, но демонстрации не вышло, был до смешного жалкий вечер, где Ветхий завет перепутался с делом Киева, какая-то смесь, винегрет из киевской черешни и ветхозаветной смоковницы. А в это самое время Розанов и писал свои наиболее возмущающие общество статьи.

Конечно, виноват во всем Розанов, с ним работать нельзя, нужно отделаться. Совет ценою собственного существования поставил вопрос об исключении: если Розанова не исключат, Совет уйдет.

— Розанов тогда может быть здесь первый человек! — сказал Мережковский.

А в это время как раз кто-то крикнул:

— Это у вас от лукавого!

[Возможно], да, но не совсем, я вполне понимаю Мережковского, его душевное состояние и сломанные стулья. Возмущаются просто фактом исключения, но это не просто исключение, это должно быть созидание чего-то похожего на секту. Ведь Мережковский этим отсекает любимейшее существо, Розанова, который сам удивлялся: «За что он меня любит!» Розанов для Мережковского не просто облик Розанова, а «всемирно-гениальный писатель», какой-то предтеча Антихриста, земля, Пан и мало ли, мало ли что. От всего этого нечистого он теперь отсекается, а члены Религиозно-философского общества возмущаются чисто по-обывательски. Мережковский вообще совершенно не способен быть в жизни, он не человек быта, плоти и крови. Я никогда не забуду одного его спора с социал-демократическим рабочим. В ответ на поставленный ему вопрос о необходимости в человеке сознания своего собственного бессмертия рабочий говорил:

— Накормите меня.

Тогда Мережковский, возмущенный грубостью ответа, вдруг неистово закричал:

—Падаль, падаль!

Это была, конечно, чисто философская «падаль», то есть то, что падает, умирает, а рабочий принял за настоящую, ругательскую — и пошло, и пошло.

Вот то же происходит и теперь в Религиозно-философском обществе, и все [наше] общество поступит по законам обычной этики: «падаль», и не поймет и не пойдет за Мережковским. Но не будем сильно обвинять обывателей, потому что ясно, в этом призыве Совета не хватает одного, тоже необходимого звена человечества, которое мы назвали бы мудростью.

23 Января. День моего рождения, 41 год.

Время от времени нужно возвращаться к периоду «религиозному» своей жизни, от первого визита к Мережковскому до последнего посещения Гиппиус. Ценное, что я получил за это время и что осталось,— это понимание религии у русского народа.

Молитва утренняя. Помоги мне, Господи, держать в сердце своем ясность, тишину, понимание, чтобы при встрече с людьми не упускать ее, чтобы в бурю жизни вспомнить и знать, что опять вернусь к такому себе.

Ошибка «пророков», осуждающих женщин (т. е. женское нынешнее движение), состоит в том, что они исходным пунктом суждения берут женщину-мать-самку и проч., а на самом деле движение создают вовсе не эти женщины, а совершенно особые, непохожие на патриархальных женщин. В этом-то и есть секрет и движение, что из массы женщин выделяется (значит, движется) особая порода, ничуть этим не затрагивая женщину-мать.

Разговоры о движении народа к образованию, женском движении и разрыве с семьей...

В чувстве есть два полюса: точка светлая и точка темная. Такая бывает минута спокойствия и равновесия душевного, когда все вокруг бывает понятно, и, главное, бывает вера, что можно как-то удержать при себе эту минутку навсегда: для этого только нужно держать ее в совершенной тайне и никогда не забывать о ней, всегда к ней возвращаться. На самом деле она уходит бесследно и возвращается сама независимо от собственной воли. Вот у религиозных людей эта минутка укрепляется молитвой. И, вероятно, чтобы «удержать» ее, нужна религия, необходима. Словом, это состояние, в котором нет чисто животной сытой радости, а в то же время свое плотское чувствуешь радостно, и нет острой духовной радости экстаза, а всё спокойно светится в равновесии и гармонии.

Другая минута, противоположная, когда мелькает как-то нечаянно, как полоснет ножом, что все равно, что неминуемо пропадешь, как будто заглянул на дно пропасти, в которую суждено полететь, черной пропасти, и как будто я ли или кто другой раньше давно за меня совершил какой-то неискупаемый грех и ничего тут поделать нельзя. После этой минуты наступает тоска, приводящая иногда к тупости и полной апатии. И незаметно из апатии опять бывает выход к острой радости, к труду, но не обязательно к светлой минуте: то приходит как будто без всяких законов и совершенно нечаянно.

Апис (из дневника ссыльного)

За два рубля в месяц Алпатов снимал тогда комнату в мезонине крестьянского дома с правом на зимнее время перейти в избу. Я постепенно дичал в одиночестве осенью. Дожди были и ветры непрерывные. Капли капали по мезонину день и ночь, и стало мне представляться, будто этот дождь как-то мой собственный или, вернее, какой-то одушевленный и знает, что делает: моет камни, размывает мои собственные камни в моей душе, так что у него есть бесконечная цель и знание дела. Но только мне от этого нет пользы: я успею под камнями тысячу раз [совсем] пропасть,

пока дождь и ветер камни разрушит. Я был как живой мертвец в могиле и постепенно дичал.

Какие видения были мне под камнем, очень трудно мне рассказать: конечно, тут была со мной она, самая далекая и самая близкая моя подруга, Сонная Грезица. Никогда я не видел ее в своем лице: то явится птицей зеленой, и я знаю, что это она, то представится мне в каком-то общественном саду каменной статуей, и я через камень с ней разговариваю, а бывает, и в совершенно уродливом виде, и я все-таки через урода с ней беседую, обмениваюсь короткими и полными значения, как у Ибсена, фразами. Лицо Сонная Грезица мне никогда не открывала, больше виделся я с какими-то каменными уродами. И когда я просыпаюсь и слышу — дождь льет, я думаю, что моет этот дождь и моет, размывает — он напрасно трудится — каменное уродливое тело Сонной Грезицы. Где она была настоящая, та, от которой получил я свои видения, мне было даже страшно подумать: где-то далеко на земле была она действительная, и путь к ней как между раем и адом, дорога была разделена бездонностью без мостиков, без Авраама и без Богородицы. А бездонность эта была просто гордость: она так хотела, я так, взяли и разошлись. И было уж это давно, так что не будь этой ссылки и одиночества в лесу, не было бы со мной и Сонной Грезицы. Может быть, я и тут мог бы отделаться от нее, заняться чем-нибудь, выпросить себе у крестьян место, строить собственными руками дом, мало ли что можно выдумать. Но этот осенний мелкий дождь поднял камни, и они легли на меня, и я не мог и не знал, для чего начинать что-нибудь, и жил только этими ночными встречами.

И до чего же я в это время слился с природой: бывает, повидится немного, проснешься, и опять закроется небо, и я вижу себя самого умирающим: до самого конца бывает [дойдешь], то отпустит, то опять закроет, и к солнцу идешь, и чудо, и воскресение. Так случилось и тут. И вдруг чудо, да, это было чудо: старик приносит мне со станции письмецо, адрес написан голубыми чернилами, рука ее! У меня не было и переписки с ней, два, три письма, не больше, а лет-то сколько прошло, и потом я с ней же в Париже встретился и

думал, что она так там всегда и живет, а, главное, я никогда не мог думать, что помнит она меня, живая, действительная, а Сонная Грезица мне только чудится, и ей [настоящей] неизвестна. И вдруг письмо от настоящей, живой! Она писала: «Завтра я проезжаю вашу станцию, у нас пятнадцать минут, а может быть, больше, все зависит от Вас».

Я посмотрел на штемпель и побледнел: завтра стало сегодня, сегодня. Я посмотрел на часы: еще было время, можно было успеть, если сделать нечеловеческие усилия: выбирая [напрямую] тропинки, мчаться по ним во весь дух на велосипеде. Я помчался, ветер был в бок и не мешал. (Озорная тропа).

И я опустился на дно оврага, а сверху <*1 нрзб.*>смотрела. Может быть, все это было во сне, но может быть, и нет: странное то было время, все как во сне.

Мало ли из-за чего попадают в тюрьму! — Михаил Алпатов попал из-за женщины будущего. Только это очень тайное дело, очень тайное! На стене его было над столом написано: государственный преступник, и сам он был уверен, что какое-то большое государственное преступление готов был совершить, но... тайное было не только для других, но и для него самого тайное: это женщина будущего. Это было время, когда сажали еще молоденьких студентов за переводы запрещенных социалистических книг. Достигающий карьеры молодой товарищ прокурора связывал эти переводы с рабочими стачками и делал из нас государственных преступников.

Мать. Сколько времени было загадкою для меня, почему это мать моя в самые тяжелые минуты не помогает мне, а так вся живет для нас, хранит, собирает, оберегает для какого-то будущего. И наступило будущее, и видится старость моя уже, а она все хранит для какого-то будущего. Так что часто являлась мысль: а если мы с голоду помрем, что же будет тогда с накоплением? Теперь я понимаю это: будущее мое она видит в детях моих и в внуках (хотя бы у меня и семьи не было), это будущее она и охраняет,

а не духовное мое будущее, на котором сосредоточено мое внимание. Я ожидаю помощи в минуты наибольшего духовного напряжения, а она ее готовит для годов спокойствия и равновесия. Мне ценны мгновения, ей века... Мать древняя старуха... Трагедия матери: скопила трудами для сына, сын легкомысленный, не верит ему, что может владеть, сын погибает с голоду, и она остается ни с чем: т. е. с накопленной материей для оберегания несуществующего рода. Трагедия мещанства (мещанство и трагедия!). Сын прошел в моряки, в дворянское общество, а женился на крестьянке. Мать не признает семьи сына. Столкновение закона духовного (гибель, разрушение плоти) и закона материи — сохранения.

Вообще понаблюдать купцов наших с этой точки зрения (трагедия мещанства — мещанский герой). Бабье царство — вызов герою (духа).

Почему зарождается образ смертельной мечты: внешнее — тюрьма, внутреннее — слишком сильное требование...

Весна — невеста — зарождение смертельной мечты — в тюрьме.

Промышленно-торговый мир по рассказам Г. И.: наши купцы, когда [им] плохо, завидуют, конечно, как и все, богатому, но удивительно, что когда им хорошо, то горюют, что не ему одному, а и другому хорошо.

Еще он объяснил, почему русский купец не рискует, а предпочитает стричь купоны: рисковать не из-[за] чего, не так велика возможность обогащения, как за границей. У [нас] нет и кредита, благодаря которому предприниматель с небольшим капиталом может начать большое дело (как у нас же в хлебной торговле). Ко всему этому и склад жизни нашего купца совершенно особенный (постепенное накопление).

В следующую мою поездку по России нужно проследить весь путь купца: как он возникает из мужика (Карпов), и как становится собирателем (дед Терещенко), и как и отче-

го теряет к собирательству охоту (М. И. Терещенко и «Сирин», Стальнов — сын в Новгороде).

Литературная жизнь вся на булавках. Говорю Сологубу о мертвенности собрания, а он думает о себе и готовит шпильку, и так потом долго идет спор о шпильке. Вырабатывается особый прием разговора околицами и загуменными дорожками, а это нестерпимо тому, кто не привык к этому. А еще бывает симуляция искренности с многократным трясением рук, теософическим дрожанием жил и поцелуями в щеку, как у попов. В конце концов, умный человек в этом обществе непременно должен выработать свой особый стиль и покрыться им, как бронею.

Умный человек отлично понимает, что от врожденной черты своего характера можно отделаться только хитростью: нужно сознать ее и не избегать, не исправлять, а, напротив, давать ей полный ход проявления и наблюдать, что будет. Мало-помалу эта недостойная черта входит в стиль человека и становится стилем, а не существом и в таком своем значении может даже большую пользу оказывать.

Вопрос: не есть ли моя дальнейшая жизнь лишь ограничение, приспособление, притупление — нет! потому что радость моя у земли не обычная мещанская насыщающая радость, а особенная, в цветах и в свете солнца, в принятии на себя всего, чем страждут люди. Радость мира, приятие мира, Библии, отчий закон, природа, понимание человека, веков: красное солнце, склоненное к горизонту, и простолюдин, движение только внешнее, сущность вечна.

Наблюдения над товарищами юности: ссылаются, что будто бы их затянуло колесо жизни. Что это за колесо? Ахиллесова пята («корень нужно искать в физиологическом»), по-физиологическому очень легко объяснить, но по-духовному? как раз попадаются люди нравственные, а задето «физиологическое», ослабление духа в борьбе и [по-

беда] может быть в виде радости жизни (семьи); вообще бабы во всех видах, и это неизбежно (тут и Розанов).

Если будет анкета и меня спросят, то я отвечу, что книги, написанные мной, все плохи и только одна хороша, которая напишется в будущем.

Я думаю, что когда говоришь от себя, то больше скрываешь себя настоящего от воображаемого, и потому я буду говорить от себя: я хочу...

Или так: Глава I. Рождение моего героя.

Мой герой родился от меня настоящего (не-героя) в... я не могу сейчас вспомнить этот год, это было в год смерти моего отца в деревне Хрущево в небольшом имении. Аллея и проч. (см. голубые бобры)... и мне осталась мать моя, которая создавала мне будущее, а отец тип голубого бобра, и тут начинаются два совершенно разных человека, я настоящий, как я теперь есть, и другой, с голубым бобром. Это совершенно другой человек, и потому тогда будет лучше, если я окрещу его [совсем] другим именем, пусть он будет называться С., а я единственный интимнейший свидетель его жизни <*2 нрзб.*>, его тайны.

8 Февраля. На женском диспуте.

Раз на Невском проспекте у всех на виду поставлен памятник замечательной женщине, то, кажется, что же тут спорить еще: Екатерина, мудрая императрица и друг просвещения, говорит мне в пользу женщин гораздо больше, чем адвокат-феминистка или какая-нибудь знаменитая суфражистка.

И народ русский я тоже в этом отношении хорошо знаю: «колотят» жен не мужья, горе колотит, пьянство, нужда, тьма. Не могу удержаться, чтобы не рассказать здесь одно летнее наблюдение в деревне. Прибежали в деревню ребятишки и говорят, будто в поле на березе женщина сидит, вся в крови, а сказывал им об этом пастух. Староста с понятыми отправляется к березе, спрашивает пастуха: правда ли, что была тут женщина в крови.

— Была,— отвечает пастух,— только это не женщина, а мадам.

«Мадам» — это обыкновенное название женщин, состоящих в свободном браке.

Я собрался на петербургскую дискуссию по женскому вопросу, подхожу к вешалке, где висит мое пальто, и вижу — тут стоит почему-то метла. Спросил Аннушку, почему, для чего в моей квартире появилась метла. Оказывается, что это муж ее, дворник Иван, приходил сюда и забыл метлу. Шуткой говорю Аннушке, что, может быть, это Иван учит ее этой метлой [уму-разуму].

— Нет, не поучит!

— А если все-таки вдруг да вздумает.

— Нет, не поучит. А вздумает, так и не увидит меня.

— Куда же пойдешь от него?

— А в прачки! Нынче ведь так, нет такого права.

Собираясь идти на дискуссию по женскому вопросу, я уж, конечно, обратил внимание на [понимание] права.

— Аннушка,— говорю серьезно,— а как же в таких случаях с детьми?

— С детьми просто: девочку ему, мальчика мне. Нынче это просто!

— А если он пожелает хоть одного мальчика?

— Ни одного! Нынче закон простой: мальчик мне, девочка ему, а я в прачки, [работать пойду], мальчика мне, девочку ему, и кончено! И кончено!

Потом на лестнице, когда я спускался на дискуссию, а она со мной к дверям, как взбудораженная курица, все кудахтала и все повторяла:

— Мальчик мне, девочка ему!

И вовсе я не уверен, что почти той же метлой, если он выпивает, она не отколотит его.

Под этим впечатлением приехал я на диспут по женскому вопросу, и вот вижу — на кафедре женщина-великан выбрасывает сильно руками слова (так мне казалось, что она выбрасывала их сильным взмахом руки). Одно слово брани с особенной ненавистью, с особым подчеркнутым значением:

— Мужшш-чи-ны!

И в ответ громогласные аплодисменты множества других женщин, наполняющих зал.

Как будто множество сердитых аннушек, вооруженных метлами, собираются бить ненавистного Ивана. Как будто это продолжение какой-то ожесточенной семейной сцены, где вот Иван заменился этим мужшш-чи-ной.

Я проталкиваюсь к устроительнице вечера: она в полном отчаянии; вокруг нее тоже все в отчаянии и повторяют: он, он не приедет!

— Кто он?

— Он? Вы не знаете? N.— умный противник женского движения. Без него видите, что получается.

Звонят по телефону. Не действует телефон. Посылают курьера. Нет, он не приедет! Отчаяние.

А весь зал гремит рукоплесканиями, и гигантская дама бросает слова:

— Мужшш-ская однобокая политика! Мужшш-ские вековечные предрассудки!

Между прочим, и я пришел исключительно из-за противника, потому что мало я женскому движению современному сочувствую [всерьез].

— Скажите хоть вы что-нибудь! — обращаются к довольно мрачному молодому человеку.

— Я против женского движения? — удивляется он.— Как я могу быть против женского движения, если в Петербурге на самом видном месте [на Невском] стоит Екатерина Великая, мудрая императрица и правительница!

Нет противников! Мужчины один другого лучше: Шингарев и Кокошкин — вот красноречивые защитники женщин.

— А между тем они есть,— говорит одна женщина,— только они никто не выступают, должно быть, они лишены способности связать логично свои мысли (бюрократия), а так они есть, [противники].

Молодой человек собирается с мыслями и говорит:

— Здесь ссылаются на общечеловечность, а для меня это звук пустой: существуют только биологические враги М. и Ж.

Трудно описать ту бурю, которая поднялась в рядах, какой свист, не дают говорить. С большим трудом удалось успокоить.

— Выслушайте противника.

— А я вовсе не противник,— заявляет молодой человек,— я не противник, защитник, только я стою не за равноправие М. и Ж., а за их самодеятельность. Ж. должна создать такую новую культуру, совсем не похожую на М. Я только против революции, против суфражисток.

— А разве мы [стоим] за революцию, мы тоже за самодеятельность: женщина созрела...

Выходят одна за другой [женщины]. Нет противников!

А между тем сколько их! Сколько их в затаенных уголках сердец здесь присутствующих мужчин и в особенности самих же этих женщин, если вызывать на бой «мужшш-чину». Но нет того сурового женского противника, который мог бы осмеять женские права, [признав] справедливость содержания. Его ищут. И его нет.

Индивидуализм есть подчеркнутая слабость.

10 Февраля. Не совсем это совпадает с годами, но есть такое чувство своего настоящего возраста, и видишь, чем занимаются, чего ищут люди моего возраста, т. е. сначала увидишь это, а потом догадаешься о своем возрасте, что вот потому-то и обратил на это внимание, что возраст такой пришел. Теперь, например, вижу я, как люди добиваются из последних сил власти: Мережковский, Горький и, должно быть, Иванов-Разумник. Наигрались — и кончено, полезай в берлогу, да здравствует общественность, долой индивидуализм!

Если только футуристов не подберет какой-нибудь высоко даровитый человек, то люди, подобные Горькому и Мережковскому, могут создать реакцию.

Ремизова как человека нет совершенно: человек, должно быть, весь в Серафиме Павловне, она его поглотила и направила. Теперь она уговаривает его покончить с собой,

а вслух мне говорит о бесцельности самоубийства, так как все равно потом будет продолжение. Что это такое? А человек она такой, что говоришь «по душе», то принималось это, как милость, а когда скажет «жалею вас», то жалость эта не обидная, а как дар. И еще удивительно, что, несмотря на все ее внешние и внутренние достоинства, отчего-то при ней умерщвляется всякое чувственное влечение, как бы умираешь совсем, и в то же время все понимаешь с высоты: какая-то твердыня неприступная с такой далекой снежной вершиной, что люди в долинах и помыслить не смеют взойти наверх.

К рассказу «Невеста»: она, Маруха эта самая. Значит, девушка эта со снежной вершины, и вот она почувствовала прикосновение к своему тайному, самому тайному, и на мгновение сдается, чтобы потом в другое мгновение на этом же месте стала выситься гора с неприступной снежной вершиной — тут два пути, или монахиня, или Маруха (снежная гора) — гордая монахиня из интеллигенции в Шамордине и смиренная Феврония: монахиня — правда, смирение, Христос; и Маруха — гордость, феминизм, директор английского банка, как смерть, смерть (до чего же это ясно, ясно в Серафиме Павловне).

И вот интересно представить себе юношу и девушку, которые в долине, но видят эту снежную вершину, не видят, а которая между ними где-то, представить их чувства под знаком ее: например, он, почуяв веяние снега, восполняется чувством гордости: «Я достигну!», т. е. погибну, а если спросить его, чего он достигнет, то скажет, что достигнет обладания ею, и вокруг поют соловьи про любовь обыкновенную, и пахнет сиренью, и добродушная старушка приносит «даром» кружку пива, и эти немцы плодовитые завели граммофон с цыганскими романсами, и где-то в лесу жена лесного сторожа привесила колыбельку с младенцем, и множество деревенских баб у земли с их природными дарами... пчелы, [птицы], животные, лиственницы.

Я достигну ее, невесты, и отказываюсь от даров ближайших, и оттого особенно как-то светятся зеленые листья, и

далеко слышно, как поет дерево, все покрытое пчелами и всякими весенними насекомыми, и эти грубые деревенские женщины кажутся прекрасными...

Как это непонятно соседу, говорит: возьми! А я не могу, я берегу себя для снежной невесты и не понимаю, совсем не понимаю, есть смерть всего: умереть в это время значило бы умереть в звуке всей природы (счастье, кто умирает на Пасху).

И так наступает лето (или осень), я получил письмо, или так вдруг насквозь что-то пронзило, чувство ее ужаса, все мне стало близко, как на блюдце поднесли, и открылось, и непонятно было, как же это можно так жить, чтоб хотеть и не мочь: хочу и не могу.

И тут показалось это подножие горы, неприступной горы с далекой снежной вершиной, на которую не может взойти ни один человек, и так ясно голос: хочу и не могу.

На той же дорожке, где пели весной соловьи, не поют теперь соловьи, не светят деревья на солнце липкими зелеными листиками, только черные стволы под желтыми листьями, и так глупо, так чуждо ноет граммофон из мотивов цыганской песни.

Я бы все мог, но вот она не может: хочу и не могу. Так я же хочу, я могу, и с этого времени где-то в сокровенной тайне сердца началась новая музыка: я все могу!

Главное, что все это одно маленькое недоразумение, и только нужно увидеть ее, сказать ей два слова, и даже говорить ничего не нужно, как увижу ее и она меня увидит, так все и кончено, все будет понятно, только бы увидеть ее. А почему же не могу увидеть, поехать, и все будет кончено: увижу как-нибудь, Бог даст, увижу.

Сентябрь, дожди перепадали, то просветлеет, то закроется: и человек так, то оживет, то замрет (рыбак и ветры). Природа вся к роковому исходу, вся вокруг этой сложной горы, и весь роман есть описание ее (Марухи) в четыре времени года.

«Я — маленький» — это и есть начало сознания. Женский вопрос я понимаю как свой собственный мужской воп-

рос. У нее в письмах это затронуто: неужели она феминистка? Женский вопрос — это вопрос о пробуждении нашего сознания. Я рождаюсь в женщине. Женщина меня родила, но это не значит, что она моя или я ее, напротив, я есть только я.

Женщина (Маруха) — такой же знак, как и бесконечность, с помощью этой мнимой величины мы решаем уравнения жизни со многими неизвестными: у кого это известное и простое уравнение (дважды два — четыре), тому...

Женский день. Весна — мимозы.

Вечно-женственное. Героиня.

Наталочка одна.

— Где же мама?

— На службе!

— Как! Мама на службе, что ты говоришь!

— Вы не знаете? мама уже три месяца ходит на службу: на Фонтанке, ходит, и там в конце четыре высокие трубы, там служит мама в счетном отделе.

Бедная Наталочка. Сидит одна у окна, как мимоза из Ниццы Петербургской весной. В доме ходит чужая женщина, прислуга: раньше они прислуги не держали. Сергей Петрович прокладывает новые пути в педагогике и потому зарабатывает мало. История их жизни: генеральская дочь сначала истратила все деньги, потом отдала все женское: стала кухаркой и, наконец, героиней. И когда очень стало плохо: общества нет и проч.,— ей представилось, будто она обыкновенная женщина и не пара ему совсем, и тут она стала писать стихи: разлад, драма: а ему кажется, что она из всего делает драму.

Их сентиментальность: природа и божьи коровки.

Роль судьи: через меня друг с другом разговаривают.

Свои средства истратила. Клавдия Викторовна — генеральская дочь! — сама все делала: и полы мыла, и отводила девочку в школу, и готовила.

— Сколько же мама теперь зарабатывает?

— Мама получает в месяц тридцать рублей. Уходит в девять, приходит в шесть.

За тридцать рублей в месяц весь день! А прислуга стоит не меньше тридцати рублей, и вот Наталочка теперь одна.

Что же это такое, какая корысть? Пробовала писать стихи, потом пробовала делать переводы с французского, занималась корректурами.

Но только ясно, почему: Сергуня прокладывает новые пути, и она хочет прокладывать свои пути в корректурах. Четыре фабричные трубы — это совсем другое, это совсем серьезное дело. Только почему не такое же дело домашнее хозяйство, свой собственный уют и близость к Наталочке?

Почему вообще это бескорыстие и внизу движение, похожее на движение рыбы через водопад: с громадной высоты падает вода по скалам, сверкая серебряными чешуями на солнце, бросается рыба вверх на скалы, прыгает с одной скалы на другую, выше и выше, одна ошиблась и, разбитая, плывет теперь вверх брюшком, другая разбилась, третью на камне клюет хищная скопа, четвертую накрыл мальчишка сачком. Но все равно не остановишь ее ни перед чем: ей непременно нужно попасть в верховье реки, к местам размножения, и это понятно: у рыбы корысть — размножение.

Какая же корысть служить весь день между четырьмя фабричными трубами и на эти деньги нанять чужую женщину к родной дочери?

Звонок.

— Рано. Это не мама. Кто же это? Мама!

Она взволнованная, в красных пятнах, и с нею он, вызвали по телефону: случилось что-то чрезвычайное.

— Ах, как хорошо, что вы здесь,— радуется мне Клавдия Викторовна,— ну, вот обсудимте вместе все, все обсудим. Садитесь здесь. Сергуня, ты сюда; ну, вот как это вышло. Он — ему нет другого названия — он, этот жирный субъект, сидит за своим столом на возвышении и пьет будто бы квас, все знают, какой это квас: наливается, наливается, краснеет, пыхтит. И вдруг ни с того, ни с сего к Ивану Михайловичу, посмотрел на его *<1 нрзб.>* и растопался, и растопался, кричит на него, да как кричит! схватил его за волосы; одумался, уходит. «Господи! — говорю я,— нам необходимо выразить протест от всего отдела, нужно сказать ему так: «Весь счет-

ный отдел выражает вам лично негодование...» Перебивает меня: «Кто же выразит протест, кто же осмелится, вы?» — «Я!» — «Не осмелитесь!» — «Я не осмелюсь?» Ну вот цветочки! Выхожу и звонюсь к Сереже. Ну, давайте же теперь обсудим вместе, в какой форме ему выразить, помогайте мне, я готова!

— Я ничего не имею против,— говорит Сергей Петрович,— тем более, что жалованье твое, в сущности, не играет роли в нашем бюджете.

— А если бы играло, не все ли равно?

— Тогда бы нужно подумать...

— Как! — вспыхивает Клавдюша,— есть такие положения, когда люди не смеют думать, не имеют права думать.

— Думают вообще без права...

— Как? Это ты говоришь!

Нервы Клавдии ослабели. Слезы... Домашняя сцена.

И вот, когда все мы снова помирились, объяснились, я спрашиваю решительно: почему она служит, если это в денежном бюджете ничего не составляет и Наталочка одна остается с чужой женщиной.

Бывают между супругами тайны, о которых они никогда ничего не скажут друг другу отчего-то и таят в себе, пока не явится третий, добровольный судья.

— Ну, скажите же, разве это большая тайна? Вам лучше быть дома с Наталочкой?

— Лучше.

— Ни полов, ни кухни вы не боитесь, я знаю.

— Нет, я не боюсь.

— В чем же дело?

Молчание, и глаза у всех в разные стороны, еще мгновение, и срывается с уст:

— Тут женское. Я хочу ему нравиться.

Упали первые капельки дождя, и все полилось.

— Я хочу ему нравиться, как это ни странно. Я буду мыть иолы, с засученными рукавами буду встречать в запахе кухни, масла...

— И почему же тут драма?

— Никакой, никакой драмы — уверяю вас,— спохватывается Сергей Петрович,— она из всего представила себе драму.

— Факты!

— Никаких фактов!

— Ну, пусть мое воображение, пусть: я все равно пережила драму, единственное серьезное во всей жизни переживание, дожидалась со страхом чего-то и дождалась, дождалась. Я поняла, что я ему не пара. Главное, у меня своего нет, я ищу своего: [просто] я ничего больше не могу дать ему, а это ему мало, я это поняла при случае: уверяю вас, тут была драма.

— Никакой драмы.

— Факты!

— Никаких фактов: это она все воображает себе, решительно все в воображении.

— Я ему не могу угодить: я вся для него кончилась. Раньше у меня были средства, я вносила их, теперь у меня нет ничего, все отдала, и ничего для себя. А нужно как-то для себя, и тут я ничего понять не могу. И они все такие, мои сослуживицы.

Поплакала, успокоилась: у ней теперь это протест и средство понравиться: она хочет понравиться, она протестует, это уж мое, свое, никто из отдела не решается, она героиня!

— Ну, давайте же обсудим, как можно выразить протест, я предлагаю так сказать, кратко: «Милостивый государь, весь отдел выражает свой протест относительно вашего неблагородного поступка с Ивановым». Достаточно?

— Совершенно достаточно и так, по-моему, Клавдия, не мешает вам спросить по телефону Иванова, как он?

Решаем позвонить к Иванову, конечно же, его надо спросить, ведь на него же может за это обрушиться.

Мы звоним Иванову. Он взволновался, он в ужасе, он хочет сам явиться просить Клавдию Викторовну отменить этот протест.

— Я виноват сам!

— Но ведь вас же за волосы таскали.

— Пусть, я заслужил, так меня и нужно.

Петербургская весна.

Солнце: жар-птица, и прямо после этого описание света северного и цветов из Ниццы в магазинах — первая весна. Перелет птиц. Переселение хорьков из города. Город и зависть: невозможно овладеть полнотой бытия: зависть на автомобили, и хотя вперед известно, что нет ничего у них на автомобилях, скука во дворце, набережной, скука, а все-таки есть что-то прекрасное и действительно необходимое... (аквариум). Город и его окружение: болота — Охта — роща хулиганская, капустники. Люди: горбунья и жених, Верочкина мать, героиня, заяц.

Самое большое зло нашего времени, нашей культуры, что дураку и нахалу теперь везде ход, и он чувствует себя все равно как и гений, и нет средств никаких усмирить его. Раньше он был овечкой и Богу молился просто. Умный же никогда не просто... не молился.

Настоящий господин — это такой человек, что увидишь его и кажется, что и сам настоящий господин. А когда в присутствии важного господина становится за себя стыдно и неловко, значит, он не настоящий господин, а только внешнее подобие.

Бывает, когда манит к себе «истинный труд», это значит, что человек хочет заглушить в себе пробуждающуюся личность. А то, бывает, хочется взять себе ребенка чужого и вложить свою жизнь на его воспитание. Хочется какого-то подвига, но всегда так, чтобы «отдать себя» на что-то: что-то будет жить, а я тому служить буду, я исчезну. Вообще отдаться, а не взять.

Эти моменты и есть женственные стороны моей души, настолько женственные, что когда я читаю записки женщин, то ничего нового для себя не нахожу: я совершенно отдельно от своего мужского чувствую в себе женщину.

В женском движении, как и во всяком, есть движение личное и общественное...

Замечательное постановление съезда криминалистов о ненаказуемости аборта. Присоединиться к нему можно, только если совершенно не признавать существующих начал государственности и вообще иметь перед собой идеальный строй общества, в котором личность абсолютно свободна и к ней существует абсолютное доверие. С этой точки зрения можно радоваться развитию проституции: ведь Невский, наполненный проститутками, сутенерами, есть только зеркало тайных пороков в этих роскошных домах, так много всяких тайных пороков и трещин в буржуазной семье, что они выползли на свет, на улицу: это значит только, что настоящую семью они покинули, они получили возможность существовать вне семьи и не нужно будет прикрываться семьей и браком для порока: с этой точки зрения — чем хуже, тем лучше — можно присоединиться и к ненаказуемости аборта.

Смыкалась улица, навстречу одна к одной подходят две стены, голые, без окон и между стенами дачка, деревянная, в три окошка, с мезонином — чиновник-мечтатель [купил] себе, устроил идиллию, всю жизнь копил — в даче [всё].

Я — подкидыш, я — Лермонтов (развить тему: скажи ты, веточка, и пр.)

Социалистов можно переплавить в государственников, а не в религиозных людей.

Революция — это месть за мечту.

Правая рука моя одна, я чувствую ее по тяжести мускулов и костей и еще чего-то такого, про что не знаю и как сказать: но правой рукой в детстве я крестился, на правую руку ангелы были, туда плевать нельзя, нельзя на правую сторону мочиться <*3 нрзб.*>, на правой стороне ангел пла-

чет, на левой стороне шут пляшет: плюнь на правую сторону — и заплачет ангел, и засмеется шут. Да и мало ли [чего] еще я знаю, какая у меня правая рука и какая левая. А Левушке в немецкой школе на правую руку бантик красный привязали, и, когда я спрашивал, какая у него правая рука, он отвечает: с бантиком.

Почему я знаю вчера и завтра: вчера было, а завтра может быть Страшный Суд и загорится небо.

Чистая красота (бесполая, как Венера Милосская) достигается художником.

Весеннее утреннее шампанское света будит меня прямо после восхода солнца, и опьяненный, с безумной радостью и выходящий из горя, я спешу все взять, все схватить, и этот спех губит меня: больной, утомленный, хожу по грязным лужам и не в силах, разбитый... Вечера голубые: снег голубой, небо голубое, глянешь на окно, обласканное голубым, долго не заходящим светом, и потом лампу зажгли, и домашний свет и там оберегает, хранит от тумана и сырости еще не обогретых вечеров.

Весь женский вопрос уже давно изображен великими художниками, создавая образ Венеры Милосской, мастер перепробовал все дозы мужского и женского, пока не удалось найти ему чудесное гармоническое сочетание: женщина вся осталась, но она действует, а не только отдается, просветляет, а не затемняет дневное сознание.

Наш женский вопрос хорош и приемлем, как творчество подобного образа, как устремление в будущее. А в настоящем поле видим только неудачное смешение краски, полузаконченные образы: на лице Венеры то вдруг проглядывается купчиха и даже купец, а какие движения!

Скверная сторона женского вопроса та, что новая женщина, принимая в себя слишком большую дозу мужского, отравляется и при свете этого сознания обнажает все тайно-женственное. Голая, животная и сладострастная (по воскресеньям)... Боится боли и тем оправдывается, ссы-

лаясь на высшую любовь, боится боли, жертвы... хочется и колется... и крик, вдруг крик... кричит от воображаемой боли.

Женский день (рассказ). Интеллигент Петербургской стороны. Интеллигент — [типичный], бытовой, как купец (найти его черты, черты Сергея Петровича): рядовой человек он и тип (тип есть общественная кристаллизация бывшей некогда индивидуальности). Жена его одевается в перья передовой женщины (чтобы нравиться ему), поступает на фабрику и там разыгрывает героиню. Семга и водопад. «Не семга, а сельдь,— сказал Сергей Петрович,— воткни кол, и пойдет кол сам...»— «Я — свободная гражданка!» Развитие сюжета: Наталочка одна! Мама служит. Я вспоминаю прошлое и описываю типичного интеллигента и задаю вопрос: почему же мама служит? И вот начинается действие: входит героиня и прочие.

Существо из Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, так и жили они до трагического момента: она поняла, что не передовая и не может идти вперед.

Про «женский вопрос» ничего нельзя говорить, не узнав, чего ищет каждая отдельная женщина.

С Розановым сближает меня страх перед кошмаром идейной пустоты (мозговое крушение) и благодарность природе, спасающей от нее.

Волна, уносящая передовых людей к творчеству, всегда забывает на отливе множество людей, мечтающих о творчестве, с лицом, обращенным к морю будущего: из этих людей выходят преподаватели гимназий и всех других учебных заведений. И всегда тут бывает как будто какая-нибудь внешняя причина: что-то помешало, что-то придержало, и смотришь, остался на отливе, и Бог знает, где бежит впереди волна, разгоняя белые гребни.

Л. сошелся с Ж. в слабости: она овладела им в эту слабую минуту. Это закон: ахиллесова пята, в которую бьет жен-

щина, и сила ее в знании этой пяты, этим она завладевает. Иногда мужчина очень мужественный, очень почтенный во всех отношениях, всех удивляет своей необыкновенно странной связью. А ничего нет удивительного, если знать эту пяту. Обыкновенно тут, через эту пяту, входит здоровье, способность дальше жить...

Тут, в этой слабости мужчины, и заключается власть женщины.

Есть такое положение идейного истощения, когда вдруг окажется, что вокруг и не идеи, а деревянная подстройка для дома и что всю жизнь трудился не для дома, а для подстроек. Вот тогда охватывает чувство страха за все, кажется, я весь не такой, как все, и в прошлом где-то я осужден, шевелится прошлое, как болото черное, вздымается пучина, трясется, и вот сейчас полетит вниз в пучину деревянная подстройка. И падают подстройки ненужные, и падает с ними гордый строитель. Зато открываются двери дома и начинается «жизнь».

Бывает, остается подпертая «жизнью» мечта о прежнем строительстве: женатый поэт.

Бывает (чаще) полное погружение в «жизнь» (Пушкина забыли, что Пушкин! Гриша). И бывает, когда человек проклинает все гордое, идейное и эту «жизнь» благословляет как святую. Вероятно, это состояние высшей гордости и это приводит к Антихристу, как у Розанова. Библия для него просто маска.

Поэзия Библии, поэзия семьи, а не самая Библия, не самая семья. Так оно и есть: семья Розанова — надрыв, семья — коллекция грехов.

Но есть действительно какой-то еще больший грех в интеллигентском [рассуждении] т. е. умственном, грех самоубийства, и вот если взять самоубийцу и Розанова... (это два полюса одинаково ужасные для среднего человека), то и начинается великий спор. Вот откуда и надо анализировать Розанова: ничего среднего — или убью себя, или принимаю все.

Розанова ненавидят интеллигенты, как люди здоровые, массовые.

Значит, чтобы понять это состояние «антихристово», нужно понять самоубийцу: как одно переходит в другое.

В обществе крушение революции — вехи. Психологически: Розанов с книгой «О понимании» и «Уединенное». Фауст и Маргарита.

«Маргарита Розанова». Каждый раз, когда я вижу в ресторане этого нервного господина с лицом сокрушенного гения, с ушами без мочек и с ним эту женщину-гору, красную немку, и слышу его тайный насмешливо над собой голос: «живу с немкой», мне вспоминается Розанов и его Маргарита — библейская женщина с огромными чреслами. Розанов, сокрушивший себя над книгой «О понимании» — Фауст, библейская женщина — его Маргарита... А вот Розанов без мечты, голый Розанов, голая Маргарита.

Розанов — слабость, превзойденная хитростью: всех обманул — себя, жену, детей.

Весь ужас жизни... Ужас жизни таится возле нас, в самой, самой близи... Как близко подкрадывается беда и живет возле незаметно изо дня в день, вместе ест, пьет, и ее не видят, и когда вдруг открывается — кто живет возле, это ужас... Так он и живет всегда вместе с нами — невидимый ужас. Так что надо быть вечно настороже... и это не помогает. И потом человек привыкает. Главное — привычка и шаблон, схема. Никакого нет в жизни правила, оно приходит потом, когда человек отжил и вывел... Правило всегда мертво. Оно всегда мертвит. Оно успокаивает. Оно плоды усталости. И всегда чужое. Свое еще полбеды. Власть чужих людям правил.

Капитан, потерявший руку до плеча, чувствует иногда боль в мизинце. Так вот и Мать: я далеко от нее, у меня семья, которую она не признает; но у нее всегда сохраняется боль мизинца: у него сын может быть, для того воображаемого идеального внука она живет и копит и копит. Если бы случилась со мной катастрофа, она себя бы не упрекнула, она чиста, она жила не для себя, а для воображаемого внука.

Для нас теперь кажется, будто мы лучше, но это кажется только: у нее свои воображаемые внуки.

Клавдия служила на фабрике для уподобления той женщине, которая должна нравиться ее мужу.

«Она» не была какая-нибудь определенная женщина, нет, она не являлась, и [никакой] С. П. предпочтительно не оказывал какого-нибудь особенного внимания, определенной женщине: он вел себя ровно со всеми, но со всеми он вел себя не так, как с ней, и она стала ревновать его к этой женщине с собирательным именем: какой-то женщине будущего, что она вот явится, и она, правда, явилась... Та женщина пришла к нам, в наш мир и овладела нами: ее нет, но она живет и руководит нами. Она героиня. Клавдия тоже героиня. Но та сама по себе героиня, а Клавдия только для него, чтобы ему понравиться (ищет в себе интересное: корректура, этика и пр.), мужу своему. Это была драма без фактов.— Были факты! — Не было фактов! Да, их не было. Это воображаемый [факт]. В бедности, в унижении, в кухне, в детской явилась она, воображаемая героиня: Клавдия видела, как муж ею вдохновился, когда говорил с н е й, с той: ревновала к каждой передовой женщине, чувствуя, что она не такая, как они, с ними он возбуждается, с ней нет. Смотрела на яства, изготовленные для передовых, и рта не смела открыть. А они все ели и говорили о высоком, и среди них была та женщина будущего.

Евгения Петровна принимает все средства для предупреждения от материнства, боится материнства, как ужаса, и все ходит в консерваторию учиться пению. И вот ей уже под тридцать, она тупеет ко всему, все забывает и только думает о своих песнях, и вот уже начинает ясно проглядывать: никогда ей не быть оперной певицей. Она удесятеряет энергию и вся в горле...

Лидия Карл. в постоянном страдании, что у нее нет детей.

Для меня Фрося может оставить своих детей: только бы жизнь ее возле меня... Другая из-за ребенка мужа забывает.

Ж. занимается искусством, Карась нянчит ребенка. Саша ей говорила: непременно она должна отстать от ребенка, это и для него будет плохо, если она в самку превратится. Боязнь самки.

Ал. Вас. настоящая героиня: седая, учится медицине, и все для него, Ник. Алекс., и всегда про него смущенно спрашивает. Она воплощенная женщина будущего: влюбилась в марксиста и хотела сделаться музыкантшей, чтобы давать концерты в пользу рабочих. Музыке изменила, стала врачом, он далеко, он ее не любит, но она его любит и лечит детей рабочих.

Дуничка и экзаменатор. Стахович приехал экзаменовать детей и похвалил ее школу, и она учит и все ожидает: он еще приедет и увидит.

Так переходит любовь материнская в любовь к другим, потому что в этой любви все и заключается, что животная любовь становится человеческой. Такой делает ее страдание. И вот отчего всё светлеют и светлеют весной темные ночи, и всю ночь свет и боль рождения человеческого, и так из боли и скорби создается новое небо, и темное небо юга остается далеко в глубине, там спят во тьме, и радостное солнце восходит, и там радостно и просто сходятся и расходятся: земля зеленая. Но это неправда: там давно сгорели все растения, все цветы, желтая умершая земля лежит. (Голубая птица на северной земле родила белую птицу.)

Почему же мы, встречаясь и вспоминая знакомых, улыбаемся: она все его любит... все о нем спрашивает, — [говорит] Александра Вас., музыкантша и докторша, — о своем марксисте? Не оттого ли, что живет она чистой любовью севера и смотрит на юг на зеленую землю, а земля там давно уже сожжена, и давно уж пора о новой земле... (странно... не то...).

Минуты откровенности могут отравить дружбу: не все друг может вынести; минуты откровенности — это векселя, даваемые... деньги в долг.

А может ли человек (герой) жениться, любя ту (она — он), и стать в букете болотных цветов, не портя букета? И строить потом семью? — вот это и есть тема.

Как возникает из личного общее (Дуничка, Сахновская, Анна). Их грех в чем? Почему они все не Жанны д'Арк, почему не герои и героини, живут сами по себе? Они [идеи] их никуда не выводят, не знают. Дуничка выводит детей (равноапостольная). Все это, я анализирую, есть движение вокруг счастья, это обыкновенная женщина в новых условиях. А настоящая героиня Жанна д'Арк — дева со всей силой чистоты девственной, это прославление девства, тут Король есть принцип, а не тайный жених, наоборот, у Александры Васильевны он есть жених, а принцип пристегнут.

Природа... лес — как это все странно сливается для человека и дает ему зеленое волнение. А ведь и там всякая мелочь на свой лад и вовсе не видит и не знает зеленого целого: мужики на все смотрят, как на живое: камень — какой камень, вода — какая, дерево — какое? И вот когда этот мужик-дикарь станет человеком-поэтом и выглянет в общее как в форточку, тут форточка должна быть, и через форточку выглянул в зеленый мир: это из тюрьмы так: я и они — лес.

М. А. Хрущева (сестра Анатолия). Русская Жанна д'Арк. Стремительная [походка]. Брови под углом вверх и соединяются на переносице. Курсистка. Устремилась в толстовство. Бросила. Еще что-то... Искусство: [продает] цветы. Трагедия матери. Светская дама и такая дочь. Послали к Амвросию. И она не вернулась. Ужас ее [матери] и унижение. Сама становится монахиней.

Нужно познакомиться с жизнью первых революционеров (Перовской, Фигнер и др.): их сердечные связи. И вопрос: в полной ли девственной чистоте рождались их поступки или тоже скрыто где-нибудь «женское».

Девятого января, когда пули свистели возле Адмиралтейства, кому в голову могло прийти, что вокруг этого места стоят красивейшие в мире здания! А теперь мы ходим по городу и открываем, что Петербург один из красивейших в мире городов. Это открытие, что Петербург красивый город, принадлежит только к самому последнему времени. Не потому ли открыли это только теперь, что все успокоились и революционная волна не закрывает искусство.

Красивые дворцы — в них скучно. Красивые здания хороши в книгах, где их окружают белая глянцевитая бумага и красиво подобранные переплеты, набранная в правильные столбики история. В действительности их увидеть невозможно: обстановка, время — ночью или днем — вот если в четыре часа смотреть Казанский собор...

В. и Ф. Не будь Ф., я бы погиб (Маруха): одиночество духа невоплощенного. Не будь В., я бы стал обывателем, т.е. материалом. Спасение (им я существую) произошло от сочетания. Для этого нужно было верить, чувствовать святость природы (младенца на воспитание); брак Карпова — чан: смирение: каюсь, вот я весь, начинаю вновь, все люди равны. И в то же время страдание от этого: о н а. Душевно соединился, духовно один и вот — писание. Значит, В.— одиночество, Ф.— общение, а в жизни наоборот: Ф.— одиночество (бытовое, отшельник), В.— общество (литература).

Мое первое литературное произведение. Перед этим письмо с чертиками. Я болел. Она пишет мне, что я сумасшедший. А.А. Клумова посмотрела и сказала: «Вы больны». Это крик последний: какие-то обломки и никаких прав на то, что у всех есть. Тогда вот из-под обломков является чувство смирения, всенародного, всемирного покаяния, и я согласен быть маленьким, делать какие-то маленькие дела, служить всем, быть, как все. Доктору я напишу о всех своих грехах, о всем своем тайном, чтобы все тайное стало явно. И вот я пишу, какой я, описываю всего себя подробно и отдаю себя: все, что он велит, я сделаю.

Он стал читать, останавливаясь на разных словах: там написано: «Я не дворянин».— «Вы не дворянин?» — «Нет! Не дворянин». Отметил, и дальше: «Работаете, что же, в таком состоянии вы можете работать?» — «Я занимался осушением болот».— «Осушением». Отметил, и дальше. И вот все кончено. Прочел, сложил четвертушкой и наколол на иглу, а на игле было еще несколько произведений. И я не имел силы возмущаться, кричать: ведь я же больной, я отдал себя, я подчинился, я — не я, материал для доктора. И это только самое, самое начало всего моего нового пути унижений. Я предложил доктору денег, он отказался. А мое первое литературное произведение осталось на игле и согнутое в четвертушку топорщилось, расходилось на игле, словно было живое насекомое, проткнутое иглой собирателя.

— Бросьтесь в чан, и мы воскресим вас,— говорил Легкобытов.

Броситься, веруя в воскресение. Сопоставить с искушением сатаны. С побегом Толстого. Кому-то нужно отдать себя, свою маленькую волю и найти ее в мировой воле. Психология этого состояния: все мои мучения, вся моя злость и проч. теперь кажутся мелочью: поднимается волна большой любви, похожей на счастье (как в путешествии), и будто ничего не было. Что же это за волна такая? Без всякого сомнения, она есть выход из одиночества.

Что это — революция? Разбой?

Та же самая волна ведет и в тюрьму, и к н е й, и в литературу, и в степь: расширение души после греха.

Весь социализм (настоящий) выражен словами Спасителя: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Когда каждая личность (тайна) достигнет своего высшего совершенства, то она перестанет уже быть для себя (тайной) и станет для всех, раскроется (явной станет). Это совершается, и ныне и всегда будет так, и всегда было так. Социализм был и будет. Что же касается обыкновенного социализма наших дней, то это есть лишь простая регистрация факта. Заинтересовались фактом и стали регистрировать.

И вообще так называемая общественная жизнь есть не что иное, как приходно-расходная книга, которую ведут с величайшей точностью «общественники», произнося «свобода» и не понимая, в чем тут дело.

Свидетельство внутренней моей совести, что «Охтенская богородица» не виновата (Дарья Васильевна Смирнова) ... Почему травит мелкая пресса? Кличка невыгодная: хлыстовство, и вместе с тем ходят слухи в обществе о хлыстах как о безнравственных людях, все это создает... А между тем имеет значение не больше, как однажды на лекции Андрей Белый называл богородицей Зинаиду Гиппиус. Никакого хлыстовства, благодаря Бонч-Бруевичу доказано, какое оно, например, в «Новом Израиле». Я познакомился с Дарьей Васильевной <*1 нрзб.*>. Так что все, что я знаю, говорит против, иду на суд глубоко уверенный, что [прав], и мы увидим лицо выдающейся русской женщины.

А. М. время от времени обливается мечтою, как пóтом бессилия, и тогда он весь светится изнутри: ему представляется родной город Елец, как Брюгге: старички Мих. Ефт. с Мар. Иван, на завалинке, обрыв, дерево. И не замечает, что [пусто] уже [давно], вокруг его опустошенных мест чудесная декорация: новгородские гении, Игорь Грабарь, старообрядчество, этнография. И нет в городе ни одной старинной настоящей церкви, нет дома красивого, а что-то родное, любимое: так он обливается потом мечты и все вокруг новое презирает и ненавидит. Седеет, молодой, в бессильной мечте. Стяга нет. Грабарь. Старина и вообще Брюгге.

Осматривали Тарховку: хочу дом купить, зачем? Время приходит собираться в точку. Много, много сделать всего. Сделать! делать значит верить: верю в другое и перехожу в другое. Так самый простой работник верует бессознательно.

Блок и Гиппиус. У Блока два лица: одно каменно-красивое, из которого неожиданно искренняя речь... а то вдруг он засмеется, как самый рядовой кавалер из Луна-парка. Так и

у Гиппиус: из богородицы вдруг становится проституткой с папироской в зубах.

А еще спрашивают, почему хлысты пьянствуют. Это все люди двойные: высоко парят и падают... в кабак. Что есть кабак? (тема Розанова). У Мережковского в доме вообще это сочетание религии с кабаком (курят без перерыву), что некогда так поразило Проханова. А их рассуждения и общественная деятельность — какой-то умственный выход из этой хлыстовщины.

Девушка Мариэтта Шагинян, влюбленная в Гиппиус: шум юбки.

Тем она и страшна, эта хлыстовщина, что человек для жизни опустошается. Дает высшую радость самовольной мечте... После все плоско. А в то время, когда я начал ходить к Мережковскому, он уже боролся с декадентством-хлыстовщиной: Книжник вертится, а он вовсе и не вертелся. Ремизов очень бы хотел повертеться. Вообще все бы с удовольствием повертелись, а потому заискивали у хлыстов. («Повертеться желали» — а хлысты вовсе и не вертелись.) Для тех это все «шалуны». Мережковский стал проповедовать воплотившегося Христа.

Мережковский и хлысты спасали культуру через Эрос. Личность — начало.

Быть может, никогда литература так близко не стояла к народу, как в эпоху декадентства: характеризовать тип богов и этики: чем отличаются? У одних эстетика, у других религия: это и есть отличие.

Картина (общая) России: кабак, церковь, кладбище... и проч. — заняться этой общей картиной.

Цель: техническое преодоление трудностей писания: от восприятия к выражению: Розанов.

У сестер Володиных у всех есть закваска их старой тетушки, за которой ухаживал, говорят, еще мой батюшка, но ничего не добился: она предпочитала ему цитру с ме-

таллическими струнами. И не то, чтобы она была бы какой-нибудь выдающейся артисткой, нет, страсть ее была совершенствоваться в чем-нибудь, чего-нибудь достигать: в период знакомства с моим отцом она достигала совершенства на цитре, потом была живопись, потом английский язык, потом целый [длинный список] всевозможных достижений и, наконец, уже в глубокой старости опять цитра, цитра сама но себе, без всяких воспоминаний в связи с ухаживанием моего отца. В громадном доме Володиных, в какой-то неизвестной мне комнате,— комнат было так много, что, может быть, и не мне одному была неизвестной эта комната,— сидела, запираясь на ключ, эта старая тетушка и все достигала и достигала на цитре совершенства. Очень редко она из своего затворничества и показывалась к нам, всегда насыщенная каким-нибудь достижением, всегда собой довольная и для нас ужасно, по-сумасшедшему несчастная.

Частица ее духа передалась всем Володиным, и все сестры вечно чего-нибудь достигают. Старшая сестра, Софья Николаевна, теперь уже пожилая, из-за этой склонности осталась девушкой: теперь она изучает жуков и рассылает коллекции по народным школам. Средняя сестра, Мария Николаевна, чуть-чуть не вышла замуж, но чуть ли не в самый момент бракосочетания отступила: не нашла мужа достаточно идейным. Теперь она оканчивает уже третьи курсы. Младшая сестра, Евгения Николаевна, училась пению, и вот, когда она окончила консерваторию и достигла всего, что могла в этой области, в этот момент колебания и выбора способа новых достижений, встретила она достойного молодого человека и вышла замуж. У нее родился даже маленький Вася, которого она сама кормила и странно, не по-володински привязалась к нему, и была уже накануне полного поглощающего всю ее материнства. Но тут как раз на помощь погибающей явились сестры и стали убеждать ее не губить своих личных способностей к живописи. Они доказывали ей изо дня в день, что и для будущего Васи будет хуже, если мать погубит из-за него свое высшее призвание. Сначала, уступая сестрам, Евгения Николаевна отлучалась только на короткое время в мастер-

скую, испытывая невероятные мучения и постоянные тревоги за Васю, и, может быть, никогда бы не решилась всецело отдаться искусству, если бы не муж, принявший на себя все заботы материнства: он доходил до того, что сам стирал детские пеленки и часами расхаживал из комнаты в комнату, то забавляя, то убаюкивая ребенка. Мало-помалу увидела мать, что дитя в надежных руках, и все больше и больше отдавалась совершенствованию в живописи. Он качает — она учится. Теперь она уж совершенно победила инстинкт материнства, достигла высокого совершенства в живописи, переходит к скульптуре, мечтает об архитектуре, вечно оживлена, радостно наполненная достижениями. Мы говорим с ней всегда шуточками, быстро перекидываясь с предмета на предмет <*4 нрзб.*>, но, как и бывало со всеми другими сестрами Володиными, я всегда чувствовал в их существе где-то далеко запрятанную жуткую, замкнутую на ключ комнату, и оттуда, из этой жуткой комнаты, чуть-чуть жутко доносятся звуки цитры их странной тетушки.

Искание начала всех начал: огонь, вода у древних, или личность; у наших марксистов экономическая необходимость, и вдруг переворот: все под влиянием любви, начало всех начал есть я — личность.

«Я — маленький» есть скрупулезная работа разрушения оболочки своего «я», вплоть до настоящего «я», которое есть Я общее, мировое, народное; начинается слияние: разрушены перегородки общественности, логика маленьких целей, начинается странничество — мой собственный путь, земля родная встречает, дает силу и начинает «я» рядиться в новые одежды (литературные) — перерождаться?

Чем отличается мой путь от декадентов: у них нет этого слияния? Подполье?.. Не знаю... (Момент из переписки: я, уничтоженный, доказываю, что я существую и личность неуничтожима, неистребима...) Декаденты, вероятно, литераторы, а я не литератор... У них «я» — бумажный бог.

У Мережковского это «бумажное» существо превращено в «культурное» существо, и вся культура сама превращена

в книгу. И в ней, в этой книге, герой Христос. Выходит так, что вот если бы я не мог добиться любви своей страстью и стал бы писать книгу и когда состарился бы, то преподнес бы возлюбленной свою пламенную книгу любви. Так и Мережковский подносит нам своего бумажного Христа.

Приходят к нему хлысты, люди, которые потеряли веру в историческую личность Христа и начали с утверждения личности Христа в себе. Мережковский говорит им об едином Христе. И вся разница между ними — культура: они то же, но без культуры. Бумажный Христос спасает Мережковскому культуру. Спасает его как литератора. (Шалуны).

Не есть «какой-то», а есть «такой», обыкновенный и ничтожный, лежит на диване, курит, читает пустяки, скучает. Есть «ничего» и полное презрение к нему. И вот, когда перевернется на другой бок, иногда шевельнется, что где-то (на Урале, в Италии?) как хорошо! И взял тогда уцепился за «что-то» и поехал туда «бумажно» или по-настоящему. И такая радость, полнота и вера и полное забвение дивану. Тут голубое и в голубом герои и смысл и земля преображенная. И никакой преемственности нет с диваном. А между тем к нему вернешься и нет никакого основания в нем для голубого.

Я вполне понимаю, что нужно принять себя таким, как есть, что в этом надо учиться у негодяев: негодяй силен тем, что он себя признает как реальность, необходимость и сообразно с этим действует и потому он совершенно неистребим (на этом признании неистребимости негодяя основана смертная казнь, как последнее усилие). А вот хороший человек почему-то сомневается в своей хорошести, сомневается, почти что боится того реалиста-негодяя.

Так как же диван? Если признать это существо трупом, то откуда же голубой и что значит этот неуправляемый аэростат? Это голубое небо, которого нет и которое все-таки есть.

Между этими двумя существами есть ли какое-нибудь отношение?

Тоска — это последняя связь. Из тоски все можно понять. Но бывает, что и тоски нет и страха нет, а полное ничто: борода, щеки, механика... я могу представить очень совершенный механический аппарат человека с абонементом в театрах и сложной государственной деятельностью, «по головам ходит» человек и все-таки он механизм (действующий Обломов).

Какая же связь между механическим человеком и голубым? Не вижу связи и удивляюсь. А если нет связи, нужно и вообще, чтобы голубого утвердить так же прочно, как механического, нужно разрушить великую, даже мнимую связь (как у хлыстов): есть закон того и есть закон другого — реалиста голубого и реалиста диванного. (Двойная бухгалтерия.)

Есть люди, которые не хотят упустить последнего, держатся за последнее, как за соломинку, и говорят, что все-таки все хорошо: у них страх исчезновения голубого, у них вера, будто без голубого жить нельзя, и если голубое исчезнет, то они умрут (Дуничка), и потому они твердят неустанно, как молитву Иисусову: к свету! к свету! к свету! Некоторые доходят до великого упрямства и до гроба твердят: к свету! к свету! к свету! Между тем это одно упрямство их, а втайне, по существу, они бессильны остановить ночь.

Необходимо, чтобы утвердиться в сути голубого, нужно как-то вступить сознательно в сферу «диванного», разговаривать с ним, беседовать, советоваться, дать ему полное право на существование и отменить смертную казнь для него не лицемерно (благодушие голубого), а по чистой совести и не то что, а просто поставить даже для него самовар и беседовать...: что тут, разве поможешь этим, что к свету! к свету! когда ночь наступит, то сколько ни зажигай электричество, не добиться голубого неба, рыжее будет, а голубое никак. Если твердить всю ночь «к свету», то, конечно, придет свет, но сам по себе, не будет казаться собственной заслугой, и это было бы очень хорошо, если бы опять не при-

шла ночь и с нею бессилие и опять тупое: к свету! к свету! Нет, господа, с первыми сумерками разведите-ка самовар, накрывайте скатерти и твердите во все уголки: — Жалуйте, жалуйте! Явятся рогатые и пузатые, не брезгуйте. Это кажется только вначале, в сумерках неприятно, а потом привыкнете... припахнется. Вступите с ними в остроумную беседу и до рассвета пейте, ешьте и веселитесь. А потом, когда начнется голубой день, такая радость охватит всех, какая не известна ни одному защитнику света.

Ни пост, ни молитва, ни покаяние, ни всякие опыты — это все способы, а основа всего — первое тайное движение сердца: крик первого петуха в ночи.

Город ночью: электрические фонари кричат упрямо: к свету, к свету, к свету! и небо становится рыжим, и вот бывает на этом рыжем проглянет одна маленькая звездочка и с ними тайное первое движение сердца, и, Бог знает откуда, крикнет птица, подтвердит: так оно и есть, в глупости, но в крепости, и опять наступит эта тишина, но я слышу, слышу: уже где-то в глубине этажей тикают часы человеческой жизни, и вот загремело первое тяжелое колесо, засвистели фабрики...

1-го Апреля — вторник. В субботу переехали в Песочки.

Переездочка!

Е. П. собирается вперед, зная, что не собраться ей, вздыхает, ворчит, мечется. Я тороплю, чтобы хоть не опоздать, тороплю до последней степени раздражения, и, наконец, мы выезжаем, не уложив множества вещей, не сделав множества дел.

У меня характер мамин: стремительная торопливость, главная его черта, спех — взять атакой <*1 нрзб.*>. И вот нужно же нам, таким людям спеха, привесить такие тяжелые гири: ей — Лидию, мне — Ефросинью Павловну. Из мамы вышел бы [я]. Из Лиди — Ефросинья Павловна. Спех, действие — все это мужское. А эта медленность сборов, отсутствие плана, цели, безвременное теряние главного из-за

веревки, из-за шпильки — женское. Правда этого женского состоит в том, что оно служит поправкой спеху: не нужно торопиться (годится для изображения мамы и Лиди, их мучительной любви)...

Какая гадость происходит в дороге. Лева смотрит в окно, я щекочу ему за ухом. Он злится. Я еще... Он обертывается и раз меня кулаком по лицу. На Ефросинью Павловну это не производит впечатления, да и я сам через несколько минут забываю — до того мы привыкли к чему-то. Публика в негодовании. Какая-то мещанка наставляет Леву. Батюшка выражает желание поговорить с Левой. Все унизительно до бесконечности: так, вероятно, и на суде... это и есть суд... А Ефросинья Павловна на меня и громко при всех начинает: ты сам виноват, так тебе и нужно, ты избаловал ребенка. Ей этого нельзя говорить теперь при Леве, но я не могу ей дать этого понять, я сам раздражен, взбешен. В такие минуты колеблется земля, как будто я в чем-то попался, неминуемое отвратительное, неизбежное родовое — все восстало: как будто все время я притворялся и скрывал тайну, говорил всем: смотрите, как мы хорошо живем, мы хорошие люди, и вдруг все обнаружилось. Я помню, что и у матери это было, да так бывает, должно быть, в каждой семье: над оврагами строятся мосты и плотины, строятся лучшими чувствами, хочется хорошего, вот и строят мосты. Но что наши мосты над неизбежностью! Приходит час — и все полетит в пропасть.

Я помню эту суетню, беготню, громыхание тарелками, страх, настоящий страх матери, когда неожиданно приезжали гости. Застанут, увидят, что у нас все не так, как у них, откроется тайна (овраг).

Между тем овраг есть везде, но только очень искусно его заделывают. Впрочем, в старину были такие семьи «полевые» (в Братовке, в Лысовке, у Лопатиных): у них все открыто. Нам казалось, что это бывает у «дворян», мы же — купцы. Они имели какое-то право быть открытыми, открытые семьи. Какой-то идеал открытой семьи создался у меня (старина, Аксаков, «Война и мир», большая семья, Хренниковы, ночевка у Ростовцевых, Федор Петрович).

Между тем это неправда: никогда этого ни у кого не было: у того же Федора Петровича оказалась потом трещина: Варвара Александровна скрывала всю жизнь, что не любит мужа. Стаховичи, вероятно, льнут к маме, тоже мечте об открытости. А трещины везде.

Наша размолвка оканчивается дома словами Ефросиньи Павловны:

— А ты думаешь, я дура, не понимаю, что мы не пара, да уж поздно, поздно...

А какой день-то пропал! Какие там за рекой виднелись синие берега неведомой страны, жаворонки пели, все, кто встречался друг с другом, приветствовали: «День-то какой!» — словно христосовались. Да так оно и было: эта радость Христова воскресения, Светлого праздника вышла из светлого дня весеннего, солнцу люди обрадовались и воскликнули: «Христос воскрес!»

Для нас не было светлого дня. Одно неудовольствие за другим: скандал с лошадьми.

Вообще человек, перезимовавший в Петербурге, должен переболеть, чтобы вновь соединиться с Россией внутренней. Впрочем, не только в Петербурге, я с детства знаю эту болезнь покорности, нужно покориться, нужно принять эту грязь и заглянуть внутрь: там основа, а не снаружи, когда покоришься, тогда уже внешнее и не играет такой роли: всё на внутреннем, такова нравственность нашего народничества и теперь религии. Только у религиозных бытовых людей изнутри наружу нет никакого выхода, а у интеллигентных выход в одной точке, в разрушении быта внешнего. Но до чего это все в мелочах заметно, когда вырвешься из столицы.

Что наша жизнь в Петербурге: все делается по кнопке. Нажал пуговку — лифт поднялся. Спустился, сел на трамвай, прочел «Биржевку», опять нажал пуговку и поднялся в чью-то квартиру. Почти никакой затраты энергии на передвижение.

Но вот вы отъехали сотню, две верст от Петербурга. Спрашиваете лошадей из Песочков, нет их, почему-то не приехали. Ямщики, видя безвыходное положение, ломят цену за двенад-

цать верст восемь рублей. И дал бы, да уж очень безобразно. Посылаю на земскую станцию: соглашается везти за пять рублей. Отлично! Приезжают лошади, ямщики ворчат: дешево, и ругаются... «Везите к хозяину!» Ямщики, очевидно, встретились с теми, которых я раньше нанимал, а те посмеялись и наругались, что дешево. «Везите к хозяину!» Приехали в Солоды. А хозяин уже стоит посередине дороги.

— Дешево!

— Да зачем же вы соглашались?

— Соглашались, думали сухо, а оно грязно.

— Где же ваши глаза?

Начинается разговор, старались действовать то угрозами, то лаской, то ссылкой по-человечески на совесть. Ничего не помогает. Какие тут могут быть угрозы протоколами, если вокруг нет полиции, если семья на руках и нет кругом извозчиков, и грязь, и страх остаться ночевать с семьей в трактире с клопами, и знаешь, что все бесполезно, потому что Краснобаев, содержатель станции, только для меня, петербургского человека, представляется разбойником, а так он хороший степенный человек и большой приятель пристава. Тут одно средство: самому быть приятелем, своим в этом посаде, и вот если я барин, имею власть... ох, как хорошо бы власть! Только власть, другого выхода нет: не предложить же мне Краснобаеву что-нибудь приятное, выпить, что ли, с ним. Ведь это же будет унижение моей личности. Власть, власть! как бы согнулся этот Краснобаев, как бы кланялся... но вместе идти, закона нет...

В море грязи, беспомощный, сижу я и мечтаю о власти, а Краснобаев говорит:

— Федька, распрягай!

— Помилуйте,— говорю я Краснобаеву ласково,—куда же мне девать семью: видите, у меня семейство. Вы обещались. Что вам нужно?

— Нужно прибавить! — говорит Краснобаев.

— Сколько же? — со страхом спрашиваю.

— Еще три рубля.

Думает, что буду торговаться, но мне вдруг становится весело, я с удовольствием соглашаюсь. Краснобаев даже не

верит, думает, я его обману, а я ему деньги даю вперед, тут же и расплачиваюсь. Очень доволен, становится ласковым, услужливым, а я ему:

— Благодарю вас, очень благодарю!

— Помилуйте, за что же?

— Да ведь всего три рубля, а представьте себе, что если бы разбойники напали и все бы отняли.

Меткое словцо в большом почете у русского человека. Расстались совершенно приятелями, и в другой раз я к нему как к «знакомому», и тогда «по знакомству» он свезет меня подешевле.

Трогаемся. Из мясной лавки выходит мальчик и бросает на дорогу не то бычий пузырь, не то какие-то пленки из внутренностей животного, бросил, и руки бросившего повисли в воздухе — замер в созерцании нас, так и остался. Впереди везли два колеса, два черные колеса, связанные, просто волокли по грязи зачем-то, куда-то. Ехали мы по грязи две версты в час. Несколько раз я увидел в стороне богомольцев, сухую тропу впереди, шли по ней и далеко оставляли за собой лошадей. Двенадцать верст мы ехали ровно шесть часов...

Двести верст от Петербурга, ни малейшей культуры, как при варягах, ничего не дано и все высосано природное деревенское. Жить в Петербурге много дешевле, чем здесь в деревне. Расчет простой: там телятину мы покупали 16 к. за фунт, здесь покупаем за 30. Масло там 35 к., здесь 40. Яйца там 25, здесь 30. И так все. Из-за чего же тут жить? Спрашиваю в этой деревне, привожу расчет: из-за чего же жить? «Из-за воздуха,— отвечают мне,— очень уж у нас воздух полезен». И все бегут в Петербург. Превращение деревушки в мещанскую слободу.

Я снимал домик у батюшки, и уж так у него было приучено население Сборной улицы, что воду ходили брать из его колодца. Домик, сад и колодец теперь были в моем владении, но публика привыкла к месту и шла за водой ко мне, как к батюшке. Иногда у колодца сходились знакомые

и велись долгие разговоры на злобу дня, когда приходил кто-нибудь в одиночку, то слышен был только звон ведра и скрип колеса и в случае каких-нибудь неудач при доставании воды слова божественные или ругательные. «Господи Иисусе Христе!» — говорили одни. «Черт тебя...» — говорили другие, когда же все обходилось счастливо, то иногда произносилось: «Слава тебе, Господи!» Мало-помалу у меня сложилось от повторения этих слов представление о трех разных существах, управляющих духовным миром этих людей: «О, Господи!» — Бог счастливых людей, Иисус Христос — Бог несчастных людей и смиренных людей и, наконец, «Черт тебя» — существо несчастных и непокорных людей. Все это повторялось так часто возле моего окна, что и я сам при размышлении о том или другом событии стал обращаться к трем этим существам: богу счастливых людей, богу несчастных, смиренных и богу несчастных и гордых, из этих трех существ я строил себе мироздание...

Разлив — преображение планеты. Первый пахарь земли — крот. В лесном молчании водяная крыса переплывает лужу, видна маленькая черная головка и след длинный, как от парохода.

Раскидистость луж и кустов и всё как будто на новой планете... Море бывает у нас каждый год весной, каждый год все так изменяется, будто попал на новую планету. Чистота природы святая, ничем не заменимая чистота запаха талого снега, такая прекрасная, что даже запах чистого белого ландыша показался бы оскорбительным и напомнил бы духи городские. Потом начинает пахнуть кора...

Звучное молчание... Когда самой ранней весной борется с солнцем зима, бывает, перед закатом солнца завяжется эта борьба, смолкнут птицы, холодные синие тучи закроют солнце, что будет, неизвестно — может, зима и мрак. Начинается дождь с ветром, и кажется, все погибло: не будет зари, и зима смешается с ночью. И вдруг из-под тяжелой тучи блеснул огненный серп, показалось солнце — победа! а еще минута — и полнеба очищено и по синему плывет спо-

койное облако, похожее на голову спящего Прометея. Тогда наступает в лесу тишина и звучное молчание полноты и силы. Мне всегда в эту минуту чудится, будто где-то кукует кукушка — очнешься: это кажется! и обрадуешься чему-то и представится ясно, что до кукушки еще целое время, гора зеленых чудес.

Совесть — это вредное в общественном отношении явление: человек находится в разладе с самим собой, но до последней степени борется с обвинением себя, ищет причины вовне, и от его гнева рушатся вокруг десятки ни в чем не повинных людей... пока он дойдет до себя. А как дошел до себя, то будто яичко разбилось, скорлупка треснула, опять скорлупка и еще скорлупка, разбил, а там еще и еще, как в многосложных пасхальных яйцах, открываешь, открываешь — и все новая и новая скорлупка, и под самый конец яичко, величиной с горошинку, неоткрываемое, и что с ним делать дальше, не знаешь, не открывается и кончено. Все-таки это хорошо, когда достиг последнего яичка, по крайней мере, хоть знаешь, а на другой день даже вспомнишь что-то хорошее — что это? ах, да последнее яичко. На другой день еще лучше — отчего лучше? да, я знаю себя! а того не знаешь, что уже закрылась первая скорлупа, и потом закрылась вторая и третья, и вот уже яичко закрыто многосложной броней. И так до нового взрыва совести и последнего обнажения и гибели новых и новых людей. Когда же, наконец, когда останется такой человек со своим собственным яичком и не будет путать в свою совесть других людей — остановится. Очистится от глупости.

В сущности говоря, женский вопрос — это мужской вопрос, это вопрос нашего мужского сознания, потому что для великого множества людей сознание пробуждается в момент необходимого требования «жизни», т. е. женщины, и тут для одних «счастливых» открывается путь сознания жизни в ширину, а для несчастных — в глубину: счастье и несчастье — это только два различные измерения жизни. Я был несчастлив «глубоко», я жил в себя, а не в ширину,

в себя жил с первого проблеска сознания, и со мною жила голубая невеста, которой никогда не суждено было воплотиться. Я только испытывал предчувствие счастья широкого и был однажды на рубеже двух дорог, двух миров... А то мне иногда представляется, будто где-то висит громадное зеркало, похожее на спокойное озеро с прозрачной водой, и в этом зеркале-озере все видно, и там все настоящее и прекрасное, а когда очень плохо и мелко, и непонятно здесь, то стоит мне только заглянуть в то озеро-зеркало, и все понимается. Так вот я оттуда, из этого озера, а не из Хрущева с глинистым прудом, где плавают головастики. И лучше всего был у нас сад. Я часто видел в сновидениях его, по склону горы как-то иду я, деревья не частые, но каждое дерево издали светится, и птицы, всё как в раю, в Месопотамии где-то. Если так и до сих пор снится, то как же любил я в детстве эти обыкновенные яблоневые деревья сада.

Я и мать свою помню, как Богородицу, вся была в черном, подошла к моей кроватке и рассказала, что в эту ночь светлый мальчик родится и звон по небу пойдет. А была она, мать моя, в жизни просто купеческая дочь, и ничего я после...

Но зачем все о себе и себе... Неопытному человеку может показаться, будто я действительно о себе это пишу — о себе, как есть — нет! нет! это «я» мое — часть великого мирового Я, оно может свободно превратиться в того или другого человека, облекаться тою или иною плотью.

Это Я — вершинная линия, проведенная над бесчисленными «я» всяких ямок, долин, горушек, пригорков. Это Я уже было, когда я маленький родился на безлесной равнине черноземной полосы...

Только величайшее уединение дает соприкосновение со звездами, когда где-нибудь в лесной пустыне идешь пропащий, так и думаешь про себя, что пропащий человек, никогда уж больше не воскреснуть и ничего не было в прошлом, кроме фиглярства, и вот оглянулся, нечаянно увидел за елью над холодной строгой зарей большая звезда сверкает...

15 Апреля. Снежок утром... днем ветры, холодные желтые зори, лягушки испугались и стихли, зато совы разухались.

Квартиру в Петербурге обокрали. В связи с этим решение укрепиться в Песочках, зимовать семье здесь. Учитель из школы будет подготовлять Леву к экзамену. Яша возвратится. В Петербурге нет возможности содержать такую семью, и Ефросинья Павловна не столичная дама. Как она укрепляется детьми. При такой ее близости к детям будущее почти несомненно: она и три ее защитника. Как смешно сострадание к ней было бы: она в сравнении со мной богатейший, неистребимый человек. Как верит она, что ее дети не могут быть плохими. Она — государство: народ, его населяющий,— хороший народ, и она не даст его в обиду, даже если и гадость сделали дети, она исхитрится, покроет гадость. Ясно, что государство произошло от курицы.

Хочется в Европу — может быть, и уеду.

Иногда в начале мая, когда уже деревья распускаются, выскочит из леса совсем белый, забывший переменить зимнюю одежду зайчишка и катится по зеленой траве, будто живой снег.

Среди белого дня вспугнули сову, и она белым днем, неуклюже размахивая крыльями, полетела невидящая куда-то вперед — там грянул выстрел, она повернула назад от выстрела — назади рубили лес, испугалась и, не видящая выхода, она, нелепо размахивая крыльями, стала подниматься вверх по отвесной линии, все вверх, все вверх. Мы долго следили за ней, пока она не стала еле видимой точкой: слепая к свету летела... и казалось нам, что так не бывает, что это единственная сова и так случилось единственный раз.

Кто хочет власти, славы, вообще кто хочет чего-нибудь исключительного, тот не получает — пожелай самого простого и легкого со всею силой, например, жениться, поже-

лай жениться так, что это желание заполнит все существо, и не женишься. Это исключительное желание и создает психологию неудачника.

Счастливый человек, которому все удается, никогда не желает до костей, а неудачник желает каким-то костным мозгом. Счастливый шевелит только краешками, и ему все удается, несчастный из кожи лезет — почему же так? этим исключительным желанием он выделяется из людей, он один, и ему не удается, потому что он один, а у полного человека всегда сочувствие, в нем есть что-то и общее всем и понятное, и ему поэтому все помогают: он на миру.

Несчастье счастливого человека — общее несчастье. А неудачник несчастлив один, про себя. Потом еще сюда: противность неудачника оттого, что у него все на виду, весь костяк наружу, пусть, например, стремление к власти — чем плох властный человек? но у него это скрывается, он как все, а выходит властно... Да оно и неприлично... добиваться власти — нехорошо [это], все это должно быть облечено покровом общего блага, убором... а то мелко... Но не все же неудачники мелки? все под конец: раны, кости болят.

Повернись спиной к неудачам... лицом к счастью... жизнь — это бой.

Жизнь — это бой, и на поле сражения присутствуют только два бога: бог счастливых победителей и бог несчастных сраженных... Кто идет к победе, какое ему дело до падающих, он сражается. И так все поле разделяется под конец на калек и на победителей, и как им вместе стоять — вот удивительная задача!

И все-таки я не анализировал это исключительное желание, которое обрекает на неудачу.

— Будущее человечества — победа неудачников, победят мысль и кость, мясо протухнет,— сказал некто (результат всей философии).

А счастье от мяса... Они должны ненавидеть природу, эти победители — это их месть.

Будь ты проклята, скотина безрогая (выругался на утку).

Родительская, поминовение родителей, на сельском кладбище — хороший особенный русский обычай.

Может быть, люди бессознательно делают Христово дело: все эти кооперации, социализм, науки. Может быть, нужно смотреть не в центр, а по окружности и потом восходить к центру? (два священника: о. Спиридон и о. Николай). И еще так, что видеть нужно не в личном, как раньше это видели (старцы, пустынники — личность), а в общественном. В этом и есть весь спор.

На высоких боровых местах вырастает звонкая сосна, и если из такой сосны построить дом и не заклеить его изнутри обоями, то звонкий лес будет все передавать на улицу, что будет сказано в доме. Я поселился в таком деревянном доме и вовсе не знал, что он из звонкого леса.

Художник начинается там, где человек обращается в призрак. Есть писатели, которые говорят, что моя личная жизнь прошла, как роман, и оттого они не могут написать романа. Это люди, вероятно, бездарные.

Художник начинается там, где человек обращается в призрак — я пережил это состояние (елка и проч.— почему бы это не изобразить?). Вот откуда происходит «Петербург» Белого. Призрачность мира — это личное (субъективное) состояние души художника, из которого нет перехода к реальности (где же реальность, если «я» — не реально). Призрачность — обнажение узлов. Общественность слагается из поступков людей, а поступок, только окончательный, часто никакой близкой связи с личностью не имеющий акт души: я поступил так-то, это еще не значит, что я поступил согласно своему «я»: большинство поступков не зависит от внутреннего Я, а совершается или «стихийно», или же, проходя через горнило рассудка, теряет всякую связь с первоначальным «я», и, в конце концов, или все равно попадают в стихию или же в область так называемых рассудочных, «логических» (женись логически) явлений.

Только наша большая привычка менять плоскости жизни города и деревни удерживает нас в равновесии, а то ведь это все равно, что менять разные планеты.

«Живой груз» — так называет хуторянин-индивидуалист своих бывших товарищей по общине: для них нужна палка или, может быть, ученье, такое только ученье, особенное, не наше, так, чтобы каждому давалось то, к чему он способен: адвокат или доктор или инженер и разное всякое, к чему человек может годиться, такое ученье, чтобы каждого ставило к цели. Крестьянину без этого нельзя, потому что не всякий крестьянин охоту имеет к хозяйству: один хозяйствует, а другие девять на десятого — живой груз. Для этого груза должен быть закон или ученье.

Пан не имеет соперников, т. е. они, может быть, и есть, но он их не видит: он живет один, полный собою. Как только появляется более сильный — нет пана...

Тени Щедрина — «единственное представление», но очень скучное, должно быть, оттого, что время перешло. Несмотря на то, что артисты Александрийского театра исполняли превосходно, все казалось, будто на сцене марионетки. Только на другой уже день, когда я решился выехать из Петербурга в коренную Россию, типы вдруг ожили и стали сопровождать меня, и Петербург стал казаться фантастическим городом: ничего реального, а что так вышло странно, может быть, оттого что зеленели березки.

Что такое типы и что такое реальность?

29 Апреля. Москва. В номере меблированных комнат на Сретенке (угол Печатникова). Ольга Георгиевна Яновская, тетка Лебедевых. Тетушка Клавдии Васильевны. В пыльном номере на Сретенке доживает век бабушка-помещица из Черноземной полосы. Шкаф в стене и в шкафу варенья и соленья, которые привозят из деревень родственницы. Тетушка устраивает курсисток: та переночует, другая пообедает, третью познакомит. Раньше замуж выдавали, а теперь на курсы.

1 Мая. Хрущево. То особенное чувство, когда возвращаешься к единству: по той же дорожке мальчиком ходил...

Написать деревенские очерки.

18 Мая. Троице-Сергиевская Лавра.

Город Елец — ад кромешный в жару; нивелирующее действие известковой пыли: как будто интеллигентные люди здесь тоже картузники. Тип елецкого картузника. Чуйки переделываются в пальто. Пещерные черносотенцы: черносотенные клубы в конторках при лавках и общество хоругвеносцев. В сентябре съезжаются в город мужики — хлеб продавать, помещики на земские собрания, купцы оживают от биржи. (Нужно в это время приезжать и ориентироваться, наметить для изучения какой-нибудь практический вопрос, например, биржу.)

Как это можно в уме влюбиться... черт знает что, но это было так. Главное в том, что находится точка оценки всего себя: она остается, а он исчезает, и тут одно спасение в надежде, что она останется с ним: он начнет свою жизнь снова... Что же, в действительности была она такая или это воображение? Думаю, что она была обыкновенная, но при таком состоянии это обыкновенное выступило в истинном своем необыкновенном значении: обыкновенное — это семья, труд, постоянство, прикосновение ко всему миру жизни, отечеству, народу (круглый мир).

Замечательно, что домовой нисколько не слился с христианством.

Троица. Занесло меня в Троицу к Троице.

Коридор-траншея, через два соединенных здания, так что видны люди, как черные тараканы, и дух со времен Филарета: все пропахло тем особенным духом из смеси всевозможного вещественного с невещественным: аскетического, грибного, ладанного, ржаного — пшеничного, мужицкого, византийского.

Полнейшее приятие мира: в монастырской гостинице открыто допущена продажа водки.

Увидели богомольцы Лавру и крестятся, а внизу кипит все съедобное, и уже десятки женщин, похожие на черных тараканов, метятся на него.

В Лавре монахи — ремесленно-грубоватые.

В посаде домики солидные, из хорошего леса, строила духовная рука. Не один иеромонах имеет такой домик и семью. Жалованья иеромонаху 600 рублей: как только стал на ноги, сейчас сваха предлагает вступить в брак. У одного дети уже окончили семинарию. Вопрос, как исповедуется такой монах,— грех. Но это решается психологически: как только человек вступил в брак, так сила греха исчезает, грех теряет свое жало: совершенно обратное с библейским грехопадением. Это и понятно: чувство греха питается одиночеством, а раз человек перестал быть одиноким — греха не стало. Это сразу видно из общей картины посада и монастыря. Здесь отличие от других монастырей в том, что монах, возвращающийся в мир, омерзителен для народа, насколько народ уважает монаха в стенах, настолько же презирает за стеной, я замечал у крестьян-землепашцев настоящее чувство гадливости к монахам, как у нас к змее. Здесь население привыкло, пошло навстречу, и вот это приятие монаха в мир есть особенность Лавры.

Сюжет для рассказа. Нелюдимая старуха и приват-доцент. Был такой доцент, очень тосковал и завел себе старуху, но старуха оказалась мрачною: не вступала в разговор, не отвечала на шутки. Ученый бросил эту старуху, засел за книги и работал два года, не промолвил ни одного слова со старухой. Однажды работа оборвалась, он опять затосковал, и случилось ему прийти домой и остаться без ужина: старуха куда-то уходила. На другой день он не то чтобы рассердился (он не мог сердиться), а симулировал гнев: бросил палку, кинул [пальто] и вдруг старуха прорвалась и оказалась удивительной женщиной: человек открылся. Господин и рабыня.

Эта старуха однажды рассказывала, что ее стены душить стали. Прочитала «Да воскреснет Бог» и слышит голос стены: «Скоро догадалась!»

Прибавление к творениям святых отцов. Не буду называть по имени место нашей беседы, оно хорошо известно всякому православному человеку: на горе выше леса дремучего, пониже облака ходячего стоит древняя русская святыня, а внизу... домовой. Да, я никогда в своей жизни не получал более сильного впечатления от близости этого доброго русского духа.

Не успел я сделать несколько шагов от вокзала, как меня окружили какие-то доможильные существа в женском образе, похожие, впрочем, скорее на больших черных тараканов. Эти тараканищи, один перебивая другого, кидали в меня словами, одни кричат: «Грибочки!», другие: «Блиночки!»

— И у меня блиночки! — перебивали третьи.

— А у меня караси в сметане,— кинулись новые тараканищи.

Одна, помоложе других и поприятнее, не кидается, а прямо как песни поет, перечисляя все в ряд, что есть у нее, и так быстро приходит до сотни и, наконец, заключает: самая сотая!

Странствуя летом по городам и весям, на днях я попал в такую среду, где за ужином целый вечер была оживленная беседа о том, возможно ли охристианить домового. Как всегда в таких случаях, образовались две партии: одни, левые, говорили, что невозможно, и ссылались на известные сочинения проф. Смирнова о «бабах богомерзких», где прямо указано: истинное христианство всегда было враждебно (и прочее изложение брошюры).

Другая партия, правых, напротив, горячо доказывала, что именно тем и замечательно православие, что оно даже охристианило домового.

— Разве не знаете вы,— говорили они,— истинно православный человек христосуется с домовым: сначала с попом, а потом с домовым.

Левые возражали.

На другой день я отправился в монастырь.

Берендеево болото, где лежит каменная баба и куда теперь клюквенной тропою ходят бабы поклоняться.

Лебедь, Царь, Карнаухий, Годунов.

Завитки золотого блюда.

Причудливые завитки золотого блюдечка. На самом верху изящной колокольни Растрелли.

Положено блюдечко тончайшее между колоколами <*1 нрзб.*>, а на самом низу висит колокол в четыре тысячи пудов с лишним, и когда он загудит тяжким гудом, то французское блюдечко как будто смеется, улыбается <*2 нрзб.*>. Удар за ударом, а гуд остается сам собой, земля гудит.

Гром ударил, и колокол ударил — такой большой! — удар за ударом, и гром на небе нарастал, заиграли малые колокола.

Перед всенощной у Троицы началась гроза, все потемнело, золотое блюдо Растрелли, казалось, врезано в грозовое небо, и вот ударил перекат грома и в то же время ударил язык в край самого большого из действующих в России колоколов, еще удар громкий, еще удар колокола, загудела земля, казалось, что между колоколом и громом завязалась борьба. В это время мы подходили к арке и сразу увидели в воротах, что Троицкая лавра молилась к небу и колокола [гудели].

1 Июня. Тепло, хорошо, даже в лесу теперь каждый кустик ночевать пустит.

Святая плазма и сатанинское искушение. Был святой: прошел всякие искушения и достиг уже, было, полной святости, как вдруг ему явилось новое последнее искушение, и так незаметно оно вкралось к нему в избушку: не было сатаны, не было гор, с которых он должен был броситься, все было так обыкновенно, у реки, в колодце. Колодец его...

(о. Егор), раз в этом колодце он попил и полстакана воды оставил, хозяин продавать стал святую воду... Запретил... Все стали брать воду. Тогда он освятил колодец и назвал Святым колодезем... Как вдруг недалеко оказался другой колодезь, и тоже его именем торгуют... тут он никогда не пил, впал в гнев и поймал себя: рассердился потому, что он не пил из колодца, а не на то, что обожествлен: поймал себя и стало ему противно, не может смотреть на людей: не люди идут, а плазма. И тут взяло его отвращение и раздражение: плазма творит [кумира]. Искушение отвращения (чтобы равными были люди). Антиномия: личность равная — необходима, и в то же время личность не может быть без святой плазмы, обожествляющего начала; святая плоть идет, как саранча, без разбору все обожествляя, и я попадаю в процесс обожествления. Искушение состоит в презрении к этой толпе, но, презирая ее, он презирает себя, так как создан ею и говорит: нет, я не создан ею. Уходит.

2 Июня. Домик Софьи Владимировны стоит на красивом местечке, на закате бывает очень там хорошо. Раз сюда заехал французский аббат, пошли гулять на закате и смотрят: он кому-то внизу аплодирует, пошли к нему и узнали, что французу солнце понравилось, солнцу аплодирует.

Поселился у нас педагог Лебедев и восторгается местностью, как говорит сам, в ботаническом отношении, геологическом и эстетическом.

Он развивает мне планы будущего воспитания детей: это дело, по его мнению, должно перейти из семьи к специалистам — идея, как он говорит, самая демократическая: ничего нет демократичнее семьи, в которой каждый призванный и непризванный должен воспитывать детей, выполнять хоть минимум мирового общего дела: недаром же и учение Христа постоянно берет символом семью.

У Владимира жена была украдена в окошко, такая была ее семья богатая и недоступная крестьянину. В семью Владимира она внесла дух гордости: простой крестьянин и не

подступись к дочерям. Дочерей много, запросто крестьянам не выдают и в окошко никто не крадет.

Неудачник — вовсе не от неудач: удачливый, счастливый человек может быть тоже неудачник (Иов), а неудачник — это особая мера, философия, тип, мироощущение; моя неудача — это не есть неудача, потому что я [как личность] ощущаю большое, к которому должен пробиться в опыте долгой жизни. Это мое испытание.

10 Июня. У человека, почти у каждого, есть своя сказка, и нужно не дела разбирать, а постигнуть эту самую сказку.

11 Июня. Фон <*1 нрзб.*>, причина, вещь в себе — это личность творения, и вокруг нее вера: творчество одно, вера — другое, творчество и вера. Вопрос: творящий Гоголь и Толстой почему перестают творить, когда проповедуют, и проповедь их несовершенна?

Почему после широкого разлива на реке, на спаде воды острова мелей показываются [везде], вода и земля, кажется, вот я увидел желанный берег новой земли, начинаю говорить о нем, о земле, это все равно, та же самая земля, что и у всех, только вышло так, что со всех сторон водой окружена.

Людям это и занятно, что вокруг их же простой земли вода обошла, и они твердят, что землю знают особенную, а вода просто вода.

Если сам только причина своего горя, а оно ни при чем, это вера творит личность, как плазма стремится принять форму.

Поэтому: в основе творчества есть форма, личность тем и отличается от толпы, что обладает секретом формы, а толпа вливает в нее свое содержание, толпа сама по вере своей делает сосуд священным, и потому чего же малому сосуду твердить о содержании, которое чужое, не его.

Беда происходит оттого, что само творчество обладает телом веры.

Вера имеет тело и форму: тело — верующее, форма — творец.

Тут [две] темы: самозван или богозван.

По клюквенной тропе из Берендеева болота, где до сих пор лежит почитаемая каменная баба, пришла к Троице помолиться одна старая бабушка...

Все люди разделяются на ищущих (чающих) влиться в море веры и быть самим творцами; две породы людей: вода и пастыри.

13 Июня. Из психологии Боборыкина. Есть такая простая вещь, которая простотой и держится, как парное молоко: сметана — продукт сложный и ценный, а попробуй из сметаны сделать парное молоко, ничего. Так и с женитьбой: почему это, кажется, такое простое событие, доступное почти каждому, Боборыкину казалось делом необычайно трудно выполнимым, он и так и этак ломал свою голову и все приходил, в конце концов, к себе самому: он чем-то отличается от всех и чем-то, он чувствовал, дурным. Между тем, дурного в нем, сравнительно с другими помещиками, ничего не было: он и воспитанный, из аристократической семьи, и образованный, и очень красивый, и способный к труду, и с самыми лучшими намерениями, при трезвом размышлении ясно было, что он как жених всех далеко превосходит, и все-таки ему казалось, что он виноват в чем-то перед всеми: он в чем-то хуже. Семья казалась ему вечным пристанищем, великим делом, и, может быть, в этом и была его вина: он слишком сильно желал того, что всем дается просто так. Известно, что в желаниях есть свой предел и закон, пожелай сильно того, что должно обыкновенно желаться,—и ничего не выйдет, и кажется, что под ногами колеблется почва...

Не будет ли новым этот тип Онегина современности: человека, влюбленного в будни; насильственная поэзия будней: семья, православие; поступки: женитьба на крестьянке по принципу.

Старик Азимов Федор Петрович бывает двенадцатого мая именинником. К этому числу съезжаются все Азимовы, а их в нашем уезде довольно: это те самые Азимовы, которые некогда, выехав из Европы, имели в гербе бобра, редкое вымирающее животное: голубого бобра. В России Азимовы, однако, до того сильно размножились, что Иоанн Грозный лишил их голубого бобра.

— Вы плодитесь, как свиньи,— сказал он, и повелел им носить [вечно] в гербе кабана.

Скептик — священное существо: между творческой личностью и верующей — он ни то, ни другое. Он происходит из неудачника. Его миссия — очищать путь верующих.

17 Июня. Княжий двор. Парк, деревья (липы, дубы, редкие здесь ясени, лиственницы) — в России деревья единственные памятники: на севере дуб и ясень такое же творчество человека, как и <*1 нрзб.*>

А дворец перенесли в Старую Руссу и устроили из него кургауз. «Лагери» и «казармы» теперь относятся к лугам, где [по-прежнему] мирно ведут свою упорную проповедь коростели, и роскошные аллеи на углах [отмечают] версты: аракчеевские аллеи. Площадь, называемая до сих пор «Старая казарма», занята женскими высшими курсами имени Стебута.

Большие кредиты, отпускаемые теперь на агрономию, позволяют быстро созидаться: роскошно устроенная вегетационная лаборатория и в то же время зоотехническая лаборатория, в которой сохранились еще собственноручно обитые директорами конюшни, кормушки для морских свинок и кроликов. Теперь четырнадцать коров заменяют кроликов, и делают на них опыты те же самые: с влиянием дрожжей на пищеварение и усвоение корма. Из беседки перебрались в лесную сторожку.

Барышня с геодезическим аппаратом лежит у дороги на своем пальто, только по аппарату и различил в ней курсистку. Нивелировка. Лошадь запрягается не просто, а изу-

чается. Вокруг домика не просто: изучается емкость и в ревности одна даже забралась на крышу. Бьют в сковороды не просто, а это пугают козу: внутри домика изучается секрет молочной железы: как действует испуг на выделение, а ученый возле молодой козы устанавливает кривую испуга.

На семинарных графиках проверяется закон Менделя, опыт проделанный отдоя молока до Дарвина и теперь вновь открытый: чудесное возникновение индивидуальности объясняется тем, что гибриды вымирают, а остаются далекие родоначальники, вообще смесь, середина исчезает [совсем].

Костюмы: синие штаны широкие и синяя блуза очень идут к маленькому росту — худенький мальчик Миша, и так стали крестьяне ее называть Миша. Тут же японская узкая юбка, едва передвигает ноги, а то парусиновые штаны и парусиновая кофта, а там горделиво шагает в синих штанах женщина с косой на плече. Там взвешивают кал и пахнет навозом: запечатают и увезут в Петербург. Дочь аскета-народника: мужик в бороде и мужик без бороды. Может быть, уродство можно при уме превратить в юродство: стоит только свой отличительный неизбежный признак взять в сознание и пользоваться им [сознательно]. Другая называется Диоген в юбке, приручила жеребенка, везде ходит с жеребенком на людях, когда он дожидается (лекция) и начинает бить в дверь копытами, профессор говорит, что надо кончать. Тип: красная шапочка, скромная, идет куда-то росистым клевером, или с геодезическим аппаратом, босая, тип бестужевки: говорят, что соединить то и другое (мать и передовую женщину) невозможно, в результате неврастения, потерпевшая крушение.

В Сосницах праздник: градобитный день, завтрашний день молебны служат Трем Святителям. Давно, еще на памяти дедов тучи нашли — Божья воля! — выбило поля градом. Тогда обошли выбитые поля — ой, тошно! — с хоругвями и дали завет Трем Святителям, чтобы вечно служить молебен в градобойный день — ой, тошно!

— Уморились, батюшка?

И не успел ответить, он говорит уж:

— Ой, тошно!

Или самоварчик поставить. И т. д. все рассказы с: ой, тошно!

Деревня Сосницы: от каждого двора отделяет заливчик и на заливине ходит по веревочке плотик: станешь на плотик и подтягиваешься, и вот нужно же так, что как раз к приходу батюшки [эта] веревка оборвалась, и плотик остался на другой стороне. В ожидании исправления батюшка запел: «Святитель отче Никола, моли Бога о нас!» И мужики [деревенские] хором ему отвечали: «Отче Никола, моли Бога о нас! Пресвятая Богородица, спаси нас!»

— Спаси нас!

Когда-то я бунтовал и смеялся над этим молебном, а теперь никакая музыка не дала мне того, что теперь он.

Пресвятая Богородица, спаси нас!

И вдруг послышался откуда-то шум [сильный], откуда был шум — нельзя было понять, смотрели на речку, смотрели на луг, нет ничего [вокруг], и вдруг какой-то мальчик сказал:

— Черногузы летят!

Скептики о черногузах:

— Это пущенное <*1 нрзб.*>

Посмотрели туда — и действительно летят [черные аэропланы], похожие на аиста-черногуза.

— Аэропланы!

Крик поднялся в деревне, и батюшка смотрел на небо, а сам все пел:

— Святый отче Николае, моли Бога о нас.

Глубоко потрясен мужичок. Вообще середняк как середняк: воспитан на календарях, и не можешь себе представить, чем середняка можно изумить: календари, летит и летит. Изумляется вопрошающий человек [аэроплану].

К пораженному я подошел и спросил:

— А если захочет бросить бомбу?

— И бросит [бомбу].

— Захочет и бросит! И сгорит моя изба.

— Что изба — вся деревня.

— И вся деревня!
— И поля сожжет.
— И поля сожжет.
— Как вздумается!
Глубоко потрясен он, а батюшка поет:
— Преподобный отче Николае, моли Бога о нас.

Аэроплан — факт новый, голый: легенда, что упал, началось переживание и легенды: упал на огород возле [деревни] и побил много людей и, умирая, сказал, что за огороды отвечает, а за людей не отвечает.

Перед заключением: агроном-женщина из города, большинство горожанок, миссия города [помогать]. Спор о крестьянстве: большинство — не земледельцы.

А потом, когда молебен, я чувствовал себя блудным сыном при звуках этого молебна.

Снилась Лукерье большая чистая река в крутых берегах и будто бы смотрит она в чисту воду и видит явственно все, что на дне ее делается: как черные раки шевелят усами, окуни — рот колечками, щуки зубастые, чистые камешки по песочку перекатываются, все видно, а сына нет. Солнца нет, и месяца и звезды ни одной, а светло и далеко кругом, как в зеркале, видны леса и поля и белая дорога, а по дороге далеко чуть видно — сын идет, и голос его издали слышен, будто он тут возле стоит:

— Матушка, я все хожу, уморился я, приезжай.

Посоветовалась Лукерья утром с крестной и поехала искать реку в крутых берегах.

Приехала к нам старушка. Мы все ей рассказали, как было. Сын — она это знает, был арендатором у генеральши. Не хотелось бы все говорить старушке, да ничего не поделаешь с народом: окружили ее все и всё выкладывали, что было и что не было, и что видим и что не видим, что пало на ум, что легло на сердце, отчего в ухе звенит и на что зуб деревенский чесался. В генеральше будто бы тут все и было: генеральша, хоть и старая, кусовая барыня. Ну, спал он

у нее будто бы в прихожей, и жена первое время все бунтовала и проч., и проч.

Передать в рассказе все легенды народные о душе неуспокоенной, изобразить, как возникает легенда (религия), как ищут, как нужен виновник: и, между прочим, легенда о Марухе... Вообще вся повесть в легендах.

А доктор противоположник старухе: нет виновника (голый череп), и вокруг доктора все то мужское, что отрицает легенду.

Детали: панихида и собственная ее панихида, старухино причитание.

21 Июня. Творчество (женское) — легенда, как религиозное творчество смысла. Летят аэропланы — легенда: упали (даже что огород помяли и людей, за огород заплачу, за людей не заплачу)... Приехала старуха к сыну: он там, где река с крутым берегом и бор. Батюшка, не рассуждая, присоединился к легенде: убит.

Женщина творит легенду, мужчина — скептик: типы творящих и отрицающих.

Панихида и шум волн и падают и поют вопленицы. И еще: тянет к ужасу, весь берег — женщины и дети, мужчин нет.

Мысли о человеческом: религия — это безумная попытка найти в космосе ответ своим человеческим чувствам (сознание).

Старушка — вся благородство — вопленица у елок.

Сопоставить: молебен — причитание (религия) и последующие действия врачей (наука).

Насмотрелся я сегодня на мертвые тела, наслушался всяких легенд, весь день прошел, как кошмар.

23 Июня. Иванова ночь.

Курган, где царь смотр делал, а теперь профессор читает закон Менделя...

Вначале кажется странным: агроном! но потом картина обыкновенная — учительница, курсистка, и так незаметно входит в жизнь женская армия.

До заливных тянется дамба, построенная аракчеевскими мужиками, у воды обрывается: размело, и по заливным ходит плотик с куриный носик. Ночь ни на одно мгновение ни на севере не останавливается, ни на юге, волшебное покрывало до темноты [лежит], в этом их беспокойство. В местах Аракчеевского поселения Новгородской губернии, где я живу уже несколько лет, сохранились у стариков такие легенды о том времени, когда людей за каждый пустяк били палками, когда мужик выходил на поле с розгами для себя самого.

В ночь под Ивана Купала начальство Стебутовского семенного хозяйства чурками отпускает полсажени дров на купальные огни. Из Углов и Бор сходится народ, зажигают фонарики, расставили столы, гирляндами из веников берез убираются здания общежития, столовой, на одном большой хор, на другом оркестр, [зажигают] по берегу рощи костры, и через них [прыгая] парами, мчатся девушки.

Из воды выходит водяной — рыбаки щупают его.

Ряженые: чертенок на лестнице, цветущий папоротник, летучая мышь...

Одни с жеребенком, другие с [овечкой], третьи с поросенком.

Курмышская княжна из Симбирской губернии играет на чувашских гуслях вальс «Невозвратное время»...

И над всеми этими прыгающими через огонь женщинами белою ночью стоит единственная звезда Венера.

Вечность всегда бывает в мгновениях.

Дитя живет вечными мгновениями.

Любовь есть вечное мгновение.

Жажда вечности есть молитва умирающей материи.

Не правда ли, что чувство вечности есть свойство умирающей материи? (происхождение аскетизма: культ вечности, умерщвление плоти).

Картину будущей жизни, как известно, наше простонародье представляет в образах нашей жизни земной: громадная печь, черти-повара, где и пекут, и варят, и жарят — ад, а за столом сидят господа и кушают приготовленное в печи-аде.

Точка смертельного поражения и жажды конца (самоубийства, поранения, исчезновения) и другие точки [адского] запечного чудесного творчества.

Издали, где-то с другой планеты видно, что земля, постепенно умирая, излучает во вселенную в [тьму] мирового пространства свет вечный — вот что значит «по ту сторону»; «на том свете» — понятие мистическое.

Можно побеждать, отдавая врагу свое...

Ни на чем нельзя остановиться, помедлишь — пропустишь другое (жизнь).

Будущее подчинение цивилизации. Технические изобретения — открытие новой страны, первое — военные, потом духовенство: архиерей летит [в небе] и благословляется колосящаяся рожь.

Аэроплан и молебен (открытие — здоровье-счастье — новая земля (здоровье) и [старая] рутина — примирение в летящем архиерее.

Страшно на земле, на воздухе не страшно.

Люди на земле не перестают молиться, пока были несчастны, бедны.

Красота национального лица создается не политикой, а общей жизнью, и каждому, действующему в ее сфере, красота дается без всякого усилия, она сама является. Национализм тем отвратителен, что губит красоту жизни, эта красота собственно и составляет национальность.

Высшее сознание не должно губить добро [общей] жизни. Оно губит его часть, начиная влиять на целое, как кривой глаз на здоровый. Националист — это кривой человек. Самое удивительное, что националист черпает свое богатство у таких людей, которые не занимаются политикой (черт с кривыми рогами).

1 Июля. Одна из самых приятных минут моих охотничьих экскурсий — это когда после утомительных поисков тетеревов в моховых болотах, в июльской лесной тишине, вдруг услышишь через лес детский гам: приехала Ефросинья Павловна с детьми и расположилась на бивуаке (кончик пустынного одиночества и дырочка мирского общества).

Миска окрошки, все едят, а мать дожидается: она всегда так, и я уверен, что при голоде последнюю корку отдаст она ребенку. Это устроено так в природе: сегодня ястребиха, когда мы подошли к ее гнезду, высоко взвивалась в воздухе и вдруг бросилась вниз почти на кончик ружья: пугала, жертвуя собой. Так всякая мать... Есть эгоизм, как у матери, эгоизм — скелет мира, и когда говорят «эгоизм», говорят только о скелете: есть и в «святом» человеке скелет, но он не эгоист. Мое и все со мной, а то бывает мое и ничего со мной; один скажет «Мое!» — и весь мир откликается «Наше» — эхо мировое откликается.

Я кричу «Мое» — эхо отликается «Наше», а когда я кричу «Наше» — эхо откликается «Мое».

Юноша кричит «Мое» — эхо откликается «Наше!».

Чистое поле — глазасто, лес темный ушаст: подойди к лесу, крикни — отзовется. Юноша подходит, кричит: «Мое»... Лес отзывается: «Наше». Старец кричит: «Наше!» Лес молчит.

Еще по поводу окрошки: не только мать, но и всякий, имеющий нечто свое, для своего ограничивает себя, жертвует, постится: это закон воли, хотения, начало всяких вещей (сотворенное) хотение, а хотение возникает в личности, которая разделяет себя на жертвенное (свое) и достигаемое (общее, сотворенное).

Начало всяких сотворенных вещей есть хотение, осуществляемое личностью. Эта хотящая личность... Свойство личности есть хотение. Свойство хотения есть выбор...

Творческое хотение есть способность называть своим только свое, способность жертвовать своим низшим для своего высшего. Это высшее есть в то же время и общее, всем видимое, всем доступное, даровое красивое (красота — общее, даровое).

Этот естественный аскетизм некогда был взят в систему: моя тетушка — человек совершенно неверующий, однажды мы приехали с ней в Шамординскую пустынь, где она осень собиралась пожить для покоя; и вот, к удивлению моему, монахини сказали:

— Этого совершенно достаточно, остальное придет при соприкосновении с монастырской жизнью — так и создавались монастыри и их монастырское братство и равенство.

На монастыри надо смотреть, как на сохраненную наивную школу нашего современного монашества: кто из современных истинных творцов жизни не монах, не аскет?

После чтения «Каиновой легенды» в «Русских ведомостях»: что хотел сказать автор? Может быть, о творческой плазме, из которой выделяется личность; плазма — (это народ) — творит легенду, как придется, лишь бы заполнить пустое место (примирить глупость и смерть). У плазмы злой путь этого творчества: творящая саранча. Вопрос: как творит «саранча», вся, или тоже «личностями»? Может быть, и не существует вовсе «плазмы», и всякая плазма разлагается на «личности»? В основе плазмы есть плазматическая личность, которой есть подобная (например, всякая баба скажет, что не сам утонул, а убили, каждая творит виновника, и вот эта элементарная личность, присущая всем бабам, и есть народная творческая личность).

Плазматическая личность и собственная личность существенно различны: эта последняя сидит на базисе индивидуальности, та не имеет индивидуальности (все бабы говорят, что виновен): отсюда женское плазматическое, принимающее и мужское, индивидуальное, отрицающее: бабьи сказки и скептики; хотение, воля, творчество, личность — мужское (чисто личное), и плазматическая личность (женское).

Хотение — есть ограничение, воздержание (пост), но возможно так ограничить себя от женского, что останешься холостым (русская интеллигенция).

Аскетизм — культ мужского, монах — [женского].

Известно, что Россия легко представляется как громадная дебелая баба. Все рассуждающие мистики в один голос

признают начало женственное, пассивное основание в России (успех Распутина).

Календарь подавил личное творчество.

Самый аэроплан меня совсем не интересует, потому что я хорошо знаком с птицами, а мое воображение населяет легко иные планеты гораздо более сложными машинами. Меня интересуют люди, творящие из нового факта новую веру, и даже не люди как личности, а та народная плазматичная бабья личность, которая творит и законы природы, и в этом смысле я [думаю], что это личность, что новая сила за человека не отвечает.

В июле подхожу к природе, к спелому ржаному полю; спелое желтое сухое прекрасное поле, и каждый колос, кажется мне, звенит серебряным колокольчиком. Поют тысячи невидимых кузнечиков, но кажется, это спелые семена просятся вон... Пришел на минутку — прошел целый час, а может быть, и больше? Загремел гром — испугал, но тучи безопасные, сваливают, петухи струсили, но кузнечики радостно поют и ручаются, что дождь и гроза в этот день не будут.

Лето. Июль. В июле замолкают птицы, в июле семьи птичьи — уже свистят в воздухе кроншнепы, обещая осень... Лен — [поле] цвета морской волны. Букет кровавой бузины.

Приходил Семен Карпович Забелин, рабочий, электромонтер, и три часа подряд излагал свое миросозерцание. От слов о принципах, о творческой личности и т. д. постоянно переходит к примерам из жизни писателей, жалуясь, что вот как ему трудно, а писателю интересно и легко жить. Эта нота зависти есть общая в рабочем движении: главная отличительная черта его от движений религиозных.

Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу. Пример Алекс. Вас. Кузнецов: он 25 лет был в Петербурге и вернулся к земле на свой хутор более мужиком, чем настоящие мужики:

за это время мужики в деревне более подверглись влиянию города, чем он в городе.

Масса рабочая та же безликая плазма, что и масса крестьян, это та же чающая плазма, ожидающая героя, как богомольцы (саранча творческая).

Семен Карпович Забелин в Религиозно-философском обществе и его презрение к господам: в будущем рабочие не будут предъявлять таких требований к ученым: в обществе образованных людей они не будут рабочими, т. е. «политическими животными», политика — это как будто теперь основное свойство рабочего.

Много верного в этом материализме рабочего класса: как мужик, производитель хлеба, со своим кулем хлеба висит на идеалисте, так и рабочий со своим производством «ценностей». Новое доказательство общности с мужиком (богомольцем) и плазмой — творящей плотью. И может быть, в религиозном плане роль рабочего класса есть восстановление мира: их «философский» материализм есть лишь указание на значение материи, плазмы, земли, рабочие — это посланники земли (хотя мужики с рабочими враждебны).

Я смотрю на рабочих как на посланников земли...

Новая женщина, разлад: нащупалась в себе личность неприкосновенная, а жизненное устройство женское состоит в том, чтобы отдать себя (еще, что она не может хитрить). Встречается некий романтик, она любит его, но предвидит, что там, где начнутся ее реальные требования, он не выдержит: эти требования вперед уже ясно невыполнимы: сочетание в ее одном существе мужского и женского: она ищет удовлетворения и как мужчина и как женщина. Впрочем, она предоставляет ему свободу действий. Потом, может быть, жертвуя своим чувством, исчезнет для него. А его похождения в поисках ее, и тут возможно все. Конец: она — директор банка, он (Боборыкин в лопухах).

Счастье умного человека есть глупость; те немногие минуты, когда умный человек был в глупом состоянии, и

вспоминает потом как счастье. Из этого, впрочем, не следует, что глупость и счастье одно и то же: счастье существует само по себе, но легче всего оно дается дуракам.

14 Июля. В июле бывает такой задумчивый денек прозрачный с холодком. Над рекой, на полях полусжатых, вчера могучих, стоял какой-то вопрос. Такая тишина в лесу у дороги.

Завещаю своим родным поставить крест над моей могилой с надписью: «На память о теле».

27 Июля. Город. Рассказ кондуктора о событиях: депутат на белом коне с трехцветною лентой, а полиции не было, картина высшего состояния человека: пьяных нет, все закрыто, запасные чинно гуляют (не пьют)... Рыжий мужик спрашивает: а будет ли царь на войне? Водку заперли, и самоуправление возле казенки. Как в солнечном затмении наблюдают солнце, так и в пьянстве русский народ. «Водку заперли — это государь молодец, дай Бог здоровья».

Все это признаки конца: встреча со старообрядцем, разговор о лесных пожарах, и затмении, и забастовке — все это признаки конца, как у летописцев.

Признаки войны: лесные пожары, великая сушь, забастовки, аэропланы, девиц перестали замуж выдавать, Распутину (легенда в Петербурге) член отрезали, красная тучка, гроза. Лес и старообрядец. Радость освобождения от будней: кухня и трактир = дом и война.

Иногда читаешь газету, идешь по улице и вдруг спросишь себя: «какое же теперь время года?» Лето забыто. Природа — все равно. Пустые, резонирующие квартиры наполнены странными звуками.

Нет: мир после этой войны, конечно, надолго оградит себя от войны, но возможность ее не устранит. А преоблада-

ние Англии, а броня культурного человека. Для уничтожения войны, нужно, чтобы о ней решили живые трудящиеся массы, но когда это будет, как потонули голоса социалистов. Керенский очень ловко вышел из затруднения — умный человек. А что же другое и скажешь? И все-таки какая-то радость и бодрость, как хорошо на улицах, все черпают эту радость из источника единения. А чувство к народу (патриотизм сознательный) — тут много приятной лжи и, быть может, даже все обман.

Меньшиков уже все учел и разделил Австро-Венгрию; его слова: «Буря — явление, в котором выражается исключительная роскошь природы, раздается гром — и какая свежесть, сколько озона!» Он же об инородцах и евреях: «В куколке их души невидимо сформировалась как бы некая бабочка и готова вылететь совсем новым существом».

Хожу везде, спрашиваю, кто, что знает, и думаю: в этих великих событиях судьба избрала таких маленьких свидетелей — все как дети, ничего не знают вперед, и многие чему-то как дети радуются...

Коля-депутат наткнулся на мысль и все думает, как бы совсем покончить с войной и разоружиться, думает, думает и все ни к чему не приходит: ведь суд обеспечивается вооруженной силой, значит, нужно вооружение, все-таки нужно установить, что идея о «последней войне» бродит в голове многих. Много помех успеху мобилизации — быстрота, внезапность: испугались, но одумались и пошли. А шли, как все говорят в один голос, хорошо, совсем не то, что в Японскую войну.

[*Петербург*]

1 Августа. Приехал Шестов и подтвердил все мои соображения и предчувствия: немцы уверены, что мы причиною войны, русские совершенно так же, как мы: немцы. И о «зверствах», что никаких особенных зверств нет, просто тяжелое путешествие в военное время. Вильгельма погубил старый план похода на Париж — за 30 миллиардов контрибуции. Так и считается, что он уже погиб и погубил Германию.

Петр Струве издал манифест и тем обнаружил существование интеллигенции старой — враждебной патриотизму Струве. Полузакрыв глаза, милый Д. А. стал пророчествовать за ужином: я вижу время, когда останутся только одна великая держава — варварская Россия и во всей Европе раздробленные мелкие республики — остатки великих держав Европы, потом эти все раздробленные государства соединятся, разобьют Россию и тогда будет республика. Конец его мечтаний — республика.

Когда не будет республик, а будет общество.

Народ стал умен!

Получает телеграмму, надеется, что о муже там что-нибудь и, неграмотная, дает мне почитать, повторяя «слава тебе, Господи!»

Победа! первый раз шевельнулось во мне чувство природы, я вижу, как в воздухе табунятся под облаками грачи, как они строятся в ряд, кругами (Глеб: Покров и шабаш!). И потом этот сад с роскошными цветами и озимь по чернозему. А ведь убитых было еще больше, чем при нашем поражении.

Когда скажешь: «Победим!», неизменно отвечают: «Бог знает!»

Разговор в дороге с молодым студентом о тех его чувствах, когда он идет «за линией»: мост — воля, аэроплан — стрела, портит подобие птицы, мертвая птица. Чаяние личности, объединяющей правду летящего аэроплана и молебна святителю Николе.

В пастушечье время, когда жили по солнцу, по месяцу, по звездам, до того эти неизменные в своем беге светила обживал человек, что солнце, звезды, месяц были ему как родные, и чувство он к ним имел личное, такое далекое от нас чувство, из которого рождались слова: «Солнце, остановись».

Теперь то же происходит и с государствами: появилась какая-то ненавистная Германия, лично близкая, «родная

по крови» Сербия, «Англичанка помогает», дружественная Франция — несуществующие... названия государств — знаки мировых человеческих отношений, неподвластных человеку, как течение небесных светил, эти государства очеловечивают, им приписываются сознательные человеческие действия, они... повальное безумие охватывает людей, и вот они начинают петь: «Немцы, немцы больше всех!» Хоровод вокруг нечеловеческого светила поет с кружкой пива и сигарой в зубах: немцы, немцы больше всех! В хороводе люди получают новое крещение и становятся государственными людьми, т. е. существами безличными, примкнувшими к общему ходу бездумных светил.

Мы ели третье блюдо: вишневый кисель с молоком. Случайно вышло на моей тарелке так, что кисель в молоке принял очертанья европейского материка, я кое-что подделал ложкой, и вышла настоящая Франция, Бельгия, Германия, Австрия, Россия и все воюющие между собой державы. Я стал рассказывать об этом детям; с любопытством смотрела на это прислуга, спрашивая время от времени: а где же Сербия, а где Германия? Я объяснял, как отрезана Германия от всего мира, пришлось взять другую тарелку, изобразить нижнюю половину земли — Америку, весь мир у меня был в двух тарелках.

Продавали на Невском Успенского вместо рубля за десять копеек, и тут же я увидел карту Европы — театр военных действий... горькое чувство.

Начиналось затмение 8-го Августа, я говорю Крючкову, что вот сейчас офицеры с солдатами смотрят на солнце и офицер объясняет, что бояться нечего.

— Чего же бояться! — сказал Крючков, — луна заслонила солнце и все, это с человеком не связано, и все известно из календаря.

— А как же в Библии сказано, что солнце остановись, и солнце остановилось.

— Мало ли что сказано в Библии: природа неизменна. Сказано у Экклезиаста. Животное питается, и я питаюсь, животное

живет, и я живу, животное умирает, и я умираю. Так... Душа одна у людей и у животных. Мужчина с женщиной рождают дитя, и оно тоже живет, тем же духом: значит, душа одна. Душа формы не имеет, душа есть дух и формы, как говорят, у овец и козлищ, не имеет. А разум имеет форму, вот он и указывает нам, что природа неизменная и остановить солнце невозможно.

...гром и молнии, ночью в ливень прискакал человек и закричал: «старосту, старосту!» Все спали и не спали, слышали и не слышали. Пахарю снилось, красная тучка растет и растет, а утром, когда сказали война, он рассказал о красной тучке, и это подхватили, и потом все говорили, что перед войной на небе была красная тучка.

Староста ночью получил бумагу, требовали от него расписаться в получении, а он неграмотный, разбудил Павлову девочку двенадцати лет, она подписала, а он снял с лампы стекло и закоптил печать и приложил.

Покатила телега смерти.

Ратники.

Старшина забыл прислать главную бумагу о ратниках: каких годов, как, какого разряда, по какому билету, а прислал только добавление печатное и на нем был зачеркнуто «запасные» и написано «ратники» красным карандашом. Староста посмотрел и решил: всех ратников. Собрались ратники всех годов с билетами зелеными, синими и белыми. «Всех, всех!» — отвечал им староста.

Похороны по последнему разряду.

Как известно в последнем разряде покойник сам идет за телегой и кнутиком постегивает лошадку. Так и Раков наш шел за телегой сам, а за ним шли жена и дети и потом вся деревня, все плакали ревом.

Доброволец Раков пошел на войну, чтобы лошадь выручить: думал, что, если сам пойдет, лошадь вернут, и еще слышал, что добровольцу возле обоза можно поживиться, и пошел. Его оплакали, а он вернулся.

Упрямая акушерка.

Ехал со старой акушеркой:

— Сосна всегда на песке! — и больше не хочет разговаривать. Остановилась лошадь, захрапела, и потом опять остановилась.

— Все лошади останавливаются, война!

— Заметили, что ворон нету?

— Нет, не заметили.

— А вы посмотрите и не увидите. Ворон не было.

— Куда ж они делись?

— Не догадываетесь? вот чудно-то: когда война, ворон никогда не бывает.

— Куда же они деваются?

— Неужели не догадываетесь? — Возница догадался, продолжал:

— Там собирается их видимо-невидимо.

— Где?

— Да на войне...

Генерал и сестра милосердия.

— Все-таки война эта ваша — ужас!

— Жить хотят!

— И нужно бить людей!

— Такая жизнь...

— А как же святые-то жили.

— Блаженные? что же вы хотите, все чтобы стали блаженными. Человек — животное кровожадное.

— Человеком еще и не пахнет тут!..

У нас!

Французик ехал из Германии и ломаным русским языком рассказывал, как в Берлине:

— Подумайте фунт соли стоит марку!

— А у нас 1/2 копейки! — сказал купчик.

— Мясо стоит марку.

— А у нас мясо градоначальник объяснил: 25 коп. фунт.

— Яйца пятак.

— Яйца у нас тоже объяснили: 30 копеек.

— Молоко 20 коп... денег на пропитание.

— А у нас, сколько хочешь и т. д.

Все радуются кругом, что казенки закрыли, даже пьяницы.

Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет.

Когда Фрося превратилась, по-видимому, окончательно в злейшую Ксантиппу, то теперь только и вырисовалось то милое существо, которое я так любил: сарафан, платочек, весла на реке, лес, грибы и такая со всеми ласковость и простые слова. А теперь это вечно надутое ворчливое существо, всех отталкивающее от моего дома, с глупыми требованиями. Но спасение возможно только на месте, а не где-нибудь на стороне. Корень жизни человека на месте — вот где происхождение «отечества». Человек может быть очаровательным в отношениях, вполне искренним, но есть такая точка испытания, место оседлости, где он совершенно другой, поэтому нужно вглядываться в человека как он извне.

На луне: ходят ли трамваи? с узелком на рельсах возле остановки. У всех одна мысль. Какой-то рассеянный человек шел и сказал вслух: «внешняя оборона» и другой сейчас же подхватил ее и стал развивать, и они пошли рядом, обсуждая средства внешней обороны.

Знамения — и вспомнили только на другой день, что все так и знали: на небе облачко было красное. Знамения идейные: Ницше и проч.

Ясно, что должно родиться что-то новое: последняя война...

По первому поводу русский забывает обиду, злобу и, отмахнувшись рукой от этого, как от комаров, начинает жить по-новому и хорошо, и Пуришкевич просит у евреев прощения, и в верхах думают, что вот и слава Богу, и нет комаров.

Трудно русскому держаться на злобе и недоверии, утомительно.

Вечернее время: приличная дама продает вчерашний номер по копеечке на номере.

«Самое важное чувство у всех то, что эта война — огромной важности мировое событие, размеры которого еще трудно поддаются учету во всем объеме. После войны новый мир, новая Европа, новая Россия, новые люди, новая психология и новое искусство (речь 26 июля ст. в Таврическом дворце; а м.б., июня).

Из «Биржевки»: «пограничные жандармы заметили, в каком виде пришли русские, были поражены, и со многими сделалась истерика».

Вот уже почти неделю в Петербурге и начинаю привыкать: город — военный лагерь, живется при военном положении много свободней, куда-то исчезли хулиганы, нищие, исчезло разнообразие, цветы жизни, все неожиданности, у всех одно лицо, все стали друг на друга похожи, и Петербург прямая улица, как большая дорога проезжая на войну. Теперь не говорят «мы расшибем», хотя столько данных, а втайне опасение, как бы нас не разбили, если разобьют, то революция ужасающая.

У государя, по словам Коли, при выходе лицо было бледное, глаза стали живыми, прекрасными, и речь свою он говорил, сдерживая рыдания,— очень был хорош — начало воплощения героя-царя.

В кофейне подошла ко мне самая бедная проститутка и сказала:

— Пирожных нет!

Я посмотрел на нее.

— Дрожжи дороги,— сказала она.

— Очень дороги?

— Дороги, угостите пирожными!

Я дал ей пятиалтынный, и она действительно съела три пирожных: совсем голодная бледная.

Итак, ничего, ничего не известно впереди, и мысль все возвращается к герою нашей истории Вильгельму, что это за человек, где ключ к его безумию?

А Сологуб говорит, что все известно, и все герои на полочках.

— Вот бы тут пожить! — сказала она.

— Как же пожить, ведь те не очень преданы этому делу.

— И довольно! — воскликнула монашка, — нужно только капельку желания, остальное сделаем мы.

Вот так и с солдатами: из капельки создают патриотизм, из капельки инстинкта к бродяжничеству создается милитаризм: на эти мысли наводит мгновенное превращение пахаря в солдата.

Куда-то исчезли все нищие и хулиганы, двух нищенок я встретил все-таки, они разговаривали:

— Теперь на людей нечего рассчитывать, теперь все собой заняты.

А нам кажется наоборот, что теперь именно люди не так собой заняты. Нищие правы: теперь собой больше заняты, но это свое стало не причудой, не блажью...

Настоятель Казанского собора 28 сего Июня был осчастливлен телеграммой его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича Верховного главнокомандующего русской армии: «Тронут. Сердечно благодарю. Твердо верую, что при заступничестве Казанской Божьей Матери одоление врага обеспечено».

Война была объявлена Германией: 14-го Июля на совещании Государь высказался против войны, Сазонов тогда сказал, что война необходима. Обратились к военному министру, и тот ответил вроде следующего: никогда русская армия не стояла на такой высоте подготовки.

Большая широкая дорога Невский, едут, едут по ней, сверкают штыки, так сосредоточены в себе и так скупы на все окружающее солдаты. Кажется, все с ними идет в одну сторону к открытым воротам города и там будет солнце и тоже бесконечная цепь штыков навстречу солнцу.

В пустой квартире через форточку чудится где-то сражение. Мы ничего не знаем о нем, на бабьем положении, живем и все читаем, все стали идейные. Соколова, безумно влюбленная в своего мужа, выхлопотала ему пребывание возле Петербурга и говорит мне простодушно: «Нам везет, мы счастливы». А Лапина, показывая великолепные рубашки, сшитые для мужа-доктора, говорила: «Никогда я не думала, что люблю его так!» А жили чуть не по 15 лет вместе. Этот С. был марксистом, а теперь хлопочет об устройстве возле семьи, прибавку получил.

Счастье показывается на один момент, и, чтобы взять его, нужно как можно меньше воображения, как можно скорее нужно поцеловать что-нибудь, поласкать, обняться, забыть себя...

Недостижимое веками устроится в один миг, и когда все устроится, то хватятся: Россия ценности свои накопила в рабстве, в прошлом.

Ремизовы приехали. Так я и знал, что зверства немцев — вздор. Русские заграницей постарались для русских.

Друзьям прогресса теперь придется выдержать большое испытание. Я предвижу теперь, если для России все окончится благополучно (с двух сторон), как быстро зашагает она по пути внешнего устройства. То что...

Болтовня Сологуба в «Сирине» (как это ни странно, Сологуб всегда болтает), о войне, об анархистах, социалистах ерунду, но тема все-таки была интересная: последняя война и социалисты.

Пишу, а в окно одновременно врываются звуки граммофона, плач женщин и отдаленное солдатское пенье.

Так вот, почему же никто из социалистов не поднял голос против войны и пошел под расстрел?

П. Н. Лапин чуть глаза мне не выдрал, когда я попытался сказать против войны, а когда-то мы вместе сидели...

[***26 Августа***]. О немецких зверствах сказал: «Будет вам это слушать, сказки, для того это говорят, что ведь русские солдаты есть, другой перешел бы, может быть, и к немцам, а ежели знает, что звери, то и не перейдет. И их учат, что

мы, русские, звери, а когда сойдемся, то говорят: ну, какие же русские звери, мы же знаем...

«Вешать надо!» — Я спрашиваю, в чем дело у длинного рыжего, а он меня передразнивает: «В чем дело! какое тут дело, это не дело, а подлость: отравили, целый полк отравили наш австрийцы, а мы-то их... сам видел, как наш офицер, какой-то мерзавец, еще руки им пожимал, вешать надо, а не пожимать».

Другие тоже мне рассказывают, что австрийцы целый полк отравили. «А откуда это известно? — спросил я. — Да вот этот солдат рассказывает». Я подхожу к солдату и спрашиваю, как же это отравили австрийцы наших солдат. «Да это еще неизвестно, — говорит он, — сказывают тоже с голодухи после боя яблок объелись. — Сам ты видел? — Как видел? да я ж туда только еду. — Кто же вам говорил, что отравили. — А вот! — и показывает на рыжего». А тот уже в другом углу твердит, твердит безостановочно своим деревянным, злым языком, нечеловечески, что австрийцы наш полк отравили, и какой-то мерзавец офицер руки им пожимал, вот какие офицеры у нас!

Очевидно, исчадие человеческое искало гнилья человеческого, чтобы зажечь его.

Современный человек не может быть искренне массовым человеком: одному мешает отдаться всецело чувству национальной ненависти к немцу Христос, другому торговые связи, Илье Николаевичу мешало русское правительство (в этом «личность»).

За десять дней (от 15 Авг. до 26) Москва изменилась и как! Я, как только сел на извозчика, так и почувствовал, что город наполнен ранеными, по совершенно неуловимым признакам, может быть, по тому, каким тоном говорит со мною извозчик. Он рассказывал мне, глубоко печальный, что есть такие несчастные, что одни глаза только живы. И много уж он набрался от раненых всяких военных ужасных картин, рассказывал, как голову отрывает ядро, как хоронят в братскую могилу, какое несметное количество птиц там слетелось, птицы всей России и всех держав слетелись на

поле сражения, так что от птиц черным-черно. Рассказывая, извозчик долго крепился, а когда дошел до птиц зарыдал.

На Смоленском вокзале мы встречали раненых, нас близко не пускали, и только издали мы видели, как студенты проносили носилки к автомобилям, как в санитарные трамваи шли, спотыкаясь, раненые, особенно жутко было смотреть, как шли раненые германцы в своих сизых шинелях, покачиваясь, прихрамывая, припрыгивая, германцы, враги, враги... все они, русские, немцы, австрийцы сидели в вагонах с красным крестом, в другие вагоны изредка проносили тяжело раненых. Все длилось очень долго там, вдали, где люди казались маленькими солдатиками в какой-то печальной суете — чего они все тут ожидали? Я спросил одну женщину, чего она тут ожидает с ребенком. «Да так...» — сказала она. Ей было совестно сказать, что у нее была надежда своего увидать: и случай редкий, и вагоны закрытые проходят перед публикой на одно мгновение. Вдруг вагоны тронулись и когда проходили мимо нас, то сзади были видны лица с повязками, и вдруг та женщина вскрикнула: «вот он, вот мой!» Узнала своего — и все смотрели на женщину, как она бежала за санитарным трамваем с ребенком в руках.

Я пробрался на вокзал, там, в углу собралась толпа вокруг солдата с ружьем, охраняющего офицерские вещи. Солдат что-то рассказывал, а какой-то длинный в глубине негодовал и кричал: разве так воюют, ох, негодяи, ох негодяи! а мы еще ухаживаем за ними за пленными, бить их надо...

Роман попал в квас. Кютнеры живут в Москве со времени нашествия Наполеона. Роман до того обрусел, что в студенческое время сидел за политическую историю в тюрьме, потом женился на купчихе и полюбил Москву всей душой, стал таким патриотом, так что старые товарищи говорили о нем: Роман попал в квас. Теперь приходят к нему и отправляют в казарму, как германского подданного. С ним в тюрьме все такие же «немцы», до того обрусевшие, что носят ложки за голенищем. К их решетке подходит старушка: немцев посмотреть, какие немцы. Вышел из тюрьмы, хотел доказать любовь к родине, думал: в добровольцы поступить или пус-

тить в квартиру к себе на содержание раненых. Пустил раненых и так этим воодушевился, что даже икону повесил. Стал беседовать с ранеными: одному палец оторвало, другому два, один раньше служил в сыскном отделении, другой в жандармах, и икона оказалась тоже не причем: католики.

4 Сентября. Любовь к врагу — что это значит? любовь к тому, что у врага есть хорошего, признание, что он, будучи хорошим, творит не зная что? убеждение, что нет существа, вмещающего только зло? Не на этом ли основана и молитва за дьявола? О. Афанасий не находит возможным молиться за дьявола, потому что будто бы дьявол есть абсолютное зло и с ним покончено все. Между тем легенда гласит, что дьявол некогда был ангелом.

Дорогой А. П., научите меня понимать чувство любви к врагу человечества, за которого вы находите возможным молиться. Я понимаю христианское «любите врага» в смысле врага бытового, не абсолютного врага, поскольку он не ведает, что творит. Я не знаю источника любви к абсолютному злу и не понимаю, как молитва, значит, действие, может быть направлена к тому, что по существу своему неизменно.

Поезд из Москвы опоздал к Новгородскому поезду в Чудове, вместо того, чтобы сидеть 24 ч. в Чудове я решил ехать в Петербург и оттуда потом обратно. Билет я взять не успел до Петербурга в Чудове, а проводник посоветовал взять мне в Любани. Когда мы приехали в Любань, то проводник объявляет, что с меня взыщут двойную плату. Я протестую, меня приглашают к дежурному по станции, и там я прошу составить протокол. В это время проводник объявляет, что у него «их деньги есть», деньги — три рубля, которые я дал ему, чтобы разменял и купил мне в Любани пирожков. Дежурный вычитает деньги и возвращает мне сдачу. Я хочу объяснить им, что они совершают незаконный поступок, называемый самоуправством, но меня совершенно не понимают, в это время поезд двигается, и я спешу на свое место. В вагоне я говорю спутникам по ку-

пе, что начинаю понимать, что значит любить своего врага: немцы бы поняли незаконность пользования моими карманными деньгами для штрафа. — Почему же вы не живете в Германии? — спрашивает полная дама с круглым белым лицом. Дежурный по станции вычел штраф за неоплаченную мною станцию из денег, которые я дал проводнику, чтобы купить кое-что для себя на станции. Напрасно объяснял я дежурному, что совершает незаконный поступок: он меня совершенно не понимал. В вагоне я это рассказал своим случайным спутникам и прибавил, что начинаю понимать, как можно любить своего врага: в мирное время немцы это хорошо бы поняли. — Почему же вы не живете в Германии? — спрашивала меня дама полная, белая, с широким лицом. — Потому что я живу в России, — отвечаю я даме. А она продолжает: — Вот у нас так всегда свое заплевывают. — Что называть «своим», — возражаю я даме, — вот, сударыня, костюм, я уверен, что он у вас немецкий. — Все из Парижа! — с негодованием воскликнула дама. — Мода — это дело вкуса, — заступился старый полковник за даму. — Конечно, обрадовалась дама, — мода существует только парижская... Чтобы не подливать масла в огонь, я принужден был весь остаток пути выслушивать даму и полковника о немецких зверствах и беззакониях.

24 Сентября. Справлялся — приехал Шипóв? — Приехал. Он выручит, он умный человек. Пришли к нему, а он тоже ничего. Как в пропасть попал: все свои заняты... Совсем было решил ехать зайцем, вдруг Леонила Николаевна открывает путь, и опять откладывается дня на три.

Спорят в газетах Бенуа с Врангелем: следовало ли закрываться «Старым годам»? Ну, кому нужны теперь «Старые годы»? А между тем верно и то, что кому можно, нужно оставаться на своих местах.

Что это — радостное чувство при последних неудачах? Самоутомление или возвращение к самому себе? С.Л. пишет, что на позициях в деревне украли кусок сала у бабы и мысль об одном, где бы хлебца достать.

[*Киев*]

25 Сентября. П. рассказывал, как в Галиции впихнули в санитарный поезд женщину: будто бы она искала своего мужа и все приставала, чтобы ее взяли в Львов. Она была очень взволнована и то плакала, то смеялась, и пела свои русинские песни. Одна песенка очень понравилась П., он взял свою книжку, подсел к русинке и стал записывать. А русинка очень испугалась. Он ее уговаривает. Она еще больше боится, бежит от него на площадку. Он боится за нее, спешит за ней, а она от него и прямо с поезда бросилась в поле.

Дух неизменный и вечный, что перед ним ничто исторические события, но все-таки война что-нибудь значит.

В этом споре Роллана и Гауптмана (Гауптман: простреленная грудь — разрушенный храм).

Владимир Николаевич Степанов, помощник коменданта военно-санитарной станции, агроном, сделался чиновником, и сразу видно, что не чиновник: как уродует людей профессия.

Д.— аристократ с немецкой фамилией:

— Я смотрю пессимистически: Вильгельм — не сумасшедший.

Ему равен чиновник, мечтающий, что если Вильгельм победит, то будет мировая федерация и война исчезнет.

К. в минуту отчаяния за сына: общественный человек пробудился и спрашивает:

— Да как же они это безобразие не уймут, зачем война?

Женщина бегала по лазаретам, искала раненого.

Победа над германцами при Августове: звуки колокола Софийского собора, чины съезжаются. Победа! все на улице. Закрыли дома свиданий, и проститутки все высыпали на панель.

Спор с консулом: мир существует и людьми открывается, и наоборот: люди мир творят из ничего.

Моя Америка и тоска по ней при хорошем ученье.

Рассказ голодного солдата о своем сумасшествии во время атаки, рубили, голодный возле монастыря на горушке.

Когда торговки бросают австрийцам через головы конвойных булку или папиросы, то австрийцы, как собаки — в кучу, а германцы с презрением бросают — так, по крайней мере, рассказывают.

Исчезновение мечтательного чувства к природе, расспрашивать, как представляется на войне природа: лес во время бомбардировок.

Легенда о том, что Россия обязалась перед Англией своим внутренним переустройством.

— Чи мы немцев побили, чи немцы нас?

26 Сентября. Утром туман и дождь, в полдень прояснение, к вечеру опять дождь.

Наши разговоры о внешней политике и о событиях: еще неделю, две, и все будет ясно.

Какой вздор я написал Т-е, что бросил что-то ради чего-то. Между тем, если бы удача, не было бы стыда, удача, счастье покрывает и стыд, и обиду, и все эти мелочи, счастье, победа — все искупают, как будто того и не было.

1 Октября. 12 ч. ночи — Львов, 7 ч.— Пидгайники, 12 ч. д.— Злачев, 9 ч. у.— Зборов.

30 Сентября. 9 ч. в. Зборов, 2 ч. д. Тарнополь, 8-го выехали из Волочиска.

29 Сентября. Из Волочиска в Подволочиск и обратно.

28. 9 ч. утра, приехал в Волочиск и ночевал в Славянской гостинице.

26. 12 ч.— выехал из Киева.

Деревня — лес на пути от Зборова до Злачева. Деревня со старой церковью и мостом. Тарнополь: утка из камышей, грачи, гуси летят, дуб, розы, гиацинты. Зборов: конское положение. Рост признаков войны: как по следам консервных коробок и махорочных оберток — от Подволочиска до

Тарнополя вид наших полей, чернозем, слегка взволнованное море, картинное шествие казачьей сотни: на горизонте всадники арьергарда, потом авангард — страх иудейский: пошаливают.

Паровая молотилка: отломаны [скребки], не подозреваешь, что таится за этой картиной, рожь «до» или «после», а потом уже только сеют, или вовсе не сеяли (почему-то валяется неубранный хлеб).

Тарнополь: фотографии, первая русская лавка, первый русский городовой, кучка евреев — последний день праздника Кучки (Кущи), фанатические шапки (хорька), евреи-адвокаты, судьи, интеллигенты, пропасть между ними (не как у нас — единство), поляки — должники евреев. Озеро — душа русского народа и в нем отражается: поляк, немец, еврей.

До Тарнополя — хохол, а после Тарнополя — русин, разговор с ними на воляпюке, наш купец на всех языках.

От Зборова: чувство собственности, хозяина. Самоуверенность надзирателя растет. В Подволочиске — разбежались собаки, в деревнях нет собак, в поле собаки.

Надзирателя психология: на все иметь свое мнение, [самое] поверхностное утверждается и получает значение — сила утверждения растет по мере того, как мы поднимаемся к Карпатам, например, этот ужасный (шаловливый) начальственный малороссийский язык, например, крик по-русски: дурак! в то же время снисходительное выслушивание и беспрестанное утверждение своей глупости. План освобождения: христианский. Встречи: изредка городовые (отдают честь), а стражники не понимают формы и едут мимо. Ругаются из-за «право» и «лево» (русские привыкли ехать влево и вдруг — вправо!), автомобиль — страх, вопли...

Я убедил колеблющегося (не по чину) надзирателя, что если служить, то надо знать страну.

Львов. Немецкий город или Киев. Высокий замок — сестры милосердия, проститутка, сводница, [все] скопились после восьми вечера, играет органчик под фонарем Красного Креста, везут в открытом трамвае тяжелораненых,

слепая женщина в черных очках пилит на гармонике, разочарованные подрядчики, милиционеры, которых не слушаются, где-то треск — воруют дерево, чурбаки сложены, на высоком замке две женщины потихоньку ломают забор и наш полицейский надзиратель не велит — проявил свою власть. Втайне надеются на возвращение прежнего. Офицер рассказал, что где-то в русинской деревне их принимали за австрийцев (народу все равно, все едино, только скорей).

Стеснение в мелких деньгах. В кофейной чиновники говорят, что устроили дешевую столовую по 70 центов за обеды, но где же взять и эти центы? Везут тяжелую артиллерию.

Все возле памятника Мицкевичу.

Понять можно это только, если [смотреть] из глубины страны.

Снаружи [все] прежнее, внутри то — что это неизвестное будущее: легенда о тайном.

Русские войска входили — все на улицы, будто парад, а говорят, казакам подносили яблоки и виноград, они брали охапками и цветы.

Иконы на окнах: да я же иконы выставила.

Мчится автомобиль...

Зачеркнуто: Кто хочет попасть на войну для каких-нибудь добрых дел и не имеет больших связей, то самое лучшее обратиться к прапорщикам запаса, там все почти сплошь интеллигентные люди и легко понимают вас. Но беда, если такой прапорщик получит какую-нибудь официальную бумагу от высшего начальства, чтобы не пускать никого: он примет это «никого» как категорию и не пропустит никого принципиально.

В Киеве я запасся бумагами, ехал в Галицию совершенно со спокойной душой, и вдруг из-за такого прапорщика дело остановилось у самой границы: была получена телеграмма, чтобы никого не пускать по железной дороге, и прапорщик меня не пустил.

Остановились подрядчики, снабжающие необходимыми товарами армию, купцы, чиновники, собрались все на вокзале, шумят, кто ругается, кто просто огорчен, угнетен,

что делать, каждый [предлагает], товар отправили, а разгружать будет некому. Словом, все мы были в отчаянии, очень хорошо понимая, что не высшее начальство виновато, а прапорщик, понявший телеграмму начальника как безусловную. Мы все еще надеялись, мы искали способа уговорить молодого офицера, как вдруг показался околоточный надзиратель.

— Как, и вас не пропустили?

— Да, и меня не пропустили,— сказал околоточный.

— Кончен бал! — сказали подрядчики.

Если полицейского не пропускают, то что же делать?

Оставалось ехать до Львова на лошадях, что значит ехать на простой телеге, на невозможно плохих лошадях верст полтораста по завоеванной стране.

Я уговаривал околоточного ехать, но он не соглашался: такое путешествие, казалось, рискованное и легкомысленное и такое увлекательное для меня (разные психологические мотивы), было ниже достоинства околоточного, и притом он был оскорблен, потрясен, он прочел в газетах о полицейской нужде в Галиции...

Я поступил немного коварно. Мне очень нужен был спутник-полицейский, прежде всего уж потому, что я никогда не ношу с собой револьвер, потом его форма полицейского и, наконец, просто заинтересовался судьбой человека, делающего свою карьеру в завоеванной стране. Я убеждал, я рассказывал, как необходимо знать страну для чиновника, даже маленького, коварно поступил.

— У вас,— говорил я,— будет тогда совсем другой кругозор, откроются совсем другие достижения. Все это очень хорошо знают губернаторы: с этого объезда губернии они начинали свою службу, почему бы и вам так не начать.

Словом, я поступил коварно: так мне хотелось ехать.

— Не собираюсь же я в губернаторы.

— Почему нет.

Рассуждая таким образом, я убедил ехать со мной в одной телеге околоточного, вооруженного револьвером, и двух подрядчиков, снабжающих армию теплой одеждой...

Сейчас я уже в Львове, я пишу это в удобной гостинице, я вижу в окно жизнь уличную и всюду похожую на жизнь всякого большого города, но это только лицо, это только внешнее обличие, странно переживаемое, стоит мне оглянуться на совершенный путь по завоеванной стране, как все это внешнее обличие большого города исчезло, как дым.

Я благодарю судьбу, что она заставила меня предпринять трудное путешествие, я теперь хорошо понимаю и вижу из окон, как там, среди нарядной толпы, украдкой, оглядываясь по сторонам, эта бедная женщина тащит деревянный чурбан: она его где-то украла, ей нужно топиться, она достала муки и нечем топить печку.

Но я забегаю вперед. Волочиск — наша пограничная станция с Австрией, здесь мы добивались пропуска, и я начинаю с Волочиска описание своего необыкновенного путешествия по завоеванной стране. Местечко обыкновенное, грязное местечко юго-запада, где ютится всякая еврейская беднота. Тут был маленький бой, и за лесом в болоте есть первый крестик братской могилы. Таможня, водокачка и несколько других казенных зданий, взорванных нами при первом известии о наступлении австрийцев, от взрыва погибло множество сельскохозяйственных орудий.

Мы ходили с железнодорожным врачом среди этого поля исковерканных орудий, и он мне с хорошей [профессиональной] гордостью рассказывал, что они с телеграфистом бежали последними. Его уже не поразил вид разрушения, когда потом пришлось возвращаться. Зато как были поражены те, кто въехал раньше: выбиты стекла, разграбленная хулиганами квартира — все это на первых порах подавило сознание, бормотали женщины о ключах, о шкафах, об украденных и зарытых где-то в поле подушках. Среди этого хаоса нужно было устраиваться, и притом принимать громадное и все возрастающее число первых раненых. Вначале эти раненые [поступали] сюда прямо после битвы. Волочисский питательный и перевязочный пункт был первым этапом на русской земле.

— Не нужно перевязывать, подождите,— говорили раненые,— дайте чайку.

И тут быстро, буквально из ничего возник исторический питательно-перевязочный пункт. Явились на помощь

и бескорыстные бесплатные помощники — девушки из местного населения, кто-то из помещиков прислал два больших самовара, кто-то изобрел термостат, сохраняющий теплую воду в течение восьми часов, кто-то собирал деньги, кто-то предложил княгине Волконской принять участие, словом, все быстро получилось.

Я останавливаюсь на этом под впечатлением рассказа одного гимназиста, только что возвратившегося из германского плена: как там, в Германии, рассказывал гимназист, дело эвакуации раненых было заранее предусмотрено и входило в руки дельных чиновников. В Германии жизнь общества больше нарушена от войны, чем у нас, там все-таки больше, чем у нас, искалечены люди, но там общество довольно равнодушно встречает в трамвае кружки с красным крестом. У нас все нравственные силы, все запасы неиспользованных общественных чувств устремлены на помощь страдающим.

Я ночевал возле станции Волочиск в еврейской деревне, которую мой спутник-околоточник упорно называл Федоровкой.

Рано утром [привезли] пленных австрийцев в башмаках по грязи.

— И это солдаты! — говорил мой спутник.

— Хлеб, хлеб,— просили австрийцы.

— И это солдаты, без сапог,— презрительно косился околоточный, но хлеб все же давал.

С нами ночевал еще один прапорщик, филолог по образованию, отстал от своего обоза. Хозяйка-еврейка старалась нас уверить, что она не еврейка, а [молдаванка], пленных называла «проклятыми». Словом, начался тот хаос войны, туча оборванных [пленных], путаница фактов [обычной] жизни, и так на всей Волыни, потеря стыда перед завоеванной страной.

2 Октября. Второй день во Львове.

Гимназист рассказывал, что всегда жил мечтой о России, потихоньку учился русскому языку, учил сам в нелегальном

кружке. Не думал, что победят, потому что читал Вересаева и составил представление о русской разрухе. Прислуга спрашивала его, правда ли москали одноглазые и с хвостами. Был революционер, сжег всю русскую библиотеку (250 т.), не имел права иметь карту России. Занимается музыкой: сочинил литургию. Хотел быть филологом, теперь ему предлагают поступить в семинарию, потому что священники должны быть галичане. До 21 августа в Львове думали, что русских прогнали на 150 километров. 22-го вступили три казака и потом еще, и, наконец войска. Встреча: цветы и виноград, но надо было видеть рожи. Я сам, глядя на войска, первый раз увидел, какие крепкие здоровые воины. Песня в Львове: «Кому мои кудри» со свистом.

Рассказ М., что в П[одволочиске] были дети повешены вокруг церкви, в Жолкове расстреляны и пр. Бобринский сам освободил 75-летнюю старуху из тюрьмы и женщину с ребенком и проч., что за паломничество в Почаевскую Лавру сажали в тюрьму. Из всего этого складывается, что действительно есть в народе Галиции какая-то вера в Россию,

Подволочиск.

Экипаж наш обыкновенная фура, широкая вверху, узкая внизу. Полицейский надзиратель, два подрядчика и я сели в солому, и вышло очень неудобно.

— Ничего,— сказал хохол,— пожахнет.

Правда, солома скоро пожахла, и мы съехались все нога к ноге в узкой части фуры; в таком положении мы и поехали «на Львов».

Версты четыре мы ехали частью домами местечка Волочиск, частью полями и так прибыли на границу России и Австрии: граница естественная, речка, направо широкая — пруд, мельница, налево ручеек и в нем удильщики, как будто и не бывало войны, удят рыбу. Наш столб, австрийский столб, сломанная «рогатка», сломанная граница, и мы в завоеванной стране. Вот где начинается картина разрушения: сожженные дома, разбитые снарядами стены, следы пуль на стенах, следов пуль везде много, но странно, хочется видеть больше, больше, и когда встречается стена без пуль, то с до-

садой переводишь глаза на другую. Большие разрушенные дома, как нам потом рассказали, погибли не от снарядов, а просто были сожжены руками местных грабителей, заметающих следы своего воровства. Вслед за войсками явились, Бог весть откуда, банды грабителей и тащили все, частью сбывая в Россию, частью зарывая в полях. Это как у нас на обыкновенных пожарах, когда являются существа с какой-то подземной душой и у до конца несчастных, до конца разоренных людей тащат последнее.

Первая увиденная мной униатская церковь была как будто слеплена из западной и восточной глины и до того искусно, что просто теряешься: что это, костел или православная церковь. И я сказал бы, что скорее костел, если бы не показался настоящий костел, пробитый двумя снарядами.

По улицам, пустым и разрушенным, там и тут бродили кучки евреев, по случаю праздника Кучки (Кущи) одетых в особые блинообразные отороченные хорьковым мехом шапки.

— Фанатики! — сказал наш полицейский.

На вопрос, почему они кажутся ему фанатиками, он ответил:

— Хасиды и цадики.

Что такое хасиды и цадики? он пояснил мне:

— Фанатики.

И так потом это продолжалось всю дорогу, при виде этих действительно своеобразных настоящих евреев в необыкновенных шляпах, с пейсами, в длинных черных сюртуках, надзиратель неутомимо восклицал: фанатики, и потом пояснял: хасиды и цадики.

Было неудобно встречаться глазами с этими хасидами и цадиками: как встретишься — поклонятся, приветствия людей побежденных. У одного из них мы спросили, где полицейский участок, и нам показали на ратушу. И в голову не приходило, что мы со стороны полиции встретим затруднения в пропуске, что нас могут здесь задержать, но

вышло иначе. Перед ратушей стояло много подвод, таких же, как наши, и нагруженных товарами. В ожидании чего-то по лестнице стояли разные старые люди, купцы русские, русины, малоросы, молдаване, турки, армяне — все они, как оказалось потом, ожидали уездного для пропуска. Внутри самой думы этих людей было еще больше, и за столиком сидели два молодых человека, оба еврея, один инженер, другой коммерсант, теперь они за отсутствием своего дела исполняли обязанности полицейских писарей и получали какой-то процент с пропущенной подводы.

Наше ожидание было больше чем долгое, мы сидели с утра и до самого вечера и в этом томительном ожидании чего-чего ни переговорили. Турецкий подданный ехал во Львов бузню открывать, немножко халвы, немножко винограду, яблок, изюму, чего-то еще, и поехал.

Молдаванин, желтый, с горящими черными глазами, ехал пробовать счастье по ресторанному делу. Ехали с бакалейным товаром, с чаем, сахаром, мукой, больше с мукой, ехали всевозможные подрядчики для армии и госпиталей, настоящие старинные малороссийские чумаки. Как бывает иногда на ходу, где-нибудь в провинциальном городе по пути сядешь на берегу текучей реки закусить, бросишь остатки пищи в реку, и Бог знает откуда появляется птица ворона, и, смотришь, крадется в воздухе другая, третья — как они чуют, как они сговариваются — удивительно! Такие некрасивые, отвратительные существа, а поговорить бы с ними — ничего, просто есть хотят, как и прекрасные певчие птицы. Сколько их, как они все узнали, как быстро приспособляются. Я спросил одного чумака с простецким лицом, почему и как и с чем он собрался на войну.

— Цибулю везу,— ответил хохол.

Услыхал, что война, собрал цибулю, купил немного муки, немного сахару, запряг лошадь и поехал. Он еще говорил о Новой России, что какая-то Новая Россия открылась, так хотя бы ее посмотреть, больше хотел бы посмотреть, а там уж само дело укажет.

Начальство наше все не приходило.

— Придет! — говорили писаря из евреев — разница с Россией.

Мы, готовые ко всему при поездке в военное время, покорно сидели, но полицейский надзиратель, судьбою превращенный из принца в нищего, волновался и кипятился.

— Придет,— успокаивали его писаря.

Никто из них не решился сходить за начальником.

Под вечер, когда уже ясно стало, что нам не управиться сегодня, что наша подвода, нанятая до Тарнополя, пропала и пропал драгоценный для подрядчика день, наш старый подрядчик взбесился, и это нас погубило.

Когда явился начальник, подрядчик что-то сказал.

— А есть у вас свидетельство о неподсудности, нет? — Представьте свидетельство. Следующий.

Я попал уже на рассерженного: у меня тоже нет такого свидетельства, мне тоже нет пропуска. И никаких разговоров. Едва, едва проскочил наш полицейский, но не ехать же ему одному. И мы все вернулись назад, опять через австрийскую границу в эту грязную Фридриховку. Теперь мы ехали, не глядя на сожженные дома, на пробитые пулями стены, на деревья с обломанными от снарядов сучьями.

— День стоил двести рублей! — говорил подрядчик. — Что делать? — я уже был уверен, что возвращаюсь в Россию совсем как неудачник.

— Что вы! — сказал подрядчик, а штабс-капитан <*1 нрзб.*> комендант?

Мы пришли к штабс-капитану, прекрасному усатому офицеру с хлыстиком.

— В канцелярию! — сказал капитан,— пусть напишет пропуск, только поскорей!

И махнул хлыстиком.

Сердце мое сжалось, когда я увидел бегущего нашего старого подрядчика, бегущего стремительно впереди с детской радостью на лице. Мы все бежали, и через десять минут были опять у капитана, и у него уж был в руке карандаш.

— Извините, у меня есть чернила.

— Ничего, это чернильный карандаш. И капитан подмахнул.

Потом по грязной Фридриховке в темноте, попадая в грязь по колена, бежали мы, повеселевшие, в грязный спальный номер, голодные, но радостные, проклиная уездного, прославляя коменданта.

Как спокойно на душе, когда пропуск в кармане, а что вчера, то забыто.

— Бог с ним, со днем! — вспомнил только старый подрядчик и сейчас же прибавил: — Историческое место.

Полицейский надзиратель встрепенулся:

— Место! Что вы говорите?

— Приеду, посмотрю, а может быть, и место выйдет.

5 Октября. Спрашиваю поляка, где церковь.

— Вот,— говорит,— это русская.

— Тут,— спрашиваю русского солдата,— наша церковь?

— Нет,— говорит,— это церковь не русская.

Ищу униатскую Преображенскую церковь, попадаю в костел и опять в костел и опять, наконец, в единственную православную Успенскую церковь. Дьякон, облачение. Сияние.

В униатской: разнообразие обстановки, от католической до православной. Католическая [церковь] Шептицкого. Преображенская: сидения, на стене хоругви на своих местах, редкие фигуры ангелов, хор позади, молитвенники в руках, кафедра, священник в малиновой шапочке, бритый, как папа, а дьякон, как Шаляпин и Собинов, диакон говорит проповедь о мире тонко, умно, изящно: «Человецы!» — украинским языком, молитвы украинского языка. Первый раз услыхал законный существующий украинский язык. Чудесное «Примите, ядите» — утешение, сложение рук священника, певчие и продолжение пения народом, причастие: круг причастников. Что, если бы сюда старовера? Как он ужаснулся бы! Мне же было наслаждение возможности единения, даже выше, просто это было очень, очень красиво. Рабы и утешительный обряд. Многая лета Николаю Александровичу, Всеправославнейшему императору.

Львов: барометр войны — шло, должно быть, плохо: мне сдачи не дали и сказали, что мелкие деньги я должен просить у правительства. Жуткое чувство. Права собственника. Огрубление нравов: дурное у русских. Неметеные улицы: сор. Завелся в городе сор.

Женщина разбирала забор, солдат сказал, что будет стрелять.

— Стреляй! — сказала женщина.

Герои тыла. Управление Красного Креста — богема. Илья Львович Толстой, гр. Дима и А. Стахович...

Путешествие
(продолжение)

Чернозем, глубокий сильный, леса, заботливо окрашенные перила на бочках дорог не трескаются, почему: края дегтем вымазаны.

Чем дальше, тем озими меньше, у Тарнополя еще только что взошли, пейзаж — чернозем, взволнованная русская губерния. Следов боя нет, только у самого Тарнополя у дорог братские могилы, убранные цветами. Где-то выехала в поле паровая молотилка: это так не був пан, пан утик.

Тип нашего старшего подрядчика: знает все языки, изобразить его, как дорогу, по которой проходят войска, война слова, воюют слова, а купец, как проезжая дорога.

Дорога со следами консервных коробок и махорочных пачек по бочкам дорог и всегда статуи святых и ни одной статуи не сбито.

Тарнополь — взорванные казармы, следы пуль. Город как город, но вот по движению этих странных кучек людей на улице вдруг догадываешься, что пусты дома.

Спор с дамой из Песта в вагоне-ресторане: как немка сцепилась с околоточным и подрядчиком: через две недели будем в Песте: виноград, цветы, немецкая официальная любезность и всколыхнувшееся нутро, все были убеждены, что Австрия первая объявила войну, за старого императора.

На рынке мы видим, как первый русский городовой тащил кого-то за шиворот, околоточный поймал его и спрашивает: кто градоначальник, городовой рекомендует австрийскому городовому, тот ведет в манеж и велит старику русину ехать, любезно, но повелительно, страх русина.

Война слов: парук-махер, приказ, объявления о вступлении войск русских, русский губернатор, а фотографии австрийских офицеров и барашки, каких уж нет и не увидишь в городе.

Один процент остался жителей в городе: [все остальные уже] бежали.

6 Октября. Открытые врата (у нас при архиерейской службе), пение в деревнях народа. Во время причастия пели Почаевскую молитву «Пречистая Матерь русская на земли и небеси Тя величаем». Орден Базильяков, враждебный православию. Собор св. Георгия.

В нескольких десятках верст от Львова находятся места грандиозных сражений, за этими местами и теперь идет непрерывный бой. Для нас, живущих далеко от места сражения, что значит, если телеграмма известит о небольшом отступлении или о нашем движении вперед? — ничего особенного. Здесь совсем другое. Вот прибегает ко мне мой экспансивный товарищ и говорит взволнованно:

— Сдачи не дали в лавке, говорят: попросите мелких денег у вашего правительства.

Небольшое пояснение: в Львове сейчас большой недостаток в мелких деньгах. При хорошем высоком русском барометре нам очень вежливо с улыбкой дадут сдачи русскими или австрийскими деньгами, или пошлют в соседний магазин, или даже просто попросят занять денег после. При плохом барометре такой прямо невероятно дерзкий ответ: попросите деньги у вашего правительства.

Я подчеркиваю невероятный, потому что мой товарищ, наверно, что-нибудь прибавил от себя, я даже склонен думать, что в значительной степени стрелка барометра дрожит от нашего собственного чувства.

Я говорю не о том примитивном и естественном чувстве своего владения, с которым успели сжиться люди, пробывшие хозяевами уже около двух месяцев в Галиции. Нет, я по человечеству: мне страшно за моих друзей из русин, которых непременно австрийцы перевешают, если только снова станут жить в Галиции.

Много я слышал с самого начала войны о зверствах, но, признаюсь теперь, я мало чувствовал: до меня долетали какие-то чужие чувства и самое большое, я только принимал это к сведению. Теперь, когда я попал в Галицию, совсем другое, я почувствовал и увидел в пластических образах времена инквизиции. Это не корреспонденции, это не рассказы людей, потерпевших от германского плена, это люди, потерявшие все... из-за чего?

Да, вот как это было. Австрийское войско занимает, например, какое-нибудь поле, принадлежащее русинскому священнику. Понятно, что батюшка беспокоится, идет посмотреть «як так». Приходит на место, его арестуют, находят в кармане письмо от сына с войны, в письме описывается местность. И этого довольно: священника вешают. Теперь села опустошены. Священники сплошь арестованы и отправлены в глубину страны. И вот почему в некоторых местах села переходят в православие: в Галиции народ еще более, гораздо более религиозен, чем в России, при таком великом несчастье потребность эта еще больше растет, обряды православия мало разнятся от униатских — и вот почему переходят.

Конечно, всех этих людей, обиженных в своих чувствах [нельзя] спасти, всех перевешают, но, пожалуй, даже не это так меня волнует. Мне жалко мечту... В Галиции есть мечта о великой чистой прекрасной России.

Откуда-то слышится солдатская песнь. Но будто из глубины этой неподкупной России:

— Кому мои кудри, кому мои русы
Достанутся рас-чеысать!

И вот, если стрелка нашего барометра падает, [душа] больше болит, чем в России. Это понятно. И горько за творческую мечту, больно со всех сторон.

Гимназист, семнадцатилетний мальчик, гулял со мной по Львову и разговаривал на чистом русском языке. Он мне рассказывал о преследовании русского языка, не позволяли даже иметь карту России, перед войной он принужден был сжечь Пушкина, Лермонтова, Толстого и Достоевского. Преследовались даже слова, к завтраму он приготовит мне список слов, запрещенных для употребления гимназистами, слов русских.

— Как же вы научились русскому языку?

— Меня потихоньку учил дедушка — дедушку взяли в плен. А я учил других, и так шло. Мы действовали, как революционеры, мы были всегда революционерами.

А вот другое... Старый семидесятилетний священник рассказывал, как он всю жизнь мечтал побывать в Киеве и достал пропуск, а в Киев его не пустили, в Киеве так и не удалось побывать.

— Кто же вас не пустил?

— Русские не пустили: тогда почему-то боялись униатских священников.

Сколько бы я мог привести таких рассказов. Холм высокого замка господствует над всем Львовом — насыпан в память Люблинской Унии.

Русские на улице, только начнешь — и пойдет про жидов: вот жид купил, а вот пан свою корову продал (дом с коровой), жид текал. Как русские воспитали еврейского мальчика, и он им потом давал деньги без процентов.

О. ректор рассказывал, какое было состояние сыска перед войной: страшно было ходить по улице, все было предопределено кем-то, кто-то говорил: «О. ректор, доставайте себе легитимацию.— Я возмущаюсь.— Говорю вам, доставайте! — Меня призывают свидетелем по одному делу на суд, я даю показания по-немецки, а судья спрашива-

ет: — Почему вы говорите по-немецки? — и попал в список опальных».

Доктор сидит в кабинете, влетает барыня, собирает на польское войско: «Я не поляк, я могу дать на австрийское,— она начинает кричать, а на другой день опять один дружески говорит: — Ищите легитимацию».

Я думал, неумно все это, как мы, русские, богаты, как счастливы, что можно жить и не думать о национальной [политической] работе, счастье быть выше [национализма].

Трагедия: старик-священник, сторонник русской партии, сын его на войне против России.

С двух сторон бьют: русские увезли митрополита, австрийцы — монахов-студентов, учителей школы Шептицкого.

Неподвижно. Спущены тюлевые занавески. Лики икон, единственные лики, и вдруг догадываешься, что пусты дома. Цветы возле домов, куст жасмина, и розы, и сор возле.

Страх русских. Каких русских? где пан? — Пан текал.

Село в лесу: были сады, люди строились, потом заборы свалили, стали как в лесу.

Ночевка в Зборове: ночь, евреи, корчма, околоточный

чуть не лег в постель хозяйки, знание языков купца, ночевка в лошадином стойле, мазаный дом для людей и лошадей, язык купца, язык русина.

7 Октября. Офицер пахнет землей, три месяца провел на войне, раненый, идет, опираясь на австрийскую винтовку.

Читали газеты, хорошо обедали в офицерском собрании. Как устраивается телефон. Окопы: ямки на расстоянии. Люди, [согнувшись], перебегают под пулеметами, а когда прибегают немногие счастливцы к окопам — нет ничего — сдаемся.

— Ничего не боюсь, пулемета боюсь.

Шрапнель не страшна: лежал на большом расстоянии, и поражения в частях мало, в общем-то и много, а так мало на глазах.

— Видел раненых?

— Нет, они остаются позади.

— Убитых?
— Мало.

В общем, мы гораздо больше видим в воображении смерть, чем на самом деле. Самое ужасное — вокзал: на полу множество, один сидит на шинели и все старается отодрать влипшую на коленках марлю, другие лежат на носилках без движения, «в себе», стоит голый и на спине его красный кружок, садится на стул и рукой нащупывает красную ранку. Сестра милосердия аккуратным квадратиком залепляет, чинит людей, и люди «в себе» [лежат]. Казак кубанский в папахе с нагайкой пронзительно смотрит на женщину. Его боятся, ничего не выходит. Солдаты и офицеры вместе, и не так солдаты отдают честь, и простота разговоров, вообще простота — кавалерия, пехота, чины все перемешались в защитном цвете. Пущенный председателем слух о Миколаеве и о бегстве: жидок трус и благодаря самоуверенности, на почве своей трусости создает легенду трусливую. Вообще, уйдешь с вокзала — кажется, мы победим непременно, солдаты ничего не знают, но чувствуют, что победим, жидок тоже ничего не знает, но говорит: нас победят и как бежать.

Впрочем, конечно, там, на поле сражения, сами не знаем мы, сколько раз была наша судьба на волоске.

Маклаков вернулся из Миколаева, как ударила бомба с аэроплана, как на волоске от взрыва пироксилина и к вечеру стрельба замолкла. По Карпатам два ряда огней — выше австрийцы, ниже наши, днем и утром пальба много дальше.

Вечер: махорка — коробки... ямы — развалины. Перемыш... Окрик часового: — Кто? — Свои. Прожектор автомобиля. Крик полицейского: — Направо,— а русин налево, потому что здесь обычай налево сворачивать. Почему это? И мало-помалу я начинаю замечать, что все сворачивают влево, я объясняю полицейскому — мол, [ям] всё больше и больше на дороге, всё ямы? Всё окопы. Темнело, темнело: всё были ямки, как они могли быть друг против друга? Поняли: русские гнали, когда русские были против, тогда, против австрийцев, потом окопы переменились, мы присмот-

релись и [поняли]: в русских была махорка, в австрийских консервы. Все темнело и темнело, а окопы не кончались, показался Млечный Путь, Медведица и около Медведицы...

— Что это — не комета? — спросил старший надзиратель [раненого] офицера...

— Комета! Посмотрите, комета... Да, комета, я не раз это видел [дома].

А все мы посмотрели, кончились ямы... кончились, вправо такая была сила взрыва, вправо пошла война, и [тоже] комета шла вправо, и вправо шла война.

Крестик, квадрат земли рыхлой,— мы косимся, как лошадь, как животное, на кровь.

[Вдали] — роскошные парки [города]. Львов — сказочный солдатский город... поздно ночью остановка *<1 нрзб.>*, вот Львов [ночной], милиционер показался. Русские первый раз в Львове. Спящий пустой город. Костел в развалинах. Уснули в роскошных постелях, ночью дров не было, зябли, но под теплыми одеялами хорошо.

Ночью приехал офицер с денщиком, за стеной разговор.

Кому как хочется: русскому — русское, похоже на Киев, поляку — на Варшаву, немцу — на Лейпциг...

Приветствие гуцулов: миром мир вам!

9 Октября. Странное чувство я переживал, когда в Галиции приближался к местам недавнего сражения. Мне сейчас же вспомнилось в мельчайших подробностях все мое домашнее в тот момент, когда получилось известие об этом сражении, и устанавливалась какая-то новая точка зрения с высоты воздушной разведки на то домашнее и на это военное.

То же самое встречаться с каким-то новым ощущением жизни, когда начинаешь входить в местную жизнь Галиции и кто-нибудь из переживших войну, постоянно путая слова «наше правительство», «ваше правительство», «наши — ваши войска», начинает рассказывать, как они жили во время боя.

Третьего дня мне рассказывал один гимназист польской гимназии, вчера старорусский священник, сегодня галича-

нин профессор. От этих рассказов у меня получилось полное представление времен инквизиции. Конечно, тут не было физической жестокости в той чудовищно утонченной степени, как в те времена, но зато унижение человеческого достоинства в националистских тисках было достигнуто в высокой мере.

Мне было очень интересно выслушать от профессора историю одной социалистической партии, похожую на нашу народническую, как и она постепенно перед войной уступила [позиции] и неминуемо должна была уступить.

Как-то совестно говорить слово «интересно», когда в нескольких десятках верст гремят пушки и на вокзале в несколько раз более широкая, чем знаменитая теперь река Сан, иногда вплотную человек к человеку, бывает [река] раненых.

— Интересно? — каждый раз спрашивает меня при встрече один мой знакомый, увлеченный государственным строительством в завоеванной стране — как, интересно?

Конечно, интересно. Я не могу ни с чем сравнить это удивительное воскресение мертвых: кто интересовался, например, каким-нибудь орденом [Базилиан] теперь это необходимо, чтобы понять хоть сколько-нибудь унию, и понимается так легко: просто идешь в церковь, и там, на месте всё рассказывают.

Профессор, с которым мы беседовали, кажется, начал свой рассказ именно с того момента, когда иезуиты завладели Б[азилианским] орденом, а кончил тем, что он женат на москвичке. И как же не интересна жизнь, когда самый, кажется, обыкновенный факт женитьбы на москвичке становится историческим фактом: из-за москвички профессор чуть не сделался жертвой австрийской инквизиции.

Еще года за два до войны профессор начал чувствовать ее: прекратились самые необходимые и обычные предметы. Потом [появилось] все больше и больше бродячих собак. Сараевское убийство вдруг представилось как дело русских. Потом сыск вины и, наконец, та ложь правительства, которая держалась в том обществе вплоть до вступления русских в Львов. Очень любопытно представить все это в жи-

вой полной действительности. Профессор имел обыкновение по утрам заниматься в музее, когда [никого нет]. Теперь он стал гулять с женой. Прислуга ушла. Сам стал ходить на базар. Победа, ликование: ни одного москаля не будет в Галиции... Между тем, <*3 нрзб.*> переход всего в беспорядок, [происходило] Бог знает что. И при всем этом ликование... Начались аресты, сыск... Доктор по-немецки заговорил и стал подозрительным субъектом. Сыск перешел в [прямую] угрозу, вешали, стреляли. Повесили 300 священников, расстрелы. Священник — огород, письма в кармане... Москвичка жена... шепотом. И то услыхали. Официальная линия. Гимназист сжег библиотеку. Запрещение русских слов. И вот возникла война. Легенда об одноглазке... такие же люди, как и мы. Воскресла легенда об одноглазке: москале-одноглазке <*1 нрзб.*>.

Суть — слово [преступление] в устах священника, говорящего по-русски. Священник и [враг] — одно и то же. Поборы с народа.

18 октября в субботу утром в 8 часов я возвратился в Львов из своей поездки на позиции против Ярослава. 12-го мы выехали из Львова на вокзал в 8 вечера и пробыли на вокзале до двух часов ночи. Лопухин был в напряженных поисках своего вагона, а я смотрел на перевязку раненых. Профессор Сопешко — артист своего дела. Это полный пожилой господин мазепинского склада — душа всего дела. Там молодому офицеру, раненному в ногу, сестра неумело надевала чулок, а профессор шутит: «Видно, что незамужняя».

Солдатику сделали длинные костыли, профессор берет пилу и сам отпиливает. А то сам пройдется на костылях и возбудит веселье — живой человек. Из тяжело раненных меня остановил один, с пробитой грудью, разрывная пуля обнажила ему легкое, но он все-таки сидит и смотрит, смотрит, только смотрит. Другой лежит на носилках и все что-то схватывает в воздухе. Третий, с чудовищно обезображенным лицом и перекошенным вверх ртом, пытается что-то проговорить, но только рычит, как зверь. Я думал,

что буду гораздо сильнее потрясен картиной человеческих страданий, вероятно, я слишком уже приблизился к войне: в самой непосредственной близости ничто уже не страшно. Все-таки было так, будто в бурю на море ходишь туда и сюда в борьбе со страхом перед морской болезнью. Самая главная особенность раненых от нас, здоровых, что у них есть что-то физическое живое и дорогое — [чувство] своего собственного тела, как у только что родившей женщины. И когда сделают раненому перевязку, то после всех мучений, связанных с этим, он весь уходит в это внешнее физическое тело, белое, перевязанное, как пеленками, большое, как новорожденный.

Сопешко, однако, совершенно испортил мое спокойное созерцание своим отношением к этим новорожденным: большинство из них так называемые «пальчики». Что это такое? Кошмары войны нового вида, какого, кажется, никогда не бывало. Не то страшно, что люди сами в себя стреляют, чтобы избежать неприятельской пули. А то страшно, что правда ли это? Вдруг это неправда — что тогда? А легенда о «пальчиках», правда или неправда, все равно начинает жить, от нее не спрячешься, и невольно встречаешь каждого с повязанной рукой с унизительным для него недоверием и смотришь в глаза: герой он или преступник.

— «Пальчики», «пальчики»! — приговаривает Сопешко,— да вы посмотрите ему в глаза.— Вот! Смотрите: это самострел. А вот, смотрите, преступник. Вы любите лошадей? вы вглядываетесь в их морды, какая разница! Так и тут! Преступник и герой тут рядом, это как в обыкновенной нашей жизни. Что нового дает война?

— Новое в очевидности,— сказал я. И, кажется, это очень ему понравилось.

Он уже разобрал с научной точностью самострельные раны. Делает опыты: ходит каждый день за город стрелять мертвые руки. От выстрела на близком расстоянии в ладонь получается та же самая звезда, как у большинства раненых, и такое же опаление. Фаланга пальца может быть отбита тоже только на близком расстоянии. И таких посту-

пает все больше и больше: теперь уже по шестьсот в день. Это открытие профессора. Он ему рад, как всякий открывающий, но он боится страшных последствий этого: расстрел «пальчиков». Нет, он их не выдаст, он только тогда их выдаст, если ему дадут слово в определенной степени наказания: после излечения раненых возвращают на позиции, и только. Это гуманно и справедливо, потому что «пальчики» именно в том и виноваты, что нарушили равенство условий с другими, т. е. одному в лоб, а ему в палец. Профессор почему-то слишком уж долго распространялся о своих мерах «гуманности», как будто сам был в чем-то виноват. Он даже оправдывал их, он предлагал всем судящим самим сесть в окопы без пищи на несколько суток и потом судить... Все равно, что бы ни говорил профессор, легенда о «пальчиках» забралась в мое самое сердце и пошла со мной на войну.

— Везут раненых! — говорят мне. Я спрашиваю:

— Легко раненых? И мне отвечают:

— «Пальчики».

У моего спутника лицо юноши, а губки старенькие, тонкие, глаза бледно-голубые, ножки подгибаются, в пальцах нет чувствительности, не то солома, не то дряхлый старик, а года средние: тридцать два.

— Скажите, кто вы, уполномоченный? — спросил я однажды его.

— Я,— обрадовался он,— спросите их, кто я — я сам не знаю, кто я, что я. Я столько денег дал на [раненых], столько труда, я все поставил на карту и все-таки я до сих пор не знаю, кто я, что я.

— Почему же вы так не определились?

— Почему — очень просто: я хочу на передовые позиции, а они меня не пускают.

А вокруг у нас полумрак огромного вокзала, линии товарных поездов, будто канаты нервно-гигантского существа, и среди них где-то наш вагон, где?

Наконец его прикатили, куда-то на четвертый путь, идем к нему какой-то туннелью, мой уполномоченный совсем ослабел, натыкается, ругается, но все с тоном, как будто он

что-то разыгрывает, спрашивает величественно, и везде ему направо и налево отвечают: «Тошно так!» и «Никак нет!».

Вагон пустой, что-то около ста одеял, несколько пачек бланков, немного марли. Очевидно, поездку эту устроили, чтобы отвязаться. И так уполномоченный едет на позицию.

В моих ушах вечный звук: «Мой вагон!», я понимаю, он хочет устранить меня, он ведет вагон, он выполняет важнейшее поручение, он что-то доложит в штабе о вагоне, сам Редько-Дмитриев обратит внимание на это и даст новое поручение в самый бой на передовые позиции.

Нужно вспомнить, как мы собирались, сколько закупили консервов. Шелковый халатик, не забыл туфельки, брезентовую кровать, пудру, всякие щетки и приговаривал: «Вы думаете, это только у меня, это у каждого офицера есть». Браунинг, портупея, щегольская куртка, другая теплая куртка — целое приданое.

Вагон стоит один, и мы стоим возле него в ожидании, стоим часами ночью в сырости, приходят какие-то офицеры и один фельдфебель, заведующий парком, [сначала стоит молча] уполномоченный и вдруг начинает ему рассказывать все о себе: он уполномоченный, мой вагон, а офицер [говорит]: мой вагон, у офицера вагоны нагружены шрапнелью, у уполномоченного — пустой вагон.

Приготовилось аскетическое ложе. Классный вагон. По рюмочке коньяку.— Нет ли книжечки? Походная кровать, халатик, туфельки уже пригодились.

Движение — это все: туда артиллерийские снаряды, оттуда раненые. Ночные огни и голоса: остановился поезд, стоит на разъезде, огни, голоса, сестры милосердия обходят, кормят, спрашивают: — Легко раненные? есть тяжело раненные? Какие-то серые пласты на соломе. Другие спрашивают у нас: есть у вас легкая шрапнель, мало ли легкой шрапнели?

Утро в Каменке. Саженная воронка на земле, наполненная теперь водой, целые маленькие озера блестят там и тут. Офицер (серый, как серая сестра) возвращается из больницы к своему 127 полку, поправился, узнал место сра-

жений, [артиллерийские] снаряды и технические военные разговоры. Гора ранцев, пуль, пулеметных лент. Капсюли закапываем.

Рава Русская. Бой обошел Раву. [Поезд с] ранеными. Офицер узнает 127 полк, свой. Он сжился с ним, солдаты, как дети 3-й роты. Боится спросить о брате. И все «пальчики». А на другой стороне артиллерийские снаряды и пули.

Офицеры уезжают, а нам нельзя, меня не отпускает уполномоченный, у нас пустой вагон, его не берут. Слетал мой начальник к тетке в Раву, выпил теплого молочка и опять к вагону своему. Вагон не движется, вечер, тьма, дождик, холод, раненые, снаряды — все обмокает. Великая простота, серость, громада, снег, терпение — какая гигантская личность могла бы это воодушевить, поднять на плечах, понести? Лопухин раскис, воды нельзя достать, раненые всё выпили, беспомощность, исчезновение привычного. Исповедь Лопухина: имение оставил, но есть ли имение? — Сколько десятин? — Шесть тысяч. Поверил будто бы другу, а друг продаёт экипажи, главное, старые экипажи моей любимой тетки. Уехал: я одинок, я ищу ласки, я женщину ищу, потянуло на войну, делать дело, но не пустили на передовые позиции. Ниточка оборвалась, и потянуло на войну.— Вы слабый.— Нет, я сильный! И ничему не веришь. Ночью приходит: у меня темно, а он потихоньку свечу сохранил и читает книжечку, зовет меня к себе — тошно! ему «хочется ласки». Потихоньку пьет коньячок. Дождь, холод. Вагоны. Раненые. Сестры. Сколько раненых? Сколько шрапнели? Офицер парка — вырыл землянку, интендант — разговор их, простота, и будут жить в землянке, и им ничего, и еще разбогатеют, но что мой?.. А раненые все 127 полка. Страшная ночь.

Одна звездочка и генерал-майор.

Ночью как будто стреляли, но я не выходил, и правда, это была стрельба. Кошмар. Упал фонарь — я подумал, что платить за него.

Бобровка рано утром. Встреча с доктором Алекс. Павл. Штейн... План организации помощи раненым. Робинзонская палатка, котлы, каши, сестра Кузьмина. После ночного боя приходили раненые, сходились массами. Доктор Ма-

линин и «пальчики». Доктор Пешлин. Генрих Эрнестович Гима. Алексей Николаевич Хомяков. Студент Дмитриев. Картина отступления. Почему сдана позиция? Головная деревня. Головной поезд. Тупик. Кормление в вагоне: галеты. Холод. Сырость. Батюшка без требника. Дьякон пробился к отряду. Братская могила около леса — идем туда. И охотники бродят на солдат. Разговор о калошах и разрывных пулях. Наказание «пальчикам». Прогулка.

Позиции у Ярослава: отступление, бегство, вопрос, почему Ярослав — крепость не оставили русские за собой и отступили за Сан. С Ярослава обстрел во все стороны, с 28 Сентября половина перебита.

Вагоны питательного пункта. Подсвечники из шрапнельного пистолета, пепельницы из шрапнельного стакана. Вокруг вагона груды пустых стаканов. Иллюминация порохом. В купе четверо курили и дымили, и вот на стеклах пот — благодетельное тепло. В поле всегда кто-нибудь сидит из солдат.

Исчезли все перегородки образования, положения, сходятся самые разнообразные люди и все отношения — два класса людей: начальников и «тошно так».

Подсвечник из пистона от выстрелов медленно ползет, окна дрожат. В сторону деревни кипучая жизнь, там все «тошно так».

В поле идет дьякон к братским могилам, со стороны боя, раненые и пленные.

Совершенно новая жизнь, новые разговоры под выстрелами пушек. Разговоры на ящике возле котлов. Связь с выстрелами, новый язык.

Отсутствие газет. Карл умер — не знали.

Тревога: нет раненых, раненые пошли другим путем. Левый и правый фланг, кольцо по горизонту, направо мешают дрова и роща, налево деревья, обозы, постройки перевязочного пункта.

Я застал публику после ночного боя, все говорили с нами, ждали раненых. Дьякон оделся, приготовился. Убежден был, что прорвутся.

— Когда-нибудь прорвутся; час-другой, непременно прорвутся.

Затрещали ружья. Сначала не понимаешь, что это — ружья?

Я бы не прочь пройтись. Пальто в головном поезде. И потянуло на выстрелы, и потянуло. Странная радость...

А там в [поезде] что-то низменное, какая-то стряпня. Загородила все прохода мука.

Пасмурно, дымки, а то Ярослав бы увидел, впрочем, вон виден костел. Тянет и тянет дальше. Стороною проходят солдаты — раненые или бродяги. Один через поле с горшком молока:

— Наливает!

В канаве гранаты:

— Какая матушка!

На дереве птички поют. Большой выводок серых куропаток взлетел. Рощи саженые с грибами. На окопы теперь и не смотришь. Бродят коровы, люди работают. Мост через Сан — к мосту! Через Сан. Шум от снаряда — думал, эхо от снаряда, из леса направо.

Мальчик поет песню. Начинает овладевать страх и радость. Новые птицы летят. И всё будто море, прибой: трещат, колотят, строят мост. Бух, и затрещало, и пулемет. Попало! семь за одним, и опять качается море спокойно и все тянут туда к большому, тянет и страх перед морской болезнью.

Над деревней возле церкви повисло твердое облачко и медленно таяло, направо тоже облачко воронкой [повисло] розовое. Какие-то колышки. Проволочные заграждения, форт. Четыре ряда проволоки, проход — там траншеи, патроны, бетонная избушка. Тут мертвое пространство. Снаряд попал в избушку, подбросило солдата и когда опамятовался, то все была кровь, стал обирать с себя кровь, мясо, волосы и все было чужое, а сам ничего, вроде как бы нашел себя.

Фугасные взрывы, бабу разорвало: потянула проволоку.

Мальчик шалил с ружейной пулей и глаза сжег — всюду усеяна земля.

Грянуло сзади — мы уже прошли батарею. Сверкнул впереди огонь — пехота в окопах. Такая тоненькая линия и вдруг чувство, что это так на четыреста верст.

Замок графа Замойского.

Наше помещение — вагон. Сон. Будят: шрапнель.

На войне у меня чувство такое же, как в Сибирской тайге: она меня давит, я беспомощен. Но в тайге я нахожу какого-то постоянного жителя, здесь нет обитателей, здесь все подавлены так же, как я.

[*Петербург*]

3 Ноября в восьмом часу вечера получил телеграмму, что мама скончалась 1 Ноября — 4-го похороны. Я не успею.

Сегодня она последнюю ночь в Хрущевском своем доме. Последний раз я видел ее в августе. Яблоки... Сад осыпался... Оскал... Худая... Последнее письмо от нее в Киеве: ездила к Стаховичам просить мне помочь, спрашивала, куда послать яблоки.

[*Хрущево*]

9 Ноября. Поминки недаром выдумали, на девятый день опомнишься, и начинает сниться. Странный сон: где-то в комнате гостиницы увидал я мать и сестру, я забыл, что она умерла, и разговаривал просто, и вдруг вспомнил и ужаснулся: «Ты же умерла!» А мать будто бы отвечает: это она нарочно. «Зачем же ты мучаешь нас?» Она как-то лукаво улыбнулась и посмотрела на Лидию. Я опять: «Может быть, ты хотела испытать нас насчет наследства, так я сегодня же написал Лиде письмо, что часть моя не интересует меня, лишь бы все осталось, как при маме, и ты оставайся хозяйкой всего, как мама». И тут мать опять как-то нехорошо посмотрела на Лидию...

Мать моя первый раз приснилась в ночь под 9-ое: под липами за столом чай пьет, тут же и еще кто-то. Мы разговаривали о Достоевском и его Катерине Ивановне.

Письмо матери с пожеланием пережить войну я писал и послал в день смерти заказным.

Происхождение поминок. Происхождение панихиды; Маня, встречаясь с каждым из нас, каждый раз вновь начинает плакать.

15 Декабря. Светлое утро. Большая звезда. Огни в печах. Когда побелели дома. Все это первое утро, первое чувс-

тво мира за время войны. А в газетах вчера было, что наши захватили множество немецких повозок с рождественскими подарками. Во сне я подходил к смертельно раненным и потом лег на спину и захотел кричать что-то на весь мир, но язык, как у парализованного, не повиновался и только по-театральному выговаривал начало мирового вопля: «Милосердный Боже!» — и обрывался.

Звезда рождественская показывается из-за крыши сарая и быстро движется [вверх] в мороз на восток. Звезда показалась из-за сарая — значит, за рекой огни — печки топят — топят! Можно сходить к хозяевам — стучу, и там самовар ставится — начинается медленно заря, рассвет.

Поминки ночные: вспомнился добрый и умный Виктор Иванович — нечаянно сам я нашел его, и он не спросил меня, кто я такой, не высматривал, а прямо помог, и таким добром вспоминается, как человек вспоминается, человеком встает, а не звездой. Я не думаю, что звезды — души ангелов и невинных младенцев, это души людей, не умеющих жить. Есть люди, от которых бежишь сломя голову в жизни, а отошел от них подальше, подальше, и они светят, как звезды прекрасные.

Эти люди — сама земля, хорошая, добрая, и они любят звезды, у них есть своя звезда, но сами они только земля.

23 Декабря. Мать приходила во сне живая, ожила и начала опять хлопотать: съездила в город, сделала настоящее завещание. Ошибка прежнего была в том, что парк переходит в случайные руки наследников, и они могли его продать, а чтобы укрепить его, нужно сделать общественной собственностью, отдать его, например, школе. Она и сделала такое завещание: «А вы как-нибудь выстроитесь», и, по-видимому, ей было как-то неловко.

24 Декабря. Повторяющиеся сны: так сны снятся, будто повторяются, или действительно их видишь много раз? Кажется, я много, много раз видел себя летающим и не на аэ-

роплане, а прямо на руках, машу руками и лечу. В эту ночь я взлетел над улицей и слышал внизу удивление: «Красиво, очень даже красиво!»

Я зашел к какому-то доктору Розенбергу и просил его исследовать эту свою способность летать научно и потом возвестить миру. Доктор пощупал мой пульс, а я ему все рассказывал и доказывал, будто полет чисто психологическое состояние: нужно всецело этому отдаться — и непременно полетишь. Я занимал доктора целых два часа, не раз входила его жена и намекала мне о занятиях доктора. Наконец, доктор встал и пошел вместе со мной в колбасную Трейга на Троицкой улице и там показал мне замечательную ветчину.

Сон этот, вероятно, переживание сцены у профессора Мережского.

Что сделал оставленный матерью мне сад в моем к ней чувстве? Но так и всегда, всегда в этой нашей земной любви есть садик: влюбленные насмерть говорят о возвышенных своих чувствах, и их возвышенные чувства есть песня о садике.

Отрезанные пути общения с миром в деревне зимой: метель воет, все мутно, и вот мало-помалу начинаешь понимать мать, как она сидит в деревне и следит за нашей судьбой.

Мало-помалу интерес перемещается на других, и вот это весь Хрущевский быт...

Мать говорила: «Как хорошо теперь в это время иметь кусочек земли». Я удивился: «Как, теперь, когда идет мировая война, думать о кусочке земли!» А мать спокойно сказала: «Так война-то идет из-за земли же».

Потом она умерла, осталась от нее земля, кусочек земли прекрасный с парком и лесом, и часто я во время событий возвращался к чувству какой-то радости и мира: у меня есть кусочек земли. (Лысые Горы) — делили имение во время войны.

Отличный сюжет: дележ имения, дележ всей земли.

Даже в трущобе лесной в Рождество нельзя укрыться от войны. Капитан Владыкин и раненые офицеры на охоте.

Владыкин Белый Волк: раненный гранатой, простреленное легкое, из прежнего охотника превратился в злого пристава, ссоры на охоте, егерь отказывается с офицером делать облаву; Владыкину кажется теперь, будто зайцев стало мало, нигде нет зайцев, промахнулся, а зайцев много набили, бросил товарищей и захаркал кровью, а другие лезли из сугробов ночью и видели на снегу какие-то темные пятна.

Начало в госпитале в Рождество: сговариваются охотники поехать в Любич (ружья в усадьбах взятые...).

Голубой заутренний свет на снегу и большая рождественская звезда.

27 Декабря. Смысл этой войны искать нужно по глобусу, стараясь в очертаниях коры земного шара разглядеть под линией лик своей земли. Или так для упражнения: переноситься мысленно со своего хутора на глобус и определить там микроскопическую точку своего хутора. На глобусе мира, преданного войне, я нашел точку своего хутора.

29 Декабря. Семейные сцены проносятся как ураганы в пустынях: но дети как лес в пустыне — защита от ветра пустыни... Как в голой пустыне показывается на синем небе прозрачным призраком облако счастья, а из этого облака как раз и вырастает ураганная туча. Какая-нибудь мелочь (упорно, несмотря на все просьбы, не пришиваемая пуговица) вдруг переносит в какой-то мир хороший, где пуговицы всегда пришиваются, кажется, что там не должно этого бывать. И вот из этого воображаемого мира счастья рождается раздражение и упрек, а в ответ из женских уст сыплются тысячи «нелогичностей», как камни из вихря, засыпают домик жизни. Ураган! И потом... вот что самое удивительное (характер матери) все слетает, проносится, и как ни в чем не бывало.

Жизнь трещит по швам. Что бы ни было, надо терпеть до устройства хутора. Устрою, а потом, может быть, и прощусь. Пусть живут, а я отправлюсь странствовать.

Умирает Алекс. Мих. — безумный цветовод.

Как монахи уловили рыбку: во время колебаний ее при выборе жениха прислуга ей сказала о старце Амвросии, и она поехала спросить его совета. (Сущность старца: нужно ему отдать волю). Он посоветовал, она не исполнила, а после недели сожительства с чудовищем (душа чудища) покаянное письмо. Ответ: терпи! После чего она отдала волю старцу и делает все совершенно по воле старца.

Нас поражает эгоизм жизни их (все для себя!). И является вопрос: какой другой, лучший мог бы сложиться выход из положения — развод? Вообще, что равное по значительности могли бы получить они в этой жизни?

К этому: цветовод и Люб. Алекс. были погашены друг другом, и потому для других ничего и быть не могло.

Яша и в этой школе не учится. На мои слова «Яшу я так не пущу в семью свою, пусть, если не хочет учиться, едет на родину». Ефрос. Павл. отвечает: «Тогда мы все уедем». И потом целый ряд незаслуженных упреков и всякого бабьего вздора на мою голову выливает, как вонючие помои. Жизнь трещит по всем швам. Что бы ни было, надо терпеть до устройства хутора. Устрою, а потом, может быть, и прощусь: пусть живут, а я отправлюсь странствовать.

31 Декабря. «Химия любви» (чужое слово) — однообразие закона и разнообразие рабов его выполняющих.

М. Стахеев — его биография: 13 лет, возникновение отроческого порока (мечты: я не я, я (Лермонтов), отказывается от матери и отца в признании товарищу. Залеживание утреннее в кровати до гимназии, опыт и чувство грехопадения. Параллельно этому мальчик, приемлющий мир, сходится с горничной, танцор, дирижирует танцами, ходит к девочкам. Два контраста: 1) мальчик, не приемлющий мир и 2) мальчик, приемлющий. Примеры из жизни: 1) Боборыкин 2) Николай Толмачев.

Боборыкин и Анна Харлампиевна — она сама объясняется ему в любви, и он не может ей отдаться, колеблется. Все переменяется, как только его товарищ Толмачев завладевает ею, тогда она становится ему недоступною. Значит, один

берет только доступное ему, другой берет недоступное. Конец одного (приемлющего) — встреча с недоступною женщиной, конец второго (не приемлющего) — с доступною.

Голый факт совокупления в свете одной психологии и другой: как просто и даже мило, как в этом «нет ничего» — совокупление с бабой в кустах для одного, и какая гадость для другого...

Конец приемлющего: жена, дети, обывательщина, карты, свежие огурцы, покровительство зайцам, подвертывается полька (недоступная, потому что Маруха) — уезжает и погибает. Эпилог: неприемлющий посылает свой дневник. Один марксист (элемент марксизма — неприемлющий мир, женщина будущего, религия).

Душевное состояние мое теперь очень похоже на бывшее 17 лет тому назад перед тюрьмой. Казалось тогда, что не эта кучка людей, которым я не хотел подчиниться, а весь мир переделывается, огромное движение за его спиной, и когда я вдруг это, читая Бебеля, почувствовал, то они стали мне братьями. Их ученость, которая так меня смущала, оказалась легко доступной мне, потому что не в учености было дело, а в вере — в зарубке, зарубил и пошел, и пошел, и ничто не страшно стало: никто меня не может разбить, потому что я зарубил. Пришел народник Попов и стал говорить мне о субъективизме. «Всякий субъективизм зависит от экономической необходимости». Больше всего было веры в эту необходимость, в эту волну, перед которой ничтожны всякие плоды искусства... ничто и философы, и ученые. «Метафизика!» — презрительно говорили мы о философии. «Эстетические ценности есть надстройка над экономической необходимостью», — говорили о Мадонне. «Авторитет!» — об исторических деятелях.

А не то ли говорят теперь о необходимости вернуться искусству в лоно церковное? Маркс значило Евангелие, экономическая необходимость — идея церковности. И есть идея всего — женщина будущего, у каждого из этих людей.

Нужно сделать художественное писание экономической необходимостью. Хороша золотая куколка (причина всех причин), Буржуа, Пролетарий, Ульрих с кампанией как Христос с апостолами.

Кухню, кухарку и кормилицу художники прячут за спиной Мадонны. На свет Мадонны юноша летит как мотылек, облетая огонек Мадонны в один миг, а там кухня.

Как хочется мне написать кому-то: солнце мое! Как мне больно в твоем свете смотреть на самого себя! Как страшно мне твое вечное молчание. Чуть я поднимаю голос, твое строгое молчание убивает и осуждает его. «Ты — маленький!» — узнаю твой тайный голос, отвечающий моим словам. И одно мое спасение — отвернуться, не смотреть на солнце, а туда, куда оно светит, и слить со всей земной тварью свой голос, и это большой, большой голос, но только не мой, а всех.

Но чуть окреп мой голос в хоре, я уже его опять обращаю назад один в сферу вечного света и вечного молчания, и снова я слышу в молчании: «Ты маленький!» И опять покаяние, смирение и слияние маленького с большим, и опять минуты восторга, покрывающие тайное страдание.

А ведь говорят же другие: «я хочу! это я!» Но как меньше и меньше верится в эти голоса, голоса тоже становятся маленькими, и нет в их бытии прежнего очарования. Какой же конец? Солнце пустыни и белые черепа, и где-нибудь мой череп спаленный и «я» большое, победившее и пребывающее в вечном свете неподвижности и молчания.

Вот прошла большая полоса моей жизни, двенадцать лет под гипнозом. Так петух, когда проведут от его клюва по полу мелом черту, неподвижный остается и смотрит на нее, смешной со стороны и такой страшно значительный изнутри: еще бы, целый мир в этой белой черте для него! А стерли черту, и нет ничего, и петух зашевелился и стал просто петух.

Конечно, победила она, и тем именно, что я перестал верить в нее, потому что теперь я уже знаю наверно, что это я творил ее.

Тут-то, вероятно, и начинается женофобия. Странно только, почему эти господа, неспособные уже больше творить, не обвиняют себя самих в этом, а обвиняют женщин? Впрочем, так же старая дева обыкновенно недовольна бывает своими женихами. Ну и пусть нет в ней того, чего я хотел, это значит, что я не мог увлечь ее в свой мир, что я неудачник; но, может быть, всякий человек неудачник в чем-нибудь, и неудача-страдание есть лишь необходимое звено одной жизни с другой — при чем тут женщины? Как это вульгарно — обвинять женщин, мальчишеское что-то в этом, недоношенное. А если бы удача была, и я на ней женился, и детей имел бы от нее, и был бы полный человек, библейский патриарх, сидящий, удовлетворенный бытием, в гармоническом погашении враждующих начал.

Есть ли вообще это? оно есть как стремление: любовь и есть стремление к этому Сидению. Но условий для этого нет в жизни. Это, кажется, было в жизни первобытных людей, а наша жизнь есть движение, стремление и след его сознания — <u>страдание</u> и радость иногда, но уже не та здоровая радость Сидящего.

Это, впрочем, одно только рассуждение, может быть, по чужому шаблону. На самом же деле мир и теперь состоит из сидящих и движущихся. История народов не есть история мира, а только история болезненных несоответствий сидящего и движущегося. История моей любви есть небольшая черточка, какое-нибудь тире или знак восклицания или вопроса в этой общей истории. Не все они и в моей личной жизни: рядом с этой фантастической любовью у меня есть любовь к жене, которую я только в <u>истории</u> своей не могу поместить и назвать своим именем, а ведь это же меня только и <u>держит</u>, сохраняет. Под историей есть еще Хаос.

Та фантастическая женщина, которой посвящены мною эти 12 лет, похожа на страшное зеркало, в котором самый хороший человек все равно будет с кривой рожей. Есть такая особенная точка в сердце, возле которой все нажитое изо дня в день с великим трудом меркнет и всякая жертва

не принимается и отвергается. Но ведь, может быть, все-таки зеркало это не криво?

Главное, я стал писать о себе, после неудачи о себе, все о себе, и потому, что неудача попала в самое сердце... и отсюда-то и пошло все: как сухой клоп я высыхал [от] этого самоанализа и от... ощущения «я — маленький». Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда, о которой ей нельзя было сказать; для нее это было падение: для нее абсолютной или живой? Всяческое падение... Но его не было... И вот тут-то ее неправда какая-то. И почему ее лицо живое осталось для меня закрытым?

Падение несомненное, и в то же время спасение, как это может быть? Спасение в унижении, смирении и страдании: счастье в несчастье, высший трепет и боль, веришь — не веришь нет минуты спокойствия; спасает-то вовсе не «падение», а то, что человек смиряется и в своем страдании других людей видит и Божьи цветы и все свое лучшее высказывает; обжиги случайных радостей: роса на елке, цветы, много цветов, утопал в цветах, добрые животные, а люди все чудаки-отверженцы; страх перед людьми «порядочными», «умными», никогда не было гордости или презрения к мещанству, а всегда робость, страх, как будто я в чем-то виноват (аквариум на окне), не могу людям в глаза смотреть, как и в деятельности своей как будто всех я обманываю, вор какой-то (как меня потянуло к земцам и как они, не будучи выше меня, разгромили меня (Анзимиров).

И вообще моя натура, как я постиг это: не отрицать, а утверждать: чтобы утверждать без отрицания, нужно удалиться от людей установившихся, жизнь которых есть постоянное и отрицание, и утверждение: вот почему я с природой и с первобытными людьми.

1915

[*д. Песочки под Новгородом*]

1 Января. Порошка — счастье охотника. Следы на снегу: заячьи треугольники и лисья цепочка, горностаева дорожка, а лучше всех след у мышонка. Вот этим всем и занимаемся в военное время, кто бы из Старших посмотрел! Лежит на кочке сметка заячья, петля. Лисицын след в заячий: шла заячьим следом. Метель чувствуют зайцы — замечают. Лунная ночь, караулили зайцев, и собралось их на озимь множество: луна и вдруг все зайцы убрались, и сейчас же взяли тучи нашли, пороша напала (зайцы боятся след оставить на пороше и убираются). Беличьи следы веером, на елке — мордочка. Птичьи следы (куропатки), глухарь набродил.

— Расскажите, Алексей Иванович, как вы понимаете зайца? — спросил дьякон охотника,— что это за жизнь такая все по ночам да по ночам...

— Тишина, о. дьякон, вся сила зайца в тишине.

Часы остановились. Время по огонькам. У старухи напротив огонь печки. Взяли вечером сына — стон. На другой день огонек слабее — лампада, а печку так и не затопила.

На второй день Нового года брали ратников, стон, рев, вой были на улице, женщины качались и падали в снег, пьяные от слез. И вот, как он отстранил их и сел в сани, в этом движении и сказался будущий воин: отстранил и стал тем особенным существом, в какое превращается мужик на позициях.

Как я любил эту печку в избе напротив нас, бывало, утром рано, часов в пять, проснешься, часы стоят, и не решаешься, стучать ли в стену, самовар чтобы поставили, или рано и еще спят хозяева; вот тут и посмотришь в окно, пылает печка напротив, смело стучи. А вот уже дня три с тех

пор, как взяли ратников, печка не горит, а только чуть светит лампада.

Железный обруч на человеке: два живут, один становится обручем — кому только лучше, закованному или самому обручу? Так и все это государственное насилие ужасно, отвратительно, а необходимо, как смерть, неизбежно. И так они растут и растут, эти огромные, пожирающие жизнь чудовища, и будут расти, пока есть жизнь. А как посмотришь на карту, так аппетитно, и непременно нужно нам взять Дарданеллы.

5 Января. Какой-то американский исследователь доказывает, будто у немцев, единственных в мире людей, совершенно отсутствует чувство родины. Мне кажется, если это правда, немец свою родину всегда и всюду носит с собой, не всматривается в другое, чужое, не отделяет себя от своего и потому не тоскует.

Не знаю, как для всего света, много ли даст существенного война, только для России она положит грань совсем новой жизни.

Пишут в газетах, что одно из любопытнейших явлений, обнаруженных современной войной,— сравнительно безропотное подчинение государственной власти народностей, казалось бы, явно враждебных господствующей (мусульмане — англичанам, трансильванцы-румыны — австрийцам и т. д.). Вероятно, это явление — результат преобладающего значения в нынешней жизни экономических факторов над национально-религиозными.

Отец Николай и диакон. Настоящий Дон-Кихот, о. Николай от всего отказался материального, и все забрал себе диакон. От братства останется, вероятно, одна только мельница, и диакон сделается мельником. «Батюшка слаб»,— формула.

От 12 по 31 Января был в Петербурге, устраивал рукопись и определялся на войну.

Оставшиеся впечатления: обсуждение еврейского вопроса у Сологуба, встреча с Андреевым и Горьким. Блок у Сологуба. Нападение жидов. Петров-Водкин, Чуковский, Карташов.

Поездка в Карпаты от «Русских Ведомостей» корреспондентом.

Эта поездка будет отличаться от всех моих прежних поездок тем, что писать я буду на месте для газеты, а не беречь материалы для последующей литературной обработки.

Вообще отныне я расстаюсь с путешествием как литературной формой.

«Маскарад» Лермонтова — неудачное воплощение Демона. Это демоническое чувство происходит из необходимости казнить свое собственное пошлое существо, на пошлость найти противоядие (*similia similibus...**), любовь к палачу пошлости создает демонизм, и тут, конечно, должно явиться тончайшее соприкосновение с красотой.

Чуковский (Корней Иванович) — даровитый и несчастный человек.

Салон Сологуба: величайшая пошлость, само-говорящая, резонирующая, всегда логичная мертвая маска... пользование... поиски популярности... (Горький, Разумник и неубраная голая баба).

Бунин — вид, манеры провинциального чиновника, подражающего Петербуржцу-чиновнику (какой-то пошиб).

Карташов все утопает и утопает в своем праведном чувстве.

Философов занимается фуфайками. Блок — всегда благороден.

Дневник военного корреспондента.

Один мой знакомый сравнил войну с родами: так же совестно быть на войне человеку постороннему, не име-

---

* Подобное излечивается подобным (*лат.*). Это выражение недописано.

ющему в пребывании там необходимости. По-моему, это прекрасное сравнение, я уже видел войну, я именно такое и получил там представление, как о деле жизни и смерти, поглощающем целиком человека.

Потом, вернувшись в тыл, я долго не мог помириться с настроением тыловых людей, в большинстве случаев рассуждающих о какой-нибудь частности; перед ними была завеса, а я заглянул туда.

Когда попадешь в деревню, первое время проходит в напряженной и радостной деятельности, потом постепенно деятельность уменьшается, душа мелеет и начинается лень и тоска, и тут бывает время полного обнищания, как дойдешь до полного обнищания, начинается новая жизнь, и уж это своя собственная, хорошая... Тот болезненный период пустоты бывает и в городе, и в путешествии... (Гриша, вероятно, постоянно так: на дне этой пустоты, однако, начинается сфера животных инстинктов, вот почему у таких людей характерно сочетание пессимизма с жизнерадостностью, прибавить сюда внешнюю свободу, деньги, и будет существо «демоническое»).

Свобода решена древними мудрецами: отпадение себя от внешнего мира — условие свободы. Вопрос только о материи (внешнем мире) — как одухотворить его и сделать свободным. Материальный вопрос страшен только для одного, а как соединились все — он не страшен, его нет совсем. Значит, материальный вопрос сводится к человеческим отношениям: все в человеке.

12 Января. Молоденькая парочка идет: казалось, что это давно-давно прошло, а вот она идет, и до того ясно, что это вечное: вечная безумная попытка своим личным счастьем осчастливить весь мир.

22 Января. Очень, очень мучусь всем своим домашним, очень мучусь. Возможно появление Марухи — появится, и всему этому конец. Но она не является, так что вся эта жизнь как бы украдкой, временная, случайная. И вот это

случайное, это игрушечное предъявляет свои права, как самое высшее и единственное. Кажется это вторжением в чужие права, и через это унижением самого себя. Мелькает мысль все чаще и чаще о бездомьи и одиноком странничестве «с палочкой». (Странничанье — конец. Освобожденный дух влечет умершее тело.)

Мечта о жизни. Дома с дорогими квартирами, и в одном окне рука, вся обнаженная, с кружевом возле локтей, мелькнула возле аквариума и показалась в другом окне возле куста сирени, тут поправила что-то в солнечном луче и исчезла в глубине квартиры, а возле стоял и пыхтел автомобиль. Автомобиль и квартира, какое-то поглощающее супружество, но что же там мелькнуло в окне и почему эти зеленые водоросли заставили остро-сладко биться сердце — что это? А в сущности, каждый имеет свои водоросли, но, достигая их, умирает.

Благодетельный умиряющий разум! Но все это в то время было ни к чему, потому что заранее отрицалось всякое бытие в сложившихся формах, казалось, что жизнь начинается сначала и мы несем нечто совершенно новое. Это теперь только стали видны промахи, кажется теперь, так легко бы в то время избежать, имея старые средства.

Чудо естественное рождается в деле мечты: чудо есть дело веры. А мера есть дело разума. Искусство и наука — меридианы и параллели, проведенные по глобусу веры.

7 Февраля. Велебицы. Поездка на войну.

Записная книжка: слова и темы. Журнал: каждый день (даже насильно) записывается все. Каждые пять дней из журнала выбирается материал для газетной статьи.

Газетный очерк должен иметь в виду только войну и в основе — иметь опыт (посредством экскурсии) не писать из старого, только новое открытое.

Нужно иметь в виду, что 1) нужно обществу и что его 2) интересует; нужно поддержать веру в народ — анализировать общество само умеет — что интересует (картина,

будто сами видят, приближение позиций к тылу, например, интересная тема: сравнить, чего хочет солдат от общества и что общество хочет от солдата).

9 Февраля. Народная молва, как волна, прислушаешься, хочешь принять за правду, а той волны уже нет, идет совсем иной разговор, и, кажется, сам опоздал и не на кого сослаться, та укатилась волна. Только кровно связанному и с высокой точки можно понять, куда катится народная волна, оглядеть горизонт народного моря.

[***10 Февраля***]. Свобода решена древними мудрецами: отпадение себя от внешнего мира — условие свободы. Вопрос только о материи (внешнем мире) — как одухотворить его и сделать свободным. Материальный вопрос страшен только для одного, а как соединились все — он не страшен, его нет совсем. Значит, материальный вопрос сводится к человеческим отношениям: все в человеке.

11 Февраля. Молитва. Утро раннее, когда все дома спят, а на небе чуть видится в полумраке — летят птицы, и руки складываются сами молитвенно и радость о сотворенном и вечном делает участником всего мира.

И что новое, даже самое великое? Новое это тем только ново, что повелевает глубже заглянуть в старое, древнее и вечное. Так, начиная день, молюсь, чтобы вечером найти себя в делах своих.

Горький задорно борется со страданием, как будто у когонибудь оно было целью существования. Нет, потому что страдание неизбежно, мы готовимся встретить его печалью о Боге, но не о мире. Печаль о Боге находит виновника этого страдания, а печаль о мире делает самого виновником, и страдающий человек говорит: я сам виноват. А оно неизбежно!

Хозяйство есть в наше время торговля, и дворянин есть такой же купец.

Нужно так изучить местную жизнь, чтобы возможно было построить будущее: как и чем будут исправлены старые вредители (какие они, чем вредят?), откуда и как появятся новые.

Сумма народного труда на войне, перечисленная, изображенная в образах труда созидательного («цветущий сад»), открывает невероятные перспективы возможного счастья. Смерть и разрушение создают теперь в воображении человечества силы стремления к земному счастью.

Последствием этой войны, быть может, явится какая-нибудь земная религия: человек здесь, на земле.

Прошлое. Вот когда прошло все совершенно и даже было бы неприятно встретиться. Невозможность в основе. С ее стороны все, только не замуж. Поэт может жениться, но поэзия не вступает в супружество.

Та организованная Россия, которая получает хорошее жалованье, и Россия неорганизованная — гладиаторская. Земские и городские союзы и деревенская Русь.

Как ни тягостна картина нашего хозяйства, этой жизни в тылу войны, но не в этой тягости... нам тяжело, но немцам куда тяжелее. Смысл этой жизни в той способности без ропота отдавать людей (гладиаторство). Из этого складывается смысл и рождаются слова ответа врагам: нас еще очень много, очень! И мы готовы терпеть все до конца!

Некий голос. Христа Богочеловека в наше время разделили на части: Бога взяли себе попы, а человека — социалисты. И еще: как легко простой народ расстается с религией.

Религия, напрокат взятая у народа, в то время как самому народу она стала ненужной. Время, когда верхние слои общества обратили свое новое внимание на религию народа, и когда народ охотно отдал бы её задешево напрокат.

Всю жизнь до 75 лет, я свидетельствую, моя тетушка, ученая на медные деньги, верила в прогресс, больше: она изменила вере отцов-старообрядцев ради этой веры в прогресс. И вот пришла глубокая старость, а за свою веру наивную тетушка видит перед глазами убитых, а в голове постоянный вопрос: есть ли Бог в этой вере?

На войне никогда не убивает человека человек, он метится в каску, в мундир — виновника нет на войне.

Ослабел старик, измучился за своего сына (вся Россия — разбитая посудина), жалуется на «внутренность»: казенная покупка коровы по высокой цене дала повод говорить, что правительство закупает коров для немцев (немцы закупают, немцы знают наши секреты).

Я живу на земле, я жилец земной, жизнь у меня оседленная. Так я всегда считаю, оседленная жизнь в какой бы скуке не проходила, все-таки она отрадная. Вот городской человек, рабочий или мастеровой, другой раз как живет хорошо, а все чего-то не имеет, и чего-то важного, чего? а на чем стоять человеку без земли — тот человек, что птица!

— Пройдут безотворотные годы — четвертую войну живу, все становилось дешевле, а теперь дороже. (Это дает повод думать, что товары немцам уходят.)

— Мы, русские, не любим на чужой труд жить, как немцы и прочие народы... (Промышленность — чужой счет.)

Топчутся в Польше и в Галиции, как это утомляет, взял бы и двинул Государь сразу...

В тылу есть досуг размышлять, что ни попадется на глаза, о всем заключают так или иначе, вкривь и вкось, смотря по настроению...

Проходил обоз, бывало, идут молодец к молодцу, а теперь больше бабы, да старики, да какой-нибудь бракованный.

Старик просит узнать, почему же они все на месте топчутся и когда будет конец — вот самое главное. Другой пришел узнать: честно ли ведется война? Третий просил справиться, дошел ли до места их вагон с солеными огурцами. Еще хотели узнать, отчего во всех прежних войнах товары дешевели, а теперь дорожают, не обходит ли нас как-нибудь немец через Швецию, не забирает ли себе тайно наши товары.

Все эти разговоры убеждают меня до очевидности, что задача наша поддержать неизбежно утомляющийся тяжелым настоящим и неизвестным будущим народный дух; они

уже сомневаются в рассказах раненых (сказали, что убит, а он в плену), нужны очевидцы — сторонние люди (раненым всегда кажется в худшем виде, и их рассказы понижают настроение).

Какая разница настроений в Питере [и] человека Красного Креста, он привозит совсем особенный дух, о котором не снится в тылу.

Необходимо поддержать народный дух, потому что необходима победа над немцами.

Я жил в деревне в доме одного крестьянина, говорили мне, что будь пьяное время, то жить бы у него нельзя, в пьяном виде человек плохой, а теперь ничего... Это вдовец с четырьмя дочерьми; бывало, напьется и загонит девок в сарай, бушует, выйдет на улицу, сядет на камень и, как пес, лает и ругает все. Теперь он стал самым смирным по виду человеком и тайным скрягою, одна страсть перешла в другую, копит, дрожит над копейкой, меня он извел, приставая со всякой безделицей за деньгами, целые дни лежит на печке и точит дочерей, заработались, извелись девки. У него нет сыновей, и от войны он ничем не пострадал, ничем не пожертвовал, сидит, как сухой клоп, в щелке своего большого старого дома.

Собрались на войне четыре земляка: один — рядовой пехотинец, другой — разведчик-артиллерист, третий — санитар и четвертый — кавалерист — все Митюхи, обрадовались и сказать как нельзя, вот как обрадовались и сели вместе чай варить (вот! надо рисовать с войны такой чисто военный быт).

— Мое образование небольшое, окончил техническое училище и живу постоянно в деревне, так что я вам это не по образованию скажу, а по правде, я деревню хорошо знаю, русского человека хорошо знаю — что, вы спрашиваете, интересует русского человека? — узнать, что вы ему, как корреспондент, можете сказать... скажите, сколько наших в плен взято, сколько убитых и раненых...

Я сказал своему спутнику, что, кроме моих задач писать интересное, я хочу еще поддержать дух народа в этой войне, а как раз это может ослабить дух.

— Верно, верно,— воскликнул мой спутник,— вот уж правильно, дух не выдерживает долго, нервы ослабевают, вы должны поддержать дух... ну что же из этого, вы и поддерживайте.

— Значит, об настроении не писать?

— Почему же не писать, пишите ложно!

Со времени своего приезда с войны в Галицию в ноябре я почти безвыездно жил в одном селе Новгородской губернии (Песочки).

Отзвуки боя.

15 Февраля — день моего отъезда из Петрограда на войну. Я здесь в сборах провел несколько дней у многих своих знакомых. Как будто все постарели — такое мое общее впечатление. В людях что-то великопостное.

Собираясь, я ходил по магазинам, покупая различные вещи на дорогу, и мне все время казалось, что я хожу не в столице, а в провинции, где в лавках непременно нужно торговаться. Вещи все вздорожали, и торговцы берут, смотря по настроению, по виду покупателя.

В литераторах полный переворот: прежние утонченные декаденты собираются, решая вопросы, которые раньше были исключением этических групп, эстетизм лепится к войне. Один большой литератор бросил группы — и бежать на войну.

Есть предчувствие близкого конца войны, но уверены, что мы победим. Как будто все постарели. Но я не думаю, что духом упали. Один большой художник уверял меня, что никогда ему так хорошо не работалось: живет верой в будущую лучшую жизнь, и это дает новые силы в работе. То же и в общественной деятельности.

Встретил знакомую женщину — врача-хирурга, лицо утомленное, постаревшее, побочные занятия литературой брошены, но зато множество деловых проектов. Один из этих проектов — организация всероссийских здравниц (народных санаториев) — близится к осуществлению, собраны большие средства и на днях будет опубликован результат подготовительных работ. Всероссийская здравница, иначе говоря, народный санаторий, исходит от английского образца. Дело чисто общественное <*1 нрзб.*>. Не кончится ли вся затея чиновничества домом трудолюбия? Есть надежда, что нет, надежды на лучшее, что-то другое... Тыл — жалость к человеку, в тылу не мирятся с страдающим человеком.

События в Восточной Пруссии несколько изменили план моей поездки. Я еду в Галицию по всему фронту <*1 нрзб.*>.

По пути в Вильну: [на вокзале] в Питере последний поцелуй, вагон и кончено. Когда в последний раз целует женщина и дети уезжающих на войну, я испытываю совершенно то же, что на охоте, принужденный иногда смотреть на последние судороги умирающей птицы: каждый охотник знает это и закрывает глаза, это пустяки в общей радости, но из-за этих «пустяков» очень многие совсем отрицают охоту.

Мы с провожающим меня товарищем отвернулись, молчали, он бормотал: «Душа не переваривает», я почему-то чувствовал себя виноватым. Но вот поезд двинулся, и все преобразилось, и тот оплаканный юноша-доброволец едет, как счастливый охотник.

Офицеры окружили артиллерийского солдата с тремя Георгиями и той известной медалью Японской кампании: «Да вознесет вас Господь в свое время». «Георгий» был получен разведчиком в эту кампанию «в свое время», офицеры, еще не бывшие в бою, с почтением слушали солдата. Говорили о последней восточно-прусской операции, обсуждали ее, толковали так и эдак. Разведчик только улыбался.

— Это,— говорил он,— все наша неосведомленность, у нас не знают самого главного: немец не может против нас, ну, просто не может и не может.

Я хотел проверить прочитанное где-то: правда ли, что немец потому не может, что как личность задавлен государственностью, массовой муштровкой, в рассыпном строю он не может проявить своей личной инициативы, как русский солдат.

— Неправда, вот уж неправда,— ответил разведчик и горячо стал доказывать превосходные качества германского солдата.

— Почему же все-таки не может?

— Почему? а потому, что не может. Нужно это видеть, как вам объяснить: ну вот лежат наши солдатики, один другого кажется хуже, робко лежат, и вот как на них крикнут: «В штыки», и как они тут подымутся, ну, так этого он не может.

— Чего этого?

— А я не знаю, чего...

И опять мы снова начинаем расспрашивать разведчика, и опять он приходил к чему-то неизвестному, и такая у него вера в эту неизвестную величину, что и мы все заражаемся, и прежняя вся критика кажется малодушием тыла, и я знаю по опыту: это настроение мало-помалу по мере приближения к позициям будет все нарастать и, в конце концов, получится та пропасть между [фронтовой] братской линией и всем анализирующим тылом.

Тот юноша, прощание с которым женщины было похоже на судороги умирающей птицы, слушал теперь разведчика с разгоревшимися глазами: он тоже разведчик, только кавалерист, это еще опаснее, только что окончил реальное училище и тоже с «Георгием».

Вот он рассказывал мне совершенно охотничью картину, как он получил «задачу» и едет дозорным, едет тихонько, остановится, следующий за ним тоже остановится, и это передается ядру — все остановятся, смотрим на землю — следы! много следов! ночевали, была засада, думаем... а впереди что-то похоже на окопчик — ехать или не ехать? тихо едем и все думаем: окопчик или так, снег? И вдруг показывается каска в двадцати шагах, залпы... конь вынес, рана зажила. Теперь дадут и не такую задачу!

— Вы говорите о смерти... как вам сказать, мне было <*1 нрзб.*> вот, думаю, будто я маленький... ополчение, да уж сколько прошло с тех пор! а как будто сейчас было — так быстро прошло. И так же быстро пройдет и все время, такое быстрое, это так коротко, не все ли равно, теперь или тогда. А как теперь интересно! я очень доволен, что я кавалерист, не знаю, что сказал бы, если бы я был в артиллерии или в пехоте, а тут интересно, интересно!

Артиллерист услыхал это, взревновал к своему делу и вмешался:

— Что вы там все с трубой!

— А разве это не интересно, с трубой? а чем плохо: вот я смотрю, да, вот не как в книжке написано, а смотрю по-своему, я ищу наблюдательный пункт, ищу час, два, кустик, речка, ветряная мельница — ничего нет больше, а я все смотрю, смотрю — вдруг вижу: крыло ветряной мельницы чуть-чуть двинулось... кончено! [сразу передаю] два слова по телефону — чик! и нет ветряной мельницы. А разве это не интересно? Или вот, я вижу, вьется по дороге обоз — чик! и как все переменилось, летят лошади вниз головой, люди, телеги, какая-то груда из всего обоза, я все смотрю, смотрю. Я уж теперь смерти не боюсь из-за этого, да я и знаю, что меня не убьют, а если и убьют, то уж не зря, [дорого отдам свою жизнь]. А разве это неинтересно?

И так мы всю ночь говорили, и ночи нам не хватило делиться сказками войны. Счастливый разведчик утром уехал в Гродно, а я остался в Вильне, в близком [к фронту] тылу, виноватый.

16 Февраля. Литовский Иерусалим. Всего одна ночь от Петрограда, и вы у самой-самой войны. Вильно теперь для северо-западного края все равно, что Варшава для Западного...

Поездка в Гродно

Часами стоят и сидят эти серые фигуры военных в ожидании поезда. К любому из них можно подойти и отдать честь его погону, и говорить с ним, и вам будет отвечать голос одного из массы, пережившей событие. (Я подошел к

маленькому человечку (доктор), и вдруг он ничего не знает о событиях, он теперь дошел до непонимания: — Зачем непременно разбить? — Жениться.— Если хотите, женюсь принципиально.)

Офицерский вагон: «Горизонтальное положение», капитан сибирского полка с красным носом:

— Мне за пятьдесят, я пятьдесят лет пожил, и никто меня больше учить не может, живу, молчу, никто ничего не знает, и нечего тут больше говорить с вами. Я только слушаю, что мне велят делать, своего фельдфебеля.

Между Августовым и Райсбором шла колонна наших по шоссе, а по боковой дороге германская — тем и другим было нужно выполнить свое назначение, стрелять было некогда, а близко; у наших Митюх вспыхивали цигарки — Митюхи без этого не могут, а там — электрические фонарики.

Как человек, погибал корпус, и слышна была его борьба, пальба отчаянная, и мы шли, и колонна немцев шла: порядком за нами немцы, за немцами наш обоз...

Конец: бой затих, казаки принесли знамя полка... и другое... полки спасены. Снял командир знамя с древка, казаки взяли и увезли.

Артиллерист, счастливый человек, наблюдает, стреляет и ничего не видит, захотел посмотреть действие снарядов — одни руки лежат в деревне.

Общая картина — утомленные серые фигуры, тьма общего... у каждого свой небольшой фонарик, покупаем газеты (счастливо отделался — зубы вышибли), у каждого из нас фонарик и оттого скрытность, каждый рассказывает, но как бы и спрашивает вас: — А что делали, вы что видели, как это понять?

О немцах: не злоба и не жалость, а удивление, как они могут — будто без понимания, без хитрости, просто могут умирать, не пикнет в лазарете, не требует. Ожесточены только в атаке...

С о н. Не мешает записать и что снится в военное время, я сейчас хорошо понял, что сон — это убежище для личного отношения к фактам, когда они давят вас со всех сторон, как чугунные катки давят по дороге мелкие камешки.

Мне снилось, будто я стою возле Августовских лесов и слышу как близкий мне человек зовет на помощь, он тонет в окнище непроходимых болот, он тонет — я тону, и вот уже не его это голова виднеется над окнищем, а моя собственная, это я сам тону и зову, запрокидываю голову назад, чтобы последний раз дохнуть воздух милого света, в последний раз позвать своего друга на помощь...

Я проснулся и понял сразу, что погибающий друг мой — 20-й корпус, окруженный неприятелем, а отклик души моей — отклик на рассказ офицера соседнего корпуса о том, как он мучился, когда слышал пальбу неприятеля, окружившего погибающий корпус. Меня поразило в рассказе офицера его чисто личное отношение к части армии, казалось мне, он пережил потерю любимого, близкого человека и у него на глазах были слезы...

Не смею сказать крикливое слово «герои», когда все значение их действий, что они погибают в каком-то призывающем нашу душу к ответу молчании...

Полковник снял с древка знамя полка и передал его казакам, те пробились и вынесли знамя, и это значит — полк был спасен. Мы думаем о полке числом, они думают знаменем, возьмут знамя, останутся целы все люди — нет полка, и хотя один казак пробьется со знаменем — полк спасен. Совсем разное отношение, разный счет в тылу и на войне. И сон мой угадал это: погибающий 20-й корпус мне снился в образе тонущего друга.

Весь город как-то задавлен войной, вы берете извозчика в гостиницу и не верите, что он доберется. По одной стороне улицы остановился обоз с сеном, по другой стороне повозки беженцев со всякой рухлядью, те стоят, и эти стоят, и некуда разъехаться. Лошади беженцев воруют обозное сено, одни только среди криков, ругани стоят довольные.

Вокруг везде серые фигуры военных, все эти дни бывших в жарком сражении, с виду они, кто не знает, суровые и недоступные, но стоит вот подойти к любому из них и спросить о решительном моменте встречи его с неприятелем, как на лице его появляется какая-то детская улыбка, и начинается рассказ, и вы чувствуете, будто и вас призывают, вас спрашивают ответа в этом, что это значит. Я видел в лазаретах людей умирающих в столбняке, которые на ваши вопросы отвечают глухо, и ответы их слышатся из глубины, как будто из самого ада, и даже у этих людей, когда спрашиваешь их, как получена была рана, появлялось на лице усилие улыбнуться такою же тихой детской улыбкой. Вот это самое, этот свет какого-то детского вопроса тайной нитью соединяет все эти грубые фигуры людей, наполнивших город.

Теперь уже кончено смертельное напряжение, нам теперь ясно, что враг спешит отступать и ведет только [арьергардные] бои, но все-таки еще сохранился этот свет величайшего напряжения духа. Напрасно вы будете спрашивать о значении всей операции, если кто и вызовется объяснить, он видит только из маленького угла небольшую часть горизонта, у каждого зрение при свете небольшого фонарика. Это надо отбросить, это придет потом из общей работы сознания. Сейчас у меня муравьиная работа собирания опыта этих отдельных людей.

Вот этапный прапорщик стоит и смотрит, улыбаясь, как лошади беженцев воруют казенное сено, его и надо расспрашивать в этой области, он этапный, значит, не его дело самое сражение, он, вероятно, возится больше с лошадьми и повозками. И правда, он, глядя на лошадей, рассказывает о какой-то чудесной серой матке с человеческими глазами. Началось общее отступление, оно было, правда, в полном порядке, кроме некоторых частей, если бы не это несчастье с 20-м корпусом, оно было бы «блестящее». Только все-таки это отступление спешное и уж какая тут жалость к лошади. Привели серую матку, прекрасная лошадка, ее ноги в крови, не может двигаться. Окрутили ноги соломой — не идет, ноги не сгибаются, упрется и стоит, гнали кнутом — не идет, вели — не идет, что делать? Прапорщик вынул револь-

вер, приставил лошади к уху, и она тут и взгляни на него человечьими глазами. Рука не поднялась, нашли [большую] повозку, разломали бока, взвалили лошадь и повезли. Привезли куда-то к главному этапному на двор, а там стоит коней штук двадцать забранных в плен, ценой каждый в пятнадцать рублей. Кричит этапный начальник, чтобы сию ж минуту уничтожили лошадь. Прапорщик не послушался, дал ответ, что уничтожит, а матку поставил в стойло, думая, выживет, отличная будет лошадь. Каждый день ходил потихоньку наведывать — все стоит и не ложится, хоть бы легла — стоит и ноги как чугунные, не разгибаются. Дня три так стояла и пала. И все — я старался расспросить у прапорщика вообще об отступлении, о его занятии этапным делом, он стал жаловаться, ворчать на кого-то... с душой он мне рассказал из этого относительно себя одно только — серая матка.

Столбняк от переживаний. — Это же, что с человеком, — он прослезился, — [делается].

Я спросил, кем он был в мирное время.

— Бухгалтером,— ответил прапорщик.

— Ничего не знаю, ничего не хочу знать, давно бросил уже интересоваться таким пустым делом, слушаю только, что мне приказывают, и вам рекомендую бросить это пустое занятие, никто ничего не знает!

Так говорил мне пожилой здоровенный капитан-сибиряк с большим сизо-багровым носом, в мирное время, должно быть, большой любитель выпить.

— Нет, ведь подумайте только,— говорил он, действительно волнуясь,— пятьдесят лет прожил, тридцать лет прослужил на военной службе, достиг капитанского чина, и кто же заботится о моем нравственном воспитании, ну, Митюхи (рядовые) — черт с ними, на то они и Митюхи, а ведь я же капитан.

Ужасно возмущается:

— И еще видишь, на глазах в своих окопах немцы пьют, кричат, мерзавцы: «Приходите к нам, будем пиво пить!» — бутылки на палках выставили из окопов. Подлецы! Один

пьяный ввалился в наш окоп, очухался, огляделся, видит, русские [солдаты], хочет уходить: «Русские — хорош, русские — хорош!» Стучит в грудь с гордостью, а мы ему: «Зер гут!»

А раз мы на разведке за горкой и видим, едут пять немцев, тащат за собой катушки (телефон), впереди едет толстенький немец — бочка бочкой. Мы подпустили их, хватили залпами, трое свалились, двое ускакали, подъехали — толстого нет, и видим, толстый упал. Подъехали к канаве, и он лежит в канаве, на спине, бутылка во рту — буль, буль, буль — здоровехонек, только лошадь убита. Митюхи как увидели, что пьет, бросились бутылку вырывать, вырвали, и что же вы подумаете, ну, угадайте, что было в бутылке, нет, вы угадайте, без этого я не скажу...

— Спирт...

— Коньяк Шустова. По глоточку всем досталось, а толстого взяли в плен.

21 Февраля. Ночь: номер гостиницы, шорохи, запахи множества жильцов, что-то не свое, раздражающее, в одной комнате детский плач, в другой скрип кровати. Вчера там был полковник и устроил себе там семейную жизнь, какая-то дама, может быть, его жена, денщик, он весь вечер читал газету, а сегодня живет кто-то другой с жеребцовым голосом, гогочет, а голос дамы все тот же, они теперь не читают: она мурлычет вальс, и он ей подсвистывает.

Ночью я проснулся как будто маленьким, пели мне детскую песню, опомнился — на улице войска проходят и поют эту детскую песенку. Я понял, что война теперь, и это военное грозное и неумолимое представилось теперь временем жизни моей, годами нынешнего возраста моего, и детская песенка зачем попала в эти суровые годы? И так я посмотрел из окна на проходящие колонны: единственный фонарь освещал проходящие войска, и на улице от него мне было не видно проходящих солдат, но черные тени их на стенах домов двигались одна за одной, мне было ясно видно, как эти черные мертвые тени на белых стенах шли, размахивая руками, рты их открывались и закрывались — все

было видно! — и пели мертвые тела мою собственную детскую песенку.

Войско шло долго, я успел жизнь [вспомнить] под их песню и очнулся в обществе своего секретаря. Никакого нет у меня секретаря, но сегодня один еврейчик, исполнявший мои поручения, сказал мне: — Извините, что я скажу вам, вы недостаточно смелы, для ваших дел нужно быть пронырливым и нахальным — вы так не можете, вам нужно поручить это дело другому секретарю.

И сейчас же вызвался быть моим секретарем, значит, быть пронырливым и нахальным. Потом еще мне вспомнилась довольно важная особа, он мог сделать для меня, а когда я выходил, то догнал меня на улице, лысый, в форме, и с какою-то жалкой улыбкой просил меня упомянуть в газете, что брошюра его распространяется в действующей армии. Так я проснулся в обществе своего секретаря, мне представилось, будто он все это нахальное и пронырливое делает для меня и я пользуюсь его материалом и пишу прекрасные военные письма... как это удобно! Но я задумался о своем секретаре, мне стало обидно за его существование и противно, что он вечно пребывает возле меня, и что я уж больше без него не могу, я в плену у своего секретаря. Но ведь это же обыкновенная картина, так делают все настоящие деловые люди, и незаметно их побеждает их собственный секретарь. Мне мелькнуло сначала, что во мне нет этого секретаря, это жизнь имеет в своем составе то существо и, если сталкиваешься с жизнью, сталкиваешься с секретарем...

Так я совсем было успокоился, но опять проходящие войска запели мою детскую песенку, и вдруг я почувствовал — я виноват в секретаре, ведь он же сказал: «Вы не смелы, вы слабы»,— значит, я виноват, что я слаб. Эта слабость рождает секретарей. И это все война, все ее ужасы, все это от секретарей, от нашей слабости... человека, человека сильного ждет земля, весь земной шар.

Утром всё проходили колонны, между двумя ротами как-то попала похоронная процессия: коротенькая: простой гроб, ксендз, полдюжины родственников. Сверху из

лазарета на проходящее войско и похоронную процессию смотрели белые фигуры врачей и сестер милосердия.

Был на вокзале, осматривал великолепный Виленский перевязочно-питательный пункт, и какой-то очень важный уполномоченный в генеральской форме говорил мне, все показывая: — Я здесь завел чистоту, я устроил эту прекрасную кухню, я [оборудовал] это помещение, я организовал вольную дружину, я распорядился посыпать весь путь перекисью марганца, я наладил добрые отношения между военным ведомством и Красным Крестом — теперь я занят составлением о всем этом книги: я выпущу книгу.

В редакции «Вечерней газеты» говорили о немцах: мое настроение подтверждается. Белорусы — люди тихие, с застенчивой улыбкой, жители лесов с бледно-голубыми глазами (обычай целовать руку у женщины). Говорят, что белорусы по психологии ближе к русским, чем к украинцам, ближе к Москве, чем к Киеву (Киев — степи). Гнет на их культуру и принудительное обрусение способствует колонизации. Белорусы будто бы индивидуалисты.

Летчик казнится за бомбометание, но он был герой, если бы его не поймали, он был бы награжден, он погибает за правое дело, но он в то же время и не прав... он виноват, что летал не от себя и слепо отдался своему чувству.

Немец, учивший нас с колыбели порядку, закону и вообще всякой [расстановке] вещей — погибает целыми колоннами, не желая отступать от своего принципа и участвовать в каком-то хаотическом рассыпанном строю (гибель колонны).

22 Февраля. Поездка в Гродно.

23 Февраля. Сегодня, 23 февраля, было совсем весеннее солнце над Гродно. Сестры за утренним чаем.

В Гродно я остановился в резерве Красного Креста над почтой. У меня есть поручение осмотреть передовые учреждения Красного Креста, и потому в Гродно я остановился в резерве сестер милосердия и врачей — все живущие сегодня здесь принадлежат к составу подвижного лазарета, недавно еще благополучно стоявшего в Лыке. При отступлении лазарет потерял все свое имущество, сестры и врачи теперь обшиваются, закупают необходимые вещи для нового наступления. Кажется, теперь все уже готово, и если достанут стерилизатор, лазарет завтра выступит. Всем хочется с весны опять попасть в Лык и все надеются, кроме старшей сестры Ирины Ивановны:

— Я такая уж несчастная, третью войну сестрой милосердия и как-то все отступаю...

Там в Лыке есть какое-то прекрасное озеро, его все с любовью вспоминают, и потом все удобства жизни сравнительно с русскими! Расположились, приготовились жить долго, мечтали даже встретить весну в Лыке — Дом-замок — и вдруг в несколько дней без имущества, без инструментов, без дела очутились в Гродно где-то над почтовой конторой.

При первом наступлении в Лыке жители встречали русских пулеметами, засадами, теперь они, боясь мести, все покинули город, и русские вступили в город, наполненный товарами, но ни одной живой души там не было... и тут сказались силы немецкой организации: не было ни одной живой души в целом городе!

Небольшая черточка из психологии старшего врача подвижных лазаретов Красного Креста: одной стороной он похож на гувернера, что бы там ни говорили о мужестве сестер, но все-таки они женщины... устают, ссорятся. И, конечно, врачу хочется устроить свой пансион как можно удобнее.

Торопится вступить первым, занять самое хорошее помещение. В Лыке врач облюбовал один большой замок над озером, взял с собой несколько санитаров и пошел осматривать помещение. Вечерело, в городе нет освещения, электричества, водопровода — все это не действует, но магазины открыты, стоят даже извозчичьи пролетки. Со свечами в руках вошли в замок. Все там было так, как будто люди живут, но где-то прячутся, может быть, в шкафах, может

быть, в неизвестных комнатах. В детской комнате были игрушки в том беспорядке, как будто только что бросили их и играли, тут были любимые поломанные игрушки. Врач, как семейный человек, понимал, что значат эти игрушки, как хотелось доставить их детям, но где они... казалось, они где-нибудь здесь. В спальной комнате стояли великолепные кровати, в шкафу было белье. В столовой было только что подано второе блюдо... В столовой был камин, достали угли, затопили камин и сели у камина молча: было грустно и жутко и странно в темном городе, в темной комнате, чуть освещенной камином. И вдруг треск, огонь! горящий уголь вылетел из печки, вся комната наполнилась дымом: взорвался порох в печи, потом еще раз взрыв и стало совершенно темно.

Я записываю это со слов доктора, вчера нам это рассказывал:

— Мне казалось, будто весь замок был взорван, но оказалось, взорвался [горючий] порох и [горящие] там угли, ничего особенного, печь осмотрели, опять зажгли, комната согрелась, была освещена. Закусили, разместились спать, но заснуть не могли, все казалось, что-то еще будет. Встали, осмотрели весь дом, даже слазили на чердак -- нет, ничего не было, и опять легли спать и опять не могли, измученные переходом, заснуть. Вдруг там, в окне, в темном городе что-то вспыхнуло, бросились к окнам: там, в соседний огромный дом вступили [наши русские] солдаты, они зажгли огни во всех комнатах, в темноте все вспыхнули сразу огни дома, и стало так радостно и спокойно. Тогда все спокойно разместились и уснули.

На другой день среди солдат нашлись инженеры и всякие техники, заработал водопровод, электричество, были пущены в ход трамваи... В магазинах были везде даровые запасы. Началась жизнь.

— Ах, как хорошо в Лыке! — говорили сестры.— Как прекрасно озеро — весной мы будем там.

Только Ирина Ивановна, покачивая старой головой, говорила:

— Я несчастная, я третью войну все как-то отступаю.

Утром, просыпаясь один за другим, врачи догадывались, пришел сегодня стерилизатор или нет, выступать или еще ждать: хочется выступать. За чаем одна сестра вспомнила, что сегодня светит богатое солнце и похоже на весну. Я очень чувствителен к этому февральскому свету еще младенческому, [но уже весеннему], первый год в жизни своей я равнодушен к нему, теперь мне все равно, все это задавлено войной, и еще я знаю, как будет весной... страшно подумать об этом отравленном трупами запахе, какая героическая борьба предстоит общая со всеми эпидемиями... какая тут весна, какое тут солнце может обрадовать.

А сестра говорит:

— Такое солнце, вот бы в Лыке на нашем озере!

Я взглянул в окно, там все смотрели вверх на небо.

— Вероятно, летят немецкие аэропланы, — сказали равнодушно.

Я своими глазами еще ни разу не видел неприятельского аэроплана в момент метания бомбы, меня это волновало, я заторопился.

— Куда вы, да он же сейчас сюда прилетит, вы из окна увидите, — говорили мне все равнодушно.

Но я все-таки выбежал на улицу. Там было яркое солнце, так все улыбалось, что едва можно было смотреть на небо. Я скоро увидел эту птицу, несущую смерть. Ее, эту птицу смерти, встретили выстрелами, где стреляли, я не знаю, весь город наполнен военными, везде караулы, дозоры, везде могут быть выстрелы.

Навстречу этому огромному летел другой — я не знал, тот неприятель или этот или оба. Вот и взорвались — как один. Мы побежали на дым [и огонь] к месту взрыва: решительного ничего. Небольшая яма в логу чернела на камне. Бомба эта была поджигательная, говорили, что второй где-то упал с прокламациями, третий лошадь убил. Я посмотрел на небо, одного аэроплана не было, а другой вдруг [появился] и стал быстро падать за Неман. Все бежали туда, и я бежал за всеми, пока не достигли патруля и заграждения. За Неман к месту падения мчались казаки, автомобили.

— Чей же упал аэроплан?

Один говорит, что наш, другой — немецкий, я ничего не мог добиться.

Когда я пришел в резерв, то уже знали о катастрофе и тоже спорили, чей аэроплан упал: наш или немца. Спорили, впрочем, довольно спокойно, главное было, что пришел стерилизатор, и лазарет может сегодня выступать. Через несколько часов я проводил четыре [обоза] с красным крестом и сопровождавших [военный лазарет] врачей.

Пожелали все друг другу встречи в платье мирного времени и расстались. Про аэроплан совершенно забыли... и я вспомнил про него только теперь с пером в руках, так что это ничтожно в этих границах, [закрытых] черной ширмою, границах закулисного [скрытого] механизма войны, который стоит тут у них.

Какая-то граница черной ширмою видна перед собой: какая-то часть уходит, какая-то приходит, передвигается [военный] театр. Если пожелать, то можно узнать, говорят почтенные лица, но все как-то не веришь, или никому не веришь, но все время кажется, что никто настоящего [смысла] и знать не может.

Мне нужно было [сделать] сегодня небольшие переезды по железной дороге. Эти переезды возле театра войны чрезвычайно утомительны, несколько часов ожидания поезда, потом купе битком набитое и все непременно курят. Но тут как раз встретишься с [человеком], прикосновенным к военному делу. В этот раз, кроме молодого офицера, со мной в купе ехал артиллерийский полковник и старый казак с четырьмя Георгиями [на груди], только что произведенный из нижних чинов в прапорщики. Разговор у него был с полковником о слабом <*1 нрзб.*>.

Молодой офицер рассказывал один эпизод из последнего сражения под Гродно.

Так разговаривали преинтересно, и вдруг к нам в купе ввалился мальчик лет тринадцати в солдатской форме с ефрейторскими нашивками.

28 Февраля. С поля сражения из Августовских лесов, где были на волоске от германского плена, я попал в като-

лический монастырь. Ксендз, еще совсем молодой человек, дал мне комнату записать свои впечатления. Я начинаю с того, о чем мы говорили с ксендзом, приютившим меня за стенами монастыря 17 века. Я рассказывал ему самое главное, что вынес из этого хаоса: мука побеждается мукой. Нашему отряду удалось из-под огня спасти около четырехсот людей, обреченных на смерть. Три дня я видел, как врачи, без сил и пищи, перевязывали раненых, изумлялся, откуда взялись у них такие силы. Потом Августовскими лесами мы спасались от неприятеля, когда под страхом попасть в плен, или вовсе погибнуть от разъезда врага, шли пешком при страшном морозе, и когда прибывали в безопасные места, опять принимались за работу,— откуда, я спрашивал себя, бралась такая сила? Это и была мука, но этой мукой искупались муки других. С каждым часом работы, мне казалось, люди взбирались все выше и выше на неприступную гору: муки давали силу, муку брали мукой.

Священник слушал меня и вдруг воскликнул:

— Да ведь это же: «Смертию смерть поправ!»

Как будто он был поражен и я тоже этим внезапным открытием: мы твердили с самого детства слова «Смертию смерть» и вдруг оказалось, мы твердили это без всякого смысла, и сразу смысл открылся, когда я просто свое пережитое назвал своими словами: мука мукой.

Внезапное открытие повело нас к долгой беседе, и в этот вечер я ничего не мог записать...

Пройдут столетия — какая легенда будет у людей об этой борьбе народов в Августовских лесах, эти огромные стволы деревьев, окропленные кровью человека, умрут, вырастут другие деревья, неужели новые стволы [новых деревьев] будут по-старому шуметь о старом человеке. Нет!

Сегодня еще лежат неубранные <*1 нрзб.*> трупы людей и животных, вы увидите еще теперь два дерева, связанных [вместе] белым флагом — место, где сдавались последние русские части, на днях нам привезут зарытые там знамена — враги победили, но враги сами погибли от голода. По-

том голодных их брали в плен. Мы знаем, как небольшая кучка русских солдат, когда выходили из леса, вела за собой сотни пленных врагов, как они, измученные голодом, хотели бросить этих пленных, гнали их от себя, но пленные в надежде получить кусок хлеба шли, все шли и шли по лесам за русскими солдатами. Голод заставил их забыть родину, и они шли, как голодные псы вслед за новым хозяином.

Это унижение человека переживут деревья. Пройдут столетия, новые стволы будут шуметь о новом мире — неужели новые деревья будут шуметь о старом человеке?

Саперный офицер — полковник — лет за сорок, лысый, длинная борода, нервное лицо... снаряд лежал около [него], крики, он помнит что-то <*1 нрзб.*> и все думал: пустяки рана, не стоит перевязываться, нога [задета] осколком; его раздели, и в лопатке рана, кто знает, может быть, смертельная, и так обидно: я ничего не сделал, не может быть, рана пустячная. Она к нему не приходилась, было обидно смотреть <*1 нрзб.*> (начало обиды детской).

Если бы я не записал то, что чувствовал сегодня, завтра я бы уже не смог написать это: каждый день новый опыт осуждал мое вчерашнее, будто я поднимался все выше по горе, удивляясь новым горизонтам, но сегодня же открывается новое, и кажется странным и потерянным временем, что я так [чувствовал] там где-то внизу.

Как лес наполнился звуками [человеческих голосов] — пришли телеграфисты, [привезли] катушки, рогатки выше провели на сучки и оставили охрану: у костра стоит человек один, и там, в лесу, может быть, дожидаются враги, когда кончится шум [и гам] (телеграфисты последние выходят из города).

Мы будем не так поступать, как русские поступали в Восточной Пруссии, мы не воюем с мирным населением. Но мы требуем от них исполнения приказа.

Хронология событий.

22-го вечером приехал в Гродно, поместился в резерве, выслушал рассказ врача об отступлении из Лыка: Саратовский лазарет. 23-го в 10 ч.у. пошел к кн. Куракину и выслушал: «Что же вам угодно? Хорошо, если Мих. Ал. рекомендует, я окажу вам содействие, оставайтесь при Саратовском лазарете».

А врачу ничего не сказал. Саратовский лазарет отправляется, меня не берет. Обращаюсь к другому — князю Кропоткину. Я начал разговор с Куракиным: «На немцев У меня здесь переменился взгляд» (я хотел сказать: к лучшему), а Куракин: «Ужасные зверства» — и прекратил мое рассуждение, а Кропоткин начал с того: «Не вижу я таких зверств, своими глазами не видел» (жена немка). Один князь ищет во всем худого, а другой ищет хорошего, легкомысленно смелый, удалой, счастливый князь. Один хотел меня устроить в неподвижный госпиталь, другой взял в автомобиль. «Завтра в 9 утра».

24-го в 9 утра возле постели счастливого князя: «Почему вы думаете, что у нас не будет боев?» — «Сувалки через три дня будут наши — вступим в Сувалки, займем лучшее помещение. Оставайтесь до 12 дня, я схожу в штаб и узнаю».

Вчера убрали трупы, позы трупов: руки, сжатые вверх — [в кулак], улыбка детски обиженного человека, солдат, вонзивший штык, перевязывающий рану.

4-5 дней в Сопоцкине возле монастыря (накануне прочитал о зверствах в монастыре — и нет ничего), в училище устраивался Саратовский лазарет: осматривали комнаты, топили. Петр Романович Мальцев, захолодавшая сестра.

Под вечер едем в Сейн! Ау! Драгун: «Сувалки заняты, побросали повозки, вот увидите. Отдаю приказ выступать рижскому отряду». Аллея лошадиных трупов (после узнали, что это эпидемия).

В Сувалки, в Сувалки! Вечер, живая картина, два полка, кухни, картошку теряют. В какой-то деревушке встреча со штабом. Пленные германцы: немцы, обыкновенные немцы, жалкие. Смотрели офицера: барон, невеста, симуляция бо-

ли. Каска для князя, все желают продать каску. Покормите, только не очень.

[*Петербург*].

5 Марта. Приехал 3-его. В тот же день: Виленский, Разумник, 4-го переехал к Григорию. 5-го отправлен 1-й очерк «Августовских лесов».

Всякий хорошо знает, что вещи не любят, когда их расстанавливают в известном задуманном порядке, потому что их естественное состояние — хаос. Идея немцев — расстановка вещей, и с этой точки зрения я спрашиваю себя всегда, когда слышу о каком-нибудь «германском зверстве»: «Стало быть, так нужно для порядка?» Обыкновенно это категория зверства, или выходящее из идеи высшей целесообразности. Обыкновенное кавказское зверство для меня совсем неинтересно, но зверство целесообразное меня заставляет задуматься. Я не верю в кавказские зверства у немцев и во всяком новом факте ищу целесообразности.

Вот в день [один раз прилетают] аэропланы и бросают бомбы. Никто этих бомб не боялся, ничего особенного они даже не разрушают: погибла одна лошадь, собака, девочка. В чем же целесообразность: произвести панику — ее нет, разбить мост — все равно не попадаешь в него с высоты. Но в этой настойчивости, в этой методичности метания бомб (вот [раз] в день, около 11 дня) чувствуется не простое озорство, а что-то задуманное — что это?

Только совсем неправильно называют это словом «зверство».

Наш автомобиль остановился на известной высоте, про которую мы все читали, как она переходила из рук в руки.

Моему спутнику, князю N., захотелось непременно найти себе германский штык и «чемодан». Автомобиль наш остановился на известной высоте, про которую мы все читали, как она переходила из рук в руки, и мы вышли искать это возле окопов.

7 Марта. Грудь в крестах или голова в кустах? Слава Богу, юноша жив, грудь у него в Георгиевских ленточках, а кресты оборванные, потерялись в последней атаке.

— Жаль, нумера не запомнил, придется теперь подавать рапорт. Рубка — рубили семь месяцев; первое ощущение, поиски первого ощущения, вспомнил: не задерживается. Сучки в три пальца — трудно, а тут первое ощущение удивительно: не задерживает.

Лошадь убило, какая была лошадь: три версты еще бежала. Потом: пеший по конному.

Муфта. После военщины. Стараюсь, как после обыкновенного путешествия, припомнить все мелочи, в то же время преодолеть все их, как препятствия, и представить всю картину пережитого, но сил не хватает: это необыкновенное путешествие. Самое странное, что все случилось в три дня, а кажется, прошли целые года опыта. Так ясно, что жизнь постигается в очень короткое время и даже в момент, а все остальное, данное — напрасное карабканье вверх. Так ясно и почему мы так мучимся над разрешением мировой задачи и не можем ее разрешить: просто мы не живем полной жизнью, не причащаемся ее постижению собственным подвигом.

И, конечно, война — постижение, но не отдельным человеком, а всеми.

Я силюсь нарисовать себе всю картину пережитого в три дня, а перед глазами... муфта, да, самая обыкновенная муфта и сама дама почтенная, дама-матрона сидит к нам спиной на вокзале и так спокойно, ложечка по ложечке, раздумывая о своем, кушает чай. Юноша, весь истрепанный, в кавалерийских сапогах, с оборванными Георгиями на груди, показывает мне на даму:

— Посмотрите, настоящая женщина, и какая у нее богатая муфта.

Мы всего в нескольких шагах от поля сражения, [духом] еще там, но вот первое, что видим из обыкновенных картин мира: эту муфту, дамскую муфту и настоящую женщину. И там были, я их вспомнил, женские лица, помню, в лазарете (подвижном) посинелая от холода (выбиты окна) хло-

потала маленькая сестрица, помню, даже в Августовских лесах — встреча с поломанным автомобилем и, когда заглянул внутрь, то воскликнул: «Сестра Мара!», помню в обозе женоподобный отрок-солдат, улыбаясь, отдал мне честь, я ему, а он еще и еще. А потом [возвращаюсь обратно], когда мы опять встретились с обозом, он опять несколько раз отдал честь. Я тогда подумал: не одна ли это из авантюристок, какими-то путями проникающих в армию [любой] войны всем на удивление.

Но все это не то: женщина и такая муфта, настоящей женщины нет на войне и быть ее там не может, все сопротивляется ей...

Барышни-институтки — птички — ищут путей попасть в сражение (ищут полной жизни).

Может быть, и не нужно смотреть на войну всем и не нужно приближать ее картину к самым глазам нашим. Нужно ли входить без особой нужды в закрытую комнату (рождающей женщины)? Не сильнее ли, не глубже ли переживают любимые существа у закрытой двери? Да, я думаю, кто глубоко чувствует, не приближаясь к войне, найдут в себе больше понимания, чем многие, близкие к закрытой комнате. Но многие ли так глубоко чувствуют? Большинство так живет, и для них очень полезно приблизиться, и наш долг помочь им подойти.

Нужно ли входить без особой необходимости в эту закрытую комнату? Не сильнее ли, не глубже ли переживаются муки за любимое лицо человеческое у закрытой двери? Да, я так думаю, что глубоко чувствующий человек больше понимает войну у себя, чем многие физически близкие к ней люди. Но многие ли так чувствуют? Большинство живет так, и наш долг помочь им приблизить... по мере сил.

15 Марта. Велебицы. Приехал вчера 14-го. Вся поездка ровно месяц. 13-го в пятницу вечер у Замятина. 12-го свидание с Горьким. Его рассказы: почему не признает Бога: обещание иного мира, когда этот мир хорош: купец в трактире. Европа и Восток. Никаких не надо войн. Против войны. Слезы от картины у Толстого. Пьеса: Ремизов и Горький.

Горький: на вопрос, почему он не признает религии и отказывается от Бога, Горький ответил, что в религии обещается жизнь не здешняя, а загробная.

Март. 19-го вечером. Поломаться, порисоваться перед кем-нибудь хочется каждому и для этого многие выбирают себе сюжеты, но не всякий сюжет дает себя в полное распоряжение. Иногда он совсем не дается, тем сильнее желание порисоваться. И вдруг на помощь талант, действительная способность рисовать себя, и я рисую себя, показываю другим: «Вот какой я хороший!», и, обратись к первоначальному сюжету: какой все это вздор! Вы для меня непобедимый вечный сюжет.

Так я себя чувствовал на днях, прочитав последнее свое письмо. Удивительно, как хорошо выходит обращение в сторону, но как только обратиться к своему — такой вздор.

Вы всегда были для меня зеркалом, я напишу Вам, потом раскаюсь, и так мне кажется, что Вам я пишу только глупости, а настоящее останется — как иначе жить, или не оставлять для себя: раскаялся, очистился и веришь, что вот теперь я другой. Но проходят часы, я опять Вам пишу и опять смотрю в свое зеркало. Каждый раз я думаю, что вот теперь уже я скажу настоящее: мне хочется сказать что-то о светлом мгновении, когда ночью увидишь на золотом электрически рыжем небе звездочку-минутку... что-то такое... но суровый образ Ваш вырастает передо мной: ничего я не могу сказать, все будет отвергнуто.

Так разобрать, все понятно: суровый образ — [такая] звездочка-претензия священная, но все-таки претензия, и тут уж если малейшая ошибка — получается не свет, а брошенный камень. И все-таки, все-таки новая, безнадежная попытка к свету.

И представить себе, что это пишется сейчас, после дней тяжкого созерцания всех ужасов войны, после моментов настоящей близости смерти... так живет человек о мимолетной встрече двенадцать лет тому назад — так сильна его потребность создать что-то свое.

Как мало удивляются люди окружающему их миру: сегодня я гулял посередине твердой реки, а завтра она будет

жидкая, и никто этому не удивляется: естественно! Так и звезды, и травы, и пчелы, и дети, и взрослые люди — все так удивительно! Все было удивительно, когда я встретил Вас, весь мир был как певучее дерево. Это было так необыкновенно, и так обыкновенно, что я этим дорожу. Как хотел бы, чтобы окружающие люди признали это за обыкновенное, не удивлялись бы этому. Но если я кому-нибудь вслух скажу, что тайна моего действительного мира опирается на мимолетную встречу многих прошедших лет, меня не узнают и примут за сумасшедшего, и даже Вы сами...

Нет опоры... А вы знаете, я священными считаю все написанные Вам слова. Если их обернуть для людей, я знаю, эти слова — ничто, мне скажут, это крохи величайшей скудости. И все-таки странный мир... невозможно послать письмо, невозможно открыть, бесцельно, безнадежно, бесповоротно в самой основе, в самой глубине измерения жизни, этой необходимой потребности человечества измерять поверхность жизни счастьем, а несчастье — мера в глубину, это не выходит наружу, это для себя, только для себя: без выхода.

21 Марта. Смерть — это самая большая неудача, и всякая неудача есть то же, что маленькая смерть: в неудаче высшая счастливая жизнь заслоняется материальным препятствием, человек не может жить счастливо, духовно, потому что перед ним препятствие.

Я могу совершенно ясно проследить, что моя крупнейшая неудача происходила от смешения высокого чувства с низменным [чувством]: предоставляя на волю судьбы всю свою [жизнь] я дожидался, что будет из этого. Я хотел, чувствуя неправоту, забежать вперед с хорошим и опередить (причины поспешности) — и опередил, получил зрение необычайного света, но то догоняло и догнало -- открылся скелет жизни — и взяло в плен. Нужно было для счастья — равновесие сил, сознание зла и добра, готовность жертвовать собой, а не стремление быть самим собой. Минутами я прозревал и писал, что буду думать и жить и действовать только для нее, получался прекрасный ответ.

Потом самолюбие брало верх и все затемнялось. Теперь допустим достижение счастья: я, как Соколов,— это было бы нечто иное, может быть, незаконченное... но не выпали бы ступеньки из жизни.

Поэзия вообще спешит, это несчастное занятие, это личное дело. Так является вопрос о законности существования самой поэзии. Поэзия манит, но не делает: дело не в этом, и мы на каждом шагу видим, что жизнь минует ее.

22 Марта. *Пасха.* Из чтения газет. «Утверждение в Константинополе выведет Россию на такой широкий мировой путь, движение по которому само разрушит националистическую идеологию (С. Котляревский. «Русские Ведомости», 1915, № 13).

Так ясно из этого рисуются образы либералов, которыми всегда замаскированы государственные деятели, может быть, даже будущие губернаторы.

Кто-то пишет еще: надо сознаться, что алкоголь уносит больше жертв, чем война (то же говорит и об эпидемиях). Это самые ужасные, самые безнравственные и убивающие дух слова. Что мне безликое умирание людей с их зародышами, доказанное каким-нибудь статистическим вычислением, если я видел своими глазами жертву войны и принял в душу ее муку...

Как все-таки, несмотря на утомление общества, на все несчастия личные, все впечатления личного ужаса, ежедневно излагается в газетах, тут же на таких же столбцах, неудержимо прет государственная легенда о том, что нам (России) нужно. На каждом шагу видишь, как совсем отдельно от нашей человеческой души возникает чужая душа, существо, которому начинают все поклоняться, во имя которого будто бы творится все бесчеловечное, легенда о государстве России. В этой легенде ищут спасения и люди, повторявшие всю свою жизнь, что служат какому-то «человеку».

Надо найти параллели: поднять завесу, скрывающую личную судьбу солдат от общества, и, наоборот, завесу, скрываю-

щую жизнь общества от личной судьбы солдата. Там полная неизвестность целого, здесь полная неизвестность деталей войны. На одной стороне способность пропустить личную судьбу и построить чудовищную легенду, в которой будто бы люди идут на жертву добровольно, на другой вера, будто бы общество заинтересовано душой в личной судьбе. Мать, жена, сестра молят об одном, чтобы не убили близкого — обратное легенде о жертвах (миф уничтожающих), потом начинаются подарки, фуфайки — утешение добрых людей, потом розы, конфеты, сигареты, общественные панихиды, некрологи и, наконец, в завершение всего вдохновляющая цель — расширение государства, выход к морю. Под шумок миллионы корыстных людей — всяких торговцев, поставщиков, подрядчиков, полицейских, губернаторов, финансовых тузов — строят каменное основание своей личной судьбе, которая ляжет в основу будущей власти их над будущими новыми «жертвами» войны (между прочим, евреи, эксплуатируя чувство человечности, так называемые незыблемые основания нашей интеллигенции, строят тоже каменное основание).

— Евреи — люди, лишенные земли, как растения, воспитанные в водяной культуре с обнаженными для глаза корнями: у других народов скрыты их корни под благо ухающим покровом земли, у евреев корни наружу, и мы возмущаемся, видя в их зеркале подобие наше, скрытое от наших глаз. Евреи, лишенные земли, несчастные люди!

— Счастливые! — я полагаю так, что счастливые: у них нет царя, нет начальников; нет местожительства, евреи — счастливые люди...

Новое название одной коренной черты русского народа: утульчивость.

Вот тема: у старика сын на войне; на маленькой ниточке висит жизнь его (получение писем), умрет сын на войне, и старик весь облиняет: жизнь сына, связь с прошлым, и на его жизни теплится надежда, что еще будет Константинополь наш и выход к морю.

Ночью на «семех» лошадях, как вор, едет мужик по Новгородской губернии, везет овес в Петроград (овес стоит куль в Новгороде, в Петрограде), знает, что запрещено вывозить из Новгородской губернии в Петербургскую, и все-таки везет — совершенно такая же картина, как на войне в Галиции. Издан глупый закон, и умный энергичный человек, «кормилец» становится преступником.

— Ничего не дадут,— кричал старик,— ничего не дадут!

— А Галицию?

— То дадут: отрежут опять шмат Польши, одевайтеся худым одеялом! А лучше бы взял Государь бросил бы немцам свой шмат Польши: нате, голодные псы, и больше не лезьте, ни одного теперь немца, поляка, жида не будет в России.

У моей матери гнев на кого-нибудь всегда соединялся с потребностью оправдаться перед кем-нибудь и вступить с ним в союз — что это? Недовольство одним из нас сопровождалось преувеличенной нежностью к другому (нежность называлась «печки и лавочки»). Своими черными глазами, все-таки женскими, она умела проникать мгновенно во все — от прически до косого взгляда в сторону, и всякое движение создавало у нее всю цепь приятного или неприятного, полученного от такого-то; если приятное, то неприятное забывалось, и наоборот, и, в конце концов, из-за малейшего пустяка она выливала [свой] или весь запас злобной энергии, или радостного широкого благоволения. И никогда [иначе]: в гневе она не могла оставаться без радостного помощника, в радости ее не оставляла подозрительность. Так она постоянно вступала в союз и, попросту говоря, сплетничала одному на другого, как бы постоянно стараясь разбить дружбу между детьми.

Я думаю, что все эти страдания раненых и умирающих на войне не так страшны, как мы себе представляем, но, видя муку другого человека, мы бессознательно принимаем в свою душу муку за эту муку, и наша мука, искупающая то страдание, по таинственному закону души человека страш-

нее той естественной муки: мука за муку больше — вот закон человечества. По количеству естественного страдания не было в истории мира такой войны, как нынешняя, значит, и душевная мука за нее должна быть по закону человечества больше, должна быть небывалая мука: смерть за смерть. Между тем, большинство людей ждет радости (озон войны, электричество грозы, проливы).

Линяющий старик Михаил Евтихиевич и сын его Михаил Михайлович: письма получаются, оживают проливы, писем нет: проклятая война.

2 Апреля. Голубая весна. Естественный эгоизм — источник вечной обиды и сознания несправедливости. Несправедливость — это чувствуем по-настоящему. А прочему не верим. И так целую жизнь нужно употребить, чтобы разрушить этот эгоизм, скорлупу, смущение.

Она [непобедимая], зеркало правды, мне недостижимая вечная, отдано все — письма. Теперь все будет другое. Я уже больше не существую, как я, а со всем потоком всего, голубая богиня.

У Левы два передних зуба большие прекрасные (у меня теперь в этих зубах гангрена) — такие же были они и у меня. И вообще он повторяет меня: я был свидетелем, как он сам, обижая других, после нашего наказания так обиделся, будто затронуты были коренные вопросы мировой справедливости. Я был тоже однажды поражен мыслью одного гимназиста, что не напрасно меня выгнали из гимназии, со мной не было сладу... Наивный эгоизм, принимающий свое «я» за вселенную, и просто эгоизм без чувства основ: у Левы эгоизм с чувством основ и путь его — путь разрушения — это эгоизм понимания основ — большой путь. У меня основное столкновение этого было в Париже — в результате личное несчастье и литература: чувство, которое меня влечет к литературе — это стремление быть не тем, что я есть, создание другого «я» (момент этого: скорлупа, то письмо — я все, все отдаю вам на суд и с этим, что есть во мне ценного, остаюсь).

Так ясно, что надо делать для понимания мира: нужно отказаться от себя (эгоизм), и тогда душа будет светиться (поэзия и есть свет души): рабы всегда светятся, а начальствующий прет нахально, жизнь птиц и животных состоит вся из лишений, и оттого они так прекрасны (весной).

Космос устроен человеком же («природа») — почему на войне исчезает природа? потому что это новое человеческое дело — человек еще не успел подыскать символ в хаосе, но он и это подыщет.

При поездке в «невидимый град» (то же и «непуганые птицы») мною руководил задор: мне казалось, что с помощью какого-то неведомого чувства, которым я обладаю и которое я считаю подлинным и обязательным для всех научных исследований, с помощью этого чувства я сделаю открытия научные. И я действительно убедился тотчас по приезде, что знал больше всех этих [ученых]-исследователей раскола и сектантства (я вошел внутрь). Нельзя ли то же сделать в большом масштабе, например, с географией, чтобы глобус стал не внешним предметом, а вошел в состав души.

Провиденциальная точка зрения на войну: разрушение того, что неизбежно должно разрушиться: наивный эгоизм государства, фетишизм государственный, создастся взаимодействие (империализация мира): бессмертная личность и космос... И то должно совершиться (война), чтобы создалось это: без того не может быть этого — вот трагедия немца (Адам без земли).

Роман моей жизни: столкновение Германии и России, я получил все от Германии и теперь иду на нее (Лейпциг, Тюрингия).

Развелся с «Русскими Ведомостями», которые были всегда для меня <*2 нрзб*>). Брак был по расчету: я писал о мужиках, они мне за это оказывали покровительство. Но я не знаю ни одного общественного дела, в котором ког-

да-либо я участвовал «по любви»: земская служба, в министерстве — курьезная служба, писание в «Русских Ведомостях» — сплошное притворство, в «Заветах» — все это не мое, не мое. Два раза, один в юности, другой на переломе и третий иногда в литературе я участвовал в общем как в своем, но это были моменты величайшего напряжения: нормальным общественным деятелем я быть не могу.

6 Апреля. Идея: «Черного араба» превратить в целую «экзотическую» книгу, «Птичье кладбище» — в книгу земли русских сказок, «Невидимый град» — в книгу религиозных исканий, «Книга войны» и проч.

Книгу «Птичье кладбище» превратить в книгу четырех времен года.

Беда христианства в том — ссылка на него есть могучее средство в руках хитрого хищника, не могущего по причине своей слабости и глупости стоять лицом к лицу с противною ему силой.

Я — часть космоса, я живу — я со всеми (противовес этому: ошибки в области самооценки), но моя вера в добро моей жизни должна быть (так верят Разумник, Мережковский, Горький и проч.), или же эта вера до конца сломана — это существо должно быть разрушено (жизнь), и «тот свет» — это другая вера.

Черты Востока в русской жизни: останавливаются не в гостиницах, а у знакомых.

9 Апреля. За бором на угреве в затишьи против солнца стоит береза. Пробежала босая девочка, сломала ветку, и закапал сок березовый из открытой раны.

Убежала девочка. Осталась береза одна, и так непрестанно капает сок на сухие желтые прошлогодние листья, и к полудню целая лужа была на сухих листьях светлой душистой березовой крови: сок — березовая кровь.

И ни одного стона, ни одного звука не было у березы о пролитой крови. Она так покорна была воле пославшего ее на эту землю, что даже не чувствовала боли. И так весь этот мир — вся природа несет крест тяготеющего над ней ига.

И человек — тоже природа, значит, тоже раб, и спасение его, как природы, в молчании. Но вот он говорит... Где начинается момент святого права голоса, после границы, за границей молчания, значит, страдания — слово, как кленовый лист после суровой зимы. Как установить разумом, как разумно найти эту черту страдания и права голоса, где этот момент заявления права человека?

Может быть, голос — продолжение муки хаоса, [выражение] его радости, но это голос природы, и тогда человек — ничто.

Человек — воля и скорость. Хочется поскорей — это противопоставляется природе: там не может хотеться, не может быстрее двигаться всего, что есть.

«Птичье кладбище» — книга 4-х времен года. Книга рассказов «Старички». Собрать сюда «Старички», «Домик в тумане» и вообще все рассказы, изображающие утраченные ценности: книга человеческая.

1) Птичье кладбище 2) Черный араб 3) В краю непуганых птиц 4) Колобок 5) Невидимый град 6) Книга войны.

12 Апреля. Война как момент творчества жизни: это проследить в личности. Без личности: все бессмыслица (а рост государства?) — какая нелепость одиночество во время войны — воевать и быть одному невозможно, и отсюда два пути, два вывода: один, что государство нужно создавать, другой в муке за муку. И один оканчивает мукой за муку, творит новый мир, другой признает, что он творит государство (шитье фуфаек; «все это Россия, Россия» — Розанов... святые вещи и проч.).

Но этот [голос] отличается от природы (качественно-высшее животное). И в этом голосе есть настойчивая сила и право (естественное), этот голос называется «религией жизни», «земли». Мотивы: радость слова, горе — вся музы-

ка бора, пение птиц, шелест трав (голос человека создан из музыки природы). Но все это еще не человек: человек дает земле новые, не продолжающие природу, а совсем новые человеческие установления: новый голос, новый, искупленный мир, новое небо, новая земля — этого не признают пророки религии «жизни».

Может быть, некогда коршун стал лебедем? Из ястреба стала пеночка? и вся природа — образ единого пути созидания? Какой же путь творчества человеческого голоса? Путь личного переживания и средств выражения в опыте других людей: этим путем соединяется личное и общественное: личное — жизнь, общественное — предание, момент голоса — соединение своего с преданием. Предания природы и предания человека.

Человеческий опыт может быть только в природе (жизни): жизненное — умирающее, человеческое — бессмертное. В смертном рождается бессмертное — невозможно, в смертном воплощается бессмертное Слово.

Люди, для которых новый мир даст только доказательство старого, и люди, которые верят, что новый будущий мир будет действительно новым.

Бывало, прохожу деревней — знают, что вернулся с войны — проходу нет, все допрашивают, как на войне, и всякая сказанная мелочь глубоко западает им в души. Ныне я прохожу, и никто меня больше не спрашивает, насытились и как будто что-то уже знают свое и ничего уж нового не узнают от человека с войны, боль свою, приходили с войны и уж все пересказали. Только из одной избушки выходит старуха бледная, позеленелая и спрашивает:

— Сына у меня убили: будет ли мне что за это? У него четыре Егория и произведен в прапорщики. Будет ли мне какое пособие?

Старуха очень просит меня похлопотать... Спрашиваю, какого он полка.

— Геройского,— отвечает старуха.

Объясняю, что по этому еще нельзя найти, а в полках есть названия и части. Долго сидела моя старуха и ничего не поняла.

[Получила] письмо офицера, пишет офицер, как он умер геройски. Я спросил, где письмо, [оно] далеко, в другой деревне.

—Пишет офицер, — повторяет старуха,— что геройского полка, и больше ничего.

Когда поживешь в глуши месяц, два, три безвыездно, то простые люди деревенские мало-помалу начинают вырастать, становятся значительно интереснее, и мало-помалу начинаешь терять то вечно сопутствующее образованному человеку разделение на классы людей. Так, если с горы смотреть на человека, то он, кажется, маленький, а подойдешь поближе, он такой же большой.

15 Марта * — мороз, снег крепкий, скрипит, в полдень дорога рыжеет, солнце яркое, идешь и глаза закрываешь, свету много, мало тепла.

Надежин мальчик говорит, будто где-то на войне целую роту немцев побили, кто хочет смотреть, может, устроен льготный проезд — 3 р. до войны.

16 Марта — день такой же светло-морозный и опять теплый полдень, гуляем по насту по реке и загадываем, что весна будет крутая. В крутую весну вода в деревню подходит, гумна размоет, и петухи на местах сидят над водой, одни петухи, и не пойти к ним, не взять.

17 Марта. Сколько свету! Натуживается голубь с утра. Зима настоящая и один только свет — единственное время увидеть один свет.

18 Марта. Сапоги заказал Ивану Константиновичу, делает [быстро] и крепко. О таком сказал Брянцев из Горок: «Схожу, уведаю».

Мороз, как в Рождество, ночи большие, лунные. Споры: — Весна будет крутая.— Ничего не будет, мороз вытянет.

Прогулка по замерзшей реке,— как редко удивление миру, кто удивится, что сейчас он идет по твердой земле, а

* В рукописи даты марта—апреля повторяются.

через неделю-две все тут будет жидкое. Так на войне, привыкаешь к бомбам, к трупам. И даже то удивительно, как встречается все-таки в отдельных людях удивление.

20 Марта. Ночью задул юго-западный ветер, буря, метель — весь день был ветер и, казалось, «оборвалось», уже стало хлябнуть, потемнели дороги, потемнел остров, но к вечеру стал ветер повертывать на север, стало расчищать, и вечером зима опять вцепилась старыми когтями в землю.

Какой-то несуразный поп: устроил чтение 12-ти Евангелий в заутреню в пятницу. На войне: ушел бы куда-нибудь, забился бы в угол, темный, темный, горят лампады, образа смотрят, а я сижу где-нибудь в стороне, курю трубочку и <*зачеркнуто*: слушаю двенадцать евангелий>.

22 Марта. Пасха. Порошка, самый день облаву на лисиц делать. Ночь Пасхальная, звездная. Светятся все избушки — чудо! — Христос воскрес. На воротах у батюшки висел флаг, и Прометеевы огни горели в двух горшках из-под щей. Христос воскрес в обе стороны: это самое удивительное: у кого горе (мука), тот после поста и молитв чувствовал светлую радость, у кого радость на душе — как взлетели ракеты, как дьякон хорош: батюшкин «Христос воскресе» и дьяконов. У хозяек все идет к тому, чтобы принять попа: начинается это дня за три, как месят тесто, как кулич сажают — момент (поссорились) и кулич перешел, шляпкой зацепился, длинная история: мытье пола и проч. паутина... и конец — лицо: поп и присесть не хочет — поп не сядет, куры на яйца не сядут.

Прометей — о. Николай и Зевс — Шемякин: все сделал Шемякин в краю (секретарь Победоносцева): сады посадил, школу, церкви и кредитное т-во (банк), школу учителей (подобные мужикам учителя), но все это было естественным ходом вещей, а о. Николай хотел невозможного, и лучшие люди были враги: один подготовляет условия для человека (консерватор), а другой — самого человека, разрушающего эти условия, создают одно делои друг другу враги.

23 Марта. Дождались, наконец, попов: дьякон — весь движение, слова как дым кадильный; пахнёт дым, ушло кадило, думаешь, кончено, затух огонь, а оно вернулось и опять пахнуло. Попу слова сказать не дает и тот дьякона стесняется, попик утульчивый. Предложили тарелку с яйцами, батюшка положил луковое яичко, а дьякон взял: долго всматривался, чтобы не взять разбитого, и взял деревянное складное детское яйцо, сначала не заметили, а потом хватились: дьякон унес!

25 Марта. Благовещенье. Вечерние и утренние морозы больше не держат весну: чуть подморозит на ночь, а потом дождь. Трухнет снег. Собираемся переезжать в Песочки.

Прилет грачей. К вечеру, что сделал день! до проруби уже дойти трудно — по всей реке намойная вода, все бледно-зеленовато на реке, бор стал тушеваться от выступающих берез. Миром веет воздух, не тем человеческим, а предчувствием вечного мира. Голосят мальчики за рекой. За баркой прячутся девочки: в прятки играют. Первая проталина еще мерзлой земли. И вдоль берега низко летят первые грачи и спускаются к реке попить воду.

Движение и открытия, движение и радость. Никогда не установишь, когда, как начинается весна...

Первая весна — первое прикосновение, всегда первое к жизни. Любить можно только в первом и единственном прикосновении, нельзя любить два раза одно и то же, можно к тому же испытывать новое прикосновение и новую любовь. Весна — это вечно новое прикосновение к новому миру, нашему миру.

Любить — значит в то же время и единственная способность узнавать мир, любить — значит начинать узнавать, а потом приходит знать, но вместе с тем и страдать. Но в конечном страдании есть опять новое начало первого узнавания, первой любви, и так вечно сменяется старое знание и страдание новым узнаванием, новой любовью, зима сменяется весной.

Как одиноко стоят деревья, как одинок человек, бредущий по снегу затянувшейся зимы, и как все вместе при пер-

вой весне (молодчина девочка-внучка, постегивала веткой лошадь, увозила свою бабушку, — весна увезла зиму и когда я сказал: «Молодчина девочка»,— старуха прыснула со смеху, как будто говорила: «Ну уж, и что в ней, и везет [нас лошадь] и везет нас, везет». Покончив с собой, ей оставалось только удивляться и радоваться).

Консерваторы — люди, которые создают условия для их лучшего разрушения: есть какие-то законные идеальные условия разрушения, которые консерватору представляются в образе вечной гармонии, порядка, они мечтают о законе, порядке разрушения: хороший консерватор живет вовсе не идеалом косности, но идеалом закона: все новое ему противно [не] по существу, а потому, что он ревнует его к идеальному новому: консерватор величайший идеалист, больше, чем революционеры, консерватор всегда идеалистичен, революционер практичен, и потому революционеры всегда побеждают.

И эти высокие неподвижные горы потому высоки, неподвижны, что идеальны; и что их разрушает не высокое, не идеальное, а только живое, широкое, свободное: вода и ветер.

26 Марта. Новые этапы весны: летят жаворонки, в воздухе чваканье, летят и садятся на полевые проталины, один уж попробовал подняться ввысь. Галки встречают грачей и стаями провожают их, как будто отчет отдают в том, что было зимой, рассказывают, ворон гонят. Вода, водопад в реку, вдруг, будто поезда идут.

— Жаворонки, скворцы, грачи, ястреба — все здесь — как же так сразу?

— Да они тут были, только сами себя не оказывали.

27 Марта. Ночью был дождь. Утром напрасно старались мужики переплыть с дровами реку, и над ними чайки летали.

Переезд в Песочки. С Левой шли. Вечер ясный. Чугунка. Кочевники. Зяблики все остановились в одной роще. Каждая проталинка на полях — туча жаворонков. Стаи скворцов, потом утки.

28 Марта. Ночью мороз. Утром, [пролезая] через снег, пробрались в лес. С полдня дождь, и лил до вечера и всю ночь (проливенный дождь!).

29 Марта. Утром ясно, прохладно. Северо-западный ветер. На реке лед всплыл, по заберегам первая забережная грозная льдина в голубой воде. На речном льду дорога-воспоминание, елочки, проруби — воспоминания о зиме. (Уплывает зимняя дорога.)

30 Марта. Ночной легкий морозец закрепил, задержал таяние на целое утро, но солнечный день к полудню взял свое. Ветер легкий вертится. Припек возле опушки бора.

Вчера странствовали в Филатково: снег рыхлый, глубоко залег в лесах, двойные провалы в болотах, тетеревиное гуркование, цветы вербы, цвет неба зарею, высокие сапоги и лыжи.

— Вальдшнеп потянется, когда крапива под окнами вырастет.

Зайчишка-беляк ковыляет в рыхлом снегу; весь серый уже, только позади белые клоки.

Сегодня между 6-7 в. начался полный ледоход. Кумова вода (кумится) — встречная, водоворот — от нее. Затор: в тот кряж [уперлось]. Петух плывет, молодецки кричит, наша дорога Велебицкая, [фонтаны в] проруби, вдаль плывет бревно, борона.

— Лед идет! — Слава Богу, идет и Бог с ним: старое проплывает. Похоже по звукам на очень отдаленный бой, и вспоминается война далекая, война мировая, и кажется — это старый взломанный мир проплывает. В бытность был тот кряж там и три ручья соединялись: юрилась вода — Юрак. Попов остров: что не годно, не нужно мужичкам, то попу, да вот как растет остров, раньше на одного попа дано было, а теперь хоть трем дай.

Мгновенье, когда двинется лед незаметно: наметкой у берегов рыбу ловили и едва перескочили.

Откуда эта радость у естествоиспытателей, каждый из них жизнерадостный — это с ними осталось.

31 Марта. Где-то затор, лед сгрудился, вода залила все луга и подступила к самому кряжу на нашей стороне и к самым избам на той. Целыми плесами лед ложился на луга, вода заливала, по ней плыли новые льдины, напирали, и вода из-под них в рыболовные зимние дырки била фонтанами.

Установился весенний поединок зимы и солнца: при ясном небе одинаково днем и ночью, при равных условиях ночью все скует мороз — царство зимы: звезды — утром встает солнце горячее и часов до двух разрушает все, что сковано за ночь.

Сколько солнца! в хлев корове есть принесли, и она замычала музыкально, и все были в солнечных полосках, я очень удивился, что и у коров бывают музыкальные нотки.

Окно горячее, жужжание на горячем стекле первой проснувшейся мухи... Пар земной курится на проталинах к кряжу.

На солнцепеке на проталине курится пар земной, и ангелы с крыльями голубыми все вместе сошлись у входа в рай.

Белое поле льда верхних рек — все в движении по голубому простору разлива. Торжественным амфитеатром, замыкая горизонт полей, сошлись леса и празднуют. Человек черный стоит у кряжа, наметкой рыбу ловит. Другой поймал тяжелое бревно, несет и рад ему, еще поймает не одно до вечера, уморится, но будет рад. Из рыхлого снега я выбился, нога моя коснулась земли, уже согретой лучами солнца: первое свидание и радость чистая неназываемая, как запах первых полевых цветов.

Я чувствую, что я живу, как я и как никто теперь, и никто не может меня уничтожить, и, верю я, мое единственное неведомое богатство будет некогда радостью всех.

2 Апреля. Весна во втором уступе (дождь). Ветер, птицы и после, когда очистилось, шум воды.

3 Апреля. Жаркий день. Стрельба кряквы. Первый бекас. Вечер холодный, подмораживает (3-й уступ). Сидел на пне, и, когда солнце село и все замерло, в настоящей тьме

послышался звук потока, встал и будто стал на молитву и представил себе службу, все представил, священника даже на холме, но как стал выводить своих людей — все прекратилось и стало театром.

4 Апреля. После жаркого дня вчера вечером мороз, птицы не пели и спрятались. Сегодня наволочь, и готовится дождь: чаще становятся удары зимы и весны — последний бой. Ясное небо влечет жаркий день и морозную ночь. Зима нападает ночью, прячась, весна действует днем... Ложусь спать около полночи и слышу петухов и уже знаю вперед: если кричат до полночи — тепло и наволочь, победа весны, если за полночь, зима и мороз и без термометра знаешь, что холодно...

Потянули первые вальдшнепы: вчера бекас первый — сегодня много... Заря с дождиком хмуро, птицы петь не решались, после заката раздождилось и вальдшнепы потянули (дно оттаивать начинает), где была раньше дорога, теперь осталась только рыжая пленка, а под нею река, большая проталина решительная. Сова.

5 Апреля. Ясно. Вечером позднее подмерзло.

6 Апреля. Ясно. Вечером подмерзло. Безнадежное сопротивление зимы. В ближайшей роще утки, тетерева [токуют].

7 Апреля. Наволочь, вечером дождик — сильная тяга (первая настоящая в 8 ч. вечера до половины 9-го). Цветет ольха и орех. Позеленели березовые почки. Показалась крапива.

8 Апреля. Первый Апрельский весенний день, общее (внутреннее от разогрева) тепло. Земляника, придавленная снегом, расправляет листья, растет крапива, дерутся петухи, показались босые девочки.

Рыжебородый мужик проехал — сам Апрель (не забыть рыжего!)

6-го убили змею, переползала с мокрого на сухое.

8-го на всех лужах показались лягушки (все молчат и тихо храпят). Муха стала вольная. Сильная заря с большим пением птиц до заката. После заката подсвежка (за ясный день), но не мороз: сильно токовали тетерева, дотемна пели птички, первые жуки жужжали. Из борьбы зимы: на луже иголочки и плывет друг-стук, и соединились, и все уж рекой так стекло.

Что это? музыка.

Ветер — поезд.

8-е. Ольха цветет. Озими в пленках.

9-е. Крапива под окнами выросла. День ясно-жаркий, вечером дождь.

10 Апреля. Солнце в окошко. Засидевшаяся толстая курица вышла из избы Дмитрия и села, как старая дева, в дымке апрельских кустов возле дороги, погруженная в свои воспоминания. Петух сильный, красный и маленький, черненький, сошлись из-за нее на дороге, бились, долго, как рыцари, черненький падал, падал и, наконец, весь ободранный, отступил. Сильный петух тоже отошел, видно, очень утомленный своей победой и, забыв о курице, стал что-то клевать. Черненький блудливый, побитый, оглядываясь на победителя, стал медленно подходить к курице, и она, заметив его, стала отходить, и так она вошла в избу, а он, побитый и непризнанный, остался дремать в дымчатых апрельских кустиках. Толстый же петух все клевал, клевал и напухал и все толстел.

11 Апреля. Живая летняя заря, и потом видели над лугами первый туман. Первое общее урчанье лягушек (не гомон), подобное ручью. Лес — березовая густая дымка, и уже через нее (через почки) плохо видно: как будто зеленеет, но это хвои просвечивают, на молодые березки легла зеленоватая дымка, на почках зеленые макушки. Гудят жуки.

Теперь бы только теплый большой дождь и сразу и [распустится] перед окнами зеленая береза. Это Ап-

рель — золотой, лучший месяц весны. Скворцы сели на березу и чего-чего за вечер мне не насказали. Первые ежи. Танец мошек. Желтые цветы. Сморчки. Снеток и ерш пошли. Будущее: труба пастуха, скот появится, человек появится. Шалые зайцы, боясь плена воды, и днем сидят на зеленях. Первый туман при луне. Еще: вчера в березовом лесу — пахнет березовым соком, каждое дерево живое, полное сока, чуть случайно согну тоненькую ветку — и закаплет. Кряквы на вечерних лугах, звон перелета, как поезд, прошумели чирята. Первая луна над черной землей. Первая зарница в моем кусте против заката. Давно уже закопошились в муравьиной кочке.

Охотник и рыбак: смотрел бы, смотрел бы, да поймать хочется, слушал бы, слушал, да убить хочется. Поднялись земляничные листья. Первый туман при первой луне над темной землей, можжевельник стоял темным кипарисом и [еще лежал] вокруг белый снег.

12 Апреля. 3 ч. д. первый гром и дождь — тот крупно капельный дождь освящения берез — завтра все березы будут зелеными.

Перед сном спускаются [березовые] длинные плакучие тонкие ветви с золотыми сережками.

13 Апреля выгнали в поле стада, в лесу труба пастуха.

15 Апреля. Вчера был снег, вечером разъяснело, и хватил мороз. Когда весна остановится...

16 Апреля. Все ветер, холод, ночные морозы — остановилась весна.

Без даты. Большой — обвал-камень и гул, малый — треск, мелочь сыплется.

Дробление горы (прошлого) — жизнь: вся гора должна на песчинки рассыпаться, чтобы началась новая жизнь.

Человек есть душа мира — мука и радость этого разрушения и созидания и, если так, то он может живо чувствовать мир.

Можно, наблюдая природу, изобразить всего себя: например, что значит сознание «я маленький»: это есть дробление, частичная смерть (неудача).

Мой большой обвал и потом дробление, что-то точит, точит без конца, и тут иногда осветит — и живое создается.

Где же мост между разрушением и созиданием? рождение, сочетание, весна.

[*Петроград*]

18 Апреля. «Биржевка» и Ближний Восток. Поведение редактора и моя глупость. Разговор с Г.: Дарданеллы — приятно, но Россия — старуха с деньгами в овсе. Русская революционная молодежь стала за порядок.

Цель великолепная: нужно плыть в Царьград.

На трамвае смотрел: солнце будет черным, если смотреть на него прямо, не по лучам.

19 Апреля. Вечер, проведенный с Шаляпиным. Встречается девица, похожая на N., и вспоминается вдруг отчетливо, что я хотел от нее, о чем мечтал: о старосветских помещиках, превратить ее в Мать, в Пульхерию Ивановну, и у нее основное желание превратиться; но мы уже были обломки прежнего мира и должны были дальше дробиться.

Верю, что существует мир, созданный (Богом), и человек его душа.

26 Апреля. Возвратился в Песочки вместо Персии. Мертвая неделя в Питере. Что в природе за это время?

На Егорья прилетели ласточки, сели на телеграфную проволоку и летают над озимью... Кукушка в лесу, а лес еще не одетый, не отзывается, немой: занят собой, одевается. Летают пчелы.

По-прежнему война с зимой, но уже многое, почти все, прочно установилось: труба пастуха по утрам и потом долго не расходящийся бабий клуб. Бросается в глаза зелень придорожная,

изумрудная трава, окружающая каждую лужицу. Золото березы (сережки) и сень ее детских мотыльков-листиков.

28 Апреля. Всегда представлялось, будто я — несовершенное и обделенное существо, я не смею сказать свое, потому что где мне... Я представлял себе, что это существо тут между нами: Гёте, Шекспир, Толстой? даже не эти, а просто люди старшие, учителя, устроенные, семейные, деловые люди, люди труда и проч. А потом, когда живешь и к этим людям вплотную подходишь — они исчезают, и так ясно, что это существо совершенное и высшее, перед которым боишься, стыдишься, стесняешься — не в людях, а лишь почивает на людях.

При такой стесненности, как, например, говорить о Боге: у нас в России одни люди верят и молчат, а другие разговаривают о Боге.

Как иногда встречаешься на улицах с таким знакомым лицом и не знаешь, где и когда, не вспомнишь сразу, где когда познакомился, и потом лицо улыбается, приветствует, и все не знаешь, где и когда мы встречались...

Нужно себе представлять возраст человека не протяженностью лет, не изменением с катастрофами, как это кажется самому, а лучами близкими и далекими одного и того же данного в себе существа: годы — это лучи, яркие лучи или тусклые... Так были у меня лучи брака: я заключил брак — и вдруг открылись горизонты души человеческой, я принял в душу страданье, и показался человек.

В такую тихую зарю жизни, такую тихую, когда в ушах, как в июле тихой зарей стрекочут кузнечики, показываются законченные образы прошлого в людях: Маша, Дуничка, мать, Лидя, Любовь Александровна — обдумать жизнь каждого, и все они свяжутся.

Связывало братьев место и мать: мать, как фокус любимого места, умерла мать, и все исчезло (завещание — иллюзия матери, иллюзия наша, исчезла мать, исчезла связь, и перед кем же сдерживаться? так возникают споры о наследстве — последнее разложение, последняя иллюзия — домогательство наследства).

Чувство законченных образов — покойники.

Обратная вода из Ильменя: вода и расширение — земля — свое домашнее, а вода — весь свет и когда хочет.

Тишина в лесу такая, что в ушах стрекочут кузнечики. И тут бывает хорошо, если откуда-нибудь случайно ветерок дунет и качнет ветки березы, и начнется такой музыкальный говор: сегодня в лесу начался новый, неведомый зимой говор, язык деревьев (листья, ветер).

Еще новое: плеск в лужах, шум в зарослях — что-то громадное шарахнулось: так странно, так непонятно: утки, барсук, волк и вдруг — заржали — лошади! первые лошади в лесу! Звон бубенцов.

29 Апреля. От половины Апреля до 1-го Мая время золотых берез, потом светлой зелени...

Лещ пошел: как пахари на поле, выезжают рыбаки на воду, с той стороны, с другой, и вот там, где полоса возле церкви — выехал дьякон. Дьякон со всеми ладит, он ведет банк, учит детей, служит прекрасно, выпьет, сыграет, рыбки половит, уху сварит на берегу, и сыт, и богат, и со всеми ладит — круглый человек, его присные Лисин (Яков Макарыч — лодырь, ханжа) — с этим миром вступил в борьбу о. Николай. И еще тип: Шемякин, благодетель края, помещик, секретарь Победоносцева.

1 Мая — все прошлое было, чтобы создать такой день, лучше не может быть дня. Бог обходит зелень озими — зелень ржи, ласточки — чудесно, обходит леса — одетые березы, бор — вечером сквозь темные стволы заря, река — спящая — чудесно! И Бог почил... (Ему нечего тревожиться.)

Том сказок: весенние, летние, осенние, зимние. Летняя: «Бабья лужа», осенняя: «Птичье кладбище».

2 Мая. Дождались райского дня, из-за которого, казалось, было все творчество весны. Я спрашивал себя, что же дальше, как должен себя чувствовать Бог, сотворивший та-

кой день? И ответил, что Бог почил, его не стало как творца, он перешел в сотворенное. Недолго, однако, оставался он в покое: среди торжествующего майского дня на горизонте стала показываться дымка, похожая на копоть, и вечером солнце село в тучи: беспокойный Бог, казалось нам, такой смутный, лежал там, на горизонте, и смотрел недовольно на сотворенный им день.

Лева спрашивает меня: почему мы весной не любим зиму, зимой — осень, нет того, чтобы постоянно одно и то же любить, отчего это так? И я, маленький, спрашивал себе тоже вечную игрушку, чтобы никогда не ломалась, но мне отвечали, что такой игрушки не бывает.

Так мы растем: мы и не знаем, что вечная игрушка, вечное время года в нас самих заложено, и только рост бывает в разной среде, и в этой разной среде мы по-разному отражаемся.

С самого детства до старости остается человек тем, кем он родился, но, как в лесу ель малая становится высокой, так и мы перемещаемся из разных слоев воздуха над землей все выше и выше.

Неизменно в бору сосна сменяется березой, а березу вытесняет ель, и там, где была ель, вырастает кустарник бузины, можжевельник, ольха, так и род человека вымирает.

Не потому ли вымирает купеческий род, что в нем не культивируются духовные ценности, а в дворянском роду переходят предания из поколения в поколение?

Дорогой мой друг, знаете,— я в эту минуту так отчетливо понимаю весь секрет жизни: чтобы жить, каждому нужно научиться быть государством, нужно решиться пригласить в свое подданство людей и вещи и никогда не смешивать себя с этими подданными. Успокойтесь, сожмите сердце, холодно посмотрите вокруг себя и задумайте в эту холодную минуту переставить вещи вокруг себя. Потом действуйте, будто вы царь, а это всё вокруг вас подданные, все это ваше государство. Расстанавливая вещи, не слушайте их голосов сердцем, а только разумом, иначе вы непременно смешаете

себя со своими подданными и они возьмут над вами верх и унизят ваше достоинство. Оглянитесь вокруг себя, кто из современных пророков живет без своего государства, например, Мережковский — враг государства, посмотрите на его личную жизнь, какой он пользуется сложной сетью своего личного государства, это относится к сомнительным газетам, это выход в изысканное общество и проч. Каждая мечтательная, [романтичная] личность непременно окутана сетью своего личного государства, и всех наших поэтов можно разделить на две группы: одни пользуются или, как хитрецы, не признавая его [власти], другие, как ханжи, признавая для [выгоды], третьи, как циники... одни не верят в [неизбежность] этого противоречия, другие верят, но вот живут и пользуются.

Может быть, нам было бы лучше, если бы какие-нибудь народы пришли к нам и разрушили наше государство, но беда в том, что, приходя и разрушая внешнее, они посягают и на нашу душу, на личность — вот отчего я враг немцев, я враг, потому что моя личность, так или иначе, опирается на личное государство, связанное со всем государством, причем я враг теоретически, если я со своим государством соединяюсь внутренне, и враг практически, если я соединяюсь из-за частной выгоды — в общем, все мы враги.

Любопытно рассмотреть под этим углом войну: каждое действующее лицо ранее было царем своего личного государства — и в каком сочетании выступили эти государства на войне, образуя могучее русское государство?

Социалисты вообще ожирели, вошли в состав государства, и потому они примкнули к войне.

А то можно и так вывести: благословенные вещи затронуты, и я иду на врага. Полный отказ от вещей, от государства, от подданных дает право голоса против войны, но это уже называется смертью.

Жена — вечная память первой любви. Все равно, какая жена, та, которую любим в первый раз, или другая, все равно: каждый прожитый день будет не такой, как тот, первый, и то, что он не такой — будет вечно вызывать в памяти тот

настоящий день и ту настоящую женщину. Эту тему и разрабатывает сон: какая-то большая народная мистерия, и там глубокая старуха с глубокими морщинами, вся черная действует, я подхожу к ней, старуха становится моложе, моложе, совершается чудо: старуха превращается в довольно молодую полную русскую женщину, сильно напудренную, похожую на Охтенскую богородицу. В полусне потом является разгадка сна: старуха — это учительница, на которой я [не] хотел жениться, а богородица молодая — Фрося. И потом приходит мысль о браке настоящем единственном и браке случайном.

Письмо к покойной матери.

Я знаю, что ты мне посоветуешь: устроить Хрущево и обеспечить им семью. Я поначалу и сам хотел так поступить, но у меня есть сомнение в том, что братья уступят мне ту часть, которую ты мне завещала. И потому у меня явился такой план: воспользоваться предложением Гриши купить имение возле Петербурга и поселиться в соседстве с ним. То или другое решение зависит от того, как в отношении меня поведут себя братья. На днях я поеду в Хрущево и приблизительно узнаю об этом. Жить с семьей в Петербурге мне невозможно: зарабатывать 300 р. в месяц беллетристикой нельзя. Если к осени никак нельзя будет устроиться, то зиму будем жить в Питере, как-нибудь, в комнатке. События на нашей земле у людей так велики, что отражаются на каждой личной судьбе: вот Сережа на войне, и из-за него выходит проволочка. Иногда вспоминаю тебя в лесу, мне кажется при шуме ветра, что это все вы, вы, покойники, живете своей общей жизнью. Ты умерла, ты с ними там, в этом лесу, в этом ветре, в этой воде — как это странно, как это мучительно, как утомительно нести крест человека. До сих пор я еще не мирюсь со смертью и все думаю, что мне удастся ее пережить: я знаю, что это обман жизни, но что, если уметь сохранить в себе этот обман до конца, сделать, чтобы обман был больше правды? Вдумываюсь, что ты мне посоветуешь, и мне припоминается, как я тебе (в маленькой комнате возле умывальника) сказал раз горячо, что все

это (дело устройства внешней жизни) — пустяки, нужно эти пустяки перейти, стремиться к большому широкому простору творчества, общей жизни... что-то в этом роде я говорил — и ты вдруг меня, забывая весь свой кропотливый труд по добыванию средств к жизни, горячо поддержала. Да, ты ненавидела эти будни жизни, душа твоя при поездках куда-нибудь преображалась, расширялась. В этой радостной широте души я нахожу себе надежды поддержать себя до конца.

Недавно я в связи со снами и домашними сценами вспоминал, как ты чуть не женила меня на учительнице и как я, вопреки твоему желанию, пошел своим путем, диким. Мне так отчетливо представились все выгоды того брака для нынешней моей жизни: не говоря о воспитании детей, большей общительности и т. п., я еще учитывал собственный личный рост; ведь наше личное богатство удесятеряется от сообщества с таким человеком. Все это хорошо, но она мне снится в образе старухи, и я всегда в ней чувствовал что-то старушечье. Ты не могла понять, что твой выбор был серединой между моими двумя крайностями, и для этого надо было быть серединой. Но какая мать не пожелает для сына среднего пути, сохраняющего его земную жизнь... я не раскаиваюсь, но часто тоскую, эта тоска и гонит меня в литературу, в мечту, за мечту получаются деньги, на которые умелый человек мог бы устроить приличную среднюю жизнь. Получается что-то нелепое: тоска по среднему состоянию и коренное к нему презрение. Впрочем, твой завет бороться с претензиями я постоянно держу в уме.

Еще я хотел бы тебе сказать о себе, что очень мне трудно жить без опоры. Знаешь, я как-то робею перед другими писателями, мне кажется, что надо на что-то опираться. Но раздумывая о написанном ими раньше, я вижу, что ошибаюсь: и они тоже опираются на иллюзию (вдохновение), и они тоже все испытывают это состояние без опоры. Со стороны, может быть, и я тоже могу казаться опирающимся на народ, землю, природу и т. п. Тяжело жить без опоры, но когда раздумываешь, то самое искание опоры кажется величайшей слабостью человека, это чувство опоры есть чувство слабости. И я часто чувствую себя очень слабым. Поддерживает, в конце концов, какой-нибудь случайный

душевный разговор с близкими, а разговор дается личной кротостью: так сила является как будто в слабости. Вот и вопрос о нашем разделе я теперь решил этим путем: ссориться не буду ни в коем случае, я даже сделаю так, что дам доверенность Коле.

Слаб, а непобедим! Дубы валятся, а ветки гнутся (и это надвое, как в подлую, так и в хорошую сторону).

Тайная болезнь съедает радость мою, но сказать про болезнь никому нельзя: оттого, что болезнь эта — я сам. Я создаю свою жизнь, я сам, значит, каков я, таковы и вокруг меня: будь я другой — и вокруг меня были бы другие. Что же смотреть на другого и ссылаться на него, если другой — это я же сам. Я отвечаю за все, что мучит меня.

И вдруг выход из положения: никогда не предугадаешь, никогда не поймешь, как и в чем создался выход. Вот было холодно в доме, вышел, а на дворе вовсе не так холодно, пошел тропинкой по кряжу и заметил, что на разливе показались островки зеленые, так везде и представилось с высоты, будто это из-под воды все наши материки показываются, наша земля, и от этого стало так возвышенно на душе, вспомнилось то, что мучило, и стыд охватил: из-за чего мучиться! Боже мой, из-за этого! стыдно назвать, из-за чего... И все как рукой сняло, и вышел на белый вольный свет.

Так в светлый праздник приходят иногда гости будничные — и потухает свет праздника, а то в будни явится гость нечаянный и осветит день.

Так оно и есть, так оно и есть: мир прекрасен, сотворенный законченный мир, а человек — это изнанка его, это фокус всего творчества, мука, страдание происходит от близости к человеку, к самому творчеству мира.

Лес оделся. Вот я стою в лесу, хочу отдаться теплой заре со всеми ее птичьими звуками, и вдруг шлепанье, ржанье, звон, крик, ругань, табун лошадей приближается [сюда], все исчезает, вся заря — в гаме, крике, ржанье.

Потом это проходит дальше-дальше, и колокольчики все меньше надоедают, и вот откуда-то из глухого леса строй-

ное чудесное пение, хоры поют и баюкают, что это? удивительно, почему же это в тон поют колокольчики так близко ко мне и все эти колокольцы близкие будто вторят всему хору. Я долго не понимал этого, как вдруг объяснилось: лес оделся, стал звучным, далекие звуки колокольчика повторялись в лесу [прекрасным] далеким хором и другие и третьи — другие и третьи хоры, а эти все близкие сливались. Так прошло все творчество мира: там пели прекрасные хоры, здесь мучились, чтобы создать их...

И ясно, что неудачей, мукой, трудом начинается в природе человек, и только если всю муку грядущую принять на себя вперед, можно говорить о прекрасном мире: дойти до того, чтобы не бояться и быть готовым даже на смерть, через смерть видеть мир сотворенным.

Отец и сын: Царьград и мука (Святыню освободить). По пути собирать в народе — что живет о Царьграде (поговорить и с попами).

Исайка. Шаляпин. Исайка заведует Шаляпиным, он — секретарь, все тревожное, неприятное, злое, всякие хлопоты Исайка принимает на себя, а Ш. остается царем, паном, певцом (точно так же о. Николай сдает все хозяйственное (материальное) Ивану Лисину, а сам остается только священником, как и Толстой сдает литературную часть Софье Андреевне). Жидок в Вильне сказал мне: «Вы талантливый, но у вас не хватает нахальства и пронырливости, вот если бы вы взяли себе секретаря, я бы мог с удовольствием взяться за это». Исайка предан и должен быть предан Шаляпину. У Исайки семья, которую он честно кормит. Но надо себе представить, что будет, если у Шаляпина пропадет голос, а у Исайки достаточно будет средств. Шаляпин бьет Исайку. Когда в гневе Ш. и нельзя бывает к нему подступиться, подсылают Исайку.

Так переносишься и в общее мира: все черное кому-то сдается (рабочим, мужикам, женам). Это секретарское, материальное одинаково для всех, для него нет различия в качестве духовного хозяина — это и ужасно, что как для мечтателя, перепелиного охотника беспощадна семья, так и

для Толстого: там безликое, слепое. И вот социалисты это слепое берут на себя. У этой массы есть крест, которым они потом побеждали господ, этот крест (бессознательно) марксисты и хотят взять на себя. Добрый господин хотя лоб расшиб для рабов (покаяние, образование и пр.), но марксист все это встретит насмешкою. Господин, может быть, и сам знает, что гибель его неизбежна и неизбежно торжество масс рабов, но понимает тоже, что это торжество этих масс находится в связи с его господством — две стороны: потому и происходит «тот свет» (значит, будущее — «на том свете», значит «в будущем») — настоящее берет на себя господин, а будущее — раб. (Легкобытов не дождался будущего и объявил «воскресение» — так и марксисты объявляют воскресение.)

Казначей Легкобытов — кто не знал в Оренбурге Павла Ивановича Легкобытова! — казался нам самым жизнерадостным человеком. Бывало, когда нас, гимназистов, выстроят в церкви на ту и другую сторону, и мы мало-помалу, переминаясь с ноги на ногу, загородим проход, всегда появляется чистенький кругленький Павел Иванович и, чрезвычайно деликатно проходя между нами, повторяет французское слово «антре-с». Он делал аккуратный визит нашей семье, мы посмеивались над французским словом и не подозревали, что Павел Иванович страшно, невозможно страдал. Я зашел однажды к нему в казначейство выпить стакан чаю и, сидя за чаем, вынул из ранца книгу — алгебру Давыдова, повторял урок. Павел Иванович посмотрел на эту книгу и просил меня объяснить [алгебру], а я ему объяснил.

Я вынул энциклопедический словарь... захожу: он уже выучил весь словарь. Так продолжалось год, стал худеть, изменился, у него уже были книги Феррари, Ренана, <*1 нрзб.*>, толковал о вере. И вдруг исчез. Стали думать, что сбежал, но все было в необыкновенном порядке, говорили о несчастной любви, о всем, всем, чего ни говорили. Мало-помалу исчезла и сама память о казначее. А вот что с ним было.

А он ушел с палочкой — [по] России мерить степи [пешком], представьте всю Россию. Встреча со Щетининым... и

открылась ему внутренняя Россия. И отправились в Питер покорять мир.

Странствование по России — прощание с землей, новая земля — Петербург.

12 Мая (вторник) в 7 ч. у. выехал из Песочков и приехал в Хрущево в 12 дня 14 Мая (четверг).

15 Мая. В ожидании коллизии решения Хрущевского вопроса. Встреча на Николаевской ж. д. Студент говорил: «Нужно делать невидимое, а видимое само придет».

17 Мая. Поездка на хутор: наглая кирпичная изба (нигилистическая), пахнет мужиком, овраг так разросся, что ездят вокруг этой обреченной избы. Степь, поле — поэзия неба: горлинка, ястребок, перепел, коростель, звуки жаворонка.

18 Мая. День объявлений.

19 Мая. Сами не живут и другим жить не дают. Объяснение с Лидой. Боятся друг друга. Действительность = действие = занять землю; прав, кто займет.

Мама:

— Миша, хорошо теперь иметь свой кусочек земли.

— Теперь, в военное время, почему?

Да ведь из-за земли же они дерутся.

20 Мая. Сгущаются тучи: невозможность добиться прямого ответа. Посещение старой соседки Любови Александровны и предложение выбрать посредника. Переклинивание земли. В малом великое: события на войне.

21 Мая. Приготовил ультиматум: дайте ответ или я пришлю своего доверенного.

Старый слуга Иван Михайлович:

— Занимайте землю, ведь отдают.

Лидия:

— Я выстрою себе комнату.

22 Мая. Лидия вскипает, но потом приходит покорная, победа! Она боится суда и продажи усадьбы. 21-го поездка к Дуничке. Сад Дунички — в глазах соседей — доказательство ее дела. Воспоминание о Маме неземной. Маша и Дуничка. Воспоминание о маме и ее расширении души.

23 Мая. Именины в городе. Елецкий ад в пыли... Важность чиновничьего государственного банка и проч.— всё типы, и такая радость, что нашелся обыкновенный человек — нотариус Витебский. Чиновники — все неудачники Елецкой гимназии, старые товарищи: те же, только в бородах.

24 Мая. Москва. Кремль. Кремлевские бульвары: налево! и гонят публику, и в публике: «Несчастные!»

25 Мая. Гриша перегоняет спирт, завел моторчик, ничего не читает, гудит мотор: гонит спирт во время нашего поражения.

Сон о вращении Земли: собрались на вокзале, сидят на чемоданах перед светопреставлением. Как они все не падают? Приросли каждый своим к земле: была когда-то обида, а может быть, страх перед жизнью, перед свободой, и тогда в каждом из них пробудился инстинкт самосохранения и каждый ухватился за соломинку, и, может быть, вовсе и не соломинка помогла, но каждому стало казаться, будто это соломинка, и своя соломинка, и с того момента стали представлять себе мир как соломинку — держись за нее, и каждый врос нахально в землю, и знать ничего не знает, кроме себя, и это есть непоколебимое право, так что если сказать: «Все человечество будет счастливо, отдай свою соломинку»,— и он не отдаст, потому что это кажется несправедливым, соломинка нажита предками и своим трудом, так что против всего мира восстанет человек, а своего не отдаст. (Коля и человечество: «Уступи для человечества свой клин земли по дешевой цене»).

26 Мая. Разговоры по случаю нашей военной неудачи: какие-то собрания о созыве Думы и о народной обороне и «в свои руки» и проч. Коноплянцев признает чепуху нашего порядка и проч.

27 Мая. Поездка в Песочки.

Воспоминание об одном Хрущевском утре в Липовой аллее... солнце восходит, множество птиц поет и заглушает плач деревеньки, и кажется нехорошо, но почему-то гармонья, и только далеко-далеко после из этого хаоса явление сознания, что это ратников берут.

Новобранцев провожает до околицы вся деревня, и голосят совершенно так же, как по покойнику.

30 Мая. Не забыть: елецкие типы — Григорий, швейцар в Петербургской гостинице, дочь-гимназистка, любитель соловьев и смердяковщина.

Разговор о Душечке и Мейерше: как Душечка превращается в Мейершу (Софью Андреевну): дети с ней, ради детей, получает от него детей, и роль сыграна его, он уже не существует: он знаменит, философ, социалист и проч., всё снято с него и ассимилируется в род, идет на пользу выращивания детей, а начинается с желанья ввести идеи в нашу будничную жизнь.

31 Мая. Собрание у X. — не понимает, что во всей этой неправде войны скрывается и подлинная правда, источник, обновляющий мир.

1 Июня. Все законы бывают из чувства страха или чувства свободы (только вопрос: бывали ли законы от свободы (разве законы божественные?).

Есть такой момент в жизни человека, когда он остается висеть в воздухе, поворотный, решительный момент, после которого человек становится взрослым, тем особенным загадочным существом для маленького человека, [встреча] с этой тайной взрослого человека, которую можно понять

только, когда сам станешь взрослым. Вокруг этой тайны обыкновенно бывает обман: это кажется только, будто взрослые люди чем-то обладают (тайна взрослого человека, зачатие и проч.). И сколько ни читай нравоучений, дети все равно, не испытав того, не поймут это. В этот роковой момент, когда человек вдруг остается в воздухе, большинство людей охватывает испуг, и он хватается за что-нибудь и держится, и большинство людей на этом и остаются: этот необычный островок укрепляется, даже не островок, а соломинка: держит — и держись, тут завязывается фантастически случайный узел жизни, и эта фантастическая точка считается материей, реальностью (на основе испуга вдруг что-то найдешь, и тогда поднимают голову: «Я, я живу!»), а на самом деле реальность уже утеряна, жизнь мимо прошла, и это уже прошлое, — что же подвернулось? — случайное что-то пришло само, недействительное: поповна, фабрика <*2 нрзб.*> узкое, частичное, мелкое, индивидуальное, случайное, специализация, рутина, легкость, покой, устройство, положение — этим и обманывает взрослый человек (пример большого обманщика — Михаил Стахович), из этого складывается этот фантастический клубок, который называется общественной «жизнью» и реальностью, настоящей жизнью и проч., — фантастический, потому что все тут построено на почве сначала испуга, а потом самообмана, и потом уже обман других.

Все-таки я еще не понимаю до конца природы появления «соломинки» (островка): ее не берут, а ее дают, не я источник, а другие — вот основа; другие — рутина, прошлое, как все раньше жили, а главное, утрата себя всего (целого): грехопадение.

Такова природа материи: показывается нечто другое, за что можно ухватиться (поповна), и этот момент есть момент смерти, т. е. начало смерти, тления. Например, если в старинное время оставляли имущество сыну, то дело было не в самом имуществе, а в том отношении к нему, которое передавал отец сыну, это отношение было религиозное, нетленное; после же того, как религия пала, имущество продолжало передаваться по наследству, и эта передача стала средством растления семьи; умный человек в настоящее

время, желая обеспечить семью, тратит свое имущество на его образование, и это более верный путь — верный опять-таки не потому, что образование само по себе ценно, а потому, что отец верит в это образование, у него есть религиозное отношение к этому образованию; со временем это выродится. И вот интересно найти природу этого страшного мертвящего остатка: почему, если религия исчезла, дух исчез, этот остаток остается и даже имеет притягательную силу для испуганных людей, дает им соломинки (соломинки прошлого). (Между прочим, какой ужас, если бы дети, вопреки воле матери, получили свои части судом.) Если это существует, то, значит, кроме наших человеческих отношений к вещам есть еще самостоятельное воздействие вещей, например, моя воля выражена в документе, я уничтожаю документ, а вещи и без документа не теряют значения, в них заключена какая-то сила, которую можно заключить в деньги, и этими деньгами действовать даже вопреки воле матери — так вот откуда же эта сила вещей? Такое решение из механики: волей человека вещи сдвинуты, воля исчезла, вещи стремятся к распадению, какая сила их сдвинула? Какая же сила влечет их на свои места: сила косности, сила распадения, сила смерти, сила греха. Теперь и понятно, если наследник не получил воли вперед, то вещи берут волю назад, навязывают свою волю, и самое лучшее в таких случаях отказаться от наследства: я не принимаю наследства, я интеллигент. И начинаю все вновь.

Всякими вещами можно хорошо воспользоваться (как Розанов «Новым временем»), силу вещей можно перехитрить, характерным явлением бывает, когда вещь овладевает человеком, это очарование, человек бывает очарован вещами (немцы очарованы Кайзером, Кайзер — Германией, Александр Михайлович — поповной и обстановкой, Ева — яблоком, Адам — Евой и т. д.). Происхождение чар: воля узка, сера, суха, отдых сладок, лень поэтична, цветиста, легка, стоит на минуту ослабить волю, как начинается приятная теплота, показывается цветистая материя.

Гордость есть капитал без процентов или же рента с отрезанными купонами.

Моя коренная неудача была в смешении в себе нескольких враждебных существ: одно хотело одного, другое — другого, когда одно из них было удовлетворено, другое освободилось и стало жить. Так можно любить и ничего не достигнуть, потому что в любви бывает две противоположные стороны: одна родовая — общение, совокупление, другая — враждебная этому, и эта другая вступает в борьбу с той, и то и другое обесценивается: неудача от самого себя, не знаешь, что хочешь. Решение, казалось бы, в браке, но и она не верит в брак, и я (с браком связаны родители, прошлое, а мы были выброшены). Брак — это верное (Коля вдруг объявил, что он (нелюдимый) сзывает всех родных, устраивает пир).

4 Июня. Мой больной живот беспокоили две фурии — Лидия, Соф. Яковл., и к ним потом присоединилась Англия. Явная слабость ее, если она теперь, вся будто бы против войны, введет систему воинской повинности. Германия и Россия, кулак и дворянский сад. А может быть, всегда и во все времена побеждает худшее... так в жизни... и победа добра есть победа зла: так победа России (добро) может быть победою зла... и прочие сны.

Общество есть приходо-расходная книга личной жизни. Общественная нравственность есть приходо-расходная книга личной нравственности.

6 Июня. План моих занятий на ближайшее время, источники добывания средств, устройство семьи и проч. (в письме к покойной матери).

Работа над повестью из эпохи кающейся интеллигенции (тема: Искушение). Подготовка сочинений к выпуску — вот стены моей комнаты.

Денег хватает до половины августа — день переезда семьи в Питер, день отъезда моего в Хрущево.

9 Июня. Планы от 6 июня уже изменились: нечего лезть на рожон и ехать в Хрущево, нечего тратить энергию на ус-

тройство в такое время дома. Зимую опять в Песочках, сам учу Леву.

Погода — как будто все еще продолжается борьба весны и лета с зимой. Заревой холод и дожди сменяются полдневными припеками, неожиданными солнечными озарениями, иногда белою ночью поднимаются красивые туманы.

Война вступила в новый фазис: нас немцы бьют, в обществе что-то назревает, подобное первому подъему при объявлении войны. Только в то время нужно было поднять и отправить войско, теперь назрела потребность подняться самому обществу. Еще есть полная уверенность, что, в конце концов, немца изморят, но уже пробиваются такие чувства, будто идет кулак рубить вишневый сад — чем кулак плох? Война земледельческой массы с человеком города, вооруженного всей техникой...

Куда ни пойдешь, куда ни посмотришь, все такие обыкновенные одинаковые люди, и с удивлением спрашиваешь себя потом: из этих людей состоит бюрократия?

Мать во сне приходила, и я просил ее выполнить свое завещание — совершенно по тону сон, как явление Христа, а к нему пристают с земельными делами.

13 Июня. Птицы, все птицы вывели. Одна чета у нас под балконом устроилась, всё сидели на яйцах — чай пьем, обедаем,— всё носики видим. Теперь вывели и сидят на столбике садовой решетки, ловят мух; на другом столбике самец — тяжеловат; поочередно носят в гнездо, кладут пищу в широко раскрытые рты; птенцы ужасно некрасивые — а вся жизнь их разве красивая?

Религия — это естественный свет жизни праведной.

Посмотрите на птицы небесные: вы думаете, легко им жить? летят — шишки под крыльями, повеселятся денек весной — и в гнездо, сиди, не шевелись, а потом вывели — таскай весь день червей. Выкормили — опять в до-

рогу, опять шишки под крыльями. И попить и поесть ей не радость, кругом враги: клюнет и оглянется, клюнет и оглянется. А после этого посмотришь на птицу, и нет краше ее ничего на земле, и нет ничего свободнее: свобода, говорят, как птица.

Рожь цветет, травы цветут, время васильков. В лесу мужики делят свои покосы, мечут жребий. По утрам чисто, росисто и зарно (зарное утро — ни одного облачка; осенью бывают зарные дни). Вечера светлые без конца. В десятом часу в сосновом бору на закате горят стволы, и кажется, там служат вечерню. Скроется солнце, потухнет в бору, но светло, ровно светло,— и так на всю ночь. Звезд не видно. Месяц встает и не светит. Кричит всю ночь коростель на мокром лугу.

Всему этому я всю жизнь свою поклонялся, любил это все, а теперь только изредка оглянешься вокруг себя на Божий мир. У меня такое чувство, будто множество близких людей у меня умерло, я притупился считать эти могилы, и кажется, вот настанет время — и я останусь один на земле.

Вчера узнали, что Львов отдан немцам.

20 Июня. Рожь наливает. Все травы цветут на лугу. В гнездах всё оперяются больше и больше, временами взмахивая крыльями, птенцы. Солнце перемежается с теплым дождем. В лесу, как в оранжерее. Застанет дождь, станешь под ель, постоишь немного — и опять солнце и такое: эти умытые деревья тогда под радугой встречают, как новые, необыкновенные, вырисованные, как минареты, дворцы — такими после болезни или после тюрьмы видишь деревья, такими жаждешь увидеть их в городе в ожидании весны. Теперь высшая точка расцвета северной природы (время наливания ржи), потом все пойдет на убыль.

21 Июня. Вспомнил «Конь Бледный» Ропшина. В нем двойной грех: против искусства — что искусство связано жизнью, и против жизни — что жизнь подчинена искус-

ству. Получается, что человек жизнь променял на бумагу. А впрочем, просто говоря, автор не имеет таланта и до искусства ему нет никакого дела.

NB. Почему в моих больших работах неизменно совершается такой круг: при разработке темы материалы мало-помалу разделяются на этнографические (внешнее) и психологические (субъективное), потом, робея перед субъективным, которое приводит меня к незаконченному, невыразимому кругу личной жизни, я спасаюсь в этнографическое и выделяю из него для рассказа совсем не то, что задумал. Сие надо всесторонне обдумать.

Человек страдает от того что, отрываясь от пуповины мира, становится частью и не может чувствовать целого («кого я называю Бог»).

Выписать: Софокл в издании Сабашникова (массовое) и др. издания классиков (поручить Иванову-Разумнику).

26 Июня. Кто родился с жаждой свободы, тому не миновать рано или поздно, как необыкновенной бабочке, попасть на иглу. Рано или поздно проколет сердце игла, и уже не возвратиться назад, как ни бейся, к прежней глупой, но драгоценной свободе. Пронзила игла, и трепещи крылышками, пока не умрешь. Трепет крылышек у пронзенного сердца — вот источник всех наших песней и мыслей о свободе. Но какие же это были песни на всей людской плесени, покрывающей землю!

Люди родятся и живут с маленькой тайной, нераскрываемой, несознаваемой, но этим тайным они и отличаются друг от друга, и, вероятно, из этого складывается тайна всего мира «непознаваемого». Сама тайна очень смешна, если ее назвать, так же, как нос, убежавший с лица, но, раскрытая в поступках, она называется жизнь человека.

Какая-то глупая, случайная встреча с существом, которого я не знал и не знаю до сих пор, пришпилила и меня на

иглу. И что ни делалось мной, ночь все-таки остается во власти того существа, и время от времени оно является ко мне в самых уродливых видах, и след его появления — чувство сладкой безнадежности, и как-то все вверх дном в нажитом.

Эту ночь она проживала со мной в Пале-Рояле в виде барышни, которая просила меня ввести ее в литературный круг, чтобы печатать свои фельетоны — значит, существо самое отвратительное. И, несмотря на всю пустоту, все мое отвращение к этому реальному существу, я все-таки заявляю ему, что эта встреча доказывает, что я создан для счастья. Провидение ко мне милостиво.

Смысл этого, как я понимаю, в том, что, уже пронзенный иглой, трепещу, как мотылек крылышками. И рисуется основа моей природы: «счастье» я признаю единственным, необходимым условием бытия, а несчастье — небытие. Но факт налицо — несчастье, и все-таки я живу (трепещу крылышками). Во сне это радость свободы, широта с фактом несчастия, дают видеть проникающий друг друга смысл — чувство сладкой безнадежности.

То, что я задумал изобразить в «Марксистах», очень значительно: пол, источник жизни, подорван, и отсюда является необходимость в «женщинах будущего». Радикальная развязка с семейным несчастьем и бытом. Особенность этого явления — «безликий романтизм». Не замечательная женщина с данными чертами возводится в идеал, но вообще женщина. Этот романтизм есть действительно «абстракция полового чувства». К самому ничтожному случаю может прицепиться такая психология и возвеличить до небес ни за что (обидно) самую обыкновенную девочку (Ленский и Ольга). А, может быть, это величаемое прекрасное есть кусочек скудной, но настоящей жизни, являющейся доктринеру?

28 Июня. Из пережитого в Августовских лесах: что-то пугает, отчего-то страшно было все время, и вот, наконец, и не страшно, все равно, как будто плыли, плыли, боясь какого-то страшного берега, а вот когда вышли на этот необи-

таемый остров, то стало все равно: низкое небо, болотная земля, как осенью в окрестностях Петербурга, и все равно. Бывало и раньше в минуты душевной тупости от столкновения противоположного стремления в обессиленной душе показывались такие островки старости, но это быстро проходило, никогда не казалось это целой неисходимой землей... И даже петухи не поют...

И что из того, если «счастье улыбнулось», миновала смертельная опасность,— как отделаться от воспоминания, как помириться с тем, что в дальнейшей жизни все равно мало-помалу будут показываться островки, гуще, гуще и неизбежно сомкнутся в конце в ту же самую землю без края, с тусклым серым небом.

Где-то послышались звуки музыки, невыразимо чудесные, простые и что-то простое, ясное, какой-то выход открылся. Вспомнились все эти полузамерзшие врачи и сестры: как они все спокойно шли, под пулями, сопровождая транспорт раненых. И так ясно показалось, что добро чрезвычайно просто, и делать его можно, как всякое простое немудреное дело, главное, что это дело.

Звуки росли и стихали волнами: играл где-то орган. Он пошел туда и увидел костел. Вошел в костел и звуки простые, вечные слушал, пока все ушли. Ксендз подошел к нему.

— Звуки чудесные. Простые.

— Но все большое просто: «Смертию смерть поправ».

18 Июля. В нынешнее время войны пустыня закрыла и лицо свое, и голос ее умолк для всех, кто проходит ее без всей полноты крестного труда и страданья. Желтой зеленью и голубыми цветочками светящиеся орошенные льны не говорят теперь сердцу обыкновенно, по-старому живущего человека о возможности обыкновенного счастья здесь, на земле: никого не обманывают.

Разговор:

— Вильгельм — ему теперь плохо.

— Чем же плохо, все победы да победы, ему теперь хорошо.

— Ну что же? — победа победой... разные победы бывают, ему от этой победы плохо.

— Потому плохо, что дружбе изменил.

Во всей силе показывается немецкий механизм и беспомощная русская первобытная удаль. Чтобы разбить их, нужно в корне измениться, во всяком случае, нельзя же с голой дубиной идти. Поменьше теплоты бы, да побольше рассудка.

Мать, как вдова, обреченная на деревенскую жизнь и кормежку детей, приняла этот долг, не любя вообще долга. Мало-помалу ограда ее усадьбы стала оградою ее вдовства, а за оградой лежала свободная и прекрасная жизнь. Ей даже казалось, что у тех людей нет мелочей жизни. Она при поездке в «мир» будто на луг выходила, радостная, преображенная. С каким интересом смотрела вокруг себя, замечала все мелочи, и все они имели свой смысл и судьбу. Между тем везде было одинаково. Это ее сохраненная неизжитая жизнь светила.

Каждый даровитый писатель окружен слоем какой-то ему только присущей атмосферы — обаятельной лжи. И можно себе представить «честного» человека, который ненавидит эту ложь: таков И. Н. Игнатов, по существу своему враг искусства, но ставший критиком, таких много честных критиков. Горький, Чуковский, Ремизов, Розанов, Сологуб — все это чрезвычайно обаятельные и глубоко «лживые» люди (не в суд или осуждение, а но природе таланта). Так что правда бездарна, а ложь всегда талантлива.

Меня занимает сейчас «ложь» Горького. Например, Розанов — тот сознает необходимость этой лжи, стоит на ней, и его называют циником. А Горький не сознает, верит в свою ложь, и его признают за святого. Положим, святые, как и поэты, существа тоже лживые, действуют тоже обманом. Сумма всего этого обмана называется религией и искусством. Сумма той бездарной правды — наукой. Но знание опять-таки талантливо, хотя и не лживо, знание есть

вечный памятник войны между талантливой ложью (мистика) и бездарной правдой (рационализм). Много ли нужно дарованья, чтобы стоять на 2 х 2=4, и сколько дарованья нужно, чтобы представить людям 2 х 2 как 5. Типы 2 х 2=4: Голованов, Игнатов «Русские Ведомости», Венгеров и проч. (мосты, немецкие военные операции, учебники, «общественность»). Типы 2 х 2=5: Кукарин, Розанов.

Умрите и будете знать.

Смерть зайчика: красный зверь, туманы, сила рассказа в описании судорог и др. признаков конца и следующий затем момент преображения: у зайца та же самая фигура, глаза, всё, как живое, но что-то другое еще, отчего красный зверь испугался (красный зверь — лисица).

Очень интересно раскусить Горького: что, если за Серафимом скрывается мелкое непобежденное самолюбие? И серафимство — самообман. Как писатель он равен только Левитову, а поклонники превозносят до Толстого — сознает ли он это? Его «Детство» — произведение монотонное, хотя и прекрасно написанное, в нем весь пейзаж по земле и нет вовсе неба. В сравнении с Толстовским «Детством» так: вертится крыло ветряной мельницы, то земли захватит зеленой, то синего неба — Толстой. А у Горького мельница вертится на вертикальной оси, как молотильный привод, не поднимаясь от земли. Написано прекрасно, а целых шестьдесят страниц не мог дочитать. Перевешивает обстановка, а не личность, и деревянит читателя.

20 Июля. Ильин день. Как и прошлый год, в это время сквозь темные ветви сосен просвечивали, как песок пустыни, поля созревших колосьев и младенчески чистые льны, и слышится стрекотанье кузнечиков, и гремят последние грозы, и жалится северный свет в чаянии близкой осени.

Матери дома нет, по лестнице бегут, кричат:

— Царя убили!

Нянька причитывает:

— Пойдут теперь мужики к господам с топорами.

Поднимаются вопросы о примирении правительства и общества, о признании обществом государственного долга и правительством общественных начинаний. Столько пришлось пережить, что как посмотришь на себя тех времен до войны, до революции — не я, а бедное дитя блуждает там где-то в мареве. Как это ни странно, но именно теперь, во время великих событий, наступило время ценнейших интимных признаний: регистрация событий при нынешних средствах общения сделается механически сама собой, нынешний летописец освобождается от этой работы, участвуя в событиях или озираясь на них, он может быть занят исключительно личной судьбой. Как эта личная судьба совпадет с общей судьбой? Непременно совпадет. Вот у меня сейчас не хватает чернил, я посылаю в лавочку свою чернильницу налить ее за копейку (так это у нас водится), ко мне возвращается пустая чернильница:

— Лавочник велит сказать, что теперь налить чернильницу стоит пятачок.

— Почему же?

— Война! все вздорожало...

Ложь, это ложь о чернилах, но я сделать ничего не могу и пишу теперь свои признания дорогими чернилами...

Соблазняло порвать с миром, погрязшим во лжи, но не уйти, а перевернуть его на новый лад: пусть будет государство, но это совсем не такое государство, как теперь, это «государство будущего». Может быть, потому и государство будущего, что за ним скрывается женщина будущего? Очень может быть. Остается сделать еще одно последнее усилие воли и мысли, и я буду с ними: я уже буду не «я», а «мы», и потом совершится мировая катастрофа, и государство будет «мы».

Но где-то в темной задней душе шевелится сомнение, например, вдруг является вопрос о флоте, как же быть, ведь флот нужен, флот необходим для государства? Товарищи смеются: «Какого государства, старого, буржуазного?» И вдруг с поразительной ясностью, очевидностью оказывается ненужность флота... раз мировая катастрофа, то какой же флот, в этом государстве флота не будет.

Мелькают какие-то огни в глазах, и далекий из детства голос старушки: — Вот как загорится земля...

Гляжу в темное окно, и вот она загорается, загорается... Мировая катастрофа, я с вами!

Но если не катастрофа, если не сразу со всем светом разделаться, то какая же может быть речь об отказе средств на государственную оборону, если я живу в нынешнем государстве, пользуясь им, то как же я откажусь от него...

25 Июля. Ну вот и узнали большую часть правды и... ничего.

Сколько раз твердили, что правда одолевает ложь, и все это знают от колыбели, но все-таки к этому известному нужен какой-то плюс сегодняшнего дня, чтобы это имело какое-нибудь значение. Вот мы в глуши прочли речи депутатов первого дня, впечатление ошеломляющее, Великий пост закончился, пироги на столе — кушайте! Ну и что же?

Теперь крестьяне напряженно работают на пашнях, на полях, газетные известия к ним доходят позднее, я иду рассказать им о Думе первый, я хочу сделать от себя опыт: какое впечатление производит правда на этот народ, что останется после правды.

В дни юности, такой далекой по сложности удаленных от нашего века переживаний, мы считали за народ мужика и придавали необыкновенное значение его словам. Такой «подход» к народу — остаток крепостных времен, когда личность исчезала за сословием «мужик»,— ныне потерял всякое значение, и обману такого подхода никто не поверит теперь. Я не могу себе представить группу из десяти, двадцати человек на лугу или в поле, среди которой не нашелся бы один, разбивающий своим выступлением всю иллюзию мужицкого сословия. А где один, там и два, смотришь, а вокруг все чрезвычайно разнообразные люди. Нет, народ не мужик, но я все-таки иду к мужикам, исключительно потому, что газета к ним не дошла, и я принесу впечатление не с мужицкой, а с девственной почвы.

Косцы сидят, завтракают под тенью своих телег.

— Хлеб да соль!
— Милости просим.
Жизнь как везде: страдание не так выглядит, как его представляют. Новая черта: дружная Россия (в тылу, как на позициях — раньше пропасть между тем и другим). Один рассказывает [мне]: 19-го сына взяли на позицию. Другой [рассказывает], третий... Равновесие между трудом и знанием: ценою этого нужного труда достигается равновесие между знанием и трудом.

Мало того, чтобы хотеть и действовать, нужно еще ясно видеть то, чего хочешь. Если же видишь не ясно, то будет погоня за призраком (Дон-Кихот).

Материальные ценности легче видеть, чем духовные, но на них надо учиться видеть точно.

Густой момент жизни: в этот момент люди обыкновенно пугаются идеального мира и хватаются за какой-нибудь обломок, плывут на этом обломке, привыкают к нему и считают, что так это и есть и быть должно и такова жизнь.

Большинство людей смутно сознает какую-то единую идею жизни, но, чувствуя слабость свою постигнуть ее, за что-то хватаются, совсем за другое, и так живут как бы испуганно.

Женские споры: мужчина принимает общее, как общее, а женщина неразлагаемое элементарное общее хочет разложить, свести на личное, получается спор идеи или факта научного с инстинктом. «В Смоленской губернии земля скверная, а у нас в Орловской хорошая».— «Нет, у нас живут хорошо, куда лучше вашего!» — «Да я не говорю о том, как живут, а о географии, что у нас здесь чернозем, а в Смоленской песок и болота».— «Хуже ваших мест я не видала, убирают поля нерадиво, а у нас по десяти коров держат» и т. д. — нелепый спор. Потому что у нее в душе сидит заноза: это счет лично со мной, я человек образованный, по ее мнению, я от этого не лучше ее, необразованной, у меня имение, у нее надел, но она представляет себе жизнь лучшую на наделе, чем в имении, и от всего этого выходит, что

география попирается: Смоленские болота оказываются лучше Орловского чернозема.

1 Августа. Учебник Иловайского, а может быть, мораль Дунички, а может быть, мораль всей учебы сложили в моем представлении историю как действие абсолютно правых и абсолютно неправых (злых) существ. Что те и другие борющиеся силы могут быть правы — этому никто не учил. Может быть, этому воспитанию способствовала вся гимназическая система, где в воспитателях мы видели зло. Система воспитания будущих сектантов и *<1нрзб.>* анархистов (чиновников).

Отцеубийство: в трактире лошадник хочет убить отца: не дает свободы. Интеллигент тоже во имя свободы убивает отчее, быт. (Родичев, дворянин, объединяется с Игнатовым, купцом.) В сущности, они быт не разбивают, а примешивают в него нечто небытовое, что это? Свобода? Но, в сущности, быт вовсе не умирает, а только надевает фраки и страусовые перья.

5 Августа. После чтения газет снился страшный сон о красном быке с ободранной шкурой, как он ринулся, а гигант-человек подошел — тюк из пистолета, воткнул что-то в рану, бык пошатнулся и упал. Утром разгадываем: бык — Россия, палач — тевтон.

И Бог с ней, с Ковной, и даже Петербургом — только бы не такое заседание Думы!

Легенды о внутреннем немце.

Взятие Ковны.

Ну и взяли, и возьмут Ригу, Петербург, все равно целы будем — велика Россия! И конца не видим шествия немцев, потому что только теперь поняли, что это за сила, какой это простейший организм, включающий в себя мыслящую и все чувствующую клеточку.

Вспоминается пережитое на войне: вступление в сферу этого гигантского организма и встречи с клеточками: сестра Ма-

ра, заблудившийся ветеринар; [доктор] заведующий хозяйственной частью и сестра, ксендз, польская женщина и проч.

Внутренний немец. Сначала он был на фронте, потом в людях с немецкими фамилиями, потом в купцах, и, наконец, говорят: — Ты думал, внутренний немец на стороне, а он с тобой за одним столом сидит, одною ложкою ест. После этого немец должен выйти наружу.

Стал припоминать расположение комнат в квартире своего детства, неожиданно все ясно припомнилось, и столовая, и винтовая лестница вверх, и зал, а о гостиной вышло сомнение: эта гостиная, кажется, из «Войны и Мира», нет, из «Анны Карениной» — или это комната Татьяны, где Онегин объясняется в любви, а вот кресло... на этом кресле объясняется в любви — кто? Саша с Наташей, значит, это наша гостиная, а я читал многие романы, мысленно помещая героев в нашу гостиную.

Когда взяли Варшаву, в народе говорили и спрашивали меня не раз: — Варшаву взяли, а, слышно, опять мы ее отбили, верно? Точно так же и о Ковне говорят: будто бы мы ее опять взяли. Так же было и о Львове, и о Перемышле. Создается какое-то впечатление воскресения в третий день по Писанию.

Старик в 90 лет рассказывает с яркостью очевидца, как заманивали француза и как потом гнали его. Война — печать на память народную. Старики — дети. Француза заманивали, и, кажется, теперь немца заманивают так же, «тем же способом».

Война — это возвращение людей к идеалу пяти заповедей Моисея. Кажется, мы уже давно перешли эти заповеди, их детское содержание, и вот опять «Не укради» становится неразрешимой проблемой. Война — возвращение на ступень бесконечно удаленного даже от пяти заповедей: «Не убий» — небесный недостижимый идеал. Зато возвращает-

ся нравственность животного мира: почитание начальника, верность, дружба. Лучшее, родовое, как устоявшиеся сливки, остается при армии, тыл живет весь в недостижимости идеалов заповедей.

Христианские заповеди и заповеди Моисея стали голыми формулами, война дает им содержание, и формулы становятся живыми... («Смертию смерть»).

Детство. Елецкие чудаки: в них избыток чего-то, не покрывающийся делом, Ельцом, и потому они чудаки: костюмы, еда и проч.

Получка газет 14 Августа. Сентиментальность германского канцлера Бетман-Гольвега (начало войны). Германская шрапнель разбивает оковы русского народа (Ллойд-Джордж): черта еврейской оседлости, казенка, свобода слова, подоходный налог. Угроза прижать русскую армию к Пинским болотам. Россия в критическом положении.

Едут беженцы из Риги, рассказывают о запустении города (как Тарнополь, Львов: то, что видел в Галиции, у нас теперь). Слух об укреплении Ст. Руссы (!), о закрытии Солецкой дороги, о проведении линии через Песочки. Везде ожидают немца, хотя, в конце концов, верят в победу. Это вышла у нас только «захмычка» в снарядах.

23 Августа. Социалисты потому не любят «того света» (т. е. вечного, неизменного, абсолютного закона гармонии), что целиком заняты делом: деловая сторона жизни (устройство людей) им заслоняет неделовую (мечтательную) сторону. Но не церковь и социализм — две противоположности, а социализм и оккультизм.

Как на море время от времени морякам нужно бывает определиться среди водного необозреваемого пространства, так и в наше время на земле переселяющимся из губернии в губернию народам нужно тоже куда-нибудь определить се-

бя: долгота и широта — пределы морские, родня — пределы людей, потерявших в государстве место своего постоянного пребывания. Кто самый несчастный? у кого нет родни, или же она осталась за общим пределом своего государства — за границей. Вспоминают родных, о которых в другое время совсем и не думали, и те, в свою очередь, от этого родства давным-давно отказались. «Накормить, одеть, обогреть» — стало высшей добродетелью, и поесть, отдохнуть стало часто конечным желанием. По образу жизни люди возвращаются к народам кочующим, по идеалам нравственности — к пяти заповедям Моисея. И то, что каждый из них в своей отдельности бессилен накормить и пригреть эти массы бегущих людей, эта очевидная недостижимость для каждого идеалов библейских заповедей больше всего показывает, что дух наш возвратился к вопросам первобытных времен. В этом вопросе переселения народностей желанными людьми являются не сестры и братья милосердия, а обыкновенные братья и сестры, тетки, дяди, бабушки и дедушки, словом,— родня. И счастлив тот, кто в этом возвращении к земному видит для себя высшую школу смирения духа и вновь учится и учит людей выполнять обыкновенные заповеди жизни земной.

Я встретил в гостинице прислуживающего какого-то безродного старика-латыша. Он рассказал мне, что он весь тут и больше у него нет ничего и никого. Он единственный среди массы этих бегущих людей был вполне счастлив: ему терять нечего, он и теперь в своей обыкновенной стихии. Бритый, с торчащими сединами, сморщенный, ласковый старик появлением своим принес все лучшее, что встречал я, казалось мне, только среди русских людей. Но видом своим и языком он был не русский.

Странная стихия шевелится в душе, когда встречаешь в иностранце то, что раньше считалось в тайне души только цветком родной земли: как будто земля эта становится не твердой застывшей массой, а подвижной и свободной, словно вышел на берег беспредельного моря: позади в очертаниях помертвевшей неизвестной земли воспитавшее меня прошлое, впереди живое будущее, море, океан, соединяющий все земли, все государства и все народности...

И кажется, что назад <*4 нрзб.*> как лед, но лед растает скоро и будет живая вода.

Народ, простой народ у земли так настроен, что подложи только огоньку, укажи ему, где немец, и он пойдет немца бить — чего же больше для успеха в нашей победе? Нужно только устроить и направить эту силу. Об устройстве мы каждый день читаем газеты. Надеясь, мы забываем, что пишется больше о том, что нужно сделать, а не то, что есть. Я был поражен, окунувшись после долгого деревенского житья в интересы и настроения губернского города. Я думал, что уж если даже Сологуб написал:

Благословенные поля и нивы,
И благостные кооперативы,

то как же на деле-то в глубине России, а на деле оказывается все та же вековая тишина. В январе этого года в Новгороде бухгалтер епархиального свечного завода с товарищами задумал основать потребительское общество «Пчела». В одно из первых собраний на частной квартире общество это было арестовано на несколько часов и выпщено со строгим наказом не заниматься больше «Пчелой». На днях, прочитав в газетах о «благостных кооперативах», один из участников общества идет к приятелю:

— Не сходить ли к губернатору, может, теперь разрешит «Пчелу»?

— А что же, сходи,— отвечает приятель,— нынче будто стало свободнее: говорят в Думе, пишут: развязали рот человечеству.

Губернатор разрешил, и «Пчела» теперь объявляет об организационном собрании. И только, больше ничего и нет из общественного в губернском городе в исторические дни: строится кинематограф и пр.

Но если выкинуть из головы мысль о том, что нужно делать, и смотреть только на то, как история отражается в жизни губернского города: отражается, отражается! Я стою

перед большим черным шаром, изображающим тысячелетие России, мимо св. Софии проносятся громадные грузовики, военные автомобили, в толпе гуляющих там и тут виднеются красные шапочки каких-то иностранных военных, похожих на студентов. В глубине души по своему природному воспитанию я признаю только русских солдат и, пожалуй, немецких. Вот сказываются народные взгляды на солдатчину как на отречение. Солдат — это целая заключенная необходимая вечность. И вид его совсем особенный: как из чугуна вылепленная фигура, вылили, включили, оставили, и она ходит. А эти иностранные солдаты идут просто, как мы, честь отдают просто, будто кланяются знакомым.

— Француз, француз! — говорят в толпе.

И чего только не рассказывают, чего только не выдумывают о причинах появления французов в Новгороде.

— Правда, что вы француз? — спрашиваем.

— Мы русские с французского фронта, — отвечают они.

Русские с французского фронта вливаются в толпу губернского города, знакомятся, беседуют, разъясняют положение дела. Я выбираю себе одного француза, знакомлюсь, и через несколько минут мы на фронте и не где-нибудь на французском, а просто на фронте против немцев. Я слышу уже где-то восклицания губернских людей:

— Так вот оно что: и у них тоже не хватило снарядов! Да и там тоже ворчали в тылу, почему французские и английские военные не наступают.

Француженки заявили Жоффру, что, если так, они требуют мужей к себе. Жоффр им, конечно, любезно и обстоятельно разъяснил, в чем дело.

— И уних не хватает снарядов! — воскликнули втолпе.

Русских застала война в Париже. Сообщение с Россией было не налажено, решили отбывать войну у французов. Воевали, но больше работали по <*1 нрзб.*> делу, много работали и много перебили: из девятисот остались и возвратились теперь только четыреста пятьдесят. Возвращаются с некоторой обидой: их назначили не в ряды французских солдат, а в особые иностранные легионы и отношение к

этому легиону было особенное. Под конец предлагали всем в любые батальоны.

Весть о смене верховного командования достигла меня через лавочника: Карпов догнал, рассказал и спрашивал:

— Что же теперь будет, что же теперь будет?

Не верилось, казалось невозможным устранение Ивана-Царевича, но невозможное совершилось — и царь принял командование.

— Царь-то ничего, да вот сподручники! — говорят серые мужики.

Карпов все знает уже:

— Да, его дело пошатнулось уж с Перемышля и что же: как справедливый человек он хорош, а как военный, видное дело, не мог немца убрать. Не миновать чистки! И потом... что потом? потом утвердить настоящую власть, прямую и единственную и короткую... что там суды, разная проволочка, все это пустяки, и думаю, эти разноголосия тоже все пустяки, один разговор и проволочка, а власть тут должна быть решительная, скорая.

— Какая же власть?

— Административная власть! — Чиновники, помещики не понимают, что делают, не время теперь спорить, нужно понимать момент общий и подчиняться ему. Глупые, не понимают, что все ихнее к ним вернется, перейдет время, и опять будет власть у них, народ же не может властью распоряжаться.

Идея правительства общественного доверия в скорое время сделается всенародной идеей: мужики это поймут, как приближение народа к царю. Вопрос лишь в том, успеют ли это сделать до всеобщей разрухи.

Каждая птица, каждое животное в природе есть завершение окружающей ее среды. «Рассказы о природе» надо написать, исходя из этого. Дупель должен рассказать нам о кочковатых лугах, коростель о речных поймах с высокими осоками: как он шагает мышью; время года, дня, близость

или отдаленность от людей. (Купить Брема, Мензбира, Аксакова).

Министерство общественного доверия, или ответственное министерство в простом народе теперь называются просто «Ответственность». Все разговоры о причинах наших неудач и о будущем нашем заключаются: «одно слово, нужна Ответственность».

Понятие, выработанное парламентской историей и произнесенное теперь — ответственность,— у нас из недр простого народа вызвало широкий отклик совести.

Я спрашиваю разных крестьян, с которыми мне приходится встречаться, как они понимают эту ответственность: кто должен отвечать и перед кем?

Ясно, перед кем, перед народом, но кто отвечает, на это получается, смотря по кругозору судящего, разный ответ: то хищники-купцы, то люди, взявшие в свои руки власть, то прямо называется какое-нибудь по имени лицо, больше всех виноватое, и в заключение рекомендуется ему прямо отрубить голову.

Это Страшный суд начинается. Народная душа теперь, как лесная низина, наполняется водой и всё отражая...

Смотришь на людей, как они кувыркаются, Господи ты, Боже мой! колесом, колесом, ноги вверх, руки вниз, руки вверх, ноги вниз и опять... колесом живет человек! И вдруг, смотришь, один остановился, на ноги встал и пошел на ногах вперед, все вперед.

Жили-были два брата, один брат трудился, другой достигал звания.

Иногда встречаешь радостное и говоришь: «Это у нас только это», а везде, на всем свете то же бывает.

Радость о своем — это чувство земли, а радость, что везде так,— это чувство океана.

Знакомое, обыкновенное местечко в лесу каким покажется, если, блуждая, придешь к нему и его узнаешь. Это

значит, что привычка разбита и удалось посмотреть на местечко с другой, неведомой стороны. Так мы, живя, изживаем себя, а кажется, будто виновата обстановка. Вовремя надо уметь покидать старое, любя старое, вечно бросать его и переходить к новому.

Начало чего-то. Всякий из нас, кто пережил события 1905 года и переживает войну, относится к своей прежней жизни, за рубежом 1905 года, как старый дедушка, и только оттого, что внуков нет, внуки — сами дедушки, не рассказывается эпическая повесть о тех давнопрошедших временах.

3 Сентября. Люди будущего — материалисты по миросозерцанию и лично — идеалисты. Люди прошлого — идеалисты и лично — материалисты.

Сентябрь для сентября очень сохранился и будто август выглядит, но летят, уже непрерывно летят, перелетывают листья березы.

Осеннее небо, усеянное звездами, такой вечный покой, и особенно здесь, в деревне, где каждый день раньше и раньше засыпает деревня.

Поля пустеют, по мере этого короче дни и раньше спать ложатся в деревне, зато ярче звезды на небе. Выйдешь на крылечко — такой покой! и вдруг падучая звезда, обрезано все небо на два полунеба, метеор, мчащийся во вселенной, коснулся нашей атмосферы и открыл нам, каким сумасшедшим движением дается этот деревенский покой.

Моя старинная мечта заняться как-то особенно, посвоему, географией, вообще природоведением, одухотворить эти науки, насильно втиснутые в законы одной причинности.

5 Сентября. Вчера получены газеты от 3 сентября с объявленным решением правительства распустить Думу,

но еще нет известий самого роспуска, о самом роспуске знает Василий (телячий дух):

— Что же это такое, правду сказали, а ее распустили; не надо правды!

Вот когда, наконец, подступил «внутренний немец» к нашему внутреннему фронту. Теперь уже ясно каждому видно, что их византийские одежды, только одежды, показывают немецкую нашу внутреннюю душу. Возмущение, впрочем, происходит от сохранившейся надежды на покой, что, мол, все как-нибудь обойдется так, постепенно. Как только эта надежда разбивается до конца, это, хотя и не видно отсюда горизонта, дело будущего становится виднее.

Беженцы, проникающие во все поры жизни нашего города, мне представляются ветвистыми кореньями какого-то растения.

Целые поколения нашей интеллигенции воспитались на народе, мужике не требовательном, а несчастном, смиренном рабе Божием:

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Так чувствует себя у нас всякий, нисходя до помощи к народному страданию. А вот являются беженцы и заявляют свои права, совсем не похожие на наше смирение. Не хотят работать <*1 нрзб.*>. Недавно я выслушивал на вокзале рассуждения нашего предводителя дворянства: он мне доказывал необходимость установления твердой власти по следующим причинам: поток беженцев никак остановить нельзя, а направить его можно, только их обезличивая... Как раз в это время подходит какой-то беженец, довольно прилично одетый, и заявляет:

— Разрешите мне остановиться в Брянске.

— Ваше назначение...

— Пенза... а там никого нет, а в Брянске мой брат.

Предводитель дворянства смешался и сказал:

— Вы должны подчиниться обществу, если все так будут...

— Но ведь тут мой брат, отправлять меня в Пензу, да это даже нерационально...

— Рационально,— сказал предводитель дворянства.

Петроград и Петербург. В комнате холодно: хозяева судятся за дрова. Холодно, как бывало в Львове. Соседи пришли просить хлеба белого.

— А у вас нет ли черного?

— Черный есть, мы вам дадим. Не нужно ли сахару?

— Фунтик ссудите...

На улице перед чайным магазином исключительная очередь, как бывало, перед праздником в казенках. Приезжий из провинции купец так и подумал, было, что казенку открыли, и, осклабясь, осведомился. Разговоры о том, куда уезжать, когда уезжать, слухи о голоде. Вечером приходит прислуга, рассказывает, аэроплан бросил бомбу, попала бомба в баню и побила 400 ратников 2-го разряда. Глупости, а посматривают <*1 нрзб.*> и прислушиваются. Вместо прежних стройных войск на улицах [видны] только ратники 2-го разряда, какие-то мальчишки и что-то орут.

— Это что! — разговариваем мы с Сергеем Петровичем,— а вот когда настанет такое время, что вы пойдете вон то бревно на Неве ловить, а я пилу искать, и где-то в другом месте новые люди будут закладывать новый город для новой жизни...

Не хватает разменной монеты, очень похоже на Львов, корреспонденции писать некуда, разве только в старый Петербург из Петрограда покойникам, что за это короткое время осыпались, как желтая листва после осеннего мороза: «Милые покойники, мы, поколение, следующее за вами, в глубине души вашим покоем живем, наши надежды на мир, на победу, на хорошее правительство — надежды людей, мечтающих о покое. А не нужно этого, пусть уж больше и больше разрушается до последнего часа, когда молодежь будет строить новый град...»

Беженцы. «Куда же их девать? ведь они тоже наши». Приехал дьякон, семью потерял, приехала школа, а половина учеников потерялась...

Беженцы наводят на такие мысли... но обратные тем, фронтовым: там ощущение врага создает какую-то дымовую завесу на трудящийся народ, здесь создается завеса на фронт враждующих народов, и ясно до очевидности, что их интересы противоположны государственным. Возле беженцев — социальное дело, на фронте — государственное. Чем больше этих бегущих мирных людей, чем дальше в глубь война, тем ближе мир.

Мне хотелось подарить знакомым маленькую пальму, захожу в большой цветочный магазин, теперь почти пустой (цветы получали из Бельгии),— всего две пальмы, одна большая в 60 рублей, другая маленькая, в четыре рубля. Я ворчу, а хозяин говорит: теперь время такое, что сахар дарят, а вы покупаете пальму. Я послушал совета и в следующую мою поездку в Петербург привез из деревни голову сахара, и был настоящий фурор у знакомых: целую голову, да где же я достал ее, вот чудо-то!

Появились женщины-кондукторы на трамваях в полной форме, а на голове платочки. Появились на железных дорогах женщины в погонах. Женскому делу предстоит в близком времени большое поприще.

Опять Распутин! Все говорят, будто он Думу распустил. Государь уже решил, было, поручить Кривошеину организовать из общественных деятелей министерство, как вдруг переменил решение и назначил Горемыкина. Это будто бы Распутин отговорил. Опасаются, что он теперь в ставке и не подкуплен ли немцами, не сговорит ли царя к сепаратному миру. Вспомнишь только, что слышал за одну неделю здесь — и ужаснешься жизни петербургского человека: в неделю на месяц постареешь...

Встречаемся с Разумником, не видели всего неделю друг друга, и сколько есть о чем поговорить, сколько воды

утекло за эту неделю, будто часовая пружина сорвалась и с безумной скоростью затикали часы. Не будь привычки хвататься за старое — как бы мог жить теперь человек!

Будто с Перемышля начал по ночам вертеть столики, а днем кормить голубей... обрадовался, говорят, что освободили. Так ли? А ведь это у народа Иван-Царевич!

Спокойствие.

Левые негодуют на кадетов: это Милюков будто создает спокойствие в расчете: правительство в ходе войны все равно уступит власть, так что беспокоиться нечего...

Гринев у Пугачева.

Горький выслушивает доклады своих «енералов» о Милюкове и фыркает: «Человечишки!» Потом о Милюкове: «Глупый человечишко!» Сидит, выслушивает, и вот-вот выговорит: «Гг-енералы!» Вокруг него старинное оружие, вывезенное из Италии, картины, книги, им накупленные, мебель, совсем будто Пугачев во дворце,— а тут же и такое почтение, такое благоговение ко всему этому «европеизму», как он называет.

И во всем этом, со стороны глядя, какой-то смешной, наивный Пугачевский тон, а пойдешь с этим же Горьким грибы собирать, как он идет, большой, задумчивый, посмотрит на дорогу, засыпанную хвоями, и скажет, опираясь на свое чисто нижегородское «о». «Вот когда хвои эти обледенеют и ветер, так позванивают... чудесно!»

И когда расскажет свою жизнь, как он бродил по схимникам, как стрелялся, как с одним лавочником задумал культуру в деревне насадить и как претерпел в этом и многое, многое свое русское — как естественно выходит из всего этого его преклонение перед «европеизмом». Излагаю нить разговора нашего:

Необъяснимое:

т. е. китайщина, восток, где жизнь не ценится (примеры необъяснимого: гвоздь в затылок убитого и многое такое знакомое нам «не для чего», «круг», «загадочность», «без

выхода», «непонятное», «достоевщина»). Выход из необъяснимого — Италия! (у Рязановского: — Эллада), вообще признание ценности жизни.

Не богоборство, а просто покончил с Богом: как и Легкобытов: пуп отрезали человечеству от Бога.

Старец из ямы спросил Максима, как шел и проч., а потом начал спрашивать о брате своем и так сказал: это вот брат его в эту яму посадил. Что это за яма? — несчастие, и Бог, и злоба к человеку — вот откуда необъяснимое, выход из которого — к человечеству (в радость, в жизнь, в Европу).

Мое заключение:

— Прометеева борьба кончается Христом.

Пугачев отвечает:

— Да, это признает немецкая философия: ничего, остроумные люди, ничего...

Горький начинает примеры приводить из своей жизни, доказывая, что он не в борьбе, а просто «покончил». Я не могу ничего возразить, потому что то — «немецкая теория», а это жизнь, это факт, и к этому новому факту (жизнь состоит в новизне фактов) надо прибавить новый действительный, а не мертвый факт. Почему этим живым людям и ненавистны Мережковские: эти живут, а те строят теории, эти рождают жизнь, те певчие, воспевают ее, эти всегда стоят как бы у конца и мучительно дожидаются продолжения, у тех во всякое время и на все, как брызги, слетает ответ.

— Не умеют сказать: «Не знаю!» — вот главное обвинение Горького Мережковскому.

Такие люди, как Горький, открывают давно открытое, давно сказанное, они думают, что открывают, но они только находят что-то уже сотворенное и находку свою действительно открывают толпе.

У Горького Лука, вероятно, представляет из себя проповедника Христа-утешителя. В нем Горький изображает свое собственное сомнение в такой личности: чем он силен? обманом.

Мне Горький говорил: — Схимник говорит общими словами, обыкновенные вещи говорит, какой-нибудь купец уйдет от него, вспоминает, что он сказал, и видит обыкновенное, что и он не глупее, а вот почему-то он может, а мы не можем, почему?

Камень-правда. Среди поля камень лежит большой, как стол, и нет от этого камня пользы никому, и все на камень этот смотрят и не знают, как взять его, куда деть, пьяный идет, натыкается и ругается, трезвый отвертывается и обходит, всем надоел камень, и никто взять его не может — так вот и правда эта.

Лично многие из нас пережили свое разрушение града и плыли, спасаясь на каком-нибудь жалком бревне, голодали, озирались по сторонам, вскакивая на задние лапки и повертывая мордочку по сторонам на видимое всем разрушение городов, земель, бегство сотен тысяч людей, потерявших кров, удушливые газы, бронированные автомобили и мечущие бомбы крылатые моторы,— это все ново. Мы переживали жизнь в глубину, теперь переживаем в ширину.

В деревне. Сахар. Отсутствие сахара создает настоящую революцию: как радостно переносило население запрещение водки и как тягостно это отсутствие сахара. Как понятие немца-врага расширялось и, расширяясь, дошло до понятия внутреннего немца, как и формула «Всё для армии» потеряла прежнее значение, когда армия стала создаваться из ратников 2-го разряда — людей, никогда не бывавших в строю.

25 Сентября. День раздела. В воскресенье 20-го приехал в Хрущево.

Автобиографическое. С некоторого времени я почувствовал, будто за мною следит кто-то, и ни одно движение мое не пропадает бесследно, ни одно движение, ни один человек не пропадает и влечет за собой иногда громадные последствия, так.... мечта жизни...

Осыпались старые люди за время войны, как осенью желтые листья на старых дубах...

У Толстого главное хорошее в творчестве — способность лепить людей из чего-то живого, читая, вы постоянно чувствуете под собою безликую стихию (как это называют) или, что ли, подпочву, из которой по воле творца легко и свободно возникают, проходят, исчезая куда-то, лица людей.

Всё недаром!

Какая масса людей проходит даром, как тени, и кажется, все это ненастоящие, неинтересные люди, между тем в действительности все они настоящие, все интересные: стоит только попасть с любым из них на одну тропинку, как откроется неизбежно их природа в ужасающей силе, и тогда понимаешь действительность, равно как, глядя на мелькнувшую падучую звезду, догадываешься о действительной мчащейся природе неба, а не спокойной, как кажется.

Антихрист. У мужика под Николой висит Вильгельм — антихрист, и мужик говорит: «Если его все под Николу повесят, то сила в нем пропадет».

Беженцы.— Третий день не ел! Не врут — для вранья тоже нужен досуг. Рвет в окно. В урыльнике варят картошку. Тут варят, а там гадят. Причина потерь родных: пошли за дровами, а поезд ушел. Не будь своего, так все бы мертвые приехали.

Тут же в поезде умирают и каждый день рождаются. Духовная помощь. Крестник. Случайная встреча матери с сыном. Костры к вечеру разгораются, холоднее, говор, как в зимних ульях. Человек с трубочкой: ему все равно — куда-то ведут, куда? Вся масса не знает, куда, зачем, что. Тут, по мнению Бехтеева, нужна власть, которая и должна определить все, нужно обезличить массу. Подходит человек, имеющий направление в Борисоглебск, а ему нужно в Царицын — там у него родственники, нет, пусть едет в Борисоглебск.

Город богатый возле — прошлый год, когда прибывали раненые, и нынешний, когда явились беженцы. По всем признакам видна готовность населения жертвовать (при-

носят хлеб, подносят баранки), нужна только организация власти.

Движение такое, что сделать ничего нельзя, но возможно только непосредственно хвататься за нужду: кусочек сахару, поданный ребенку, и кусочек власти.

Сестры жизни обходят вагон: сколько детей? восемь! восемь кусков, щепотка чаю. Достали молока...

Пользуются воинским питательным пунктом, а если приходит воинский поезд, то вся машина останавливается, билетики хранятся до следующего питательного пункта, при опросах: «У вас нет билетика?» — говорят: «Есть», а с тем билетиком не дают здесь пищи.

Движение Елец — Гродно — Пенза — где-нибудь забивается и направление изменяют — где искать родных?

В комитете юридической помощи населению: беженец пошел определять в приют чужого ребенка, пока определил, эшелон ушел, и, в конце концов, он остался с чужим мальчиком на руках, а своя семья неизвестно где.

С 24 августа — 24 сентября 100 тысяч беженцев, из них 10 тыс. дамы, наверно, накормили.

Болгария объявила войну Сербии. Война теперь и все, связанное с войной, до того глубоко проникло в жизнь, до того стало обыкновенно и всем знакомо, что для изображения этого нужно воображать себе читателя где-нибудь на другой планете. Мне кажется, наиболее занятным и даже фантастическим показалось бы теперь изображение жизни где-нибудь самой мирной, самой обыкновенной в прежнем довоенном роде.

Вот аллея старого парка именья, где я часто раньше бывал, вот по озими пробитая крестьянами тропа, лошади на зеленях, листья замерзающего хрена, голые деревья дубов, лип и как бы весенняя нежная зелень каких-то деревьев вдалеке: зелень сирени, зелень немногих сохранившихся листьев — желтые все облетели и остались зеленые, редкая зелень от редины своей кажется нежно-весенней зеленью, а пруд, как зеркало, и пущенный по нем камешек звенит и

свистит, как стаи пролетающих весенних пташек. Вот-вот грянет крепкая зима. Я бродил по старинному саду, бычок, увидев меня, пошел за мной, и все шел, шел, привык ко мне, станет на секунду, скусит травы, и опять за мной, мы подошли к застывшему пруду в лесу, забавлялись звенящими камешками, и так прошел первый день нового собственника. Кричат размножившиеся утки, гремят по мерзлому телеги: мужики везут в город картошку, мужик задавлен картошкой.— Ской далече? (сколь). Гололедица. Замерзает земля, может быть, не удастся вспахать и придется сеять весной овес по пожару. Иван Михайлович о картошке: — Что делать? Из-за картошки невозможно продать рожь и овес, невозможно достать никакую подводу: задавлен мужик картошкой.

Старик Волуйский знает моего отца, деда и прадеда, а я даже отца своего не помню.

Когда водку запретили — помощь, когда сахар запретили — обдирали.

Мой вопрос: кроме общих причин расстройства движения, какие специальные причины задержки продуктов сельскохозяйственного производства на местах? Ответ: первая причина — опоздание уборки урожая вследствие дождей на целых полтора месяца, так что теперь мужики заняты, вторая причина — цены высокие на продукты, и потому мужики стараются вывозить свое. Третья причина: теперь не пьют и потому заботятся о своем. Благосостояние мужика увеличилось, во-первых, от прекращения пьянства, во-вторых, от высоких цен на хлеб, в-третьих, от казенного пайка.

Мужик стал есть: по свидетельству мучных торговцев, значительно увеличился спрос на высшие сорта муки (крупчатка, первач 1-й, первач 2-й) и сильно понизился спрос на вторые сорта (серая первая и выбойка).

Попробуйте теперь купить у мужика яйца! Попробуйте попросить его заехать куда-нибудь или что-нибудь подвезти. И потом требование чаевых как должного.

Число рабочих рук уменьшилось: Ростовцев говорил, что в аренду не взяли все его имение, но на взятую часть

охотно повысили цену. Узнать: при каких же обстоятельствах ест у нас мужик теперь белый хлеб, какой это мужик.

9 Октября. Понимающих литературу так же мало, как понимающих музыку, но предметом литературы часто бывает жизнь, которой все интересуются, и потому читают и судят жизнь, воображая, что они судят литературу.

12 Октября. Львов взяли...

Смерть бабушки (начало романа). По кусочку земли: да ведь из-за земли же они дерутся! Описание ее владений. Остается одна с географической картой. Изобразить невозможность для старого человека понять географическую карту. Завещание. Что-то в карте смутило ее, перепутала мысли о войне, о разделе, о сдаче в аренду... умерла. На спокойном звездном небе скатилась звезда... и стало понятно, какое огромное движение было там под этим видимым покоем тверди небесной. Осенние листья осыпались, так и старики осыпались не от вражеских пуль, а от странного невидимого [неизвестного] грядущего нового мира.

18 Октября. Начинаю возвращаться к себе...

Эпоха европейской заминки и торжество Вильгельма: крушение европейской дипломатии с выступлением Болгарии.

Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадета. Быть кадетом в провинции — это почти что быть евреем. Недаром и еврейский вопрос есть вообще грань между провинциальным прогрессистом и кадетом: прогрессист по еврейскому вопросу виляет, кадет признает равноправие. Конечно, разделяет и аграрный вопрос, но все-таки не так очевидно это, не так жизненно, как еврейский. И все-таки, мне кажется, не так тут дело в программе, как... в чем? Я затрудняюсь точно определить. Мне кажется, что обыватель по совести считает кадетскую программу хотя и недостижимым, но почти что святым. Когда левый выставляет свою недостижимую программу, то за то

он и левый, отщепенец, человек будущего, человек не от мира сего, «передовой авангард». А кадет у нас судейский чиновник или адвокат, человек жизненный, который меряет и аршином жизненным. Скажет один о таком:

— Кадет.

В ответ ухмыльнется и повторит иронически:

— Ка-дет! Недаром икру любит.

— Что же,— спросишь,— нельзя кадету даже икрой полакомиться?

— Отчего же нельзя: покупай, и кушай на здоровье, и угощай — это ничего. А у нас уж примета верная: как адвокат начал ходить к купцам и есть икру — пропащее дело. Икру ест, а потом расписывает: мы, мол, кадеты!

Словом, у нас думают так: если хочешь делать святое дело, откажись от икры и с нею вообще от заинтересованности личной в этой жизни, будь просто святым и не мешай другим есть икру.

Зато какой бы ни был прогрессист правее кадетов, хотя бы на пол-еврейского вопроса, этот прогрессист движется: этот человек ничем, в сущности, не отличается и от самого правого, только по чему-нибудь ему так быть Удобнее. Тут главное в радостном живчике, сопутствующем во всяком жизненном предприятии. Можно и на фронте в царстве смерти делать серьезное нужное дело возле раненых и в то же время никогда не упускать из виду радостного живчика. Так работает какой-нибудь уполномоченный, одушевленно, плодотворно в высшей степени и в тяжких условиях. Вдруг он узнает, что знакомый или родной человек, земляк назначен министром. Сейчас же загорается живчик радостный, и, сломя голову, катит уполномоченный с фронта догонять министра и думает об одном, как бы не опоздать к губернаторскому месту.

Когда по улице с мещанскими домишками, где вечно, как в ауле, пахнет навозным дымом и жалкие люди собирают с улицы шарики конского навоза для отопления своих домиков, провозят целую телегу, нагруженную хорошими жаркими белыми березовыми дровами, то кажется — не дрова, а какую-то вкусную осетрину везут.

Откуда везут осетрину? Сколько зависти, сколько вздохов и проклятий вокруг, злодеем представляется владелец осетрины, если поддаться на минуту чувству жалости к этой городской бедноте. Откуда везут осетрину? Недавно я был в гостях у владельца небольшого имения, он пошел мне показывать свои гигантские садовые деревья, обреченные им на срубку. Несколько сотен этих великолепных деревьев занимали почти полторы десятины земли — роскошь, недоступная хозяину. Он решил их срубить и выгодно продать материал. Ильм идет на дорогие поделочные работы, клен то же самое, кроме того, было много в парке могучих прекрасных ясеней. Хозяин спрашивал меня, на что идут ясени. Я знаю, что они тоже идут на что-то очень дорогое, но на что — вспомнить не мог. К нам подошел ботаник, вступился в наш разговор о дорогих вещах столярного искусства, улыбнулся, и сказал:

— Не время теперь об искусстве разговаривать! Мы удивились, он опять улыбнулся:

— Все пойдет на дрова, ничего нет дороже дров: двадцать копеек пуд — сырые на месте, сухие — сорок копеек, этого никакое искусство не выдержит.

Так оно и вышло: великолепный материал искусства пошел на дрова, на отопление — чего бы, казалось, демократичнее? А вот теперь по мещанской улице города везут эти дрова, и люди смотрят на них, как на недоступную осетрину.

Загляните теперь в тайники всякого сколько-нибудь состоятельного дома, сколько там белой муки, сахару, всякой крупы, всяких мелочей. Сегодня кто-то сказал: «Покупайте уксусную эссенцию»,— а завтра уж все покупают. Завтра нам скажут про вазелин — мы будем вазелин закупать фунтами. И так все естественно и даже демократично: цены растут с быстротой ужасающей, всякий лишний рубль и рабочий человек с наибольшей выгодой должен помещать на закупку продукта необходимого питания. «Я не настолько богат,— скажет всякий бедняк,— чтобы не запасаться...» Происходит соревнование передовых коней и водовозных кляч...

Ксения Николаевна:

— Саша, чего ты свою жену никому из нас не покажешь!

Саша отвечал:

— Что мне показывать ее: это у меня в домике не для выставки.

Потом сконфузился своего слишком резкого тона со старухой, подругой его покойной матери, и стал говорить с большой искренностью: — Ксения Николаевна, простите меня, что я вам так... семья моя, правда, сложилась случайно. Было мне очень неладно: борьба такая душевная между животным и духовным, хотелось брака святого с женщиной единственной, вечного брака, соединиться с миром, и в то же время... мне был один путь — в монахи, потому что я воображал женщину, ее не было на земле и та, за которую я принимал ее, пугалась моего высокого идеала, отказывалась. Мне хотелось уйти куда-то от людей в мир, наполненный цветами и птичьим пением, но как это сделать, я не знал, я ходил по лесам, по полям, встречал удивительные, никогда не виданные цветы, слышал чудесных птиц, все изумлялся, но не знал, как мне заключить с ними вечный союз. Однажды, в таком состоянии духа я встретил женщину молодую с красивыми глазами, грустными. Я узнал от нее, что мужа она бросила — муж ее негодяй, ребенок остался у ее матери, а она уехала, стирает белье, жнет на полях и так кормится. Мне она очень понравилась, через несколько дней мы были с ней близки, и я с изумлением спрашивал себя: откуда у меня взялось такое мнение, что это (жизнь с женщиной) вне того единственного неземного брака отвратительна и невозможна.

Очередная задача: выдумать какую-нибудь форму для газетных очерков и систематизировать наблюдения.

Люди реакции у нас в провинции, вернее, громадное большинство их, держатся не принципов, а того, что в настоящее время является прочным: если прочно будет социалистическое, то они признают и социализм.

Алексей Федорович Шереметев (предводитель дворянства в Ливнах), шестидесятник, монархист, выводит идею

царя из: 1) народу нужно дать, что он хочет сам, 2) Россия завоевана правительством.

Сны. Будто бы я где-то в своем новом доме, показываю гостям фотографии, а на террасе через несколько комнат под сенью старых лип сидит мать моя и возле нее мои дети. Я пошел туда, она встала, высокая, вся в черном, сильная, медно-загорелая, я смотрю на нее и плачу, плачу...

Приближается год со дня смерти.

Фронт и тыл соединяются: народ хочет разными путями немца разбить.

Ошибка Шереметева: народ в своем развитии неизбежно должен пройти то же самое, что прошел интеллигент.

Война. В Толстовской эпопее войны не изображена обратная сторона, изнанка войны — то, что снабжает армию, связывает армию с тылом, в чем, как черви, заводятся подрядчики всякие, живущие от войны к войне, надеждой на новую войну: такая война бывает раз в столетие, как тут не нажиться!

18 Октября. Будучи целый год вдали от столицы, я спрашивал часто себя: что делает в это время Мережковский? На него у меня была в душе надежда, потому что его я люблю как человека и уважаю как большого писателя и даже учителя.

И что бы враги ни говорили о религиозно-философских собраниях, а историк отметит это искание Бога перед мировой катастрофой, как все равно простонародный летописец не упустит сказать о горевших лесах в июле 14 года и о померкнувшем от дыма солнце.

Жалкое искусство нашего времени, краденое... и пр.

26 Октября. В кружке Мережковского было отношение к старой религии милостивое и даже любовное, а что он

как будто бы вынимал из ножен меч, то это было неверное, ненастоящее. Старая религия, отчасти как источник для искусства, отчасти как материал для романов с перспективами глубочайших открытий, глубочайших соприкосновений с народной душой. А в русском передовом обществе отношение к религии действительно отрицательное, потому что в действительности русского человека отделяет от религии ложь ее представителей.

При чтении фельетона З. Гиппиус «Без аминя».

Анекдот — это «аминь», произнесенный не духовной личностью, а обществом, это общественный аминь.

При чтении Гюйо. Я думаю, что при исследовании религий напрасны изыскания у первобытных народов, о которых нам, вероятно, по существу мало известно. Нынешние примитивные люди из народа, если взять их в массе, как они едут на своих телегах на ярмарку, как на ярмарке торгуются, дерутся, потом едут ко всенощной и там крестятся — почти совпадают с определением первобытных языческих народов. Но если душою соприкоснуться с отдельными личностями из масс, душою, т. е. смотреть на подобное своему собственному пережитому, то в первобытной душе увидишь всю полноту переживания сложнейшей души. И если бы мы могли постигать душу птиц, четвероногих, то и там бы нашли то же самое. С поверхности все однообразно и в природе, в глубину разнообразно и все есть, что есть в нашей душе. В природе есть все, и наше человеческое дело есть только дело сознания (сознательной личности). Дело человека высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменяется и самый мир.

Отзвуки войны. На этой войне лежит печать промышленности: православная Россия споткнулась на фабричном пороге — не хватило снарядов, не хватило средств удовлетворения необходимой потребности в обществе при огромных богатствах.

Когда ищешь последнюю причину вздорожания какого-нибудь продукта, то, в конце концов, кажется, что послед-

няя причина есть вздорожание рабочих рук: все отвечают, что продукт дорог, потому что дороги рабочие руки. Рабочие руки дороже, потому что дороже средства удовлетворения необходимых потребностей. И получается заколдованный круг: спекуляция одного лица, которое держит в руках весь наш уезд, его деморализующее влияние на все наши общественные начинания. Сила этого лица, однако, заключается в связи с неким непременным членом, который правит всей губернией, сила же этого непременного члена заключается в слабости губернатора. Слабость же губернатора происходит не от его личности слабой, а оттого, что природа нашей власти такова, что материальная часть ее поручается специальному лицу. Таким образом, получается связь земельно-чиновничьей аристократии с промышленной через это специальное лицо с общей целью обирания обывателя, который вопит об ответственности.

Нужно исследовать, как через это все-таки пробивается общественность.

Как изучить историю третьего сословия? Изучить елецкие купеческие роды...

Удел русского интеллигента: за Китайской стеною религии, отделяющей народ от общения с ним, питаться крошками, падающими со стола европейской учености и безверия.

Беседа с председателем Биржевого общества.

Христос и торгующие. Меня всегда удивляло в Евангелии, как это Христос без предупреждения прямо бичом выгнал торгующих из храма: люди торговали голубями по обычаю, это было обыкновенно, привыкли к этому — и вдруг их прямо бичом... Раньше я это не понимал, но теперь, во время войны, мне стало ясно: для торгующих единственная мера — бич, всякие предупреждения тут бесполезны.

Порочный круг: почему дороги продукты первой необходимости? Ответ: потому что дорог рабочий труд. Спра-

шиваете рабочих: почему дорог рабочий труд? Они отвечают: потому что дороги средства первой необходимости. Земля стоит на китах, киты лежат на воде, а вода на земле.

Город не может получить дрова, потому что евреи скупили все дрова и берут за них по 30 к. за пуд. Спрашиваем евреев, почему так дорого. Отвечают: потому что себе стоило дорого.

Схема: виновато не купечество, как можно ставить козла в чужой огород: виноват тот, кто пускает козла в чужой огород. Факт: некто пускает козла, некто виноват в козлином попустительстве. Мы знаем, кто виноват: некое лицо из губернского присутствия, правящее всей губернией. Во всякой власти есть часть духовная и материальная: материальная часть отдается секретарю, духовная — представителю власти, без разделения невозможно, и весь вопрос, насколько сильна та духовная часть власти, чтобы подчинить себе материальную. Власть может быть исполнена самых лучших намерений, но беспомощна, потому что не может справиться с материальной своей частью. Я видел на войне исполненного благороднейших стремлений и получившего деньги для закупки разных хозяйственных материалов. Не будучи знаком с этими материалами, со списком закупок их, он поручает это вторым лицам, и те становятся хозяевами положения. Когда разбираешь все эти случаи, то, в общем, приходишь к заключению, что горе не в злом человеке, а в слабом, имеющем претензии на власть.

Как известно, в Толстовской эпопее войны почти вовсе не изображена материальная сторона войны, то, что снабжает армию питанием.

В этой войне до очевидности совершается одна и та же сущность: в чем фронт и тыл объединяются? Там, на фронте, враг стоит лицом, а тут, в тылу, он стоит задом, тут он отдыхает и кушает, спит, наживается. Фронт — это очень узенькая линия, и там только момент, один момент после долгого времени ожидания, момент, когда враги становятся лицом к лицу. Но все другое время, на всем пространстве от этой узенькой полосы враг отдыхает, ест...

Редкий момент, когда враг становится лицом к лицу и можно бывает заглянуть в лицо врага, и этот момент ожидания с жутким нетерпением на узенькой линии, называемой фронтом; во все другое время враг — существо ласковое и даже ходит ко всенощной.

Нынче, пожалуй, не так страшно заглянуть врагу в глаза на боевой линии, как жить изо дня в день возле его грязного и вонючего тела.

Недаром же рисуют образ врага по образу Георгия Победоносца. Голова у врага рода человеческого изображается маленькой, но интересной: пышет пламя, горят глаза, эта маленькая голова посажена на огромное тело вьющееся. Духовная сторона зла изображена маленькой, а материальная — необычайно огромной.

Счастлив [человек], счастлив тот, кому суждено вонзить копье в огнедышащую пасть, и горе тому несчастному, кто обречен пребывать изо дня в день возле его огромного вонючего вьющегося и грязного тела.

Крестьянин, который открывает лавочку в деревне, потом переходит в город, делается купцом, происхождение богатств этого крестьянина всегда приписывается начальнику зла: он или обыграл или убил. Народниками-писателями написано множество повестей на эту тему. Нам понятно теперь происхождение этой легенды, личная инициатива, личное творчество в народе рассматривается как общее благо, а торгующие тем виноваты, что обратили его в личную собственность. Потом скупость как сознание своей личной неспособности, потом расширение свободы, которая приводит к общей свободе. Мы находимся в периоде индивидуализма и скупости. На это закрывать глаза нечего. Потом: с развитием общественного опыта индивидуализм как естественная сила, как сила природы так или иначе используется обществом. У нас она используется администрацией, разлагающей [естественное] стремление общественности.

Колотушка! опять колотушка! Помню, где-то на заре своей жизни при встрече с кем-то усталым рассказывал о своем детстве, что слышал на улицах родного города колотушку, как это было, казалось мне, давно, будто тысяча лет прошло с тех пор. И вот теперь опять колотушка та самая, мне кажется, я через тысячу лет возвратился в родной город, и в нем все по-старому. При звуке колотушки выхожу на улицу, залитую лунным светом, сторож таинственный, как Медведка, журчащая где-то в глубине ночи у тенистого пруда, проходит по пустынной улице. Я натыкаюсь на камень и вспоминаю, что тысячу лет тому назад я натыкался на этот же самый камень и, удерживая равновесие, отскакивал вот к этому самому чугунному столбику. И тут где-то Коля Криворотов жил...

За столиком корреспондента. Ровно к восьми вечера я прихожу в городскую Думу и занимаю место у столика корреспондентов; в зале одни только портреты купцов, старых деятелей города, и ни одного живого человека. Сторож мне разъясняет, что собираются у них постепенно, часам так к десяти, и бывает, числа не хватит — и все разойдутся к одиннадцати, и отложат заседание.

Портреты старых деятелей мне хорошо знакомы, но теперь, во время войны, они в моем воображении как-то странно преображаются. Время такое, что не увидишь приятеля, с которым привык делиться новостями, три дня, и кажется — три года прошли. И так уже привык к такому быстрому темпу времени с перебоями, что, когда смотришь на этих людей, кажется, через тысячу лет возвратился опять на старое место. Старые купцы, мне кажется, теперь держат узду времен, сидят и держат ее и насмехаются надо мной, их потомком, которому долго казалось, что он вырвался из этой узды в мировое пространство.

Их очень немного, этих знаменитых представителей купцов нашего прежнего времени, их потомки между собой все перероднились, и я сам им всем родня. Через тысячу лет, кажется мне, возвращаюсь я к этой своей родне. Усмехаясь, смотрят на меня отцы города, молчат и твердо держат узду

времени. Один гласный, вылитый портрет своего висящего на стене отца, входит в залу, подсаживается ко мне.

— Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами? Надолго?

— Совсем.

Изумленный, смотрит на меня, как будто я сюда из вечного пространства, метеор свалился сюда, встал на ноги и заговорил.

— Что же вы тут делать будете?

— Пересмотрю, как жили отцы и деды.

— Жили, жили,— гласный озирается на портреты,— те жили правильно, совестливо жили, а нынче война, отечество в опасности и... жулик на жулике. Были и войны в прежнее время, были и богатеи, и наживали на [войне] в то время [тоже], а иначе...

Он рассказывал мне об одном, как он нажил на войне (случай какой-нибудь описать возмутительный), ругался ужасно, долго и вдруг говорит:

— Извините меня, ах, батюшка, я и не подумал.

— В чем дело?

— Да ведь он же, батюшка, вам родня...

— Родня?

— А как же: Михаил Петрович, извольте видеть...— он показал на старый портрет,— был вам прадедушка, а бабушка ваша... родня, как же не родня. И продолжал дальше в каком-то восторге: — Можно сказать, даже ближайшая родня. И как же вы так этого не знаете, ближайшая родня. Только вы меня извините, ах, уж пожалуйста, не взыщите...

Гласные собираются медленно, в десять часов не хватает двух голосов для кворума, а их требуют, говорят по телефону, посылают сторожа, за зеленым столом теперь [сидят] живые портреты. Слух о моем возвращении... Меня окружили, за моим корреспондентским столиком собирается вся дума.

— Какая ваша цель?

— Цель моя: найти Минина.

Елец. Окраинный город московского государства. За Сосной начиналась татарщина. Батый доходил до Сосны и повернул. К этому: легенда о Божьей матери на Аграмаче.

30 Октября. В дневнике Толстого молитвы его похожи на «записи», а записи ничуть не похожи на молитвы: какие-то письменные молитвы. Если уж записывать свои молитвы, то надо записывать, как стихи, чтобы их могли повторять другие, и от этого не было бы смешно, как неминуемо будет смешно, если другой человек будет молиться по толстовским записям.

Да, слабость духовная или физическая есть источник нашего презрения и брезгливости, пошлости жизни среднего человека. Сильный мимо идет.

1 Ноября. Прошлый год в эту ночь, в такую же ужасную позднеосеннюю погоду умерла мама. С тех пор мы успели разделить ее имущество благополучно, согласно ее воле. Я водворился в родной город, поселился в той самой квартире в Ельце, где жил во время своего ученья, куда пришел однажды выгнанный из гимназии.

Тризна. 1-го ноября поехал на поминки в Хрущево, возвратился 6-го в пятницу.

В церкви. Плохо выметено, у священника, псаломщика и певчих изо рта валит пар, как дым кадильный. Из алтаря слышится восклицание: «Союзникам нашим!» [слава] — такое восклицание: война! Молится священник и о славном воинстве, видно, как в народе слова его находят ответ: при этих словах крестятся, становятся на колени. И, кажется на мгновение, что где-то здесь присутствует закрытая теперь и для самого народа душа его, воля народная.

Образованные и невежественные, старые и молодые — все говорят теперь, будто климат меняется: в ноябре у нас раньше всегда была зима, теперь только осень, глубоко входящая в зиму осень, промозглая, в туманах. Бушует ветер, каждый день меняя направление, то подсушит, и кажется, вот-вот начнется благодатный мороз, то опять все расклеится. Рано зажигается лампа, и долгим вечером при шуме деревьев кажется нам, что где-то там, в природе, за

наше человеческое борьба совершается. Такая ужасная, такая мучительная, темная борьба. Минутами будто стихает, будто мелькнет на темном небе звездочка, и кажется тогда, что уж если теперь явилась звездочка, то как же радостно будет жить мне, когда настанет весна. Передохнули минутку — и опять новый порыв вновь отдает всю душу на темное терзание.

Особую породу людей, которые созданы для власти — путем ли хитрости, таланта, мошенничества, разума, все равно,— таких людей называют умными. А кто не может властвовать, тех называют глупыми. В сказках дурачок, в конце концов, получает власть царя — это показывает не уважение к власти, а скорее намечает путь пересоздания ее. С каким наслаждением сдают мужики власть какому-нибудь бессменному старшине, как довольны, что нашелся такой человек власти. И так было исстари. А теперь требуется от этого народа, чтобы он в каждом отдельном своем человеке почувствовал стремление к власти (организации). В народе нет этого стремления: оно заключено у нас в сословные рамки бюрократии. Живешь среди русского народа, и так бывает иногда курьезно прочесть: «Счастье улыбнулось г. Трепову». Человек, никогда в жизни своей не занимавшийся путями сообщения, и вдруг получил власть министра путей сообщения.

Состояние души по обывателю (по Дееву). То воодушевление перед разгоном Думы принимает за начало новой революции. Думает про мужика, что в массе он к революции не способен (бессменный староста удовлетворяет вполне: «Нашелся такой человек!»). И потому он победу возлагает на старосту, зато уж когда победим, тогда начнем новую жизнь, вот какая жизнь начнется. Неузнаваемым становится маклер, биржевой маклер мечтает, пламенеет, в нем живет тот же самый дух, который одушевляет солдата на фронте. И кажется тогда, что фронт и тыл соединяются: и на фронте, если посмотреть глазами трезвыми, грязь и нескладица, несправедливость, чудовищное попрание прав человека и наперекор этому мечта солдата — что-то великое он совершает, что — это будет большое потом.

Когда-то в начале войны казалось мне, что победа наша над врагом будет в то же время победой над самим собой, что мы организуемся. А вот уже прошло 15 месяцев войны, и Россия вся такая же: мечтает и утопает в грязи.

Приходит в голову, что война может и не окончиться в ближайшие годы, что она станет делом привычным. Уже и теперь, после 15 месяцев, заметно привыкание к ней, заметно по обывателю: притупился и стал воровать. Психологически ничего нового и нет: обыватель всегда жил на неизвестное.

Интересно бы собрать различные объяснения войны: из-за чего война? Война за империю, война промышленности? и т. д. Нам, в силу нашего общественного положения удаленным от познания этих причин, война должна казаться войною добра и зла. Вообще обыватели должны бы выставить с своей стороны какую-нибудь психологическую причину войны и представить нам так, что в мировом котле варится какое-то вечное, но утерянное людьми начало.

10 Ноября. Жизнь, заключенная между той и другой. Почему же не третья? Кажется, если третья, то и конец: тогда лучше взять ружье и застрелиться — почему застрелиться и не устроиться удобно? Кажется, если уйти от одной, то исчезнет и другая. Они входят одна в другую, словно это одно существо. Я потому выбрал другую, потому и вся эта странная лесная, кочевая, земледельческая жизнь, что существует та.

8 Декабря. Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после нее освободится на волю такое огромное количество зла. Зло — это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!

Родина. Что скажет о ней дитя ее, что откроет — не откроет чужой, прохожий человек. И то, что увидит чужой, не знает рожденный на ней.

В Августовских лесах (поездка на войну в 1915 г., 15 февраля 15 марта)

Августовские леса — место ссылки в старой Польше. Генерал грибы собирал. Суеверное население. Белокурый белорус. Петербургские леса кажутся кустиками.

Волки пришли из Сибири так же, как птицы улетели: волков нет в России. Как чуют — да, как чуют волки? один к другому, значит, и чувствуют.

Волки и голодные люди, люди отстанут — волки следят, и пленные идут в надежде, что солдаты русские покормят, идут, как собаки, переменившие хозяина.

Попеременные наступления и отступления опустошили страну, голод стал на место любви к отечеству, и он стал повелевать людьми.

Живые картины: полки, идущие ночью по шоссе краем лесов, и полки после сражения, бегущие по тому же шоссе: «разбитого полка» священник пешком, вдруг пешком. Немец виден! — Какой, пленный? — Нет, весь! — Ах, дурень ты дурень!

Сидим у окна, а все время видно краешком глаза — бегут войска по шоссе, и долго это было: ходили смотреть аэропланы, вернулись — бегут, отправили транспорт, вернулись — бегут. И никто их не остановит и некому останавливать.

Разбитый полк собрался. «Соберутся»,— сказал капитан. А мы думали, вовсе пропали.

Артиллерист 73 дивизии. Бежит трубач:

— Ваше благородие, слезайте с лошади, убьют! Вдруг из леса руки хватают — немцы!

— А что же вы шашкой?

— Шашка где-то на жопе.

— Ну, револьвер.

— А револьверишка плохенький где-то на животике висит, ну, что это... Отвели лошадь к дереву, хватили залпом,

как охнет лошадь, я что есть духу скакал, скакал и — в трясину. Вытаскиваю, вытаскиваю лошадь — вытащил. Слышу, собачка лает, я туда — деревня!

— Как же вы не подумали, что немцы?

— А не подумал, измаялся, весь измученный, все равно пропадать. Приезжаю, стучусь, и выходит старуха. «Немцы?» — спрашиваю. «Спят»,— говорит. Только сказала, выходит наш драгун. А старуха, видно, уж до того дошла, что и не разбирает, кто у нее, немцы или русские.

Вижу уголья, костер и человек возле лежит, пхнул его ногой: «Чего ты спишь, вставай!» Посмотрел, а у него и нос-то отъеден.

В этот раз не напрасно выли женщины, провожая своих на войну: поредел народушка, вот как поредел, бывало, идет лесной обоз молодец к молодцу, а ныне идут всё бабы да старики.

Солдат отлынивает: для одного раненого немца подводу взял и привез в Сейны. Немец с голубыми глазами.

— Откуда?

— С Рейна,— что-то про невесту сказал.

Когда раненых убрали и даже трясучего солдата, хотелось и немца взять: один остался, и жалко его стало, взял бы (сестра Мара).

Пять раненых отправили пешком с двумя собачками (собачки прижились к роте, и когда ранен был унтер, пошли за ним). Собаки в Августовском лесу.

Аэропланы в Сапоцкине: кругами, и вдруг выстрелы, стреляло неизвестно откуда, с земли, раненые, дождем, вихрем.

Перевозка, бледная сестра, руку развернули: покажи! князь затрясся. Офицерская комната — гусар о немцах: славяне мягкие, а там система.

Гусар против казаков. Сапер. Осколки из шинелей, как блохи, солдатами [вынимались].

А в окне всё бежали и бежали беспрерывной лавиной. Прилетела и разорвалась шрапнель: откуда она, чья она, стреляли по аэроплану. И тут вышел капитан 73 дивизии и стал рассказывать, как его немцы схватили и пр.

Горка с вышкой, или Пун-гора — там пыль да дым, «чемоданы» и шрапнель.

Пленные мальчишки голодные и всё прут и прут, чуть сейчас — «Brot» *, — кричат.

В Гибах в избе штаб дивизии, на диване соломой подослано, сидит начальник дивизии и соломинкой чай размешивает.

Горка с вышкой: нахалы! все шесть орудий на солнце поблескивают, и офицер с биноклем ходит, машет рукой: одна — недолет, другая — перелет, третья — попало, а потом начал огонь направлять туда-сюда, туда-сюда...

Из рассказа о [шрапнели]: верхушки сосен сбросило, а место дикое, трубач бежит: «Ваше благородие! убьют!» Место дикое в лесу, и рад бы «сразиться с врагом», да глаз нет.

Мы последние пешие идем.

Расстрел своего аэроплана: паника, в панике палили и до того озверели, что уж в двадцати шагах в ручьи упали, а всё палили.

— За Неманом охраняли переправу... мне под козырьком было, вышел на лед, иду по льду — чик! чик! чик! вокруг меня. И опять чик! чик! [вокруг].

Страх о плене: им кормить нечем, режут...

Можно ли в плен сдаваться? — нельзя, телу своему не хозяин... Страх о плене, легенда о замученных, зрелище их унижения, все это создает представление, обратное тыловому, что в плен сдаться страшнее смерти, сдаться — жизнь с защемленным сердцем. Действует еще многое: приближение неприятеля — все это вспомнить и развить.

Телеграфисты сознательнее (это они с двумя собачками, гордые своим высшим достоинством), [телеграфисты] первыми вступают в лес и везут катушку и, вешая проволоку на сук, на столбики, все пропустят, весь шум и гам... Старший телеграфист, проводя, вернулся — он был пустой, стороже-

* Хлеба (*нем.*)

вые телеграфисты стояли у костров поодиночке. А может быть, в лесу нарочно [шум-гам] пропустили и сейчас будут снимать (засада).

Обоз шел грудой, и вот прошла последняя телега с граммофоном — [кивал] и скрылся, кивая. Миша подумал, вот какой глупый бессознательный солдат (вспомнилась тетушка Наталия Ивановна и потустороннее, ничего этого нет: в лесу возможна такая радостная жизнь. Смерть — тупое небо... жизнь... но сознательно — я человек и вспомнил: человек — это звучит гордо. Вспомнил: мука — мукой и вспомнил: Смертию смерть поправ...).

Раненые, известно, льнут к офицеру.

«Снимаю линию» — получили приказ телеграфисты: с одной стороны входили немцы, с другой выходил телеграфист.

Капитан морской конной подрывной туземной дивизии.

В этих лесах везде есть немцы. А четыре солдатика всё не знали, что корпус погиб, и всё вели и вели сотни пленных, продолжая исполнять [приказ], за сотню верст было пройдено, и порвалась связь, а они все продолжали действовать, и телеграфист — связь.

Телеграфист стоял у костра и рассуждал: какое же право я имею трусить, мука мукой — простое рассуждение. Телеграфист в аптеке, на перевязочном пункте, пропустил все обозы.

Спали, не раздеваясь, в аптеке.

Обозное: пробивались полками, штыками, пехота, возмущенный автомобилем капитан, граммофон кивал, у разрушенного моста все сбились.

Князь — жизнерадостность: любовь к казакам, убил семь оленей в лесу Вильгельма.

Позы на поле сражения: руки вверх (у тяжелораненых тоже), солдат с вонзенным штыком, солдат перевязывает

руку, окопы в лесу немецкие — русские, немецкие — русские, выражение лица: то спокойное, то детски-обиженное.

Обращение к населению: все голуби должны быть зарезаны.

Петр Романович Мальцев — старший врач Саратовского лазарета.

В тифозном поезде ехали две сестрицы-птички (тайная цель — поступить в кавалерию), одна [брюхо] вытягивая, говорит:

— Вперед, вперед, не знаю, что бы дала, только вперед, вперед!

Другая, тихая горлица, под ее влиянием. Немцы стреляют, и всё видим один зеленый шлем, который руку вынимал, что-то сказал, и затем еще впереди стоял лысый, противный, лысый блондин, ну, просто лысый какой-то.

Сон в резерве

— Мне снилось, что я ранен шрапнелью.

— А мне, что я в плен попался.

— А я все отступаю.

— А я будто кормила пленных.

Ведет солдат пленного немецкого офицера, сапоги у его все спускаются, ему стыдно.

— Meine Stiefel![*] — говорит.

— Ну, иди,— ответил солдат.

Прямо держится, как победитель, гордо улыбается, а уж какая тут гордость: сапоги спускаются. Солдат пожалел его, дает ему папироску, а она упала, и ему стыдно ее поднимать. Солдат поднял, опять подает ему. Я хочу покормить, чтобы устранить неловкость, а чей-то голос говорит шепотом:

— Вот хотели в Петербурге позавтракать.

Евреи — люди без земли, как растения в водяной культуре, видны все их некрасивые корни, у других не видно, а тут все наружу.

---

* — Мои сапоги! (*нем.*)

Заведующий хозяйством Саратовского Лазарета Грибков Степан Алексеевич.

Особоуполномоченный Красного Креста в Гродно кн. Куракин и уполномоченный кн. Кропоткин: один все видит худое, другой — все хорошее.

Младший врач Саратовского Лазарета Моисей Лазаревич Эпштейн.

На вокзале в Гродно все военные и один еврейчик, как черный алмаз с красной искрой, искрится, вспыхивает и все-таки помнит свое.

Только мужчины! все мужское, психологически исключено женское, и вот хорошенький солдатик делает мне честь, я отдаю, он опять — что это? Мы догоняем обоз, тот солдат опять отдает честь и еще, и еще, и улыбается.

Стратегическая глава

Наступать хорошо — все увидишь, а отступать — слишком быстро, в три дня очутились на старом месте.

10 Армия Сиверса — сменен за восточный прорыв. Вместо него — Нирдкевич, второй корпус — генерал Флуг.

— Почему вы знаете, что у нас боев не будет?

Закрытая дверь: издали сильнее и глубже можно страдать за любимое лицо человеческое.

Общая картина: едет поезд, в купе в офицерском вагоне разговор о сражениях, а за Неманом служили панихиду на высоте 113, тут был весь штаб.

Местные штабы: население принимает участие.

В общем, это был маленький уступ в лестнице наступления, одна сломанная ступенька, но, казалось всем, — такая маленькая ступенька, что о ней не знали даже в обществе. Это были просто демонстративные бои.

Немцы собрались в озерных теснинах. Их отступление было неизбежно, и, казалось, по видимым признакам, они

бегут долго. Начальникам хотелось занять пункты удобные (город, квартира и проч.)

Уланы едут придерживать правый фланг: табачку дал, до 4-х часов решится дело их атакой.

Корпус весь хорошо держится, но 73-я и 56-я дивизии сдают...

Разведчик: рубит и не задерживается.

В офицерском вагоне говорили:

— Мне жалко их, надеются на что-то, а ведь ничего не получат.

— Как не получат? налог уменьшат.

— Ну, это что...

— Наверно, уменьшат.

— Нет, покорно вас благодарю, мира я хочу — покорно благодарю, больше воевать я не намерен, я не намерен. Вот у меня жена умирает...

Дружинник из отряда Пуришкевича, тонкий знаток обозного, интендантского дела, коммерческого, этапного, черносотенец, и в литерную <*1 нзрб.*> и на все имеет ответ.

Люди

Мих. Мих. Герасимов — станция <*2 нрзб.*> долина — в одну точку — как будто весь свет за него цепляется.

Золотой гусар:

— Славяне мягкие, а у них принцип.

Споры о немцах.

Артиллерист: кабинетный человек и идея расстановки вещей...

Пехотинец, красноносый капитан Сибирского полка: мы пешки.

Разведчики: улан «не задерживается» <*1 нрзб.*> смерть.

Саперный полковник.

Смертельно раненный офицер.

Игумен Нестор.

Генерал Бутурлин и его секретарь: распространен в действующей армии.

Еврей-секретарь.

Солдаты: точно так.

Вестовой Герасим: похороны его.

Разведчики: полный Георгиевский кавалер и его начальник: тот получает золотую саблю, а этот видит врага.

Злой капитан в обозе.

Князь — дурное видит и князь — хорошее.

Столбнячный больной: голос из ада.

Мука мукой: восхождение на гору — как взобраться на эту гору.

Доктор-жених.

Казаки были задержаны последними перед городским взорванным мостом и только под вечер вступили в город. Еще надеялись до темноты настигнуть [отступающего] неприятеля и пощипать, но на улице их встретила целая военная баррикада из лошадиных трупов: отступая, немцы перестреляли тут всех ненадежных лошадей. Пока разбрасывали казаки лошадиные трупы, совершенно стемнело и преследование стало невозможным. А всего только в нескольких сотнях саженей немецкие телеграфисты выходили из города, снимали линию. С одного конца города они выступали, а с другого вступали русские телеграфисты, развешивая на [сучках], столбах проволоку.

По всему шоссе были эти самые с русских станций и полустанков вихрастые кавалеры, какие вызывали у Чехова серое настроение скрипки, обреченной вечно быть второй скрипкой. Теперь они были в толстых солдатских шинелях, как и все, смуглые, загорелые, никто бы не узнал в них прежних кавалеров полустанков.

Казаки и телеграфисты перемешались в темноте, одни рыскали по темным домам трепещущих жителей в поисках фуража и ночлега, другие [передавали приказы], постукивали молоточками, зажигали фонари на улицах, исправляли водопровод.

Перед аптекой одному телеграфисту пришлось забраться на фонарный столб, [со столба] он заглянул во второй

этаж и увидел там огни, и большая комната, прилично обставленная и пустая. Он подумал: «Вот бы переночевать, отдохнуть бы хоть одну ночь».

Закончив работу, он осторожно постучал в аптеку, никто ему не открыл дверь, и он хотел, было, уже уходить, как вдруг подумал о казаке-добровольце с двумя ленточками от оборванных Георгиев, забарабанил кулаком по двери и крикнул:

— Сию минуту открывайте, буду ломать!

Дверь скоро открылась, вышла бледная женщина с керосиновой лампой в руке и сказала:

— У меня семья, больной муж, бабушка, дети.

— Нам только переночевать.

— Переночевать — прошу! — сказала аптекарша.

[Не уверенные], казак и телеграфист переглянулись, спрашивая глазами друг друга, можно ли так, не опасно ли в ночь занятия города так отбиваться от своей части?

Но аптекарь ввел уже их в теплую комнату с двумя кроватями, говорил, как он рад, что немцы ушли, обещал постелить чистое белье: вчера на этих кроватях ночевал аптекарь-немец и его помощник...

Старуха в кухне ставила самовар, хлопотала у стола, бормотала: немцы на [самое] первое ощущение: не задерживаться. Легли на постель, везде были немецкие газеты, еще совсем свежие. Зеркальное отражение *<1 нрзб.>*.

Наутро в замок пришел лазарет: казак и телеграфист ушли в свою часть...

Город этот Маграбен *<1 нрзб.>*.

Пребывание в Маграбене: позиционная борьба.

Телеграфист имел поручение занять дом для лазарета (поруч. сознательное).

Мотоцикл бежал быстро по ровному шоссе, но Герасимову все последнее время казалось, будто он взбирается на высокую гору и он знает, что не взобраться ему и сил не хватит и, главное, он не знает, зачем: он мог бы и так жить

хорошо, зачем ему этот подвиг, он не хотел этого подвига и там, на самом верху, ему [оказаться] не хотелось. Под стук мотора, все выше и выше поднимаясь на гору, он чувствовал, как там оставалась за ним масса непонятного, все эти люди [внизу].

Он говорил себе, что нужно [действие] «сознательное» и «личный» приход к выводу, что немца нужно разбить, и примеры проволоки на телеграфных столбах [есть] достижение связи между всеми этими массами. Связь эта — родовая связь, куда ни обратит взор <*1 нрзб.*>

Связь: передать путем сравнения войны из газет и войны внутри войны: отдельный уступ, а дает представление, будто всё.

Доктор, который ждет окончания войны, чтобы жениться.

— Но ведь нужно же немцев разбить.

— А зачем их разбить?

Не доктор, а заведующий хозяйственной частью подвижного лазарета, молчаливый шкипер (Цусима), возле него сестра — вечно считают вместе. Комнаты резерва над почтой: мужская через женскую половину, он заговорил:

— А зачем их нужно разбить?

— Плен или смерть: лучше смерть, а впрочем, все равно... вы, господа, не понимаете: что от человека остается, когда ему наступает час в плен отдаться, тела не слышит своего, как тряпочка на костях болтается, и тут все равно.

Автомобиль в лесу первым наткнулся на немцев — конец... А обозы все шли, шли, [солдаты] пели, [прошли] телеграфисты. Катушка наматывается на сучки... костры... становились на посты. Спиридонов стоял у костра.

Человек задел за человека (орбита за орбиту) — аптекарь.

Дороги — могилы в лесу: курились машины-сноповязалки... Бой мальчика...

Постепенно входили в лес: обозы, войска, телеграфисты... Смерть Спиридонова... после смерти вход волков. Бледный белорус.

Смерть человека развить картинами природы: сноповязалки.

Жизнь в окопах: утром зазвенело ведро — чай пить... обычай: так привыкли, что обычай стал — не стрелять во время чая; герой окопов красноносый капитан и Митюхи, суматоха: немцы позади.

Шесть месяцев город жил особенной жизнью: вышла старуха. И наступила весна — вещи перевозили на себе... Герасимов: каску завел. Картина отступления... жили в городе: [замок] занял лазарет. Сестры-птички...

Герасимов ходит к нам; коноплянка (казак). Отступление задержалось, телефонисты выходили последними. Снимали ленты.

Раненный смертельно бросился в окопы и погиб.

Нарастание страха, подальше от церкви лазарет: приготовили к лечению клиническому, потом обратили в перевязочный пункт, потом просто втаскивали раненых (от «чемодана» до жалости к пленному; тут Спиридонов расстался с жизнью; явление Нестора и бледного офицера... коньяк и рюмки аптекарши...).

Свежий раненый: что-то сказать ему нужно, очень хочется вмешаться, о своем испытании: кому-то сказать, но все не дает боль, что... испытал и надо сказать.

Полька: Тэдик... спор о человеке и о родине: не могли понять ксендза и его человека. Это представить себе прежнее мирное время, и вот падает бомба...

— Человек — существо отвратительное, ко всему привыкает.

— Вы не поняли меня, почему отвратительное, я хотела сказать, что и нельзя не привыкнуть, человек тут ни при чем. Ах, мне нужно бы много, много рассказать про свою жизнь: вот старею и ничего — бывает ли счастье? счастье — мера в ширину, а несчастье — в глубину. Счастливые чего-то не знают.

— И несчастные чего-то не знают. И несчастные чего-то не знают... я не хотела быть несчастной, но чуть я пожелаю, сейчас же несчастье. Тэдик на позиции, читает...

Капитан лежал на верхней полке, писал письмо, и полка гнулась, гнулась — дело опасное. Говорили о войне: — Все врут! — сказал капитан,— ничего знать не хочу, ничего слышать не хочу, ничего, кроме своего фельдфебеля: велят — делаю, не велят — дожидаюсь.

Городские воины. Я смотрел на солдата, как на крестьянина, которому война со всех сторон несчастье, и он воюет, превращаясь совсем в иное существо, закованное дисциплиной и внутри этой дисциплины, признаваемой как священная необходимость свободного.

Живая действительность, однако, сталкивает меня с солдатами совсем другого, городского типа... Те солдаты называются героями, поскольку они сами себя не признают, вернее, не сознают героями, условие любования нашего ими — молчание о собственных заслугах, их смирение, непонимание совершенного ими великого подвига.

Но это можно видеть только на войне, потому что тот же солдат по мере приближения к своему дому становится другим, начинает рассказывать, и его рассказы отличаются от правды, как отличаются всякие рассказы от действительности. Мне приходилось слышать от одного журналиста, видевшего Крючкова непосредственно после боя: знаменитый воин ничего не помнит, что он делал. Из массы опрошенных мною солдат, ходивших в атаки, «сознательных» я не встречал. Невольно задумываешься над этим словом «герой»: величайшая в мире книга приучила нас соединять с этим понятием слово, а с этим героем, наоборот, соединено молчание: и все наши былинные «герои» тоже молчат.

Герой у нас обозначает не личность, а момент стихийного действия.

Шли сорок Георгиевских кавалеров, один на другого в лицо, и всех их капитан называет общим именем Митюхи.

Не они достигали Георгия, а Георгий к ним сам пришел. Это обычный тип лучшего русского солдата, воспитавший наше сознание. Но время проходит, жизнь крупных городов вливается в народную массу, изменяет ее, и являются городские типы солдата: подвиг военный для них является самоцелью и вместе с тем Георгий не как дар, а как достижение. Из массы виденных серых солдат мне вспоминаются четыре встреченных мной на восточно-прусском фронте, и все они были с Георгиями, сознательные солдаты, выглядели необычайно даровитыми, подвижными, предприимчивыми, происходили из городской бедноты, все были уроженцами и постоянными обитателями Петрограда.

Разведчик. В проходе вагона второго класса стояли группы офицеров, не помню, штабных или центрального управления, одним словом, не боевых, а именно тип офицеров, которые придираются к исполнению военных формальностей. И, тем не менее, возле них стоял, спиной к ним, заложив руки назад, солдат вольноопределяющийся, что-то рассказывал, и офицеры слушали его с большим почтением, пожалуй, больше как бы заискивая. Это бросалось в глаза, я заинтересовался причиной. Вдруг вольноопределяющийся обернулся, и я увидел на груди его все четыре Георгия — вот и была причина... Вольноопределяющийся был артиллерист... и проч. Небывалый случай взятия артиллерии артиллерией, [говорит про] начальника: «Он золотую саблю получил, а за что: разведчик впереди, я даю знак, это мое дело».

Другой вольноопределяющийся — кавалерист (охотник). Спор между разведчиками: а разве это интересно?

Рубаки — не задерживается.

Улан — табачку.

Мальчик Власов.

Вилка дорог. В Гибах пучком расходятся дороги по Августовскому лесу: одна, шоссейная, идет самым краем ле-

сов, она была занята немцами, правда, расходились две дороги, одна вилочкой, и тут в лощине скопилось множество обозов и у столба велся горячий спор между офицерами: одни говорили, что правая дорога опасная, другие, что левая страшнее, и все склонились за левую, и ехала по левой дороге вся масса обозов, [догоняя], давя друг друга, останавливались.

И еще были где-то неведомые дороги в Августове, где уже были немцы: не это ли Августов? думали и ехали по [левой] дороге. Автомобиль пошел по той дороге.

<*На полях*>: Лопухин: изобразить его страх, найти правду страха в паршивейшей личности — все перед пленом: а в плен не берут, когда тут в плен — ткнут штыком, и будет. Лопухин весь струна, его блуждания — врезывание в немецкое.

1. Встреча телеграфиста Спиридонова с отрядом санитаров: князь, доктор, сестры, причисленный.

Город. Костел. Лазарет. Капитан: я слышу только фельдфебеля [голос].

Раненый немец. Дал табачку улану.

Немцы: артиллерия, все шесть орудий на солнце блестят и офицер с биноклем помахивает рукой и [направляет]: туда, сюда [езжай].

Спор о дороге. Как обозы пошли по той. Наша артиллерия стала отступать влево (влево шли обозы, вправо [поехал] автомобиль).

Автомобиль полетел по той дороге. Лес. Завал. Смерть сестры, князя и раненых...

Лопухин удирает: мокнет, надевает форму немца, хочет в плен, но русские его [поймали]. Десять русских вели в плен сто немцев. Вели пленных — волки... продолжая делать дело без связи.

На вилке повернули на ту дорогу, и когда все прошли и лес затих, вошли телеграфисты развесить проволоку на сучках деревьев.

Спиридонов: у костра — в костеле [колокола] звонили, старик звонил, и ему вспомнилось «Смертию смерть», ведь это старик звонил, но было ясно, что это новое... что же новое? человек... Но человек — это старое... он наткнулся на трупы князя и сестер... огонек горел, а возле человек, но человек с отъеденным носом, потом начались окопы, и они пригласили, лежит в форме германский офицер, потом вели пленных немцев, выражение лица убитых: мертвые люди [были], но живо в них что-то новое: радостное чувство: мука мукой — обмирание? *<1 нрзб.>*, в деревенском костеле звонили в колокола — «Смертию смерть», израненная земля. И все эти сотни безмолвных людей потому кажутся безличными, что они всё мукой, безличной мукой и [делали] и личная мука за всех; и они не испытывают муку... в каждом из них было это же самое: и тоже один за всех. Зазвонили в костеле, старик звонил. Солдаты-телефонисты шли, не понимая этого, они нашли у мертвого спирт и все пили его, и он улыбался, и поняли, что он улыбался на обе стороны: и туда, где смерть, и туда, где жизнь, и одно другому не мешало. Но чтобы не смешивать того старого *<3 нрзб.>* он все твердил: человек, человек.

Из Спиридонова: насмотревшись на все, он оставил себе только одно: что немца нужно разбить. И это последнее было потрясено следующим: цусимский герой ничего не говорил, молчал и делал, и с ним рядом всегда была сестра пожилая — и вместе считали, все на них держалось. И от него он услышал:

— А зачем же их нужно разбить?

Никто больше их не делал, и с таким вопросом жить: мы не знаем.

Принесли умирающего офицера: молодой, красивый, злой — не до конца сознавал грядущую смерть и боролся. Обошел его доктор как-то кругом, словно не решаясь прикоснуться ни с какой стороны. Сестра предложила чаю, губы с запекшейся кровью раскрылись:

— Оставьте меня!

Я вспомнил, что у меня было две бутылочки коньяку, спросил, не хочет ли он коньяку.

— Давайте! — сказал офицер.

Красноносый капитан из комнаты, где собрались легкораненые офицеры, крикнул:

— У вас коньяк, какого же черта вы до сих пор молчите!

Бегу поскорее в аптеку, где я остановился, достаю коньяк: бутылку в один карман, бутылку в другой, а буфет аптекарши открытый и рюмочки, целая полка, как ясные зубы. Живо беру две рюмки. Входит бледная аптекарша. Мне стыдно. Но аптекарша смотрит в пространство:

— Скажите, на Гибы свободен путь? <*6 нрзб.*>.

Почем я знаю, только бы поскорей отвязалась, там такое неотложное дело: дать рюмку коньяку умирающему. Вышел на улицу: как за несколько минут все изменилось, словно туча надвинулась близ и вот все понесет буря, эти затихшие обозы, эти молчащие кучи людей. Бегут туда и сюда, но бегут, сосредоточенные в себе.

На перевязочном пункте еще приютились раненые, в офицерской комнате пришли посмотреть на раненого саперного полковника с высоким профессорским лбом; юноша-гусар.

Красноносый капитан рассказывал:

— Да-с, пятьдесят лет, кажется, достиг совершеннолетия....

— Толстенный немец едет впереди, а за ним катушку везут с проволокой человек пять.

Я пошел к умирающему раненому, к удивлению моему, он руку вынул из-под одеяла, взял рюмку и выпил так же ловко, быстро, как будто подошел к именинному столу.

— Еще?

Он молчал. Красноносый капитан рассказывал:

— Напустили мы их шагов на сто — залп! Двое упали, другие уехали. Мы бросились: лежит один немец убитый, две лошади [мертвые], а другого немца нет, толстый, все видели, но лошадь упала, и он свалился, куда же он убежал за минуту? Посмотрел вокруг, нигде нет, заглянул в канаву, и подумайте, до чего живуч человек: лежит на спине, а в зубах бутылка — и буль-буль-буль. В такую минуту вспомнил и хочет [перед смертью] выпить всю. Как увидели наши

Митюхи, бросились, вырвали: еще с полбутылки осталось, тут же все [сразу] и выпили.

— Давайте коньяк!

Решили обойти, встать по очереди, бутылочка кончилась: последними выпили здоровые и сапер и гусар.

И еще сказали мы им: — Что же вы уходите, еще вторая, вторая бутылочка, подождите. Но они простились и вышли. И тут вскоре грохнуло...

— Чемодан, чемодан! — крикнул чей-то голос. Мы выбежали, перед [лазаретом] лежат сапер и гусар и [саперный] полковник так странно упал, улыбался, гусар молодцом встал и к нам, было, но упал на одно колено и головой прислонился к стенке.

Мелькнула опять на улице [бледная] аптекарша: — Ради Бога, скажите, свободна ли езда на Гибы?

Бежали одни вперед, другие назад.

Князь: — Все кончено: успеем ли только выбраться. Бросайте перевязки! — крикнул князь. Но врачи перевязывали.

Гусар сидел, протянув ногу, ему перевязывали, и так шла к нему рана: раненое животное, и санитар-горилла стоял перед животным, и сестра такая прекрасная — сказочно.

Я считаю минуты и страх... не понимаю, что это, страх или тоска.

Оставались немцы... и у нас было намерение немца взять, как же его-то оставить... и потом вдруг вспомнил, да ведь ему же там будет лучше. Князь всех звал к себе в автомобиль, и мои [спутники] сапер и раненый гусар.

Крест. <*1 нрзб.*> провожая глазами. Какая-то женщина подошла:

— Вот, смотри, видишь, как господа друг друга усаживают.

Мы были уже дома, [когда] я поднял рюмку, и [стояла] рюмка аптекарши, и вспомнил, что вторая бутылка осталась на столе... и немцы выпили ее.

Гибы. Штаб дивизии (Слесаренко, соломинкой чай помешивает). Чай у доктора. Раненые выписываются медленно, сестра записывает подробно... а там приближаются выстрелы... Вилка... Раненых пять человек и две собачки.

П.— англофил и «барон» Кропоткин — германофил; в устах барона: идея порядка, расстановка вещей.

Заведующий хозяйственной частью моряк (Цусима) и сестра: он как бы отмахивается молчанием от лишних слов и всё сидит за походным столом и считает, и возле него сидит сестра... шепчутся и долетает: «Стерилизаторы». Говорят, что если они разговорятся, то все заслушаются, но я ничего не слыхал, и мне казалось, у него и у нее что-то суровое ко мне. Потом мы долго не виделись, и когда я снова встретился, то они меня встретили такой приветливой улыбкой, как родного, и он... и я, когда разговаривали о всем, [прямо его] спросил:

— И все-таки немцев нужно разбить?

Он долго думал и вдруг спросил меня:

— А зачем их нужно разбить?

Сестра Мара. — Ваше Сиятельство, я нашел, я нашел мой спальный мешок.

Нашли ее в лесу, озябшую, на поломанном автомобиле. Сестру не хотел взять князь, много скопилось.

Когда все прошли и проехали...

Вертится громадное железное колесо по скрипучему по снегу, за ним другое, третье, и напоминает мне странное звучание: не то бой, не то наступление, отступление, а может быть, волки многоголосно подняли вой?

Проехали, прошли, и опять наступила в лесу тишина вековечная, природная и выглянула звезда на небе. Тогда вошли в лес телеграфисты и по сучкам дерева вновь развешивали проволоку или ставили столбы; кто шел впереди, кто по одному, оставаясь на охрану, и разводил себе огонек. А может быть, как раз этого стерегли и дожидались враги, когда все проехали, выйдут из леса и оборвут связь? <*1 нрзб.*>.

Тонкая проволока в диком лесу. Спиридонов смотрел на нее и как за соломинку хватался.

Белый волк (князь Кропоткин) — попросил мой английский табак, курит мою трубку, садится в автомобиль, возвращает с огорчением трубку — Как быть? — Очень просто: возьмите меня с собой в автомобиль.— Садитесь! И мы поехали.

Гродно, Тэдик. Польская женщина. Интендант-чиновник: любовь одна. Есть ли счастье? Измерение в ширину — счастье, в глубину — несчастье.

Страх ареста: Иван-царевич, губернатор. После войны останутся хищники и святые.

1916

11 Января. В провинции, как только я взялся за свое маленькое практическое дело, исчезла моя фамилия: называли мою фамилию лишь для того, чтобы, вспоминая моего отца, деда, установить породу мою. Называли меня по имени и по отчеству или только по отчеству, делая из отчества фамилию: Михаил Михайлов. Осмотрели Михаилу Михайлова с ног до головы, разузнали его характер, выспросили о его капиталах и Михаил Михайлов стал обывателем...

Чем дальше, тем больше война со своим смыслом уходит от нас, обывателей, куда-то дальше и дальше: теперь мы воюем не только за свое существование, а и за что-то высшее: там где-то нужно искать ответа, а не здесь: здешнее должно переделаться и настроиться по тому высшему.

Немцы не то что правы, а почти святы в своих намерениях, но все их опрокидывается наизнанку тем, что они бессознательного и естественного добиваются сознательно.

Сознательность происходит от немцев, у них находится головище нашего интеллигентского потока.

Под Новый Год мы собираемся в церковь Заусайлова с ожиданием выслушать что-то о Новом Годе, о войне, но старый священник говорит о... сквернословии проповедь: даже самые малые дети изрыгают гнилые слова.

Стильная церковь в Ельце. Церковь стиля модерн, выстроенная купцом Заусайловым, а священник старый и под Новый год в это страшное время читает проповедь о сквернословии: «Даже самые малые дети изрыгают гнилые слова».

Зима в Ельце: стоя на коленках, вылетают из-за углов на своих розвальнях заиндевелые скифы, матерным словом

расчищая себе путь. Мальчишки на коньках мчатся по тротуарам через весь город к реке. В рыбных рядах греются приказчики, коровьими хвостами подхлестывая кубари. В мясных рядах мчится обезумевшая лошадь с одними оглоблями.

Из письма англичанам: «У нас в России самое главное, что люди живут без памяти добра и зла, и весь строй общественный стоит на кумовстве».

Когда война кончится? каких покупать лошадей: очень старых или очень молодых и, если молодых, то каких лет — двух, трех?

Помещик в городе (А. М. Ростовцев): Сумасшедший цветовод живет себе в городе и смеется над дешевым маслом и яйцами в деревне, над народолюбием... Теперь умирает...

Политика на улице:
— Мука-то, мука-то, Бог знает что!
— Овес-то, овес-то, черт-е-что!

12 Января. На следующий год надо сделать, между прочим, следующее: 1) Привести в порядок сочинения 2) Систематизировать занятия географией (и с детьми) 3) Привести в порядок «военные наблюдения» 4) Наладить хутор.

Крещенское. Под Крещенье в имении, где мы выросли, вспоминали мы свою няню и ее обычай вечером с фонариком выходить на двор и ставить мелом кресты на воротах, дверях и всяких столбах. Говорили, как о давно прошедших временах, с грустью о том, что религия в народе теперь совершенно исчезла. В Крещенье утром пошли зачем-то в конюшню, а там крестики, на скотный двор — и там крестики, в людскую — и там крестики, везде были крестики точно такие, как в те далекие времена. И на передке розвальни тоже были крестики.

На рассвете с веселой песней каждый день мимо окна проходят солдаты, бабы смотрят на них и киснут, поют ве-

селое, а бабы плачут, и вот одна молодая девица медленно склоняется к своему подолу, поднимает и утирается.

Зима в Ельце: стоя на коленках, бородатые мужики вылезают из углов на своих розвальнях, как скифы, ругаясь по-матерному...

Царь велел прекратить спекуляцию. Хвостов передал это веление губернаторам, т. е. — городским головам. Наш городской голова собрал всех известных у нас спекулянтов и предложил им вопрос, как прекратить спекуляцию.

Почему нельзя в Ельце выбрать настоящего голову? Большие города — голова зависит от министра, меньше — от губернатора, а губернатор от секретаря (секретарь-черт Федоров). Вся масса этих властных людей, в конце концов, зависит от секретаря-черта (индивидуалиста, прощелыги) Заусайлов — Федоров — Петров (непременный член) — Иванюшин — Ветчинин...

Чем живут в провинции? ну, конечно же, политикой! Мало кто понимает это, но, в конце концов, это так и есть, кто очень хорошо понимает. Так явился к нам, однажды, некий неизвестный человек и открыл транспортную контору (прикинулся беспартийным, общество хоругвеносцев...) и начал политику (трудящийся — покорение губернатора). На этой схеме вычертить всех наших купцов.

Никифор. Утки на пруду обмерзли, никто не решался их достать, испытали все средства. Вечером заметили из окна, что кто-то ползет по льду, передвигая перед собою жердь. Это был Никифор, удумал. Едва успели остановить, а то и погиб бы из-за холопства (Смердяков).

Монах. Коля, член государственной думы узнал, что Володя Киреевский его товарищ по гимназии, приехал с Афона в Петербург, и сделал ему визит. Так встретились монах и общественный деятель, два противоположные начала русской жизни.

Образование. Крестьянин сплошь теперь стремится к образованию: наша гимназия теперь переполнена детьми крестьян и мещан — большинство из этих образованных становятся интеллигентами и не возвращаются в лоно отчее.

Истощение: Земля наша производит чиновников и, не получая удобрения, истощается. «Удобрением» я называю просвещение народа.

Всепожирающая масса мужика — поглотила дворянина, купца, которого потянуло на крыжовник...

Хотел под окнами цветники, а пришлось лук.

Советуется, каких лошадей покупать: очень старых или очень молодых и если молодых, то двух или трех лет? когда война кончится?

Издевающийся дворянин: живет в городе, смеется над дешевым маслом и яйцами, над любовью к народу.

Народ стал теперь другой, это можно видеть по прислуге: помещичье народолюбие теперь невозможно, и если кто-нибудь делает (землю отдать) для мужика, то издали.

Бронзовый сад — помещик и овраг — мужик.

Мужики не земледельцы и мужик-кулак.

Афанасий — Автонас.

Дом помещика: дворянский бронзовый сад — потому что земля этих затрат не выдерживает... (два брата: разорился на усадьбе).

Имение все обнесено каменной стеной — дача, а остальное продано и пожрано.

Весна для хозяина начинается вскоре после Рождества: рабочих нанимать, лошадей покупать, коров — нельзя купить, зимнее хозяйство: собственное потребление, лук под окном.

20 Января. Как долгая оттепель или начало весны, так у нас в провинциальном городе рыжим пузом вздувается середина улицы, и розвальни, раскатываясь, подшибают ноги идущим по тротуарам. В оттепель лучше идти посередине улицы.

Так идут двое навстречу, издали широко улыбаются, приветствуют, будто самые близкие люди — манера мос-

ковская, обманная, не верь купцам. Встречаются, захлебываются искусственной радостью, один через два слова говорит: «Бог-знать-что!», другой: «черт-е-что!»

— Дрова-то, дрова-то!

— Бог-знать-что!

— Мука-то, мука-то!

— Черт-е-что!

И сейчас же про политику, про новое назначение, про взяточничество и кумовство.

— Бог-знать-что!

— Черт-е-что!

Без политики тут, в провинции, ни на шаг. Но политика эта здесь, как ощущение, безответственное состояние, бездельное: на одной стороне «Бог-знать-что», на другой «черт-е-что». Оба эти купца, критикуя правительство, отлично наживаются, их политика просто бытие политического животного, в общем жизнерадостного и благополучного.

А на рыжей улице разбросаны еловые ветки, похоронно звучат колокола, вот там где-то показывается похоронная процессия.

— Черт-е-что!

— Бозна-что!

Оттепель — улица стала горбатая, вздулась, как рыжее пузо, розвальни скатываются и бьют прохожих по ногам.

Лошадь купить — какую?

После Крещения. Оттепель или начало весны? Для сельских хозяев после Крещения всегда начало весны, после Крещения уже начинаются заботы. Теперь мы вплотную задумались, как нам быть с лошадьми.

Требуха. Едят требуху сначала по нужде, вся купеческая жизнь складывается на этой требухе, потом купец мало-помалу богатеет и ест требуху реже, в богатых домах продолжают есть требуху уже по любви к ней, по каким-то воспоминаниям.

Ксения. Деньги — математика жизни и память ее. И Ксения — требуха и деньги — математика жизни. В ее философии главное — необходимость и точность.

22 Января. Назначение Штюрмера. В банк приходит Бехтеев и говорит, шутя: «Как бы он в Елагинском дворце мебель не украл?», а Глушков (купец) принял всерьез, перекрестился: «Господи, да что же это такое!» Главное, что фамилия немецкая, а что он очень православный, так это тоже по-немецки: очень православным можно быть тоже по-немецки, может быть, как раз для поддержания истинного православия тоже немцев нужно пропустить.

Снежные поля, ухабы, раскаты, метели. Дорога в безлесной полосе: ночь окутает, и вдруг начинает казаться, что лошади бегут назад. Кошмар полей. Заспорил: лес это или нет? доехали — вот возьми свой лес. А вот настоящий лес — тронул, дерево упало — вехи стоят. Зайцы в метель — огромный показался так, что охотник от него бежать пустился (вышел на засидки в лунную ночь, но вдруг луна скрылась и все преобразилось, не определился)...

Тетушка требухой угостила мастерски изготовленной. В Ельце едят требуху сначала по нужде, потом купец, богатея, перестает ее есть, а после в самых богатых домах едят требуху как изысканное блюдо, вспоминая милое прошлое.

Лунные засидки. Вышел на засидки в лунную ночь, но вдруг луна скрылась, намело снегу и сверху, все преобразилось в полях — не определиться, где я. Ехали вперед, а казалось, с огромной скоростью мы мчимся назад. Мы заспорили, лес это показался или что? Подъехали: вот твой лес! тронул дерево, и оно повалилось — вот твой лес: повалили три вехи, и нет леса. Вдруг зверь огромный показался, мчится, мчится прямо на нас, добежал к нам — раз! заяц! чуть не толкнулся о нас и пустился бежать, разрастаясь в чудовище, пугая других, застигнутых метелью охотников.

Странник — освобожденный дух влечет умершее тело в область полуночного солнца на Соловецкие острова...

Юродивый Гриша — говорят, он перед войной вышел с палкой и стал бить в окна и двери и кричать: на войну иду! Теперь сказал он, война кончится в Январе снежного года. — А как вы думаете?

Под великим секретом сказали мне, что Павел Николаевич отравлен газом и не показывается к жене Татьяне Александровне, чтобы не испугать ее своим видом. Сегодня приходит арендатор сада и говорит, что к Татьяне Александровне его не пустили, сказали: больна. Не узнала ли, не дошла ли весть до нее?

Тоня с Лидией заспорили, каких лошадей выгоднее покупать, очень старых или очень молодых, средних, в виду опасности мобилизации, покупать невозможно. За старых лошадей было то, что на них можно немедленно работать, а против, что во всякий час можно остаться без лошади, за молодых... но про молодых и заспорили, какого возраста молодых покупать: если рассчитывать по Сазонову, что война кончится через год, то можно покупать трехлетних, а если? Как вы думаете?

И стали думать и высказывать предположения. Вспомнили про Гришу-дурачка, как он за неделю шел по Черной слободе, выбивал палкой стекла и кричал: «на войну иду! на войну иду!» Не у него ли спросить? Тоже гадалка предсказывала, что в январе... Спросили у Андрюши — тоже через год. И решили покупать третьяка.

Странник. Освобожденный дух влечет полуумершее тело, странник не в силах поднять его ввысь, влечет по земле и показывает умирающему свободу полей, красоту цветов, табуны...

Леса вырублены, и только по телефонной проволоке можно узнать, что иней пал.

[***23 Января***]. День рождения: 43 года. (1916 год) Я — с одной стороны, тот же самый, который бежал в Америку,

и вся жизнь, как развитие этого «американского существа». С другой стороны, вступление в борьбу всевозможных «я», потеря, раздробление, разгрызение (самоугрызение) и только время от времени, как солнечный луч, осеняет опять прежнее соединенное «я». Потом как мираж проходит, исчезает это соединенное «я», и снова безделие.

Завидно купцу, наживающему деньги, деловому мужику, пашущему землю, а попробуй делать то же — сделаешь, просто! необычайно просто кажется их дело, но, оказывается, суть их не в деле их, а в той наивной вере, с которой они делают...

25 Января. Назначение Штюрмера Распутиным — все сводится к Распутину.

Из поездки: горизонт сливается — небо, на небе навозная дорога и овраги, кажется, лошади бегут назад — в это время до того ясно, что Россия — в пространстве.

Война. В деревне, сейчас и в городе стало наоборот: раньше, бывало, человек деревенский исчезал в своих жалобах на всякие недохватки обыкновенного бытия, а в городе хотели чего-то сверх этого. Теперь же в городе человек утопает в жалобах на дороговизну, а в деревне горе высшего порядка, там о человеке жалеют, об отце, сыне, брате — эти жалобы совсем иного порядка.

26 Января. Живут в провинции, как пчелы в зимнем улье: в городе без подкорму улей гудит, в деревне молчит в ожидании весны. Ждут. Еще похоже это на весеннее надувание реки перед ледоходом. И знаешь, что это необходимо, значительно, неизбежно. А все-таки хочется по-своему ускорить, и томишься, непричастный к природному делу, будто стоишь, неверующий, обязательную всенощную.

Выдумали ездить в Москву с индюшками. Купит себе человек десяток индюшек и едет прямо в Охотный ряд — там

в один момент расхватают. На вырученные деньги селится где-нибудь в купеческом подворье, живет неделю и возвращается рассказывать всякие новости.

Рассказы эти привыкли выслушивать, условно доверяя, как произведениям искусства: каждый знает, что это не настоящая фактическая правда, но что все-таки возможно, и открывается путь для размышления.

Явное торжество деревни над городом. Какая польза в этих слухах, купленных на деньги, вырученные от продажи индюшек? Эти слухи — лохмотья нищего, только дробят бесплодно то деревенское единое чувство ожидания при весеннем надувании реки. А вся-то сущность в дороговизне предметов потребления.

Вот обыкновенная средняя семья, куда я пришел провести вечер. У хозяйки болит печень, жалуется на докторов и переходит на дороговизну лекарств, на дрова, на мясо, на муку. И пошло, и пошло. Сами хозяева чувствуют, что разговоры эти скучны, нудны, но не в силах выбиться из них. Я придумываю рассказать им только что прочитанную в «Русской Мысли» драму Синга. Очень интересно: муж притворился мертвым, чтобы испытать, как будет себя вести жена после его смерти. На несколько минут общество спасено и живет где-то на берегу Ирландии. После рассказа я протягиваю руку за чайным сухарем и вдруг кто-то: «А знаете, как сухари вздорожали?» — и пошло, и пошло.

Выхожу на улицу. За время оттепели, как всегда в провинции и даже в Москве на окраинах, рыжим пупом вздувается середина улицы. По тротуарам идти невозможно: розвальни, раскатываясь, ноги подшибают. По желтому горбу улицы с веселой песней проходит войско, а бабы глядят на них и подолами слезы вытирают.

29 Января. Человек — осколок бытия, воображающий, будто он сам действует за себя. И тот же самый человек, если он сознает (внутренне) мир всеобщей связи.

Экклезиаст с его изжогой бытия: «суета сует!» и Гамлет с его потерянным отцом.

Мы все — остатки двух великих армий, произошли мы все от той единственной войны, когда, сразившись, не умерли, а стали жить, как победители и побежденные.

А эти человеческие войны потом и даже вся эта великая война — восстановление начальных разделений на победителей и побежденных.

30 Января. Из природы. В детстве моем никогда зимой не было дроздов в наших садах, теперь дрозды зимуют у нас повсюду. Грачей видели сегодня во множестве на Сосне. Неделю тому назад видели, как на солнечном припаре в огромных сугробах развертывалась верба.

Стихийное чувство — перелет птиц: птицы думают, как все, и наступление времени перелета, как доведенное до свободы смирение (так мужики идут на войну). И вот один грач заболел и остался зимовать на Сосне. Он выздоровел — зима была теплая. Понравилось. Следующую зиму грач объявил себя самостоятельным и остался зимовать и погиб.

Мобилизация. Чувство войны — стихийное чувство. Солдат идет — смиряется до исчезновения отдельности. Как исчезнувший, он начинает светиться в общем деле, и подобно птице одевается красивым пером, приобретает свободу: Это и умиляет нас (Толстого) в русском солдате (птичье).

Между тем, в отдельном солдате не целиком светится это птичье общее. Большинство их сопротивляется этому — сопротивление, борьба с собой и делает всю картину человеческой.

Жульё Елецкое. Жулябия.

— Пока что сделаешь — мозоли набьешь на душе, вот какое жулье.

— Да, мне вот рекомендовали человека, что по совести сделает.

— Не верю в существование такого человека, не верю!

Город — на горе куча каменных домов, где живет жулье, вокруг этого кремля громадная слобода, где [купцы]. Среди домов купеческих возле жулья живут и кормятся интеллигенты, адвокаты, доктора. Можно себе представить, какое существование влачат здесь прогрессивные газетки!

4 Февраля. Молитва Пелагеи Ивановны. Раньше я молилась: «Матерь Божья, сделай его человеком!», а теперь молюсь: «Матерь Божья, верни его, каким он был!»

Сугробы и субои, ухабы, выбоины, раскаты, разъезды. Впереди что-то черное огромное вдруг как в землю провалилось, и сейчас же мы сами ухнули в ухаб. Потом, выбираясь из ухаба, на вершине ухабной волны встретились с тем темным: то были розвальни, в них сидело четыре женщины и мужик, на мгновение мы встретились, и потом сейчас же они ухнули в наш ухаб, мы в их.

Метель при солнце: поземица лукавая как лисьим хвостом переметает субои.

Четыре волка, огромные, бежали в метели, их волнообразный бег; казались громадными фигурами, а сверху солнце светило.

Мерзлое, оледенелое дерево качается, стучит, как скелетом на все поле и невидимая луна освещает белые поля.

Из своего. Надо бы не возвращаться из Лейпцига в Париж: а то это самое обыкновенное вышло, хватило силы на первый порыв мужества (мужество при отказе) и потом не хватило мужества при согласии. И каким сокровищем кажется теперь эта упущенная жизнь, эта упущенная свобода. Та жизнь, как мечта и порыв, а то бы жизнь, как мечта и дело.

Благодетельный, умеряющий разум! Но все это в то время было ни к чему, потому что заранее отразилось всякое бытие в сложившихся формах, казалось, что жизнь начи-

нается сначала, и мы несем нечто совершенно новое. Это теперь стали видны промахи, которые, кажется теперь, так легко бы в то время избежать, имея старые средства.

Вера — дело мечты. Чудо естественное рождается в деле мечты: чудо есть дело веры. А мера есть дело разума. Искусство и наука — меридианы и параллели, проведенные по глобусу веры.

Есть у науки добро? нет. Но она становится добром в просвещении, т. е. в новой мере жизни просвещавшейся.

5 Февраля. Кура. Ограды курятся, метет и курит, сверху и снизу подымается. Проехало в волость два воза мужиков. В ограду завернули розвальни, из них поднялся засыпанный снегом человек, долго вытряхивался, выправлялся, потом нашел себе пучок соломы — обмахнул валенки.

7 Февраля. Бушует, воет февральская метель. Перегнала, вымела весь снег злая поземица и по голому насту сухой дубовый лист, шурша, бежит через все белое поле, как осенью в степях перекати-поле. Сухая и колючая злоба в полях. И день, и два, и три. Загадывали мы, как это, когда и чем кончится. А кончилось просто. Морозец день за днем схватывал метель, седлал, мчался на ней, долго боролся со злой ведьмой и, наконец, заморозил, остановил, все остановилось, затихло в могучем крепком и спокойном и полном обладании. Февральская метель перешла — последние сретенские февральские морозы. Или: бился, бился мороз, но одолеть не мог, — мяк, мяк и размяк, все потекло, и зима кончилась. В конце февраля метель опять вырвалась, но мороз был бессилен, все потекло, и сама метель размякла и стала дождиком.

Вчера 6-го: похороны Ксении.

Взятие Эрзерума. И разговоры то о похоронах, то о Турции. Осыпаются старики. Стал считать, сколько их «преставилось» и представлял себе, что там они встречаются. И так казалось, что вот какая-то тоненькая пленочка разделяет нас от них, как-нибудь чуть-чуть бы догадаться и все

поймешь. Вот кто-то сказал там: «К нам Ксения Николаевна приехала». И мать моя спешит к ней поближе сесть: там будет не как здесь...

Помню, однажды, собрались купцы, какие-то отчаянные пессимисты, и стали говорить о том, что на земле нет ничего вечного.

— Что вечно? — сказал один из них, — вот что вечно, — и, вынув рубль, сказал: — Рубль вечен.

— Это действительно вечно! — согласились купцы.

А вот теперь живешь, как заграницей, постоянно переводя про себя дорогие рубли на дешевые марки и кроны, деньги постоянно изменялись в своей ценности, лишили к себе всякого доверия, потеряли мораль.

П.Н.Д. вернулся штабс-капитаном: «Если, — говорит, — я получу подполковника, то останусь служить после войны, через пять лет получу полковника, пенсии 80 рублей, выйду в отставку и сделаюсь земским начальником. (Вот о чем мечтает герой, он — очень возможно — герой там на войне.)

Анекдоты.

Очень известный: Мальчик плачет. — Ты чего мальчик плачешь? — Как же не плакать мне, у нас всегда плач: папа плачет, когда русских бьют, а мама, когда немцев.

Елецкий анекдот: Вынимает платок и с платком падает у него мел. — Чего вы удивляетесь, — отвечает, — я всегда, когда еду на фронт, беру мел, с мелом Бог владеет.

— Почему наш не едет на фронт? — Потому что к нему фронт сам.

— Если Н. Н. велит стрелять в меня, будете? — Никак нет... — Почему же не будете? — Снарядов нет.

— Нашему дают деньги, а Вильгельму не дают, потому что Вильгельм берет и не отдает, а наш берет и всегда назад отдает.

14 Февраля. — Февраль бокогрей (на солнце бока греют).

Началась чистая сказка света. Это утро прекрасное, и уже светло и так светло, будто для нас задумано что-то хорошее. Ты спишь, а они там сговариваются: пусть он спит, а мы ему такую штуку приготовим, обрадуется!

— Ну, какую же вы штуку приготовили, показывайте, скорее показывайте.

Когда я вошел в кабинет директора банка, раздался невероятный, нечеловеческий хохот и я остановился на пороге: хохотал городской голова, а директор банка, его товарищ с членом учетного комитета все сидели почти серьезные. Наш городской голова хохочет необыкновенно: багровые щеки его морщатся так же, как у собаки нос, когда она смеется, седые зубчики волос на низком лбу достают бровей, глаза исчезают, показываются белые, как слоновые, зубы и звуки изо рта вылетают нечеловеческие, как у обезьян каких-нибудь в австралийском лесу. Главное: смех этот, независимый для себя, знать никого не хочет.

— Не может быть! — говорит член учетного комитета.

— Ей-богу, высидел! — сквозь смех сказал городской голова.

Мне объяснили: городской голова будто бы посадил индюка на куриные яйца, индюк сел на них и высидел кур и потом любовно водил за собой все лето цыплят.

— Что высидел, я понимаю, но чтобы водил.

— Ей-богу водил!

И опять захохотал надолго по-австралийски. Когда смех стал опадать, и глазки головы стали показываться, и что-то увидели в незакрытую мною дверь, он вдруг сорвался со своего места и бросился бежать во весь дух. — Держите, держите его! — кричал городской голова на весь банк. И, догнав какого-то уходившего из банка господина в бобровой шубе, стал с ним лобызаться.

В это время мне представилось, будто и я бегу за головой куда-то далеко по всему городу и настигаю, настигаю и уж готов схватить его, как вдруг нашел необыкновенно высокое австралийское дерево с совершенно голым стволом, и голова вдруг по дереву наверх, и там из листьев раздался надо мной его хохот:

— Что поймал, что достал?

Когда у нас желают повеселее провести время за чаем, то начинают обыкновенно рассказывать что-нибудь о городском голове. Стоит одному начать, как другой продолжает и так каждый скажет что-нибудь смешное о городском голове. Предмет насмешек его язык: «Не дражните меня ею!»

Когда скажешь в провинции, что в литературе есть такой спор о гоголевских типах, будто Гоголь силою своего дарования заставил верить в их существование, а на самом деле их никогда не было, то слушают в изумлении: чем занимаются теперь в литературе.

— Да они и сейчас все существуют и размножаются.

И если же скажешь: — А городской голова?

Внутренний немец в настоящее время...

Сидим в ресторане «Альпийская Роза» и выпиваем из кувшинчика, коснулись войны, а человек с фронта приехал.

— Ну, как дух?

— Дух чудесный!

— У болгар, говорят, скверный дух.

— А у немцев! У-у! Тут идея такая: перевести этого немца к черту совсем.

— Немца... а как же внутреннего.

— Внутренний тоже теперь безопасен: окружен, подобно внешнему, первая блокада прогрессивная, за блокадой следит демократия, за демократией следит народ, негде ему, носа теперь просунуть некуда.

Приезжал генерал с продажными звездами, обходил дома богатых купцов в сопровождении полиции и продавал звезды в пользу какого-то Петроградского благотворительного учреждения от 25 р. за звезду и выше — до тысячи. Диплом на право ношения звезды на груди генерал обещался дослать. Многие покупали звезды, одни по тщеславию, другие, чтобы отвязаться, у третьих было заведено, как покажется благотворитель-генерал — давать без прекосло-

вия, не раздумывая. Звезд купцы понакупили очень много, и генерал увез многие тысячи. И вскоре уже тому-другому приходят дипломы на право ношения звезды, как вдруг всех звездоносцев пригласили к судебному следователю, отобрали показания о благотворительном генерале и звезды стали отбирать назад.

— Что же, генерал был ненастоящий? — спросили звездоносцы.

— Нет, генерал был с полномочиями.

— В чем же дело?

— Дело в том, что денег-то он не довез.

— Зачем же тогда звезды отбирать?

— Так деньги же не дошли.

— Ну, что же, что не дошли: я же их заплатил. Или генерал без полномочий?

— Нет, генерал был с полномочиями — и так далее: про белого бычка.

10 Февраля. Пепел. Откровение снов. Пепельный город (Петербург), а в нем есть какая-то широкая улица к Неве, на этой улице много светлее и не так пепельно, и мостовая на ней не асфальтовая, а костяная, черными и белыми шашками, дома украшены статуями стариков в черном, юношей и девушек в белом. И будто бы улица эта мне знакома давно и не раз я проходил по ней к одному дому. Там, в этом доме я не раз будто бы и бывал, но только тайно. А теперь я открыто вхожу и меня встречает открыто она, к которой я тогда пробирался только тайно: она теперь пепельная, волосы с проседью. Мы с ней долго говорим о чем-то совсем нам постороннем, и сил не хватает ни у меня, ни у нее вспомнить о старом. И вот ее комната, куда она почему-то пошла сейчас умываться, я один остаюсь и, глядя на комнату, думаю: но если бы тогда, тогда я мог так свободно войти в ее комнату. Боже, какая цена, какая жизнь! нет, я и сейчас ей скажу, я напомню ей старое, сейчас она войдет и я начну...

(Переживание во сне того момента действительности, когда с раскаленным воображением, прибежав на свидание,

вижу ее, целую и чувствую, что это не она, не та, но заставляю себя верить, что это та, это она).

Иконографический сюжет: Сер. Вас. Кожухов — лицом совершенно икона и в то же время человека может без рубашки оставить. Явился к губернатору с подрядом сапоги доставлять на армию. Вошел и прямо стал молиться... Понравился этим. Устроил, закончил. Нет еще, — говорит, — не закончено. — Как? — Помолимся! Стал к иконе и стал молиться, и губернатор стал за ним и тоже стал молиться. И так долго стояли. Один из непременных членов вошел, было, и остановился в дверях: видит, старик молится и за ним стоит губернатор. Так он достиг того, что товар его не подлежал секвестру, и благодаря этому он мог продавать по огромной цене свой товар, ничего не дав армии.

А то сделает так при договоре: когда бумага подписана, вспомнит, что денег в кармане нет, не переписывать бумагу, даст расписку, а потом не отдает.

Открытый жулик. Васильев-комиссионер: я медник, без меня не спаяете.

Селиверст — леший из Ивановки, веселый, со слезой... у него большая родня: матка 90 лет и самая младшая — барышня. Грабят всей родней. А та часть деревни Ивановки, где он живет, называется «Тула» — со всей Тулой грабить является. Всё грабят: борону изрубили и зубья за икону спрятали.

Родная кровь! — когда я вошел меня приветствовали: это не барин, это родная кровь!

Маклер Мих. Мих. Ростовцев, не лишенный движения чувств, елецкий.

Сравнить жулье еврейское и русское.

Анекдот: на том свете спрашивают русского солдата при входе в рай, как умер. — Убит на войне. — Проходи! — За русским входит француз. — Как умер? — Убит на войне. — Врешь, у вас без перемен! — и прогнали.

15 Февраля. Если Вы на рынок выносите то, что обыкновенно люди не продают, то за эту диковину дают вам высшую цену. Но как только непродаваемое стало производиться на рынок — цена ему истинная — грош. Вот почему так много талантливо начинающих и мало настоящих, до смерти поэтов.

16 Февраля. Ивановское жулье. Деревня Ивановка, а та часть ее, где живут главные воры и все поголовно жулье, почему-то называется Тула. И в этой Туле все ворованное, все со стороны, а от себя живет только курица.

— Ищу человека, чтобы сделал дело по совести.

— Не верю в существование такого человека!

Излукавились люди в отношениях до полного истощения.

Любовь одна: к семье, к обществу, человеку, Богу: это чувство.

22 Февраля. Вода, вода! Снег рассыпчатый, снег без осадки, ступишь и провалишься до земли. Прилетели скворцы. Вода пошла через плотину. Спешите прокопать спуск. Послали в починку плуги и сохи. Стали наседки квохтать.

1-й день поста. Грустный понедельник.

Разобрать бы хорошо: почему русский человек, каждый в отдельности — жулик, вор, пьяница, вместе взятый становится героем. И куда, например, годится хромоногий Евтюха в миру?

Кто-то из иностранцев сказал, что Россия не управляется, а держится глыбой.

23 Февраля. Изменится наша жизнь, если изменятся люди. Дело, которое делается обывателем в настоящее время, похоже на охоту или на картежную игру. Живет он, собственно, в своей семье, а выходит на улицу поживиться. И общественное дело он делает, как свое охотничье. У [него] нет интереса ни к чему, если в том нельзя поживиться. И души этих законченных людей невозможно изменить ни-

какими законами. Нужно к их делу допустить других людей с чувством общественности, тогда все изменится.

Нужно так изучить местную жизнь, чтобы сказать определенно: каких именно людей можно допустить, сколько их — для деревни и для города.

За настоящую жизнь эту жизнь в провинции никто не считает, а как бы за переходное состояние. И делаются дела здесь как бы украдкой: сделали — ладно! и там как бы ни сделал, здесь свидетеля нет, да и так здесь, на черном ходу полагается: вот, мол, пройдет война, и выйдем в гостиную, там будет все по-другому.

В этой войне мерятся между собой две силы: сила сознательности человека и сила бессознательного. Мы русские — сила бессознательная, и вещи наши на место не расставлены. Когда нам улыбается счастье, мы готовы верить в свое бессознательное, когда неудача, мы взываем к порядку: нет порядка, значит, нет сознания.

NB. Наша радость бессознательная: подымаются неведомые края и срединные лоскуты нашей земли — так страна [получает] незаслуженное? А может быть, и заслуженное: кто оценил, кто знал цену пролитых в юности слез над этими печальными полями.

А то радость порядка, радость и сила чисто выметенного двора, оглянулся — двор выметен: радость. Иногда завидуешь немцам: за что им дана эта радость порядка, чем они эту радость заслужили? Всматриваемся — ничем, они пропустили наше мучение и прямо перешли к достижению... и не хочется взять это и перейти к этому из-за скуки.

Так все сложно, так редко сияет то, из-за чего стоит хлопотать, выметать — а у них поставлено.

В конце концов: мы заслужим порядок, закон, мы поставим вещи на свое место, а немцы потеряют это, но зато получат вкус и радость глубины, потому что счастье и несчастье только две меры жизни, одна в ширину, другая в глубину.

25 Февраля. Нищета и нищие — все равно, что раненые, изуродованные в том единственном великом сражении.

Словом, нужно обыкновенную жизнь представить себе, как сражение (последствие войны). Так, например, было это настроение на войне: и он бежал с войны, но бежать было некуда, везде ему казалась война и даже та война, которую он видел, только продолжение начатой ранее войны.

Крестьяне, даже мои, например, крестьяне не хотят мне платить оброка. У Лескова в одном романе есть такой разговор: «Вероятно, в том выгоды не находят, — ответил хозяин. — Но что же делать, однако, должны мы помещики? Ведь нам же нужно жить? — А они, я слышал, совсем не находят в этом никакой надобности, — спокойно ответил хозяин». Так разговаривают помещики у Лескова.

Замените слово «оброк» «арендой», и вы с этим разговором смело можете входить в современную усадьбу.

Мы сидим за вечерним чаем, входит прислуга и говорит:

— Вас велели!

— Кто? — спрашивает хозяин.

— Мужики велели.

Такое нынче выражение: «мужики велели».

Хозяин выходит к мужикам и через полчаса возвращается расстроенный:

— Какую штуку проделали: не хотят платить аренды.

— Вероятно, не находят в том выгоды, — ответили мы.

— Помилуйте: пить перестали, казенные пайки, урожай, высокие цены — вся жизнь у мужика и не платят. Что же вы нам прикажете делать, ведь нам нужно жить?

— А они не находят в том надобности.

Через некоторое время после ухода бастующих крестьян прислуга опять докладывает:

— Вас велели!

— Кто?

В этот раз прислуга поименно перечисляет пять богатых мужиков. И через несколько минут вопрос о дальнейшей жизни помещика в усадьбе решается: богатые мужики готовы взять в аренду и немедленно заплатить за то, что открывает общество.

Так наглядно показывается, что мужик обманывает различные и часто прямо противоположные группки деревен-

ского населения. У одних взяли на войну работников, у других семья держится — есть деньги и они могут продолжать эту тихую осаду имения, незаметное ее завоевание путем аренды. Вопрос об аренде благополучно решается. На остатке лучшей приусадебной десятины хозяин засеет потребительское. Зимнее хозяйство. Выписка семян: чечевица, горох, бобы. Перед домом цветы. Чечевицу старается невдалеке, за садом. Все повыдергают. Дома думали и вдруг — да перед домом. И хозяин совершенно забывает о цветах и продает свое первенство за чечевичную похлебку.

Сначала снимают отдаленные земли, потом эти земли продают арендаторам, в аренду сдают ближайшие поля и ближайшие продаются. Остается усадьба с прилегающим к ней огородом. И огород сдается. Сады везде сдаются. Оброк-аренда становится все меньше, меньше и, наконец, ясный вывод: молоко, масло дешевле купить в городе. Помещик продает усадьбу, покупает в городе домик и там тихо доживает свой век.

Так завязалась эта невидимая бескровная война в области сельского хозяйства.

1 Марта. Фацелия. Ехали мы с агрономом Зубрилиным осматривать клевера в Волоколамском уезде. Агроном Зубрилин, толстый и на вид жизнерадостный человек, восхищенно показывал мне клевера — цветущие, душистые. На помещичьей земле было целое необъятное поле клевера. На крестьянской — полосками. Мы задыхались от запаха клевера, такого сладкого, полного счастья, что становилось даже кисло во рту, и к этому запаху как будто чуть-чуть примешивался запах детской комнаты с пеленками.

И вдруг среди красного клевера показалось небольшое лиловое поле фацелии — медоносной травы. Странный цвет в наших полях... (пчеловоды... липовый сад).

Неожиданно спросил меня Зубрилин: «Сколько вам лет?» Я сказал. И он продолжает: «Теперь уже кончено: о н а...»

И вдруг зарыдал. Мы остановили лошадей. Он все продолжал рыдать. Сбегал кучер за водой. Он выпил, опра-

вился и стал говорить о какой-то сенокосилке новой конструкции.

Так это и кончилось, и прошло, и тайна этого толстого семейного человека, который хорошо устроился, чуть-чуть приворовывал, исчезла и осталась на лиловом поле фацелии среди душистых клеверов с их сладким запахом.

Зубрилин был весь, как природа; что там делается, то и у него: поставь ему под мышку барометр — можно бы узнавать погоду.

Милая Дуничка!

Поздравляю тебя с твоим большим праздником, думал поехать к тебе с Лидей, но тут скопились кой-какие дела по хозяйству, и мне хочется их переделать, чтобы, хотя на недельку, поехать в Москву.

Не было ни одной Евдокии (мартовской), чтобы я не вспоминал тебя, и каждый раз удивлялся себе, почему не пишу поздравление тебе с Ангелом.

2 Марта. Пройди по Руси, и русский народ ответит тебе душой, но пройди с душой страдающей только — и тогда ответит он на все сокровенные вопросы, о которых только думало человечество с начала сознания. Но если пойдешь за ответом по делу земному — великая откроется картина зла, царящего на Руси.

Семьи Лопатиных (дворяне) и Жаворонковых (купеческая) простейшие, жизнь их ладная — счастье. Игнатовы-Пришвины — стремление вдаль (индивидуализм).

В дворянстве (женились на родных) была бессознательно заложена мысль о родстве жениха и невесты (как у киргизов: «обещались родители поженить, когда жених и невеста были во чреве матери»). Система воспитания брачных людей.

5 Марта. Домучились мы с Ефросиньей Павловной до какой новости: нужно думать о другом так же, как о себе. Она говорит: «Вот как хорошо!» А у меня ядовитая мысль, не говорю

ли я так: «Думай, Ефросинья Павловна, о мне так же, как о себе». Не учу ли я этому христианству для собственной выгоды.

Все резче на небе звезда утренняя, и восток сильнее обозначается, а луна не гаснет, светит по-прежнему, видно только, как злые порывы ветра качают оголенные ветви сада, как, словно бабочки, летят последние листья.

Елец. Сколько же лет пройдет, пока волны общества размоют утес неограниченной власти — трудно сказать! Как в личной жизни, так и в общественной бывают разные столкновения, возникают вопросы, которые, как ни думай, все равно не одумаешь за свою жизнь, и решаются эти вопросы после и другими людьми.

Эти вопросы — наше духовное наследство грядущим поколениям.

6 Марта. Попался он как рыба в сеть: самолюбие и бьется, бьется, ищет выход в свободный мир.

У Е. П. полное истощение духа, болеет. Отпустить на поправку к матери?

7 Марта. Дезертир: бежал с войны, но места не было, где не было войны, и когда забрался в деревню, то стала жизнь казаться последствием великой войны и проч. (возвращение к дележу земли).

Уездное Замятина: это один из тех авторов, которые литературно приближаются к народу и так создают иллюзию... даже не иллюзию... а читатель знает, как предпосылку, что автор близок, но не хочет быть близким — это блестящая литературная гримаса... А в общем, у них: но чем ближе литературно, тем дальше жизнью (так у Ремизова).

9 Марта. Отправка вещей на пяти подводах. Утром морозы, днем навозные ручьи. Весь город — сплошная куча навоза и местами курится.

В ночь со среды на четверг — дождик. Мужики в город все едут «по последнему пути», говорят, что кое-где «просовчики».

В пятницу мороз, лошади проехали, но одна попала в просов, и другой ногой перебила себе жилу. Навозный город и чистые снежные поля.

В ночь на субботу ночевали на даче, был ливень, сверкала молния.

10 Марта. Тушинскому вору наш город низко поклонился и поднес ключи. За это потом в городе нашем было много повешено людей. Была некоторое время постоянная виселица.

Где вешали — там теперь молятся. На месте виселицы крест стоит, Семик — на Русальной неделе сходится сюда множество народа, и с незапамятных времен горел здесь неугасимый огонь — кто его поддерживал?

Неизвестная старушка ходила из Александровской слободы и поддерживала. После нее другая старушка неизвестная — так и горел огонек. Теперь огонек погас, а крест цел. Ходят молиться в Семик, но по-прежнему толпой.

13 Марта. Густой туман окутывал все содеянное за ночь, только к вечеру пояснело на месте заката, и пролетели два громадные хоровода гусей. Павел урвался, проехал по большой дороге в город и привез по последнему почту. Теперь мы отрезаны недели на три — вода!

12-го нанялись ко мне Павел с Фионой. Хотя и бестолково и суетно и это вечная война мелочей у женщин, но всетаки жизнь тут складывается в родных местах, будто старый дом перевезли на новое место, не рубится дом, а складывается. И путь идет по старому пути матери, ее волей.

На последнем зимнем пути лошадь попала ногой в глубокий просов и пока вытаскивала, другой ногой подбила бабку в этой завязшей ноге, ступила шаг, два и захромала, дальше больше и вовсе не может ступить на подбитую ногу... Где тут переехать верх, залитый водой, где тут вытянуть

сани на гору. Снег, как сахар моченый, только называется снег, а хуже воды. Глыба моченого сахара нависла над верхом, вот-вот повалится. Скифы помогают; разговор с ними: каких лошадей покупать, набор и проч.

Ранняя весна — какая-то нравственная чистка для города: город занавоженный, рыжий, навозу так много, что...

В какой тесноте живут здесь люди среди этих барских имений, только теперь стало заметно: теперь, когда сократили площадь посевов, меня везде преследуют крестьяне и приходят просить «полнивки» под овес... Как велика Россия! как общее не соответствует частному! По газетам сокращение посевов, здесь у нас ходят и просят «полнивки»! И как непрочно, безбожно: вообще мужик, а узнайте лично — какое житье их.

16 Марта. Размыло черную землю у нерадивых людей, треснула тучная земля глиняным оврагом от села до города. Разделил овраг поля и деревни. Дико, злобной гримасой отвечало поле с оврагом весенним мечтам о какой-то нетронутой жизни (здесь человек зарыл свой талант, и почему-то называют все такую жизнь свою Божьей)...

Лозинка бедная сама пробует все укрепиться на краю этого оврага, борется лет пять и потом падает при весеннем размыве в овраг и, повергнутая там, на дне оврага зеленеет еще одну весну.

Бедная! смотрю на тебя и кажется мне, что не ты, а моя собственная жизнь пропадает на краю земной трещины!

И опять этой весной я вижу новое дерево, на краю оврага, стоит, светится новой зеленью. Смотрю на тебя теперь, на твой зеленый свет, и кажется, будто и моя жизнь светится. И кажется мне, верность и постоянство мое и твое освободили из жизни тучной земли плененный в ней этот зеленый свет, и листьями радостью закрыли теперь для меня, а потом закроют для всех зияющую трещину родной земли.

И мне, как лозинке, в счастье было отведено малое место, и всю жизнь потом, как над оврагом в несчастье, мне суждено было вновь достигать своего счастья.

В этом отведен был мне такой маленький уголок, что о нем и говорить бы не следовало, но я постоянно думал о нем, и мало-помалу зеленые ветви закрыли овраг.

Ив. Мих., где клевер сеять. У Афанасия о рабочем. Узнать точно, что и в какое время делать весной. У Коли, что делать с сараями.

Сон: вот так и причинная связь! Никола Сидящий. И увидел он там стол, а за столом Бог сидит, и на столе, как стаканы, стоят причины всего, много всяких причин, и каждая сама в себе, как стакан с подстаканником, так и причина с подпричинником. И вот Никола Сидящий посылает на землю причину любви, она одна единая Причина Любви, но, странствуя, она меняет обстановку и мы, замечая обстановку и вещи, поглощенные любовными думами... множество видов любви на земле...

18 Марта. Дом и земля. Мужики и бабы. Мужик всегда в чем-то бабе мешает — беречь не может мужик, все вдовы у нас отлично устроились. И баба мешает в чем-то мужику, он проклинает «бабье». Из этого не выходит, что баба — материалистка, а мужик — идеалист. Совершив свой круг, он тоже показывается не хуже бабы материалистом: «земли!» — мужичье. Бабье — дом, мужичье — земля.

19 Марта. Рубили в роще деревья для сеней. Еще нет движения соков. Отчетливо видны на пнях годовые круги. Нашли тоненький круг, сосчитали 26-й — в 89 году и вспомнили голодный кукурузный год. Плохой был полеток (какой задастся полеток). Туманно, пасмурно с морозцем по ночам, не узнаешь, когда солнце восходит, когда садится, по воробьям узнаем, как заиграют — шабаш вечерней работе. Целый день на постройке, по хозяйству, вечером к 10-му часу, редко моргая, останавливаются глаза, как у детей, и неудержимо клонит ко сну. Тело живет, дух отдыхает.

20 Марта. Стало некуда путешествовать — везде война. А если и нет самой войны, тень от нее. Горький пишет, что у

нас нет энтузиазма в Скифии. Очаг мечты — душа личного человека.

21 Марта. После вчерашнего дождя ночного поля стали пестрые, где протаяло, вязнет нога по ступню, на полях табунами летают грачи и галки, грачи погракивают, галки покликивают — клик, клик! В лесах и на валах — снега. Ждем мороза — клевер сеять.

Общие числа в России как будто не имеют никакого отношения в жизни личной, это самое трудное для изучающего Россию англичанина. После этого случая у меня как-то руки опустились. Ну, как тут поступить в общество, в это общество я не поступил и из-за сахара... и я выдумал себе мед вместо сахара. — Не выкидывает? — спросил батюшка. Я догадался: по мнению многих от меда на тело «выкидывает» прыщи. — Нет, — говорю — ничего, не выкидывает. Батюшка мою пассивность не одобрил, да я и сам не одобряю: это не принцип, это просто лень. А может быть и потребность не такая серьезная: утренний кофе я заменил теплым молоком с булкой и скоро к этому привык, после обеда медом, жить вполне можно. Многие крестьяне у нас вовсе не пьют чаю, а те, кто пьет, опять-таки это не самое же главное. Вот городское мещанство, городская беднота — это другое дело, там народ «чаевой», с кусочком сахара он пьет десять стаканов горячего чаю, с чаем ест хлеб и это все его питание. Стыд и срам: на днях я почти целую версту ехал этим мещанским сахарным хвостом с полной тележкой сахара, всматривался в эти бледные измученные лица и не раздал, не раздал. Это вышло совсем случайно, упало как снег на голову, я получил повестку от с. х. общества, что на мое имя оставлено пять пудов сахара! Еду в город получать сахар, все еще не верю счастью. Плохо стало жить: пришел в гости батюшка, большой любитель чайку попить, а у меня вместо сахара мед. И какая дрянь мед! по доверию к пчеловоду я не пошел смотреть, как он его «спускает», и он спустил мне в мед всякой дряни, с червой, с хлебушком, прибавил муки, воды, патоки. Эту сладко-горькую зеленоватую жидкость он

продал мне по сорок копеек за фунт, и вот уже месяца полтора я питаюсь этой гадостью. А сахару ни кусочка, ни зернышка песку; о варенье и говорить нечего — смородина, крыжовник, вишни, земляника и клубника так прошли. Батюшка попробовал меду, поморщился и не то с сожалением, не то с оттенком презрения к моей бесхозяйственности, спросил: — Ну, почему же вы не запасетесь сахаром? — Где? Как? — Вам везде можно. В потребилке. — Знать не хочу вашу потребилку.

Не хочу поступать в члены общества из-за сахара, не хочу за пятирублевый взнос переходить в другой класс общества, отличный от простого народа, за пять рублей получать возможность шушукаться с членами правления, получать количество сахара почти прямо пропорциональное количеству десятин и связанным с этим моим значением, не хочу со своим пудом в тележке проезжать через толпу ожидающих возле потребилки не-членов... Если бы кооператив, а то потребилка.

Раз я сунулся в потребилку, потому что в городе мне сказали, что я, как сельский житель, должен получать сахар в местном кооперативе. Обыкновенная толпа чающих стояла перед потребительской избой, в толпе спорили два мужика: один нечлен «чистил» члена правления всякими нехорошими словами, а тот успокаивал его, оглаживая ласковыми словами:

— Не горячись, милый, не горячись: нужно уметь лавировать собой.

— Черт ты немазаный, скажи ты мне, член ты или нечлен? — Член правления, старый член-перечлен. — Почему же ты, член-перечлен, допускаешь такие безобразия.Следуют перечисления безобразий, их множество, всех я не упомню, но главное, что местный крупный землевладелец получил не в пример другим 16 пудов сахару, а самое главное, что теперь все члены, всякий русский человек нуждается, должен быть членом бесплатно. — Не горячись, не горячись, — уговаривал член правления, — нужно уметь лавировать собою... — Лавировать, лавировать, а сам... ам! Во время спора вышла барыня с мешком сахара, бабы кинулись на нее. — Шляпу, шляпу с нее сдирай! Едва, едва барыня отбилась и, взволнованная, раскрасневшаяся в негодовании укатила в тележке свой сахар. — Ну, смотрите! — ответил батюшка.

И действительно, вскоре на всех начало сказываться вредное действие меда. В это время, когда мы сидели и без сахара и без меда, приехала из Калужской губернии племянница и привезла 0,8 фунта песку. Она приехала как будто из другой страны: в Калужской губернии, оказывается, введена карточная система и каждый получает 0,8 ф. песку в месяц, то, о чем мы мечтали, ссылаясь на Германию. Племянница рассказывает, что в фунте песку содержится 54 чайных ложечки, что в стакан требуется около 2 ложечек, значит 0,8 ф. не хватает, даже если пить по одному стакану в день. Но калужцы отлично приспособились: они варят песок с молоком до большой густоты, полученную довольно обширную массу разрубают на кусочки и получают очень серый кусковой сахар. Племянница тут же и проделала все это варево и наделила всю нашу семью твердыми тянучками. (Целую жизнь мы потом подбирали сахар.)

Воздав должную похвалу Калужской карточной системе, мы принялись пить чай, но как ни ухитрялись, 0,8 фунта на всю семью хватило всего на неделю, и мы снова остались без сахару.

Когда кончился сахар, она же, калужская племянница, научила. Утренний кофе мы заменили горячим молоком с булкой, вечерний чай пили, как говорила племянница, «по-аристократически» без сахара: она уверяла нас, что в высшем обществе пьют чай всегда без сахара, используя аромат его... вполне... как китайцы. В это время я получаю из сельскохозяйственного общества, где я давно состою членом, бумагу, и в ней обыкновенными буквами написано, что написано! что будто бы на мое имя в обществе оставлено пять пудов сахару! В семье переполох, недоверчивая радость, торопливость, скорей, скорей ехать!

Огромный хвост встретил меня в городе, хвост сахарный тянулся от Мясных рядов через всю (Успенскую улицу) и до самого Рыбьего базара — не меньше версты. Бледные лица заморенной городской бедноты под непрерывным окладным дождем казались еще бледнее, но стояли настойчиво... очевидно, без всякой надежды получить. Выдавали в чайном магазине по два фунта песку. Ни дворянин, ни крестьянин не поймут. Нужно знать жизнь всей этой мещанской бедноты города, чтобы понять этот хвост, эту настой-

чивость, эту потерю времени. В деревне крестьяне не так потребляют чай. Чаевой народ... Какая-то сила...

Как я мог думать, проезжая сахарным хвостом, что я, через несколько минут буду этим же хвостом везти нагруженную тележку с сахаром — я стал в этом сомневаться. В общем, когда я вошел, барыни стали шушукаться, и мне казалось, что у них какой-то тайный заговор. Может быть, они шушукались о своих домашних делах, но я думал, что о сахаре. В обществе не было приказчика, и я должен был сам вынести все пять пудов сахару. Когда я укладывал, мне казалось, что из всех домов смотрят на меня. И когда, укрыв сахар хорошо брезентом, тронулся в путь вдоль сахарного хвоста, мне казалось, я вор, я украл и вот, вот крикнет кто-нибудь «караул». И дома не было успокоения: дома украдкой от прислуги — разнесется молва.

В обществе мне сказали, что это не все, на днях придет еще вагон, и я получу еще пять пудов, снова я казался... Только уж когда я уехал домой: удачная охота.

Но как-то совестно... Меня уверяют, что эти мои преимущества, потому что я — член общества и принадлежу к организованный России, что если бы все сделались членами разных обществ и все получили бы. Все это, конечно, неправда. В военное время мы все — равноправные члены общества и все должны получать одинаково. Необходимо ради выгоды во времени ввести карточную систему повсеместно по всей России.

30 Марта. Боялись, что не будет утренника, и вдруг зима с метелью, ветрами морозами. На третий день северный ветер повернул на восток, на четвертый подул западный, стало мягчить, но земля еще не оттаяла, и мы успели посеять клевер. Утром поле было еще покрыто снегом, клевер падал и утыкался в снег, как дробинки. В полдень весь снег исчез и все поле было покрыто ровно клеверными крупинками.

Ход весны: в Феврале долго без оттепелей стояли ясные морозные дни, не было оттепелей всю зиму, снег лежал без осадков, не было и очень сильных морозов, кроме недель двух перед самым Рождеством. В Феврале все такие морозные дни чередовались с сильными метелями, которые совершенно за-

валили снегом нашу усадьбу. Как будто не в силах справиться с зимой штурмом метелей во второй половине началась правильная осада зимы: в полдень рушились намерзшие за вечер и уже блестящие февральские сосульки. 12 или 13-го марта, на другой день после нашего переезда, эта осада, казалось, была законченной и начался, казалось, небывало дружный штурм весны: молния сверкала без грома, прилетели все птицы, сбежали верхи, показалась острая как игла трава из-под снега, и выросла крапива под окном. Благовещение — теплый день, в тени доходило до 12-ти, санный путь прекратился совершенно, стали думать о посеве овса. Как вдруг вечером 25-го задул северный ветер, ночью при морозе пошел снег, и утром лежал снег при морозе в 6° и сильном холодном ветре — санный путь восстановился, Благовещение переездили. 28-го ветер переменился на восточный, 29-го на западный, 30-го на юго-восток, в ночь под 31-е буря и дождь... природа: путешествие на месте.

23 Апреля.

— Вильгельм — умнейшая голова! Из-за чего, говорит, мы воюем — из-за вашей земли? Плевать на вашу землю. Мы воюем, чтобы на земле был один царь.

— Чей же царь?

— Все едино чей, только бы один.

— Умнейшая голова!

— Сказывают, правда ли, что он из купцов?

24 Апреля.

— Вильгельм хочет, вы знаете, чего он хочет? вы думаете, он так воюет, подико-ся так! нет он не так, Вильгельм хочет по всей земле одного царя поставить, чтобы один царь был на земле и никаких!

— А ежели его не пожелают?

— Ну, что же: он-то необязательно, чтобы себя или немца какого, а кому придется, а может, очередь будет, только чтобы один царь был на земле и никаких!

— Умнейшая голова!

— Да, еще какая умнейшая-то!

— А правда ли, сказывают, он из купцов вышел?

— Как из купцов?

— Да так: не как прочие из принцев там или из дворян, а из купеческого сословия продрался и вышел в цари?

— Умнейшая голова!

— Одно слово немец — немец.

— А что, правда это, немец обезьянку к пулемету приладил?

Так мирно беседуют плотники во время завтрака, и вдруг пронзительный радостный крик:

— Мир заключен, мир заключен!

Я знаю, в чем дело: вчера дети поссорились между собой за лозиновые свистки, весь день ходили надутые, а я склонял их к миру, и они обещали мне мир на следующий день. Они кричат: «Мир заключен!» и эти неграмотные плотники, большие бородатые дети на одну минуту верят, что настоящий мир заключен. Радость тронула нежданно: вот отсрочили набор до 15 мая, много ли их тут, пять, шесть человек, и вот одному из них это большая радость. А тут: мир заключен!

Потом посмеялись, но на несколько секунд можно было видеть по этим людям, что значит мир!

В имении, где я живу, дубовый лесок продается, и хозяйка время от времени как женихов принимает купцов.

— Кому живется на Руси, какому сословию? Все сословия отличаются. Богач богатеет.

26 Апреля. Спор в гостиной: побогател мужик или победнел. Основная ошибка состоит в следующем: человек, желающий сделать вывод, берет людей с христианскими именами Иван, Петр, Михаил, складывает их и получается столько-то мужиков и потом мужика среднего, о котором говорят, уже не упоминая его христианского имени. Если я прихожу в незнакомую деревню, ищу себе приюта в крестьянской семье, то сколько я делаю усилий, чтобы сойтись с людьми, зарекомендовать себя, познакомиться. Но приезжий чиновник имеет дело с отвлеченным средним мужи-

ком. Общество живет одной жизнью, государство другой. И власть государства над обществом происходит именно через эти средние числа — кто-то в среднем числе убавляется, приносится в жертву. И оттого человек, названный при крещении Иоанном, никогда не узнает в себе создателя Российской империи и создатель империи никогда не увидит в себе Иоанна.

27 Апреля. Май начался в апреле: цвела черемуха, сеяли просо, сажали картошку, все в апреле и считали это время за май.

Не то что, как говорят, «коллектив», которому немцы все приносят в жертву, нам страшно это общечеловеческое, и даже не то, что немцы превыше всего ставят свой немецкий коллектив — тоже это обыкновенное, но чужд, ненавистен и страшен для нас их путь, их насильственно-разумный переход от «моего» к «нашему» — нам не нравится тон их «сознательности».

Настоящая сознательность — лично мною найденный переход от личного к общему, от моего хутора ко всем хуторам.

Характерная черта простого народа в России теперь — претензия, малограмотный человек оказывает претензию.

Вот если у кого есть возможность и верный глаз, хорошо бы понаблюдать иностранцев-пленных не в казармах, а в нашем быту. Это поистине новое, небывалое: сотни тысяч этих людей не как варяги, признанные властвовать, а в рабском виде совершают свой крестный путь на Руси.

Чужой, свободный от наших обид и наших привязанностей глаз, но с тем же нашим полным опытом, смотрит теперь на всю Русь от Польши до Владивостока — что они увидят, что они скажут?

Не берусь обсуждать эту тему, но у меня, как и у всякого теперь, есть свои личные впечатления. Помню, этой зимой едем мы с двумя землевладельцами, один из них оседлый,

живет у себя в имении, другой имеет в городе магазин, а в имение только наезжает. На козлах сидит австриец Автонас, которого здесь называют Афанасием. Я задал несколько вопросов этому Афанасию о его положении, стараясь хоть как-нибудь соприкоснуться с душой этого непонятного человека. Пока я расспрашивал, между хозяевами завязался отчаянный спор о труде военнопленных, оседлый помещик доказывал, что русские рабочие никуда не годятся в сравнении с иностранными, что только благодаря им он убрал свой урожай. Кочевой помещик, напротив, ругательски ругался. Спор был отчаянный, ничего нельзя было разобрать, но после я собрал сведения о хозяйстве того и другого помещика. Оседлый помещик лично сам выбрал себе пленных и сам распоряжался их работами. Все отлично работали, только два почему-то все отставали. Стали их расспрашивать, чем они занимались на родине: один оказался садовником, другой парикмахером. Садовнику дали сад и, уж это я лично от многих слышал этой осенью, во что превратился этот сад через год, какие там цветы, овощи, фрукты, все говорят: «нечто небывалое». С парикмахером долго не знали что делать, но потом само собой вышло, что ходить ему за лошадьми и, говорят, он это дело выполнял, очень исправно.

Совсем другое дело в хозяйстве помещика кочевого. Тот вызвал австрийцев по телефону, человек пятнадцать чехов, кафешантанных музыкантов, кажется, даже всех из одной капеллы. Можно себе представить, что из этого вышло! Так что популярный очень среди помещиков вопрос о качестве труда военнопленных, по-моему, решается просто качеством самого хозяина.

Наслышались мы, что пленных нужно как-то особенно не по-нашему хорошо кормить. Многие мои знакомые только из-за этого избегают брать к себе пленных, да и правда както совестно поселить человека иностранного в людской, заставить спать его на соломе возле телят и овец, да и многое такое, с чем русский человек вполне сроднился и не замечает неудобств, а иностранец возопиет. На этой почве есть у нас примеры отвратительные: верст за пятнадцать от нас одна Ко-

робочка завела себе рабочих-австрийцев; иностранцев она поселила у себя в доме и кормит их чуть ли не с барского стола, а своих русских рабочих держит в людской и кормит их солониной из вонючих овечьих... И в обращении ее с иностранцами и русскими, и в пище, и в жилище контраст...

Выходит, что выгоды оно нам никакой не дает, но у них и у меня есть лошади, кое-какие машины, кое-какой скот, земля своя.

Когда-то мы землю, эту же землю отдавали в аренду зимой: зимой арендная плата была пять рублей, и убирали за нас десятину. Теперь эта же десятина обходится пятьдесят пять рублей!

Неимоверно вздорожал черный труд, цена его с года на год готова поглотить и ренту, и проценты на капитал. К добру это или ко злу?

Наше хозяйство окружено несколькими деревнями, населенными людьми в земледельческом смысле почти что нищими: у них полевой земли на душу приходится по полдесятины, которая, конечно, даже не может их прокормить. Неизбежно им приходится у помещиков землю арендовать. Но помещик не отдает им землю за деньги: часть он берет деньгами, а другую платит трудом, обрабатывая землю в пользу помещика. Так было прошлый год и за десятину ценой в 25 руб. они платили по 17 руб. деньгами, а за остальные 8 рублей они должны совершенно убрать одну помещичью десятину.

В ужасающем росте цен есть что-то роковое, висящее над головой.

Картина на постоялом дворе — на карту: покажи мне Россию.

Строим дом, вернее, не строим, а складываем старый дом на новое место. Плотники — люди забракованные: у одного на коленке шишка в кулак, у другого золотуха, у третьего шея кривая, плотники — люди для войны негодные.

Чужие деньги.

— Негодяи мы! — говорят они. «Негодяи» каждый месяц поднимают плату за свой труд и теперь уже получают вдвое против осени. Подрядились у меня по контракту, мы в постоянной боязни, что они откажутся от подряда, я сам, как только слышу о повышении заработной платы, предлагаю изменить договор.

Так кто видит это необычайное явление — постройку дома во время войны, выражают мне сочувствие, сожаление:

— Почем гвозди?

— Сорок копеек фунт!

Месяц тому назад они были тридцать, еще месяц — двадцать. Сочувствие, сожаление возрастают до очень больших размеров, но это не мешает «негодяям» через месяц опять повышать плату. У них свои аргументы: есть земля, вспахать теперь стоит пятьдесят копеек сажень, значит, десятина тридцать рублей, только вспахать!

...необыкновенное положение через пленного... И чуть заведешь речь о войне, он начинает расспрашивать про Боснию и Герцеговину — родину пленного. Так прошло месяца два...

Однажды я разговорился с этим пленным: оказалось, он прекрасно говорит по-немецки и еще на двух языках, он человек по-нашему образованный: шесть лет Volksschule* и, кроме того, он еще учился железнодорожному делу.

Спросил я, не через силу ли он работает. — Нет, — говорит, — не через силу, если бы не грязь и неудобства — хоть бы раз поспать на постели.

Ужасна кажется ему жизнь этих бедных людей, их неумение, применение силы там, где нужно подумать. Но все искупается тем почти родственным к нему отношением: «ни за что я бы не бросил моего хозяина».

1 Мая. Первое мая с утра ходили облака, и мы загадывали, будет или не будет дождь: нужно было крышу покрасить и повещать народ на дрань — dранье коры. После обеда хорошо обозначилось, что обстоится, и стало холо-

---

* Народной школы (*нем.*)

деть. К вечеру стало совсем холодно, и на случай закрыли соломой огурцы. Ночью при месяце грянул мороз, и утром на безоблачном небе солнце при полном пении всех птиц осветило белые, убитые морозом, цветущие сады.

Константин говорит: Михаил Михайлович, война, я так думаю, разбой, а царей считаю за разбойников.

— А подчиняетесь?

— Подчиняюсь: что же я сделаю?

— Не идти, не признаю, мол, войны и не пойду.

— Ну, расстреляют.

— Скажи: стреляйте!

— Зачем же я позорной смертью умирать буду, лучше, пусть на фронте убьют меня, а то, что же я скажу: стреляйте меня! — это позор.

4 Мая. Печник говорил плотнику:

— Друг, будешь на ярмарке покупать себе поросят, прихвати мне одного, какая цена?

— Двадцать пять.

— За одного?

Из глубины подвала слышится голос копача:

— Ерманец, идол, что наработал: поросенок двадцать пять рублей!

— Ну, что ж двадцать пять, — говорит городской печник, — нам в городе это трудно, а ты откормишь — продашь свинью за двести рублей.

— Ты, друг, обалдел, какой же крестьянин станет есть свинью в триста рублей; все свиньи ваши в городе будут.

Спор начинается: мещанин доказывает, что ему невозможно (съесть дорогую свинью), крестьянин то же доказывает, а копач высунул голову из подвала, спрашивает:

— Кому же достанется свинья? Ах, ерманец, сукин сын, что наработал!

Плотник в нерешительности покупать или не покупать, а ему подсказывают одни: «Купи за двадцать пять, через месяц продашь за пятьдесят». Другие: «Подожди, может быть, замирятся».

— Ну, когда это? Они никогда не замирятся, сказывают, так и будет.

— Ну, всему бывает конец!

Цена — счет времени. Счет времени и страх, что нет оправдания этому быстрому движению. Часы и цены: мертвый механизм и живой счет.

Сидит плотник и не может решиться: время такое, что нужен расчет. Мы теперь будто в Америке — время совсем другое, быстрое. Рост цены и страх перед ней, страх перед быстрыми темпами жизни: как бы не отстать.

Осенью мы задумали выстроить дом и, предвидя рост цен на материалы, закупали зимой железо, кирпич, известь, цемент, тес, доски, краску, гвозди и другие строительные материалы. Были призваны все подрядчики, у них были вытребованы точные сметы, заключены условия. Весной в полной уверенности, что все обстоит благоприятно, начали это странное дело: постройку дома во время войны при ежедневном взрастании цен. Время разбило все наши договоры: по осенней цене работать никто не хотел, и жаловаться было некому. Но работники все были хорошие, все уладилось. Только это умирилось, новая беда: кровельщик ошибся в железе, а тот кончик, который ему не хватал, по новой цене почти равнялся всему закупленному осенью железу, плотник почти наполовину ошибся в гвоздях, покупали их осенью по 15 к., теперь по 40, ошибся в тесе; даже печник, знаменитый наш мастер, сделал громадную ошибку в кирпичах — все это бьет, бьет ежедневно, доказывая нелепость строительства во время войны, показываются какие-то люди, подходят и выражают свое сожаление...

— Еще не хватает снарядов! — говорит сестра печника.

Еще ошибка на тысячу кирпичей, что делать — но сердиться бесполезно.

— Дмитрий Иванович, почему нельзя высчитать, сколько нужно кирпичей на печи!

— Невозможно, — ответил печник, — печь, вы знаете, дело такое неверное, на каждой печи учимся.

— А если вам сделать вперед на бумаге, составить проект, вычислить и рассчитать.

— Рассчитать невозможно!

Долго спорим, доказываю с карандашом на бумаге, как делать план, чертежи. Прижатый к стене печник мало-помалу даже согласится.

— Нет, Дмитрий Иваныч, вы виноваты!

Но он собирается с духом:

— Так работать, как вы говорите, по нутру с холодной душой.

— Горячая печь с холодной душой!

— Да-с, горячая печь с холодной душой не работает, от этого увольте.

— Господь с вами, я вас не увольняю, но ведь сами же вы говорите, что не хватает снарядов.

И мы переходим к войне, что и на войне у них от этой самой причины не хватает снарядов. Тогда принимается всеобщее осуждение своего, какое-то уничижение.

И нехотя, а растет! война все мирит, а трава, озимь, яровые так растут, так цветут сады, так счастливо полно насыщен теплом и влагой воздух, земля — какое счастье, какая сила! и правда, может быть, нехотя, а так все растет! И не хочешь с короткими хозяйственными мыслями выходить в поле, а возвращаешься, исполненный радости, которая не считается с мыслями. Сидя на месте, поневоле недалеко видишь вокруг себя, но то, что видишь, дает уверенность, что и везде так хорошо растет, как в центре черноземного края. Давно посеян клевер, потом овес, картофель, свекла, просо, теперь только кое-где у крестьян досаживают картошку, еще через неделю все везде с посевом будет закончено.

5 Мая. Давно посеяли клевер, овес, картофель, свеклу, просо, теперь кое-где у крестьян досаживают картошку, еще через неделю с посевом все будет кончено.

Нехотя, а растет, и с поля возвращаешься, исполненный радостью, которая не считается с мыслями, радостью, насыщенной влагой теплой, пахучей, покрытой цветами земли.

Та простейшая радость здоровья, которую дает сельское хозяйство, несмотря на все бесчисленные заботы, ныне вовсе

отравлена. Радость всегда перемогает чувство одиночества и сопровождается верой, что не одному так, а и всем хорошо. А простейшая радость земледелия говорит тоже так: мне хорошо, значит, всем хорошо. И не видит, не считается с бедой других.

Но теперь перед каждым радостным — зеркало гаданий, и в нем отражается все одна и та же черная картина. В этом году в природе нашего края были удивительные совпадения с душой человека, и в прежнее время летописцы записали бы как знамения.

6 Мая. Прозрачная статья Милюкова... если верить Милюкову, то заграницей чуть ли не каждый участвующий в войне точно знает, почему и зачем мы воюем. Но это неверно. Как неверно то, что в факте смерти заканчивается для самого умирающего тот великий смысл, который мы, живущие, придаем смерти. Умирающий только вопит от боли, а сосед его учится в это время ценить ценить жизнь, и то, что он через зрелище смерти учится понимать ценность жизни, побуждает его величить смерть.

Людей благочестивых в России достаточно, но мало честных людей. Если вы приступаете к какому-нибудь делу и пожелаете найти честного помощника, вам скажут: «таких нет». Вы сомневаетесь: мало ли людей, которые служили бы по совести? Отвечают: не верю в существование такого человека!

— Честность, вытекающая из благочестия, как-то не имеет практической ценности, а честность, выгодная в самом малом количестве, обращается на рынке, она так же редка, как в провинции магазин с твердыми ценами. И русский человек такой честности не уважает и даже не признает, и в результате почти вовсе нет честных людей (честность — магазин с твердыми ценами).

К матери поплакаться и рассказать о себе (как заключенный в тюрьму), но почему же не Ему?

Чтобы принять Его, нужно домучиться до Него, и вот как ясно становится все: нужно думать о другом, как о себе.

Но непременно раньше война, перед этим война.

Теперь уж больше никогда не забывать этого вечера, и не забудешь.

Маша (есть такая нечаянная радость: по Маше добрались до Христа).

Объяснение — спасение: тот же бой, но уже в верхнем воздухе, так что объяснились и опять воюют, но уже видя себя. Условия объяснения: любовь к жизни, жалость к человеку, доверие (путь к счастью).

Хозяйство — школа ненависти и презрения к народу.

Стало много хуже в отношениях. Там жили мы где-то в лесу в стороне, здесь становимся в цепь семейных отношений. Там у меня живет добрая лесная баба, здесь злющая женщина. Там свободно, необязательно, как-нибудь, никто не увидит. Здесь необходимо основательно (дом!) и все на виду и как-то всей жизни конец. Строю дом и не совсем уверен, что в нем буду жить, налаживаю хозяйство для нее и не уверен, что она будет хозяйкой. И так в родное гнездо вхожу как бы против щетины, и она царапает и напоминает, что, может быть, незачем лезть туда. Утеха моя в этой жизни с ней, что свободен и с самого начала сказал (Леонтию), что не дом принимаю, а делаю опыт. И так всегда я это чувствовал и жил хорошо, потому что считал себя свободным. Теперь все лезет против моей природы. И не то что я устроюсь и буду здесь жить — так мне кажется внутри, — устрою их, а сам буду где-то жить.

Надо от Лиди отделиться. Сходить к Афанасию (о даче). У Ив. Мих., где клевер сеять. У Афанасия о рабочем. Узнать точно, что и в какое время делать весной. У Коли, что делать с сараями.

После бурь я извиняюсь всегда. Когда дело доходит до разрыва, то мне кажется, всякая моя жизнь оканчивается. Почему это? Вероятно, потому, что единственной... Боязнь нечистых связей: особая боязнь — болезнь.

Я не знаю ни одного общего числа, которое оказало бы мне пользу для исследования, наблюдения. Вот, например, усиленное развитие промышленности, бывшее до войны,

оно ничем не сказалось на людях того района, в котором я живу. Точно так же нынешнее развитие кооперативов — наша потребительская лавка едва влачит существование. Стремление к просвещению — наша деревня не выписывает ни одной газеты. Между тем как большое развитие промышленности — факт, как и нынешнее развитие кооперативов и стремление к просвещению. Мы, конечно, в центральном районе не исключение, Россия так громадна, что общее число у истоков своих теряет всякое значение, общее число живет одной жизнью, а, скажем, личное число — живет другой... Точно так же от непосредственного наблюдения к общему числу можно подойти, только подгоняя одно к другому, как делает большинство наших обозревателей. Непосредственное наблюдение не приводит к общему... это верно, уж это верно! Оно ведет мимо общего, прямо куда-то к абсолюту, к Божьему.

«Когда человек идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступает от него и начинает бросаться из стороны в сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест» (Амвросий).

Креста для человека Бог не творит. И как ни тяжел бывает у иного человека крест, который несет он в жизни, а все же дерево, из которого он сделан, вырастает на почве его сердца (собственное соображение).

9 Мая. — Не убьет — останусь в полку. Получу полковника, выйду в отставку и буду опять земским начальником: восемьдесят рублей будет идти за полковника, да жалованье земского начальника.

— Но, может быть, тогда не будет земских начальников?

— Ну, комиссары — не все ли равно?

Неудачное утро с клевером окончилось большой радостью: наконец-то пришли наниматься желанные плотники. Нанимая, мы спрашиваем с опаской:

— На войну идти?

— По 84-й статье! — отвечает первый.

Объясняет статью:

— Грызяк!

Другой по какой-то 62-й — золотуха, третий слаб головой, четвертый хром, пятый старик. И успокаивают:

— Мы все негодные, мы все негодяи!

Шестой пришел безрукий, потерял ее в Карпатском сражении, он пришел наниматься в караульщики сада.

— Как же ты будешь подпорки под яблони ставить? — спрашивают плотники.

— Ну, что ж!

— Левой?

— Ну, левой, а кончится война, может, приделают.

8 Июня. В жизни своей никогда не был председателем какого-нибудь общества, или какого-нибудь собрания. Всегда удивлялся, глядя на председателя, стараясь на всякий случай узнать его дело и мысленно представляя себя, но когда мне грозила опасность, что вот, вот сейчас выберут — все забывал. В минуту опасности выбора глупейшие вопросы казались мне неразрешимыми, например, что нужно вперед: позвонить и сказать «открываю собрание» или сначала открыть, а потом позвонить. И таких, как я людей, на Руси множество: конечно, мы можем быть отличными председателями, но какая-то... Словом, из всех невозможных для себя положений на первом плане я считаю присутствовать на собственном своем юбилее, а на втором быть председателем. И вот чего я всю жизнь боялся, то и случилось: меня выбрали в районные председатели комиссии с. х. переписи.

Я был в лесу, где под моим руководством работало больше ста человек. Почти каждый работавший целился запрятать в кусты и потом вечером стащить какую-нибудь для себя ценную вещь, и за сотней рабочих у меня должно было быть сто глаз. Вдруг один из мужичков подходит ко мне и передает пакет из волости.

— Намедни, — говорит, — старшина попросил: «будешь в лесу у него, передай», а я поехал в город корову продавать, так дня три и протаскал в портках.

В пакете была бумага, в которой было изложено, что по настоянию министра земледелия учреждается всероссийс-

кая с. х. перепись населения, за переписью будут наблюдать особые комиссии из уважаемых лиц, и я избираюсь председателем.

По хозяйству.

До свету ко мне постучали в окно.

— Мороз!

— Слава Богу!

Морозец славный, двенадцатый утренник. Клевер сеять!

Забыли приготовить соломы, которую разбрасывают обыкновенно (лешат) в поле, чтобы сеющий мог различить, где сеять. Пока ходили на гумно за соломой, пока мы шли на поле, взошло полное солнце, мороз скоро размяк, по бороздам потекли ручьи, нога стала глубоко утопать в озимь, сеять стало невозможно. Неудача расстроила и, как всегда при неудачах, показалось дурное нашего хозяйства: эти ручьи, текущие по бороздам на склонах постепенно переходят в овраги, по оврагам вода мчится в новые громадные овраги, сливается в могучие реки.

Преступное, ничем не зависимое нерадение. Размыло яркую богатейшую землю у ленивых сонных людей, треснула тучная земля глиняно-красным оврагом от села до города. Разделило поля и деревни. Дикой злобой, гримасой отвечает поле с оврагом, убивает весеннюю мечту.

И все из ничего: здесь, в центральном краю, мы страдаем от засухи, у нас не хватает влаги. То, что несется теперь с шумом, размывая поля, не действительная вода, а мираж, подобный миражам пустыни: вода пронесется, размоет поля, и мы снова засохнем.

Но все прекрасно, если только не хозяйствовать, а бросить все и странствовать: нигде нет на свете таких могучих полного звука колоколов, доносящихся к нам по разливу. Только бы не хозяйствовать.

Делать нечего. Возвращаемся с семенами клевера на двор, где плотники из старого здания делают новое. С плотниками беда, хоть близко не подходи: не считаю себя вправе отказать им спрашивать себя о газетных новостях, не могу удержаться, чтобы и не сказать им что-нибудь новое.

Каждый раз надеюсь, скоро отделаюсь, но где тут скоро отделаться!

Плотников пять человек, все бракованные, негодные. Так и нанимал:

— На войну идти?

— Никак нет: по 84-й статье.

— Грызяк!

Другой по 62-й: золотуха. Третий еще по какой-то статье, которые они знают превосходно.

Так по всем этим статьям у меня собрались все негодные.

— Все негодяи! — как они сами себя называют.

Как рабочие руки, так и «живой инвентарь»: мы покупаем и ценим теперь больше всего лошадей старых, или очень молодых: лошадь на пятом году, как известно, мобилизуется. Так и соображаем: кто смелый и надеется, что война за лето кончится, покупает четырехлетку, кто поосторожнее третьяка, но самое верное купить старую клячу, и клячи в цене.

С плотниками просто беда, хоть близко не подходи, сейчас же оставляют работу, закуривают цигарки и начинают расспрашивать о газетных новостях. Не могу и не считаю себя вправе в такое время отказать им, каждый раз надеюсь, что все кончу в минуту, но каждый раз объяснение мое осложняется.

9 Июня. За тылом. Есть фронт и есть тыл первый, потом второй, третий. А за последним тылом начинается мир, совершенно противоположный всему военному. И там государство и тут государство, но как поле ржи издали — поле, похожее на море, и поле ржи, когда войдешь в него и наблюдаешь, как исхитряется, как тянется какой-нибудь тощий колос-зажмура, чтобы догнать своих жирных товарищей — так и государство на фронте, и то же государство за тылом.

Вот уже около года я живу в этом мире за тылом войны, принужденный добывать себе пропитание, как колос среди тощих и жирных товарищей.

Сегодня день жаркий, а на поле вышли люди, одетые в двойную одежду, мужчины надевали по два пиджака, по две поддевки, женщины по двое-трое рубашек и юбок. Наш

старый заросший парк был весь завален узлами одежды, и девочки стерегли свои узлы, как стерегут во время пожаров. Не одна женщина приходила к нам с утра с узлом и просила Христом Богом спрятать свою одежду от «казаков».

— Вас, — говорю женщине, — они не тронут, а у всех взять они не посмеют.

Видимо сегодня с утра прошел слух, будто бы казаки отбирают одежду для войны.

17 Июня. Хотя у нас по всей Руси теперь стонут от недохватки и высоких цен, но все-таки стон этот не хватает за сердце. Не хватает, потому что в Германии стон больше нашего, и наше не отражает всеобщего. И серьезно у нас не говорят даже об этом. «Германец-идол, что наработал!» — скажет один, а другой поправит: «Сами наработали: думаешь, нет у нас сахара, объяви цену полтинник за фунт, сейчас явится!»

Дождями уборка ржи задержалась больше, чем на неделю, за эту неделю рожь полегла, перепуталась, а цена за уборку, только скосить и связать, стала двадцать пять рубликов за десятину! Про молотьбу страшно подумать: пятьдесят копеек с копны, да еще от себя нужно предоставить молотильщику не менее двух лошадей, двух работников и много баб. Но работников за пять рублей в день не достанешь, бабы за поденную берут по рублю. Заплатил бы и пять, заплатил бы и по рублю, но ведь не выручить этих денег, цена на рожь при хорошем урожае будет обыкновенная. Выручает, что сам работаешь, труд поглотил все — и ренту и кредит на капитал. Часто не понимают, что не высокая цена причина беды, высокая цена для участников производства не беда: высоко платишь, много берешь. Но беда в том, что не по дням, а по часам изменяются, этим попираются все договоры...

Бединцевы с арендой: обязательные работы — их происхождение (обязанные). Нынешний год, вероятно, последний, у нас работают обязанные — кто эти обязанные? военнопленные? Нет! русские люди, местные крестьяне, обязанные за пользование частью помещичьей земли убирать им остальную часть. После забастовки 1905 года типичный образец среднего хозяйства в нашем краю такой: земля по

краям имения сдается крестьянам (25-30 р. посевная десятина), а середина обрабатывается этими же крестьянами в пользу хозяина, причем из их арендной платы вычитается за счет обработки (скосить, связать, свезти, а иногда еще и убрать сено) рублей семь, восемь.

18 Июня. ... виновны? германцы? мы сами, я сам виноват. Та организованная Россия, которая получает хорошее жалованье и Россия неорганизованная — гладиаторская, земские и городские союзы и деревенская Русь. Как ни тягостна картина нашего хозяйства, этой жизни в тылу войны, но не в этом тяжесть и смысл. Нам тяжело, но немцам куда тяжелее. Смысл этой жизни в той способности без ропота отдавать людей (гладиатор). Из этого складывается смысл, и рождаются слова ответа врагам: нас еще очень много, очень! И мы готовы терпеть все до конца!

22 Июня. Именины покойной матери. Двери, пороги, ворота, подворотни, калитки, лазы, черные ходы и парадные — эти препятствия на человеческих скачках, испытания. За дверьми везде одинаково. Каждый человек учится для себя открывать двери. Нужно изображать человека, как он кажется при своих закрытых дверях и потом внезапно открыть их. Это узнавание похоже на перемещение с фронта в тыл.

Гладиаторы. Уборка ржи. Два: зависимость от погоды и от рабочих. Бабки и копны. Неземледельческий люд. Нищие. Туча кругом ходит, а пока не скосят, нельзя сложить, невозможно их остановить. Перекочевали на другую сторону. Известие о победе: два генерала. Неземледельческий люд — как быть с ним. Сельскохозяйственный рабочий (косу не может присадить, шалаш для собак выстроить). Гарный — побуждение, нерв этой работы — водка и вот теперь гарный в заключение.

Гладиаторы: они работают, потому что на той стороне готовая рожь и всякий, кто откажется, не получит. Тучи, как вороны, летают. Солнышко взошло, тучи разошлись, с

конца на конец летают черные птицы. Они работают не от себя, не для себя, а как гладиаторы (на фронте).

Впечатления, привезенные парламентской комиссией из Европы, совершенно не сходятся с нашими: у нас война... сознание необходимости ее отдельной личностью — в Европе, в индивидууме — у нас нельзя этого найти, а в массе, в этой покорности масс, в необходимости общей «повинности», в гладиаторстве...

31 Июля. На большаке. Мы катимся на велосипедах по большаку, по тем местам, где некогда Тургенев находил материалы для своих любовных очерков. Спутник мой — гимназист восьмого класса из тех юношей, которые должны бы сделаться профессорами, но из-за любви к отечеству не достигают точки опоры в своем призвании. Тургенев был иностранцем в России, чтобы любоваться Россией, нужно быть хоть немножко иностранцем, а то неправда ее замучит. Но теперь вот настоящие, реальные иностранцы не верят...

Иногда мне кажется, что эта страстная тяга русского человека к иностранному, мечта его о каком-то Светлом иностранце, который с любовью посмотрит на Россию, происходит из нравственной необходимости самого русского человека все свое осуждать: так суровый долг прокурора освобождает место красноречию адвоката.

Только теперь Коле В. уже не до прокурорства, скоро он будет прапорщиком, и это решение развязывает узел: теперь он может свободно любоваться тургеневскими местами, быть адвокатом своей родины. Со спокойной совестью катимся мы по большаку, время хорошее, осеннее: блестящие колеи, цветущие осенним убором усадьбы, старые лозинки по краям большака. Все мило нам: и суслики на задних лапках, и что просо уже скосили, а картошка еще в полях, и что стручки акации от мокрого лета до сих пор не потрескались, все это обыкновенное нам теперь любо. Катимся и любуемся вместе.

Навстречу нам тихо едет телега, в ней несколько обитателей нашей земли и один пленный. Иностранец привлекает наше особенное внимание и это, правда, очень необыкновенно на большаке: его одежда, его манеры, а, главное,

глаза его не такие, как наши. Где-то на мельнице человек в такой же форме нес мешок за плечами, мелькнули эти чужие глаза, где-то на покосе кормового горошка, на перекрестке большака и поселка, такой же человек вел в кузницу лошадь и посмотрел на нас...

Мы думали согласно с Колей В., что теперь по всей нашей земле столько таких людей — иностранцев смотрят на нас, и многие из них скажут о нас такие слова. И что эти слова будут поистине новыми, потому что иностранец пришел к нам теперь не варягом, призванным воевать, а в том же рабском виде, как наш народ, проходит свой крестный путь.

Поравнялась с нами телега: пленный сидел совершенно так же, как и наши мужики, свесив ноги с грядки, беседовал с мужиками непринужденно, видно, труд соединил этих людей и сделал понятной иностранную речь.

Осмотрев нас, катящихся на велосипедах, иностранец спросил: «Много у вас таких?» Быстро мелькнуло в голове: «Каких, таких?». Молодых? я не молодой, Коля — мальчик. Богатых? Велосипед для иностранца — не признак богатства. Каких же? Какими мы представляемся на большаке этому иностранцу, почему он так спросил о нас: «много у вас таких?»

Мы не поняли вопроса, но там, на телеге как-то поняли и, вероятно, очень быстро, потому что мы, катясь на велосипедах, услыхали отчетливо сзади: «Мало ли их, мошенников!» вероятно, поняли они нас, как людей совсем особенных... кто может кататься и любоваться.

На велосипедах катим мы с одним гимназистом в город, чтобы отвезти на почту эту заметку.

1 Августа. Одну из самых больших иллюзий дает человеку чувство обладания землей: несомненно, что каждый отдельный владелец является только временным арендатором земли, что рано или поздно земля эта перейдет другому владельцу. Но каждый из этих владельцев, обладая землей, чувствует, что в этом обладании сходятся все времена и сроки. Казалось бы, что земля как смесь твердых минералов, подножие хрупкому человеческому телу постоянно долж-

на напоминать человеку о непрочности его бывания. Между тем, обладая своим минеральным пьедесталом...

Твердые цены. «Рожь из рубля не выйдет» и вдруг твердые: 1 р. 50 к.

3 Августа. Бабы и дамы. Своевольные бабы: домострой рушился, баба стала своевольной.

Тип: монопольщик купил свинью и, холостой, рассчитывает, что войны 3 года переживет с салом.

5 Августа. Поездка в Елец с Колей Волуйским.

Катим на велосипедах по большаку с Колей Волуйским, гимназистом 8-го класса в город за крупой и хмелинами... Навстречу нам движется телега, в телеге человек десять австрийцев и русских, ноги с грядки спустили, все курят махорку, беседуют. Едут они поля убирать. Коля готовится быть литератором и все наблюдает.

— Вот компания врагов, — говорит он.

Поравнявшись с нами, австрийцы показывают на нас русским и явственно для нас спрашивают:

— Много у вас таких?

«Каких? — подумали мы, — таких здоровых и годных для войны? или таких свободных, которые по своим личным делам могут проехаться на велосипеде, или, может быть, недурно одетых, богатых, или людей, очевидно по лицам, интеллигентных профессий. Каких таких? — мелькнуло в голове, — как нас с Колей представляют себе австрийцы?».

Русские мужики, незнакомые нам совершенно, ответили, и ответ их долетел до нас издали:

— Много таких! это первые наши мошенники.

Не знаю, что поняли австрийцы из этого ответа, но мы хорошо поняли: мы, в представлении людей, убирающих рожь, были люди — не чиновники, не купцы, не интеллигенты, а что-то среднее между ними и совершенно отдельные от среды, убирающей рожь, люди совершенно иной враждебной стороны, люди на велосипедах.

— Наши мошенники! — сказали мужики. Ответ мужиков, будучи русскими, мы хорошо поняли, ни австрийцы и никакие иностранцы этого не могли бы понять, как это можно людей приличных, только за то, что они едут не на телеге, а на велосипедах называть мошенниками.

В табачном магазине инвалид одноглазый, глухой, покупает рыболовные крючки, приказчик пальцами пытается объяснить ему цену и приговаривает: «Несчастная жертва человеческая!»

Подполковник в отставке кому-то объясняет, что по дороговизне бумаги перешел на трубку, и курит махорку потихоньку от жены...

Профессиональный революционер В. Т. В. (тип!), радостно потирая руки, говорит: «поработаем!»

Дело войны срывает с глаз всякие повязки: власть в простом человеке, окруженная ореолом таинственности, святости своего происхождения. И вот оказывается, что за божественностью этого начала — власть помещика.

Признаюсь, что чрезвычайно трудно, имея в черноземной полосе хутор, становиться на точку зрения интересов крестьян и с. х. рабочих. Иногда, ложась вечером спать, чувствуешь себя благодетелем своего рабочего: я плачу ему самое высокое жалованье, у меня кормится вся его семья и лошадь его, мои лошади обрабатывают его собственный надел, обращаюсь я с ним как с человеком без кавычек. И кажется на сон грядущий, отношения наши переживут и войну, и рабочий вопрос.

Утром рабочий этот просит расчет: переманили куда-то в экономию конюхом, обещают ему там горы золотые. К вечеру он очищает нашу избу, а следующим утром без рабочего, без скотницы приходится самому кормить скот, копаться в грязи и навозе, пока не найдется новый работник. Много можно бы написать очерков в Тургеневских местах. Плохо, конечно, очень плохо хозяйствовать теперь. И правда, что совести у этих людей бывает мало. Да, но вот мне приносят газету, и я вычитываю нечто изумительное, так что совесть становится против совести и обида своя забывается: некий

губернатор где-то в своей губернии приказывает крестьянам за установленную плату убирать поля помещиков! Позвольте, губернатор, но почему же вы не обяжете и помещиков убирать крестьянские поля? Они тоже очень нуждаются в труде, в значительной своей части платят за уборку гораздо дороже, чем сами помещики. Как все изменилось!

Из своего раннего детства мне вспоминаются зимние вечера. После ужина мать читает всегда непонятную мне газету и вдруг останавливается, прислушивается, спрашивает, обращаясь в переднюю: — Кто там? — К вашей милости! — отвечает робкий голос. Дверь открывается, на пороге стоит занесенный снегом мужик. — Что тебе? — Сделайте милость: одолжите под кружок. Мать немного поворчит, поломается даже, но, в конце концов, выносит ему пять рублей под кружок. За эти пять рублей, взятые в зимнее время, мужик должен будет обработать кругом всю десятину.

Эта работа теперь в военное время обходится рублей пятьдесят. В то время, однако, отдавать землю под кружок не считалось делом зазорным, все так делали, дельце считалось обычным. В земельных отношениях стушевываются. Теперь делают обратно: труд, окрыленный сорвавшейся с цепи ценой, борется с рентой, а рента выправляется высокой ценой. Нет ни малейшего проблеска сознания — доказательство: друг друга обделывают. У некоторых отдельных людей вы можете встретить проблески сознания борьбы: они говорят, что тогда с забастовкой в яму попали, нужно бы сговориться и не выходить на работу. Но масса влечется просто стихией, такое положение.

Так или иначе, а после забастовки система хозяйства посредством кружка исчезла совершенно. Но ее смели новые формы закабаления с. х. рабочих: явились крестьяне, называемые «обязанные». В нашем уезде это... основа, и крестьяне малоземельные — земля ему необходима, потому он получает от помещика свою запольную землю и должен обрабатывать часть земли в пользу его... По-видимому это был последний год, в нынешнем году все отказывают: что такое обязанные... И так подняли вопрос о равноправии сословий... Но не сознание и рост цены приводит к этому положению, стихийно: не на что опереться.

Когда я земского начальника просил не так строго осуждать наших крестьян...

«Столица и Усадьба»... В «Старых Годах» не быт, а музей, а в этих журналах из этого создается иллюзия быта, только на бумаге и миражи для археологов, здесь глянцевитое, чисто по-немецки...

15 Августа. Успение. Перед концом света страшно поднялись цены; поднимаясь всегда неожиданно, цена производит на обывателя впечатление, будто он что-то пропустил, отстал, будто где-то за облаками, за̀ тучами кто-то творит быстрое время и ценою-бичом времени перегоняли нас в мир совершенно иных отношений. Однажды, так гонимые люди, вдруг один за другим почувствовали, что бежать больше некуда и незачем, и что прежнее время прошло, и они стали совершенно иными. Тогда оказалось, что они могут смотреть на жизнь обыкновенных прежних людей с очень дальнего расстояния и все понимать... Оказалось, например, что любовь к отечеству — не прежняя таинственная душевная сила, а такая же простая, как сила электричества, пара. Оказалось, что самая жизнь есть тоже сила, которая легко исследуется лабораторным путем, что между.... психическим и физическим состоянием нет никакой разницы.

19 Августа. Парк в Галиции. В диком лесу нам не так пусто кажется: в диком лесу нам кажется, будто живут в нем хозяева, невидимые нам и непонятные. Но в парке, в саду, откуда люди ушли, пусто и страшно...

Румыния объявила войну.

Прошлое. Вот когда прошло все совершенно, и даже было бы неприятно встретиться. Невозможность в основе. Поэт может жениться, но поэзия не вступает в супружество...

Момент, когда спекулятор призывается на войну и выходит из круга хозяйственной деятельности, он становится защитником отечества.

Учительница Елизавета Андреевна ничуть не развитее и не умнее Марьи Прок., но она окончила гимназию, а Мар. Прок. — самоучка. По своему уму и развитию Ел. Андр. ничуть не выше Мар. Прок., но когда заходит речь о тайнах мира, то Елиз. Андр., как окончившая гимназию, все ссылается на происхождение человека от обезьяны, а Мар. Прок. полна всякими народными «предрассудками» — верит в сны, в тайные голоса, в нечистую силу и в Бога.

Поля черноземные, сумрак, встречаются два мужика один из города, а другой в город и говорит один другому: — Наших перебито — сметы нет! Щемит в груди, говорю кучеру Глебу: — Отчего это, Глеб, ведь скверно живется в нашей России. — Чего хуже. — А не хочется немца. — Да!..

Девочка, дочь о. Афанасия едет на телеге вся в пятнах, волнуется, что кружки не получит; хочет собирать на раненых.

Чувствуешь какой-то мировой стержень, на котором вертятся все государства и там все равно к человеческому: такое обнажение. И начинаешь понимать этих взрослых людей, преследующих свои цели без внимания к человеческому: так это и быть должно, так и купец должен обманывать и мать эгоистически любить ребенка, сторож охранять дом — все это железное мировое обнажается.

Девочка идет по дороге и за нею две коровы, будто связанные с ней. Так едва это заметилось: все наивное, все радостно природное исчезло, потому что во все это сердечно-человеческое нож воткнут. Как завеса спало с мира все человеческое, и обнажился неумолимый механизм мира.

Мужики на черноземе встречаются. Мужицкое, грубое, неумолимое и в то же время жалостливое к человеку. Николай так себе представляет будущее: что-то общее управляет, мужицко-твердое и жалостливое к человеку. Правда, чувствуешь истину этого мирского, русского, а лица нет того привычно-героического, как у немцев: герой и за ним народ. Победить должно в России массовое начало, и в тоже

время задумываешься, как же оно победит без точки своего выражения — личности: в этом чудо... и будущее основание мира на земле.

Продавали карту Европы.

Еще Стахович пишет, что австрийцы очень сердиты на немцев, что те их втянули в войну, а рассказы русских раненых все детские, как нас учили в детстве: все победы, победы. Патриотизм нашей семьи и Стаховичей: нам неприятно, что в такое время занимаются переименованием городов, а те восклицают: как это красиво: Петроград. И как-то выражают свою монополию на патриотизм, и мы чувствуем себя не свободными. Это два отношения к одному... Это же происходит и во всем обществе: земцы ревнуют к Красному Кресту. А то чувство неудовлетворения при виде общественной жизни происходит от несвободы, живое чувство в рамках казенщины, нет помощи, без пристава.

Победа (Львов) — я вижу на столбе городского головы объявление: приглашает покорнейше собраться в церковь помолиться по случаю дарованной нам победы. Это слово трогает меня до слез: не рассчитанная победа, а дарованная.

Летом перед войной я жил в деревне, окруженной горящими моховыми лесами. Пожар и у нас начался, очень близко от моего домика. Однажды, гуляя в лесу, я за ветром незаметно пришел на место пожарища и видел, как одно большое дерево покачнулось и с треском рухнуло недалеко от меня. Где-то еще затрещало. Лес валился, сжигаемый невидимым подземным огнем. Не страх опасности, а ужас первобытного человека охватил меня, что деревья как-то сами падают, деревья неподвижные, мощные стали двигаться. Была небольшая красная тучка на небе. Когда объявили войну, мужик сказал, что тучка эта была перед войной, и потом все говорили, что видели перед войной красную тучку. Так и я с трудом могу отделаться при воспоминании горящего леса от войны. Мне тоже кажется, будто это с ней связано, что это было признаком войны. Еще из картин запало в мою душу. В это время мне пришлось

ехать в пустом вагоне. Вошел пожилой господин, очень прилично одетый, долго смотрел в окно на горящие леса и вдруг мне говорит: — Как-то еще пройдет солнечное затмение. Очень удивленный, я говорю ему, что это не связано с человеком. — Как не связано! — воскликнул он, — когда же солнечное затмение проходило без войны? Вы, должно быть, неверующий? — Что ему было на это ответить, спорить я не стал и покорно его слушал. И он мне долго говорил о последних признаках конца мира, как люди перед самым концом летать будут. На одной станции, погруженной в сизую дымку горящего леса, он ушел и потом в пустом вагоне он представлялся мне лешим человеком, переносимым из леса в лес этими пожарами.

Теперь, когда я слышу вокруг себя, как люди на большие бездушные государства переносят свои человеческие чувства, я чувствую разность времен: в те далекие времена люди связывали жизнь свою с проходящими по неизменным кругам светилами, теперь связывают с государствами: их наделяют своим человеческим, не в затмении, не в горящих лесах ищут признаков будущего, а в государствах; говорят: как понравится это Англии, как отнесется Франция, это все Австрия. Все это до того вошло в обиход, так к этому привыкли и так этому поверили, что действительно это стало так, и никто не может сказать, что я сам причина войны, что я несу в себе весь мир. Еще одна деревенская картина запала мне в душу перед началом войны. Мы удили рыбу на речном заливе. На самодельном плоту переправился батюшка с иконами. Это было в день трех Святителей, когда у нас в этой деревне служат молебен. Только что запели «Святителю отче Николае!» вдруг что-то зашумело над головами, и на небе показались аэропланы. Летели шесть аэропланов. Никто здесь не видел еще летящего человека. Я ожидал, что все будут поражены, будут что-то глубоко философски переживать, я после молебна спрашивал о впечатлении. Кто видел аэроплан в календаре, тот не сомневался, что это летающие люди, а кто не видел, говорил: это не люди, это пущенное...

Изобразить духовность, возникающую в народе при надвигающемся... Мы победим! И сейчас же поправка: а кто знает!

— Ох, как тяжело, как тяжело! — Говорит моя тетушка, — как закрою глаза, так убитые, как открою и подумаю: «Вот так цивилизация, всю жизнь верила в цивилизацию, а они вот к чему пришли!» Всю жизнь до семидесяти пяти лет моя тетушка, ученая на медные деньги, верила в прогресс, больше: она изменила вере отцов-старообрядцев ради этой веры в прогресс. И вот пришла глубокая старость, а за всю свою веру тетушка видит перед глазами убитых, а в голове постоянный вопрос: есть ли Бог в этакой вере?

Кто бывал в Ельце, наверно слышал имя о. Николая Брянцева, великого подвижника в деле отрезвления края. За четверть века упорной борьбы ему удалось... Спускаясь по склону между домами, я решил к нему зайти посмотреть — мне пришло в мысль ревнивое чувство: четверть века человек работал, и вот и Россия все-таки пропадает от пьянства, а государство — и вот сразу. Картина превзошла все мои ожидания: общественный закон, все стали трезвыми.

Телеграммы постоянные были: бомбардировка Белграда продолжается, теперь: перевозка германских войск с запада на восток продолжается.

Тема: 1) земля круглая 2) очеловечение государств.

Вопрос: почему двинулась Россия? что мужики проспят, как зашевелилась эмоция. Возле полицейского участка женщины меньше плачут, привыкли или так вообще: ратник не такая трагическая фигура, как настоящий солдат. Вдруг толпа вся покатилась со смеху: повар государственного банка, человек-бочка тоже пришел определяться. Люди остались такими же: женщина покинутая тоскует и плачет, а муж идет на войну и весел, умирать не страшно, жить тяжело: что бояться умирать, когда все равно придется, и опять же судьба: кому назначено, тот и дома умрет, а кому жить и с самой страшной войны возвращается, и так они весело, в новеньких рубашках, такие молодцы, какими-то вернутся?

Всюду видишь — из окна ресторана, прижались к стене дома, возле трамвайной остановки на Невском, на зеленой подстриженной траве парков, везде Гектор и Андромаха, и у ней ребеночек иногда такой маленький, что и глаз не открывает, и все сосет без перерыву — герои войны, а кто назовет их героями? герой Вильгельм, Сазонов, Горемыкин, царь. Пересмотреть о героях: пустота.

Затишье, неизвестность и потому между всеми что-то общее. В общем, наши как-то богаты: никто не кричит «расшибем!», хотя есть полное основание думать так.

[Пишет] в альбом, обещается, клянется где-то добыть для нее счастье: это счастье — чувство родины, земли своей родной, печки деревенской, запаха соломы — и все это тут в кресле, а он хочет ехать куда-то и достигать счастья; утратив мгновенье, она принимает все меры, чтобы вернуть его, достигнуть и вот у него вторая достигнутая жена, любимая тем чувством, которое он получил тогда в момент приближения действительного счастья. Простой факт, а нужно пройти [было] всей жизни, чтобы понялся: тут был и труп, и кладбище, и слезы, и цветы, и синий купол неба, и...

Перед войной я писал своей тетушке, что мне очень плохо живется, и сам не знаю, отчего: не плохо ли везде, и не быть бы чему-нибудь вскоре особенному.

Я спросил: — А что если он пустит оттуда бомбу? — Какой-то мужик вдруг глубоко потрясенный сказал: — И пустит, и вот изба моя и нет ее. — Что изба! — говорю я, — все село сгорит. — И сгорит, и сгорит, — говорил мужичок таким тоном, как будто утверждал существование непобедимой нечеловеческой не Божьей неправды. Через несколько дней говорили мне, что один аэроплан упал где-то на огороде и капитан разбился и, умирая, говорит: — За огород отвечаю, за людей не отвечаю! Так они все, эти простые русские люди понимали то, что надвигалось на них перед войной, какая-то сила надвигалась: за огород отвечает, за людей не отвечает.

В Петербурге началась забастовка. Крестьяне нашей деревни отнеслись к ней несочувственно: это было оттого, что «забастовщики» — деревенское понятие нехорошее, бандитов и хулиганов — переносилось на наших городских рабочих. Я объяснил мужикам о рабочем движении, говорил о вздорожании продуктов и растущей заработанной плате, доказывал им, что бастующий рабочий не «забастовщик». Все было напрасно: мне говорили, зачем они соблазняются, посадские девушки, калоши, шляпы... все от себя... мы все виноваты в забастовках и проч. После, когда началась война, я согласился, что и в войне мы виноваты сами: зачем мы... этим немецким, всем... и я уверен теперь просто, что с этим немецким война, что она началась за то человеческое, война духовного с чем-то нечеловеческим, немецким. Поэтому я думаю, как и крестьяне, вести свою летопись не по-чужому знанию, а от себя: как мне жилось в это время. Я чувствовал смутную тревогу, мои нравственные [силы] оборвались, я жил перед чем-то: дневник.

Люди, как горящий лес: сдвинулись деревья. Телега смерти: озеро, похоронный плач. Ярмарка и объявление войны. Я место потерял: мне теперь все равно, я пережидаю... я с массой.

25 Августа. История с Яковом — о горе, горе! Как мучилась тоже с нами мать! Завтра его отправить, привезти Льва.

27 Августа. Приезжал поэт Миклашевский (Михаил Петрович). Увезли Якова. Дожди. Молотилка сломалась. Коля, как еж, таскает в свою комнату яблоки.

Сон о пустом доме, как настроение человека, строящего дом во время войны.

Уполномоченный Лопатин уехал в Питер за твердыми ценами, и деревня осталась без цены. Теперь в этот урожайный год деревня завалена хлебом, а купить ничего нельзя: за три рубля пуд не купишь. У плотника Осипа своего хлеба нет — плотник хлебом не занимается. Ходил, ходил по деревне, никто не продает: «цены, — отвечают, — не знаем!» и не продают.

Косят чечевицу. Подходит просо. Надо жнивье пахать.

Отношение крестьян к австрийцам: и умиляет, если взглянуть с одной стороны, и как-то обижает, если с другой стороны. Отношение к иностранцу. Австриец барин, Кир мужик, легенда о том, как разжился мужик через австрийца. Отношение помещика — пороть.

Люцерна — волшебная трава.

10 Сентября. Окна матовые ладонью разглаживаю, показывается осень — ветер, дождь, куры кучкой в вишняке, просеяли в саду просо, в копнах мокнет, как бы не осталась картошка в земле. Рожь и овес кончены, в амбаре.

О блаженство какое: полынным веничком, осенним, пахучим самому замести свою каморку и, оправив постель, попив чайку (самовар самому поставить!) приняться за трубочку.

Волшебная трава: лошадь ее ест дочиста, а перешла лошадь на другое место, трава в следе за ней опять вырастает. И так семь лет — трава эта люцерна.

Упущенный момент: жалеть, что упущен или благословлять? Только она никогда не простит, и раз ее дар не принят, ни в какие твои дары она не поверит, хотя бы ты всю жизнь ей посвятил. Воет ветер, листья желтые летят, собаки воют... В этом, только этом году умерло чувство: и больше не снится уродливая дева со сладкими чувствами. Линяет гора любви и все чернее, чернее остов ее показывается.

Реальная Россия (Московская Русь) и фантастическая — северная.

С.х. рабочие: Павел — обломок барской экономии. Новый человек Кир, соседи удивляются: зачем Кир пошел ко мне служить. Нужен такой рабочий, у которого ничего своего бы не было. Батрак: мечта о доме. Они воруют, но, воруя, не богатеют, а у хозяина все идет кое-как, и скот паршивеет.

Сады обобраны: ерепиловка (мелкое яблоко), бородавчатое яблоко самое крепкое, бурое (падаль).

Недавние дни: 2-го Сент. Сентябрьское утро. Восток светлеющий закрыт синей полосой, а так все небо чистое, чистое, светит Венера, светит луна, светит невидимо восходящее солнце, но кажется, что одна только звезда утренняя. Встало солнце, как хорошо в лесу, где своим светом светят клены и ясени и, мешаясь с солнечным светом в тишине, — так хорошо, так тихо, тихо, так любовно — эта седая от росы нетронутая трава — и сердце шепчет: «Богородице Дево, радуйся!» Еще гудят пчелы. Озимь кустится. Дятел долбит.

Бытовой человек и личный просто человек.

11 Сентября. Ночной мороз — седые алюминиевые лопухи.

Первые угрозы зимы. Солнце: мороз исчезает, яко дым. Ночью снова во мраке осени при обилии звезд наступает грозная сила. Сравнить весеннюю борьбу и осеннюю.

16 Сентября. Еще кружатся низко на дворе, пугая кур, ласточки, но дни их в этих краях, а может быть, и часы, сочтены. Ночью ударил мороз, и с утра посыпались тополя, каждый листок, падая, увлекал десяток других, и к полудню верхушки тополей стояли обнаженными. Ясени облетали большими перистыми листьями, будто складывали оружие.

Поскорее заказывать валенки. Починить полушубки.

Гора лысеет.

Горит костер в лесу на восходе солнца. Восходит раскаленное светило, и кажется нам, удивлено солнце, что мы ночью предупредили его и развели своими руками этот солнцеподобный собственный огонь. От налетевшего утренника мечется в разные стороны огонь наш, жалкий, будто пойманный, гаснет, но уголья тлеют, колебля воздух. Через эти струйки колеблющегося (гретого) воздуха виден нам удивительный лес: каждый лепесток его кроны дрожит, изумрудно-зеленый: весь лес, сказочно прекрасный, колышется. Так застало нас солнце и будто удивилось вначале, а потом поднялось и обратило внимание на весь

свет, и забыло наши горящие угли, и мы забыли их затоптать, ушли. (Любовь — огонь, похищенный с неба.)

Лысеет гора любви, из-под леса показывается голый каменный остов.

Я был свидетелем двух героических эпох русской жизни: революции и войны с немцами. Смотрел на людей. Казалось, они были застигнуты врасплох и делали свое дело полусознательно, копошились изо всех своих сил, устраивались. Уже одно то, что современник не может пересмотреть всего — делает разницу с будущим. В этих хлопотах, в этой особенно сильной тяге устройства личного каждым человеком не было ничего героического. Казалось, это были черновики, материалы для какого-то другого времени и что потом уже придет поэт, историк, философ и сделает из этого самого прозаического времени картину времени героического...

17 Сентября. За окнами, укрытыми ставнями, словно что-то огромное кипит в черном котле: буря, дождь, холод и тьма крутят, студят, треплют наш осенний сад.

20 Сентября. Зазимок первый: весь день хлопьями валил снег. Грязь безвыходная. Трагедия серба: будущий герой, а сейчас, когда решается, он думает и о том, что в казармах пыль летит на постель, и что, если не пойдет, в Сибирь отправят, просто замученный человек. И мука его, просто мука — материал для поэта, для историка. Кухня героя. (В кухне у нас живет герой, настоящий герой, будущий освободитель Сербии...)

Неправда, но это больше правды, это ощущение писателя, что в такую минуту, не всякую, а вот такую-то, мир весь точкой креста своего сошелся в его сердце, и он чувствует все по правде: и бурю в саду, и войну, и спящего ребенка, и все, куда ни обратилась мысль, и настоящее, и прошлое, и будущее, такая минута веры: спросите — и на все будет ответ.

22 Сентября. О, если бы вы знали, в какой обстановке, в каком настроении хозяина добывается теперь то, что лю-

ди ежедневно потребляют: хлеб, мясо, масло, молоко и другие подобные продукты. Что вы думаете: есть и в хозяйстве синяя птица, о, да еще какая! Но теперь она улетела — мучительно думать: куда? Умрешь и узнаешь? А пока жив, пусть, будто где-нибудь в Бельгии живет теперь синяя птица.

Боже мой, что было на земле, если бы каждый сельский хозяин ясно и точно видел цель свою: свиную тушу и больше ничего. Не было бы Руссо, Толстого, Аксакова, русского мужика, старинных усадеб, воспоминаний, да, ничего не было: поели бы и еще откормили, и еще поели, и так бы шло.

А вот оно так теперь все в хозяйстве: всякий обман исчез, синяя птица улетела от жизни.

Какую ничтожную часть мира представляет из себя книга, как мало живут по книгам, а оттого, что нас с детства учили, кажется нам, будто книга — самое главное.

И так во всей жизни есть такая обманщица, чудесница — влечет и ничего не оставляет (пример: скотоводство — чудесное занятие, но как только исчезла она, остались коровы), исчезла, покинула и оставила жить человека с коровами. Так искусство всегда разрушает жизнь: оно покажет капусту приманкою, расставляет ловушки по всему свету, западни. Поэтому, чтобы избежать западни, нужно построить новый мир по образу и подобию того, что влечет к нему, нужно заранее умереть, как животное.

Это присутствие иностранцев в России — факт такого огромного значения, что теряешься и робеешь высказывать свои единичные наблюдения. Как они живут в казармах, это официальная сторона, что собственно и видят приезжающие делегаты — это не так важно. А вот как живется — большинство их работает и живет среди нас. Вот на пути нашем экономия, куда этой зимой мы ездили на охоту. Едем трое, два соседа-помещика, на козлах сидит австриец Автонас, которого помещики называют Афанасием.

По хозяйству. Начались морозы. Так недавно расстались с ними, только в мае! Тогда убило морозами сады, огороды,

пострадали овсы, прихватило просо. Теперь боимся последнего, как бы не остаться с картошкой. Из-за дождей запоздали с молотьбой. И только окончили, все схватились за картошку. Едва удалось достать десять девочек по полтиннику в день! За день накопали возов пятнадцать.

В хозяйстве всегда чего-нибудь боятся, особенно в этот год морозов и дождей. Весной боялись за овес, просо, огороды и сады и, правда, все это сильно пострадало от майских морозов. Лето хозяева дрожали с уборкой из-за дождей. Кое-как убрались и вдруг хватили ранние сентябрьские морозы: стали бояться, что останется в поле картошка. Все бросились убирать, и рук не хватило. Мы нашли девять девочек от десяти до двенадцати лет, которые вместо двугривенного потребовали по полтиннику в день.

Начали почти что с завтрака, покопались — пообедали, опять покопались — пополудневали, а потом и вечер. Много ли так накопаешь!

— Ох, не остаться бы с картошкой?

— Не останемся! — ответил наш старичок-пенсионер, большой оптимист.

— А вы как думаете? — спросил я венгерца по-немецки.

— Schlecht! * — ответил венгерец.

Ему очень жалко картофеля.

Крылатое слово генерала Алексеева: «Война окончится для всех неожиданно».

Война обнажает мир, каким он есть.

На постоялом дворе: географическая карта и говорят о войне. Старик подходит:

— Покажите-ка мне Россию! — Показывают. Крестится:

— Слава Богу, Россию увидел!

А хозяин:

— Давно бы вам надо Россию показать.

Смерть Пульхерии Ивановны перед географической картой.

---

* — Плохо! (*нем.*)

Солдаты разбегаются. Больше миллиона в бегах. Интеллигенция подняла народ на немца, подъем был в интеллигенции, а не в народе, Интеллигенция воображает себе Русь по французскому герою, а Русь творит чертовщину.

Чертовщина обуяла: мужик разбил яйца на базаре: — Не хочу по таксе.

Горький сказал:

— Ваше пребывание на хуторе, какое отношение имеет к литературе?

2 Октября. Луна где-то за домом, и, кажется, ночь, но звезда утренняя перед домом горит полно в рождении утра. Так, неоткрытым, неузнанным остается для меня лицо моей родины. Несчастной любовью люблю я свою родину, и ни да, ни нет я от нее всю жизнь не слышу, имея всю жизнь перед глазами какое-то чудище, разделяющее меня с родиной. Чудище, пожирающее нас, теперь живет где-то близко от нас, и я видел вчера, в день призыва, как ворчливая, негодующая толпа оборвышей поглощалась им, и они, как завороженные змеем, все шли, шли, валили, исчезая в воротах заплеванного, зассанного здания. А может быть, это весна? самая первая весна и грязь эта и оплеванная родина — все это, как навоз и грязь, ранней весной выступающая всем напоказ?

Два человека русских: Ж-в и Р.: как шел на войну Ж. и как Р. — полное признание, заготовленная шинель и пр. и страдание до погибели. Но если, колеблясь в выборе, обратиться к простому народу и к интеллигенции за советом, то народ ответит обратным тому, что он делает, и интеллигенция тоже ответит обратным, тем, что ей назначено: интеллигенция тянется за народом, народ за интеллигенцией, а сущность — дело неколебимое.

Черта эта, по-моему, очень интересная и заслуживает большого внимания, и даже начальство, кажется, обратило внимание: как это несправедливо, как это унизительно! Но с другой стороны, нужно войти в положение нашей Коробочки, стали упрекать ее, а она отвечала: «Русского челове-

ка ей кормить хорошо невыгодно. Корми его лучше, — скажет Коробочка, — он, пожалуй, хуже еще будет работать. А иностранца кормить — полный расчет».

Конечно, есть известная правда и у Коробочки.

Дело в том, что наш земледельческий район только по богатству почвы земледельческий и потому что все тут этим занимаются. А в смысле техническом он, может быть, самый неземледельческий. Вы, конечно, замечали, если путешествовали по Руси, что чем лучше у нас почва, тем хуже на ней живут люди. Вероятно, это потому, что за хорошую почву было больше борьбы человека с человеком, помещика с мужиком. Малоземелье, община в связи с правовым порядком истощили мужика, а вместе с тем истощили и помещика. Как пример, до чего русский человек не земледелец, я могу указать на тот факт, что в нашей деревне есть только два человека, которые могут хорошо насадить косу, и к этим двум ходят все присаживать. Из наименее удачливых вербуются у нас батраки — ленивые люди с вечной цигаркой во рту. Чуть отошел от него, он уже не пашет, лошадь стоит, понурив голову, а он шестиком сбивает в саду незрелые яблоки. И вот в эту среду является настоящий иностранец — сельскохозяйственный рабочий со всеми техническими навыками. Коробочка, конечно, перед ним ходит на задних ножках, ухаживает за ним, кормит, одевает. Есть из-за чего стараться!

И потом есть в русском быту страх чужого глаза и оттого какая-то приниженность. Приедет гость — какая беготня, как гремят тарелками, будто этой суетой, этим громом тарелок хотят спастись от чужого глаза. Так и с этими пленными иностранцами. А кто его знает, может быть, он еще человек знатный.

— Не простой, не простой, — слышал я однажды, — когда все уснули, я видела у него огонек.

— Так что же.

— Огонек и что-то читает и такая, знаете ли, у него улыбочка, все молчит и чуть-чуть улыбается.

А у крестьян, рассказывали мне характерную легенду о том, как один мужик разбогател через своего австрийца. Мужик будто бы хорошо очень относился к своему пленному, кормил хорошо, не мучил работой. Однажды пленный

и говорит: «Откроюсь тебе, что человек я не простой, богатый я и знатный». Мужик стал еще больше ухаживать за пленным барином. Тут откуда-то являются большие деньги у пленного, и он все их мужику. Так он от пленного и разбогател. Вот тут у будущего исследователя и будут самые интересные и благодарные наблюдения. В экономии хозяин и рабочий разделены стеной и отношения там очень узкие, а у крестьян полное соприкосновение. Я наблюдал близко одного пленного в нашей деревне. Хавронья, наша прачка, прибежала однажды к нам, взволнованная: « Завтра к нам привезут австрияку! — Ну, что, — спросили мы на другой день. — Привезли. Чудно! Я несу сноп, а он из рук вырывает: «я донесу, я донесу!», дали ему цеп, а он не понимает, называет полторы палки. Ловкий, скоро научился: молотит. И все вокруг дома подметает, стойло вычистил, лошадь чистит, окна вымыл, навоз...

Меня немного смешило появление какого-то оттенка гордости у хозяина пленного. Как будто он приобрел какое-то...

3 Октября. Мышиный год: как мыши разбегаются, когда до них доходят при разборке скирда, так ныряют в ссылку на кожевенные и всякие заводы люди при объявлении мобилизации. Мышь, мышь! (знамение).

Вчера я проходил полями соседнего крупного имения, и был поражен картиной великого запустения: многие десятины проса стоят некошеные, и ветер давно уже развеял семена, кормовой горошек брошен и дождями смешан с землей, целые поля картофеля явно остались на замерзание...

Главное, что имение это находится в прекрасных руках, оно было образцом для всего нашего места и, значит, если в нем что не убрано, то и невозможно было убрать.

Сегодня я был на бирже с целью продать немного ржи, полученной со своего хутора за это лето. Там была картина запустения, подобная виденной мною на полях: в нашем центральном черноземном краю, в центре мучного дела совершенно не было хлебных сделок. Я предложил свою рожь, ко мне кинулись купцы, цена рубль пятьдесят пять.

— Хорошо!

— А доставить можете?

— Доставить...

Вышла заминка: доставить сейчас нет никакой возможности; крестьяне не повезут, потому что возят картофель и этим зарабатывают от 20 до 25 руб. с воза.

Доставить невозможно — продать нельзя. Может быть, и можно будет после, но вообще, зачем торопиться. Я ничего не теряю, если зерно остается у меня в амбаре. А стараться так для государства и общества — это дело уже чисто личное на философической почве.

Может быть, по этим личным мотивам я продал свою рожь и доставил, но об этом я не скажу, потому что все равно наш специально мучной город сидит без муки, и я своим зерном ничего не прибавил и не убавил. Причины беды вам известны: это не одна причина, а цепь их. Но не эта преходящая беда меня волнует: с грехом пополам, но это дело скоро наладят и, в конце концов, зерно мы извлечем из амбаров. Я нарочно начал свою статью изображением полей соседнего имения — вот что меня волнует: это полбеды, если зерно в амбаре, но если на будущий год зерно не будет в амбарах, вот что будет беда настоящая. А это непременно так будет, если мы будем продолжать так хозяйствовать. Нас подорвала последняя мобилизация: рабочие руки исчезли и женщины, на которых была вся надежда, куда-то попрятались. Известно куда: они заменяют ушедших на войну в собственном хозяйстве (не считая тех, кто бездельничает, получая паек). Но я слышал, что не так страдают от недостатка рабочих, которых можно заменить пленными, как от недостатка самих хозяев — мобилизованные хозяева покидают хутор и хозяйство приходит в расстройство. Дело не в землевладельце, а в том лице, на котором держится хозяйство: староста, приказчик, старший рабочий.

Ржи, которую он в прежнее время частью бы продал немедленно, частью сам съел за зиму, частью стравил бы скотине и к следующему урожаю он остался бы ни с чем. Теперь он этот запас ржи хочет получить с меня за свои услуги, а свой запас оставить неприкосновенным для следующего года. «А вдруг на будущий год не родится? — сказал он мне, — теперь

я буду обеспечен». Очень разумно: так собственно, должен делать каждый хозяин. Я спросил только, почему он раньше, в прежнее время так не думал. «А вот прежде не думал, — ответил он, — мало ли чего, о чем я прежде не думал. — Ну, а если, представь себе, установить бы за рожь три рубля, неужели бы ты не расстался с запасом? — И за три и за пять не расстался бы, — ответил он, — потому что деньги стали дешевы».

Теперь извольте реквизировать этот запас у крестьянина, а вероятно, такими запасами, когда деньги имели устойчивость и всестороннюю покупательную силу, питалась значительная часть нашего городского населения. Конечно, дай Бог, правительству обеспечить городское население хлебом. Я только хочу сказать, что каких-нибудь необъяснимых и таинственных причин в стремлении крестьянина удержать у себя свой запас, на мой взгляд, не имеется. М. Пришвин.

4 Октября. Человек и природа. Книга и мир. Какую ничтожную часть мира представляет книга, как мало делается по книгам, а между тем оттого, что нас с детства учили, кажется нам, будто книга играет какую-то огромную роль в деле мира. Война теперь обнажает мир, какой он есть.

Кир — из мужиков барин и его австриец. — У вас австриец работает? — Нет, русские. — Как! это дорого... напрасно... они отличные работники.

Софрон — старый, иконографический, нанялся печку исправлять. Ожидал, заломит десять рублей, потому я веду переговоры предварительные: «мало работы», а он: «мало, а проработаешь». Наконец открываемся: сколько? — два рубля!

Человек, который знает только прошлое и будущее, а настоящего нет у него, и ему кажется теперь, что настоящее кончается, и не дай Бог дожить до самого конца (баптист: 10 лет войны). Конец света. Старики умерли, один уцелел, и как ему представляется? То горевал, когда умирали они, а теперь радуется, что умерли и не дожили.

5 Октября. Понимающих литературу так же мало, как понимающих музыку, но предметом литературы часто бы-

вает жизнь, которою все интересуются и потому читают и судят жизнь, воображая, что они судят литературу.

Абы только прожить! (как «абы», так уж знай елецкое): будущее исчезло так полно, что некуда стало отражать настоящее, прошлое сдано в архив, и все выражается у них словами: абы только прожить. Когда объявляется новый набор, то будто новый сноп поднимают в скирде, и мыши, мелькнув на мгновение, опускаются ниже — так при наборе ныряют у нас кто куда, на кожевенный завод и еще, Бог знает, куда.

6 Октября. Несколько дней в начале октября постояла погода теплая как весной, дорога не высохла совсем, но укаталась и стала как кожаная. Вечером вчера надвинулись тучи, и ночью загудела осенняя невзгода.

Сквозь сон чудилось, будто все наше рушится и как-то все кругом мчится, попадая куда-то в огромные черные колеса. И не было в этом гуле колес ни места, ни времени: будущее исчезло так полно, что некуда стало отражать настоящее, и настоящее исчезло, а прошлое лежало в архиве прочно для крыс и мышей.

Всю ночь бесились там какие-то черные на колесах, а утром, когда рассвело, неузнаваем был наш парк и сад: убитые еще раньше морозами облетели на ветру все листья: какими-то многорогими старыми коровами стояли яблони, и все было серо — осины, ясени, ильмы, обнажено, голо, печально и только в вишневом саду на тончайших ветвях, как на воздухе, последние редкие красные листики над всем этим умершим были, словно сходящие пламенные языки.

Зазимок. Не совсем потухла Венера. Морозец, намело снегу. Первый зазимок. В полумраке рука сама тянется за амбарным ключом: идем овес лошадям задавать. Утки, заслышав шаги, прут к амбару всей массой. Картошку везут. — Почем? — 90 гривен возок. Вот и поесть картошечки! Радость хозяйства исчезла. Навоз, животные утопают в грязи, расчистить некому. И безлошадные мы, это еще что, это дело домашнее, а с полей все убрано. Абы только прожить! Погода не дает вспахать: план хозяйства

разрушен. Ив. Мих. — сторонник диктатуры — план развивает: цены — теперь дело упущено, теперь одно... Вывезти нельзя зерно... Корова жует на огороде остатки свеклы. Всеобщая мобилизация или диктатура. Картошка стоит 1/2 ф. сахару. Вечером сборы в Петроград: окорок, яблоки, голова сахару. Корова ревет. Мобилизация подорвала все хозяйство. Ученики идут в школу: их стало мало, сапоги дороги и дома заменяют больших...

9 Октября. День отъезда. Слова последнего осуждения готовы на устах, и только страх пока сдерживает: бездельный народ, обладающий огромной землей и самый неземледельческий в мире. Так жить нельзя! Вспоминается время очарования от наших побед, и в то же время как перед экзаменом, не зная урока: попался билет счастливый, ставят пять, но я же ничего больше не знаю. И так рассудить: мы не можем пользоваться своей землей, а они могут, и у нас земли нет.

12 Октября. Вчера приехал в Петроград. Разговоры о дороговизне — это повсюду, это связь теперь всея Руси, столица сравнялась с провинцией, и рассказывать в столице стало нечего, рассказывать теперь надо, как живут в столице для провинции, чтобы она училась уму-разуму. Осуждение спекулянтов. Прапорщик: война окончится для всех неожиданно. Возвращение вечером в номер: родной город, так же родной и знакомый, как Хрущево.

14 Октября. Иосиф о Протопопове. Все правда, но тяжело, тяжело слушать и так понятно, почему существует «Новое Время».

18 Октября. В воскресенье Виктор Иванович Стенковский депутат от Задонска. Вчера — религиозно-философское общество: жизнь так изменилась, а разговоры те же самые. Предавали анафеме Бердяева за его книгу.

19 Октября. Люди разбегаются: больше миллиона в бегах. Спор с депутатом Стенковским: подъем был в интеллигенции,

она подняла народ на немца. Это естественно, и знаменательна самая постановка вопроса теперь: автор обманул читателя. Читаешь о Франции и за Россию больно: она ждала героического подвига, а его не вышло, вместо него чертовщина.

Из материальных частиц этого, трагически погибающего теперь мира, возникают новые жизнерадостные существа, отвратительного вида...

В трамвае: я раненый, а ты?... и, в сущности, протест этот не к лицу, а в пространство.

Все дело в том, чтобы стать ближе к акту (мировой войны), но как: можно воевать, не воюя — душой, можно совершать дело милосердия, не участвуя — сердцем. И можно не воевать, а лечить, и стать к такому делу ближе — война и сестра милосердия.

Одна из самых нелепых затей — это поиски многими нынешними писателями военных сюжетов; писатель настоящий может, по-моему, гораздо сильнее подействовать, если только он переживает мировой факт войны изображением не полей сражения, а какой-нибудь овечки.

Война государств за территорию. И война в семье за землю...

21 Октября. Тяжкое настроение общества — перед чем-то? Слухи чудовищны и, кажется, верные. Зачуяли мир. А Россия, необъятная страна, стала такой маленькой. 17 миллионов ушло, и нет никого. И деятели все старые немногие; когда еще знал Челпанова, и опять все повторяют: Челпанов да Челпанов.

25 Октября. Как раньше (на трубу Архангела), так теперь в учреждения обороны, освобождающие от воинской повинности; определение армии: «собрание людей, не умевших уклониться от воинской повинности». Частица себя, общая всем, которую узнаешь в разные эпохи. Кажется,

живешь так особенно, так необыкновенно — это свое «я», и вот видишь, что оно как все поступает.

В глубоком личном тылу. Горький сказал, какое же это имеет отношение к литературе. Во власти у общества.

Она, Россия, такая, что если собрать ее всю в одно место и поставить на дело — великая страна, вот как на фронте, а как уйти и что-нибудь делать в углу — упаси ты, Бог, упаси!

26 Октября. Рассуждение: для государства полезнее техника, чем рядовой — какой это вздор. Надменная морда Коновалова: не освобождает. Знакомые рожи. Похоже на первое время: тогда все так ехали на войну, теперь устраиваются в тылу. И вообще: первая часть, как наступление, вторая, как отступление.

Мы охотились этой осенью с бывшим монопольщиком Алексеем Ивановичем на зайцев в тех самых местах, где охотился некогда Тургенев. Гончая долго гоняла русака, и никак мы не могли его перехватить. Наконец, с бугорка я увидел, что заяц бежал по дороге прямо на Алексея Ивановича и он, спрятавшись за кустиком, видел его и целился. Времена совсем были не тургеневские, но сердце охотничье одинаково во все времена. Сердце замерло и сжалось в кулачок в ожидании выстрела. Но Алексей Иванович не выстрелил, и заяц опять убежал, и за ним одна за другою в отчаянии и ужасе промчались все гончие. Я в бешенстве, как Шаляпин, накинулся на Алексея Ивановича и стал осыпать его в высшей степени обидными упреками. Он долго выслушивал меня и ничего не возражал, видимо, сам удрученный. Все объяснялось невероятной скупостью Алексея Иваныча: выстрел стоил тридцать копеек и дальше десяти шагов он не решался выпустить этот драгоценный выстрел.

Заяц не вернулся. Гончие пришли с высунутыми языками. Вечерело. Мы пошли ночевать на хутор к Алексею Иванычу. Это по большой дороге, в тех самых местах, где раньше была монополия и где Алексей Иваныч лет уже пятнадцать торговал казенным вином. Теперь он этот дом и усадьбу с десятью десятинами земли купил себе и зажил тут хуторянином. Ла-

вочка тут у него есть. Мы посылаем сюда за спичками, за салом, за постным маслом и всякой всячиной. Показывал мне Алексей Иванович свое хозяйство с каким-то упоением и не сразу я понял, что все это не так покупается, что под этим у него таится какая-то философия, что ли. Вот он свежую тушу показывает, не просто, нет: кусочек соли — так он на ходу поясняет — величиной в детский кулак достаточен для кулеша, и вся свинья одному человеку хватит года на два.

— А пшено у меня свое тоже; десятины гороха хватит тоже года на два, чего же больше? Картошка своя, две коровы, куры несутся, два теленка, овцы, шерсть лежит с прошлого года, отдам валенки свалять, тулуп закажу из своих овчин. Дрова и пр.

Часа два выслушивать все такое не хватило у меня терпения и, главное, не мог я простить упущенного из-за тридцати копеек зайца. И внутренне все раздражался и раздражался. А он как нарочно, будто что-то коренное доказывал мне этими своими вычислениями...

— Садик, двадцать яблонь и, значит, сколько от них: на падалицу — кур, продал по 7 р. пудик, съели яблок, и бочку помочил — запас опять на целый год.

Ни одного запаса меньше, чем на год, не было. Чудовище пожирало деревню. Я спросил: — А что как вас призовут? — Он открыл рот. — Двадцать зубов не хватает. — На это теперь не посмотрят. — Не посмотрят — ссыпкой займусь (и чешет шею). — Опоздаете, пропустите.— Не пропущу-с.

И такая уверенность, такая убежденность, но не самодовольство, а что-то исподнее, опять какое-то исподнее несогласие со мной и осуждение.

Вокруг дворики — народ косило — чудовище пожирало их.

28 Октября. Мне на деле удалось узнать его тайны: семейный человек приезжает в столицу, селится в номере, утром пишет романтические повести, днем обивает пороги превосходительств, выпрашивая отсрочки от войны.

Я начинаю думать, что эти поиски хуже, чем самое худшее в этом деле, похоже на то, как бы семейный и всюду принятый как порядочный человек потихоньку от семьи

вышел на улицу, и потому что вообще-то он очень порядочный человек и это ему не к лицу, не имеет успеха у публичных женщин и, посрамленный, возвращается с улицы.

Но какой же выход? Отказ — малы мотивы, повиновение — малы мотивы для послушания. А средний путь (проституция) — противнеет с каждым днем все более и более. Иванушке нет дороги. Вернее, кажется, средний и противен-то он, вероятно, потому, что хочется правого и левого, а «духов» не хватает. Да и вообще так часто бывает: высшего — это ему не удается достигнуть, тогда он берет среднее и меряет его тем, что почувствовал, достигая высшего. А среднее есть просто факт жизни, живущей без отношения к окраскам ступеней достижения.

Пораженцы все отказываются от этого названия, но Суханов имеет вид настоящего пораженца, его физиономия, манеры, — все до того противно, глистообразно. Это единственный пораженец.

На трамвае у рабочих был разговор: мы, рабочие, на учете, понятно, а как буржуазия теперь на учет лезет...

Извозчик говорит господину, желающему ехать на такси: «как дармоед, так на таксе...»

29 Октября. Мои поиски места похожи на то, как семейный порядочный человек вышел на улицу искать себе даму...

3 Ноября. Три дня на службе в Министерстве Торговли и Промышленности у И. К. Окулича.

Три дня на службе. Окулич — социалист в монархизме, не герой, а та обычная фигура из романа «Война и мир», прекрасная натура. И какой бы ни был строй, он таким и останется. Есть чиновники очень ласковые, но вечно обижают людей своими замечаниями, и их ненавидят служащие, а этот ругается, резок и груб, а никто не обижается,

потому что сердит его дело, а не личность: если он скажет «осел!», то, значит, тот действительно осел, и все документы показывают, что он осел настоящий, так что обижаться если, то обижаться на собственную свою природу.

Занимаюсь тем, чего совсем бы не должно быть в это деловое военное время, я занимаюсь междуведомственной перепиской в должности делопроизводителя одного бюро, ведающего делами продовольствия. В отчаянии показываю господину Жомини бумагу, всю исчерканную Его Превосходительством. «Это зависит от настроения Его Превосходительства...»

Как представитель своего ведомства, я должен быть против твердых цен и реквизиций. Я утонул в комиссиях, как тонут в воде маленькие дети.

В этом опыте жизни без семьи так ясно становится, что существенного значения она в моей жизни и не имела, и то, что казалось, то только казалось: оно чисто внешним образом закрывает мою эгоистическую холостяцкую природу.

На мгновенье, да, это мгновенье было! мы встретились с ней в чужом краю — незнакомые люди разного воспитания, разной среды и как метеор, пролетая чужой атмосферой, загорается и кажется он летящей звездой, и на мгновение открывает нам эту тайну великого огненного движения, страсти, скрытой за спокойствием ночных звезд, так и тут на мгновение открылась вся тайна жизни и на мгновение мы понимали друг друга как одно существо. И в это мгновение она мне сказала: «Вы сразу видите хорошего человека, и это в вас лучшее... да, это в вас самое лучшее». И это было так верно, и все было верно, что мы говорили, и навсегда осталось так, как открылось, и все эти вопросы были как откровение.

4 Ноября. Письма из бюро. Барышня-машинистка — та рождающая середина, множитель и среда жизни и сила числа, рождения, — все это превращенное в звук щелканье.

Софья Павловна и Александр Михайлович. Когда он решился сказать ей у камина: «я вас люблю», то вдруг с грохо-

том, ослепительно, сверкая всеми огнями, сливаясь в один след летящего в вечность метеора, пронеслась перед ним жизнь. И он проводил ее, и стало просто, тихо, уютно...

5 Ноября. Хорошо бы сочинить рассказик «Сестра св. Георгия»: жизнь в бюро в военное время: тиски Его Превосходительства; нет работников; тоска пустая; на столе телефон: принесите 100 экз., но ему по телефону сказать нельзя... машинистки... явление сестры, как движение падающей звезды, открывающей на мгновение движение вселенной.

10 Ноября. Распутин поехал в Ставку. Ухудшение положения Думы. Жировая комиссия.

11 про 10-е Ноября. Утром начальник говорит: положение Думы ухудшилось, и будто бы Распутин поехал в Ставку.

Округлость формы чиновника и резкость депутата. Чиновник, в сущности, не знает, сколько есть чего в России, и потому лавирование в цифрах, а депутат его ловит благодаря подробному знанию местной жизни. Чиновник живет слухами, как баба, и всякая комиссия работает на фоне этих слухов.

12 Ноября. Окулич сказал, что если Протопопов будет министром торговли, то он уйдет и, значит, я пропал. Так, наконец, я на собственной шкуре испытываю, что значит смена министра. Он сказал, мы заволновались, а он нас успокаивает: «Вы останетесь».

13 Ноября. У Руссо мечта доходила до такой степени, что иногда пробовала жить физической жизнью: иногда Руссо занимался тем грехом, который монахи называют «рукоделием», что, в сущности, представляет собою не что иное, как безумную попытку мечты доказать свое физическое существование. Эта мысль пришла мне в голову во время заседания одной из нынешних бесчисленных продовольственных комиссий, которые представляют собою

сплошное рукоделие. В этой комиссии говорили о недостатке жиров, был один член комиссии, большой пессимист, который пространно излагал нам жировую безвыходность. Другой оптимист: инструктирование, мощность России, заповедные уголки. Росла, росла мощность, мы были увлечены и... вот тут я как раз и подумал о Руссо: у него была мечтательность так [развита], что иногда хотел расстаться со своей духовной природой и коснуться физической жизни, и в том и состоял грех [безумной] мечты, что она залетала не в свою сферу. У этого чиновника мечта росла, росла, встал он со стула, когда хотел показать мощность России, протянул к окну руку и провел указательным пальцем, и мы были готовы уже принять проект, но тут у него вышло нечто: у него была привычка щелкать пальцем указательным и большим, скажет, и вдруг — щелк! Так он и тут вел, вел пальцем, и вдруг — щелк! Мы были поражены, и он сконфуженно вдруг остановился. Щелк! и все кончилось, и дальше нет ничего.

22 Ноября. Мы утонули в комиссиях, прилипли к месту, как липнут мухи на липучей бумаге. Все живые люди разбежались и остались одни представители ведомств. Так бывает всегда в комиссиях, что остаются в них лишь те, кто должен оставаться по обязанности служебной. Петр Варнавович видит в этом нечто существующее от начала мира и долженствующее существовать и распространяется об этом в часы досуга в стройном рассуждении: человек не может жить без кнута, делать скучное дело без долга, и это поняли немцы, у них все на этом основано и этим они сильны. Иосиф Константинович говорит наоборот, что комиссию покидают живые люди, потому что она бесполезна, и каждый человек старается поместить себя туда, где он может приносить наибольшую пользу. В делопроизводстве своем Петр Варнавович применяет немецкую систему: подшивает бумаги, раскладывают бумаги на большие тома-дела и учит служащих: каждая бумага по исполнению должна быть подшита. Когда бы вы ни пришли в его канцелярию, у него всегда кто-нибудь шьет. Иосиф Константинович придерживается системы делопроизводства французской:

бумаги у него раскладываются в небольшие дела с описью и не подшиваются, чтобы по любому вопросу чиновник мог быстро надергать бумаги. «Картофель!» — скажет Его Превосходительство, и чиновник в один момент, осмотрев опись, надергивает картофельных дел и несет их начальнику. А у Петра Варнавовича не так: «Потрудитесь, — скажет он, — подобрать все, что у нас было о картофеле». Чиновник берет огромное дело, раскладывает, подкладывает туда бумажки и все дело тащит начальнику, и тот потом в нем сам разбирается. У Петра Варнавовича машина работает громоздко, но верно, и задержки никогда не бывает. У Иосифа Константиновича чиновник иногда [теряется] бумага и вдруг, когда потребуется, он погибает.

Иногда залетает в комиссию член Гос. Думы, летит он с энтузиазмом, садится на стул и будто муха на липучую бумагу: сел и рванулся, полный жизни и веры, потом все тише и тише и, наконец, склонив голову, с осоловелыми глазами, тонет в комиссии, поглядывая на часы.

Иосиф Константинович — представитель министра земледелия, Петр Варнавович — финансов. Бывает, Иосиф Константинович разовьет проект свой блестяще. Петр Варнавович слушает, слушает и скажет, наконец: все это прекрасно, но как же мы достанем валюту.

В первые дни своего существования всякая комиссия представляет из себя как бы Ноев ковчег, нагруженный существами самыми разнообразными: тогда представители ведомств среди различных общественных деятелей, представителей города, земства, бирж, всякого рода специалистов, совершенно исчезают в комиссиях, потому не так их и много, и держат они себя в высшей степени корректно, мешаясь в толпе как существа будто бы посторонние, хорошо зная, что дело от них не уйдет. Потом общественные деятели мало-помалу редеют и вскоре остаются те, кому быть в комиссии — служебная обязанность, остаются одни представители ведомств.

В нашей комиссии, заготовляющей для нужд армии и населения фасольно-гороховое пюре, вначале кого-кого не было, был даже представитель вегетарианских столо-

вых, и чего-чего ни говорилось! Подымались уже принципиальные споры между вегетарианцами и мясоедами, причем один из вегетарианцев делал изложение какого-то необыкновенного способа эксплуатации хрена, а мясоед успел ввернуть замечательный проект о бескостной солонине. Сущность этого проекта состоит в том, [как] из мяса доставать кости и жиры, выварив жиры. Так как жиров не хватает, то вот жиры! Так как почти все те же самые люди работают в жировой комиссии, они ухватились: вот жир! И начали вычислять, сколько получат жира. Солонина — тряпки, а жир едят отдельно. «Господа! Но вы не бывали на фронте». Тогда вспомнили, что тема совсем другая — фасольно-гороховая. «Мы уклонились от темы» (мясник в комиссии раскрыл, сколько жиру). После этого памятного спора на другой день было уже половина членов, не пришли члены Гос. Думы, «мясник» и многие другие. Говорили мало... Наконец, остались одни представители ведомств, и комиссия приняла чисто деловой характер.

27 Ноября. Развал. «Авось», «а мало ли что», «перемелется», — все эти утешения, всегдашние спутники русской жизни даже в самое тяжелое время, теперь исчезли, и в первый раз в жизни я испытываю, «что отечество в опасности». Экономическая картина: урожай, а все мельницы стоят (твердые цены), сено не заготовили, потому что военное ведомство не дало проволоки, борьба за продукты между фронтом, заводами, обороной и обществом. Глас народа: измена. Что делать с дешевеющими деньгами? акции Игнатова. Власть стала подобна товару и носители власти — спекулянтам...

30 Ноября. Переход к трудовой повинности: мы ругаем немцев, а вся война показывает, что делаем, в сущности, то же самое: газы, принуждение к труду и проч.

Но иногда представишь себе, что кончилась война, и становится нехорошо: люди... Гриша и проч., все будут жить по-старому.

Будни ужаснее войны: война — торжество будней, праздник серого человека.

Государственная кухня. Задача: на всю Россию сварить одну кашу. А Россия знать ничего не хочет. В России только и ждали, как бы получше пожить. Теперь время, когда с рабочим человеком говорить стало невозможно. Работник в деревне и машинистка в бюро. Теперь господа стали поварами, а общество — ворчливым хозяином.

Строй господ и рабов. Если я занимаю в каком-нибудь министерстве порядочное место, например, столоначальника, то я являюсь полным господином нижестоящих лиц, но лицо выше меня стоящее, например, начальник отделения, может смять мою бумагу и швырнуть в корзину. Словом, поступив на государственную службу, я должен совершенно отрешиться от своей воли.

Так говорил столоначальник. Ему возражала барышня, только что поступившая на должность делопроизводителя по вольному найму: «Никогда я не отдам своей воли, если это будет против моей совести. — Против совести тут никогда ничего и не бывает: вас никто не будет заставлять мошенничать, красть, брать взятки и пр. Дело обстоит так, что совести вашей не коснутся, а воля ваша будет связана. — Теперь даже на фронте стараются развить в человеке личный почин. — То на фронте. А у нас совесть и все личное остается при себе для домашней жизни, все же остальное берет государство. — Двойная бухгалтерия. — Совершенно верно: двойная. А вы как думали? — А если вся система ведет к подлости, к разрушению государства, моей родины? — Пусть ведет. — Принципиально... — Принципиально вы ничего не должны иметь против, и вы будете существовать вдвойне: как лицо государственное будете делать подлость, как лицо частное обладать всеми добродетелями частного лица. — Не согласна. — Тогда не служите».

Начальник нашего отдела совсем не имеет образа и подобия чиновника и, как я теперь начал разбираться в этом, думаю, что двигался он по службе в силу известного диссонанса со средой, как движется в литературе, например, неправильная, но живая фраза. Наш отдел, как и всякий от-

дел, занимается сочинением писем, отношений, докладных записок по поводу различных доходящих до нас фактов жизни. В большинстве случаев мы что-нибудь просим для жизни у ближайшего ведомства, и нам часто дают, потому что мы пишем, подобно существу нашего начальника, диссонансами. Вот он несет к моему столу телеграмму и говорит мне: «Напишите-ка, голубчик, письмо министру, да так, чтобы прямо этого мерзавца за жабры». Или так: «Отправьте-ка его к Иисусу!»

Напишешь ему бумагу с «жабрами» и всякими его «Иисусами», а он потом подчистит резинкой и вставит от себя что-нибудь еще поярче.

«Никогда не видал такой безграмотной бумаги!» — сердито скажет министр, а сделает по-нашему, потому что мы действительно ухватили жизненный факт за самые жабры.

И я даже думаю, что крупные чиновники моего начальника даже побаиваются, робеют, как робеют, например, всегда члены комиссий, когда входит член Государственной Думы: что-то со стороны от жизни, той непонятной и страшной жизни, где все возможно.

Этим был и силен наш начальник, этим двигался и так он дошел до известного предела чисто деловой жизни, еще один шаг — и он товарищ министра, а там и министр. На днях освободилось место товарища министра, сегодня мы пришиваем к делу письмо министра с приглашением нашего начальника на чашку чая.

У нас это бывает: пришиваем и не такие письма. Все личное для нашего начальника исчезает, как только он входит в свой деловой кабинет. Синий карандаш его гуляет по всем безразлично бумагам с отметкой существа дела и числа входящей. А если в это время нужно, необходимо что-нибудь написать ему домой по семейным делам, то он напишет свое совершенное уважение жене и, случалось, в числе входящих видеть помеченное его рукой письмо его жены с просьбой купить после службы керосиновые лампы. Так попало в регистратуру и письмо министра: он приглашает на чашку чая, и мы очень заволновались. Кроме одного солидного настоящего чиновника, мы все были новые люди, непокорные, никогда не слу-

жившие, и при настоящем чиновнике нам было бы служить невозможно. Переход нашего начальника в другое ведомство грозило для нас увольнением, и обсуждение этого вопроса у нас приняло живую личную окраску.

— Ему надо отказаться! — говорила барышня-делопроизводитель по вольному найму.

— Почему? — возражал штатный столоначальник, — со своим знанием дела и жизни он может принести много пользы.

— Потому что место товарища министра требует известной политической физиономии.

— И думаете, он ее не примет?

— Нет, не примет.

— Вы так думаете? Почему?

И он принялся объяснять барышне, что теперь требуется деловое министерство без всякой политической окраски, нужно приносить пользу и только пользу.

Барышня-делопроизводитель упорно возражала, что требуется министерству политическое, и начальник наш не может принять такое место по убеждению, по совести.

— Вы говорите, по совести, — возражает столоначальник, — при чем тут совесть? Мы говорим о вопросах государственных, а не о совести. Тут диктует необходимость. Если я, например, занимаю [должность] столоначальника, я полный господин моих подчиненных, но лицо выше меня стоящее, начальник отделения, может снять мою бумагу и швырнуть в корзину. Словом, поступив на государственную службу, я должен совершенно отказаться от своей воли.

Барышня спорила:

— Никогда я не отдам своей воли, если это будет против моей совести.

— Против совести тут никогда ничего не бывает: вас никто не будет заставлять мошенничать, красть, брать взятки, дело обстоит так, что совести вашей не коснутся, а воля ваша будет связана.

— Теперь даже на войне у солдат дорожат личным началом.

— То на войне.

— А у нас совесть, как все личное, остается при себе, для домашней жизни, все же остальное [берет] государство.

— Двойная бухгалтерия: личное и государственное.

— А вы что думаете?

— А если вся система ведет к разрушению моей родины.

— Пусть ведет: по совести вы останетесь прекрасным человеком.

— Принципиально...

— Принципиально вы ничего не должны иметь. Вы существуете вдвойне, как личность государственная и как личность частная. Как личность государственная, наш начальник сделает очень полезное дело, если станет товарищем министра, а как частное — это его дело.

Барышня молчала и крутила бумажную шпильку вокруг пальца, сгибала и разгибала, опять закручивала и думала. Вероятно, ей, новой здесь, представлялось кошмаром это существование вдвойне, как частного лица и как чиновника. И кошмар не в том одном, что выходило положение драматическим, а что в этом было что-то будничное, естественное, было, напротив, отрицание всякой драмы. А шпилька все гнулась и гнулась. Ах, эта казенная бумажная шпилька! До сих пор не знаю, из какого металла они делаются. Вы их никогда не видали? Это совсем маленькие, самые маленькие и необходимейшие, как чиновник, величиной не больше ногтя указательного пальца. Чиновника этого гоняют на все виды услуг, и все совершенно не подозревают, что у него есть какая-то своя личная жизнь. В раскладывании бумаг, пришпиливании, в размышлении о своем личном, разогнулась эта шпилька, и она вдруг становится необычайно длинной, не меньше всего указательного пальца. Тогда уж не превратишь всю ее в прежнее состояние, она начинает жить как длинная. Злитесь, гнете во все стороны — ничего не выходит. И однажды, проходя через мост по Неве, сгибая и разгибая, вы вдруг понимаете личную жизнь этой шпильки, эту ее несгибаемость — личная жизнь, эластичность, тогда вы швыряете ее в реку и освобождаетесь.

Барышня, разгибая и сгибая шпильку, говорит:

— Давайте спорить, что наш начальник не примет места.

— Давайте, что примет.

Входит начальник в отличном расположении духа. Осторожно спрашиваем:

— Вы выдвинули бы свою кандидатуру?

— Никогда!

— Но почему? — спрашивает столоначальник.

— Это противоречит моим политическим убеждениям.

Барышня швыряет разогнутую шпильку и показывает язык столоначальнику.

У нее было четыре сына и дочь, сыновья где-то служили, дочь жила при матери. Летом все съезжались, и все лето палец о палец не ударяли, не помогали старушке, и она, жалуясь вечно на судьбу хозяйки, в то же время не искала их помощи. Когда она умерла, то дети переделили имение, и каждый на своем клочке стал хозяйствовать с утра до вечера. Имение, разделенное, по-прежнему было имение, но каждая часть его жила теперь отдельно и носила дух своего хозяина. Каждый из участников думал теперь не о всем имении и не о ближних своих, а только о себе самом и вокруг своей усадьбы насаживал отдельный сад, и когда приходили гости в эти отдельные усадьбы, они не узнавали прежнего места, прежнего имения. И чувство большого имения совсем утратилось — стали хутора. Никто не думал, не знал, что он служит одному общему имению.

Вероятно, на войне есть такие моменты, когда участвующий, вспоминая свое прежнее хозяйство, свою службу себе, удивляется, как он тогда не мог чувствовать службу общему делу. Государство — это большое имение. Во время войны внезапно рушатся перегородки отдельных хозяйств, исчезает огромный хозяйственный рычаг — свое! и заменяется — общее!

Цена — мера времени. Разврат цены: уничтожение договора и совести. Спекуляторы — те, кто следит за временем. Возмущение спекуляцией характерно для обывателя, но как серьезно возмущаться спекуляцией, если мы живем среди хозяйственного мира, главный рычаг которого есть стремление к личной выгоде! Уничтожьте этот рычаг — исчезнет спекуляция.

Немой колокол. Рассказывал мне один звонарь, что однажды под Ильей Пророком язык оборвался, рухнул, пробил под собою все колокольные подмостки и зарылся внизу — так вот и в моей жизни случилось: так хорошо все звенело вокруг, и вдруг все оборвалось, и я, немой, лежу у земли.

Где-то звонят, но я лежу немой, в пустоте, все оборвалось. Только есть у меня тайный друг, он такой близкий и единственный, и неприкосновенный, и неназываемый.

Стоит мне сделать усилие, сказать о нем, приблизиться к нему, как я чувствую — язык мой колокольный, стопудовый, лежит, глубоко зарывшись в землю. И если друг мой во сне хочет посетить меня, то является только в уродливом виде.

Я хотел бы звонить о самой простой человеческой радости в большой колокол. Я знаю, что и тот мой недосягаемый друг — простая земная радость, что незнаемое, неназываемое есть у всех. Мне кажется, у меня одного нет того, что у всех есть, и это предмет моей печали. И этот мир, и этот радостный мир простейшего, и печаль моя кроткая с людьми, лесами, полями моей родины.

Вот этот всем нам известный порочный круг объяснений дороговизны нашей жизни: высокие цены предметов первой необходимости промышленники объясняют вздорожанием рабочих рук, а сами рабочие свои повышенные требования справедливо объясняют вздорожанием предметов первой необходимости — земля стоит на китах, киты лежат на воде, вода на земле. Общество, печать, государственные деятели — как в поисках философского камня ежедневно дают нам картины своих усилий найти первопричину всеобщего зла.

Вокруг меня люди — каждый в отдельной беседе кажется Мининым, спасающим отечество, но стоит поговорить с другим, как узнаешь с очевидностью, что этот Минин сам вертится в порочном кругу. На дне души этого Минина вы с отвращением найдете какое-то почти естественное, законное оправдание своему бытию: во всякую войну наживаются, а такой войны не дождешься во много столетий!

Записки, найденные в подвале одного большого купеческого дома в Ельце. В этом городе много погибло культурно-ценного в процессе одичания купечества. Без сомнения, много было отщепенцев из купеческого рода, которые боролись за установление связи между этим бытом и миром. В том числе был, вероятно, и автор записок. Все знали его у нас, как большого чудака и очень странного человека, блуждавшего всю жизнь по России и даже заграницей. После смерти его родителей он возвратился в родной город и поселился у себя в бане, а дом сдавал под квартиры. Известен он был у нас как художник, хотя ни одной картины его никто никогда не видал. Один всемирно известный художник посетил его однажды в этой бане и нарисовал его портрет. Недавно я встретил в концерте этого художника и спросил у него про нашего затворника: «Что, он талантливый был художник? — Нет, — ответил он, — как художник он не был талантливый. — И, подумав немного еще, сказал взволнованно: — Но он был гениальный, да, он был гениальный... человек...

Записки представляют из себя кучу бумаг, объеденных крысами, местами все перепутаны и редко в них одна мысль перекидывается с одной странички на другую — все представляет из себя хаос мыслей, слов, наблюдений, писем адресованных, но не посланных...

По хозяйству. Весь день, как черные вороны, кружились над полем тучи, и мы их заговаривали: «не пойдет!», «обойдет!», «свалит!». Мы дошли до нахальства и прямо так, заговаривая под до того нависшими тучами, косили, не заботясь о стаскивании снопов в кучи. Так мы дошли до конца этого поля, теперь нужно бы до темноты стаскивать снопы в копны, и все поле было бы спасено от дождя. Но на той стороне и за лесом оставалось скосить еще две десятины — пустяки! из-за этих двух десятин не рисковать же всем полем. Но руки разгорелись, и косцы, не спрашиваясь нас, перешли на ту сторону. Мы уговаривали, упрашивали, приказывали, но косцы отвечали:

— Обойдет, свалит!

(Такие черные крылья...)

И продолжали косить. Громадной черной птицей раскинулась по небу туча, вечерело, темнело, накрапывал дождь, но косцы все отвечали: «Свалит, обойдет!»

И туча обошла, рожь докосили благополучно и всю сложили до ночи в копны.

Победа осталась за нами, всем стало весело, начали обычный разговор о том, нельзя ли где-нибудь достать «черного» спирту.

Мы победили, потому что нас было очень много, и все могли скосить в один день (на другой день пошел дождь), а еще потому, что нам помог счастливый случай. В душе оставалась все-таки неудовлетворенность и тоска от этого счастья, потому что счастье это было незаслуженное... больше не будет, подневольный труд кончается — как-то будет. Но все-таки весело, потому что нас было много. И так хочется дать ответ нашим врагам: вы нам не страшны, потому что etc...

В деревне, в глубоком тылу, даже не в тылу, а за всяким тылом войны, где сохранилось еще некоторое подобие прежней, обыкновенной жизни, где люди косят рожь, кормят скотину, иногда играют на гармонии и иногда ходят друг к другу в гости, — тут, конечно, люди далеко отстают от времени. Только цены — верные служанки времени — являются к нам и по-своему подгоняют отставших, вечно напоминая им о грозных событиях мировой жизни (не цена, а рынок — изменили все отношения: вежливо). Неизвестно, к добру или злу, но цена попирает все наши бывшие до сих пор законы и забирается в самую совесть. Ужасающе растет цена и особенно на труд, но к добру это или ко злу, я не знаю.

[По поводу] наших военных неудач в Восточной Пруссии: как-нибудь переждем, перетерпим. Или как во время запрещения водки.

Стоял в сахарном хвосте, весь погруженный в самую природу сахара.

«Водка и сахар, — думалось мне, — два продукта столь же близкие по своему химическому составу, по своему техническо-

му производству, как порох и гигроскопическая вата. Из одного и того же хлопка захочешь, и будет порох — средство для нанесения ран, захочешь, и будет вата — средство для исцеления этих ран. Точно так же — захочешь, будет водка, захочешь, и будет сахар». На этом месте, однако, моя аналогия оборвалась, мы переступили еще один шаг к сахарному магазину, и новая тема предстала мне: почему запрещение водки вызвало такой необычайный подъем общественных и государственных сил и, наоборот, запрещение сахара действует почти в равной степени в другом направлении. Вот, например, вспомнилось мне, как прошлый год во время запрещения водки крестьяне знакомого села бросились помогать семьям, пострадавшим от набора, а теперь в этом же самом селе, теперь в эпоху запрещения сахара в этом селе за вспашку у бедной семьи берут тридцать копеек за сажень, значит, восемнадцать рублей за десятину...

Маклер сводил к движению беженцев: больше беженцев, меньше товаров и наоборот. С маклерами заспорили: товары останавливаются из-за беженцев, но почему же сами беженцы останавливаются? Вот будто бы в Туле стоял вагон с беженцами целых полторы недели, и на нем было написано мелом место назначения «Тула», потом кто-то подошел к вагону, стер рукавом меловую надпись, написал «Пенза» и так вагон с «Пензой» стоял еще недели полторы.

Услыхав это, биржевой маклер совершенно забыл о своей цели разъяснить для публики общую причину задержки и вздорожания товаров. Маклер рассказал, что будто бы уже недели две стоят здесь на Николаевском вокзале в ожидании разгрузки двадцать вагонов Терещинского сахара, и это он слышал будто бы от самого доверенного Терещенки.

После этого можно себе представить, как поднялось настроение сахарного хвоста, делающего полшага в три минуты! Не было ни одного человека, кто взялся бы разбирать общее положение, исходя из веры, надежды и любви, кто сказал бы, как прошлый год...

Тысячелетняя колотушка. Собеседник уходит, оставив мне повестку на заседание Городской Думы. Мне остается

от него еще и задача — наполнить данную им формулу нашего горя содержанием. В тишине своей комнаты, в родном городе я пытаюсь обдумать жизнь своих предков-купцов. Погружаюсь в свои воспоминания, и вдруг под окном моим раздается звук колотушки. А не так давно в Петрограде я сидел в ресторане с одним знаменитым артистом. Утомленный своими путешествиями по всему свету, с каким наслаждением вспоминал он родную колотушку! Нам казалось, что это давно прошло, и никогда уж мы больше не услышим ее... тысячи лет тому назад звучала колотушка, как милы были нам воспоминания о неведомом стороже, проходящим где-то в темноте улиц под звездами. Казалось нам, тысячелетия прошли с тех отдаленных времен. И вот она, та же самая колотушка! Погруженный в свои воспоминания, как пьяный, выхожу я из своего дома и не спотыкаюсь — удивительно! — на улицу, залитую лунным светом. Я спотыкаюсь о тот же самый камень — правду. Помню, еще когда-то кто-то из моих предков-купцов говорил об этом камне: «Что в этом камне, лежит на пути, все о камень...»

Сельскохозяйственная перепись. В целях лучшего исполнения переписи уезд разделяется на участки с особой участковой переписной комиссией во главе. В состав этой комиссии входят старшины участка, представители кооперативов и лица, рекомендуемые председателем. На обязанности комиссии лежит наблюдение за ходом работ. На руках председателя будет находиться денежная сумма для выдачи авансов. Самая перепись будет произведена особо приглашенными лицами под руководством инструкторов.

Бумага заканчивалась: «Управа имеет честь просить Вас принять на себя звание председателя участковой комиссии и ввиду государственного значения переписи надеется на Ваше согласие».

Речь шла о той переписи, про которую говорил министр земледелия в своей речи в Государственной Думе. Но я этот номер газеты случайно не прочел, а потом больше не встречал статей о переписи и о присланной бумаге теперь подумал, что, вероятно, тут дело не в переписи, а в предва-

рительной подготовке общественных сил для организации мелкой земской единицы и вообще о начале устройства...

[Хотя я] занят добыванием средств существования, отказаться от такой деятельности я не мог и, оторвав от вспашки пара лошадку, послал в город ответ, что согласен и за честь искренно благодарю.

Не все поймут, как мог я принять на себя общественное дело, раз дело свое личное задавило меня от головы до ног. И в другое время я никогда бы не стал этого делать и осудил бы всякого, кто, не устроив свое хозяйство, самого себя, хватался бы за падающие с неба общественные дела. Но теперь трудно так отчетливо рассуждать. Так больно, так страшно жить в этой неустроенной темной России, среди населения, которое жертвует всем для государства и в то же время, как мир переделывается, другие ищут смысл — лепечет какую-то ерунду о войне (и смысле своих жертв).

Я уже около года живу так, перемещаясь с фронта в тыл все глубже и глубже. Был на фронте, в тылу первом, втором, третьем, ступенька по ступеньке спускаясь в какой-то совсем особенный мир за всяким тылом войны. Иногда я себя представляю каким-то принципиальным дезертиром: где-то за тылом ищу такой край, где одновременно с разрушением создавалось бы нечто. Люди и тут, конечно, живут для какого-то общего дела, но оно, как общее дело, им совершенно неведомо. Конечно, и там и тут государство. Но как поле ржи, все зараз обозреваемое — и поле ржи, если войдешь в него внутрь и смотришь, как тощий колос зажмура пробивает себе путь среди высоких и жирных товарищей. Жизнь в этом за тылом войны кажется совершенно противоположной общему делу. Но вот представляется: вышел на пригорок, увидел все поле ржи, все наше дело, — как хорошо! Так и мне представилось, когда я получил бумагу о деле: председательстве в местной новой России, будто вышел из тюрьмы своего дезертирства, свет увидел и от этого дела сам стал другой.

Прошло недели две, три, я не получил никакого приглашения на совещание, никакой инструкции, никакого разъ-

яснения. Только время от времени рабочие мне говорили, будто где-то в какой-то волости уже началось это мое будто бы дело: описывают, отбирают скот, уводят последнюю корову. Я не мог себе представить, что это та самая перепись, я не думал, что может начаться без меня, председателя. Начиналась настоящая паника, у кого было две коровы, стали их продавать, кто берег лошадь для рабочей поры, спешили с нею расстаться (все это не по дням, а по часам).

В ожидании, что вот-вот меня оторвут от леса, я лихорадочно работал, стараясь как можно скорее расстаться с неудобно-хранимым товаром — дубовой корой. И дни стояли сухие — кора больше сена боится дождя. Так дошло, наконец, что все богатство мое — эти пучки дубовой коры были расставлены для сушки на козлах на большое пространство по пару. И мне оставалось только беречь как глаз свой каждого рабочего...

...скорость протекающего времени. Но кто подумает о том, что вздорожание мяса на пятачок означает какую-то скорость времени. Всякий думает, выгодно это ему или невыгодно, и ему, только ему.

Может быть, никогда в мире человеческом не были так раскрыты карты жизни, как в этом сопоставлении личного дела где-то за тылом войны и общего где-то на фронте.

Вот стоит теперь стена стеной, выше всякого нашего роста прекрасная рожь. Войдешь в нее и видишь, как тощий колос — зажмура пробивает себе путь среди высоких и жирных товарищей, какая тут между колосьями нажива, сплетня, грызня. Но вышел из хлеба на пригорок, увидел все поле, — как хорошо! Так и мне представилось, когда я получил бумагу и понял ее как предложение участвовать в строительстве новой местной России, будто увидел все поле. И я, оторвав лошадку от вспашки пара, послал в город свой ответ, что готов послужить и за честь искренно благодарю.

1 Декабря. Храбрый заяц. У зайцев тоже есть любовь. Зимой из окна лесной избушки видел я не раз, как выбега-

ет белый на лесную поляну и становится на задние лапки, и другой выбегает на поляну и тоже становится на задние лапки против первого, и третий, бывает, так прибежит, — постоят и опять в лес, и, смотришь, к весне уж зайчиха с дитятами (поймали поповы дети зайчонка — стал зайчонок ручной, на огороде кормится, и к ней повадился из леса ходить храбрый заяц).

4 Декабря. Причина войны есть причина происхождения власти. И такой возникает вопрос, что и никогда не кончится война, а промышленность к ней приспособится. С другой стороны: если бы кончилась война, то тем ясней стало видно по людям, что сейчас же начнет собираться другая. Время, когда понимание войны историческое перешло в понимание психологическое: первое понимание дает представление о последней войне, второе — в бесконечность.

5 Декабря. На предварительном открытии мощей Иоанна Кронштадтского, напряжение ожидания.

В регистратуре больше знают о Григории, чем наверху и отсюда ходят к нему место просить. О Распутине. Наглые глаза. Руку поглаживает — женщина все испытывает. В этой среде только про это и думают. А так правда ли, что большая часть нашего времени проходит под влиянием пола? В этом ошибка Розанова. Потому общественники его и ненавидят. А если так, то как характеризовать остальное: труд в обществе себе подобных для добывания пищи, честолюбия и прочее.

Беспокойство от сестры св. Георгия: в тихое дремлющее бюро нашего ведомства она внесла со своим появлением шум, в ее движении, в ее голосе слышался нам скрип обозных телег, крики погонщиков, стрельба и суета возле раненых, и среди всего этого хаоса сама она с надтреснутым сердцем, болезненно стремящаяся вперед и ничего не понимающая.

6 Декабря. Рассказ: моя летопись. 1. Когда Англия объявила войну. Мы дремали в ожидании поезда. На станции уже двое суток люди так сидели в ожидании. Газет не было и, казалось, теперь все зависело от Англии: если она объявит, то весь свет с нами. И главное тут было не в силе, а в правде, такой был ход рассуждения логики: если Англия, то весь свет, и если весь свет с нами, то наша правда. Не знаю, откуда это взялось, но с момента объявления войны я разделился на два совершенно различных существа: одно «я» было прежнее, но ставшее очень далеким, как глубокое романтическое ощущение, как зажившая, но в непогоду чувствуемая рана, а другое, новое «я» как «мы», на которых напали злодеи, которых должно защищать миром. Это второе новое требовало ответа от Англии и это оно так рассудило: если Англия, то весь свет, и если весь мир, то вся правда.

Нищие. Никого не было на станции, кто бы волновался вопросом о выступлении, об Англии, тут были груды дремлющих в ожидании поезда людей, больше женщины, которые, не помня ничего больше, стремились в столицу увидеться со своими солдатами. Утром на рассвете пришли ратники, их стали учить по-военному бегать. Маленькая девочка сидела на перроне, смотрела на солдат и горько плакала. Я долго добивался узнать у нее, чего она плачет, и когда приласкал, она ответила: татку бегать заставили. И показала мне на солидного бородатого мужчину, который вместе с другими солдатами и ратниками пробегал с ружьем вдоль полотна. Никому вокруг, ни ожидающей на станции массе народа, ни бегающим ратникам, ни плачущей девочке не было никакого дела до Англии. А я только об этом и думал, и мне даже казалось, что я этим богат: я понимаю, что все дело в Англии, но они ничего не понимают. Вдруг ударили в колокол: подходил поезд. Все выскочили на площадку.

«Местов нет!» — крикнул кондуктор. Но никто не обратил на него внимания, все кинулись к поезду занимать места, и сам кондуктор занялся покупкой... теперь не до

нас, все заняты своим, и мне казалось, что тоже теперь не до меня, не до общей истории, и я как нищий среди этого хаоса.

В третьем классе люди лезли на крышу, в купе второго класса я нашел место стоять: тут ехала красивая дама с двумя детьми, нянькой, горничной, все купе было наполнено вещами, и рядом с ней можно бы сесть, да кот мешал: кот был серый большой, в плетенке, обвязанной крепко веревками. Дама читала газету, не обращая на меня внимания. Я упорно смотрел на нее, надеясь, что она обратит на меня внимание и предложит сесть, но она внимания на меня не обращала, и я мог бы сколько угодно стоять, но не обратила бы внимания.

— Сударыня, разрешите взять вашего кота на руки, а мне сесть.

— Садитесь, — сказала она, — не взглянув на меня. — Я сел и мельком заметил, что в газете было крупно написано: «Англия»... что Англия — нельзя было разобрать. «Неужели Англия объявила войну?» — думал я, еще минуту, я узнаю, спрошу даму сейчас. — Англия... — начал я, — скажите, правда, Англия...»

Дама посмотрела на меня и готова была уже ответить, но вдруг обернулась к окну, увидела проходившего по перрону военного, бросила газету на свое место и, открыв окно, крикнула военному: — Кирасиры не ушли? — Офицер сделал под козырек: нет, он не знает, но думает, что еще не ушли. — Если бы не ушли! — сказала дама. — Вероятно, не ушли, — успокоил офицер.

Дама села прямо на свою газету и, как нарочно, оставила уголок для меня с крупными буквами: Англия. Она совсем забыла о мне, как будто я не существовал, и теперь осмелиться просить у нее газету... газета была под ней. Горничной, няньке она сказала: — Кажется, еще не ушли кирасиры. — Дай Господи! — ответила нянька. — Дай Господи! — повторила горничная. — Хоть бы не ушли.

Дама вполне успокоилась и, достав газету, стала опять читать про Англию, и я опять приготовился спросить ее.

8 Декабря. Пораженцы и оборонцы. Рассуждают так: воюют те, кому война выгодна, рабочему классу выгоды нет воевать и он должен отказываться. Лозунг: сначала мир, а потом социальные реформы. Но мир, если война не будет доведена до конца, будет заключен с выгодой для господствующих классов, и так социальной революции не будет. Слабое место оборонцев то, что оборону можно довести до того, что не останется людей, для которых все делается.

11 Декабря. Тема для фельетона. Куда бы я ни поехал на Руси, где бы ни остановился, везде раньше меня был какой-нибудь генерал. Был на море — поморы про генерала рассказывают, был в имении — раньше жил тут генерал, снял номер в гостинице, спросил, кто тут раньше стоял, отвечают: один генерал. Забрался я в глухой монастырь, пришел чай пить к настоятелю. — Как ваше имячко святое? — спросил он. — Михаил. — А по батюшке? — Михалыч. — Михаил Михалыч, вот так имячко, ну, вот и хорошее же у вас имячко. — Чем же так особенно хорошо оно? — Да тут перед вами жил генерал, тоже Михал Михалыч...

А на днях вышло еще чуднее. Приехал из провинции, взял место маленькое в казенном бюро, такое маленькое, что швейцар мне даже дверь не отворял. И вдруг в одно утро настежь отворяется дверь, швейцар с поклоном говорит: «Вам письмо, Ваше Превосходительство». Беру письмо — казенный пакет: «Его Превосходительству Михаилу Михайловичу Хрущевскому», распечатываю: тайный советник такой-то, «свидетельствуя свое совершенное почтение Его Превосходительству Михаилу Михайловичу», и т. д. На другой день опять такой же пакет уже ко мне на дом. Хозяйка изумлена, горничная смущена, в квартире переполох: живет генерал настоящий, получает казенные пакеты.

Я понимаю, как это произошло. Казенное здание. Барышня — лисий мех. Барышня идет по лестнице. Машинистка... Никто не знает, откуда они пришли, куда пойдут. Автомобиль — бумаги — в дежурке. Повестки штампуются, имя вычищается — Превосходительство остается. Настоя-

щего генерала и нет. Обыкновенный человек в сером пиджачке. Умерший, почивающий дух генерала.

Потоком из недр Руси стремятся к центру ее, к мертвым стражам неведомых богатств разные жизнерадостные люди и погибают, часто не достигнув даже действительного статского советника.

22 Декабря. Грех. У хозяйки вечное волнение, что ее обкрадут. Заглянула в отдел, где дрова сложены. «Целы, целы, — спешит успокоить Глеб, — ни единого полешка никто не возьмет и сам не возьму. — Так разве греха не бывает? — говорит хозяйка. — Бывает, — отвечает Глеб, — по большому делу, а это что, не из-за чего путаться: что это за грех. Будьте спокойны, никто не возьмет».

Пасынок. Семейная драма из-за пасынка: мальчик испорченный, удалить его от матери — пустить на произвол, оставить — испортить других детей. В смятении духа советуется и вот интересно, что отвечают ему, какие дают советы. Единственный стоял за мальчика — «граф».

Варвара Алекс. Римс.-Корсакова. Прожила с мужем, не любя его и скрывая это и от него и от всех. Себя обманывала. Его много мучила, а людям постоянно раскрывала достоинства своего мужа, другом считала всякого, кто похвалит его, врагом, кто обидит. Ее нужно произвести в титулованную особу, а его в купца. Заветная шкатулочка с письмами к «нему».

И все Ладыженские необыкновенные: Любовь Александровна обращает в православие своего мужа, сумасшедшего цветовода, приемышей воспитывает Машу и Таню, Вера Александровна попадает в тот же монастырь через дочь, Надежда Александровна, более счастливая, многосемейная споткнулась на сыне беспутном. И все это посев о. Амвросия.

Сумасшедший цветовод. То ругается, то плачет по-детски. Затевал, строил и, расставшись с построенным, забывал

о нем. А жена все помнила. Это она заставила его сделаться православным. Но что значит «заставила»: он, незаметно для себя, стал делать все, что она захочет. Воля-влияние и воля-насилие. Воля-влияние — абсолютно необходима и принимается, как свобода, а воля-насилие — абсолютное зло. Посев отца Амвросия.

Боль. Тогда казалось ему, что все чем-нибудь больны, он это чувствовал, где что болит по тайным вздохам, по нервным рассказам, и что все этой боли боятся, прячутся, делая всякие усилия, строя веселые лица, только бы не сомкнуться друг с другом больными местами, коснуться больным местом здоровых, или казалось, что все этим больным местом зацепятся. Религия, напрокат взятая у народа, в то время как самому народу она стала ненужной. Время, когда верхние слои общества обратили свое новое внимание на религию народа и когда народ охотно отдал бы ее задешево напрокат. От религии напрокат отличается религия Люб. Алекс., которая взяла ее и сделала делом своей жизни. Вокруг нее уже перестали молиться, а она строила храм.

25 Декабря. Праздник большой, большой. Скука доходит до изжоги. Размышление о слабости как об источнике зла; и сила и слабость одинаково могут быть источником зла, *<1 нрзб.>* от слабости — путь обиды, уединения, подполья; очищение страданием — к деятельной мудрости. Путь злой силы — внезапный поворот к добру.

26 Декабря. Волуйский из плена возвратился, где пробыл 15 месяцев. Его рассказы: Когда нас брали, я думал, что в силу Женевской конвенции я не могу считаться военнопленным. Но когда мы об этом заявили, то офицер вынул револьвер и сказал: «Вот где Женевская конвенция». И когда мы показали признаки возмущения, он сказал: «Успокойтесь, мой револьвер не заряжен». Если бы я знал это, то, конечно, выпустил бы все пули своего револьвера, прежде чем отдаться им в руки, потому что их плен для меня хуже смерти.

Оспопрививание. Несмотря на множество специальных приспособлений, врач подходит к пленным, острием шашки делает надрез и кладет в рану оспенный детрит, рана, конечно, делается громадной и долго болит. Сыпной тиф. В лагере пленных появился сыпной тиф. Мы сказали, что хорошо знакомы с этой эпидемией, ей способствует, главным образом, голод, холод, подавленность духа и насекомое вошь. В ответ на это заявление врач говорит: «Я покажу вам, как нужно бороться с тифом». Нас выстраивают перед бараком при морозе 10-12°, потом выводят пленных и велят им раздеться прямо на морозе, на немытое тело надеть чистое белье. В таких условиях я скоро сам заболел сыпным тифом». Доктор называл их гуннами, тевтонами, людьми жестокими ради жестокости. А когда мы спросили его, не наблюдали ли случаев милосердия среди простого народа. «За милосердие, за булочку пленному у них тюрьма — как же я мог наблюдать это? И все-таки, несмотря на угрожающую тюрьму, мне довелось раз видеть, как женщина, озираясь, сунула пленному хлеба. Отобрали книги, инструменты, заработанные деньги, выдали фальшивую квитанцию и сказали: «Хлопочите, чтобы русские заключили мир и тогда мы вас всех выдадим. — Правда, поскорее бы мир! — сказала гимназистка. — Милочка, — ответил доктор, — как же можно заключить мир, если люди не признают договор? — Но если победить невозможно? — Если бы они и победили нас внешне, то все равно бороться нужно внутренне: победа, милочка, открывается иногда там, где ее совсем не ожидают».

Песчаный холм оцепили колючей проволокой, загнали туда пленных и поставили часовых. Пленным выдали по чашке, этими чашками они копали себе ямы и прятались в них. Утром, в тумане, как мертвецы из могил они показывались и варили себе пищу в этих чашках. Потом начали строить землянки, бараки, и стал лагерь военнопленных.

На глобусе воюющего мира я нахожу точку, где скрещиваются все: Дек. 27, линии пространств и времен: это мой

хутор Соловьевской волости Елецкого уезда — Хрущево, и я на хуторе Михаил Михайлович Пришвин (Алпатов) — я точка одного мира стою против точки другого. Мы, Алпатовы, засели в Хрущеве с освобождения крестьян, когда...

На хуторе. Как скифы, приглядываясь к моим поступкам, сотворили из меня своего собственного Скифа.

1917

[*Петроград*]

24 Февраля. Жена и невеста — одновременно и раздельно.

Современность: продовольствие — искусство, служба — литература, типы заячьего ведомства: барышни мечтающие и барышни деловые и проч.; министерство и заячье ведомство, государственность и человечность, воин реальный и воин идеальный — как ориентирует политическая газета... Разложение и двойственное существование.

Вчера забастовка рабочих. Как вел себя Окулич: «На Литейном уже стрельба».

Окулич двигает вагоны на службе, а дома чертит планы устройства своего имения в Сибири. Он обвиняет министра Земледелия, министр обвиняет статистиков и народ в отсутствии патриотизма. На его месте нужен бы человек, который просто делает, никого не обвиняя. В министерстве: хлопающие двери — кажутся выстрелами.

25 Февраля. Старинные часы (в моей квартире) играют несложную немецкую песенку, и слова ее во сне кажутся словами простейшей министерской бумаги: «Член Совета Министра, свидетельствуя совершенное почтение Вашему Превосходительству» и т. д.

Член Совета подал вчера Министру докладную записку с планом спасения России, в бумаге есть фраза: «Когда уже рабочие массы вышли на улицу» (откуда они «вышли», где они были?).

Часы играют свою несложную немецкую песенку, и время от времени хлопает на весь дом, как пушка, входная дверь: «Постреливают? начинают?»

На Невском, как и в 905 году. Трамваи остановились, где-то в районе Ямской улицы все еще ходит конка, старая, темная, настоящая прежняя конка. Никто ее раньше при трамваях не видел, а теперь с удивлением смотрят: конка ходит!

Вчера два мальчика в швейцарской крайней левой социалистической газеты «День» подавали пальто сотрудникам, сегодня наборщики объявили забастовку, мальчишки не подают пальто и смотрят, как сотрудники, расходясь по домам, сами одевают друг друга.

Государственная Дума обсуждала отложить заседание до понедельника или продолжать совещаться и завтра: небольшим числом голосов приняли заседание на завтра.

Внезапно вынырнул откуда-то Уполномоченный Петрограда Вейс и предъявляет свои административные права.

Из статьи Леонида Андреева о картине Петрова-Водкина: «Но слова не бессильны!»

Любовь подлинная есть сила, которая не может быть безответной, и все-таки есть любовь «неудачная», безответная — что это за любовь? Ее бессилие, потому что она направлена на себя безудержно (слишком горячий новобрачный не может ничего «сделать»...); простота, здравость, внимание (Санчо-Пансо, Земляк) — элемент счастья, т. е. общения (соединения): несоединимость для Дон Кихота, беспредметность, отсутствие вещности (смехотворная ночь новобрачного: он и мог бы, но его настроение слишком высоко) .

Гриша-охотник. У него много оружия. Он говорит, что когда «начнется»,— он сделает из своего дома крепость, у него столько-то патронов — в кого он будет стрелять?

— Попробуйте, придите!

За время службы (с 1-го ноября) прошла передо мной картина возрастающей разрухи продовольствия, начиная с Урала, как вздулось дело о хлебе (вздувались разные дела — то

Урал, то молоко, то хлеб, то масло); спор нашего Превосходительства с вашим Превосходительством (Уполномоченные между собой) и другие все — надо вспомнить и соединить.

Страсть (половая) в конце показывает труп изуродованный обладаемого существа — но есть любовь (удалите из состава жизни Санчу-Пансу, и останется безумие). В эти дни это Санчо-Пансо спасал Россию.

При работе над собранием сочинений: повести верхние Дон-Кихотские: «Грезица» и Санчо-Панчская: «Посев», «У Горелого пня», «Радий». Всегда после первого рода повести я пишу вторую: «Иван Осляничек», после чего «Никон», «Грезица» — после нее «Посев». И сейчас думаю «Апис» и одновременно «Раздел».

26 Февраля. Сегодня 26-го все газеты не вышли. Весь город наполнен войсками. «И кого ты тут караулишь?» — говорит женщина своему солдату. И так видно, что он не знает, кого он караулит: враг свой.

Только он один говорит одно, а когда будет вместе с ротой, то он будет другим. Патрульный солдат не пропускает рабочего: нельзя за малым. «А другое что можно: за большим?» — «То,— отвечает солдат,— можно, а это нельзя». И не пропускает. То, другое (большое), может быть, совершится в эти дни и разрешит положение. Действия правительства нетрудно разгадать: когда внутри обострится до последней степени, назначит диктатуру и заключит мир (в обществе очень распространена легенда об одном пункте договора с союзниками: если внутри будут серьезные беспорядки, то Россия может заключить сепаратный мир). Сила движения в том, что крайняя правая (и одной правительство) не хотят воевать и крайняя левая (рабочие); двигаясь к цели, заключению мира, в конечной цели они совершенно расходятся: одни желают абсолютной монархии, другие социальной революции.

Фабриканты говорят, что забастовка не экономическая, а политическая. А рабочие требуют только хлеб. Фабриканты правы. Вся политика и государственность теперь выражают-

ся одним словом «хлеб». Как вначале вся жизнь государства была в слове «война!», так теперь в слове «хлеб!». Так что историк первую часть эпохи назовет Война и вторую Хлеб.

Рота солдат, проходя по Садовой, прислушивается.

— Двенадцать часов? — говорит унтер.

— Двенадцатый выстрел! — отвечает солдат. Так и солдаты настроены: ожидают выстрелов.

В бюро нашем кутерьма: потерялась шифрованная депеша о забастовке на патронном заводе, беда, просто беда, ищем, ищем, головы потеряли.

Есть такое общее ощущение, что эта забастовка с лозунгом «Хлеб» прорвала фронт мировой войны, и вся эта теория, кадетская ученая программа войны рушится. То была война, а то хлеб, то армия, а то «хлебармия».

Интересно вспомнить то время, осенью, когда я, интеллигент, явился на биржу хлеб свой продавать и чувствовал, что нелепо это, нехозяйственно, бесполезно — я один продаю!

Общее мнение теперь, что хлеб есть, и градоначальник вывесил объявление, что хлеб в Петрограде есть. И так вообще по Руси: «хлеб есть», но хлеба не дают.

Знакомые барышни стоят в очереди за хлебом: — Вы как сюда попали? — Мы шли на выставку Союза художников, смотрим, очередь коротенькая, и стали. Мы всегда, как увидим коротенькую очередь, за чем бы ни шли — остановимся. -- Как птички... Приходим на выставку с кусочками черного хлеба — хлеб этот для дома, для семьи, а вот картины для себя: то хлеб, а то совсем другое, и та барышня милая, что стала в очередь из-за хлеба для семьи, мила.

27 Февраля. Кинематограф, где мы сидели вчера вечером, погасил огни снаружи, чтобы забастовщики не остановили, но они все-таки заметили и остановили. Перед закрытием разговоры были: на Невском казак зарубил пристава, а Павловский полк стреляет, как хватил пулемет, по карнизам и проч. Неожиданно солидный инженер путей сообщения говорит:

— А вы думаете, правда — «товарная неделя»? угля не хватает, вот и неделя.

Так сплошь в России даже сами чины на кого-то жалуются и открыто спешат поделиться новостью, которая должна бы стать государственной тайной, будь дело государства личным делом чиновника.

Сегодня утро сияющее и морозное и теплое на солнце — весна начинается, сколько свету! На улице объявление командующего войсками о том, что кто из рабочих не станет завтра на работу, призывается в действующую армию. Мелькает мысль, что, может быть, так и пройдет: вчера постреляли, сегодня попугают этим, и завтра опять Русь начнет тянуть свою лямку...

Так думал и Протопопов.

Около трех дня прихожу к начальнику с докладом по делу Кузнецовской фабрики, а он говорит: теперь все равно: Артиллерийское Управление захвачено бунтующими войсками, Предварилка открыта — политические выпущены и проч.

Но бумаги мы продолжаем писать в Министерство Земледелия о том, что вследствие недостатка муки и рыбы каменноугольные копи Донецкого Бассейна должны прекратить работу, что Невьяновские заводы должны прекратить перевозку дров по недостатку овса.

«Свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству и проч...» Часы играют свою несложную немецкую песенку. Подписывая бумаги, разговариваем с начальником, я говорю, что звонился к разным деятелям — нет никого дома, не собрались ли все где-нибудь вместе.

— Очень возможно! — говорит, подписывая бумаги.

При выходе из Министерства смотрим на большой пожар на Выборгской стороне: Предварилка или Арсенал?

Хозяйка моя, немка, заявляет, что хлеба она больше давать мне не будет: теперь, говорит, каждый должен думать сам о себе. Я ей отвечаю, что теперь именно и должны мы думать не только о себе.— Нет,— говорит она,— теперь все о себе должны думать, как хотите!

Позвонился к Петрову-Водкину: ничего не знает, рисует акварельные красоты, очень удивился. Попробовал пойти к Ремизову, дошел до 8-ой линии, как ахнет пулемет и потом из орудий там и тут, выстрелы раздаются, отдаются, кто бежит, кто смеется, совершенно, как на войне вблизи фронта, только тут в городе ночью куда страшнее...

А телефон все работает, позвонил к Ремизову, что дойти до него не мог.

Швейцариха говорит:

—Присоединились, присоединились войска!

— Машины эти Протопопова! — Рассказывает, что три полка охраняют Государственную Думу и там заседают выборные и рабочие там.

И так кажется, что бы ни было, но все это к лучшему, что это гнев Божий и праведный гнев.

—Какой-то старичок на Лиговке,— рассказывает швейцариха,— хлеб получил в очереди два фунта, так, бедный, и лежит с хлебом в руках...

Наступили великие и страшные дни.

А все-таки мука есть! — вскричал Деммени.

— Мука может быть, но хлеба нет.

— Хлебом кормят лошадей.

— Овса нет, вот и кормят.

Пусть хлеб и прочее, он доказывает нелепости, ничего не зная, ничего не понимая, но когда все ему говорят, что нелепо, он кричит:

— А все-таки хлеб есть, не может быть, чтобы в России не было хлеба, хлеб есть!

Ночью С. П. позвонила: стрелял на Васильевском Финляндский полк, а теперь присоединился.

Завтра выйдет газета. И еще, чтобы не спать и принять, если кто попросится.

28 Февраля. Кончается длинный, длинный день, часы попрежнему играют свою песенку немецкую, и чуть долетают в квартиру с улицы выстрелы пулеметов. К Ремизову добраться не решаюсь: в разных домах засели полицейские, стреляют, а

по ним стреляют повстанцы, и не знаешь, где встретишь этот сюрприз (как вчера). От швейцарихи утром все новости.

— Присоединились! — настоящая революционерка.— А уж как барышни-то, с крестами, в автомобилях, да такие веселые, такие радостные!

На углу Тучкова и 1-й Линии кучка любопытных, мчится автомобиль с красным флагом с солдатами, пулеметом, и барышня там зачем-то сидит, и косичка у нее маленькая, маленькая рыженькая. «Ура!» — кричит, а из автомобиля стреляют: салют. Кто кричит «ура!», а кто удирает во все ноги. В Университете организуются санитарные отряды и питательные пункты, тут все новости: что Багдад взят, что распущены Дума и Совет, что телеграмму царю послали.

Вечером возле нашего дома стрельба: где-то тут укрывается пристав. Солдаты приступили к швейцарихе с требованием выдать пристава. Напугали женщину, и она, утренняя революционерка, вечером говорит:

— А что сделали это — лучше ли будет? (не такова ли и вся толпа?)

В министерстве в кухмистерской хозяйка-чухонка раньше кормила чиновников, а теперь несет «солдатикам»:

— А вас за что кормить?

Но ей сказали, что чиновники опять будут, и, подумав, она уступила и нас накормила.

Хозяйка обедов на Тучковой № 5, сказала, что будет кормить, и в это время нужно не только о себе думать. Новости в радостном свете: стройность, серьезность движения, борьба с полицией: кажется, что завтра рабочие станут за работу, пойдут трамваи. Телефон уже наладился. Две женщины идут с кочергами, на кочергах свинцовые шары — добивать приставов. Пожар охранки (архив-костер), дворцы Фредерикса и др. Слух о том, что царь согласился «присоединиться»,— так и проходит весь день среди этих людей так, будто все теперь от царя зависит.

1 Марта. Что от царя зависит — успокоить революцию, по-видимому, совершенно забыто. Пришел студен-

тик и рассказывает о митинге в Городской Думе, где <1 нрзб.> требуют первенства за первые жертвы.

Студент в повышенном тоне говорит, что социал-демократия не выражает народ. По сходке в университете видно, что манифест социал-демократов, опубликованный на одном листке с приказами Родзянки, произвел эту смуту: как будто два правительства: социал-демократов и думско-временное.

Спор начинается так. Студент-пораженец беседует с «товарищами» солдатами (рябой) и говорит ему: в Германии начнется то же самое, две страны... сговорятся... где-то рыжий, пухлый, темпераментный, розовый, в шарфе горячо об Эльзас-Лотарингии, а на что нам Константинополь... В это время подходит оборванец и горячо о единении,— рыжий встревается: социал-демократическую программу в сторону, преобладание рабочих депутатов, только политика и демократическая республика. Дело доходит до того, что пораженца называют изменником, вспоминают, кто погубил 905-й год.

Рыжий политик в очках с рабочим, рыжий:

—Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и... везде, везде.

Рабочий задумчиво:

—А в России не было. Рыжий на мгновенье смущен:

—Да, в России не было.— И потом сразу: — Ну, что же...— и пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии.

Венок студенту Смиренскому, умершему в тюрьме, с надписью:

«Вечная память! боролся за свободу,
Вечная память друзьям
Вечная память.........
Вечная память и месть врагам».

Потому что стреляли неизвестно кто и откуда, и там были вокруг военные, а здесь бегущая во все стороны в ужасе толпа. Я стал за угол дома и, сообразив здесь, с какой стороны стрельба, под прикрытием домов по линии вышел на Большой проспект и завернул на свою линию, повсюду была стрельба совершенно так же, как на передовых позициях. Телефон еще действовал, я позвонил к художнику, что дойти до него не мог. И он мне ответил, что это снима-

ют Финляндский полк с 18-й линии. После этого телефон перестал действовать. Всю ночь за стеной слышится бой, а часы невозмутимо по-прежнему играют немецкую песенку: «Члены Совета, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству...».

Наскоро пишу я записку, кто я такой, что нужно делать после меня с имуществом, и в конверте запечатанном опускаю в боковой карман. Швейцариха радостно меня встречает и рассказывает все новости, которые я, впрочем, тоже знаю: о Думе. «Присоединяются, присоединяются!» — радостно повторяет она,— а царя больше не будет».

Глядя на нее, я вспоминаю, что говорил Андрей Белый о состоянии духа, вышедшего за пределы черепа, я думаю — не думаю об этом, но знаю: за черепом швейцариха. И на улице тоже так: всюду слышна стрельба, а лица радостные, как на Пасху, все, как швейцариха.

По пути на студенческую сходку в Университете я захожу в Министерство позавтракать. Чухонка отказывается: чиновников она больше кормить не будет, за что кормить чиновников? Она понесет обед солдатикам. Один старый чиновник говорит ей: «Кто еще знает, как повернется, советую покормить и солдат, и нам сейчас дать хоть немного». Она вдруг что-то соображает, дает нам по кусочку телятины. «Вот так-то лучше!» — говорит старичок. Из любопытства прохожу по зданию Министерства: все пусто, нет ни души. Зато в Университете, как в 1905 году. Только теперь еще тут солдаты, и студенты их называют «товарищи». Нарастающая тревога... Чувствуется, что не праздник это тем, кто делает, что это все тыл: тут радуются, а там?.. И кажется, что толпа уж не такая радостная.

Швейцариха открывает мне дверь, я хочу разогнать свои нехорошие чувства о радость ее и говорю ее словами, что все присоединяются. Но она мрачная говорит: — Кто знает, будет ли нам от того лучше? Пораженный, смотрю на швейцариху, в чем дело? И она мне подробно рассказывает, что жил в этом доме пристав и убежал, а теперь солдат с ружьем пришел к ней за приставом, [выдать приста-

ва] и грозил ей. Швейцариха теперь совсем не такая, как утром, и повторяет: «А хорошо ли, что так сделали?»

И уверены, что не будет выстрела, и нет — вдруг началось. В сердце творчества — в Думе.

Рябой солдат уверен, что Смиренский от радости умер (что выпустили). Как арестовали Хабалова, обстрел Зимнего Дворца, раздача оружия малолетним, начинают разбивать ренсковые погреба. Вопрос — где царь? Легенда слабая: «Царь сдался». Обстрел Зимнего Дворца. А Протопопов будто бы скрылся в Зимнем Дворце, но ему предложили сдаться, потому что из-за него разобьют дворец, и он сдался и впал в обморок, и его на носилках унесли в Думу.

Жуткий вопрос, что делается в остальной России — никто этого не знает. И кто-то говорит: «А радость какая, будто Пасха».

Посетил своего начальника. Его рассказ о князе Шаховском — встретил его в Москве — прострация: виноват Хабалов, что распустил солдат, ездили на трамваях, курили, так будет дня три, потом взять человек десять, повесить — и все будет по-прежнему.

Телефон: Москва присоединилась, Новгород присоединился.

Два брата: Разумник и Окулич. Когда я спросил по телефону Разумника: это ведет к междоусобной войне (Совет и Дума), он отвечает, что это будет через несколько дней. И потом, когда я объяснил «пораженчество» Окуличу, как он вскричал: «Так это измена!» По-видимому [Окуличи] и Разумники в огромном меньшинстве (даже среди рабочих).

Окулич пишет письмо Гучкову, что он не может сидеть без дела, и просит дать ему дело: «присоединяется».

По телефону: «полковник» застрял в Малой Вишере, к нему поехали Родзянко и Гучков отбирать подпись об ответственном министерстве. Есть слух, что телеграмму ца-

ря: «Подавить во что бы то ни стало» спрятали под сукно. Полковница под арестом. Шах и мат.

По телефону: Шаховского арестовали. Смерть (моральная) Протопопова. Министр торговли: Николай Ростовцев, Шингарев — министр земледелия, Керенский — юстиции и т. д. А городовой все стреляет, их упорство похоже на немецкое. Слухи о каком-то тайном коменданте Чебыкине, который распоряжается действиями городовых. Воображаю одного городового, который сидел на чердаке и не понимал, что все восстали, и стрелял во всех.

Спор Деммени и Васильева (есть мукá, нет мукú): Деммени не понимает, а Васильев туго, но начинает что-то понимать и «присоединяется».

2 Марта. Утренний пеший поход в Государственную Думу. Полная тишина: ни одного выстрела. Будто переходишь из глубокого тыла на фронт. Литейный, Окружной суд — моряки в красном: а вообще все, как в завоеванном городе, и даже объявления старого правительства, как объявления в Львове старого правительства.

В квартире Масловского, как в штабе.

Для истории: 1-й выстрел раздался на дворе Николаевской Академии, и им был убит командир Волынского полка.

В Думе: у жерла вулкана. Котел с пищей под кафедрой — солдаты едят. Екатерининский зал: солдатский митинг. Нарастающий гнев журналистов на диктатуру эсдеков.

В редакции «День». Водовозов: — Что может наделать гадкий человек — я всю свою жизнь только одною мыслью — об Учредительном собрании.

Учредительное собрание. Тревожный вечер: ожидание, что все взорвется.

3 Марта. Время. Редко может кто сказать о событиях с точным определением времени, так много всего пробегает в обыкновенный его час. Настоящее начало революции, момент ее начала есть уже предмет исторического исследования. Свое же начало (как в моих наблюдениях) было

так: я пошел к начальнику доложить о деле Кузнецова, а он говорит: «Ну, теперь все равно... артиллерийское Управление взято...» и проч. (это было часа в три) и прочее.

Плохо спится, и в утомленных глазах, насильно сомкнутых, в темноте так четко рисуются прекрасные здания, засыпанные снегом, и город из них прекрасно цельный, белый.

Утром: почта пришла, дымки курятся в трубах фабрик — неужели становятся на работу? Вчера дымков не было.

Увозить семью или подождать?

Вышли на улицу и слушали в народе весть о соглашении двух комитетов и новых приказах новых министров. День чудесный — солнечно-морозный март. И возрастающая радость народа. На Невском огромное движение, снимаются иллюминационные императорские гербы, складываются в кучи, зажигают, а в витринах показывается объявление об отречении царя. Процессии рабочих-солдат с: «Социалистическая республика» — «Вставай, подымайся» — («Боже, Царя» — не существует).

Разумник, Щеглов и я едем из редакции в Думу, хроникер говорит нам, что вот по следующему переулку лежат какие-то спирали. Завертываем посмотреть на спирали и обсуждаем, глядя на них, что это за спирали. Спрашиваем солдатика, думая, что это какая-нибудь часть пулемета, а солдат говорит: «Тут участок жгли, это пружина от матраса пристава, тут вот и пианино сожгли».

Хроникер Сватиков — назначен помощником градоначальника, В. В. ходил к нему просить пропуск для осмотра архива. «Ваше превосходительство»,— спросили его по телефону. «Сватиковых» явилось великое множество, большинство их — полуграмотные журналисты. Нас (генералов) в Думе Сватиков (один из них) заставил целый час дожидаться изготовления пропуска, и мы в это время обсуждали: не дать ли ему взятки в виде прибавки пятачка за строчку. Один из таких Сватиковых (Стеклов), получив уведомление от Исполнительного Комитета, что разрешает выход таких-то пяти газет, сообщил нам, собравшимся журналистам, что разрешается только печатать

то, что они печатают в «Известиях». Это произвело ошеломляющее впечатление.

Товарищ Максим со своей «Летописью» в корректуре. Он приводит меня в Совет рабочих депутатов. Полное изнеможение, мозоли водяные на ногах, в два часа ночи будит телефон. Петров-Водкин: в восемь часов всем завтра прийти на организацию министерства Изящных Искусств.

Старое правительство арестовано, но и новое под арестом Совета рабочих депутатов — ужасающе-трудное положение правительства, и отсюда в сердце каждого думающего новая тревога, как мы не знали раньше, покупая спокойствие ценою рабства братьев своих.

Вечером собрались у Разумника: я (ваше превосходительство), полковник Масловский, рядовой Петров-Водкин, княжна Гедройц и читали друг другу стихи. Говорили о сборнике «Скифы» и давали материал художнику: скифы счета не знают, европейцы все учитывают. Приходит в голову, что если бы можно было по правде писать, что думаем, что делаем мы ежедневно: как Ремизов болел, как Г. себе рак вырезает, как Петров-Водкин ходил к адъютанту учиться честь отдавать, и что при этом думают и чувствуют. Так под давлением войны, военной цензуры и всяких подобных скал лежит сдавленная личность, и не слыхать ее стона. Как они, эти люди, до сих пор не могут начать соединяться для спасения мира; не только этого нет, но даже голоса Предтечи грядущего. Этот мир, о котором оповестили нас немцы, будет не ими возвещен и не англичанами, не государствами и народами, он будет возвещен государствам и народам личностью страдающего распятого Бога. Но пока и Предтеча Его не являлся.

Разумник и Жаворонков. Материал первого – история, второго – бытовая история интеллигента и параллельная история сына елецкого мукомола. Жизнь моя в Петербурге и жизнь моя в Ельце. Когда затрубила труба, то как

затрубили интеллигенты, и как один из них «не приял» (от разума). В народе все шли по повелению, нужно идти, Иван Митрофанович, конечно, не пошел добровольцем и пребывал в умножении отцовского добра, а Михаил Михайлович -- воин, по-видимому, так зарядился войной, что уже ничего и не помнит: самоутешение в отчаянии, какие-то принципы: самому убить человека, испытать до конца.

4 Марта. Почему-то все мои новые знакомые по квартире, по столовой стали опять незнакомыми, и сидим опять мы за обедом, уткнувшись в свои тарелки, и если сказать соседу что-нибудь, то, кажется, почти что залезть ему в карман.

«Скверное обстоятельство», о котором намеками говорил Масловский, оказалось то, что царь передал верховное командование Николаю Николаевичу.

— Помолиться бы,— говорила женщина.

— За кого молиться: митрополит арестован, царь отказался, другой царь отказался, за ломового извозчика разве?

— А за народ?

— Ну, за народ попы еще молиться не прилажены.

Возвращение на место службы: ох, как трудно заниматься мирным делом, и только на этом понятно, как устал, сколько пережито. «Козочка» скакала по революции радостная. Плебисцит: все барышни за республику, один только регистратор из семинаристов за монархию, даже курьер Васька сказал: республика. Позвали к Товарищу министра: совершенно исчезла неловкость с начальством (даже я это чувствую).

По разным признакам видно нарастающее нерасположение общества к эсдекам. Главное — по вопросу обороны, а они спешат пичкать солдат пряниками: выдают векселя товарищам сознательным солдатам. И раздражение разных культурных индивидуалистов, вроде меня, за лишение свободы слова, за «Участок» и проч.

Кажется, высказанная мной вначале формула будущего верна: если немцы будут наступать, правительство новое окрепнет, если будут соблазнять миром — то соблазнят, и пойдет междоусобие.

Студентам все еще не наскучило таскать с собою винтовки.

Риттих не застрелился, а прощен и уехал к себе — несправедливость.

Редактор «Дня» разводит руками: главный материал газеты — критика правительства,— что же теперь делать?

«И восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе, и не будет Господь отвечать вам тогда».

Но, кажется, это Он ответил, и революция эта будет русскому народу прощена: тут не было рассуждения, «преступления с заранее обдуманным намерением»; никто не знал, что будет завтра и кто что сделает: полки шли покорять Петербург, но, далеко не доходя, опускали оружие и присоединялись к восстанию.— Что же мне делать? — спросил государь.— Отречься от престола. И он отрекся.

И так надвое думается, а в то же время согласно: что нужно готовиться к войне, а войны не будет: война кончена. Как — неизвестно, немец, может быть, и наступать будет, но фронт всеобщей войны прорван.

Республика или монархия? Я себе так отвечаю: Союз областей (федерация) при царе, совершенно бесправном (разработать).

5 Марта. Как будто не только освобожденные, но и прощенные люди. Толпа Невского, от которой раньше все стремились свернуть в переулок, теперь такая, что жалко оставлять ее, свертывая в переулок. И мил мне стал даже В. В. Водовозов, глухой человек, всю жизнь живший одной думой об Учредительном Собрании. Обезьянкой поджав ноги, садится на диван и приставляет ухо ко рту оратора. Он весь высох, он весь — только шкурка интеллигента,— он только раздражительность и продолжает раздражаться,— но все равно, теперь этому улыбаешься и любишь, потому что и он принят в Общее царство.

Колокола — первый раз услыхал колокола, воскресенье. В ожидании первых газет длинная очередь. И когда они вышли, то все с разных сторон города весь день, возвращаясь домой, пуками, как носят вербу, цветы, несли газеты, кто какие добыл.

«Прорвалось» — «нарыв»... самые употребительные слова. Может быть, там, на фронте (в Государственной Думе) все еще боятся краха, но здесь, в тылу, совершается празднество настоящей великой победы.

— Товарищи! — говорит извозчик,— посторонитесь.

— Товарищ! — говорит офицер извозчику,— довези до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь, и на живот.

Князь Л. Наконидзе, секретарь отдела мореплавания, погружен в работу и в восторге пишет бумаги. Так, вероятно, будет и со всякой работой. Видимо, уже исчезает страх перед опасностью голода: моя хозяйка принесла мне большой хлеб.

Большая толпа следует за военным, и настроение ее опасно: — Арестовать! — слышится. А сказал он, выслушав уличного оратора, только так: «Ну, смотрите, много беды наделает вам социализм». Вслух не все можно сказать (свобода слова?). Бородаевский сочинил гимн, мне он не понравился, я переделываю про себя слова «Боже, Царя» и бессознательно напеваю гимн, чуть слышно, и вдруг останавливаюсь: мне кажется, кто-то слышит меня... А что, если правда кто-нибудь меня услышит?

Вечером почему-то долго не приходит М.— не погиб ли там, на Знаменской? И как тогда эта радость представится? Сколько их таких? Потому много их, что и война вся эта была, как революция, и жертвы ее — жертвы революции. Не будь войны, не было бы и революции...

Мелочи могли бы все изменить: если бы царь не уехал в Ставку, и с ними можно бы разговаривать было?

К концу апреля написать и отправить Корнею Ивановичу Чуковскому для «Нивы» (Улица Гоголя, 22) 300 строк о Ремизове про Обезьянье ведомство.

В кабинете министра ночевали студенты с винтовками.

Вопросы своего бытия: бросать министерство и предаваться газете или нет. Дотянуть две недели до 26-го.

Под самый конец царствования Романова, когда министры сменялись с большой скоростью, мы с Ремизовым, независимо друг от друга, основали два новые ведомства: он — Обезьянье в кругу своих знакомых, я — Заячье внутри Министерства Торговли и Промышленности (где я служил, укрываясь от войны, делопроизводителем отдела «Военного Времени»).

Курьер приходит и говорит: — Заместитель царя приедет с новым министром.— Кто заместитель? — Родзянко.

6 и 7 Марта. Пропустил день записать и не помню теперь.

После дней революции я еще не напечатал ни одного своего слова, и мне радостно, что я еще ничего не сказал: как будто передо мною лежит огромное невспаханное поле девственной земли, и я, как многие пахари, теперь, в марте, осматриваю перед началом работ свою соху и потом выхожу на пригорок осмотреть поля.

Прошлое, как большая низина болотная, и я в муках ищу высокое место, откуда можно бы оглянуться на себя и на все.

11 Марта. Дни — нарастающая тревога. Гучков пишет воззвания, что немец идет на Петроград, а в «Известиях» рабочих солдатских депутатов напечатана «Первая ласточка»: что будто бы «от германских социал-демократов из какой-то местности вблизи Берлина» получен первый привет по радиограмме: «Ура! товарищи!» Одно правительство кричит «Долой войну» и что в Берлине революция, другое призывает к войне и говорит, что враг угрожает столице, и всюду кишат шпионы.

Дни — всевозможных выборов и организаций, с поверхности радость пробуждения, внутри тревога и вялый труд: дело не делается. Большое делается, а малое, в деталях, стоит, чем отметить его, а было в нем, конечно, какое-то звено. Новый министр А. И. Коновалов говорил речь нам, а потом, говорят, и курьерам то же сказал — зачем курьерам? Хамство высших чинов и слова Деммени: «Пожмите руки». Слишком что-то скоро «присоединяются». На скамейку вскочил какой-то маленький делопроизводитель и держал речь о единении чиновничества. Говорят, что без согласия всех чинов, чтобы не перемещать: для этого нужно, чтобы все мельчайшие служащие министерства руководствовались интересами государства.

Заячье ведомство распущено: все стали людьми.

Барышня говорит: «Мне все равно, что мне дала революция?», другая: «Нет, все это хорошо, я ничего не имею против, но чтобы равенство с рабочими, этого я не хочу».

Домовые выборы и всякие, всюду слышишь только о выборах: кого-нибудь куда-нибудь выбирают.

Правительство еще в плену у социал-демократов, но жизнь рвется, и эсдечество неминуемо рассосется во всем организме.

7 марта пошел трамвай, и все пришло в полный порядок. Евреи-банкиры радуются, плачут — смеяться они, как вообще евреи, не могут, но плачут — если бы они думали, что будет торжество социалистов, то чего бы им радоваться?

Раньше на кого-то злились в трамваях, теперь все терпят: некого винить.

Все решит поведение немца: если, паче чаяния, у них будет революция, наш совет рев. демократов пойдет по пути социальной программы, если решительное наступление, неизбежно свержение совета и военная диктатура.

Трагично положение этой маленькой кучки полуобразованных людей сектантского строя психики, овладевшей

властью над всей огромной страной,— немец внутренний вновь появился. И до того непонятно простому здоровому человеку (Окулич) поведение социал-демократов, что считает их изменниками, уверен, что это германские шпионы.

Я не верю в Берлинскую революцию, но вражды не чувствую к захватившим власть, такой вражды, чтобы вступить с ними в войну и примкнуть к другой группе: их правда, но осуществится она не теперь, не насильно.

13 Марта. В банке встретился первый живой русский старик из провинции:

— Республика или монархия?

— Республика, потому что сменить можно.

— А как же помазанник?

— В Писании сказано, что помазанники будут от Михаила до Михаила — последний Михаил, и кончились. А теперь настало время другое, человек к человеку должен стать ближе, может быть, так и Бога узнают, а то ведь Бога забыли (Из «Невидимого Града».)

Защитный цвет: всюду защитный цвет красный приняла Россия, но где-то на Ангаре еще ничего неизвестно.

У развалин сгоревшего Литовского замка через Крюков канал лежит оборванный кабель, проволока у конца его расширилась, как паучиные лапы, и мешает идти по тротуару. Со страхом обходят ее прохожие, боятся, как бы не ударило электричество, но ток уже выключен, и силы в проводе нет.

— Вот так и власть царская,— говорит мой спутник, старик купец,— оборвалась проволока к народу, и нет силы в царе.

— Все ли оборвалось?

— Все, теперь будет республика. За весь народ говорю: никто не скажет, простой человек за царя. Потому что сменить можно и в республике.

Мне вспомнилось из своих записанных наблюдений: в г. Варнавине в годину Варнавы ночью в церкви, куда собрался народ в ожидании утрени, бородатая старуха говорила:

— Небеса и земля, братие, мимо пройдут, а словеса мои не пройдут. При последних временах пророк ложный обоймет царя... И тут ему конец.

— Кому? — спрашивают старуху.

— Царю. Он его хоботом убьет. И тогда первый царь Михаил воскреснет, рученьки поднимет к небу и скажет: «Не могу с безобразниками царствовать».

Вот так и власть: оборвалась и силы нет. И я так размышляю о власти, что вот был я, когда-то жил в бедности, но был свободным, и был царь себе самому. «Хороший вы человек и талантливый, только зарываете талант свой в землю: только не можете вы поганое дело делать, и оттого силы в вас нет и ничего вам поручить невозможно». Я соблазнился и поручил поганое дело этому человеку, и стал он моим секретарем. Повалили мне деньги через этого секретаря, благодушествую я, а он дело делает. И так скоро вышло, что шевельнуться не могу без секретаря моего. А он даже во фраке, собственные дома. И я, царь его, теперь стал, как раб, а он — как царь, и секретарь мой корону надевает, а я все худею и худею. Но вот оборвался кабель, и я опять стал царем.

— Вот так и власть царская,— говорил мне спутник купец.

14 Марта. В Совете Р.С.Д.— на выработке воззвания к рабочим всего мира (усы голодранца да купцы). Президиум: Чхеидзе (помазанник: смазали!), Стеклов: час лекции о французской революции и другим по 5 минут. Бедность из лиц, из слов. Почему самые бездарные люди стоят во главе? Не люди, а жилы власти революции. Позади их Петр и «Марсельеза».

В куче у ног Петра тупое лицо солдата — не он ли возглавивший, 1-й сделавший выстрел (миф). Так что кажется, будто не эти жалкие люди, а Петр ведет.

Серьезные, умные лица солдат, о чем они говорят: «Не молитва приближает к Богу, а правда и дело».— «Чем из-

менять, надо сначала выработать. Господа! — извиняюсь, господ нет: товарищи!» — «Нужно это объяснить в деревнях, чтобы сохраняли порядок и везли продавать хлеб». Представители от сапожников, портных, от кожевников. Истеричный полковник Бозенков, командир Измайловского полка, говорить стал: гражданин, свободный от дубин. О газете «Правда»: все эти газеты разными путями к одному. Полковник, указывая на Стеклова, говорит солдатам: «Мы слушаем теперь вот кого!» Стеклов показывает на народ: «Вот кого, полковник!»

Чтение заявления и обсуждение: «Подать клич — клич «демократия республики».— «47 лет они ковали, а мы клич подавать!»

Большинство за оборону. Правда этого дела: Россия мир предлагает без аннексий и контрибуций: свергните Вильгельма. При выходе какая-то девушка говорит солдатам: — А войну закончат женщины! На улице извозчик говорит солдату: — Ну, что? — Постановили.— Что постановили? — Свергнуть всех тиранов и первого — Вильгельма.— Хорошо! — Чтобы, стало быть, для гарантии, для свободы.

15 Марта. У Горького «штаб». Долетает: «Его еще не произвели в прапорщики?» Какая-то дама просит устроить знакомого — летчиком. Максим прекрасен: радость зовет проповедовать, чтобы люди почувствовали радость, изменяли свои личные отношения, чтобы писатели как-то по-новому писали. По его словам, мужики хлеб навезли, добровольцы на фронт пошли. Большой очаровательный человек и в славе.

Как человек из подполья. Обойденные: Ремизов — сказал ему о Горьком свое мнение, и Ремизов побледнел, облился потом и говорит: «Вы лакей Горького!» и проч. Причина сего: несчастье его, которое загородило ему дорогу к свету, радости народной. Они революции ждали, из-за нее жизнь свою затратили, а когда пришла революция, сидят не у дела. Так и Окулич: 25 лет трудился на революцию, и когда совершилось, бумаги мимо пошли, новые люди его не знают, знают как революционера те, с кем он боролся,

и те в тюрьме; бумаги идут мимо, дела нет, без дела не может жить, принимает валерьянку, пишет резкий отказ (но про пенсию не забыл) — пусть лишат пенсии,— и едет в Сибирь строить мельницу.

Радость отсутствует в населении, потому что не освободились от страха: знаки на дверях человек неизвестный поставил — и во всем доме переполох.

17 Марта. И мне и Окуличу не хочется ехать на свои хутора, потому что жулье народ вокруг. И так по всей Руси.— Сыры делать умею лучше всякого швейцарца, а ехать делать? Да если бы это было в Германии, а то ведь жулье. Как тут радость объявить?

18 Марта. Горький: не могу отделаться от мысли о Пугачеве, когда слушаю его беседу с кем-нибудь по всяким вопросам: знает или не знает, а двух мнений у него нет. Тут есть у него какая-то ложная точка (спайка), на которой он, настоящий Горький, вертится, как эксцентрик. Так оно и понятно: сила его (даже в материальном смысле) в связи с рабочим, и эта связь — это власть.

23 Марта. Похороны жертв революции.

Небывалое на Руси: самочинный порядок. Красный гроб, красные хоругви, безмолвие церковное: звонили только в католической церкви, и то, может быть, по своей нужде. Знакомые места: Дворцовая площадь и 9 января 1905 г. Козочке всего было тогда 6 лет, и она помнит только, что вода прекратилась. «Вечная память», похоронный марш и «Марсельеза», как волны: похоже на студенческую вечеринку нелегальную. Тишина на Садовой (ущелье). Марсово поле: бегут под «Марсельезу». Красные колонны — пустынность — простота — земля — тайна церковных похорон заменяется массой народа, движения, страха перед давкой и т. д. И так же, как после похорон настоящих, швейцар говорит: «Порядок!» (восхищение: постоянность). Тут свои предания, своя история.

Когда начала смолкать стрельба на улицах и люди стали выходить из домов массами на Невский, в это время газетного голода вынес некий торговец множество книг в зеленой обложке, мгновенно его окружила огромная толпа, и когда я добился очереди, то ни одной книги для меня не нашлось: все было раскуплено. Книга эта была «История Французской революции». Кто только не прочел ее за эти дни! Прочитав, некоторые приступили читать историю Смутного времени, которая читалась с таким же захватывающим интересом, как история Французской революции. Так само собой, имея под собой почву революции, возникло, пробудилось великое стремление знать свою родину, и через несколько лет каждый будет знать историю, потому что это стало совершенно необходимо, потому что образование есть, стало таким же нужным для творчества жизни, как пахарю плуг. И это не то образование, которое стало распространяться в последнее время, чтобы вывести в люди.

Все больше и больше с каждым днем вырастает фигура Петра Великого как нашего революционера (Петроград, освободивший Россию), и все выпуклее вспоминается смутный страх мой во время заседания Совета рабочих депутатов в Морском корпусе, что рабочие свергнут статую царя-революционера. Страх этот был ни на чем не основан и был порожден моим особенным «декадентским» состоянием души. Но он был. Я вошел в огромную залу и видел: море голов сидят, я сел с ними и прислушался, о чем говорят: пулемет, молитва, правда.

В своих очерках «От земли и городов» нужно установить вехи, одна из них: что сталось с людьми, которых я раньше знал.

Монархия наша — это теперь забывают — только в самое последнее время стала отвратительной и ненавистной и, главное, потому, что она предавала нас врагу, но в целом истории она вовсе не то, чем теперь представляется. Нет оснований думать, что она возродится, если только не чересчур постараются социалисты, но гнет самоопре-

деления уже ложится на плечи бедных людей, и уже всюду в хлебных очередях слышится ворчание.

25 Марта. Солдат без оружия, жалкий, потрепанный ходит по улице и просит хлеба, говорит, что с фронта. И всего таких еще до революции было два миллиона — сколько их теперь?

Работа органическая нигде не налажена, и со всех сторон предупреждают о возможности новой катастрофы. Усиливается раздражение на Совет рабочих и солдатских депутатов.

26 Марта. Что говорят в Думе и что совершается в то же время на улице (там вот-вот арестуют) — тут ликование (сжигают гербы) и единение. Так очевидно, что нечто совершается помимо людей (полки подходят усмирять и разоружаются). Вот так и великая война к чему ведет — никому не известно: известно только одним социал-демократам, и, вероятно, в этом их сила: почему же иначе студенты и курсистки в страхе держат весь уезд, почему глупейших людей в Совете рабочих депутатов называют «вождями»?

Что в аграрном нашем вопросе можно сплеча решить, не копаясь в статистике и в аграрной науке всякой,— это чтобы земля, во-первых, не была подножием политической власти земельного класса и, во-вторых, чтобы земля не была предметом спекуляции. Первое устранено фактом революции, свергнувшей монарха, второе предстоит разрешать Учредительному Собранию. Невозможно землю отобрать у частных владельцев, но возможно запретить ее продавать иначе как государству. Причем для мелкого землевладения и среднего можно сделать облегченные налоги, для крупного — такие большие, что продать ее государству будет необходимостью.

Доходят слухи, что рабочие депутаты начинают расходиться с солдатскими (крестьянскими).

27 Марта. Перед революцией у меня зубы болели, и я пломбировал и ходил к врачу до тех пор, пока пройти к нему стало невозможно — обходя Невский по Гороховой.

«Речь» или «Новая жизнь»? Теоретически все положение Совета верно, а практически помочь им мне ничем невозможно. И их сектантство, их бревна на пути к общему чувству спасения отечества для меня непереходимы.

Вынь да положь! Курсистки требуют предметной системы, начальство искренно соглашается и желает приступить к работе, так нет — вынь да положь тут сейчас предметную систему.

— Невозможно, из пазухи, что ли, мы ее вынем, дайте время.

— А какая гарантия, что вы это сделаете? Вынь да положь!

Социалист требует земли для крестьян.

— Согласны, вся земля будет крестьянам, разработаем.

— Нет, вынь да положь. Армия требует хлеба и снарядов.

— Подождите, вот в Берлине будет революция, может быть, и не так нужно будет.

А она отвечает:

— Когда это будет, враг наступает, вчера был разбит целый город, [это] давно, снаряды и хлеба — вынь да положь!

29-го поступил в газету «Новая жизнь» и чувствую себя среди них еще больше белой вороной, чем раньше в «Речи».

Мы обедали в столовой: чиновник из сената с женой, секретарь отдела мореплавания, два чиновника из министерства путей сообщения и ученая дама, разговаривали о дороговизне жизни и невозможности среднему человеку жить и одеваться прилично. В это время десять человек в поношенных пиджаках и косоворотках вошли в квартиру, очень напугали хозяйку, она думала, экспроприаторы, а они попросили обеда.

— Обед два рубля! — сказала хозяйка.

— Согласны!

Они быстро съели обед, заплатили деньги и ушли. Мы доедали второе и смотрели друг на друга.

— По десять рублей в день! — сказал сенат.

— По восемнадцати! — сказал другой чиновник.

— И им не нужно одеваться! — сказал третий.

И все мы чувствовали, что мы теперь с своими окладами, с квартирами, наградами куда беднее, что мы какие-то хорошо одетые, так чувствующие, но, в сущности, гнилые и беспомощные существа, лишенные даже возможности украшать свою речь в обращении с начальством словами: «Ваше Превосходительство!» Его Высокотоварищество Господин Пролетарий вышел откуда-то из трущобы и занял место Его Высокопревосходительства. Мы жалели его, пролетария, но кого же теперь нам жалеть? и мы пожалели себя. Только один из нас не пожалел себя и говорил, как безумный, Медному Всаднику: «Ужо тебе, Ваше Высокотоварищество! ты пришел, и я, тень твоя, с тобой, я буду ходить по следам за тобой, тень твоя».

30 марта. Продолжение Спиридовича. Семашко — социал-демократ. Маслов — эсер. Семашко — умный, но уязвленный. Маслов — несчастье. Личное несчастье и страдание — основа психологии русского революционера и выход из него: проекция причины несчастия на поле народное. И поле зеленое меркнет.

Эсеры мало сознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет добра и зла.

Социал-демократы происходят от немцев, от них они выучились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на практике они мало убивают (эволюция). Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманным убийством.

Эсерство направлено больше на царизм, чем с-дечество. То и другое у нас после царизма, если не будет всеобщего мирового краха капитализма, полиняет, вылиняет и превратится в европейский социализм и экономизм.

История нашей революции есть история греха царского. На все живое падает тень, и оно становится темным, призывая из тьмы к свету: вперед!

И так, что царя уже давно не было, приближенные царские давно уже, как карамельку, иссосали царя и оставили народу только бумажку. Но все в государстве шло так, будто царь где-то есть. Те части народа, которые призывали к верности царю, сами ни во что не верили, были не люди, а мифы. В то время, когда была министерская чехарда при грозном росте цен, по которому только и можно было судить о быстроте и значительности времени, когда в центральных учреждениях никто уже не верил в царя, часто приходило в голову: но как же все-таки держится Россия? Царь был тенью, министры тенью, а Россия все жила и жила.

В этой тишине тайно совершалась революция: каждый стал отвертываться от забот о государстве и жил интересом личным: все, кто мог, грабили. Это привело к недостатку продуктов в городе и армии.

Петербург стал как Париж — изменение быта: одетый в солдатское хулиган отбирает яблоки у женщины и грозит штыком. Черный автомобиль. Два «литовца» в трактире: — Долой оружие! — Извиняюсь, товарищ!

Человек, мотающий на ус. Встречаются на Невском (выползли):

— Как поживаете, Ваше превосходительство?

— Не у дела.

— Вы не у дела? — с таким выражением, что уж если вы не у дела, то кому же управлять государством.

— А как вы?

— Я тоже не у дела.

Идут и мотают на ус: и то, что вот немцы ударили на Стоходе, и что распутица. Другой бы порадовался, что отсрочка удару, а они горюют: как же теперь подвозить будут хлеб. И что двоевластие.

Мы — и в Европе... еще не осознаем, что такое совершилось с падением царизма, как бы не проснулись: говорим о войне и победе, когда уже исчезло почти все, из-за чего мы воюем.

31 Марта. Россия была до сих пор страною таинственной, с народом-сфинксом, как было принято говорить.

Теперь неизвестная страна показалась. «Земля!» — воскликнули на корабле. И вот корабль причаливает к этой новой земле.

Когда тревога, похожая на состояние души во время кораблекрушения, миновала и мы увидели, что жить еще можно, и оглянулись вокруг себя, то услышали, что все вокруг заботятся о хлебе насущном, становятся в бесконечные очереди перед хлебными лавочками, пробуют раздобыть сахару, масла, мяса. Было похоже на кораблекрушение, после которого мы попали на землю необитаемую и стали придумывать средства жизни на этой новой земле.

Раньше мы жили в стране неподвижной.

В дни революции в великой тревоге мы иногда спрашивали себя: а какая же Россия, что там делается на Руси? Ответа не было. Потом стали приезжать люди из провинции и рассказывать. Но в газетах о провинции было мало, и вот, спустя уже больше месяца после революции, в газетах о жизни страны почти нет известий.

Министерство разделено на департаменты, Россия разделена на губернии. Во главе России стоял царь, во главе Министерства министр, директор департамента соответствует губернатору. И все так от начала до конца соответствует. Так что, переходя из одного департамента в другой, мы легко можем представить себе, что переезжаем из губернии в губернию. Так шла вся машина, все изменилось. Министр мог ничего не делать, и он нам не очень был нужен, если Совет Министров, то мы готовили все ему жвачку и пр. Теперь министр все делает сам, у него забита голова, к нему не добиться, директор-губернатор — ездят на службу, ходят на собрания. Так и по всей России — мы ничего не знаем, как будто ничего не делают...

Собрание сибиряков.

Эксцессы: председатель Дзюбинский:

— Товарищи, теперь я предлагаю комиссии сибиряков выразить приветствие Временному Правительству.

— А совету рабочих? — кричат из публики.

— Вы очень торопитесь, товарищ, я предлагаю выразить приветствие Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов.

— Ура! Ура!

— Над Россией взошло солнце правды, предлагаю прокричать ура борцам за свободу!

— Ура!

— Предыдущий оратор приветствовал борцов за свободу, я должен сказать, что между нами нет никого, кто не боролся бы за свободу!

— Ура!

7-го выезжаю в Хрущево: надо решить, возвращаться через месяц (комнату оставлять) или не возвращаться.

Сопоставить Россию с Министерством (губернию — с департаментом), а министров и чиновников с их отделами — помещиками с имениями.

Как весть о революции бежала по Сибири и всех охватила паника смещения начальства, смещали всех и даже крестьянских начальников, без которых очень трудно обойтись. Волостные комитеты и крестьянские съезды.

Не забыть о словах еврея Кугеля в самом начале революции при споре о монархической республике:

— Вы не знаете русского крестьянина: есть царь — ладно! нет — ладно!

Было очень обидно слушать, но это так. Царизм уже давно пал и держался искусственно.

Гинденбург очень точно определил свои надежды: рабочие займутся миром, крестьяне — помещичьей землей, без рабочих на фронте не будет снарядов, без крестьян — продовольствия.

— Смотрите, товарищи, прилетит сюда чемодан Гинденбурга, и выскочит из него Николай!

— Довольно травли солдат на рабочих.

На трамвае рабочий говорит: «Довольно, повоевали, пора и мир!», а солдаты угрюмо молчат.

Два лозунга: 1) «Мир без аннексий и контрибуций» с хвостиком: ну, а если они не хотят, то воевать! 2) Война до полной победы с тайным хвостиком: «А тогда разберемся!»

За вторую формулу в стране большинство, первая — официальный лозунг нынешней власти: Совета рабочих и солдатских депутатов.

Все зависит от того, насколько, как сумеет поставить себя Совет, чтобы приобрести доверие всюду.

«Травля», во-первых, возникла сама собой, как результат соперничества солдат и рабочих в первенстве революционного дела, во-вторых, Совет первыми неумелыми шагами породил в стране мысль о двоевластии, в-третьих, на споре солдат и рабочих основывается мечта контрреволюции, немцев и, вероятно, чуть-чуть грешит Временное правительство (истолкование «Речью» поражения на Стоходе).

Многим непонятен призыв к миру Совета, думают, что этот мир (подобно крестьянскому лозунгу «земли» — разъяснить) значит, слабость, а на деле это призыв сильный, более сильный, чем «Война!»: мир всего мира — то, о чем молятся только в молитве «О мире всего мира!», — это признается рабочими.

Воззвание к народам мира о мире без аннексий и контрибуций имеет недостаток один, что оно отвлеченно и выражено языком (аннексий и контрибуций), мало понятным для простого народа. Между тем это совершенно то же самое, о чем с детства столько лет мы слышали в церкви, когда дьякон, потряхивая кудрявыми волосами, возглашает: «О мире всего мира Господу помолимся!»

Я сказал об этом своему соседу в Совете депутатов, и он ответил мне на это:

— Правда ваша, но только теперь к Богу приближает нас не молитва, а правда и дело!

Совет — школа для демократов. Нам очень много зла принесло чтение французской революции, которая запугивает. Но условия совершенно другие. Большинство — обыкновенные крестьяне. А вспомните, какие крестьяне были во французскую революцию (Тэн).

Окулич. Он исходит из старого порядка и не может перейти воображением за черту революции.

Точно так же невероятно трудно и даже немыслимо разрешение аграрного вопроса, если исходить из того, что было, нужно исходить из того, чего не было. Все это, однако, при условии, что нужно сию же минуту подавать хлеб и снаряды.

2 Апреля. Вот и Пасха пришла. Первую весну в своей жизни я не чувствую ее и не волнует меня, что где-то на реках русских лед ломится, и птицы летят к нам с юга, и земля, оттаивая, дышит. Потому что война, а когда война, то лишаешься не только тишины душевной, а даже стремления к ней.

Мы ходили к заутрене с Ремизовыми в Синодскую церковь, «О мире всего мира!» — возглашают в церкви, а в душе уродливо отвечает: «О мире без аннексий и контрибуций». И как сопоставишь это в церкви и то, что совершается у людей, то нет соответствия. Как ни велико деяние, как ни торжественны эти похороны красных гробов, но сюда ничего не попадает. И не славой воскресшего Христа озарены лица бабушки русской революции, Плеханова и всех таких.

Когда к Хомякову пришли русские мужики требовать земли, то он сказал, что согласен, только, со своей стороны, требует, чтобы раздел был между всеми в уезде. Так он сразу поставил их на государственную точку зрения.

Разумник говорит, что будто бы невозможно удержать крестьян, которые вернутся с фронта, от захвата земли, значит, вместе с тем от огромного понижения производительности, сопряженной с разорением городов.

3 Апреля. Горький и вывезенная им из Италии радость жизни, которой не хватало русскому народу: теперь, по Горькому, настало осуществиться этой радости. Монаху пристало время взять счастье: и взял! Горький — министр изящных искусств. Едва ли он даже социалист. Эта языческая радость в народе выразится стремлением к захвату земли (дай Бог, чтобы к планомерному). Рассказывают о письме одного солдата, выбранного в офицеры, к жене, он пишет ей, чтобы она, как жена офицера, теперь ходила к офицершам, купила бы себе «саку и еспри». Кажется, Горький согласился быть министром изящных искусств.

Представительство избранных (религиозных искателей), по которым мы судим о народе своем теперь, при «Четыреххвостке», должно неминуемо замениться представительством «еспри и саков».

Профессор Прянишников сказал: «Я не понимаю, как самый отсталый из европейских народов может дать миру нечто такое высшее, чего там нет еще».

Прапорщик сказал: «Я скептик».

Учитель по горло занят организацией выборов в Думу на Острове.

Алекс. Андреевич возмущен эсдеком и говорит: «Я держусь возможного и не признаю невозможного».

Петров-Водкин ходит в восторге от народа, от солдат, и, когда его в тревоге спросишь, что же дальше будет, он говорит: «Буржуазная республика!» и поправляется: «Капиталистическая». Все, что он принимает от Горького, это ему радостно, и городок науки, и храмы искусства, и что народ учиться будет, жить хорошо — все это прекрасно, все это буржуазная республика.

Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник Божий. Этот царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как Божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь.

Распутин, хлыст — символ разложения церкви и царь Николай — символ разложения государства соединились в одно для погибели старого порядка. (Народ вопил об измене.)

И все-таки это еще неизвестно, была ли в «измене» царицы и Распутина злая воля.

4 Апреля. Не справляясь со своей записной книжкой, я совершенно не могу теперь определиться во времени: все происходило вне нашей обычной меры времени.

Перед самой революцией Андрей Белый читал свои оккультные лекции о построении мира и призывал нас для постижения выйти за пределы своего черепа: и в эти дни мы вышли за эти пределы.

Утром какого-то дня я выхожу на службу в свое министерство, кучка людей остановила трамвай и отобрала ручки у вожатого. Ручки, сказали мне тут, имеются в одном экземпляре и новые сделать не так легко. «Значит,— подумал я,— это совершается не на один день». Но почему же тогда городовые не останавливают? «Значит,— думаю я,— эти ручки — пустяки, и где-то совершается более важное, и городовые там».

1) Конка ходила; 2) Трамвай пошел — конка засыпана снегом. Трамваи, хромая, уехали в парк.

В отделе продовольствия рабочих заводов и фабрик, где я служу, досадная бумага: «Его Высокородию». Я встревожен, но Член Совета Министра заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято в предприятиях, обслуживающих Оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство Земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия. Член Совета пишет отчаянную бумагу министру, чтобы он настоял в Совете взять продовольствие рабочих в свои руки. В бумаге есть выражения: «Когда рабочие массы уже вышли

на улицу» и что, если сделать так, как предлагает Член Совета, то еще есть надежда «спасти родину». И за бумагой чувствуется предложение для этого дела себя самого. Я думаю, как при разорении трамваев, что, вероятно, не в этом главное теперь, и людям с одним техническим кругозором «родину спасти» нельзя.

Хлеба!

(Деммени у Хабалова и Шаховского развить.)

А бумаги все поступают и поступают: там по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов. Нет времени по каждой отдельной бумаге составлять письмо в Министерство Земледелия, и я просто отправляю копии бумаг с короткой сопроводительной: «Член Совета Министра N, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству N имеет честь препроводить при сем и проч.». Кажется, я пишу такие бумаги и следующий день и еще день. За это время забастовщики остановили газету, где я работал вечерами. По улицам ходят процессии с флагом и надписью «Хлеба». Самовар у Казанского собора. Так это знакомо по 5-му году. Кругом говорят, что это не политическая забастовка: хлеба просят. Но не понимают, они, что слово «хлеб!» теперь звучит так же, как «война!», в этом слове все. В своем дневнике я записываю, что этим словом «хлеб!» начинается конец и что плотина прорвана. А в департаменте я все отсылаю и отсылаю в Министерство Земледелия бумаги с сопроводительной: Член Совета, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству. Ночью, последней ночью перед выходом войск я сплю кошмарным сном и понимаю слова несложной немецкой песенки, которую каждый час играют часы в моей квартире, немецкие часы выговаривают: «Член Совета Министра свидетельствует совершенное почтение Его Превосходительству».

27-го. В бюро ко мне приходит один фабрикант из Тверской губернии и рассказывает, что у них на почве нехватки продовольствия рабочим было два случая самоубийства. Я выспрашиваю его подробно, составляю бумагу Министру Земледелия от нашего министра, иду с бумагой

в сопровождении фабриканта к Управляющему отделом. Выслушав нас, он говорит: «Теперь все равно, сейчас войска взяли Артиллерийское управление». Фабрикант выпучил круглые черные глаза. Член Совета говорит: «Это хорошо, если у них организовано, а что, если это стихийно, понимаете, что произойдет?» Говоря так, он бумагу с просьбой хлеба для продовольствия Тверской мануфактуры подписывает и еще несколько срочных сопроводительных с текстами: Член Совета Министров, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству. Через ряд комнат я прохожу в регистратуру сдать подписанные бумаги. Барышни уже ничего не делают и обсуждают вопрос, какими улицами безопаснее пробраться домой. Два делопроизводителя, один археолог — старичок, большой консерватор, горячо говорит другому, который под влиянием времени попал в оппозицию: «И все-таки у нас хлеб есть!» — «Что же из этого толку,— отвечает другой,— если повсюду на фабриках и в городах голод».— «И все-таки,— твердит археолог,— у нас хлеба много, я только это хочу сказать, что у нас хлеба много».— «А Суд горит!» — «И все-таки хлеб у нас есть!» — горячится старичок и пространно развивает свой план экономической организации. Свои бумаги я распоряжаюсь отправить Министру Земледелия и покидаю службу. Многие выходят со мной раньше времени, но многие и остаются на своих местах. Пустынная набережная, где стоит наше Министерство, теперь наполнена людьми, все смотрят на дым пожара, одни говорят, что горит Арсенал, другие, что Окружной Суд. Странно играют часы в моей тихой квартире свою немецкую песенку, невыносимо, невозможно сидеть дома одному. Я звонюсь к приятелю художнику: «Что вы делаете?» — «Сижу с акварельными проектами».— «А знаете, что происходит?» — «Нет, ничего не знаю».— «Сейчас я приду к вам». И я иду к нему в гости, чай пить. На улицах много людей, главное потому, что нет трамваев. На четырнадцатой линии я слышу разговор кого-то с дворником: «Завтра будет объявлено осадное положение».— «От кого же осадное положение?» — спрашивает дворник. Итак, его вопрос такой смысл имеет: враг, против которого осадное положение,— все.

— А кто введет? — спрашивает дворник. — Правительство.— Правительство?

В этот момент вдруг совсем близко от нас (на 16 линии) раздались те звуки машин смерти, которые я слышал на войне. Только теперь было гораздо страшнее, потому что там я шел на это, а здесь я шел пить чай к художнику и...

Нищие — странно — показались вновь на улице в большом количестве, почти как до войны: куда они девались раньше! Эти нищие и анархисты — это злые тени его высокотоварищества господина пролетария, тени, которые в оный день именем бога нового низвергнут господина пролетария и назовут его Аваддоном.

Третий год ходит сюда обедать дама (ученая) и всегда, завертывая в бумажку, уносит с собой все остатки хлеба. Она всюду собирает эти остатки, уносит сухари и посылает мужу в Германию: муж третий год в плену.

— Я вас успокою, господа, это не голод и не ужас, как вы думаете, это путешествие, и не свадебное, а серьезное, как у Робинзона, которого мы все читали с восхищением.

— У нас на Острове,— говорила другая компания обедающих,— мы устроили отдельную Думу, здесь, на Васильевском есть такие своеобразные условия хозяйства, здесь, на Острове.

— Путешествие,— продолжал он,— как у Робинзона на острове, где нет для нас работников и все мы должны работать и начать жить сначала.

Переход моей жизни от чтения Бебеля и до чтения Спиридовича: сколько прошло с тех пор, когда мы, юноши, со всех концов Руси летели как бабочки на свет в высшие учебные заведения и, попадая туда, обжигались на чтении Маркса, Бебеля и Бельтова. Я помню это путешествие и т. д.

Вот теперь немногие из нас уцелели в рядах, мы, начав это дело, разошлись, имея каждый свою личную судьбу и, как кажется мне, продолжая лично переживать то, что назначено пережить всем, когда они переживут нами начатое. Мы, кажется мне, теперь могли бы предсказать

этот путь общего дела, только слушать нас теперь никто не будет...

Казалось раньше, что в случае чего можно забраться в свой угол, забраться, забиться и выжидать. Но теперь углы эти разбиваются, из этих углов людей выбивают — бежать некуда. В Америку? В Америку нельзя стало бежать: и там война!

Человек-богоборец под красным знаменем, придерживая рукою красный гроб, шел по улице города, и церковные колокола были немы, и духовные отцы глубоко запрятывались в каменные ячейки домов, недоумевая и оглаживая длинные бороды, в бездействии и с большим любопытством выглядывали из окон. И один благочестивый из них так и не мог понять богоборца-человека и ночью, в снах своих тревожных видел несущийся по городу Петра красный гроб под звуки французской музыки, и растревоженная совесть его при встрече с красным гробом отнимала силу прошептать: «Да воскреснет Бог!» В ужасе просыпался он и творил молитву, но как только закрывал глаза, ему показывались красные, как налитые кровью, колонны домов и красный гроб, несущийся по городу Петра, а сам Петр был на красном коне и в красном плаще. «Вот откуда все пошло! — говорил он.— Ужо тебе!»

Из Тульской губернии приехал делегатом от группы землевладельцев к Министру Земледелия один помещик, владеющий пятьюстами десятин земли с хозяйством сложным, организованным для производства молочных продуктов.

Доклад землевладельца развивает ту мысль, что в настоящее время каждое хозяйство должно развить максимум производительности, и потому нужно принять меры, чтобы до времени Учредительного Собрания производство могло быть ненарушаемо.

Местные крестьяне приняли весть о перевороте сравнительно спокойно, без особого труда даже земледельцу удалось попасть в волостной комитет, где все единодушно, и помещик и крестьяне, настаивали на необходимос-

ти теперь работать дружно для большей производительности и не лишать строй отношений до Учредительного Собрания. Но когда он приехал в уездный город, то увидел, что власть в местном комитете захватили один студент и барышня, председатель земской управы бежал, член управы переоделся в ярко-красный цвет заодно со студентом и барышней, и тут уж его голос совершенно замер. Боясь, что волнующаяся масса проникнет в крестьянскую среду, он отправил в Питер делегата от владельцев к Временному правительству. Тут ему обещали просто его поддержать и сказали, что вот именно это и совпадает со взглядами правительства. Потом он, совершенно усталый, попал в Совет рабочих депутатов и услыхал там от одного оратора, говорящего солдатам, что и Учредительное Собрание еще ничего не значит, во Франции разгоняли собрание штыками. Это его поразило: «Как можно это говорить солдатам!» Так же поразило, как то, что он вскрыл в уездном городе: студент и курсистка говорили о земле и воле, вовсе не считаясь с необходимостью производства для обороны. Из Совета рабочих депутатов он вышел совершенно смущенный и сказал, что в стране находятся два правительства и работать так невозможно. С трудом удалось нам его успокоить. Мы говорили ему о том, сколько сделано за месяц по пути единения, обрисовали ему положение вещей в планах и теперь, и когда он убедился, что в ходе событий есть известная закономерность, [сказал]:

— Тогда нужны знания и знания, мы будем бороться с ними посредством знания: мы соберем цифры, мы будем их бить цифрами.

Кого бить, с кем бороться? Со студентом и барышней, захватившими власть.

Французы-то, учреждая конституцию, ведь не думали, что их разгонят штыками: они верили.

И при чем тут Франция и XVIII столетие, когда вот сейчас подавай хлеб для армии. Все: вынь да положь.

Помещик побывал везде в Совете рабочих депутатов, <*4 нрзб.*> в Университете, на Бестужевских курсах и везде одно и то же теоретическое: вынь да положь.

[Хрущево]

9 Мая. Вчера вернулась зима, снегом засыпала поля, заледенели ветви расцветающих деревьев. Николай Михайлович в отцовском макинтоше, зазябший, входит ко мне с веточкой вишневых бутонов:

— Вот решение.

Решение тревоги за сад: может быть, эти оледенелые почки даже не воскреснут, плодов не будет совершенно, крестьянам незачем будет ходить в сад, доставать плоды, ломать ветки, и сад будет спасен.

— Ты как думаешь, лед ниже нуля, или только при нуле может такой лед замерзать? — спрашивает он.

И ему так хочется, чтобы сад замерз, иначе гибель родительскому саду неминучая. Хочется ему этого так же, как нашему доктору в Японскую войну хотелось поражения России.

— Неестественно,— говорит он,— а так есть, и, по-моему, тут в основе какая-то неправда, несправедливость.

Проходили с Николаем Михайловичем мимо дров и вспомнили, что вчера в комитете постановили дрова запретить продавать и реквизировать их безвозмездно.

— Значит, мы останемся без топлива?

— На этот год оставят.

— А дальше что? — И вдруг, посмотрев на парк: — А впрочем, этой елки хватит на неделю.

И стал развивать дальше свою мысль, и неожиданно мы решили, что это очень хорошо, липы заменят яблоки, они росли неправильно, теперь все вырубят и новый парк насадят.

— И нечего жалеть, если новый.

— А если ничего не будет?

И если так земля, как она есть за парком, эта выпаханная, истощенная, изрытая оврагами земля останется? Но это невозможно, это очевидно, что все для обновления земли совершается.

Страх перед Европой.

Совершилось то, что смутно ожидалось в начале войны при неудаче с Самсоновым в Восточной Пруссии, когда

при этом наступлении железного врага на время подавила наша неправота к земле, к земному устройству, перед ленивым, блуждающим по голому темнеющему горизонту большака взором предстал европеец со своим рабочим днем...

Мы работать не умеем, но из своих медвежьих углов, обеспечивающих полуголодное существование каждому, завистливо смотрим... А в сущности, европейские государства но отношению к России — лишь карликовые крестьянские хозяйства вокруг колоссальной помещичьей экономии.

Барин из прогоревших

Моя дача в старой усадьбе в революцию стала моим большим нервом, который мужики вечно задевают, вечно раздражают, и так, что не рад этой революции, лишившей меня пристанища. Недавно лишили меня запаса ржи и раздали его бессмысленно крестьянам, которые богаче меня, на днях лишат запаса дров, поговаривают о том, чтобы в мой дом перевести волость. Никому нет дела, что семена клевера я купил на деньги, заработанные в социалистической газете, что жалованье моему единственному рабочему идет тем же путем. По-видимому, не только земля объявлена общей, как вода и воздух, но и талант мой писать. Не только сад, посаженный моей матерью, объявлен общим, но и мое личное дарование, которое всегда было моей гордостью за независимость... Земля поколебалась, но этот сад, мной выстраданный, насаженный из деревьев, взятых на небе, неужели и это есть предмет революции?

Голос со стороны большевика: «Зачем ты свой талант капитализировал? Твое собрание сочинений есть капитал и рассказы твои и статьи дают деньги, ты со своим талантом арендован».

— Кто это такой? — спрашивают мужики, показывая пальцем.— Барин, т. е. бывший барин, а теперь гражданин. А, между прочим, из прогоревших.

Весть о социалистическом правительстве хороша тем, что вместе с тем появляется надежда на откровенное решение вопроса о земле. Нет ничего подлее современности: по внешности порядок «ввиду необходимости дружного обсеменения земли», а внутри напряжение хаоса. Про себя решено землю помещика отобрать, про себя каждый тащит из именья, что может, а снаружи сельский комитет дает ручательство, что сучка не возьмут, делают смешные выступления ревности: помещик будто бы плохо следит за собственностью, ему делают замечания. «Вы пускаете корову в свой лес!» — замечает комиссар. А ночью сам пускает в молодой лес свою лошадь, и деревня пускает все стадо. Эта маска порядка во имя грабежа пришлась очень к лицу русскому мужику. И поистине великое дело сделает правительство, заставив снять эту маску, объявив землю государственной собственностью. Боюсь только, что земля — собственность народа — будет новою маской: под маской каждая деревня будет думать: моя земля, а не твоя, и деревня против деревни наточит нож. Сейчас отводный канал — собственность помещика. Поэтому одновременно с отменой прав собственности на землю нужно чрезвычайное напряжение созидательной деятельности волостных комитетов, милиции и т. д. Но невозможно это все ввести под давлением войны, голода, постепенного захвата голью, как буря, и потому самое вероятное, что в ближайшем будущем начнется полоса новой разрухи, и социалисты, члены Временного правительства, раздерутся между собой, и крестьяне с рабочими, и деревня с деревней.

Мельник сказал: «Вы не знаете русского человека, с ним ничего не сделаешь, потому что он очень самолюбив».— «Напротив,— говорю,— в нем очень мало самолюбия». Поспорили, не понимая друг друга. «Ну, как же не самолюбив,— говорил мельник,— кто у нас думает об общем, все только о себе».После этого мы внезапно друг друга поняли.«Государственных интересов он не понимает», — сказал мельник. А помощник на это хмуро заметил:

«За государственность теперь, господа товарищи, можно попасть в каталажку».Он, очевидно, смешивает государя с государственностью. И я объяснил ему разницу.Подумав, он почесал в затылке и ответил:«А пралич нашего брата смирит».

Гражданка Ростовцева.

Любовь Александровна Ростовцева, в свое время так стоявшая за свое дворянство, подает теперь в волостной комитет бумагу с просьбой нарубить в своем собственном лесу для себя дров и подписалась: «Гражданка Ростовцева». Волостной комитет и не запрещал рубить леса, она сама это выдумала, послушавшись прислуги. Но, видя такое смирение, волостной комитет постановил: «Признать, что леса составляют общегосударственную собственность». А по поводу заявления гражданки Ростовцевой постановил назначить комиссию из трех лиц, которая, осмотрев запасы дров Ростовцевой, установит, действительно ли она нуждается в дровах.

Вообще помещик, оставшийся на месте, сжался в улитку, иногда он даже что-то делает на благо народа, приспособился, живет с ним до встречи с каким-нибудь солдатом-оратором из Совета рабочих и солдатских депутатов и вдруг видит тогда, что нет никаких путей компромисса, что социализма такого он совершенно не понимает.

Земельный Комитет, [председатель] рыжий шут в волости подыскивает причины оправдания, в городе в Земельном Комитете сидит в черной рубашке с ремнем с мстительными глазами эсер и жалуется, что нет у него никаких инструкций — беда! беда!

В день майского ненастья

Завистливый раб, не работает, лишенный всякого общественного чувства, человек, называемый мужиком, и нетрудоспособный, малообразованный негосударствен-

ный человек-разумитель (интеллигент) образовали союз для моментального устройства социалистической республики на глазах у иностранцев.

Блудный сын выгнал из дома отца своего и взял в свои руки дела, которые делали отцы и деды, а он не касался.

Ураган с метелью страшной три дня бушевал у нас в мае, замело все наши поля, завалило снегом крыши, сады, как будто с расчетом перевернуть ход этой обыкновенной весны. Только мы, обыватели, хорошо зная, что природу повернуть невозможно, затопили печи и три дня пили чай без работы. Есть красота в этом урагане, только она проходит, а сидящий у печи остается. И он сидит,да, он прочно сидит и дожидается. Кто мешает нам... (самолюбие) и т. д.

Диктатура

Диктатура простого народа все-таки не остается надолго, потому что имеет справедливость бича Божья, но не имеет всей справедливости.

Доверие

— Признаете ли вы Временное правительство? — Признаем.— Доверяете? — Доверяем! А гость из Москвы, солдат, говорит: — Мы доверяем потуда, покуда оно с нами считается,— поскольку оно доверяет нам.

«Граждане, выметайте!»

Комната заседания членов волостного комитета наполняется людьми с улицы, валят все, даже бабы и дети, духота, накурено — не продохнуть. Время от времени председатель говорит:

— Господа! Так невозможно! Кто-то кричит:

— Товарищи! Выгоняйте! Граждане, гоните! Выметайте, товарищи!

Всех выгоняют, и через четверть часа опять волость наполняется и опять то же самое:

— Граждане, выметайте!

Не слушаются только два солдата назади — безрукий и безногий, толстый и тонкий, они злобно кричат:

— Вы нас вывели, а мы вас на обществе выведем, вы не думайте, что вы вечные!

И этих двух тронуть боятся.

Гость из Москвы говорит:

— Граждане! Знайте, что мы, солдаты Московского гарнизона, все организованы, мы все понимаем, мы все читаем, мы даже знаем слова иностранные!

Мужики слушают с великим вниманием: знает слова иностранные!

— Я как член гарнизона заявляю вам: я недоволен, что мы плохо стремимся!

— Плохо стремимся!

— Революция произошла, а ум человеческий не произошел. И я вам скажу, вы не граждане, а вы ослы!

Председатель останавливает и просит не употреблять таких выражений.

— Ослы, потому что непросвещенные, у нас теперь враг не голод и германец, а культурно-просветительная деятельность, что мы некультурные. И вся Россия необразованная и никакая!

— Благоразумные ваши мысли я поддерживаю,— говорит председатель,— но прошу ближе к делу.

— К делу перехожу: нужно делать так, чтобы имения барские хладнокровно, планомерно переходили в волостные комитеты. Леса рубить не давайте и сами не рубите, потому что, ежели вы будете рубить, то между вами получится штурма! Так, товарищи, не доверяйте никому, и я вам, как член московского гарнизона, заявляю, что земной шар создан для борьбы.

11 Мая. По ту сторону черты моих человеческих наблюдений преступные действия: вчера на улице зарезали купца, сегодня в деревне вырезали семью мельника. Эти

наблюдения я не вношу в круг человеческих, следуя за обществом, которое приписывает эти преступления выпущенным на свободу каторжникам.

По ту сторону (по нашу) всюду, где я бываю на собраниях, в комитетах деревни, села, волости, уездного города, я встречаю маленького человека Ивана Михалыча и солдата Московского гарнизона, большого оратора Мишукова.

Иван Михалыч ходит на собрания, чтобы найти точку опоры: ему хочется сохранить свой сад с пчельником, несколько десятков земли возле сада и молодой лес с сенокосом. В поисках душевной гармонии с окружающим миром он продал свой дом в городе и купил на эти деньги часть помещичьей усадьбы, пчельник, лесок, посеял клевера, завел скотину, пару лошадей, овец, кормит несколько свиней. Он уже был очень близок к достижению своего земного кусала, ему оставалось только засеять десятину земли гречихой и медоносной фацелией, как вдруг случилась революция, и крестьяне вокруг усадьбы стали говорить, что земля эта — их старинная земля.

Старый человек Кузьма рассказал на деревенском сходе, что отец его Мирон эту землю пахал, и где пчельник теперь, там стояла его изба, и дуб старый, что теперь стоит, и тогда стоял, и был дедами его посажен, а Мирон постоянно на этом дубу хомут вешал.

Вначале крестьяне это слушали добродушно и даже уверяли Ивана Михайловича, что ему нечего бояться, земля его купленная и на троих ребят земли только так. Но душа Ивана Михалыча со времени революции потеряла равновесие, холодная весна с частыми морозами вплоть до майских снежных метелей подорвали хозяйство: рожь изредилась, зачичкалась, овес захилился и пожелтел, пчелы не находили взятка и наполовину осыпались. Главное было в том, что Иван Михалыч вначале с радостью принял революцию, как суд Божий и земной выход справедливости, но когда дело коснулось его собственности, то почувствовал какую-то тревогу. Спрашивал себя, чем он может быть виноват, и не находил ответа: он ни в чем не виноват, а между тем тревога растет.

На Пасхе пошел убить на свой пруд дикую утку, встречается неизвестный парень-дурень. «Не дам,— говорит,— стрелять, утка не твоя! — и спугнул ее камнем.— И земля,— говорит,— не твоя, земля общая, как вода и воздух».

Рассердился Иван Михалыч, навернулся даже ружьем на дурня, а тот не боится, взял его за плечо и говорит: «Я тебя арестую, пойдем на деревню».

Собрался сход. Парень оказался известный, моревский, сидел одно время за кражу, по теперь признали, что кража эта маленькая, и выбрали за смелые речи представителем в волостной комитет. Иван Михалыч все рассказал на сходе, как ему Мишуков утку помешал убить, и заявил, что земля общая, и арестовал его. «Кто тебя на это уполномочил?» — спросил Иван Михалыч. «Общественное ораторство!» — сказал Мишуков. Мужики полномочие признали. «Кто тебе сказал, что земля общая?» — «А оно так и есть!» И мужики признали, что земля действительно общая. Насчет утки сказали Мишукову, что напрасно он утку пугал и что грабежей и насилий теперь не нужно, потому что с этим в прошлую забастовку в яму попали, нужно, чтобы все было тихо и ладно. С этим согласился и Мишуков. «Нужно, действительно,— говорит,— это осознавать и землю господскую переводить в крестьянские руки хладнокровно и планомерно, и не затем, что это им хорошо (показал на Ивана Михалыча), а что иначе при дележе между деревнями получится штурма». Благоразумные эти речи очень понравились мужикам. Мишукова отпустили с миром, Ивану Михалычу сказали, что утка эта прилетит опять «обязательно». И отпустили с миром врагов в разные стороны.

В длинной речи, которую говорил Мишуков крестьянам, запали в душу Ивана Михалыча такие слова: «Я,— говорил Мишуков,— не затем утку пугал, чтобы лишить пищи хозяина, а потому, что земной шар создан для борьбы!» Думал об этих словах Иван Михалыч, и всю душу его от них перевертывало, потому что он всегда считал наоборот: земной шар создан для мира и тишины, а борьбу принимал, как ветер северный и бурю, что как буря про-

исходит от задержки воздуха, так борьба человеческая — от несчастья.

С этими своими мыслями Иван Михалыч идет в деревню, собирает сход и говорит им о мире и тишине земли, и что земля должна непременно перейти в руки народа-земледельца для тишины духа, и все это выйдет после Учредительного Собрания: в этом Собрании голос будет иметь весь народ, и он весь рассудит справедливо, как быть, а до этого нужно ждать и терпеть. Вся речь мужикам очень понравилась, и в волостном комитете депутатом они выбрали тут же Ивана Михалыча: он грамотный и руку он держит правильно.

После этого Ивану Михалычу стало на душе славно, радостно, но когда пришел к себе, посмотрел, что еще улей от холода осыпался, послушал, как соловьи не поют, а только давятся, то успех ему был не в радость, и опять стало на душе тревожно, и мысль, что земной шар создан для борьбы, ему опять все навязывалась. Не хотелось от хутора отставать, но делать нечего: стал читать газеты и приготовляться к борьбе за мир. Долго разбирал в газете, что значат слова «мир без аннексий и контрибуций», долго думал об этом, не приходил ни к чему. Ездил нарочно в город к социалисту-революционеру студенту Владыкину, спрашивал его об этом, долго студент ему это объяснял и глобус показывал и рассказывал про империю, и так уму все было понятно в этих словах, а сердце не разумело. Студент чувствовал какое-то внутреннее сопротивление Ивана Михалыча, и под конец это его раздражило: «Если вы,— сказал он в заключение,— выговорили А, то нужно выговорить Б, если вы говорите «мир», то нужно прибавить «мир без аннексий и контрибуций».

В Преполовенье вышел денек теплый, дорога подсохла, Иван Михалыч идет в село помолиться Богу. Народ собирается в церковь по-прежнему, и даже Мишуков там: собрал вокруг себя на кладбище дураков и баламутит, что Иисуса Христа, Божью Матерь, Николу Чудотворца можно оставить, а попа и всех прочих угодников следовало бы из церкви убрать.

Со слезами подходят к Ивану Михалычу бабы и рассказывают про это ему так, будто Временное правительство отменяет святых. Покачал головой Иван Михалыч, успокоил баб, как мог, и входит в церковь, и мысль его с ним неотступная входит в церковь о мире без аннексий и контрибуций, помолиться бы о мире, а в голову лезет, что без аннексий и контрибуций.

«О мире всего мира!» — читает диакон.

«Без аннексий и контрибуций»,— думает Иван Михалыч.

И вдруг просиял: без аннексий и контрибуций, да это же и есть о мире всего мира.

14 Мая. Нагавкин — русская фамилия: нагавкали на человека — вот и стал он на веки вечные Нагавкин. А впрочем, жулик на редкость. Живет он в мещанской слободе, и по виду, живет словно купец, а разобрать? С 27-го числа, как началась революция, приходил каждый день оратор и вечером ораторствовал и разбирал всех, кто буржуй, а кто пролетарий. Вот как-то раз стали так разбирать, Нагавкин и говорит: «А что, посредник торговли — буржуй?» — «Конечно,— отвечают,— буржуй!» и: «Ну, а как же и тот, что два яблока и коробку спичек на пупе носит, тоже буржуй?» — «Посредник, значит буржуй!» — «И я тоже».— «А ты, что ж, ты самый и есть буржуй: фабрика, [собственный] дом и прочее». Тут Нагавкин вынимает из кармана всю свою канцелярию. «Пожалуйте!» — подает какие-то квитанции. Рассматривают товарищи: нефтяной двигатель — заложен, кожа — заложена, здание — заложено. «Это,— говорит Нагавкин,— фабрика, а вот дом». Посмотрели: дом тоже заложен и перезаложен. Потом пошли пиджаки, сапоги, женские бурнусы. «Жена только не заложена, жена моя, ну, как, товарищи, после этого: буржуй или пролетарий?» Подумали, подумали товарищи, поспорили, вспомнили опять того, кто два яблока и коробку спичек на пупе носит, решили опять, что тот буржуй, а насчет Нагавкина ничего не могли решить. И так в Черной Слободе живет кожевник-фабрикант, в собственном доме живет и чем-чем только не занимается, и рожь осыпает, и яйца скупает, и старые се-

ребряные кокошники перетапливает, и принимает дохлых ягнят и собачьи шкурки, а сказать определенно про него никто не может: буржуй он или пролетарий.

15 Мая. Пантелимон Сергеевич!

Только собрался было поблагодарить Вас за идею поехать делегатом Временного Комитета в Государственной Думе в Орловскую губернию, потому что на первых порах это меня очень устроило: в городах и в деревнях всюду я был вначале желанным гостем, всюду я рассказывал, по наказу пославших меня, что я стою на беспартийной точке зрения, и всякая партия, признающая Временное правительство, мне одинаково близка. Все было хорошо, пока в деревнях было спокойно, а главное, пока в той волости, где находятся мои 32 десятины, я ничего не предпринимал.

Нужно Вам знать, что из этих 32 десятин под пашней находится только 16, разделенные на 8 нолей по две десятины, и каждое с посевом клевера. Остальные десятины находятся под вырубленным лесом, под садом, насаженным руками моей покойной матери, и огородом.

Дети мои маленькие, и в помощь жене моей нанимаю я работника, которому плачу в месяц 50 руб. В общем, содержание хутора приносит мне убыток значительный, но я заинтересован не в доходе, а так, нравится мне это простое житье в деревне, в саду, который насадила моя мать. Я никогда не думал, что эта маленькая собственность сделает меня врагом народа, тем более, что крестьяне местные хорошо помнят осаждавшего их насчет меня урядника, слышали, что я в тюрьме сидел, некоторые читали мои статьи и книги. Тут-то, в своем краю и надеялся я найти себе теперь дорогое мое призвание. И оказалось, что я ошибался, и вот почему: я не учел, что мой клочок земли есть только небольшая часть разделенного между моими родственниками имения, мы-то его разделили, но в представлении крестьян оно целое. А потом, что имение это куплено было отцом моим у дворян-крепостников, и теперь, в момент борьбы народа за землю и волю, прошлое сего мира должно всей тяжестью обрушиться на мое бытие.

Представьте себе, что какой-нибудь шалый оратор начнет путать мое имя с настоящими помещиками — вступлюсь же я за себя, а вступился за себя, им покажется, я вступился за помещиков. Или я начну защищать правительство и закон от анархии, все, конечно, будут думать, что я это делаю в целях защиты помещиков и своего хутора. Я это сразу понял, все было хорошо, пока я молчал. Но время настало, меня прорвало, и теперь я погубил себя в родном крае окончательно и бесповоротно.

Расскажу вам, как это вышло. Однажды приходит ко мне депутат от сельского схода и спрашивает моего совета, как быть с нашим священником: второй раз в обходе помянул «Николая Кровавого». Священника этого я знаю и перезнаю, тихий человек, робкий, многосемейный, забитый жизнью,— где тут ему бороться за Николая Кровавого,— тридцать лет на одном и том же месте поминал благоверного, как тут не ошибиться! «Просто,— говорю,— он ошибся».— «Нет, сознательно,— отвечает депутат,— и его, и супругу, и наследника помянул, и как помянул, гул пошел по церкви (пятнадцать человек солдат вышли и совершили возле церкви великое бесчинство). А другие, кто остался, поняли, что новый переворот совершился и что так оно и следует молиться опять за царя».

Что тут делать: чувствую, значит, батюшка ошибся, а вступиться за священника — себя потерять. «Вот,— говорит депутат,— как вы к нам от Государственной Думы приехали, то просим на сход пожаловать и объяснить нам, как с ним, с таким попом, поступить». Иду я на сход в смущении, вижу, на камешке старичок сидит Никита Васильич, спрашиваю его: «Правда,— говорят,— поп на великом входе императора поминает?» «Пустяки,— отвечает он,— батюшка о т ц и к н у л с я, только сказал: «Благоверного императора» — и ах! — «державу Российскую». — «Ну,— говорю,— пойдем со мной на сход, старичок, постой, милый, за правду».

Приходим на сход, я старичка за бока. Так и так, говори, старичок: «Батюшка отцикнулся».

«А на что ж он супругу-то,— кричат,— и прочее поминал?» — «Прочее,— стоял на своем Никита,— не было: батюшка отцикнулся».

Погорланили, поспорили и остановились на том, чтобы священнику сделать проверку, пусть он отслужит через неделю в воскресенье молебен на лугу, и все уполномоченные от деревень молебен прослушают. На том порешили и разошлись, и оставили это дело до поверочного молебна.

Теперь нужно Вам знать, как провел я время до молебна этого 14-го мая. Был я за это время в сельском волостном комитете, был в городе на собраниях, и душу мою охватила тревога великая, такая тревога, какой я всю мою жизнь не имел.

Лежит земля, по природе своей самая плодородная в мире, вся разделенная на мельчайшие полоски, выпаханная, истощенная, и так, что поверх ее лениво и неуютно ковыряет сохой человек, а внизу черт пашет свои овраги, всё изрезал, все изрыто, разделено оврагами, и все рушится в этом овраге: черная земля падает, камни, лозинки, дороги и даже избушки. На этой земле благословенные островки стоят — усадьбы помещиков, окруженные оврагами и злобой людской.

История сделала великий скачок в неизвестное, и кажется человеку, что двери в усадьбу помещика — двери в рай земной. А география лежит неприкосновенная во всей своей наготе и знает одно: с мечтой о рае земном выйдет Адам в открытые двери, и усадьбы полетят тоже в овраги, а там придет иностранец и закует все в железо... [хожу] по этой земле с великой тревогой.

По ту сторону моих человеческих наблюдений — преступления: вчера на улице горели купцы, сегодня в деревне вырезали всю семью мельника, там разграбили церковь, и судебные власти целую неделю не знали об этом, потому что некому донести было: до сих пор нет милиции. Эти наблюдения я не вношу в круг человеческий, следуя за обществом, которое приписывает эти преступления выпущенным на свободу каторжанам.

По эту сторону (по нашу), где бы я ни был, всегда встречаю человека, которого все мы хотим обогнать, забежать вперед, уговорить, остановить. Не преувеличивая, скажу,

что социалист-революционер в этой погоне является теперь уже крайним правым и говорит теперь: «Остановитесь, одумайтесь, товарищи, разве это социализм: «Что чужое, то мое, что мое, то мое?»

Когда так насмотришься вокруг себя, наслушаешься, и [в сомнении] спрашиваешь сам себя: не оттого ли вся эта тревога, что не можешь осилить революции, расстаться с собой, что, в сущности, люди с талантом и образованием устроили себя, как помещики устроили свои усадьбы отдельно от народа и готовы рухнуть в овраг.

Мы вспомнили о погибели родины? Не потому ли и этот клич, изо дня в день растущий в народе: «Не доверяйте людям образованным, интеллигентным, студентам!» Еще мгновение и, кажется, веришь в это и готов сжечь свои книги, рукописи, но... рожи, такие рожи обступают со всех сторон, и чувствуете, что вы не в народе, а в глубоком овраге, где тоже идут совещания и ораторы тоже называют друг друга «товарищи и граждане!».

Я говорю им речь о необходимости доверия правительству, и говорю им еще о новых министрах, что наши эти люди и создавали социализм. «Доверяем!» — кричат мне со всех сторон товарищи из оврага. И как нам обсуждать новое распоряжение правительства о лесах и дровах. «Лесов,— кричат,— не дадим».— «Тогда замерзнут города».— «А нам что, пусть везут из других мест».— «Но у нас для этого нет вагонов».— «Найдутся!» — «Значит, вы не доверяете правительству».— «Нет, мы доверяем, но постольку доверяем, поскольку оно уверяется в нас!» Так что это обыкновенное: земля на китах, киты на воде, вода на земле. А главное, что каждый овражий человек видит один только свой овраг, а говорит так, будто видит он всю землю.

Ну, довольно об этом, возвращаюсь к поверочному молебну в нашем селе. Еду я из города к себе в убийственном настроении, спешу попасть к молебну — назначен молебен на выгоне против церкви в два часа дня. Около этого времени подъезжаю и вижу — несут на выгон хоругви, как красные знамена, с надписью: «Да здравствует свободная Россия!

Долой помещ.». И так на всех знаменах одинаково: помещики сокращенно с точкой и через «е». Батюшка, старый человек, выходит из церкви ни жив, ни мертв, начинает молебен слабым голосом. Уполномоченные впиваются в него глазами, вслушиваются. И чувствую я, что не то, нельзя так, и я будто не на молебне, а в киргизской юрте, где сидят все чинно кругом в ожидании еды, а в кругу хозяин собирается резать барана, над точилом точит свой ножик. Мало-помалу батюшка справляется с собой, служба его увлекает, голос крепнет, он забывается и вдруг «Побе-еды, Благоверному императору...— ах! — державе Российской... Побе-еды...» Опять «отцикнулся» и на поверочном молебне! Гул, ропот, смех — жалко, противно, глупо: баран зарезан.

И главное, что не то, не то всё, не на земле мы, а в овраге. Вот тут-то и происходит со мной та беда, о которой я начал писать Вам: происходит то, что в родном округе лишает меня теперь всякого значения. Чтобы предупредить безобразие неминуемое, беру я первое слово — и уж как наболело у меня на душе, по всей правде режу им, что Россия погибнет, и мы теперь точим друг на друга ножи. В ужасе от моих слов бабы, слышатся встревоженные голоса [женские]: «Научите, что делать?». Тогда выходит солдат и говорит: «Слушайте меня, я научу вас, что делать». И вот тогда сразу тишина наступает, и все готовы отдаться солдату.

«Этот помещик вас пугает!» — «У меня шестнадцать десятин». — «Все равно: он вас пугает. Снимите у него рабочего, и он не будет вас пугать, пусть пашет». — «Я брошу дело общественное и буду пахать сам». — «На его место мы поставим солдата, а он пусть пашет. Только, товарищи, верьте мне, есть в Америке плуги нефтяные, и эти плуги пашут в час шестнадцать десятин, этого плуга ему не давайте, отбирайте, пусть пашет сохой». — «Известно, сохой!» — твердят мужики.

Сразу видно, что настроение всех в пользу солдата. Я схватываю голос и говорю: «Если вас моя собственность смущает и вы не верите мне, то я от нее отказываюсь. Примите ее от меня сейчас же, но только с условием: не делить. Все берите: и огород, и сад, и дом, и лошадь, и скот, и землю. Но не делите: обрабатывайте сообща и со-

храните так, как я устроил, потому что если вы будете делить, то соседняя деревня тоже захочет часть, вы не дадите, и будет беда». — «Будет беда!» — соглашаются. И как будто подавлены моим решением и готовы стать на мою сторону.

«Товарищи,— говорит тот солдат,— не принимайте, я его мысли вижу: вы примете землю, а он потом вам предъявит убытки. Вот что он хочет». — «Вот что он хочет! Вишь он!» — «У него, товарищи, еж по пузу бегает, а голова хитрая». — «Еж по пузу!» — хохочут мужики.

Конечно, уж и я заодно хохочу, потому что как ни плохо, а от своей слабости к хорошему русскому языку не могу отделаться ни при каких обстоятельствах.

«У вас,— говорю,— у самого еж на пузе, потому вот вы и не доверяете».

Задело это его, обозлился. «Товарищи,— кричит,— не доверяйте интеллигентам, людям образованным. Пусть он и не помещик, а земля ему не нужна: он вас своим образованием кругом обведет!» — «Известно, обведет!» — «А мы, солдаты Московского гарнизона, теперь все хорошо понимаем, мы все организовались, мы даже знаем теперь слова иностранные! Что значит мир без аннексий и контрибуций?» — «Это значит, о мире всего мира!» — надеюсь я. «Слышите: он вас опять к долгогривым ведет, к жеребцам. А мы, солдаты Московского гарнизона, понимаем из этого, что немцы нам не враги».

И потом он долго рассказывал, как хорошо солдаты братаются на фронте с немцами. И так удивительно мне наблюдать, что эти мужики, эти партизаны 12-го года, слушают солдата почти с умилением, и доверие к нему растет с каждой минутой. Вы понимаете, что это же люди, которые три года отдавали своих сыновей на борьбу с немцем! В городе это от головы, от [социалистов], но деревня неграмотная! С изумлением я слушал часовую речь при восторженном одобрении толпы. Нет ни одного голоса, как в городе, кто сказал бы за борьбу с немцем.

«Товарищи,— продолжал оратор,— земной шар создан для борьбы!» — «Конечно, для борьбы». — «Помните, что не Германия нам враг, а первый нам враг Англия».

Тогда я на минутку схватил голос и говорю в этом духе, что если уж так хочется мириться с немцами всем, то пусть, но зачем же нам создавать еще нового врага Англию?

«Зачем? А вот зачем, товарищи, в подчинении у Англии есть страна Индия, которая еще больше России, и вот если мы против Англии будем, то с нами будет Индия».

Опять удивительное наблюдение: эта Индия, о которой здесь никто никогда не слыхал, понятна всем. Скажи я: «Индия!» — никто не поверит в нее. А вот говорит солдат — и все верят в Индию.

Словом, песенка моя как делегата Временного комитета спета. Со мной проделают то же самое, что и делал Марат. Солдат говорит мужику о «планомерности и хладнокровии захвата» помещичьих земель, о разделах их до Учредительного Собрания и что есть такие даже законы. «Нет такого закона. Все законы бумажные».

«Почему же не подождать всего три месяца? — пробовал я сказать,— не выйдет ли у них сказки о закрытой двери: это вот все дается, и один только заказ не входить в эту дверь. А как раз Иванушка-Дурачок и входит в эту дверь, и все пропадает. И почему не довериться правительству, если в нем социалисты?» — «Мы,— отвечает на это,— правительству доверяем постольку, поскольку оно нам доверяет».

И тут же делом постановили, чтобы рабочих у помещиков снимать и земли их отбирать и делить. «Только ежели ихняя корова в их сад войдет и они шум поднимут, то корову эту выгоняйте, действуйте планомерно и хладнокровно, снимайте рабочих!»

Физиономия какого-то странного субъекта все время мелькает у меня перед глазами: знакомое рябое круглое лицо, в синем пиджаке, сапогах бутылками. Не могу вспомнить, где я его видел, откуда он здесь. Ухожу с луга домой, оглядываюсь и вижу, что он тоже идет за мной. Вспоминаю и не могу вспомнить. Прихожу к себе на двор и, конечно, за мной в дом: «Здравствуйте, не узнаете? Мещанин Молотнев. Вы стоите за правительство, позвольте вас поблагодарить, я тоже стою за правительство, и в ду-

ше моей открылся новый микроб».— «В чем дело, Молотнев?» — «Потому я человек обиженный и ко всем прибегаю: лесами занимаюсь, тем живу, раздам задатки, а они меня лишили прав сводить свои леса, вот я лишился капитала и обижен. По секрету вам говорю, как вы за правительство, я свою шайку тоже подбираю, они подбирают, и я подбираю: ножи точим! Помогите, боюсь, а душу мою микроба захватила, микробы новые завелись!»

За мещанином приходит солдат, мелкий собственник, с веточкой замерзших цветов. Он сияет: яблони замерзли на цвету, урожая не будет, как хорошо! Пораженец. Он очень любит свой сад, сдал его в аренду, но арендатор отказался, без караула ветки яблонь непременно будут обломаны. Но раз замерзли цветы, сад останется цел. «Вот у вас,— говорит мещанин,— я слышу, тот же микроб завелся, мало ли их!»

И явно, меня он тоже причислил к своим людям микробным. И я вот сижу теперь и решаю: отстаивать собственность — жить с микробной душой, передать народу — не принимают, разве бросить все на произвол и перебраться в город с семьей? Сейчас не знаю, как поступлю, но это правду сказал солдат, что у всякого собственника теперь еж по пузу бегает. И так все это напомнило мне сцену из моего путешествия по Северу за волшебным колобком...

19 Мая. Митинг.

Бабы:

— Видела самого Митинга: вышел черный, лохматый, голос грубый, кричит: «Товарищи, земли у помещиков доставайте, кто сколько может».

— У помещиков, известно, много, а вот еще под Москвой, сказывают, где-то француз в 12 году много земли оставил.

— И под городами тоже сколько земли.

— Под городами! Как же ты из-под городов-то ее выдернешь.

— И очень просто: города, сказывают — отменяются, городов больше не будет. Землю всю разделят мужики и будут жить одни мужики на всей земле, а заместо царя и царицы выберут какую-то Брешку.

Сон о хуторе на колесах: уехал бы с деревьями, рощей и травами, где нет мужиков.

Безлошадные.

Тогда собрались безлошадные и заговорили: «Не надо земли!» Безлошадные заговорили сразу все разными голосами, но речь их всех была об одном и том же: «Не надо земли! Что нам, безлошадным, земля, когда наши мужики свои теперь пашут ее по восемь гривен за сажень. Мы сейчас кормимся у господ, а тогда кто нас будет кормить. Богатый мужик? Да провались он, богатый мужик: да он обдерет тебя, как лозинку. Не надо земли, долой земля!»

Голос одинокого.

Во все времена всякой революции вы слышите голос человека, не приставшего ни к какой партии, и голос этот одинокий не слушают, и он погибает, потому что он один. Но вот пройдут времена, и голос этот услышат люди, и вспомнят, и узнают в нем голос Распятого Бога: «Приидите ко Мне все труждающиеся, обремененные, и Аз упокою вы».

От земли и городов

20 Мая. Письмо в Таврический дворец.

Пантелимон Сергеевич!

Передайте Временному комитету Государственной Думы, что я слагаю с себя полномочия делегата Комитета в Орловской губернии, эта деятельность для меня теперь невозможна: я — пленник Соловьевской волостной республики.

Нужно вам знать поговорку: «Орел — проломанные головы, Елец — всем ворам отец». Губерния эта, давшая свету столько знаменитых писателей, чуть ли не самая малоземельная и, наверно, самая истощенная в смысле социальных связей. Елецкий уезд — самый малоземельный в Орловской губернии, Соловьевская волость — самая малоземельная в Елецком уезде, и в Соловьевской

волости мой хутор находится между двумя деревнями, самыми малоземельными. Обе деревни, Шибаевка и Кибаевка, находятся между собой в вековой вражде: Шибаи барские, Кибаи государственные.

Шибаи и Кибаи имеют одинаковую претензию на мой кусок земли, и если какой-нибудь Кибай припашет хоть одну борозду моей земли, Шибай спускает его в овраг, и то же самое сделает Кибай, если припашет Шибай. На этой вражде Кибаев и Шибаев вот уже лет пятьдесят держалось некоторое благополучие хозяйства моей матушки.

Во время войны она умерла, мне досталось 16 десятин пахотной земли, сад, [насаженный матерью]. И вот, представьте себе, что я, собственник прекрасного сада, огорода и 16 десятин распашной великолепной земли, я призван в качестве делегата Временного Комитета организовать для политической борьбы Шибаев и Кибаев. Подозрительны они ужасно. Недавно объяснили им, что такое взгляд со своей колокольни и что такое государственная точка зрения. Слышу, шумят — в чем дело? «Как же так,— спрашивают,— государя убрали, а вы, товарищ, нас опять хотите вернуть на государственную точку зрения?»

Но, в общем, вначале дела шли у нас хорошо и занятно. Местная жизнь, словно раскапризничавшийся ребенок, всюду стремится теперь выкинуть какую-нибудь свою штуку, и в то же время в действительности он живет, вполне подчиняясь тем политическим ударам, которые следуют один за другим в Петрограде: недели так через две-три доходит к нам волна от удара, и местная жизнь в миниатюре повторяет событие.

Не нужно никаких делегатов: живите ладно между собой в Петрограде, и у нас будет ладно. А если у Вас там раздор, то в какое же положение Вы ставите Вашего делегата на месте? Революция совершилась под лозунгом мира и милосердия. Кибаи обошли овраг и собрались в Шибаевке.

По наказу Комитета, я им, прежде всего, объясняю, что никакого двоевластия у нас нет, и они этим очень довольны. Газеты ко мне запоздали, я не знаю, что в Петрограде уже настоящее двоевластие.

Предлагаю Кибаям и Шибаям выбрать хороших людей в сельские комитеты и в советы крестьянских депутатов. Выбирают, шумят несколько дней по ту и по другую сторону оврага. За это время я получил тревожные сведения из Петрограда. Шибаи приходят ко мне с жалобой на Кибаев: те будто бы выбрали в совет уголовных. Посылаю записку с советом уголовных не избирать. «Ладно,— отвечают Кибаи,— кому уголовные, а нам хороши». Потом из расспросов я убедился, что явление это в нашем краю всеобщее.

Городские юристы мне объяснили, что это даже законное явление в революцию и что так было и во Франции: вор всегда интеллектуально выше рядового крестьянина. И потом из расспросов я убедился, что уголовные деяния выбранных депутатов — самые пустяковые, успокоился, и дела пошли своим чередом.

Конечно, я не сижу на месте, а езжу по волостям, по уездным комитетам. Спустя некоторое время уездные комиссары докладывают, что их селения организованы: везде учреждены волостные, сельские комитеты безопасности, советы крестьянских депутатов, в городе крестьянские союзы.

Вот в это время докатывается до нас волна раздора из Петрограда, и всюду в комитетах начинают вызывать комиссаров и председателей управ, избираются новые лица, заседания комитетов превращаются в сходы с их насильственным требованием подчинения меньшинства большинству и единогласности постановлений.

Каждая волость превращается в самостоятельную республику, где что хотят, то и делают, совершенно не считаясь с распоряжением правительства и постановлением других волостей и уезда.

В это время на мое клеверное поле едут мальчишки кормить лошадей, бабы целыми деревнями идут прямо по сеяному полю грабить мой лесок и рвать в нем траву, тащат из леса дрова.

За дрова я вступаюсь в волостном комитете: «Товарищи, вы сами же постановили здесь, чтобы дрова не трогать ни владельцам, ни крестьянам и считать их собственностью государства. Я подчиняюсь этому, хотя распоряжения

правительства об этом нет, закона такого нет». Солдат, приехавший к нам сюда из Москвы с новыми идеями, говорит: «Как нет закона, а вот закон!» И читает отпечатанную на машинке программу какой-то партии.

Напрасно я объясняю разницу между партийной тактикой и распоряжением правительства, которому мы теперь доверяем. О новом правительстве рассказываю, в которое вошли социалисты. Это еще не дошло до нас: этому не верят. А солдат после меня в двухчасовой речи доказывает, что «земной шар создан для борьбы», и потому, что захватили, то захватили. И в заключение объясняет, что войне настал теперь конец, что первые друзья наши германцы, а враги англичане.

Не мы, конечно, с Кибаями и Шибаями решаем судьбу иностранной политики, и слова эти в нашем краю — звук пустой, но пугает меня, что при таком настроении Кибаи и Шибаи непременно срежутся за мой кусок земли, я хорошо знаю, что Шибаи барские тайно постановили выселить Кибаев государственных, а Кибаи вышибить Шибаев. Близится время пахать пары, выедут они пахать чужое и непременно сцепятся.

«Непременно приступайте к захвату и разделу земли, не басурманьте, планомерно и хладнокровно снимайте рабочих у помещиков». Тут же солдат причисляет и меня к помещикам, хотя у меня трудовая норма, и всех собственников из крестьян, у кого есть рабочий, причисляют к помещикам. Меня уже совершенно не слушают, потому что я собственник и держу сторону правительства.

Все имеют видимость полного единодушия, полного единогласия, но вы не думайте, что это изнутри, в этом и горе, что это только снаружи: внутри напряженное состояние раздора. Тут же, прямо с собрания по пути со мной идущие крестьяне, которые голосовали все время со всеми, говорят мне потихоньку: «Начали вы так хорошо, почему же вы под конец смялись?» — «Что же,— говорю,— лезть на рожон, меня бы арестовали или избили». — «Избили-то бы, конечно, избили, а почему же правительство не дает вам казаков?» — «Казаков? Господи ты, Боже мой: да я же вам целый месяц толкую, что все дело теперь пос-

троено на добровольном согласии». — «Это невозможно: п р а л и ч нашего брата смирит! Возьмите хотя бы вот живут спокон веку у нас бок о бок Шибаи и Кибаи...».

На другой день прислуга заявляет, что ее снимают. Работник тоже заявляет, что снимают, и горюет, как ему быть: он безлошадный. Приходят другие безлошадные и вопят, и причитывают: тяжело, теперь берут с них за вспашку десятины 30 — 40 руб., что же будет, когда вся власть перейдет к мужикам? Кричат: «Не нужно земли, долой землю!» Это очень характерно: революционер малоземельный в деревне <*3 нрзб.*> против...

Собственники приходят и трясутся, как осиновые листы. Но всех хуже мое положение. Снимают рабочего, на днях нужно пар пахать. Если я не буду пахать, то выедут Кибаи и Шибаи и сцепятся между собой... Днями и ночами обдумываю в семье положение: дороги все эти деревья, с которыми вырос, все эти яблоньки и липки, похожие на теток и бабушек, и разные мечты о земле, пережитые тут при чтении с детства Толстого, Успенского, Лескова, Тургенева, и труд, вложенный в постройки... Но все это пустяки, если бы можно было кому-нибудь передать. Но кому же передать? Волостному комитету? Тот передаст в сельский комитет Шибаям. Кибаи бросятся на Шибаев, и все будет разграблено. Вы понимаете: выход остается один, выезжать мне и начинать пахать пар самому, жене доить коров, мальчику пасти.

Слава Богу, что не обижены все мы здоровьем и можем это все делать не хуже наших крестьян. Но куда же денется принесенная мной сюда как делегатом Временного комитета Государственной Думы — идея законности, куда денется социалистическая идея Земли и Воли?

Как обыкновенный собственник-фермер, веду двухлемешным плугом длинную борозду от сада до леса, жена тут же варит кулеш, мальчишки пасут. Изумленные смотрят на меня с этой и с той стороны оврага Шибаи и Кибаи. Они думали, что это невозможно и очень будет смешно. Но невозможное совершилось, и смешного нет ничего: веду борозду и веду.

Одно плохо, что в уезде сильно развилась преступность.

Опасно даже на одну ночь бросить семью без мужика и поехать куда-нибудь по делам общественности. Я прикован к своей собственности, я в плену. И, кроме того, Шибаи и Кибаи все надеются, что я брошу пахать, и они в битве друг с другом завоюют себе по небольшой полоске хорошей земли. С мечтой социализма Земли и Воли я распят на кресте моей собственности.

Надеюсь, что как-нибудь все переменится, и я буду иметь возможность расстаться со своей земной собственностью и удрать от нее. Есть кое-какие хорошие признаки. Вчера, например, старушка говорит мне: «Война скоро кончится, прислал письмо сын, что солдаты дали подписку наступать и германца прогнать». Думаю, не дошла ли новая волна до деревни. Собираю сход вечером, говорю им, что все бабы и дети их обижают меня: топчут клевер, [тащит дрова] парень в лесу. И вдруг весь сход в один голос говорит: «Лови!» Такой поворот меня удивляет, спросил, что делать, когда сам поймаю. «Крой дубинкой! Крой дубинкой!»

Как неправильный на один волосок прицел дает в миллион раз большую ошибку на мишени, так же теперь уклонение от истины в столице в речи какого-нибудь волостного оратора неисчислимый вред наносит провинции. Так, в столице какой-нибудь скромный и молчаливый солдатик, послушав таких речей, разрывается, как граната, в деревне. С пафосом религиозного сектанта бросает он в темные головы иностранные слова, за которыми один смысл: захват и анархия. Изумительно бывает слушать, как страстно призывает такой оратор к отказу от захвата вне страны и так же страстно к захвату внутри страны. И странно, как этот отказ от захвата вне, в мужицкой голове читается, как захват внутри. Это понятно: враг наш оказался не внешним, а внутренним, немец и война обращаются внутрь, война гражданская.

21 Мая. Троица.

Новая Земля

Прежние либеральные газеты («Русские Ведомости») живут и чувствуют себя, как мелкие собственники, кото-

рые, уложив в собственность все свои лучшие силы и видя захват этой собственности теперь, возмущаются. И всякий, кто организовал свои способности, живя на старой почве, возмущается. На митингах встречаются и такие ораторы, которые хотят из-под городов взять землю. Выход из этого положения один: нужно вновь организовать свои способности на новой земле.

План Германии

По городам и селам успех имеет только проповедь захвата внутри страны и вместе с тем отказ от захвата чужих земель. Первое дает народу землю, второе дает мир и возвращение работников. Все это очень понятно: в начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа — внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывна с капиталом. Свергают капиталистов — внутренних немцев. С ними вместе отметается собственная [часть] организованных способностей: буржуазный интеллигент. После всеобщего разрушения собственности наступит новая эпоха: разрушители поймут и увидят своими глазами, что внутренний немец находится лично в каждом из нас. Тогда наступит какой-то последний акт трагедии; и некий раб хитрый вошел в жилище господина своего и умертвил его, и ел, что ест господин, и спал на постели его [как господин], но не получил он сытости от стола господина своего и отдых на постели его. Так в сказаниях Библии тощие коровы пожрали тучных и остались такими же тощими.

Узел

Впереди общества теперь бежит разрушитель и проповедует захват собственности. Он гол и ничего не боится. Его догоняют и стараются забежать вперед люди не настоящей собственности материальной, но с организованны-

ми способностями. За ними собственники мелкие, которые думали, что жили на земле вполне по разуму и совести. За мелкими крупные. Злорадно сидящие под арестом, смотрят в ожидании немца на эту погоню. Другие голубыми глазами смотрят на небо и чают приближение нового мира.

Кто из всех них захватит власть устроить людей? Кто развяжет узел?

Министры говорят речи, обращаясь к столичным советам, съездам, к советам съездов, к губернским комитетам, уездным, волостным и сельским. А во всех этих съездах, советах и комитетах разные самозваные министры тоже говорят речи, и так вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия — сплошной митинг людей, говорящих противоположное: от кабинета министров до деревенского совета крестьянских депутатов.

Чуднее всех говорят женщины на Бабьем базаре.

Власть и смирение

Ястреб сидит на раките у заводи и смотрит на отражения и думает: какая глубина в воде, какое смирение при отражении в воде облаков и рыбок. А воды всего-навсего два вершка, мельницу прорвало, вода сбежала, и там, где были отражения небес и подвига смирения, по грязи скачут лягушки. Так власть, отражаясь в зеркале смирения, почиталась бесконечно сильной и смирение бесконечно глубоким. И вдруг спустили мельницу, и каждая лягушка почитает себя за министра, прыгает и выговаривает, гордясь, слова иностранные.

Духов день

Сегодня возле церкви будет митинг, на котором «серые министры», вероятно, постановят снимать рабочих, в том числе и у меня — результат проповеди Ленина, Разумника и прочих максималистов.

Хорошая сторона захвата, что это дает синицу в руки плохое, что это должно расстроить снабжение городов

хлебом, понизить культуру земли, обещают резню между крестьянами и необходимость усиления существующей теперь диктатуры «пролетариата», потому что потревоженные собственники зашевелятся.

Если сегодня не снимут Павла, завтра я подаю заявление в Сельский комитет безопасности: «Везде говорят, что с моего хутора хотят снимать рабочего Павла. Так как я нахожусь на службе в Государственной Думе и должен на днях ехать туда и не могу семью свою и хутор оставить на произвол, то прошу сельский комитет общественной безопасности выдать мне письменное удостоверение, что он не допустит снимать у меня рабочего. Если Комитет в таком удостоверении мне откажет, то от государственной службы я немедленно откажусь, рабочего уволю и работать на хуторе буду сам».

Положение выходит острое, и, признаюсь, хочется чтобы сняли: тогда все увидят, что я не барин, могу работать и, в конце концов, я заставлю уважать себя и мне верить. Работа будет каторжная до глубокой осени, но что справлюсь, в этом я уверен.

Спасения души в земледельческом труде, как проповедует Толстой, я не вижу: нельзя спасать дух посредством обработки капусты, как нельзя сделаться православным, переменив скоромную пищу на соленые огурцы. Но в это переходное время хорошо сделать орудием борьбы труд земледельческий, такой видимый для этих первобытных людей.

Главное, я глубоко убежден, что все эти земледельцы наши, пашущие в год по десятине земли, понятия не имеют о настоящем земледельческом труде. И жажда их земли есть жажда воли и выхода из тараканьего положения. Наши красные министры понятия не имеют, как мало пахнет тут социализмом и какое во всем этом деле совершается насилие Интернационалом. Соберется теперь этот интернациональный идол и наши скажут иностранным социалистам: «Вы только думаете, а вот у нас уже сделано, вся наша огромная страна принесена в жертву вашей идее, последуйте нашему примеру».— «Дураки,— скажут инос-

транцы,— вот уж правда: заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет».

Борьба — холодная жена. С холодным расчетом разума выходит будущий победитель на поле сражения. И пусть он, будущий победитель, кипит и горит, жена его ледяная, холодная.

Насилие

То, что называется теперь анархией, по-видимому, совершенно противоположно истинному значению этого слова: анархист ненавидит не только внешнюю власть, городового, но и самый источник ее, право распоряжаться личностью другого, насилие. Между тем в этой анархии, которая теперь у нас водворилась, характерна претензия каждого на роль городового. Их речь, эти иностранные слова, которые они повторяют, как попугаи, их костюмы, их призыв к захвату — все это выражает отказ от своей личности и призыв к насилию.

Вот и сейчас проходит перед моими окнами с красным флагом сельское население на «митинг», одеты они так, будто вот сейчас разграбили какой-то город и надели на себя кто что смог утащить: один в крестьянских сапогах и в сюртуке, другой надел на голову цилиндр, девушки в шляпах, а новые верхние юбки, опасаясь дождя, завернули кольцами, спасательными кругами на бедрах. И будь тут ненастье, дождь, все равно ей непременно нужно три раза в день переменить свой туалет: обычай, наверно, перенесенный в деревню господскими нянями.

Как ни пыжатся ораторы, произнося иностранные слов в своих речах, как искусственно ни вздувается ими ненависть к помещикам, к «буржуям», все это не они сами, почивающий на них дух обезьянства и насилия.

Скажут, что это «переходное время», но всякое время есть переходное, правильнее было бы сказать, что это переходное время от обезьян к человеку: мы теперь видим своими глазами, что человек действительно произошел от обезьяны.

23 Мая. Свободу понимают так разнообразно, что для суждения о ней необходимо обратиться к опыту: лакмусовую бумажку надо найти и посмотреть в это время свободы, насколько эта бумажка свободы покраснела. Это состояние духа от неизвестных причин: поет человек, а отчего, неизвестно. Нытиков теперь нет, много испуганных, но нытиков нет: жизнь интересная.

Теперь много мальчиков, бегущих за бабочкой свободы, но столько же людей, вновь свободы лишенных.

Федот «измывается» над Лидией: «Пахать!-ать, пахать больше не буду, напахался, так жить у вас буду, а па-хать-ать отпахался...» [Лидия отвечает]: «Будет же кто-нибудь пахать?» — «Мало ли что: для себя, а для других больше пахать не будем».

В Лысовке все еще живут, как в старые времена, до них не дошло. Дуничка приехала с Арсением в нашу бунтовскую волость и ужасается беззаконию. Арсений же, быстро ознакомившись с положением, сказал: «Какая у нас в Лысовке еще темнота!»

Когда помещик во время ли сенокоса или уборки хлеба [со] своими рабочими не справится и нужно поклониться мужикам и они на короткое время становятся господами, помещик как бы теряет власть свою, то вот как ведет себя мужик, похоже [на] теперешнее положение правительства — во власти разных советов рабочих, солдатских, батрацких — уж они-то ломаются, вот уж они-то измываются: доверяем постольку, поскольку и прочее. Будь водка, но водки нет, и власть бессильна.

— Денатурату,— говорят,— дашь — сделаем.

Но у помещика и денатурату нет. Вот этого денатурату — власти — и нет у правительства.

Оратор-солдат расскажет мужикам про иностранную политику, что вот-де нужно действовать без захвата чужих земель, потом прочтет из внутренней политики программу, что

во внутренней политике нужен захват чужих земель, и пункт этот своей программы назовет законным. Тогда выступает комиссар и говорит, что закона такого нет, и если они соглашаются с этим, то они, значит, не доверяют правительству.

— Как не доверяем! — кричит оратор,— мы доверяем ему вполне, поскольку оно нам доверяет.— Поскольку оно, стало быть, с нами! — подхватывает весь митинг. И начинается лицемерное ломанье. А если комиссар стоит на своем, его смоют. И если он потом, уже смытый, говорит не как должностное лицо, а как гражданин, физическое его бытие в явной опасности.

Тогда к нему, смытому, забитому, униженному, потихоньку подойдет какой-нибудь благоразумный мужичок и скажет:— Товарищ комиссар, а нам это необходимо, о чем вы говорили, чтобы закон и подчинение власти.— Почему же вы не стояли за меня и даже руку подняли за солдата? — Разве можно,— отвечает он,— я вам совет дам: просите правительство, чтобы вам для охраны давали казаков, много тогда найдете приверженцев и даже часть, а может, две части...

Конец имения.

Митинг. Снимают рабочих. Сундуки проверять! Критический момент имения Стаховича. Речь поповны. Ночь бессонная: переход к ручному труду.

24 Мая. Чувствую себя фермером в прериях, а эти негры Шибаи-Кибаи злобствуют на меня за то, что я хочу ввести закон и [порядок] в этот хаос.

Внутренний немец: они видят его в помещике (перенесли на меня), а я его вижу в них, в этом солдате-ленинце, который посеял дух раздора между Кибаями и Шибаями. Я потому и чувствую себя военнопленным у этого внутреннего немца.

Депутат

Сбились мужики, смялись, запутал их солдат совершенно, хотели, было, прямо с митинга идти снимать у

Стаховича рабочих. Известно, что из этого бы вышло: человек триста пойдут — кто к Стаховичу снимать рабочих, а кто в парники, в сад, в дом. Барышня остановила толпу своей речью: смялись мужики, сбились и постановили отправить в Петроград депутата, узнать, что делать с землей.

С одним депутатом вышло так, что съездил, собрались его выслушать, и когда он хотел рассказать, то ничего не может рассказать. Спрашивают: где был, что видел, что слышал. «Был,— говорит, — везде, все видел, все слышал, а рассказать ничего не могу, забыл». Бились, бились с ним, ничего не выходит, отложили до другого дня, опять собрались. И опять ничего, спутался, смялся человек и забыл все совершенно. А на дорогу ему дано было сорок рублей! Думали, думали, что делать с ним, и постановили: арестовать. Вот ведь какие депутаты бывают!

28 Мая. Как лучше: бросить усадьбу, купить домик в городе? Там в городе хуже насчет продовольствия, но там свои, а здесь в деревне, как среди эскимосов, и какая-то черта неумолимая, непереходимая.

3 Июня. Обнаглели бабы: сначала дрова разобрали в лесу, потом траву, потом к саду подвинулись, забрались на двор за дровами (самогон гнать) и вот уже в доме стали показываться: разрешите на вашем огороде рассаду посеять, разрешите под вашу курицу яички подложить

6 Июня. Юридические лица в мужицких чертах. Вопят о необходимости власти, и в то же время никто не хочет ей добровольно подчиниться. Нет, власти не хотят, палки хотят для ближнего, а для себя хотят власти, чтобы властвовать. Властвующие ищут властомых, и эти ищут властвующих.

Раньше в Российской империи жил я, как в степи бескрайней с миражами, границы ее — желтые горы на юге и [востоке] и леса лиственные на западе...

Теперь все мое существование зависит от ближайших границ Соловьевской волости. Возникают общины, но-

вые юридические лица, и жутко и смешно наблюдать, как черты знакомого с детства мужика Ивана, Петра, Сидора переходят в черты юридических лиц.

Вот у меня в овраге был выращен лес. Оврагов у нас всюду очень много, каждая деревня могла бы приставить к своему оврагу сторожа для охраны насаждений, и все бы вокруг лесами были бы очень богаты, и не было бы оврагов. Десятки лет мы оплачивали лесного сторожа, и ему жилось в лесу хорошо: он откармливал в лесу коров, продавал их, держал свиней, овец. Теперь наша Соловьевекая республика запрещает мне пользоваться лесом: лес объявляется собственностью государства.

Я соблюдаю и этот явно несправедливый закон: воз дров, который взял я из леса, был привезен мной еще до постановления, после я не брал ни сучка. Но как только состоялось постановление о государственной собственности, бабы потащили из леса дрова.— Из какого леса дрова? — спрашиваю баб.— Из государственного,— отвечают бабы.

Через две недели весь лесок опустошен. Знаю, что дрова эти пошли на самогон, я хочу извлечь из своего леса лишь нравственную выгоду. Я собираю сход и указываю на расхищение государственной собственности. Прижатые к стене мужики говорят, что это я сам виноват: видели, что я взял (тот воз до постановления). И теперь назначают следственную комиссию нашей общины, нашего комитета; юридические лица совершенно с теми же уловками, как Иван, Петр, Павел — наши барские мужички, заявляют комиссии, что дрова вывез сам владелец. И всюду, если вы увидите потраву и всякого рода разграбление, то всюду вам скажут, что разграбил сам владелец.

От земли и городов

Как у Соловьевских мужиков проскочила земля между пальцами.

По сю сторону Глинища живут Кибаи, а по ту сторону Шибаи метятся на землю Стаховича, на его клевера богатейшие: вот, думают, пустить бы на клевер стада, повытравить, а потом поделить и распахать.

Задумали это дело, а решить не смеют: боятся, как бы не повернулось на старое, как в пятом году, и еще боятся Кибаи при дележе с Шибаями ошибиться.

Посылают в город хорошего, правильного мужика Трифона, не беда, что неграмотный, зато руку мужицкую твердо держит, и земля между пальцами у него крестьянская уж не проскочит.

Приходит Трифон в собрание и садится на стул у окошка и слушает. Вот выходит первый оратор и говорит:

— Мне, товарищи, верьте, если я сказал А, то непременно скажу Б.

И Трифон же на первых словах остановился и загадку эту решает, что бы это значило. Выходит второй оратор:

— Земля,— говорит,— Божья!

Третий оратор на этого накинулся:

— Земля,— говорит,— не Божья, как сказал предыдущий оратор, земля, товарищи, ничья!

Это запомнил хорошо, что ничья, и опять вернулся к загадке. Трифон хорошо знает, что это, а вот как быть с первой загадкой: «Ежели сказал А, то беспременно скажу Б». Человек Трифон неграмотный, трудно ему эту загадку разгадать, и человек он притом аккуратный. А тут в собрании шибануло на него табачищем. Замутилось в голове, руки на животике сложил ладонями и палец в палец твердо держит руки, чтобы земля не проскочила, голову свесил на грудь, лоб наморщил, все думает, думает, что это значит.

Так он и уснул от табаку, а главное, от мысли: «Ежели я скажу А, то беспременно скажу Б». И на этом уснул, а ладонями землю прижимал, пальцы все держит твердо.

Как раз тут-то и выходит настоящий оратор из Петрограда от социалистов-революционеров, председатель крестьянского союза, товарищ председателя христианского совета, член Исполнительного Комитета и приветствует всех товарищей от С. р. и С. д.

Речь его верная, что самим мужикам землю никак нельзя разделить, а нужно устроить Земельный Комитет.

— Смотрите,— говорит он,— товарищи крестьяне, организуйтесь скорее, только не проспите, чтобы у вас не проскочила земля между пальцами!

И закончил речь так:

— Самый лучший бриллиант сверкал в короне самодержавного царя, а ныне он сверкает в короне самодержавного народа.

Тут как ахнут все в ладоши. Пробудился Трифон, вскочил с испугу — как, что? — спрашивает, распустил пальцы, и земля проскочила.

Собираются на выгоне Шибаи и Кибаи, спрашивают Трифона о всем, что видел, что слышал. Речь Трифона короткая:

— Земля,— говорит,— ничья, берите!

В ту же ночь табуны Шибаевские и Кибаевские выступают на клевер Стаховича, наутро скот выступает, семьсот коров, две тысячи овец и еще с каждого двора по свинье с поросятами. В две недели семьдесят десятин богатейшего клевера как не бывало. Выезжают тогда Шибаи и Кибаи землю делить — с грехом пополам поделили. Выезжают пахать клеверище. Мыслимо ли пахать клеверище сохами! Ткнул один — сломался сошок, ткнул другой — сломался другой. Поломали сохи все начисто, а тут еще беда: яровые зажухли от весенних холодов и от летней сухмени. Яровых не будет, и клевера потравили, и земли не могут взять.

Один кузнец богатеет и радуется: день и ночь сошники наваривает. Раньше называли его Алеша да Алеша Голодран, а теперь к Алеше и не подойдешь без поклона:

— К вашей милости, Алексей Семенович, нельзя ли сошничек наварить?

11 Июня. Светлый дождь летний большими каплями падал на пруд весь день, но вода пруда не посветлела, напротив, стала еще много мутнее...

Ураганом промчались по нашей местности речи людей, которые называли себя большевиками и плели всякий вздор, призывая наших мирных крестьян к захватам, насилиям, немедленному дележу земли, значит, к немедленной резне деревень между собой.

Потом одумались крестьяне и вчера постановили на сходе:

— Бить их, ежели они опять тут покажутся.

Начались в комитете настоящие деловые заседания.

Раньше было страшно, теперь стало скучно: пока мужички что обдумают, выговорятся, придут к соглашению, отупеешь в жарище, духоте до того, что уж и не в состоянии следить за прениями. Целый день, и обыкновенно рабочий день, уходит на заседание. В семь утра заходит за мной депутат нашей деревни, идем на собрание. В восемь достигаем места, садимся на бревне возле потребилки и дожидаемся других депутатов. К часу все соберутся в школе, и начинается заседание до темноты.

Протокол или самосуд

Не желая соперничать с настоящими демагогами в вы даче крестьянам векселей на землю и волю, отмерил я себе трудовую норму земли для прокормления своей семьи, принялся возить навоз и пахать.

Должен признаться, что в этой перемене образа жизни играло роль и здоровое мое честолюбие: мне хотелось победить таким образом пустозвонов митинговых и привлечь крестьян на путь труда и созидания. Что я человек здесь самый образованный — всем известно. Я думаю — что если на этой репутации пробивать еще репутацию настоящего труженика — хозяина, то все общество окажет мне величайшее почтение, и слово мое будет первым во всей нашей Соловьевской республике...

В первый же день, яко тает воск от лица огня, растаяла вся моя тревога за личное существование, а через несколько дней я о ней совершенно забыл, и мне стало все равно. Только вдруг иногда приснится ночью, будто ем я, уплетаю какие-то удивительные, чудесные конфеты. Не раз я раньше видел во сне чудесные яблоки, такие большие, такие румяные и веточки такие необыкновенные, райские. Но конфет я никогда во сне не видел, и таких чудесных никогда не ел в своей жизни.

Скоро я убеждаюсь, что дело мое получает силу. Воро вали раньше на хуторе у меня ужасно, придешь, бывало, пожаловаться, и дай Бог ноги унести, а не то, чтобы вызвать сочувствие. Теперь прихожу, собирают сход и говорят:

— Вора лови и крой дубинкой!

— Крой дубинкой, крой дубинкой! — благословляют меня и напутствуют все.

Проходит несколько дней, я работаю с утра до вечера, и рожь на восходе опять по-прежнему встает передо мною, на закате светится и опять для меня таким светом и таким цветом, какого я никогда ни у какого хозяина не видел...

— Приидите ко Мне все обремененные! — просите ме ня <*1 нрзб.*> в умилении на закате и на восходе.

И вот приходит ко мне однажды человек Артем. У него поддевка хорошая, кроме надельной, есть своя купленная десятина и одна десятина арендованная — всего три десятины.

Потом приходит ко мне другой человек — Архип: у него нет купленной земли, но зато две десятины арендованной.

Я говорю им о социализме настоящем, немитинговом, рассказываю им о социализме не как о разрушении, а о творчестве, как об ученом труде.

И они мне поддакивают, и они готовы со мной соеди ниться против горланов.

Мы соединяемся.

Вечером я ловлю отчаянного вора на своем дворе, он та щит ось и тележные колеса. Вора я привожу на деревню и собираю сход.

— Что же с ним делать? — спрашиваю.

— Все, что вам будет угодно,— отвечают мне.

Самолюбие мое удовлетворено. Я победил, сила за мною. Вор жалок, вор плачет.

Вора я отпустил и как наказать его — прошу дать мне подумать дня три.

— Все, что вам будет угодно!

Через неделю я не помню о воре. На пахоту опять приходят Артем и Архип.

— Как же с вором? — спрашивают.

— Что же с ним делать?

— Ничто, как желаете: протокол или самосуд, как вам будет угодно...

Источник собственности — баба, хозяйка. Пока я вижу этих деревенских баб в своем первобытном состоянии, я не поверю ни в какое обещание земли и воли.

Трудно в хозяйстве не пахать, не косить, не чистить стойла, а трудно путаться с веревочками, с ремешками, следить, чтобы не разорвалась кожа на хомутовых клещах, вовремя смазать, вбить нужный гвоздик, повесить на место, «прибрать», выйти ночью на брех собаки, последить, чтобы там не украли дрова, там не вырвали траву, заметить готовую оторваться подкову — все эти мелочи составляют необходимое условие тех больших полевых работ, которые всякий мало-мальски здоровый человек может выполнить с удовольствием. (И это мало было известно отцу моему, Левину, описанному графом Толстым.)

На меня, сына его, владельца трудового наряда земли и старинного парка, пала двойная тяжесть: и что я вместе крестьянин-барин, и что я по крестьянству же работаю, как и он.

Вместе со старинным парком мне досталась мечта о зем ле как всенародной собственности и с обязанностью распутывать веревки и самому ездить за водой и в кузницу, взгляд на крестьянина как на существо жестоко эгоистическое безнадежно запутывается в этих веревочках. Я гораздо сложнее своего отца, потому что ко всей силе чувства радости земли ко мне прибавилась вся сила чувства ее горечи.

Крестьяне наши вообще готовы на какие угодно жерт вы, и комиссару ничего не стоит вызвать в них эту готовность. После этого обещания следует самое трудное для русского человека: пойти домой, взять и отвезти или отнести на место, куда следует дать. Раньше приезжал за этим урядник, а теперь нужно самому, и вот это-то теперь, чтобы самому, это трудно.

Сколько раз я задумывался, на чем держится пустыня моего хутора.

14 Июня. Скосили сад — своими руками. Чай пьем в скошенном саду, а с другого конца скошенное тащут бабы.

Идем пугать баб собакой, а на овсе телята деревенские. Позвать милиционера нельзя — бесполезно: он свой деревенский человек, делает свое дело, пашет или возит навоз, кум и сват всей деревне и против нее идти ему нельзя. А денег получает 100 р. в месяц.

Сосед мой читает французскую революцию и повторяет: «Робеспьер, Робеспьер!» — вероятно, он это относит не к бабам и нашим милиционерам, а к тем, кто устилает путь в ад добрыми намерениями (Керенский).

Неудобства самоуправления: урядник — власть отвлеченная, со стороны, а милиционер свой, запутанный в обывательстве человек. Председатель земской управы Мишуков был старостой у Стаховича, можно себе представить, сколько у него местных личных интересов! И так из государства с границами далекими, как горизонт, постепенно переходишь в мелочную волостную республику.

Приезжают два члена земельной комиссии описать мою землю, два малограмотных мужика, один спрашивает, другой записывает, спрашивает небрежно, без плана, записывает на грязном лоскутке бумаги кривульками, путаными рядами, вверх, вниз, сбоку нечиненым карандашом, слюнявя и облизывая пальцы. Объясняю им, как что нужно разграфить бумагу и над графами заголовки подписать. Шемякин суд.

— Дожидаемся,— говорят,— дезинфекции.

Что такое «дезинфекция», объяснили: «Конторские книги».

Соседу рассказываю про дезинфекцию, он смеется и го ворит: «Робеспьеры, Робеспьеры!»

С каждым днем налетают бабы: у Лидии Михайловны взорвали лук, посаженный для себя возле самого дома. Непонятно, куда делись, чем занимаются теперь маленькие девчонки, которые раньше ходили на полку огородов по имениям и хуторам.

Вот еще большая новость: отказываются от земли. Сус лово чуть не разодралось из-за земли с Лёвшиными. Упросили Лёвшинские Лидию Михайловну написать Земельному Комитету, что передает землю свою Лёвшинским. Комитет согласился. А вот, когда пришло время пахать, отказываются: тот не идет, другой не едет. И постановили всем обществом: от земли отказаться. Это новое доказательство, что земля, которой ждут эти люди, не земля Адамова, место применения труда, а земля Революции — Соблазн.

Толстой не прав, говоря, что человека трудящегося, семейного, скромного не может коснуться «анархия», потому что за такого человека будет большинство, которое состоит из таких же людей. У нас в Хрущеве единственный настоящий труженик дворовый человек Иван Митрев. У него не было аршина земли. Снял кусочек в аренду под огород. Из года в год стал разделывать и торговать овощами. За десятки лет нажил денег, стал арендовать пахотную землю, купил десять десятин. Уверен я, что и его обидит так же, как помещика, то самое Толстовское большинство, если один только большевик приедет и скажет против него на митинге.

Дело в том, что честное большинство образуется всегда уже после обиды и существует не в действительности, а только в воображении авторов романов с хорошим концом.

15 Июня. Молитва пастуха. Из одного стойла я хочу перегнать овец в другое, почище. Выпускаю овец из грязного стойла, направляю в другое, почище. Занимаем все свободные выходы, выпускаем овец и направляем в новое стойло. Одна овца не желает идти в новое, повертывается назад, и все овцы мчатся на старое место. Так несколько раз делаю и все не могу справиться: овцы опять попадают в старое стойло. Тогда я, Пастух, овечье Верховное Существо, хватаю одну овцу и бросаю, куда Мне нужно, за этой брошенной Мною передовою овцой разом бросаются все в новое чистое стойло.

О, Боже, разбери наше смутное время и перекинь пе редовую овцу в новое чистое стойло!

В ненастное время, когда все богатые красивые птицы умолкают и прячутся, вылетает из дупла старого дерева худая серая птичка Пролетарий и наполняет сад однообразным металлическим звуком: «Пролетарии всех садов, соединяйтесь!» Как только начнет проходить ненастье, на небе показывается радуга и поднимаются голоса других богатых птиц, звук этой нищей птички в саду исчезает, и природа живет своей обычной, сложной, мудрой и несправедливой жизнью.

С детства я очень интересовался явлением серой птички в ненастье, и раз проследил, куда она исчезает: за старым амбаром заросшая бурьяном была древняя дикая яблонька, и в этой яблоньке дупло черное, величиною в кулак. Я заметил, что серая птичка туда нырнула, просунул руку в дупло — и вот там по-змеиному зашипело. В страхе я бросился бежать от змеиного шипа. Так, в детстве я словно обжегся об эту маленькую серую птичку, в юности пострадал за «пролетария» и теперь с удивлением смотрю вокруг себя, как все молодо, как эти бородатые дети все еще живут теми же самыми младенческими чувствами и говорят юношескими словами иностранными.

И в ненастье, когда вылетает эта серая птичка, я до сих пор вспоминаю...

На упреки отвечает Горький: «А я что вам говорил, я говорил вам, какой испорченный наш народ, вы же о нем и судили по Достоевскому».

Это неправда: всеми этими материалистами, марксистами поднята только одна враждующая Русь, озлобленная, темная. Прислушайтесь к выражению ее голоса: сколько слов иностранных! Вся Россия говорит, начиная от деревенского мужика до писателя, словами иностранными. «Мы все в Москве, гарнизонные солдаты,— говорит дезертир,— организованы, мы все превзошли и даже знаем слова иностранные».

Куда делась мудрая притча, лукавая сказочка, внезапные словечки, тут же на ходу лично создаваемые, куда девалась вся эта неожиданная русская литература? Разве так говорит настоящая Россия? Такая ли мать моя?

Нет, Горький, вы не правы. Злого духа вызываете вы сами, передовые марксисты, социалисты и пролетарии. Идея ваша ни хороша, ни дурна, но средство ваше обратить всю страну, всю нашу природу в стадо прозелитов иностранной фабрично-заводской пролетарской идеи — дурное. Мне вас жаль, потому что в самое короткое время вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии.

И почему вы так нападали на Распутина? Чем этот осколок хлыстовства хуже осколка марксизма? А по существу, по идее, чем хлыстовство хуже марксизма? Голубиная чистота духа лежит в основе хлыстовства, так же как правда материи заложена в основу марксизма. И путь ваш одинаков: искушаемые врагами рода человеческого хлыстовские пророки и марксистские ораторы бросаются с высоты на землю, захватывают духовную и материальную власть над человеком и погибают, развращенные этой властью, оставляя после себя соблазн и разврат.

Царь погиб в хлыстовской грязи от раздробления и рас пыления неба (духовного целого), а вы погибнете от раздробления земли. Мало ли что вы кричите: «Соединяйтесь, организуйтесь!» И там говорили не «Я», а «Мы, Божею милостью».

Вы создали контроль Советов и Съезда Советов над на шей пищей. Но поверьте, что над духом моим не вам, пролетарии, создать контроль. Вот теперь в Соловьевской республике неграмотные мужики торжествуют, что я должен сам пахать землю и есть не более двух фунтов в день черного хлеба. А я этим счастлив, и все мое горе в том, что их, разнузданных земными посулами, не могу приобщить в свой духовный совет и материально приближенный к ним теперь вплотную, духовно дальше, чем в злейшее время царизма.

И я говорю вам последнее слово, и вы это теперь сами должны чувствовать: дни ваши сочтены. Аввадон скоро погибнет. Не буржуазия, которой вы так боитесь, погубит вас, не люди прошлого, земледельцы. Вас погубит Солнце. Ветер, Дурная муха и Сухорос. Вас погубит та сила природы, которая называется Мудростью.

После вашего царства вырвется наружу с великой силой стремление человека к свободе.

В час ночи на дворе собаки поднимают гам, вой, слы шится чей-то голос:

— У вас тут никаких правов нет!

Тележка стоит у балкона, голос опять, знакомый го лос, повторяет:

— Никаких нравов нет!

— Кто там?

— Милиционеры.

— Ты, Архип?

— Я!

Едет пьяненький из города. Заехал проверить, есть ли у нас караул.

— Я же,— говорит,— власть, я должен проверить? Что же караулить, Архип, у нас все взяли вы, амбары пусты и караульщика содержать нам нечем.

— Ну, что ж, правов у вас нет.

— И поздно, Архип, теперь время спать и нам и тебе, поезжай с Богом!

— Ну, что ж!

Это он вот зачем приезжал: на случай, если нас тут ог рабят или зарежут, так чтобы отговориться: «У них караула не было!»

Почему не поют птицы «Благословение», я понимаю: Хозяин земли тоже ломает себе голову и делит, переделывая все на мельчайшие части, делит, зачеркивая план, вновь чертит и вновь зачеркивает, создавая большую картину новой земли.

Бедняки земные думают, что сами делят и что в этом конец и начало и все в этом дело — по скольку саженей дос танется священной обетованной земли (чернозема) на живую душу. И солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: «Тебя, Иван, тебя, Семен, тебя, Петр, мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить...»

Прошение мое изготовлено, бумажку читаю — очень довольны! Передаю. Благодарят. Я тоже благодарю за навоз и беру в свои руки кобылу.

16 Июня. Прачка говорит:

— Какое наступление! Вот что солдатик из-под новой мельницы сказывал. Посылают будто бы из их полка двух на караул. Становятся на караул часовые, а из ямы вылезает шестнадцать головорезов и зарезали часовых. Посылают еще двух, и этих зарезали... Тогда весь полк выходит, окружил яму, пятнадцать убили, а шестнадцатого пытать, кто они такие. Сколько ни мучили, ничего не сказал.

— Кто же эти головорезы: изменники, шпионы, рус ские, немцы, австрийцы? Может, большевики?

— Вот то-то и горе, неизвестно кто, помер шестнадца тый и ничего не сказал.

Личный пример. Земли у нас мало хорошей, а размытой земли, оврагов на всех хватит. Я свой овраг засадил лесом и держу, уже много лет караульщика. Вдруг комитет объявляет: «Лес государственный!» Сломалась оглобля — не дают оглоблю срубить, ось, крюк не могу в своем лесу выбрать. А воры весь день тащат из леса все, и караульщик слова им не скажи. Обида выходит великая, и во всем виноваты безлошадные и бескоровные, время такое, их сила: надавали им векселей царства небесного на земле, вот они и радуются. Ладно же. Не векселями буду действовать, а личным примером. Долой тетрадки, записки и дела общественные. Отмеряю трудовую норму и пашу землю сам. Пашу и пишу — славно! Тревога проходит. И должно быть, время безлошадное проходит. Прихожу на деревню, жалуюсь на сходе: воры государственную собственность обижают, что делать? Безлошадные молчат, однолошадный Семен говорит:

— Вора лови и крой дубинкой!

— Крой дубинкой, крой дубинкой,— кричат все однолошадные и однокоровные.

Безлошадные молчат, двухлошадные и двухкоровные тоже говорить еще опасаются.

Я пашу, а время еще переходит, и народ уже ходит ко мне на пахоту, и слышу, одобряет меня народ: пашет человек, личным примером действует. Смелость у меня является большая: караулю в лозинах час, два и хватаю

за рубашку вора Ивана. Тащу Ивана на сход. Молчат безлошадники, бескоровники, молчат однолошадники и однокоровники, двухкоровники и двухлошадники — все на моей стороне.

— Что же, товарищи,— говорю,— с вором делать?

— Как угодно,— отвечают двухлошадники и двухко ровники,— на ваше усмотрение, протокол или самосуд, как вам будет угодно.

Я прощаю вора и ухожу пахать пар. С каждым днем растет ко мне уважение. И вполне понятно: человек охраняет государственную собственность и действует исключительно личным примером.

17 Июня. Один солдатик раненый сказывал, что где-то в атаку ходил с Ефимом, а после атаки Ефима с ними не было, но и в раненых и в убитых не было. И тоже если бы в плен попал, то почти за три года из плена прислал бы письмо. По всему выходит, нет его в живых. Но Таня, жена его, молодая, бездетная, даже на улице не гуляет. Вот наступает время революции, кругом все говорят, что скоро мир, все бабы радуются, Таня говорит:

— А хоть бы и не надо мира.

Одна Таня в деревне стоит за войну «до полной победы», оттого, что Таня, пока идет война, все надеется, вернется Ефим после войны: кончится и все кончится. И надеяться будет не на что. Бездетная, молодая, а скромница —в праздник не выйдет на улицу. И все тупит в землю глаза.

Революция своим чередом, а Таня живет своим чередом: земли ей не нужно, и воли не нужно, и какого-то женского «равноправия» тоже не нужно. Время идет, леса одеваются, зацветают сады, и вот уже Троица. Отсеялись, а комитет ходит на собрания, чинно беседуют о земле, что вся земля после войны и Большого Собрания будет мужицкая, только бы война кончилась. И живут мужички без царя и без начальства хорошо, шалят с самогоном немного, но это что за беда.

В Троицу случилось, за обедней, во время великого входа батюшка помянул «Благочестивейшего самодержавней-

шего», и сейчас же... «ах! «державу Российскую!». Старики, да и все наши поняли, что батюшка «отцикнулся», а какой-то новый солдат, какой-то чей-то товарищ стал шуметь, за ним все шуметь. Едва-едва без греха удалось батюшке обедню закончить. После обедни на выгоне выкинул этот солдат красный флаг и говорит:

— Мы большевики...

Что такое он говорит, трудно понять, кружит, говорит, и все к этому: мы большевики.

Такое что-то новое, ни на что не похожее говорит, и чтобы вот сейчас сию минуту как-то сразу нужно по-новому всем, а там все пойдет так. В следующее воскресение назначили батюшке поверочный молебен на лугу, приносят хоругви, приносят со всех деревень красные знамена. Запугали батюшку, ни жив, ни мертв служит, а под конец самый, видно, справился, и вдруг: «Победы Благоверному императору... ах! «державе Российской!» Опять на поверочном молебне батюшка отцикнулся.

И началось, и началось! Кипит, горит Митинг на выго не, с каждым днем, как пожар, разгорается.

И так оно похоже на этом митинге, будто все бегут куда- то во весь дух, впереди бежит тот самый большевик, он гол и ничего не боится и во весь дух кричит: «За мной, товарищи, земля, земля за мной, бабы, мир, мир!» Ближе всех к нему бегут бабы, за бабами малоземельные, за малоземельными однолошадные, за однолошадными двухкоровные, и, делая вид, что тоже бегут, совсем трусят двухлошадные.

Говорит оратор, будто во весь дух бежит, час, два гово рит, сядет на землю и все говорит, уморится, подождет чуть-чуть — передохнет и опять говорит час и два. Потом скажет: «Не расходитесь, я сейчас»,— сходит в сторонку, и опять до темноты говорит.

Таня не ходит на митинги, бабенки, однако, ей рассказывают:

— Видели самого Митинга, выходит черный, лохма тый, голос грубый и говорит: «Пощупаем барские сундуки».

Не стоит ходить: Митинг страшный.

Павел, Фиона, Васька, Ванюха — семья рабочего, семья барина. Снимают рабочих. Господа берутся сами работать и повторяют то, что осуждено в семье Павла.

Имение — рай. Большевики зовут в рай, мужики идут грабить. Там в саду пожар.

В раю разгром. Изобразить всю смуту. Сирень.

18 Июня. Тяжелое положение. В семье создалось так, будто на митинге мужицком я рассказываю о настоящем социализме, а они ждут только одного, когда я им разрешу захватывать и делить землю — полное непонимание.

Сказка о быстром тельце. Теленок захотел присоединиться к человеческому быстрому времени и, когда попал в этот круг, в три дня стал [огромным] быком и попал под реквизицию.

Время такое головокружительно быстрое, кажется, все куда-то летит, но вот попадается на глаза теленок, жует он попрежнему медленно, ровно, попади он как-нибудь в связь со временем, зацепись хвостиком за человеческое быстрое время — ив какой-нибудь час стал бы огромным быком. Но это чудо не совершается, и природа творит свое дело, не подчиняясь желанию человека. Так что с природой считаться нужно.

Черты сельского комитета. Пункт первый: заявление Танеевской старухи, просит лесу на избу.

— Передать в Земельный Комитет.

Дьякон шепчется с председателем.

— Будет шептаться!

Пункт второй: инвалид просит хлеба.

— Передать в продовольственный комитет.

Пункт третий: нераспечатанный конверт.

— Почему же вы его не распечатали?

— Не получил полномочий. Распечатывает пальцами, не слушаются пальцы.

— Все пальцами, все пальцами, Абрам Иванович! — говорит дьякон.

— Ну, что ж!

Конверт все не поддается.

— Холстина!

— Холстина! у кого нож? Вырезали, вынули, бумага большая — ого-го!

Сошник погнулся, и плуг стал забирать вглубь.

Государство в образе сельской жизни. Плуг мой зарыл ся глубоко в землю, ни приподнять рукой, ни вытащить лошадям.

Политика — это маховик государства, сейчас он вер тится быстро без передаточного ремня: молотилка стоит и еле молотит. Правда, неудивительно ли это: на всех политических съездах, советах крестьяне призывают к единению и сами крестьяне делают такие постановления и заключения, будто они самые настоящие социалисты. Земля есть и у социалиста, и у христианина, но земля крестьянская — планета.

Царство Божье здесь на земле — соединение в добре — вот это и есть земля.

Но оставьте маховик-политику и посмотрите на моло тилку-общество: там идет не соединение, а такое разъединение, каких на Руси никогда не бывало. Вот лежит земля, подлежащая дележу, а делят уже две недели и никак не могут разделить: и каждый день обида, раздражение вырастают, и вот-вот будет беда. Вы подходите и говорите:

— Не делите землю, пашите сообща, а хлеб потом раз делите по работе.

Вам отвечают:

— Кто будет работу считать?

— Выберите десятника, как в больших экономиях.

— Ничего не выйдет.

— Да почему же?

— Потому что наш брат сукин сын: у другого лошади нет, дай ему, скажет, лошадь общая. Земля общая, но лошадь, скажите, я же ее наживал, я работал, а он сидел на трубе галок считал и тоже — общая!

И вот мерят друг друга: однолошадные и безлошадные — кто прав из них?

Сила человека, нажившего лошадь, и сила человека, нажившего мысль добрую. К сожалению, у безлошадного

мысль одна: себе получить лошадь. У него действительно нет ничего.

Не соглашаются, делят землю на мельчайшие кусочки, по три сажени на душу. И так видно по людям, как они делят, что за их спинами, и бабы делят что-то между собой; и бабы эти — злейшие-презлейшие, за одно куриное яйцо готовы между собой разодраться. И что никак это невозможно — ремень с маховика надеть на шестерню молотилки и чтобы все это согласно задвигалось.

Вопрос: когда крестьяне поделят землю, что они будут требовать? Вероятно, дешевые цены на городские продукты, и смута будет развиваться в этом направлении.

В Петрограде, с высоты полета государственной птицы, многим кажется, что наша революция социалистическая, а на месте, где-нибудь в Соловьевской волостной республике, революция эта чисто буржуазная. Не буржуазная и не пролетарская, а безлошадная.

Какая разница между теми и другими? Возьмем отношение населения к землепользованию. Если бы деревенский пролетарий думал о социализме, то зачем бы ему делить землю на такие мельчайшие подушные части и еще такую землю, которая только в чаянии будущего кажется ему своей землей. Почему бы в чаянии будущего не обработать ее сообща, ссыпать зерно в общий амбар и потом разделить выручку?

Член земельного комитета у пунктовщика Христом Богом выпросил лошадь. Отказывал пунктовщик, потому что ему денег с времен революции не выдавали: касса волости пуста. Выпросил лошадь член и едет на дрожках в город. Лошадь некормленая на полдороге остановилась. Член — делать нечего! — пускает ее в овес и, озираясь, на все стороны поглядывает, побаивается: овес — государственная собственность.

Дрова — государственная собственность. Рожь — государственная собственность (мытарство с потравами). А гречиха, просо — то не государственная собственность.

20 Июня. От немца-германца перешли к немцу внутреннему — царю, помещику, капиталисту, теперь переходят к соседу, у которого не одна, а две лошади и есть, кроме надельной, десятина собственной земли и две десятины арендованной. Последний этап этого процесса, когда сознают, что немец-враг — в душе каждого отдельного человека: враг внутри меня самого — тогда начнется расцвет революции.

Изобразить все этапы врага внешнего — германца, внутреннего — немца, чиновника-врага, помещика-врага, соседа-врага, бабу-врага в одной душе (Иван Михалыча) и потом привести врага в свою душу и к социализму Христа.

21 Июня. Докладываю, что все комитеты уездные и волостные в настоящее время принимают вид деловых собраний.

Всю пору пережитой смуты сельское население в нас тоящее время склонно считать виною людей, которые называли себя большевиками.

Характерно в этом отношении, что вчера при обсуж дении нового закона о земских выборах собрание председателей существующих волостных управ постановило: допустить в избирательную комиссию с совещательными голосами представителей от всех политических партий, кроме «большевиков».

Но мирный и деловой характер собраний можно объяс нять и тем, что жизнь ушла из комитетов.

Жизнь теперь там, где землю делят. Вот уже третью не делю крестьяне, забросив вспашку пара и возку навоза, делят по живым душам пары помещиков и сгоняют арендаторов.

Передача в земельный комитет этих паров соверши лась при создавшихся условиях невозможности обработать землю. Иногда же путем прямого захвата. Так, например, у Стаховича было стравлено крестьянами 90 десятин клевера 1-го года. После чего клеверище было разделено и вспахано сохами или же плугами, которые были выданы из экономии Стаховича. Нечего говорить о вреде, причиняемом государственному хозяйству этим способом захвата. Гораздо серьезнее захват земли арендаторов.

Кроме хуторянина — столыпинского мужичка» в каждом селе Елецкого уезда существуют не менее крепкие земли и гораздо более многочисленные арендаторы. В большинстве случаев они арендуют 2—3 десятины в клину, имеют 1—2 десятины купленной земли, что позволяет им иметь из живого инвентаря пару лошадей, пару коров, десятка два овец, из мертвого инвентаря плуг, иногда жатку. И вот этих хозяйственных крестьян теперь устраняют от аренды и их землю делят на мельчайшие части. Безлошадные, которые никогда не имели «никакой скотности», получают тоже свою часть и, не будучи в силах и такие части обработать, вступают в разные сделки с соседями. Есть указания на признаки спекуляции в этой области.

Само собой понятно, что при таком равнении по безло шадному, по природе или но несчастию бесхозяйственного сельского пролетария, происходят каждый день столкновения, сила общего духа падает, и нравственность понижается до последней степени.

Земельные комитеты в очень слабой степени могут ос лаблять раздоры, потому что до сих пор они не имеют ясного наказа.

Вот пример. Мы объясняем, что арендные договоры имеют силу, если совершены до 1-го Марта, а нам крестьяне показывают отпечатанное Елецкой газетой и разосланное всюду постановление Временного Совета Крестьянских

Депутатов от 25 мая сего г., § 8: «Все сделки, совершен ные до 1-го Марта и до издания запрета, должны считаться недействительными». И даже в Уездном Земельном Комитете мы не можем установить, что это — опечатка или действительное расхождение правительства и Совета в этом вопросе.

С нашей стороны были сделаны многочисленные попыт ки остановить крестьян от междоусобного дележа и предложить им общественную запашку. Но все эти попытки разбивались о глубоко буржуазную природу сельского пролетария. Такой человек только на митингах и других народных собраниях признает, что земля «ничья», у себя в деревне он говорит: «Земля моя», и характерно, что крестьянина даже соседней деревни он называет «чужестранным».

Выбирают из тех, кого видят. В земельном комитете: значение в деревне человека со стороны. Товарищества арендаторов земли (кооперация) и общинный передел. Неудержимое стремление к переделу. Будущая социализация пойдет путем этих товариществ, будет подбираться подобное к подобному. К чему привел восхваленный Герценом обычай русский: право на землю, как на воздух.

«Черный передел»: помещику кажется, что это оби жают исключительно его (воровство одинаково: капусту нельзя посадить), а они это делают по «черному переделу».

По тесноте нельзя завести огород, выход из тесноты: купить в городе, но теперь дорого. Выход из тесноты: зах ват огорода Ивана Митревича — самый большой труженик. Правда общинно-родовая всколыхнулась со дна души народа и стала в противоречие с нынешней правдой [черного передела]; люди, вероятно, уже давно пережили русский сарафан, и, наверно, он уже давно вошел каким-нибудь круглым заветным в состав общемирового сарафана, но люди, не знающие этого процесса, объявили русский сарафан исключительной находкой.

Так и этот общинный дух давно уже использован социалистами и применяется в современных теориях кооперации. Но воскреснувший старинный сарафан теперь становится против социализма, и право каждого на землю (Земля Божья) теперь выражается: земля моя!

Провал эсеров (перечитать программу), бабушка русской революции.

Наступление. В городе относятся не очень доверчиво: не хватит овса, лошадей. На лугу в Рогатове крестьяне радостно выслушали, но подошел «большевик» (молодой солдат):

— А сколько наших легло! И: — Неправда, что Германия не хочет мириться.

— Это старое правительство, а новое? — слабо возразил один.

— Ну, что же новое: у нас десять министров от буржуазии.

И все замолчали и, помолчав, взялись за косы, и я уехал, ничего не сказав. То, что называют контрреволюцией, совершается в молчании, и это молчание обыкновенно признает половину революции и не признает вторую половину. Так все и будет, пока не получится новых вестей из Европы. Сейчас маховик русской революции вертится без передаточного ремня к молотилке (обществу). Заметно, что революция вертится вокруг себя, не приводя в движение общество.

Прикладная интеллигенция. Как бывает наука чистая и прикладная, например, математика и механика, химия и технология, как искусство бывает свободное и связанное, прикладное, например, гражданское техническое, политическое, так теперь интеллигенция появилась прикладная, которая называется классовой.

Образовался новый крестьянский полевой суд. Когда что-нибудь случится, мы обращаемся к председателю сельского комитета, который собирает сход, и сход судит (протокол или самосуд). Коля говорит: «Шемякин суд» (крой дубинкой).

Ударил Никифор по зубам гимназиста, расправился. Украли веревку от самого дома. Уздечку. Плуг укатили. На косу целятся. Жизнь среди дикарей, первобытная. Стоит береза, смотришь на березу и думаешь: «Цела!» И больше ничего не думаешь. А когда порубили, то скажешь: «Сволочи!» Самойле говорю, что вот как нехорошо бить по зубам гимназистов, а он соглашается:

— Непорядок, кто знает, куда еще это все перевер нется.

— Не перевернется, Самойло! но все равно: разве для того мы республику вводили, чтобы бить но зубам?

Аникин, Филипп и другие арендаторы похожи на кадетов, на министров-«буржуазов», словом, на людей эволюции, однолошадные — вся неопределенная масса деревни, и безлошадные — смесь большевизма и черносотенства.

Девятое апреля — до волостного комитета: пустое пространство, самогон. От волостного комитета до появления

большевиков. Реакция: речи Керенского о наступлении. Брошюры в газете.

Газетные бюллетени.

Самосуд («Речь» 144). Лига русской культуры («Речь» 144). Отказ «бабушки» от званья члена ЦК («Речь» 144).

Отрава (ленинство) и оздоровление (наступление) («Речь» 143). Реставрация в Китае («Речь» 143) Об аграрной программе РСДРП («Новая жизнь» № 55). О причинах анархии («Новая жизнь», 54).

Что такое русское революционное большинство? Кто против — тот враг народа. Я против революции, но не враг народа, и потому я голосую за революцию, в надежде, что это не серьезно, что это не дело и потом как-нибудь отпадет.

26 Июня. Тихвинская. Жизнь есть путешествие. Не многие это сознают. Я всегда был путешественником, и все, за что я брался, было для меня только опытом: нужно что-то узнать для какого-то плана. Россия была всегда для меня страной неизвестной, где я путешествую. Семья — опыт. Дом, который я выстроил, часто мне представляется кораблем, вечером, когда я сижу на террасе, весной, летом, осенью, зимой кажется мне часто, будто я куда-то плыву, в страны разного климата.

Россия молодая и дикая, никто не может оседлать ее и взять в свои руки узду.

Стоит теперь любому революционеру взять власть, и он становится меньшевиком, умягчается, смиряется, как будто на дикую лошадь надели хомут и впрягли в непосильный воз.

На мой тяжелый вопрос отвечал социалист-революционер: «Что вы хотите от социализма, если христианство столько времени не могут люди понять?» — «А я социализм так и считал поправкой христианства: почему-то вот нельзя то осуществить, а если прибавить социализм, то и осуществится. Но если христианство откладывается до второго

пришествия и социализм до какого-то столетия, то чем жить людям?»

1. В плену у собственности. Мать говорила: «Как хорошо теперь иметь клочок земли!» — «Почему те перь?» — «Из-за земли же они воюют!» II. Война как дележ земли. III. Смерть матери и семейный раздел. IV. Социалист делается собственником, хозяйствует и думает, что он вполне социалист, и вот революция — он собственник, которому расстаться невозможно с ней, и он враг народа.

Отчет. Наказ делегату: нет двоевластия и беспартийность.

Речь крестьянам о двоевластии. Сельский комитет и совет депутатов.

В городе Ельце много интеллигенции, внимание на уезд. Как терялись тезисы (18 Апреля, земля общая, большевики и захват). В заключение совершилось именно то, чего боялись. Волостная республика и твердые цены. Снятие телефонов. Падение Юдина. Влияние человека со стороны. Изгнание помещиков большевиками. Конец: дележ земли, уравнительный закон. Лес государственный. Овраги. Контроль: иногда очень разумно, как, например, контроль над вырубкой леса Стаховича, иногда смешно: например, мой зеленый пар. Запаздывание: комитеты земельные и волостные. Отсутствие общинного начала: раздел по живым душам и отказ пахать солдаткам.

Окулич долго не мог понять, за что он устра нен, всю жизнь работал для свержения старого строя и теперь устраняется, а когда до него дошла весть о большевизме, он назвал их «изменники»! («Рассосется!»)

Бюллетени. Революция и культура («Новая жизнь», 63). Ленинство — результат страха. Рожкова. Хорошая статья. Большевики и крестьянство («Дело народа», № 80). Герцен о русской общине и земельном вопросе («Дело народа», 79).

Воровство крестьян — коммунизм и чувство собствен ности (богатые мужики, помещики).

27 Июня. На запрос Государственной Думы об отношении населения к наступлению посылаю телеграмму:

«Масса населения наступление поддерживает — по де ревням начали сбор на заем свободы. Необходимы срочные меры согласования цен городских продуктов с хлебными. Ельце коса двадцать пять рублей, сапоги семьдесят, железо тридцать. Пришвин».

Отчет

Наша бескровная революция принесла земледельчес кой культуре вред бесконечно больший, чем кровавая и пожарная революция 1905 года.

В краю моих наблюдений (средней черноземной Рос сии) совершилось то, что всякий, стоящий близко к земледелию, считал самым страшным: крестьяне разделили землю хозяйственных единиц по живым душам.

Вот примеры. В соседнем с моим хутором имении Стаховича крестьяне вытравили 90 десятин клевера 1-го года и, разделив клеверище на мелкие части, кое-как взодрали его сохами. Известно, что при полном отсутствии у нас пастбищных угодий хозяйство с посевом клевера является единственным выходом из земледельческого тупика и до сих пор недостижимым для крестьян идеалом. Кроме того, нынешнее лето вышло засушливое [жаркое], овес едва-едва дышит. Спрашивается, почему крестьяне не обратились в Земельный Комитет, который мог бы взять имение Стаховича в свои руки и, сохранив план культурного хозяйства, дал бы крестьянам и сено и заработки?

Потому что в то время земельного комитета еще не существовало.

Другой пример. В этом краю очень распространена аренда крестьянами помещичьих земель. Арендуют не малоземельные, как принято думать, а более хозяйственные, более сильные крестьяне. У них обыкновенно есть 1—2 де-

сятины земли купленной, 1—2 надельной и 2 — 3 им достается от аренды товариществом из таких же 5—10 хозяйственных лиц у помещика. Согласно с количеством земли у них заведен скот, плуги и даже жатки. Такой крестьянин есть образ и подобие столыпинского мужика, но гораздо более многочисленный.

Когда наступило время вспашки пара, то крестьяне бросились сгонять таких арендаторов и делить землю по душам. К беде хозяйственной прибавилась беда социальная, потому что арендаторов-крестьян много и, значит, много недовольных. Дележ с большими ссорами продолжается неделю, две. За это время дележа пары не пашутся и лежат вплоть до Петрова дня невспаханными. Когда разделили, пар так засох, что его невозможно поднять сохами. Теперь дожидаются одни дождя, другие, безлошадные, ищут себе пахаря, третьи потихоньку уже спекулируют своим осьминником. А близится время уборки ржи. Спрашивается, почему земельный комитет не объяснил крестьянам, что арендные договоры совершены до 1-го марта.

28 Июня. А может быть, буржуазная культура давно уже включила в свою культуру социалистический фактор и социалисты наши просто восстанавливают русский сарафан?

29 Июня. Государственное чувство «наше все» снача ла простирается на все видимое (выбирают тоже только видимое), и притом — это видимое вокруг деревни взять себе лично, использовать. И вот потащили лес каждый себе, и каждому нельзя отставать от другого, и даже тот, кто сокрушался об этом хищении, председатель комитета, потащил себе.

Так представляется Заря человечества, когда земля бы ла для всех, как воздух, и рожденному давалась земля, и этого рожденного жрецы приветствуют как общерожденного; но теперь другая Заря, и каждый рождается с криком: «Земли! мне земли!»

По заключении раздела земли:

Кому на Руси жить хорошо? — У кого никакого дела с землей нет.

1 Июля. Т. мне телеграфирует, чтобы я присылал ма териалы для газеты. Рад бы, но не могу, во-первых, потому, что рабочего с моего хутора сняли и я должен работать целый день на поле, а не за столом. Во-вторых, признаюсь, не располагает меня к писанию и «Новая Жизнь»: газета для умственных людей с «позициями» и платформами, но никак не для нас, шатунов. Но я даже и с умственностью с этой не согласен, потому что эта умственность у нас в России совершенно проваливает дело социализма в народе. Всю эту социал-демократичную и эсерскую умственность оплодотворяет не искусство, а простое доброе дело, практика, мудрость. И когда ясно представишь себе это дело, то охота заниматься искусством разлетается в прах.

Война — это тюрьма народа. Из тюрьмы освобождаются двумя средствами: убегают, обманывая тюремщика, пе репиливают решетку и т. д. Или же принимают тюрьму как нечто, ничего общего с духовной несвободой не имеющее: находят выход к свободе духа и в тюрьме, например, пишут там, молятся и т. д. В юности я был марксистом и пользовался в тюрьме пилкой. Потом спасался посредством писания. Теперь наступает время освобождения делом, а все кругом во главе с Вашей «Новой Жизнью» стараются освободиться пилкой. Пилят со скрежетом зубовным. Занятие почетное, но пережитое, испробованное мною.

2 Июля. Какой-то Линшевич в «Деле Народа» осуждает Крюкова за пессимизм, а сам не указывает, чему же свет лому в народной жизни следует радоваться. Я думаю, что светлого пока нет ничего, ровно как не следует подводить и пессимистические итоги и вообще итоги.

У каждого пишущего есть свои знакомые крестьяне, посмотрите со всех сторон, изменилась ли их материальная и нравственная жизнь за время революции. В краю моих наблюдений у крестьян от дележа помещичьей земли прибавилось по восьминнику (1/4 дес.), но ссор, обид через этот дележ вышло столько, что восьминнику этому не радуются, словом, зла явно больше, чем добра.

Я знал крестьян с детства и ничего другого не ожидал от «Черного передела», но делать из этого какой- нибудь вывод относительно революции мне и в голову не приходит. У меня есть досада на партийных деятелей социализма, что они увлекаются только политикой и часто не отдают себе отчета в ответственности за сказанное, обещанное.

Есть у меня состояние подавленности, оттого, что невежество народных масс стало действенным, и бывает, как-то места себе не находишь: раньше мужичка пожалеешь, а теперь думаешь, вот он тебя пожалеет: но он об этом и не думал. А к этому еще присоединяется и сознание тяжести этого дела в народе. Попробуйте просидеть весь день в волостном комитете, в жарище, духоте, и потом, возвращаясь домой, думать, что вот в Петрограде какой-нибудь деятель за несколько часов добился резолюции на всю Российскую империю, а я весь день на волосок продвинул, и то не очень в этом уверен...

В последнее время я вздумал писать для крестьян в местной газете и неожиданно для себя имел успех в своей Соловьевской республике. Очень хорошо помогает от пессимизма и черная работа в стойле и на полях, которой занялся я по необходимости, потому что остался на своем хуторе без рабочего и прислуги. Оба средства — писание (только нужно попроще) и работу черную — я очень рекомендую всем пессимистам не по толстовству, а так себе, по здоровью.

Позвольте здесь мне привести кое-что написанное для граждан Соловьевской республики во время периода дележки земли.

Земля не дает радости людям, согласие дает радость.

3 Июля. Дьякон рыжий, учитель (80 десят.) — работники под контролем.

Председатель, сбоку рыжий, сзади у грифельной доски человек с голосом совещательным.

На детских скамейках мужики.

Комитет и Совет.

Назначено в 10 утра, соберутся в 12. Кучки сидящих, лежащих, стоящих. Политики стоят, среди них Иван Иванович — уголовный, прижатый толпой, оправдывается:

— Я говорил в расчете на то, что они свергнут Вильгельма, как мы свергли, а потому как они не свергают, то я наступление поддерживаю, только опять-таки без аннексий и контрибуций и на самоопределение.

Выборы избирательной комиссии: комитет и совет. Ко митет посещается, совет слабо — почему? Потому что в комитете дела хозяйственные и ясные.

Комиссия комитета. «Товарищи, поверните столы ли цом к председателю». За председателем у грифельной доски Мешков. Виски сжаты, лоб утюжком, глаза блуждают. Кто он такой? Да такой — вот он весь тут: ни сохи, ни бороны, ни земли. Соловьевские давно ведут из-за него борьбу с танеевскими: выбрали было в волостной комитет, но, уголовный, вызвал он солдата-брата, и тот выгнал комиссара (смыл). Теперь загорается новый бой: собрание, когда каждый кричит во весь дух в расчете, что его правда возьмет (тип глота Артем: молчит, молчит — так без крайнего подъема ничего не может сказать, а то вдруг покраснеет, надуется и орет!). Покупной глот шел по призванию — человек насиделся, налгался и вдруг стал за правду не говорить, а брехать, реветь: «Моя сильней, больше». Рыжий дьякон осторожно по тихому разуму, и так, что большинству подходит, дьякон ладит и [жизнью] очень доволен. Успокоил словами:

— Его грех, товарищи, явный, а явный грех мучит больше тайного, все мы грешники!

И дал слово оправдаться самому Мешкову. Он сказал:

— Товарищи, я девять лет назад был судим, а те перь я оправдал себя политикой. По новому закону все прощается!

— Верно! — сказали в толпе. И кто-то сказал спокойно:

— Ежели нам не избирать Мешкова, то кого нам из бирать. Мешков человек весь тут: и штаны его, и рубашка, и стоптанные сапоги — все тут! Одно слово, человек-оратор, и нет у него ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны, и живет он из милости у дяди на загуменье, а жена побирается. Не выбирайте высокого, у высокого много скота, земля, хозяйство, ему некогда, он — буржуаз. Выбирайте маленького. А Мешков у нас — самый маленький.

— Благодарю вас, товарищи,— ответил Мешков,— те перь я посвящу вас, что есть избирательная урна. Это есть секретный вопрос и совпадает с какой-нибудь тайной, эту самую тайну нужно вам нести очень тщательно и очень вежливо и даже под строгим караулом!

И призвал к выборам:

— Выбирайте, однако, только социалистов-революцио неров, а которого если выберете из партии народной свободы, из буржуазов, то мы все равно все смешаем и все сметем!

Выбираются кандидаты на 8 человек. Выкрикиваются имена одной Соловьевской группы, спевшихся людей, в другом краю волости неизвестных.

— Нельзя ли выбрать из невидимых? — спрашивают.

— Каких таких?

— Или только из тех, которые между нами?

— Из видимых и невидимых! — понял учитель.

— Из невидимых можно! Пиши Харитона, пиши нашего Миколая!

И записали еще человек десять. И вот мы баллотируем с утра и до темной ночи: учитель подает шары, диакон выкрикивает имена списка, вторую половину веду я, и так вся работа выборов ляжет на нас, интеллигентов. И мы стоим с охрипшими голосами, выкрикивая десять раз Иванова, и десять раз отвечают: «Чай пьет!» И какая-то досада в душе, я свой шар кладу незаметно налево, потому что никого не знаю из спевшихся и только чувствую, что им ничего не сделать справедливого. Охранник [тихо говорит] дьякону, хочу отдохнуть, и вот какой-то человечек в поддевке подходит ко мне:

— Вас извещали о собрании собственников?

— Нет, не извещали, да какой же я: у меня чуть-чуть.

— Все равно собственник, защищать будете?

— Не буду: дачу свою я отдам с удовольствием, она меня разоряет, но я не могу отдать: ее разграбят. А вы что же будете отстаивать?

— Старый режим.

— И царя?

— Конечно, царя.

Так за все время существования комитета я слышал голоса за царя, заговорщики твердят: «Видно, что землю свою он будет отстаивать до конца всеми средствами»:

— Это что пролетарии, у них все за старый режим, а у нас у всех довольно земли, а что нужно крестьянину: абы только земли, абы только удовольствие.

Я спросил потом о Пашинине, откуда у него земля.

— Контора заплыла в полую воду и села возле его из бы, эту контору он обобрал — и вдруг деньги пошли и землю купил.

Елецкий погром. 4-го июля уличная толпа разрознен ными и вооруженными частями местного гарнизона, подстрекаемая лицами, которые называли себя «большевиками», избила до полусмерти воинского начальника, председателя продовольственной управы, многих крупных торговцев и потом произвела повальные обыски в частных квартирах с расхищением имущества частных лиц.

Всем избитым приписывается хранение избытков продовольственных запасов, которые, однако, в большинстве случаев были на учете в продовольственной Управе. Истинная причина беспорядков: 1) неравномерное, вследствии нехватки, наделение населения белой мукой со стороны продовольственной Управы, 2) привлечение оторванных от полевых работ белобилетников к исполнению воинской повинности, 3) агитация темных сил на почве потребностей желудка и сердца.

Расправа с лицами проскрипционного списка была со вершена с азиатской жестокостью, их вели по городу босыми, сзади и со стороны били, впереди плясали со свистом и диким пением. В истязании принимали участие многие слободские женщины с неистовым визгом.

Члены исполнительного комитета и милиция, за исклю чением отдельных лиц, отсутствовали, растерянные, потерявшие способность к решительным действиям, вероятно, вследствие исключительно трудной предшествующей деятельности. В день погрома, однако, был организован из

представителей общественных организаций Временный Комитет по охране города, исполнительная власть которого вручена была коменданту, организованы были реквизиционная и следственная комиссии. К вечеру 4-го июля обыски стали принимать более правильный характер, 5-го проходили совершенно без похищения вещей.

В настоящее время все сбитые с мест власти мало-помалу организуются вновь. Арестован бывший председатель Союза Русского народа Д. Д. Руднев, ныне выступающий как большевик.

Беспорядки — замаскированная контрреволюция. Каждый раньше молчавший правый теперь указывает умеренному деятелю революции: «Вот ваша революция».

Характерно, что деревня, понявшая бюрократов как наказание купцов, хранящих тайные запасы, принимает эту дико-азиатскую расправу как акт должного возмездия.

Вот вкратце то, что я узнал о Елецких событиях из расспросов на другой день, и вот что я сам испытал.

В день событий я был в деревне, ко мне пришел один крестьянин и стал рассказывать все, что он видел и слышал в городе.

Работать у мужика? Богатый мужик объедает и сам на себя сердится, что много ест!

Узел

Узел имущественный: дача с садом и девятнадцатью распашными десятинами стала моей тюрьмой, я не могу сдать в аренду — запрещено, не могу нанять рабочего — нет рабочих, не могу передать земельному комитету, потому что земельный комитет предоставит хутор сельскому комитету, и наши соседи — крестьяне распашут клевера, переделят, испортят, парк вырубят, сад обломают, дом разберут.

Узел семейный: не могу дело предоставить Ефросинии Павловне, потому что нельзя ее оставить с малоумным Яковом, она завопит о деньгах, дети будут испорчены Яковом, все пропадет, Яков — помеха всему.

Узел хозяйственный: сухмень задержала обработку — выпал дождь, надо скородить, надо пахать. Дождь захватил в поле клеверное сено — как его просушить, как вывезти? А лошадей — увы. И рожь поспела.

Уехать на день — все расстраивается: напишешь что — нельзя отвезти, послать. Написать нельзя, не зная хода событий,— так выходит.

Узел писательский и денежный.

И все на фоне узла интернационального и национального: выставили лозунг мира всего мира, а у самих под носом выросли Украина и Финляндия. Не хотели воевать с немцами, а деремся друг с другом. Социалисты завлекли народ несбыточными объединениями.

Елецкий погром — это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла.

Эта свистопляска с побоями — похороны революции.

Дни революции в Петрограде вспоминаются теперь как первые поцелуи единственного, обманувшего в юности счастья.

Сколько лет уже прошло с тех пор, а все еще снится: вижу лежащим себя на каком-то диване в бревенчатой комнате с таким ясным, сладким, единственным воспоминанием. И потом точка, остановка. И вдруг из этого предмета посреди комнаты мысль, а из стены крыса, такая огромная, едва, едва пролезает через дыру, и я хочу ее схватить, схватить пальцами, в ужасе растопыренными. И потом молитва: «О, Боже, прекрати войну!»

Новое смутное время, в котором не один, не два, а тысячи самозванцев обманывают, завлекают народ языком, исковерканным на иностранный лад, неизвестно куда.

Происходит разрушение города, но и веси разрушаются, и природа оставлена безумным человеком.

Сад, лес, поле — везде содружество дерева, трав, ко лосьев, а у людей брат на брата идет.

Помещица заперлась в старом доме и думает, что все зло от мужиков, что это они сговорились грабить ее. А «их» нет, они вовсе не сговаривались, они грабят друг друга еще больше. Еще удивительно, как мало они грабят ее сравнительно с грабежом себя.

Нельзя в полдник уйти пообедать и оставить на час в поле плуг — укатится. Нельзя повесить уздечку на дерево и отойти на [минуту], чтобы выгнать из ржи корову— утянут, все тащится.

Печник ходит без дела: никто не решается по доро говизне кирпича делать печь, кирпичник не обжигает кирпичи — дорогой кирпич некому покупать.

Упрощение жизни: сахару выдают по полфунту в ме сяц, и то неаккуратно — прекратили чай пить, пьем молоко. Исчез табак с рынка — прекратили курить. Мяса нет. Едим кашу, молоко и черный хлеб. И все это можно бы с радостью делать — будь сознание цели. От умерщвления плоти дух не обогащается, как у аскетов.

На колу собственности (или сказка про Белого бычка). Два времени: в юности за марксизм попал в тюрьму (оторвался теленок, не видавший поля и взятый прямо из зимней избы, и бежит прямо до тех пор, пока не упадет), теперь попал в тюрьму собственности.

Василий Герасимович рыбак, и удочки у него английс кие, и ружья, зайцев бьет. Все время был революционер. А когда вышел погром, ружья отобрали, удочки смешали,— беспомощно спрашивает, что это такое? Ему отвечают: «Вы сделали революцию. Народ сделал и вы».— «Нет, я просто покойный человек»,— грызет подсолнухи. На этом сюжете можно изобразить весь эпизод погрома.

Путь дальнейшей нашей истории — путь оживления мертвых (собственников). Это неизбежно, потому что другого пути (общего) и нет в сознании. Гибель социалистов неизбежна.

8 Июля. Лидия все настаивала, чтобы так со мною до конца, до самого последнего, до уздечки, до ящика разделиться — в чаянии, что вот когда устроится все материальное между нами, то будут хорошие отношения. А когда мы разделились до того, что друг от друга совершенно перестали зависеть, то и перестали друг с другом видеться и разговаривать.

Крайние люди революции использовали общепризнан ный факт негодности царя Николая II и этим фактом зажали рот всем правым.

К докладу. 7-го апреля я выезжаю из Петрограда посмотреть Русь. Я ожидаю, что русский человек теперь покажется, скажется, и все, что я видел раньше, получит новое имя.

10 Июля. Тихая минута. Промчалась весенняя зима и буря, снова зеленеет сад, и черный бычок наш с меткой на лбу ходит вокруг кола и жует. Я сижу на террасе своей и, облокотившись о перила, будто плыву на корабле, и несется корабль быстро во времени.

11 Июля. Неведомо от чего — от блеснувшего на солнце накатанного кусочка тележной колеи, или от писка птички, пролетевшей над полями, или от облака, закрывшего солнце, вдруг повеяло осенью, не той, которая придет к нам с новой нуждой и заботами, а всей осенью моей родины, с родными и Пушкиным, с Гречем и Некрасовым, с тетками, с бабами, с мужиками нашими, с дегтем, телегами, зайцами, и ярмаркой, и яблонями в саду нашем, и потом и с весной, и зимой, и летом, и со всеми надеждами и мечтами нераскрытого, полного любовью сердца. А потом вдруг: что это все погибает. Новое страдание, новый крест для народа русского, я смутно чувствовал еще раньше, неминуемо должен прийти, чтобы искупить — что искупить?

Так развязываются все узлы жизни. Вот развязалось в хозяйстве: сено сопрело, вышло из круга, и теперь стало не-

понятно, как мы уберемся. Так же и в этом узле всей России и всей мировой войны: Россия выходит из круга.

Разбежались министры. Бегут войска. Бегут части государства, отрываются клоками. Разделяются деревни и села, соседи, члены семьи — все в какой-то напряженной тяготе и злобе. Россия погибает. Боже мой, да ее уже и нет, разве Россия эта с чувством христианского всепрощения, эта страна со сказочными пространствами, с богатствами неизмеримыми. Разве это Россия, в которой священник в праздник не служит обедню, потому что нигде не может достать для совершения таинств красного вина? Ее уже нет, она уже кончилась.

Постыдным становится, непонятным себе это странное промедление: кончается, умирает родина, а с ней же и я весь, ее сын, а я только жду, и смотрю, и не знаю, верю я в погибель или в воскресение. Холодно, официально говорю: «Россия не погибнет», а не знаю, чем это доказать — почему не погибнет?

Я иду в деревню и говорю, что министры бегут, солдаты бегут, немец идет.

— Ну что ж,— отвечает кузнец,— один конец, так мут но жить нельзя: под чем-нибудь надо жить, кому-нибудь нужно повиноваться, или платить налог, что-нибудь надо такое. Ну, пусть немец, один конец.

Ефросинья Павловна (вообще женщина) по природе анархистка и пролетарка («законов всех сильней»), а по судьбе собственница самая жестокая: двойное бытие. Так птица — и летает, и на яйцах сидит.

— Товарищи, довольно мы полетали и пошумели, взгляните на птицы небесные, они летают и время от времени и тоже на яйца садятся, не пора ли и нам садиться на яйца?

Под вечер, когда пригоняют коров, иду я на дерев ню разузнать, не собирается ли кто-нибудь в город, так попросить захватить оттуда почту. Подходит Никифор и предлагает к покосу свежины, зарежет поросенка, по девять гривен за фунт отдаст.

— Хорошо, ладно, а вот не поедешь ли завтра в го род, беспокоюсь, дела наши плохи, слышал?

— Слы-шал: бегут, страсть бегут. Да и мыслимо ли не бежать: три года в окопах сидят, в воде, в сырости.

— Да ведь и немцы сидят?

— Ну и что же?

— А так, немудрено — немцы и Россию заберут.

— И очень просто! Да ну, что ж! Ну, ничего не будет, так разделят ее там, где кому что, и больше ничего не будет. А что жить, то все равно будем жить... А поросеночка-то я зарежу, сало себе, свежину вам, по девять гривен.

И чего другого ожидать можно? Все-таки для каждого действия, да еще такого рискованного, как война, должен рядовой человек раскачнуться, и что-то очень видимое, понятное должно быть в его сознании, из-за чего он должен качнуться? Вот качнулись, было, на помещиков из-за чего? Из-за земли. Взяли землю, разделили, досталось по восьминнику на душу. Больше нету земли, и если бы она и была, так все равно, что из этого? Землю обрабатывать нужно, кому это можно, а кому нельзя. Многие получили по восьминнику, да и бросили тут же, непаханая лежит. И к этому восьминнику сколько злобы, смут прибавилось. И так получилось, что тут работаешь, а там где-то, в государстве всем, концы с концами не сходятся, и все ни к чему. Так уж тут один конец, немец там или кто, только к одному концу.

Это значит, вконец уж намотался человек, и ему теперь все равно (в таком состоянии в плен берут людей), и он становится интернационалистом по судьбе.

Для того, чтобы шел человек на войну, нужно сначала ему показать нечто видимое, знакомое, а потом, как разгорится пожар, тогда в зареве его будут идти слепо и долго сами.

Мешков получил от брата из Москвы письмо с над писью: «Очень нужно и в собственные руки». В письме было написано: «Насчет того, что мы говорили, дело перевертывается: началось наступление, ты теперь поддерживай

наступление, только вперед не суйся, когда из буржуев кто будет собирать на заем свободы и говорить про наступление, ты говори: “Мы, товарищи, наступление поддерживаем, только не забудьте, что без аннексий и контрибуций и на самоопределение”».

Дорогой мой друг, когда я Вам пишу, то я в этот момент становлюсь в такое положение, что даже интернационалисты кажутся для меня чересчур национальными — вот Вам ответ на вопрос Ваш. А почему я Вам мало пишу, то поймите всю трудность этого, мое смущение: Вы просите передать Вам в письме будни жизни на моем хуторе, представляя себе, что этот хутор занимает определенную точку на глобусе.

Мне приходилось странствовать в необъятных степях Семипалатинской области и там приходилось мне выслушивать жалобы на малоземелье — везде на Руси вы это слышите, это какая-то мнимая болезнь, вроде неврастении. Но в черноземном центре эта болезнь действительная, губерния, где я живу, одна из самых малоземельных, уезд в губернии [самый] малоземельный, в уезде наша Соловьевская волостная республика самая малоземельная, и деревня возле меня самая бедная во всей волости.

И вот во время дележа земного шара между народа ми я расскажу вам о дележе земли между гражданами Соловьевской республики в сельце Беспутном. Итак, я устанавливаю точку на глобусе и начинаю.

Сосед мой Николай Михайлович, собственник ста деся тин земли, которые он отдает в аренду, в общем, готов признать все новое и даже социализм, но только он не может признать справедливый и безвозмездный [захват] его земли.

Слух, что немцы подходят к Киеву.

Накануне Казанской батюшка сказал, что вина для совершения литургии достать он нигде не мог и обедню служить завтра нельзя.

— А это уж,— прибавил он полушутя,— значит свету конец.

Поймал на ходу нашего милиционера Архипа и спра шиваю, не читал ли он где газету.

— К Киеву подходят! — говорит он.— Плохо!

А я и ве рю и не верю.

На вопрос мой одному крестьянину, кому теперь на Руси жить хорошо, он ответил: «У кого нет никакого дела с землей». Солдат ответит: «У кого нет дела с войной», купец — с торговлей. И вообще — с настоящим. Кто с будущим живет — тому хорошо. Но будущее теперь никому не известно: значит, тому хорошо, кто верит или даже просто стремится, движется, как партийный агитатор. Хорошо бродячему, плохо оседлому.

Две недели почти уже непрерывный дождь. Клевер попрел. Рожь переспелая наклонилась и не дается косить, пар мажется и зарастает. Жить в такое время без работы и без газет, значит, не жить.

На дворе чего-то не хватает — чего? И вспомнили, что нет в этом году ласточек. Как забавно смотреть на них, когда они, летая, пугают кур. Их нет, кошки разорили гнезда.

Коля сказал:

— Нас здесь не ценят.

16 Июля. Пришел из леса караульщик и говорит, что он порубку остановить не может: вся деревня рубит и тащит.

— Не можешь караулить, не служи!

И он ушел. Мы подаем в земельный комитет заявле ние. Через месяц приезжает из города член социалистов-революционеров и социал-демократов.

— У вас,— спрашивает,— нет караульщика? Нет, тогда и спрашивать нечего.

Черты лица революции никто не видел, потому что никто не может ей забежать вперед. Те, кто мчится вместе с нею — ни-

чего не могут сказать о ней. А те, мимо кого она проносится, тоже не видят: пыль, мусор и всякий поднятый хлам заслоняют от него свет. И революция, конечно, существо получеловеческое, полузвериное. Те, кто не мчится вместе с ней, видят один только огромный, оставляющий после себя нечистоты, зад зверя.

За отбивкой косы

Упрямая работа: тюканье стальным молотком по узкому жалу. Так в юности, когда нахлынула волна марксизма, по узенькой дорожке упрямо, не слушая никого, нужно было идти. Смутно, помню, поднимался вопрос на то положение, что не нужно давать денег на флот и армию: «А как же оставить отечество без защиты, кто-нибудь должен защищать его, почему не я?!» И сейчас же ответ на это: «Пусть это делает тот, кому это выгодно, охотников защищать найдется много». Точно так же и о смертной казни: она необходима в этом обществе, и пусть палача выбирают из этого общества, я не буду палачом. И вот это общество теперь как сговорилось отступиться от этого дела. Тогда Керенский и Чернов становятся палачами. И делают они совершенно то же, что и буржуазия, заменяя название целей — «незыблемая основа трона», «священная прерогатива монарха» и пр. своими названиями: «завоевания революции», «основы демократии» и проч. Изменяются слова и форма, сущность остается совершенно одинаковой, и Апис по-прежнему стоит привязанный к конюшне и жует свою вечную жвачку и равнодушно, как поднятую дорожную пыль, пропускает мимо себя, даже не взглянув, вихрь революции.

А Толстой не изменил бы себе, и «трагической необходимости» Керенского он не подчинился бы.

Вместе с весенним светом, в дни Марта, как невин ное чистое дитя света, началась революция, призывая народы к миру всего мира. Теперь совершается перелом лета, скоро Ильин день — птицы замолкли, колосья поникли в ожидании жатвы. И революция уже состарилась: восстановили

смертную казнь, ввязались в войну — и все пошло по самому старому. Но за этим начинается новый Март — в Июне начинается Март собственности. Вместе с буржуазией революция затронула не только собственников материального, накопленного и переданного по наследству имущества, но и собственников своих личных организованных способностей, применение которых не укладывается в узкие рамки деятельности прикладной интеллигенции. С ними поднимаются, с этими собственниками организованного духа, выступающими на защиту эволюции против революции, невинные собственники, которые действительно, вопреки всем теориям хищнического накопления капитала собственным трудом, умели создать себе скромное независимое существование. За этими людьми, поднимающими голос во имя порядка против анархии, рано или поздно пойдут и толстобрюхие, окончится Март, Апрель и начнется опять лето собственности.

Мартовское значение «постольку поскольку» и Июль ский конец.

Фигура

К моему дому приходят опять солдаты и, ломаясь, просят меня разрешить им в моем саду поесть вишен. «Пожалуйста, сколько хотите!» Они срывают по одной ягодке, «нижайше» благодарят и уходят. Это, вероятно, было ис пытание — буржуаз я или пролетарий.

Ночью вор утащил у меня бабку со станком, завтра покос, нечем отбивать косу. Развелось воров! Даже у самого бедного мужика тащат последний хомут. Мало-помалу весь быт наш разделяется на два класса: собственников и воров. Мало-помалу мы приближаемся к быту человека, живущего на острове среди враждебных диких племен. Вероятно, есть очень много любопытного, поучительного в этой паскудной жизни, но сейчас поучать невозможно — нет охоты, нет времени и некого поучать. Вечером после работы перед ужином, поставив лошадей в стойла, задом наперед

возьмешь хомут и, боясь воров, уложишь их на самом видном месте на парадной террасе, возле хомута перед ужином сядешь отдохнуть и задумаешься, и кажется, будто едешь куда-то на корабле и думаешь: «Вот, может быть, я, Робинзон, приплыву на этом корабле опять куда-то на свою настоящую родину — и там, на этой родине, расскажу своим близким людям, как я жил среди дикарей на не обитаемом европейскими людьми острове».

Издательство «Луч» обещает выпустить серию книг «непременно в обложках и по возможности сброшюрованными».

За подбивкой тока.

Всякая работа легка, если есть голова на плечах, а дураков работа любит.

Встреча с землей широкая, а когда за лопату взялся, то весь собираешься в одну точку, и так только держишься на гвоздике, прибитый. Земляная работа самая философская, копнул и подумал.

В споре социалистов и кадетов есть правда о кадетах: будучи во главе правительства, они медленно запаздывали. Но это понятно почему — вспомнишь Окулича в транспортной комиссии и свое положение на полусобственности. Совет рабочих и солдатских депутатов и Уездный комитет: министры не могли действовать или действовали странно, потому что будто бы «необходимо было успокоить народные массы».

Иван Кириллович достиг желаемого и попал в круг увлекающих его слов и образов.

19 Июля. Жатва. Не полегла, а в разные стороны накло нилась, и то трудно косить. Стали грызть с разных сторон, будто лепешку щипать. Рожь перепуталась: бык прошел. Цепляет за пальцы крюк — рванул, и нет сил. Ряды длинные и короткие — как осетрина (балык), порезанные хорошим

поваром на блюде. Крюк — снасть — ручка по пупок. Ведро воды. Поточить. Хлопунцы. В день 1/2 десятины — хорошо. Три бабы за двумя косцами. Уснул в копне — голубое и на голубом изломанные соломинки углами — и воробьи, и ветерок колышет, будто едешь. Жизнь тела: зажмуришь глаза, и перед глазами срезанные стебли, и между ними зеленые точки и лепесточки, разная только форма травы, и впереди изрезанные толстые и тонкие [стебли], подрезы высокие и низкие. Сила, сила! Придет время — не скосишь, а дух не угаснет — жизнь даст дух: на этом основании идея бессмертия человека. Косьба: весь в поту, липнет рубашка к телу, то горячая, то холодная, как лягушка, затекает правая рука так, что бруском на косу не попадешь. Равновесие по сильному: дубовый парень косит плохой косой и все впереди. Еще рядок! Родная копна: сотворенная — своя — чуть лег и видишь небо, отдых, свой хлеб.

Цель всех этих городских людей с лозунгом «Земля и Воля» (Михаил Васильевич 42 года служил на почте и попросил у меня Землю и Волю — интересно). По озорной тропе тащат мальчишки сноп — хлеба не хватает, обмолотиться да напечь пирогов. Краешком глаза — на табун в захваченном лесу.

На местные общественные дела теперь для меня слов но завеса свесилась. А наш представитель Артем сказал, что комитета теперь и не будет, потому что Земство выбрано (а выбранные только избирают комиссию).

22 Июля. Вчера вечером скошена рожь. Окружив последний растрепанный клочок ржи, мы говорили: «Крой дубинкой!», а бабы кричали: «На бороду, на бороду оставьте!» Оставили на бороду пучок нескошенной ржи, завязали его, бабы стаскали снопы, и все было кончено.

Бурая рожь лежит во все стороны, когда к этому мес ту подходишь, то словно шторм [повалил] ряд через две десятины наискосок, неизмеримое, необозримое. И, в конце концов — уголок.

Все в ссоре. Сначала вражда к внешнему врагу, потом к внутреннему, сначала между государствами, потом между партиями в государстве, потом в семье, и так восстал брат на брата.

Терраска у меня крытая, с перилами и столбиками, будто рубка на пароходе. Вечером, бывает, когда спать лягут все и тихо, сядешь, оглянешься возле себя — вот деревья распускаются, другой раз сядешь и смотришь — деревья цветут, а то вот уже и пожелтели, и листья на террасе лежат, и кажется, будто плывешь куда-то — куда? Прошлый год проплывал тоже этим краем и здесь же раздумывал, чем кончится это путешествие, удивлялся, никак не догадался, что кончится разгромом монархии. А теперь? неужели кончится созданием монархии?

В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим. Чтобы это вышло, должно совершиться нечто, не хватает какого-то звена.

Не власть, а шайка. Так и я соберу свою шайку. И собаку! Рад бы так, да ведь микроб завелся, микроб заел.

23 Июля. Проведать, не вернут ли копны. На клевере табун. Ругал, разогнал. Овес поспевает, надо и пар двоить, и овес косить, и рожь вязать, а лошадь хромает. У Лидии возят рожь. Новость: Керенский сбежал и что Россия окончательно гибнет. Загнали теленка с овса. Поиски фельдшера. Приехал Тиша-ветеринар, возились с лошадью. Пришел Павел и кузнец за водилами, просил их не гонять лошадей на вырубку и на клевер. Обещаются. Артем пришел за теленком. Выбрали место для тока. Вечером наладился основательный дождь. Завтра возить нельзя и, вероятно, косить тоже.

Николай Михайлович метит Родзянку в диктаторы, а Керенского называет «нырок». Отставка Чернова.

— Ничего не выходит, потому что свобода не находит себе оправдания: свободе нет пищи, а где-нибудь конец должен быть, и конец этот переходит на старое, то есть что за смерть человека должен смерть принять.

28 Июля. Никита Васильев, старый человек, ответил со слезами на глазах:

— Союзы, свобода и совесть, говорят теперь, а зачем же грабеж? Нет, милые, нельзя без трех вещей нам прожить, первое — без Бога, второе — без родителей, а третье — без государя...

— Ну, без государя-то можно,— поправили.

Сидорка старик и тот вспомнил время и спохватился:

— А я что же говорю, и я то же, что без государя можно,— а пастырь? чем тебе Керенский не пастырь? То-то, друг, не нужно: чем тебе Керенский плох, все ему доверяют.

— Ну что же Керенский, ну что же доверяют, а Ке ренский говорит: «Подступать», а они: «Отступать»,— вот тебе и Керенский...

И старик, опять забывшись, стал вспоминать царя-освободителя:

— Так, говорит, было — иду, а он слез с лошади, стал на колени и молится, а знаешь, чего эта молитва стоит, может, эта молитва его стоит.

Возле кузницы проезжал огородник. Остановили:

— Почем?

— Четыре рубля.

— Четыре!

— А картошка двадцать пять копеек фунтик.

— Ну, как же быть?

И стали все говорить о том, чтобы цены понизить на городские товары и рабочим фабричным жалованье уменьшить. Как уменьшить там жалованье и цену, так уменьшить на хлеб, на картофель, на огурцы, и так, чтобы цену вернуть на прежнее место. И будет все равно, дешево и хорошо.

— А то мы в петле сидим, и петлю эту знаете, кто нам надел? Петлю эту накинула на нас казна, германство и большевики.

Нырка. Андрей Тимофеев, собственник двадцати десятин земли, косит овес теперь, три года был фельдфебелем, а вот теперь нырнул тоже. «Я,— говорит,— с войной покон-

чил, за этих подлецов (показал на деревню) воевать я не буду».

Хорошо ли, плохо делаем, нам сейчас не видно: в де тях узнаем. Хорошо будет нашим детям — хорошо, плохо, так хоть они, отцы, трижды святые были и трижды на кресте распились, а дело их было неправое.

Овес скосили. Тощий овсишка и непрактичный. Хороший овес косишь, так он метелками, как золото, звенит, косишь, будто золото швыряешь. А то, что это? И вот смотрите, что это заходит, туча говоришь, нет, это не туча, а скорбь, что-нибудь уж будет: или роса или... скорбь!

Что, если бы в полевых работах создать дисциплину, подобную военной? И в сельскохозяйственных школах ввести науку такую же, как стратегия, и потом науку общественного труда, какую-нибудь прикладную социологию. (Приходит в голову в тот момент, когда я догоняю первого косца и, чтобы не сбить его, машу косой в такт, и третий косец догоняет меня и тоже машет в такт, и чем верней и все мы идем почти что в линию и при невозможности отступить, дружно, с большой скоростью и особенной радостью идем быстро вперед.) «Общественная» работа — а Андрей Тимофеевич гонит свой овес один.

Подходит посмотреть на работу нашу Архип, милиционер.

— Ну, как война?

— Плохо! Погибли, что говорить, погибли, и нечего думать, немец тут будет, и пусть, один конец.

— А еще шашку одел!

И он испугался. И стал говорить совсем другое, что оте чество защищать нужно.

31 Июля. Работа и забота. Не работы боюсь, а заботы. Хозяйство и быт: рассуждение по поводу дырявой самоварной трубы. Какая она старая, вся в звездочках, и пламя пышет из нее, как у Змея Горыныча, и как хорошо ставить самовар

с такой трубой, как хорошо трещат заготовленные с весны и высушенные в печке лучинки. Теперь труба эта развалилась, и некому сделать трубу, кровельщик где-то в бегах, нырнул и скрывается от войны, кусочка железа нет у кузнеца, а в город, когда выберешься, да и в городе тоже надо заходить, и проделаешь ее так два месяца. Сегодня из старой заслонки кое-как и кое-как ставили. И так все стало кое-как, хозяйство лишилось условий своего существования, то есть быта. Кто выхватил из разграбленного имения плуг и пашет [этим] плугом, кто ковыряет сохой, а кто каждый день ходит к кузнецу наварить сошник, и кузнец отказывает ему за недостатком железа. Кто работает жаткой, а кто бьется-бьется и не может за 25 рублей купить себе косу. Не работа страшна человеку, а забота. Заела забота и не знаешь, что к чему выведет. Одни говорят, что хлеб все равно отберут, хлеб не свой, а государственный. Другие говорят, что хлеб не дадим, пусть сначала устроят дешевые сапоги, штаны, тогда и хлеб отдадут.

Не работа страшна, а забота. Работать самую тяжелую работу — косить рожь, например, весело, но если вы взяли крюк, наладили косу, идете косить, а хозяйка говорит, что веревку украли и привязать теленка не на что... Веревку же эту нипочем не достать здесь... Косу отбивать — бабку украли. Воровство так развилось, что не в сарай ставим орудия, не в конюшню хомуты, а все это складываем на террасе и ставим возле террасы и тут же привязываем злую собаку. Эта забота лишает хозяйство быта и вкуса, с пустой заботой работа не достижение, а какая-то ухватка — схватил, ухватил. Бога не помянул и хомут из-под руки украли. И сам какой-то ходишь, будто воруешь.

1 Августа. Возим рожь, вяжем овес, готовимся к севу.

Что значит с технической стороны: обрабатывать землю своими руками? Без наемного труда хозяйство невозможно. Наемный труд остается, но поглощает весь доход.

Кто-то, тяжело вздохнув, сказал:

— Боже мой, да тут необходима какая-нибудь молитва, а то, как же тут жить?

Елдан. Вы, люди, далекие от деревенского народа, не представляете, как опустошает душу простолюдина частая смена правительства. Вот я иду в деревню со списком новых министров.

— Новые министры!

— Опять? Не читайте, не надо! Елдан с ними!

— Они вся наша надежда!

— Елдан там надежды: придет ерманец и больше ничего.

— Как ничего?

— Так ничего, придет, и елдан с ними, пускай при ходит, один конец. Ни елды!

И там и тут слышится одно слово:

— Елдан!

Нужно все-таки вам знать, что такое значит слово «елдан»: это значит так: если вы, например, возьметесь писать повесть и бьетесь над ней день и ночь, неделю, две, отложили на месяц, опять ничего не выходит, через год опять ничего и, наконец, поняв окончательно, что из повести никогда ничего не выйдет, разорвал черновик, швырнул в корзинку и сказал: «Черт с ней, с этой повестью, елдан с ней!»

— А как же государство?

— Елдан с государством.

— Россия?

— Елдан с ней!

И со всем на свете елдан, а бы вот успеть до посева озими додвоить пар да перевезти бы на гумно хлеб.

Государство есть организация силы. Сила осуществля ется властью. Извне эта власть обращена на защиту границ государства. Изнутри на индивидуума, который силою подчиняется целому. В монархическом государстве подданные не свободны. В республике свободны, потому что индивидуум сознает необходимость подчиняться и подчиняется добровольно. Путь освобождения от государственного насилия есть путь сознания личностью необходимости жертвы общему делу. Абсолютно свободная личность и абсолютно покорный раб — подобны. Вот почему мечтательная

свобода наших социалистов-революционеров обращается к нашему рабу-крестьянину — одно подобно другому.

Земля — это закон необходимости. Воля — сознание необходимости. Так мыслит свободный. А раб мыслит: земля — свобода, воля — захват.

Наши крестьяне, последовав призыву землевольцев, уперлись в стену осьминника. И есть из них такие тупоголовые, что этим осьминником удовольствовались.

Работник Павел всегда заводит жеребенка в надежде стать хозяином, и вором был из-за этого жеребенка. Жена его звала к свободе, не знает числа (счета). Теперь они получили землю и жили на ней два месяца — после чего Павел ушел опять в работники. (Жеребенок свободы.)

2 Августа. Вчера свезен овес. Сегодня молотил цепом семена (2 р. копна). Погода наладилась. Завтра думаю начать сев озими.

Дуничка, наша идеальная учительница, на Пасху, бывало, сделает каждому мальчику маленькую пасху и яиц накрасит и всех оделит. А Надежда Александровна говорит маме: «Вот она, Дуничка, наделала по красному яичку, и хорошо им, и сама будто равноапостольная. Но мы-то, Марья Ивановна, всю жизнь своих растим, убиваемся, и они-то дураками растут, и мы что получаем и заслуживаем?»

Так вот теперь думает настоящая Россия о всех этих министрах-социалистах с красными яичками.

3 Августа. Коля сеялку не дал, я поехал к Андрею, и тот пришел на поле и научил меня сеять руками:

— Леши, а хочешь и не леши — рука меру знает, горсть укажет. Из-под низу вей, кидай, с гордостью, с гордостью, полную горсть бери, махай, пускай не задерживая. Под ветер иди! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Раньше удивлялся на вымирающих стариков, сеющих руками, а теперь сам хожу. Как это было красиво смотреть и как тяжело нести на шее пуд ржи.

4 Августа. В этом физическом труде чего никогда мы не можем достигнуть — это сознания чрезвычайной важности своего дела, так же, как в торговле мы не можем достаивать до конца на торгу (тысяча пропала, и ничего), словом, действовать без пропуску. Какое священнодействие, когда няня, облапив горшок с молоком, с больной поясницей, с больными ногами тащит его по своей собственной тропе на ледник.

Мать преображалась, когда выезжала из своего гнезда в Задонск или в Оптину пустынь, и так весь народ наш преображается, когда странствует. И вот мы, интеллигенты, эту часть души народа наследуем и поражаем иностранцев шириной и великодушием. Из области литературы, искусства и подпольной политики мы теперь странниками вступили в мир сплетения корысти народов и здесь проповедуем мир всего мира.

Черта русского народа: самохвальство при удаче, источник чего есть самопрезрение в простом бытии.

В жизни моей совсем нет обыкновенной радости.

Полудикое состояние: цыплята в кабинете, на террасе хомуты, спим на току, газеты прочтешь, когда привезут.

7 Августа. Праздник Спаса Преображения в деревне прошел так же, как во времена казенки: с пьяной дракой и даже стрельбой. Драка началась еще вскоре после обеда против церкви и милиции. До ножей доходило. Вызывали участкового милиционера, а он говорит:

— Не пойду, что я с ними сделаю?

Кончилось стрельбой, оглушили выстрелом и насмерть перепугали одну девочку.

Не был день в деревне и чувствую, что хуже стало: не так быстро выгоняют мальчишек, пасших на моем поле деревенские стада, не так готовы старики идти мне на помощь.

— Народ куда-то переходит, а чем все это кончится, еще неизвестно.

— Самолюбие стало такое, что старуха какая-нибудь, и та что-то в себе понимает.

В Мореве всю рожь на самогон переделали и даже ходят к нам занимать.

— Керенский чего добивается? славы, а слава — дело хорошее, это не рожь: рожь съедим, а слава останется. Вот Христос, какую славу нажил, что до сих пор забыть не можем.

О собственности. Собственность — это кол, вокруг которого гоняют привязанного к нему человека до тех пор, пока он не научится заботиться о вещах мира сего, как о себе самом, потому что завет собственности: люби вещи материальные, как самого себя. Эта заповедь о вещах сохраняется равно для мира буржуазного и мира социалистического.

У меня есть прошлогодняя лесная вырубка, всего восемь десятин, она расположена на овраге и служит защитой местности от размывания. При обезлесье и овражистости она есть ценность не только моя, но и общественная. Около ста лет мои предки содержали на ней караульщика, и обыкновенный овраг, каких много вокруг, давал хороший доход. Весной наш комитет объявил этот лесок собственностью государственной, и сейчас же из леса потащили сложенные в нем дрова. Когда эти дрова были растащены, бабы стали ходить туда за травой, потом стали траву в лесу косить и скашивать вместе с травой молодые деревца, потом пустили табуны, и молодое все было исковеркано, искусано. Я целое лето боролся с этим, кланялся сходу, просил пожилых мужиков и ничего сделать не мог: все потравили.

Охраняя поросль, я всегда говорил, что эта поросль пусть не моя, я охраняю вашу собственную поросль, но слова эти были на ветер, потому что эти люди, не воспитанные чувством личной собственности, не могли охранять собственность общественную.

В отдельности каждый из них все хорошо понимает и отвечает, что нельзя ничего сделать там, где сорок хозяев.

И все признают, что так быть не может и нужна какая-нибудь власть:

— Друзья товарищи! Власть находится в нас са мих.

— Стало быть,— говорят,— не находится.

И правда, самоуправляться деревня не может, потому что в деревне все свои, а власть мыслится живущей на стороне. Никто, например, в нашей деревне не может завести капусты и огурцов, потому что ребятишки и телята соседей все потравят. Предлагал я ввести штраф за потравы, не прошло.

— Тогда,— говорят,— дело дойдет до ножей.

Тесно в деревне, все переделились и все свои, власть же родню не любит, у власти нет родственников.

Так выбран Мешков — уголовный, скудный разумом, у которого нет ни кола, ни двора, за то, что он нелицеприятный и стоит за правду — какую правду? неизвестно; только то, чем он живет, не от мира сего. Власть не от мира сего.

Мы чего-то ждем, какого-то решения или события и все чувствуем, что так ничего не выйдет.

Корень беды в том, что в основе своей, во всей своей глубине наша революция самая буржуазная в мире, это даже не революция собственников, а людей, желающих быть собственниками. Эти собственники будущего взяли напрокат формулы социализма и так забили ими собственников настоящего, что эти собственники, уязвленные до конца, загнанные в подполье, уже не могут оправиться, взглянуть на свет Божий живыми глазами.

Сначала отравили собственников, а потом воззвали к ним для объединения нации,— нет! ему теперь немец лучше социалиста.

Может быть, он и знает в глубине души правду, но он обозлен до измены: немец так немец, елдан с ним, был бы порядок.

В газетах все ложь и поверхностность...

Жизнь теперь общества похожа на бегство во время войны: все бегут, спасаются. А правительство взывает к объединению. Как на фронте остановили бегущих пулеметами, так неминуемо и здесь, в тылу нужно грубой силой остановить бегущих. Неизбежна диктатура самая жестокая, и ее ждут почти с наслаждением. Чудак один говорит, что если коснется этого, то он, невинный, в жертву себя принесет для общего блага, пусть начнут с него расстрелы. Почти сладострастно ожидает матушка Русь, когда, наконец, начнут ее сечь.

Разувшись, отхлестываю из города по наезженной колее, а впереди едет мужик на гору и возле телеги идут солдатики. Разговор у них мелкий, дрянной.

— Зачем сняли у мельника австрийца?

— А он сам — работай, как я! А то в саду гуляет — свой сад, нажил и гуляет!

— Нажил, а ты что нажил?

— Я что — ты что лезешь?

— Рожь отберут — на самогон перегонят.

— Нет дома — построиться должен...

— Бывало, на сенной площади возов наставят (рай!), теперь на большой дороге встречают женщин и картошку отбирают, до площади и не доедешь.

Дезертир:

— Что воевать? Кого защищать — вас? а вы что такое, что я вас защищать буду?

Солдаты-нырки:

— А Николка ушел, тут, товарищи, хуже, я там встал в восемь часов, учета нет. Теперь хорошо, теперь свободно!

На рабочих ворчат, что 8-часовой день и ничего не делают товарищи дорогие:

— Не давать хлеба! Надо поскупиться!

Почему мне не доверяют, я работаю больше крестьянина.

Опозоренная Русь, оскорбленная, ожидает, когда же бу дут бить ее блудного сына.

Литература, искусство и этот социализм, похожий на искусство, все это явно или тайно говорит «нет» отцу своему и отправляет блудного сына все дальше и дальше.

Мещанский сюжет: чудесная груша, только ветки росли возле забора и кроной перевесилась к соседу, так что груши падают туда.

Когда увидели, что я сам работаю, то стали говорить: вот тоже господин был, а что за господин, когда его мужик семь раз купит.

8 Августа. Все талантливые писатели умолкли, но бездарные фотографы пишут талантливые корреспонденции.

Сухо, сухо. Гудит молотьба на деревне. А сеять мы перестали: очень сухо. Как отсеюсь, так и нырну в Питер. Окунусь и установлю, что дальше: жить со своими темами или принять участие прямо в жизни сей?

Время такое, что кажется, будто живешь у хозяина: месяц отжил и думаешь: «Отживу ли другой?»

Государство настоящего построено на основе личного обладания вещами и на праве продавать их и передавать потомству. Отказать в этом людям-собственникам — значит, обидеть не только их, но и отцов их, матерей и дедов. Сила для этого дела должна исходить из каких-то девственных, цельных источников духа, перед которой все на колени станут. И только тогда эта сила не будет насилием. Но раз насилие, то значит это не то. Кто теперь насилует?

9 Августа. Рассеяна 1 десятина. Запахано 1/2 десятины. Рожь первого посева отчетливо всходит. Сухо, пылит борона. Никто еще не сеет. Денис — богач, знает, когда сеять, он поедет — и все поедут.

Явление старца (хомут! борона!), и так этот старец учит всему хозяйству: смело берись за все, он научит,— это один шаг народа, и другой, видимый, революционно-воровской-хулиганский («Павел, дай ему в морду»).

Вернулся Федька-большевик и говорит, что теперь запретили это: переменили пластинку.

10 Августа. Запахали посеянные десятины. Вечером ходили облака и р о с и л дождик. Ночью порядочно сбрызнуло засеянное.

Весь день дергали меня: то из проса выгонять телят, то с пастбища лошадей, то старик забрался в сливы и сломал, нагибая ветви, два дерева. Сход постановил одно, а делается другое. И ссылаются на мальчишек.

Я поймал одного славного мальчика и спросил его, кто ему велел пасти у меня лошадь:

— Папка!

Привожу мальчика на ток, спрашиваю отца.

— Боже сохрани! — говорит.

— Тогда позвольте мне мальчика наказать?

— Вали!

Я мальчика за ухо, и он ревет, а родители виновника смотрят, молчат, только мать мальчику смущенно шепчет:

— Ничего, ничего!

Нужно продумать до конца это противоречие хорошего любимого человека (старца) и воровской шайки.

Неправда, что крестьяне хотят высокой цены на хлеб, многие крестьяне сами покупают хлеб, и все вообще сознают, что цены на хлеб повышать не следует. Они стремятся к понижению цен на городские товары, а цены хлеба они хотели бы даже понизить.

— Это еще неизвестно, к чему все перейдет.

Ремизов так и не вылупился из своей скорлупы...

Может быть, Россия движется к гибели, и явно нелепы все эти новые учреждения, земельные комитеты, продовольственная управа и всякие другие деревенские комитеты, но что за это время человек стал совершенно дру-

гой — это несомненно, нелепо он поступает, нелогично, но психологически он был гражданином. Стукнулись лбами, но поняли. Польза от большевиков в деревне была та, что крестьяне поняли правду через абсурд...

Все уверены, что если бы не революционная разруха, то этим летом война бы окончилась победой.

Все больше растет озлобление на рабочий класс за их 8-часовой рабочий день, а в городах на мужиков, которые не дали топлива и не хотят давать хлеб.

Монополия, вероятно, не будет признана крестьянами, и произойдет Бог знает что, если не будет установлена бесспорная власть.

Когда все вокруг косят, возят, молотят, сеют — вот чув ствуешь настоящий труд, которому не нужны мечты. Между тем эти люди труда, такого ясного, такого реального трижды за лето были одурачены ядовитой мечтой о земле и воле и о мире всего мира. Теперь опять работают, а по большим праздникам лупят самогон, и в деревне на улице от пьяных еще хуже, чем в злейшее время хозяина.

Говорят: мужики виноваты, мужики дров не дают, хлеба не дадут, но мужики такие же разные, как и мы в городах — это раз, а одинаковые из них, масса, протоплазма, только выполняла замашки своих учителей.

Сеял рожь руками и сам потом запахивал, а в это время в саду у меня грабили яблоки, и груши, и сливы, ломая суки и целые деревья, выхоженные покойницей матерью. Когда же я, отрываясь от дела, шел туда и наводил порядок, то, возвращаясь на поле, заставал там, в просе деревенских телят, а на клевере лошадей. И так я измучился, что во время сева не думал ни о чем, хорошо ли мое дело, плохое ли, лишь бы только поскорее покончить, а там, может быть, и убежать куда-нибудь.

После сева пошел мелкий дождик, дня три я никуда из дома не показывался и вышел сегодня на поле после дождя по солнышку и ахнул, удивленный и радостный: все свое посеянное взошло, и так чудесно, дружно и уже зелено, снизу розовое, сверху уже зеленое и такое прекрасное, такое милое и согласное, и я, хозяин всему этому, я дал эту жизнь, я знаю все свои грехи и где я обсеялся и опахался. И вот в этот миг от моего труда, создавшего рожь — свое законное дитя, рождается блудное дитя — Мечта. Так родились и две блудные дочери — Земля и Воля.

С пудом семян на шее, простуженный и потный, в гру бых стоптанных сапогах, ходил я по этому полю и бросал в эту пухлую, все лето паханную землю семена, и вот теперь эти вновь рожденные бедные дети будут бродить по свету и обманывать их сказкой о золотой воле, о золотых семенах на родной ниве — блудные дети Земля и Воля!

Так вот далекий потомок Адама, Михаил Васильевич, сорок два года сидит на почте в Ельце, поседел, состарился и теперь из всех бесчисленных газет, проходящих через его руки, задерживает одну и носит ее к себе на дом и почитывает с улыбкой и ясными детскими глазами, крутя из махорки толстые особенные папиросы — про Землю и Волю. Блудные дети труда земледельческого тешат старика, но сам труд гонит от себя блудных детей. Печь огненная: печь русская и хозяйка — вот где конец всему.

Тихонов, большевик, член социалистов-революционеров и социалистов-демократов, пишет мне в письме слово «буржуазия» в кавычках. Да, вероятно, и все вожди относятся к этому понятию приблизительно так, как современные ищущие Бога интеллигенты к иконе: то есть неискренно. Но простой человек слепо верит, что есть какая-то совершенно отдельная от народа и зловреднейшая из всех на свете порода людей — буржуи. У нас крестьяне согласно с знакомым словом «Маньчжурия» называют ее «Буржурия».

Совещание с заранее обдуманным намерением — Московское совещание: путного выйти ничего не может. Встре-

тятся там те, кто считает, что революция продолжается, и те, кто за то, что она кончилась.

Я думаю, что она кончилась и существует исключительно самопожиранием. Правда, из какой демократической почвы ей питаться. Землю крестьяне от помещиков отобрали, рабочие ввели себе короткие дни, насчет мира все попробовано и ничего не выходит, идеи на голодный желудок не идут совершенно — спрашивается, чем питаться революции? Единственно внутренним раздором, расщеплением различных партий.

А главное, весь ход революции упрется в пустую казну — тут ей и будет тупик.

Выборы в Елецкую Думу. Списки знакомых людей, список № 1-й. Возмущение А. А. Петрова, что выбирают не лю дей, а списки. В Черной слободе против Сергия товарищ Фришман устроил лавочку из красного ситца, и написано обещание на ситце, что список № 1-й даст народу землю, волю, хлеб и топливо — все голосуйте за № 1-й. Старушка одна нашлась, говорила, указывая на демагога Фришмана: «При последних временах явятся ложные пророки Гоги и Магоги с прелестью и будут все обещать и соблазнять, как Господа искушал диавол, что камни-голыши переделает в хлебы. А Господь ему ответил: не одним хлебом жив человек».

Везде расклеили только № 1-й, а все другие или не по смели клеить, или их сорвали. Солдаты обещались, если № 1-й не пройдет, разнести весь город. Звон колоколов с музыкой «Марсельезы» сливаются. Несут список № 1-й. 1-й даст бесплатное обучение. «Требуем отмены детского труда».

— После войны,— говорит почтовый чиновник,— а те перь нельзя. Они смешивают идеал с немедленным осуществлением!

Лицо провинции исчезло и полиняло и стало теперь об щим лицом завоеванного города. Не по одному тому, что мало военных и что мало продуктов и много закрытых ма-

газинов, а потому, что легла тревога и выражение стремления на каждое лицо — как за границей, как в столице.

Вот удел: непримиримый к мещанству, к мелочному домашнему хозяйству, я наделен был бесхозяйственной женой (у которой нет даже идеи счета в голове) и должен бросить свое истинное положение и хозяйствовать. И в большом плане: вместо мятежа скифского я должен учить народ буржуазным добродетелям. Но ведь в этом и вообще заключается трагедия современного материалиста. Во имя мятежа проповедуется буржуазная добродетель.

15 Августа. Если вы человек честный и желаете добра своему народу и при этом имеете в голове идеи социализма или толстовства, то деятельность ваша в деревне мало-помалу сведется к проповеди буржуазных добродетелей. И понятно: вот был лес мой, теперь он «государственный», название переменилось, исчезла иллюзия единоличного собственника леса (в конце концов — это иллюзия); но охрана собственности личной или государственной та же самая. Только тогда был аппетит со стороны собственника и охраны, теперь этот аппетит приходится прививать обществу. И так, выгоняя весь день с вырубки крестьянские стада, выгоняя косцов, долбишь целый день всем: нельзя расхищать собственность государственную.

Огородник Иван Матвеевич, тихий, скромный, работящий любезный человек, скрипнул зубами, лицо его стало зверским, челюсть дрогнула:

— У меня с огорода мальчишка уходит только ползком и весь ободранный. С мальчишками просто: спрячешься, а потом вдруг шарахнешься на него, он обомлеет, и ну его крыть...— это очень просто, это, я думаю, вы сумеете? А вот ежели мужики, то штраф брать, сохрани Бог за потраву брать штраф, это будет стоить дороже, а тут я вас научу: поймайте лошадь на гречихе и верст за пять отведите куда-нибудь в чужой густой лес, привяжите там и хвост обрежьте — вот он уж другой раз не пустит... А ежели баба, то я опять вас научу: бабе нужно чудо... Переоденьтесь в белое и

ночью ходи, каждую ночь ходи по огороду и даже один раз как-нибудь и днем...

Решили ждать и ждать, потому что перемена должна быть.

— Но, может быть, так долго будет?

— Нет, так долго быть не может, так жить нельзя.

Кир вдруг заступился за меня:

— И я слышал в городе, что Михаил Михайлович личность замечательная, и так-то памятники все, которые теперь разбивают, памятник Пушкину, так и ему здесь, как Пушкину,— может, мы же и памятник ставить будем. А насчет совести его я сказать ничего не могу...

Я — жертва своих собственных, сделанных дворянами, построек.

Наследники. Когда свалился Иван Иванович, наследники бросились на дележ акций, и когда Мария Ивановна умерла, то опять бросились делить землю. Так и вот когда умерла старая Россия, кинулись все наследники (мужики и рабочие) делить землю, захватывать капитал. Умерла она скоропостижно, без завещания.

Единоборство. Жизнь каждого из нас есть единоборство с Мещанином, с временным перемирием, иногда с продолжительным миром на условиях компромиссии: «Бывает поражение, бывает победа»...

Разумник в «Скифах» проповедует попросту побег вперед от Мещан. Ла-та-та, побег одинокого, быстрого, вечно бегущего, спасающегося от настоящего: забегание — забеги подальше, как можно подальше, рано или поздно и все туда прибегут, приползут и скажут: «Правильный был человек Разумник Васильевич!»

Всякая собственность есть фиксированный момент борьбы творческого духа с Мещанином: вот яблонька боль-

шая-большая, старая-старая, основание ствола светится и через <*1 нрзб.*> звездочки я вижу, как яблоки крадут деревенские мальчишки, они залезут, обломают сучья. Яблоньки эти сажала мать моя, и я сдал урожай мещанину, а себе оставляю наслаждение только и пр.

Оглянуться на пройденный путь и воскликнуть: «Осанна Сыну Давидову!» — для меня невозможно... или это будет?

Это чувство омерзения, когда мужики придираются: сено попарил (травы!) и проч. И предложение наивного: раздели по клочку — не хватит! — хватит! И тут же вопят женщины, что они голодные, три дня не ели, когда гумно полно хлебом, и не может достать семян на десятину. Раздели и уподобься сей женщине! (По поводу охраны клевера.) Предложение растащить лес для пожарного сарая (сопрели рукава).

Какой аппетит! и как вдруг осели, когда я сказал, что лес можно взять у меня на дворе готовый. Рукав отгнил.

Есть произведения, подобные Горьковским повестям о босяках, в которых есть несомненная поэзия и рядом с ней какой-то сгусток, ничего с ней не имеющий (напр., сам босяк). И вот все говорят не о поэзии рассказа, а об этом сгустке. Шум вокруг ненужного создает автору ложную славу.

Так вот теперь к идее интернационализма примазалось столько сгустков и столько шума, что идея совсем потонула.

По всем полям, посевам, через просо, через гречиху, ярь и озимь и через клевер моего хутора идут твердо набитые воровские и озорные тропы в соседнее богатое имение (мой хутор лежит между деревней и тем имением).

Раньше набивали эти тропы ночью, теперь открыто весь день тащат на моих глазах чужое добро. Ничего я не могу сказать ворам, потому что они тогда скажут: я стою за помещиков, и разорят мой хутор.

Черновская политика типично чиновничья прежнего режима: только раньше дело велось через губернаторов, а теперь через земельные комитеты. Необходимо было одновременно с идеей политического объединения дать трудовому народу идею новой общественной и государственной собственности.

Если бы этим людям можно бы забираться в душу собственных организованных способностей и талантов, то во всем государстве не осталось бы ни одного дельного человека.

17 Августа. Ну, вот и осень, брошена последняя горсть озимых семян на последнюю десятину. Свою плетеную сеялку я опять ставлю под свой письменный стол для ненужных бумаг и спрашиваю себя, что же дал мне опыт земледелия на своей трудовой норме от первой горсти семян яровых до последней горсти озимых?

Вот мой сосед огородник Иван Митрич на той стороне пруда насыпает огурцы и не спрашивает себя, что он пережил. Его дело ясное: он вырастил огурцы и теперь продает их выгодно. Он весь в своей трудовой норме, но я уже не вижу никакой связи себя с вымолоченным хлебом и даже не вижу пока той связи, какая бывает между отвратительного вида удобрением и чудесными всходящими зеленями. Я смотрю и на этот отрывок жизни и на всю эту жизнь как на путешествие в неведомой стране и стремлюсь и вижу свое призвание в том, чтобы рассказать о своем путешествии друзьям на том берегу.

Сколько горя, душевных страданий породила та наша юношеская весна — вы ее помните? Была она у вас? Когда, помните, мы на короткие дни встретились и навсегда расстались.

Очень похоже на это совершилось весной 1917 года с нами, свидетелями событий в Петербурге. Еще кое-где с крыш сыплются пули, но неприятное чувство от них уже исчезло, и вот просыпаешься утром, как в деревне в детстве в первый день после экзаменов: птицы поют, и цветы в саду, и что хочешь, то и делай, мир бесконечно широк и прекра-

сен. Так и тут все возможности. Выйдешь на улицу, так как в Париже: толпа живая и разнообразная, встречаю...

(Что крестьянину нужно: земли бы побольше, ученье, абы только удовольствие.)

18 Августа. Революция села на мель безденежья и уперлась в одно-единственное чувство злобы к имущим классам.

Помнить, что мужички — это большие дети (абы только удовольствие).

Отчет

Место моих наблюдений — Соловьевская волость, Елецкого уезда, Орловской губернии. Здесь находится мой хутор в 32 десятины, из которых 19 распахивается, остальная земля занята лесом и садом. Рядом с моим хутором находится крупное имение Стаховича, окруженное деревнями малоземельными, население которых испокон веков кормилось заработками в имениях, а в последнее время многие из крестьян арендовали помещичью землю в большинстве случаев товариществом. Вообще этот край весьма характерный для изучения современной аграрной борьбы.

9-го апреля я приехал сюда как делегат Временного Комитета Государственной Думы, предполагая принять участие во всей земской общественной жизни и предоставив хозяйствовать своей жене с годовым работником. В то время Государственная Дума пользовалась всеобщим уважением населения, и на первых порах я был принят сельским населением с полным доверием, а городским — с почетом. В деревне я, прежде всего, стал, выполняя поручение Временного Комитета, доказывать крестьянам, что у нас нет двоевластия, и Временное Правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов вполне согласны между собою, а если что и случится, то:

— Не все в кон, товарищи, бывает и за кон! — го ворю я.

И все добродушно с этим соглашались. Вообще в это время, когда еще не существовало волостных и сельских

комитетов, деревенское население жило прежней жизнью. Разве только несколько усиливалось производство самогона, но и с этим волостные комиссары довольно успешно боролись. В городе переворот совершился тоже безболезненно, как тогда казалось, но, в сущности, как это теперь вполне понятно, переворота еще и не было, и местное [положение] все характеризовано: переделали полицию на милицию и больше ничего.

Теперь ясно видна ошибка правительства: в первые же дни переворота нужно было издать закон о местных учреждениях и назначить выборы.

19 Августа. Не труд, а условия труда составляют вопрос. Наши условия ужасны: я работаю и борюсь с врагами. Вчера косил весь день гречиху, вечером пришла газета с Московским Государственным совещанием, взялся читать, но пошел проверить клевер и всю ночь загонял лошадей, а утром разделывался с хозяевами.

Не то чтобы они постановили сжить меня, но я не таков, как они, и они сживают, и я борюсь. И так будущее наше непрерывная борьба, война между собой за установление нового права и хозяйства.

— Но если будет нужно для спасения государства, мы душу свою убьем, но государство спасем. (Речь Керенского в 1-м Государственном Совещании.)

20 Августа. Д е т и-п р и с ы п у ш и (дети России и блудные дети: сидящий и посланный).

Самогон: в деревне 4 рубля бутылка, в городе 10 рублей, из пуда муки 5 бутылок, а у кого свинья есть, то свиней кормить остатками и выгода огромная.

Борьба: сельское хозяйство было в наших условиях всегда борьбой, а теперь это естественное состояние. У Стаховича управляющий специально занимается посещением комитетов и капризную их жизнь использует для учета условий хозяйства.

Что такое трудовая норма? Это сводится к вопросу: в каких условиях находится труд? Наш труд находится в условиях варварских: день работать, ночью стеречь, жене хлопотать возле пищи и ежеминутно выбегать смотреть — не отрясли ли грушу. Трудовая норма — благоденствие на своей нивке. И это говорится в то время, когда нет железа, косы, машины.

Труд людей роднит, а собственность разделяет. Труд, как совокупление: чужой — и вдруг родной, скосил десятину ржи с кем-нибудь — и человек тот стал приятелем.

Не то чтобы стал этот простой темный человек гражданином — это невозможно! а только почувствовал себя гражданином и предъявил свое мнение и поставил себя высоко! И так бывает, что вовсе ничего не понимает человек, сидит, слушает и словно чего-то дожидается, и вдруг зацепился, понял: «Нельзя по алфавиту всех в селе описать». И вдруг завопил против алфавита. Потом в деревне своей ругаются на земельный комитет, на продовольственную управу, на Абрама Ивановича, на Михаила Ивановича и доказывают: «Черт знает что социал-демократы выдумали — по алфавиту описать, опиши попробуй: я иду чередом от избы к избе, но мыслимо ли мне по буквам идти. И отец дьякон тоже хорош, тоже говорит: по алфавиту. Всех бы их помелом!»

Хозяйство — борьба, с природой, с хищниками, нелепым человеком, с его скотом. И сразу тут ничего не сделаешь: дерево мира вырастает в борьбе, и обыкновенно не тот садится отдыхать под ним, кто растил его, сядет кто-то другой. В борьбе и муках вырастает дерево мира. Так разные народы растят свое дерево мира, и оно служит для всякого миром, но растят его они в борьбе.

Сразу — чудо. Вот в Аписе и надо изобразить этот образ вечной борьбы, это долгое время роста животного и противопоставить ему чудо.

Заключение черного передела: у моего пруда, заросшего осокой, рано утром в тумане и росе сидит старик деревенский, ходок девяноста трех лет Никита Васильевич, и держит за веревочку лошадь, и она по пузо в воде скусывает осоку.

— Ну вот,— говорю,— Никита Васильевич, всю жизнь ты искал мужикам земли и вот дождался. Землю разделили, а ты все сидишь и кормишь лошадь осокой.

— Милый мой,— что мы получили! живешь и день и ночь думаешь, что придется уходить отсюда, не миновать уходить: нету земли.

Вижу я поле осеннее крестьянское без конца в длину и ширину, поле, соединенное из мелких душевых полосок, поле с потускневшим жнивьем убранной озими, поле печальное: грачи табунятся, и скот бродит в большом числе, и одна копешка неубранная и несворованная, и одна полоска, худо сжатая и растрепанная. И будто бы тучи на небе ходят, то закроют солнце и брызнет дождик, то чуть пояснеет, словно тяжко больной лежит, и то ему одумается, то опять все замутится и задернется. Ветер проносится по полю быстро, как Время революции, и так это странно смотреть на черного бычка: вот мчится куда-то ужасное Время, а он, черный бычок, стоит и жует и не смотрит и не хочет смотреть на Время, стоит и жует непрерывно, и с ним вместе все стадо жует непрерывно, и земля эта иссеро-желтая лежит вечно и недвижима, и равнодушна.

Черный, как Апис, и с белой звездочкой бычок поднял голову и черную точку увидел на горизонте, и все коровы подняли головы и [туда посмотрели], и лошади, и овцы — все смотрят: быстро движется по полю точка черная.

Этот человек на велосипеде в шляпе и в очках едет по тропе через поле, очки его забрызганы мелкими каплями дождя, ветер то закроет ему полями шляпы горизонт, и ничего не видно ему, только около себя, то откроет, и он слабо видит поле и скот на нем, ему скот неинтересен, ненужен. Только черный бычок заметался, и пошло в голове кругом о Египте и священном Аписе. Ехать на ветер очень трудно, он измучился, человек в очках задыхается и не знает даже, доедет он до стада или не доедет. А в голове мысли своим

чередом о Египте, он думает: «Египтяне так долго искали Аписа, так ожидали его рождения, почему же он тут ходит просто, и никто его не ищет и не отдает почестей, и так он ходит тут просто и ждет: Египет исчез, Апис остался».

Тропинка на станцию загибает к стаду, и стадо ближе, ближе, и сходится оно кругом вокруг человека с очками и смотрит, смотрит, и Апис так все ближе и ближе.

«Да, это Апис,— думает человек в очках,— подлинный Апис, вот он, и египтяне умерли и никто кругом не знает, что это Апис, они умерли, но Апис их ходит один, все такой же, только непризнанный. Так вот я,— думает он,— брошу эту борьбу с ветром и брошу стадо это и свое колесо и подойду я к священному Апису и воздам ему божескую почесть... Я начну...».

И мысленно он сходил с велосипеда, этот человек в [шляпе], в очках и в тужурке, и крестьяне быку, как священному Апису, отдавали божескую почесть <*нрзб.*>

Он жил и творил чудеса, а ноги двигали с трудом против ветра колесо этой новой машины последних годов.

24 Августа. Собрался ехать в Питер, но телеграмма о разгроме [выступления Корнилова] остановила. Послал телеграмму Разумнику: «Пытаюсь приехать к вам. Если неблагополучно, приезжайте сюда». Сегодня попробую в Москву съездить. Весь день сидели у Н. А. Ростовцева (член Государственной Думы). Керенский и Робеспьер. Керенский — интеллигент «с бабушкой», в лице его суд над всей интеллигенцией: грех всей интеллигенции лег на последнего в роду... Страшный суд всей интеллигенции.

Как это может быть, что святой молится и он, правда, святой, а молитвой его пользуются черти?

Что это, трагедия мечтателя или искушение сатаны? Костромской мужик накопил 30 тысяч денег с подаяний народа, который подавал ему, принимая за праведника, и потом народ пожелал, чтобы он вознесся. Он взошел на колокольню и оттуда упал и сломал себе руки и ноги.

Святой молился хорошо, но Бог пожелал испытать его и предал сатане для искушения, испытания его гордости.

28 Августа. Понедельник. 24-го выехал из Ельца, 26-го в Питере.

Паника в провинции: обреченный город, страшный город. А едет много: спасать своих, кончать дела. Теснота, семейные сцены: толкнешь — заругается, извинишься, так мало ему: на чай просит. Все придираются.

— Скоро слезывать будете? — спрашивает кто-то. Я говорю соседу:

— Вот как русский язык коверкают: надо сказать слезать, а он слизнуть.

— Товарищ, прошу не критиковать демократию!

— Без критики не обойдешься...

Носильщики на ходу занимают вещами и кричат свои нумера дико. Делегат ж. д. съезда и Акакий Акакиевич. Делегат попадает в купе.

Балабинская гостиница: за три бутерброда и стакан чаю 6 р.! У Петрова-Водкина <*1 нрзб.*>. Разбалованные солдаты с гармоньями, и девки поют.

У Иванова-Разумника.

Запрет уборной: солдаты. Офицеры боятся солдат.

1-го Сентября в ночь на 2-е. В Смольном вся ночь до трамвая. Историческое заседание.

Большевики — это люди обреченные, они ищут момента дружно умереть и в ожидании этого в будничной жизни бесчинствуют.

— Не умереть, товарищи, а жить надо! — возражают им меньшевики.

Говорят, что от кронштадтцев-матросов сами вожди еле-еле отбиваются: до того им хочется поскорее выступить. Большевики-кронштадтцы и люди природы, жизни — казаки, вот две крайности. На юге с Калединым поднимаются казаки, на севере большевики. Грозят казаки отрезать север от юга.

Чернов — маленький человек, это видно и по его ужимкам, и улыбочкам, и пространным, хитросплетенным речам без всякого содержания. «Деревня» — слово он произносит с французским акцентом и называет себя «селянским министром». Вид-

но, что у него ничего за душой, как, впрочем, и у большинства настоящих «селянских министров», которых теперь деревня посылает в волость, волость в уезд, уезд в столицу. Эти посланники деревенские выбираются часто крестьянами из уголовных, потому что они пострадали, они несчастные, хозяйства у них нет, свободные люди, и им можно потому без всякого личного ущерба стоять за крестьян. Они выучивают наскоро необходимую азбуку политики, смешно выговаривают иностранные слова, так же, как посланник из интеллигенции Чернов смешно выговаривает слова деревенские с французским de. «Селянский министр» и деревенские делегаты психологически противоположны настоящему сидящему мужику.

Хороший еврей Либер, вообще все эти евреи, участвующие в деле, грозящем неминуемой петлей, люди чудесные, куда лучше русских, цвет подлинной Иудеи.

Во что Авксентьев превратился! Говорили, что это русский Жорес... Вот неправда. Это Столыпин. Даже и во внешности есть что-то общее: и какая-то деревянность, и солидная честность, и речистость.

Мария Спиридонова выступает от социалистов-революционеров, интернационалистов. Она худенькая и маленькая, как Вера Фигнер. Простенькое лицо ее прелестно, как хорошая подробность настоящей России. Только она рано подсыхает, и ее интернационализм и пенсне на носу и желтеющее лицо — все это как первая черная голая ветка деревьев, когда осенью с них опадает листва.

Какая разница впечатлений от заседания Советов теперь с тем заседанием в Морском корпусе, когда вынесли резолюцию о мире всего мира! И тогда, конечно, все эти рыбки социализма были уже в сети, но сеть была незаметна, потому что шли по глубокому месту. Теперь она уже в самом хвосте пруда, и вот-вот ее вытащат на берег, на сухое место и вытряхнут из нее рыбу, а головастиков и лягушек бросят опять жить в пруду.

В какой дом ни пойдешь — везде сочувствие Корнилову. Кажется, это Богданов сказал, что когда демократия сильна, то она вступает в коалицию. И вероятно, она теперь очень слаба, отказывая кадетам.

Популярность Керенского выросла больше от казаков (так буду называть «буржуазию»), чем от большевиков («демократии»), они держались за него как за спасителя компромисса (жизнь есть компромисс). Теперь Керенский склоняется к большевикам, и «казаки» его отпадают, и вдруг слышишь на улицах, как ругают Керенского.

О, бедный Смольный, о, моя Грезица бедная в белом зале среди окурков и солдатского дыму! По длинному в целую версту, как монастырский, сводчатому коридору ухожу я далеко, далеко от гражданского скрежета, и вот она встречает меня, белая наша Грезица, и потом идет со мной в белый зал с могучими колоннами. На белых стенах мало-помалу голубеют стекла, о, как красиво! И потом, когда рассвело, выхожу я на улицу, и там, в тихой необычайной красоте, долго не могу оторваться глазами от этой чудесной сказки Растрелли.

Писатель и есть действительный и не мнимый пролетарий, он должен продавать не свою физическую силу, как рабочий на фабрике, но духовную, которая есть сущность физической силы, и притом так исхитриться, продавая, чтобы остаться неподкупным.

Революция страдает отсутствием мудрости, которая имеет зоркий взгляд на обывателя. «Нельзя переделать сразу»,— говорит человек жизни («обыватель»), а революционер хочет сразу. Соприкоснуться с нашей землей в революцию, [значит] понять тягостный скорбный путь изменений к лучшему.

Варвар в Мариинском театре, с шишками напряжения на лбу, скуластый, серьезный.

Рассвет: у запертой булочной против изображения хле ба сидит на камушке первая очередная старуха...

В трамвае пьяный солдат затеял спор и ругается по-матерному, все возмущены, комиссар подходит к нему, уговаривает, а он комиссару:

— И разговаривать с тобой не хочу, белая шляпа, комиссионер какой-то, а я от прав народа солдат и знать тебя не хочу.

Тут же сидят бессловесные офицеры, и вся публика в бессилии ничего не может ответить пьяному бесчиннику.

Мы теперь дальше и дальше убегаем от нашей России для того, чтобы рано или поздно оглянуться и увидеть ее. Она слишком близка нам была, и мы годами ее не видели, теперь, когда убежим, то вернемся к ней с небывалой любовью.

8 Сентября. На Бассейной в подвале клуб «Земля и Воля». Потолок низенький, а стены в красном, Мария Спиридонова сговаривается с шайкой рабочих и солдат — «левых социалистов-революционеров-интернационалистов». Маруся, страдающая душа, настоящая, как в святцах, мученица нетленная. Вокруг нее освобожденные. Особенно лезет в глаза какой-то Фишман, самодовольная морда, гордая своей плюшевой шляпой. Из района лезет он в Центральный комитет, а там 800 руб.! Солиден, деловит слесарь, тоже с немецкой фамилией Кейзер, и еще несколько подобных лиц говорят, отлично знакомые с техникой выборов. Остальная масса бессловесная, особенно солдаты: сидят и впитывают в себя «Землю и Волю», а когда понадобится, ахнут. Так их организовано здесь сто тысяч.

— Да,— говорю Разумнику,— это какая-то вера...

— Царство Божье на земле! — отвечает он.

— Не соблазняете ли вы малых сих?

— Мало ли что: кто подлежит соблазну, тот соблазняется, а кто не подлежит, того не соблазнишь. Вот как женщины...

— Выходит,— отвечаю,— возьми любую «подлежащую» и соблазняй? нет, почему-то неловко...

— Это пожалуй!

Вы идете по России и видите везде опустевших озлобленных людей с расщепленной душой и спрашиваете себя: где же народ? Раньше вы давали себе ответ так: в армии. Теперь армии не существует. И вот ясно, что вся душа народа занята перевязкой веревочками этих колоссальных организаций.

Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, все опустело, все расщепилось, озлобилось, в десятый раз умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая 1/2 фунта хлеба в день, и весь этот дух народа ушел вот сюда, в эти организации...

Я думаю, что эти организации есть выражение какого-то духа, исчезнет он — и все исчезнет, как сон: что это за дух?

Прежде всего, этот дух почивает почти исключительно на Петербурге, здесь его сила, тут его война. Возьмите крестьянина, которому нужна действительная земля,— он не имеет ничего общего с членами организации «Земля и Воля», его вопрос один: дадут землю или не дадут. А здесь тысячи интересных, ежедневных положений для рядового члена партии: сегодня совещаются о выборах районных, завтра какой-то блок, послезавтра конференция в Смольном, побеждает та или другая сторона, «Весь флот с нами!» — «Товарищи, мы победили: во всей Финляндии нет ни одного руководителя, кроме левого эсера». Тут тысячи всевозможных групп борются между собой, подобно тому, как и в жизни действительной, а лучше — как в картежной игре. Но действительная жизнь движется вокруг реальности (созидание).

[Там], в действительной жизни, в конце концов, какой-нибудь бычок жует мерно по старым часам, и как ни бейся, он быстрее не будет жевать, и не повернешь весну на зиму и осень не обернешь к весне. Тут все возможно и проверки нет никакой. Кто быстрее забежит вперед? И что видит забежавший вперед?

10 Сентября. Город чиновников, город труда, за что так восхвален Пушкиным. Я прихожу в министерство, где раньше служил.

Там делят землю, здесь делят власть. Как самая романтическая любовь почти всегда кончается постелью, так и самая многообещающая власть кончается плахой.

Еще о Чернове, по рассказу чиновника министерства земледелия. Он очаровал своей первой речью о творческой созидательной работе, и все разошлись по своим бюро объединенные и готовые работать. Потом начались странности: министр требует к себе дела личного состава всех чиновников. Создается большое затруднение: как доставить министру дела эти, их так много, что не хватит грузового автомобиля. Посмеялись, так и кончилось. Потом начинается заворошка с аграрными проектами. И когда министр вдруг потребовал, чтобы от каждого чиновника поступило сведение, кто его рекомендовал и каких он приблизительно (как-то ловко было выражено) держался до сих пор политических взглядов, тогда начался бунт и потом моральный и деловой развал всего механизма.

Теперь все чиновники раскололись на две враждебные партии: хранящие про себя полное недовольство существующим положением и те, которые, пользуясь временем, норовят, как бы хапнуть побольше от этого времени.

Чиновники старого строя оказались не то чтобы чище новых, а явно умнее.

Дисциплина расстроилась. Раньше хорошо налаженный аппарат давал министру не только готовые мысли, но даже слова. Министр, отправляясь на заседание Совета, по всякому вопросу имел заготовленную шпаргалку, и настоящий дурак мог сидеть на министерском кресле довольно долго без всякого ущерба государству. Теперь тот же благодетельный аппарат работает во вред даже умному министру. Раньше министр не чувствовал хода аппарата и мог хотя бы и плохой головой, а все-таки спокойно думать о государстве. Теперь министр со скрежетом зубовным обращается на самый скрипучий аппарат и заявляет, что вся беда в этом аппарате, необходимо очистить его от неблагонадежных, и требует к себе дела личного состава. Так мало-помалу испорченная власть, как грешная любовь, влечет свою возлюбленную к постели: а у власти постель страшная, у влас-

ти плаха — постель. От министра до председателя сельского земельного комитета на Руси одна беда: Прекрасная Дама поцеловала варвара, а он поспешил сделать ее своей любовницей.

Уже на пути в Петроград вы чувствуете потоки вражды, раздражения, злобы: достаточно вам в набитом вагоне чуть-чуть задеть кого-нибудь, чтобы он зло заворчал. Вы извинитесь, а он все ворчит, как будто мало извиненья, а еще нужно дать и на чай...

В городе три дня ходишь, пока не приспособишься, совершенно голодный, конечно, есть гостиница, но вначале пугает заплатить за стакан чаю с тремя бутербродами рубля четыре. Заголодаешь и сам ворчать начинаешь от голода, а после, когда разберешься, ворчишь, и сам попадаешь в ту же текущую в городе большую черную реку.

В моей квартире живет старая женщина с дочерью: старуха с пяти часов утра стоит в очередях, дочь служит в министерстве продовольствия и зарабатывает 150 рублей. Они едят почти исключительно картофель и бледные (дешевые) помидоры. Иногда, как великая радость, достанут немного молока, или масла, или сушеную воблу. В пять часов утра, на рассвете, мать уже в очереди. Раз, возвращаясь утром из Смольного, видел я ее первой в очереди: на рассвете во мгле осенней и росе она сидела на каменных ступеньках булочной, эта старуха в черном платке, так что нос только виден, и смотрела, бледная как смерть, неподвижно на прекрасно нарисованные булки и хлебы. Однажды она, не обращая внимания на мои занятия, радостная ворвалась в мою комнату: достала сала немного и недорого. Когда она стала готовить сало, страшно завоняло, старуха выдумала выжарить сало с луком и чесноком.

— Я-то,— говорит она, — есть не буду, только бы дочка не заметила.

Вечером после обеда я шепотом спросил ее:

— Как, не заметила?

— Не заметила,— обрадовалась она,— съела! я-то как рада, я-то как рада! Не заметила.

Дня три, [не] имея продовольственную карточку и воображая, что все только по карточке могут находить себе пищу и все так живут, я [не ходил] к моим хозяевам. Страдал от голода, но не злился: так надо. Как вдруг старуха мне говорит:

— Вам что, вы богатый!

И оказывается, что за большие деньги тут же на рынке, не в мясной, где очереди, где выдают 1/2 фунта мяса на неделю, можно сколько угодно купить и мяса, и масла, и ветчины. И что все, кто имеет деньги, живут по-старому... А еще потом оказалось, что эта барышня, окончив гимназию, зарабатывает 150 рублей, но если идти на Неву и выкладывать дрова, то можно заработать 40 рублей в день!

Петербург говорящий — это река с голышами: шумят голыши каждый по-своему и думают, что они движут воду реки. И не знают и не ведают, что море их гонит, оттого они и шумят.

Митинг социалистической печати. Всюду говорят, что большевики трусы, а почему-то все их очень боятся. Все старики-эсеры и все меньшевики-оборонoвцы говорят, что большевизм основан на проповеди мира, то есть эгоизма материального, утробного, и этому они ничего не могут противопоставить, кроме слов. Их слова лопаются в воздухе, как мыльные пузыри. Словам не за что уцепиться... Что же это сильное, что рано или поздно противопоставится чертову искушению народа? Будет это новое имя старого Бога (прежнее имя не действует) или дубинка здорового народа, который восстановит лицо свое в гражданской войне?

14 Сентября. Всюду люди ссорятся, разрываются многолетние связи. События велики, но чем они больше, тем причины ссор меньше. Так и быть должно, потому что становится жить под нависшей тяжестью все теснее и теснее.

Так мы разошлись с Разумником... из-за чего? Я сказал ему, что не могу подписывать свое имя в Черновской газете и прошу рассказ мой разобрать. Он говорит, что разобрать нельзя, потому что он сверстан. Тогда я изменяю заглавие рассказа и подписываю другим именем. Рассказ, однако, за

моей спиной восстанавливается и печатается за моей подписью. Сущие пустяки, но отношения разрываются.

Как в дележе земли участвуют главным образом те, у кого ее нет, и многие из тех, кто даже забыл, как нужно ее обрабатывать, так и в дележе власти участвуют в большинстве случаев люди голые, неспособные к творческой работе, забывшие, что земля явилась вследствие проклятия человека, осужденного в поте лица восстановлять работой утраченный путь к небу,— так и власть государственная есть несчастие человека прежде всего.

Власть оголяется. Это не власть, а только скелет ее, кости. А кости власти — честолюбие и самолюбие. На скелете нет не только чувства долга, чувства родины, самопожертвования, но даже камер-юнкерского и коммерческого мундиров. Честолюбие в надежде и больше ничего.

За властью теперь просто охотятся и берут ее голыми руками. Так настанет время, что и землю будут брать голыми руками, и, как говорит Никита: «Земли будет много! да некому ее обрабатывать». Это будет земля оврагов.

Власть голая, не одетая в земные творческие одежды, власть без земли и земля без власти.

Б у р ж у а з и я. Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс «эгоистических побуждений», но кого считать за буржуазию? Если взять даже какую-нибудь самую малоземельную деревушку с 20 саженями надела, то там человек, имеющий одну лошадь, есть буржуй по отношению к безлошадному. (Из-за чего несет общественные работы: «Давай лошадь!») Но если взять психологию безлошадного, то он является двойным, тройным буржуем: тот уже пережил это чувство, а у того оно в состоянии младенчества, легкости. Кто же буржуй? (Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений.)

В начале революции было так, что всякий добивающийся власти становился в обладании ею более скромным, буд-

то он приблизился к девственнице. Теперь власть изнасило вана и ее ебут солдаты и все депутаты без стеснения.

На демократическом Совете 14 сентября. Предпарламент.

Ошибка Чернова: Заигрывание с народом.

Плох тот автор, который ищет себе читателей, и плох журналист, который [считает] читателей бесплатными приложениями.

Беспорядок на улице перед театром. Офицер говорит:

— Чего толчетесь, Керенского смотреть? Вот не видали добра!

Давно журналисты в оркестре: журналисты в сундуке. Люди: это деятели 1905 года — вот [например] Владыкин, вот С. Маслов из моего родного города Ельца. К ним прибавить тех, кто вновь продрался в интеллигенцию, «полуинтеллигенты», солдаты, кооператоры, столичная большевистская чернь...

Керенский действительно выдающийся человек. Чернов не мошенник, нет — это просто маленький человек от литературы,— раз он может с пафосом кричать о категори ческом императиве; нет! это не крупный мошенник Каменев — камень. Большевик. Кто же это кричал? большевик запрятался сзади и кричал: «Это не я!»

Для будущего драматурга будет очень легко изобразить небольшой эпизод мировой войны, который представляет собой демократическое совещание: потому легко, что оно даже и совершается в здании Драматического театра.

В оркестре, как бы из подполья, сто человек хроникеров, стенографистов, журналистов с точностью записывают происходящую драму.

На меня, приехавшего из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского. Я делюсь своим впечатлением с журналистами, и они, конечно, смотрят на меня как на провинциала: они сотни раз слышали Керенского и на них его слова не действуют. Мало-помалу

и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра.

Конечно, многие из присутствующих, говорящих об обороне страны, готовы пойти на фронт и положить свою жизнь за родину: но что из этого? Нужно не «я готов умереть», а «мы готовы»...

— Все ли тут согласны? — спрашивает Керенский,— я не могу здесь говорить, если не уверен, что тут присутствуют люди, которые готовы назвать мои слова ложью!

— Есть такие,— хором отвечают большевики.

Керенский борется с большевиками, происходит драматическая сцена. Публика, кажется, готова разорвать большевика, кричат: «Где он?» — ищут.

И вот один поднимается и вызывающе смотрит. Потом шум стихает. Большевик садится. А Керенский продолжает говорить о защите родины.

Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре.

В действительной жизни власть не такая, она страшная. Эта же власть кроткая, как природа, приспособленная художником для театра.

Потом выходит Чернов, как будто лукавый дьяк XVI века, плетет хитрую речь про аграрные дела, но неожиданные выкрики слов «Категорический императив аграрного дела!» выдают его истинную эмигрантско-политическую природу русского интеллигента, и оказывается, это просто кабинетный человек в Александрийском театре, плохой актер изображал из себя дьяка, мужицкого министра, что это все, все неправда и слова его никогда не будут жизнью.

Так создается это чрезвычайно странное состояние, как в театре: может, каждый из неподвижно сидящих зрителей, каждый в отдельности готов идти за своим Верховным главнокомандующим, но никто не пойдет, когда представление кончится и все пойдут по домам.

Что же такое эти большевики, которых настоящая живая Россия всюду проклинает, и все-таки по всей России жизнь со-

вершается под их давлением, в чем их сила? Многие теперь — и это в большой моде — называют их трусами, но это совершенно неверно. Несомненно, в них есть какая-то идейная сила. В них есть величайшее напряжение воли, которое позволяет им подниматься высоко, высоко и с презрением смотреть на гибель тысяч своих же родных людей, на забвение, на какие-то вторые похороны наших родителей, на опустошение родной страны.

Мы, живущие чувством обыкновенных сынов родной земли, не можем понять, оправдать, вынести всю эту низость человеческой звериной природы. Они могут, они это не замечают, они презирают.

Мы не понимаем и говорим: это не революция, а смута, потому что революция есть этап мировой истории, а смута — это дело домашнее, это китайская революция. Но большевик, настоящий, идейный, он весь только и держится этой особенной верой, что наша революция есть факт мировой, этот новый строитель всей мировой жизни. Вера эта не воплощенная в личность, вера Наполеона, это интернационал, дважды два четыре.

Так воцарился на земле нашей новый, в миллион более страшный Наполеон, страшный своей безликостью. Ему нет имени собственного — он большевик.

Смута или революция.

Вы говорите: это смута, потому что мы ничего не достигаем и все теряем. Но их не страшит потеря, даже полная гибель страны. Нация не может умереть. И если сейчас даже будет торжество капитализма, то ведь это на время, а потом опять пожары. С точки зрения большевика оборона вовсе не отрезается, но она признается фактом обыкновенной жизни, как ежедневная наша пища. Энтузиазм большевика идет мимо обороны, и горе тем, кто противопоставит этому энтузиазму интернационала энтузиазм обороны: это мещане, которые материальность ставят своей конечной целью. Но впрочем, серьезно этот энтузиазм не противопоставлен после царя.

17 Сентября. Предпарламент. Над буржуазией висит, как меч, требование: будь социалистом! Роль советов в

провинции была весьма почтенная. Грузин (превосходный гражданин) пожал овации за одну фразу: — Мы, грузины, не будем усложнять без того сложное положение государства немедленными своими грузинскими требованиями.

Типичный митинговый украинец. Белорус с иностранными словами. Земец моховой. Кооператоры. Мусульмане.

Весь этот словесный блуд вертится вокруг земли мужикам и мира солдатам: по отношению к земле говорят, что политика нашего правительства недостаточно определенна, а по отношению мира недостаточно настойчива.

Политические эмигранты, пробывшие несколько месяцев министрами, стали людьми вполне благоразумными, потому что соприкоснулись с живым делом... Представители с мест: дельцы, городские деятели, кооператоры Грузии — все благоразумные, потому что были у дела. И противоположные им люди митинговые: украинец, большевик, белорус с кооператором... Налет хлестаковщины (товарищ Абрам)... Та петля, та квадратура круга — при малейшем дуновении земли она вся разлетается; если бы согласие!

21 Сентября. Хорошо на иностранных языках учиться говорить, если в кармане есть гроши, а как нет ничего, то надо по-русски.

Коалиция на Демократическом собрании была знаком согласия и стремления к единству цели государства, а однородное правительство значило бунт — не революция, а именно бунт.

Какой великий соблазн для бродячего обитателя Скифии бросить вызов всему миру против войны за всеобщий мир. Был у нас домашний деревенский бунт — Стенька Разин, то была смута деревенская, а здесь мировой город Петербург против всего мира! Какому-то дикарю-разбойнику сочинили не то принцессу, не то княжну, с которой во имя бунта расстается и бросает в Волгу.

А тут бородачи-кооператоры и земцы соблазняют мирового бунтаря любовью к отечеству и предлагают с собой коалицию!

Громадная масса людей, в особенности крестьяне, вовлечена в этот бунт прямым обманом, обещанием земли и воли и всяких радостей Царства Божия на земле. Вот теперь эти обманутые начинают понимать положение, и потому на Демократическом совещании и треснул этот бунт пополам.

Все держится этим созданным ситом бунта, этими всевозможными организациями, в которых выборным людям в момент подъема бунта отступать нельзя под страхом наказания. Вообще набедокурили так много, что назад вернуться никак невозможно. Потому и не удалось выступление Корнилова.

Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства: это принципиальное умаление личности.

В Петербурге от разных людей слышу точную формулу бунта: «Несчастная случайность, что во время войны не хватило хлеба».

10 октября. Теперь всюду и все говорят о революции как о пропащем деле и не считают это даже революцией.

— Неделю,— скажут,— была революция или так до похорон, а потом это вовсе не революция.

Немцы высадили войско на острове Эзель. В этом вините вы, конечно, большевиков. А большевики в это же самое время винят буржуазию. Вы скажете: «Приказ № 1 расшатал войско!» Вам ответят, что приказ № 1 дал единственно войскам оформленность (вот то же и о земельном комитете). В гневе начинаете вы вопить о гибели отечества. И там в гневе вопят. Вы берете оружие. И там берут оружие. И так начинается гражданская война.

Простая женщина подошла в трамвае к важной барыне и потрогала ее вуальку на ощупь.

— Вот как они понимают свободу! — сказала барыня.

Споры о значении земельных комитетов — споры вокруг пустого места. Потому что, в конце концов, вышло так, будто не только комитетов, но и правительства никакого не

было. Мы управлялись сами и ладили между собой сами, один на один, глаз на глаз.

Признали лес государственной собственностью и стали все тащить лес, а когда пустили стада в поросль, мы пожаловались. В ответ нам: «А у вас нет караульщика, тогда нечего и жаловаться».

12 Октября. Романы совершаются «на погибель» (Россия гибнет, и мы погибаем).

Эвакуация Петрограда — это разрытая куча муравьев.

Несомненно, что если вступить хоть в какое-нибудь отдаленное общение с деятельностью Логоса, то вся окружающая нас разруха получит великий смысл, и полная бессмыслица, если оценить все с точки зрения нажитого прошлого (раздвоение Андрея Белого).

Надо обдумать, что есть общего в оккультизме и цим мервальдстве. Пути к интернационалу: «физический» (скажем так: творчество, опирающееся на землю), оккультный (общение непосредственное, [которому] эти пути необязательны) и третий, сокращенный (Циммервальд, марксизм). Характерная черта пути последнего: соблазн малых сих, которые совершенно не понимают вождей и внешним образом с ними, внутренно врозь. Еще черта: претензия. Горький — ходячая претензия.

Трагедия собственника земли и трагедия художника, прилепленного к земле,— покажи: неколебимое колеблется — землетрясение. (Вы пашете, а земля ходуном ходит. Выход: перемещение себя на такое место, где земля не колеблется.) (Новые беженцы: книги по искусству распространяются, потому что многие начинают понимать, что бежать по земле невозможно и нужно искать новую землю.) Объяснения школьного учителя: Мир через «и» десятеричное или «і» с точкой — весь мир, как вселенная. Мир через «и» восьмеричное, разные толкования, первое обычное, в смысле тишины и спокойствия, мир без аннексий и контрибуций, мир как лозунг гражданской войны. 12-го на заседании социалистов-революционеров— Кускова:

русская хозяйка. Все хотят мира и все хотят защищать свое отечество. Но никто не знает, как заключить мир и как сохранить отечество. Оборонцы признают общность интересов буржуазии и демократии. Интернационалисты не признают общности и стоят за классовую демократию. Если армия бежит, то одни обвиняют других, объясняя это следствием Корниловщины, другие — следствием Циммервальда.

Определение Корниловщины: система организации армии на основе личного авторитета военачальника. Определение Циммервальдской группы в отношении организации: на основе авторитета органов демократии.

Пораженцы и оборонцы — это бранные слова, на самом деле все хотят обороняться от немца.

Правда в словах Кусковой, что народ наш до того измучен, что предоставленный самому себе не способен к жертве, следовательно, необходимо принуждение. Верно, что в церквах народ молится об избавлении от внутреннего врага.

14 Октября. Корона острова Капри. Пишет с фронта воин письмо мне, что в их окопы из немецких окопов прилетела крылатая бомба и на хвосте ее был пук газеты «Товарищ». Номер газеты он присылает с эпитетом — вот безобразие! В газете факты, правда русской жизни извращены и подделаны под немецкие интересы, а фельетон в газете «Солдаты» подписан именем народного русского писателя Максима Горького.

Виноват ли Максим Горький, что имя его летит к нам из немецких окопов?

Бедный человек П. А. В. усомнился в Горьком и спрашивает меня:

— Вы тоже художник, скажите, почему так, если вас обманет кто-нибудь, то вы все-таки останетесь художник, а меня, не-художника, обманут, я буду только дурак? А к чему я веду, вот к чему: Максима Горького оправдывают тем, что он художник и поддается влиянию обманщиков из «Новой Жизни». Можно ли его тем оправдать?

Я спросил обманщиков, как считают себя сотрудники «Новой Жизни» — большевиками?

— Мы большевики,— ответили они.

— Чем же вы отличаетесь от большевиков «Рабочего пути»?

— Те головотяпы, а мы культурные большевики.

Из великой подлости русской жизни, заплеванной, загаженной, беззаконной вышел Максим Горький и влюбился в Италию на острове Капри и там надумал свою идеальную Европу. Что ему сказать, если теперь спрашивают его: «Любите ли вы свое отечество?» Старуха-царица из сказки о Золотой рыбке, что скажет о своей хижине у синего моря? Или птенчик, пробивший скорлупу, о скорлупе в гнезде, сплетенном ласточкой из куриного помета? Или человек, ночующий под лодкой, когда уснет на пружинном матраце? Или мужик, что скажет теперь о своей прежней поденщине в 15 копеек? Бедная хижина царицы-старухи, скудное гнездо с разбитой скорлупой, сыро и холодно под лодкой ночевать и возвращаться мужику в батраки с заработком в 15 копеек.

Униженным и оскорбленным, которым нет и не может быть выхода материального из унижения и оскорбления, сказал Достоевский утешение: «Терпите, Константинополь будет наш, и се — буде, буде!» И бедные люди, без выхода здесь в лучшую жизнь, страдая, любили свое отечество. Из-за чего же теперь терпеть, страдать, если выход нашелся? Всем этим людям Горький хочет прорубить окно в Италию. Толпою, как на Ходынке, ринулись униженные и оскорбленные «в Италию», давят друг друга насмерть, ведут из-за этого грабежи, пожары, захваты — тому хочется новые сапоги, тому жениться и мало ли что. И все они называются большевики.

— А вы кто же, вожди этой Ходынки, надумавшие такое дело, вы тоже большевики?

— Мы,— отвечают,— культурные большевики.

— А принимаете ли,— спрашиваю,— вы, как культурные большевики, все преступления некультурных, те, которым

Достоевский, как обреченным на вечный замкнутый круг, давал утешение «Царьграда»? Все отказались и говорили:

— Мы пишем всегда против этого. Один-единственный, самый искренний и вдумчивый, однако, ответил:

— Принимаем!

— И офицеров потопленных на свою совесть принимаете?

— Все принимаем!

Горький так не говорит, он уже обойден, царство его уже пробежало мимо, хотя корону Италии оставили ему как утешеньице.

А бедный человек горюет о Горьком и не понимает, как это художника, значит, высшее существо, можно так легко обмануть и в дураках оставить.

Носящие разные короны: Эллады, Египта, Атлантиды — все один за другим покидают Горького. И те, кто за сапогами бежали,— теперь далеко, и коронованные испугались. Вот время спросить себя и вспомнить, как достается корона Италии.

Не сразу, ох, не сразу достается корона и совсем не похожа на сапоги.

Нищий даровитый поэт в измызганном пальтишке пришел к богатому социал-демократу, поужинал, и хозяин, отдавая уважение достойному, пошел провожать его до хибарки.

— Будущее несомненно наше! — говорил хозяин.

— Может быть, не сейчас,— отвечал поэт.

— Это ничего не значит, я говорю то, настоящее будущее, а настоящее [наше].

— О да!

— За это будущее мы теперь, наверно, пострадаем. Почему же вы не с нами?

— Не знаю, почему-то не с вами, у меня как-то нет веры, я, должно быть, не идейный.

— Но как же вы не понимаете, что совершается вокруг вас, ведь это же повторение начала христианства, и вы не принимаете участия.

Тогда внезапно бедный поэт взбесился и, обрывая бахрому на пальтишке, вдруг все и выложил, как ему достались

песни о звездах, лесные сказки, водяные [песни], земные напевки!

— Я столько страдал, а вы хотите сманить меня сапогами.

— И мы готовы пострадать, за кого же вы нас считаете?

— Если вы хотите говорить о христианстве, вас я счи таю за антихриста.

Раз я провел вечер в ресторане в обществе Горького и Шаляпина. Я первый раз тогда видел Шаляпина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротничка, белой глыбой над стаканом вина. Кроме Горького и Шаляпина тут, в кабинете, было человек десять каких-то мне незнакомых и дамы. Разговор был ничтожный. Вдруг Шаляпин словно во сне сказал:

— Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей.

И пошел, и пошел о голубях, а Горький ему подсказы вает, напоминает. И так часа два о голубях в ресторане, потом у Шаляпина в доме чуть не до рассвета все о Казани, о попах, о купцах, о Боге, без всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью.

Горький спросил меня после, какое мое впечатление от Шаляпина. Я ответил, что бога видел нашего какого-то, может быть, [полевого] или лесного, но подлинного русского бога. А Горький от моих слов даже прослезился и сказал:

— Подождите, он был еще не в ударе, мы еще вам покажем!

Так у меня сложилось в этот вечер, что Шаляпин для Горького не то чтобы великий народный артист, надежда и утешение, а сама родина, тело ее, бог телесный, видимый. Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил от церкви, Мережковский от Пушкина, а Горький от Шаляпина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шаляпина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы, бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии.

Вот бы спросить в то время, имеет ли Горький отечество, любит ли родину. Я бы ответил, что чересчур сильно, болезненно, пожалуй, садически.

Политика страшна тем же, чем страшно описание у Адама Смита разделения труда при изготовлении булавок. Человек, изготовляющий булавочную головку, ис чезает за этой головкой, в политике исчезает человек за частностью мертвой. Так и Горький, народный писатель, исчез за булавочной головкой политики, совершенно, без всякого следа утонул в этой бездне частных враждующих сил. И теперь говорят, что у Горького нет отечества, что он изменник Родине.

В Совете от казаков появился Савинков. Это что-то новое, волнующее. Савинкова я хочу посмотреть так же страстно, как курсистка Шаляпина, и, думая о Савинкове, хожу но кулуарам и беседую о разных политических пустяках с редакторами своей газеты. Но кто-то подходит к редактору, здоровается, разговаривает о чем-то несколько времени, я не слушаю разговора и смотрю на полу серого пиджака этого человека и думаю о своем. Когда он уходит и скрывается в толпе, редактор говорит:

— Ну, вот вам Савинков, каков?

А я видел только серую полу. Скорее искать, смотреть. Нет нигде Савинкова, ни в кулуарах, ни в зале, ни в бюро, ни в читальне, ускользнул, исчез, прошмыгнул куда-то, и так я его не увидел.

Авксентьев на царском кресле монументален и чем-то очень раздражает, какою-то вечной своей светлостью и прозрачностью, будь там, сзади его, картина Репина не завешена и царь бы там был, так сквозь Авксентьева все бы на царя смотрел.

Сегодня он в буфете подошел ко мне, узнал (вместе учились в Германии), присел к моему чаю, и я не почувствовал никакого желания спросить его о чем-нибудь важном, государственном. Измученное лицо, усталый и скучный до безнадежности.

— Я думаю,— говорит он,— дело демократии пропало, совершенно пропало.

И как-то от его слов не жалко демократии, не страшно.

— Может быть, как-нибудь обойдется... сладится, дотерпим.

— Нет, где уж, вот продовольствие. Он зевнул и почесал бороду, я спросил:

— Терещенко когда выступает? Посмотрел на часы:

— Сейчас выступает.

Смотрел на Мих. Ив., как хорошо он говорит, какой вежливый, изящный, и думал я о том, как все-таки сложены министры, какие все хорошие люди: Керенский, Авксентьев, Терещенко, Маслов, какая все это чистая гладь интеллигентная. Керенский как будто выделяется, но это не достижение, не высота, а взрыв: взорванный интеллигент.

В кулуарах встречаю Семена Маслова, поздравляю с высоким постом. Семен — это самое-самое, святая святых народнической интеллигенции. Вид семинариста, а глаза кроличьи, доверчивые. Помню, увидев его у меня в квартире, Ив. А. Рязановский сказал: «Ничего нет, а будущее их, таких кроликов!» Это кроткий монах, аскет религии человечества (то, что от Успенского). Позвал меня на свой доклад, знаю уж, какой это доклад: без выкупа, с выкупом, однолошадные, двухлошадные — всю жизнь он на этом сидел, и земля от него все-таки так же далека и непостижима, как университет от моего работника Павла.

Охранительный человек Д. В. Философов смутил меня предложением войти в новую газету Савинкова «Час».

Савинков один из зачинателей того, что называется Корниловщина: Корнилов, Савинков, X., Y.,— это не Наполеон, а ряд индивидуальностей, прорывающий там и тут сито демократии. Не случайно в газете принимают участие старые закоренелые индивидуалисты-аристократы от литературы — Мережковский, Гиппиус. Это все революционеры-индивидуалисты, ищущие пути к соборности через

отечество Града Невидимого. Их, конечно, с первых же шагов облепят мухи старого мира.

Это будет очень интересная газета, и пугает только скандальность Савинкова — заведет черт знает куда бедного Дмитрия Сергеевича.

Одно из сит демократии — «Воля Народа», в которой я теперь по недоразумению пребываю, исповедует чистую наивную веру в русскую демократию. Это самый невинный орган и чистый от искательства «демонов». Савинков для этих людей самый главный враг, потому что Савинков против Советов, а у них все связано с Советами и Комитетами.

Андрей Белый остановился на Разумнике.

Троцкий зубной врач.

Еще раз была встреча во сне — видно, уж это до самой могилы! И было много волнующих приключений, объяснений. Но во время пробуждения вдруг как защелкнуло, и я забыл все, что было, а сердце живет еще там, бьется теми видениями и, словно море, волнуется с острыми волнами на потопленном граде чудес; все утонуло, стало невидимо, и только это море, море ходит с острыми режущими волнами, о, как холодно, как жаль мне погибшего сновидения, и некого спросить, и нечего сказать — море, море! Невозможно вернуться, невозможно встретить и не захочу в жизни, да, не захочу, это невозможно в жизни, закрытое морем, недостижимое — вот почему так прекрасно кажется на море, в нем скрыто невозможное, недостижимое.

Козочка, пятнадцать с половиной, холодный нос, детские губы с ложбинкой. Песенки все поет, сочинила сама.

— Я вам стихи — Вы не поэт [совершенно].

Я рассказывал Козочке о границах России, как они мне чудятся:

— Такая большая Россия, и я по ней странствую и не знаю точно, где она кончается и начинается другая страна.

— Как же,— говорит она,— а география?

— Вот юг,— продолжаю я,— Кавказ Лермонтова, потом Каспийское море бурное, потом начинается желтый песок,

и на песке открытое озеро, и на берегу птица Фламинго, дальше горы желтые, земля желтая, все желтое-желтое, а небо синее-синее и неподвижный зной, и так все это желтое уже непереходимо, кажется, конец там.

— Памиры,— говорит Козочка,— это плоскогорье, опушенное кедровыми лесами, оттого и называются Памиры.

(Козочка, глаза козьи, нос холодный, жаждет жизни, копит по 3 р. в месяц на поездку по Волге.)

Наша жизнь в Петербурге — «вихри враждебные» и в них все летит обломками, как во сне: знакомый человек, кресло, церковь, извозчик — совершенно точные предметы обыкновенной действительности, а фон расплавленной текучей жизни, взволнованной. Вихрь создается каким-то духом с пикой в руке, с которым все вокруг пытаются сговориться, и громадная масса людей не понимает, что этому духовному началу можно противопоставить только духовное.

Создаются всевозможные организации, всякие Советы, партии, чтобы противопоставить себя этому духу с пикой в руке, высчитывают, цифрами доказывают, сколь огромна масса населения против этого духа с пикой в руке, и ничего не получается: ни доказательство числами, ни уговоры разумных, ничего — явное непонимание с двух сторон.

Один ветер дует с войны, с этого места, где сотни тысяч людей погибли... Оборвались сотни тысяч жизней, непрожитые часто до половины, и вихрь этих душ, не познавших землю, неустроенных, нарушает весь наш привычный порядок жизни. Мы смущены им, мы не сможем наше жизненное будущее противопоставить этому духу неустраненному как высшую ценность и жалко лепечем: «Нужно оборонять отечество!» Злобно издевается воющий ветер над нашей мещанской «позицией», устремляясь разрушительно в самые истоки нашего существования.

Управляющий домами приходит ко мне с «Биржевкой» в руке и советует купить револьвер по объявлению за двести пятьдесят рублей.

— Я никогда не носил револьвера, я ненавижу этот способ.

— Хорошо, но завтра в наш дом, может быть, ворвутся грабители и на наших глазах будут насиловать женщин.

Я не могу, не хочу, потому что мне унизительно от высшей природы переходить к низшей, от высшей даже силы к револьверу. Вы бывали на войне и, вступая с войском в захваченный город, видели, конечно, вы обращали, наверное, свое смущенное внимание на иконы святых [в окнах]. Распятия выставлялись на окнах домов рядом с цветами обыкновенной жизни нашей, в окнах с тюлевыми занавесками. Это выставляли те, кто не умеет, не хочет стрелять.

Мне приходит мысль, как в завоеванных городах, повесить крест на двери, выставить в окно икону. И сейчас же приходит в голову, что в нашем доме есть несколько семей евреев и мусульман, у которых нет православных икон. Этим способом я их подвожу под разгром.

Как же быть?

И все-таки чувствуешь где-то в смутной глубине души, не смея назвать настоящим именем, какую-то оборонительную святыню Града Невидимого Отечества.

Есть какой-то, верю я, путь истинный в истинном Граде, и неподдельной красотой там сверкают те же наши [иконы], и не в сундуках лежат, сверкая, украшения тела нашего, алмазы, рубины, топазы, и не политые кровью и не засыпанные навозом — земля украшена цветами, а покровы духа нашего — мертвыми словами газет и общества нарочитым говором.

Не теми словами говорим мы, друзья, товарищи и господа мира сего, наши слова — мертвые камни и песок, поднятые вихрем столкнувшихся сил; есть путь иной и единственный.

Из деревни приехал в город, два месяца ходил я на собрания, в общественные говорильни, слушал внимательно, что говорят, читал записанное в газетах, накопил гору сказанных и написанных слов, и дух мой, спасаясь от гибели, забился в смертельной тоске. Нет, не теми словами говорим мы и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего. Наши слова — мертвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных столкнувшихся сил.

Собираю, пишу картину художественную, нижу слово за словом, привычно подбирая их одно к одному, но вот входит хозяин из очереди и говорит мне, рассказывает ужасное. Я бросил художество и хочу писать для газеты, но слова мои, будто мертвые камни. И то не нужно и это не нужно, что же делать? Входит хозяин с «Биржевкой» и предлагает купить револьвер.

Почему я не с вами?

22 Октября. Гибель уюта. Нет ничего уютнее мечты о Земле и Воле. Тот, кто сидит на земле, не имеет уюта, а кто оставил землю, вспоминает ее как уют, и его тянет туда.

Ленинский дух революционный сродни духу бюрократическому: то и другое оторвано от жизни и разрушает уют.

Революция для одного заключается в отмене «ты»; а другому — в отмене «вы». Ленин так пропускает это.

Как бюрократы, так и Ленинская революция пропускает нечто совершенно необходимое для жизни человека на земле, одно — во имя уюта, другое — во имя революции; уют и устремление — тут виновато какое-то общее число (перемеривать): личность пропускается. Ленин смешивает личность с уютом, и ему жизнь лица есть мещанство. Если я стану защищать личность у Ленина, то все, кто хочет уюта, бросятся со мной, а потом будет опять предустановленная гармония.

28 Октября. День определения положения. Подавленная злоба сменяется открытым негодованием. «Авантюра, авантюрист!» Оборотный вид авантюры. А кто ее начал? На себя! «Авантюра!»

Первый день страха, и человек, повторяющий: «Ничего не будет, теперь ничего не будет, потом, а теперь ничего не будет».

Шатия — красная гвардия (шапка на затылке, сапоги без подметок). Конец черносотенца:

— Шатия напала на меня, а я им говорю: «Ах вы, шатия проклятая, изменники царю, чем вам царь плох?»

— Большевики побиты!

— Слава Богу, теперь будет царь.

Эксцессы на Невском: выстрелы и собачка рыженькая.

Преступление и народ: теперь «введены в заблуждение». Как заваривается на Невском: митинги, разоружают шатию, стрельба.

Фельдфебель о шатии:

— Он затвор не может закрыть, а я взял и говорю ему: «Винтовка есть оружие (по солдатскому требнику)».

Человек с кружкой и белыми погонами крестом. Не видали ли вы, не встречался ли вам где-нибудь такой человек, изможденный, благородного вида, с белыми погонами крестом и с кружкой, меня этот человек почти что преследует, куда я ни приду, везде он со своей речью, которая начинается: «Товарищи, забудем личные интересы» и кончается: «В данный момент по сему высказанному отрешимся от личных интересов».

Электричество то погаснет, то опять загорается, и когда загорается, по всему дому [раздаются] звонки.

Что произошло — вы не понимаете, что это значит, и вот выходите к людям и вдруг понимаете... Определенно немец, Вильгельм, пришел, когда пришли большевики: они чужого правительства.

Население нашего дома, домовый комитет: фруктовщик черносотенец, корниловка, [Марья Михайловна] монархистка, Ефрос. Ант. и ее «шатия».

Фельдфебель:

— А прочие государства придут усмирять.

29 Октября. Почтальон: «Казаки ночью перерезали красногвардейцев».

Газеты «Новая жизнь» и «Воля Народа» передают противоречивые факты о положении «фронта».

Нехорошо, что сам Керенский распоряжается, довольно звука «Керенский», чтобы всевозможные партии стали на дыбы.

Рано заявлять частичные требования (партийные). Смешно читать в «Новой жизни» об устранении «[чуждого]

элемента» при наличии погрома и молчании «буржуазных» газет.

Большевизм рождает бессмысленную вражду одних партий, словесную муть развели большевики, казаки защищают отечество. Значит, и диктовать условия должны победители.

Две господствующие партии боролись с самого начала переворота: социалисты революционеры и социал-демократы. Теперь с. р. имеют претензию использовать поражение большевиков. Значит, не к единению дела, а к новому разложению («А прочие державы»...). Третья возникает сила казаков.

30 Октября. Раньше я не понимал сердцем, почему наши «идейные» старики так ненавидят «Новое время» и как можно так ненавидеть газету. Теперь я совершенно так же ненавижу «Новую Жизнь» и все ее Иудушкино племя. И если так будет продолжаться дальше, то политическая злоба отравит сердце. Вот попробуй теперь сказать, как раньше: «Я стою выше партии!»

Долетел голос в трамвае:

— Кто идет за правду, а кто за деньги.

В Думе устанавливается терпимость к большевикам, значит, слякоть, и Марья Михайловна в отчаянии вопит:

— Я уйду в Жиронду.

— В Жиронду, Марья Михайловна, к кадетам!

— В Жиронду!

О Керенском ничего не известно. Грешный человек, желаю, чтобы его убили, и потом войско его создало легенду и пошло по-настоящему, без разговоров. Мы измучены несогласием соглашений, необходимо что-то высшее партий.

Большевики не партия, а дух, порожденный столкновением партий и их словесным бессилием. Против этого духа помрачения должен подняться дух земли и все очистить.

Позор, принятый в Думу через большевиков, должен быть искуплен, иначе нет у нас отечества. А на это чувство гнева отвечают предложением компромисса.

О Москве ходят темные слухи, соседка барышня рассказывает:

— В Кремле засели большевики, а на Воробьевых горах меньшевики.

И время от времени я слышу это повторение:

— А на Воробьевых горах меньшевики.

Хозяйка моя спрашивает, можно ли завтра ехать за мясом: говорят, завтра бой будет.

— Не ездите.

— Да... положение...— И отойдя в кухню: — Хуже губернаторского.

Принесли ужин, и опять:

— А то поехать?

— Лучше не ездите, да там сами увидите.

— Ну, хорошо: будем ждать текущих событий. Хозяйка моя монархистка и так уродлива, что все боятся ее и принимают не то за ведьму, не то за сумасшедшую, и она может смело говорить правду красногвардейцам.

Сбегал на 14 линию к Ремизову. Едва пропустили. Пропуск спрашивают через окошко в железных воротах. Узнали, пропустили вооруженные охотничьими ружьями дежурные домового комитета. Каждый дом — маленькая крепость. Потом из освещенной электричеством квартиры, от самовара и общества давно знакомых милых людей переходишь в ночную тьму — как жутко! Черно, черно, как чернила, и мелкий дождик идет. Редко встретится испуганный, тоже перебегающий к себе человек. Через железные ворота домов иногда долетают голоса дежурных: «У меня шестизарядный, системы...»

Какая ужасная жизнь! «Господи, умили сердца!» — молятся в церквах.

В редакции сегодня сказали, что одну женщину убили за то, что она продавала «Волю Народа», что газету отобрали и жгли на Невском.

Радуешься возвращению домой, и слышу, хозяйка говорит:

— Что день грядущий нам готовит?

— Ничего не узнал: неизвестно. Завтра, вероятно, кончится.

— Ну, тогда я не поеду за мясом, буду ждать текущих событий.

У Ремизова старик Семенов-Тяньшанский по-старчески учительно, как новую им открытую истину говорил:

— Мы находимся во временах Кромвеля и французской 1-й революции, а они хотят ввести пролетарскую республику. Нам нужна революция во имя [свободных] прав личности: то, что провозглашено в манифесте 17-го окября. Социализм — это антипод свободы личности.

Просто сказать, что попали из огня в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности.

И так сейчас множество ученых, философов, художников и всяких мыслящих людей сидят в крепостях своих домов и думают, думают.

А кончится все животной радостью... Фунтик сахару достанется случайно человеку — и то как радуется, воспоминание, как ел при царе, одному воспоминанию радуется.

31 Октября. Не знаю, как называется тот Бог, с которым я, оказывается, всю свою жизнь советовался, к которому прибегал, который вел меня...

Слово о том, как человек, созданный Французской революцией в 1789 году, превратился во время русской смуты, порожденной всемирной войной, опять в состояние обезьяны. Или сказание о том, как доказала Россия, что человек действительно происходит от обезьяны.

Из беседы с Иваном Васильевичем Ефимовым. Горилла поднялась на ноги.

Горилла поднялась за правду.

В трамвайной толпе яростный шел спор, яростно кто-то стоял за правду и называл Керенского вором.

— А думаете, Ленин не украдет? — слабо возразили.

— Не оправдается Ленин, и его туда же!

Потом нельзя было уловить смысла спора, это было рычание. Я протолкался к рычащему за правду и увидел гориллу...

— Насилие...

— Пикни еще и увидишь насилие.

Кто-то слабым голосом сказал:

— Товарищи, мы православные!

Горилла не утихла, но полезла куда-то еще яростней.

Мы потом об этом слышанном «Товарищи, мы православные» целый вечер беседовали с Иваном Васильевичем.

«Товарищи» — это одно сочетание, а «православные» — совершенно другое, и так странно казалось, что в этой фразе «Товарищи, мы православные» соединилось столь разнородное, будто между теми и другими кто-то поставил знак сложения: товарищи + православные, а результат сложения — ярость гориллы.

Вот этот вопрос, почему союз трудящихся — товарищи и союз верующих вместе взятые превращают и товарища, и православного в гориллу, мы с Иваном Васильевичем и обсуждали.

Мы отбросили, с нашей точки зрения, несущественное в большевиках-солдатах, что они будто бы изменники, что они утомились и хотят мира, что они разбаловались в Петербурге и всякое другое, мы взяли только существенное, что эти солдаты простые, малограмотные крестьяне, выросшие под влиянием церкви, воспитанные на идее необходимости подавить личное начало ради чего-то высшего. В конце концов, это те униженные и оскорбленные, которым Достоевский давал утешеньице: «Терпите, Константинополь будет наш, и се буде, буде!»

Конечно, тут не в слове дело: мало кто знает из них, что такое Константинополь и на что он нам нужен, важно то — это слово создает моральное состояние, сознание какой-то общей правды, за которую в ближайшие наши годы умерли сотни тысяч людей. Так что будем называть этот город Константинополь хотя бы «Китеж, невидимый град».

Неважно то, что как кто говорит про себя, верую или не верую, ходит молиться в церковь или не ходит, важно, как живет, и неважно, что скверно живет, ну, его осудят, а все-таки в этой же плоскости миром осудят, скажут: «Искариот

— изменник града, этого самого невидимого града Китежа».

Вот что значит: мы — православные.

А с другой стороны: мы — товарищи. Опять не я, а мы, потому что все эти люди, бабушка русской революции, Вера Фигнер, шли аскетическим путем, отказываясь от себя лично во имя государства будущего. Недавно мне рассказывали, будто Ленину в Финляндии захотелось посмотреть музей искусств, а где он находится, Ленин не знал. Спросил кого-то из знакомых и сказал ему: «Только никому не говорите...»

Нельзя, чтоб говорили о Ленине, будто он наслаждается искусством.

И так шло с двух сторон: православные умирали за невидимый град, а товарищи за видимый град на земле, но сами этим градом пользоваться не смели, ни видимым, ни невидимым. Другими словами, православные назывались народ, а товарищи — интеллигенция. Между теми и другими были русские европейцы, которых теперь называют кадетами и буржуазией: эти стояли за свободу личности.

Ни народ, ни товарищи, однако, оправдания этой свободе в русских условиях не находили и кадетов всегда ненавидели и теперь перенесли эту ненависть на всю по-европейски реформированную интеллигенцию, и теперь сделали ее пищей гориллы.

Так что в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных.

— Мы, товарищи, православные!

Все равно — град видимый товарищей или невидимый град православных, ворота в этой обители верующих узкие и войти в них можно только поодиночке, один за другим, и не у всех сразу, а у всех по имени спросит Архангел пропуск.

Вот это главное и упустили товарищи. Православные шли этим путем вместе и в невидимый град через узкие врата смерти поодиночке. А товарищи впустили всех сразу, без всякой подготовки, чистилища.

Хотя бы посмотрели, как в церкви идут люди прикладываться к чудотворной иконе: идут по одному, каждый пе-

ред этим оправится, выстоится и, когда черед дойдет, приложится честь честью и непременно каждый по-своему, по своей манере.

«Мы, — говорят, — все равны!» Ну вот и посмотри, как равны, один шел с благоговением, и того одного затолкли и все изломали, истоптали и стало ни на что не похоже, и град невидимый стал городом Петербургом, оскверненным, загаженным, и люди стали гориллами.

Я наблюдал за этими товарищами и православными и в церкви и в городе — одно и то же везде. Начинается все прекрасно, все вдруг вместе радостно чувствуют, что вот это имение, этот город и эта прекрасная столица с золотом на стенах дворца — все это наше, а потом все ринутся и, не зная, что такое священное «мое», прямо переходят в «мое гориллино» и спешат [скорее] отломить со стены града золото, берут в руки золото, а это никому не нужная позолота.

И подсвечники оказались не золотые, а бронзовые.

Смотрите теперь: сами отворившие град испугались и говорят, что все объясняется необразованностью народа, и все вопят кругом, что народ темный, понимая в этом чуть ли не грамотность.

Но ведь мы же знаем, что грамотность и образование делают людей чище только снаружи: грамотные люди изменили родине и предали ее на растерзание немцев?

Нет, не хватает не образования, а просвещения, не хватает нового крещения и кропления святой водой. Православные люди жили плохо, но умирали хорошо, а товарищи должны приготовить хорошую жизнь, а для этого опять-таки нужно пройти через чистилища личности.

Еще мы беседовали с Иваном Васильевичем о пораженчестве, и общая мысль наша была такая, что хлыстовство так же относится к православной церкви, как пораженчество к русскому государству. И хлыстовство приводит к Распутину, а пораженчество — к Троцкому.

Начало же пораженчества мы рассматривали на примере новгородского купца Артюшки, промотавшего имущес-

тво отца своего: «Девки, бабы сс-те на меня, новобранец нынче я!»

Мещанство. Дон-Кихот скучает. Однажды Дон-Кихот остался один: Санчо куда-то ушел. За водой пришлось идти, дров нарубить и т. д.

В ночь на 2 Ноября: караул. Оружие всякое кучей стоит. Черные железные ворота. Москва разгромлена. Керенский отступил. С юга движется Каледин. Горилла в казармах: ей не нужны ни большевики, ни эсеры, ей нужно исполнение обещания. Большевики победили, потому что они не интеллигенты, и прямо взялись за казарму и фабрику, не сидели, как эсеры, в кабинетах.

2 Ноября. Хоронили еврейку Веру Слуцкую в красном гробе с оркестром, публика с отвращением смотрела и делала замечания:

— Опять представление, кому это нужно!

— Чертей хоронят.

Вот сравнить с Апрельскими похоронами.

Женя, Катя и Соня спрашивают меня, кто у нас Марат, не раз и не два спрашивают и, наконец, я догадался: девочкам хочется разыграть роль Шарлотты Корде.

Так у нас с марта месяца все революционеры представляют Французскую революцию и теперь дошли до такого азарта, что вовсе забыли о театре, и лупят актеры Французской революции друг друга по-настоящему.

Сомнение о слове «человек» в нашем употреблении: сомнение о человеке, созданном Французской революцией, и превращение его опять в обезьяну.

6 Ноября. Роман во время голода, Козочка в начале революции и в конце: безалаберщина на службе, в еде, мать уезжает, семья распадается, и она достается кавказцам (симпатяги). Начальник Окулич, здоровенный человек,

прямой, честный, патриот, устраняется со службы, попадает в подполье.

Моя чиновница-монархистка швырнула избирательные списки и сказала: «Я за царя!»

Шатия развела костер (в ранней очереди) и горящими стружками бросала в стоящих в очереди женщин. Они кинулись на шатию — безобразную, страшную...

Фельдфебель учит красногвардейца обращаться с винтовкой по уставу, и он сам не за большевиков, не за казаков, и тех, и других критикует.

7 Ноября. Большевистское нашествие, в сущности, есть нашествие солдат с требованием мира, это нашествие первого авангарда развалившейся армии, обращенного на свою страну, затем пойдет сама армия за хлебом.

Основная ошибка демократии состоит в непонимании большевистского нашествия, которое они все еще считают делом Ленина и Троцкого и потому ищут с ними соглашения.

Они не понимают, что «вожди» тут ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное и дело нужно иметь не с идеями, а со стихией, что это движение началось уже с первых дней революции и победа большевиков была уже тогда предопределена.

Летом к нашему берегу на Васильевском приплыла барка с дровами, всю середину улицы завалили швырком. И все лето, пока было тепло, в этих дровах была солдатская Вальпургиева ночь. Теперь, осенью, треньканья балалайки прекратились в дровах, иногда отсюда слышатся выстрелы: раз! и два! потом, словно подумав немного — три и, бывает с разными промежутками и четыре, и пять, и шесть. Вчера мне объяснили эти выстрелы: воров расстреливают в дровах.

Нева плещется о железные пустые баки и от этого кажется: где-то из пушек стреляют. Многие, проходя здесь, прислушиваются к этим звукам и принимают за выстрелы

и начинают разговор о Дикой дивизии, о каком-то корпусе, посланном с фронта выручить Петроград, о флоте, который должен обстрелять войска с моря. Многие, проходя здесь и слушая рассеянно глухие удары волн о железные баки, начинают один и тот же разговор о том, кто выручит, кто освободит Петроград от тиранов.

Прислушиваясь к глухим ударам волн, похожим на выстрелы, я хожу возле черных железных ворот нашего дома с винтовкой, из которой не умею стрелять: я охраняю жильцов нашего дома от нападения грабителей. В тесном пролете я хожу взад и вперед, как, бывало, юношей ходил из угла в угол по камере тюрьмы с постоянной мыслью, когда же освободят меня, когда мир освободится от власти капиталистов, когда настанет всемирная освободительная катастрофа, когда настанет, по Эрфуртской программе, диктатура пролетариата.

Вот совершилась теперь мировая катастрофа и наступила диктатура пролетариата, а я по-прежнему в тюрьме, и лучшие часы, когда так я хожу с винтовкой, из которой не умею стрелять.

Я в нее теперь не верю, и если бы она совершилась, я бы ее не принял за решение, потому что я знаю теперь, что врата рая открываются и Архангел пропускает туда поодиночке опрошенных святых.

Девочки-гимназистки Катя, Женя и Соня приходят иногда посмотреть на меня и посмеяться на мой воинственный вид с винтовкой, из которой я не умею стрелять. Они покупают антоновку, и мы едим яблоки из мешочка и смеемся. Сегодня они приходят серьезные, бледные, сегодня у них заговор какой-то. Девочки спрашивают:

— А кто из них Марат?

Я понимаю: им хочется разыграть роль Шарлотты Корде и освободить Петроград от тиранов.

— Ленин или Троцкий? Кто больше похож на Марата? — спрашивают гимназистки.

В ответ я стал им рассказывать про Архангела, который стоит на карауле у дверей, спрашивает имена достойных людей и пропускает поодиночке всех.

Я им сказал, что большевики [похожи] на Ленина и Троцкого — это авангард разлагающейся армии.

— А где же Марат? И кто Марат?

— Нет никого...

8 Ноября. Вошел ко мне один из них *<2 нрзб.>* клоп с папироской во рту и стал разговаривать о политике: признает огромное мировое значение за большевистским переворотом.

— Россия,— сказал он,— со всеми своими естественными богатствами представляет колоссальное наследство. Большевики разорвали завещание, и спутали все карты, и вызвали всеобщий мировой передел.

Потом он стал мне раскрывать о мировом значении кусающихся насекомых.

— Велик ли клоп,— сказал он,— а укусит ночью, и громадный человек просыпается.

На Октябрьское восстание у меня устанавливается такой взгляд: это не большевики, это первый авангард разбегающейся армии, которая требует у страны мира и хлеба.

Подпольно думаю, не вся ли революция в этом роде, начиная с Февраля? Не потому ли и Керенского так ненавидят, что он стал поперек пути этой лавины?

Входит хозяйка из керосиновой очереди и великую новость сообщает:

— Ленин хочет объявить Германии войну!

— Причины: дерзкий ответ Вильгельма большевикам на предложение мира.

Хозяйка видела двух матросов Балтийского флота, сказала им новость, и они будто бы ответили:

— Будем драться до полной победы.

Слышал о каких-то блуждающих корпусах, называли несколько нумеров и мест их блужданий, не помню точно ни нумеров, ни переходов, а так слышать странно:

— Блуждающие корпуса.

В детстве, помню, так же загадочно, необыкновенно говорили про умирающую тетушку:

— У нее блуждающие почки!

И все похоже на смерть тетушки с богатым наследством: она умерла без завещания, <*3 нрзб.*>.

Странная женщина моя хозяйка, она совершенно не признает переворота и ежедневно молится за царя, и что он жив, то считает, будто он и царствует. Мне, как образованному и вообще высшему существу, она прощает всякое отношение к царю, но простым людям в очередях, даже красногвардейцам, прямо говорит:

— Вы изменник царю.

Красногвардейцев она называет «шатия», шатающиеся люди, все эти [люди], кто кормится крохами с царского стола,— черносотенцы.

Ее не трогают, потому что считают за сумасшедшую. Сегодня принесли избирательные списки, она пересмотрела и спросила:

— Который же за царя?

Ответили:

— У нас республика. За царя нет.

— Я за царя,— сказала она. И бросила списки.

Керенского она ненавидит.

На сегодня, слава Богу, я освобожден от дежурства у ворот с винтовкой, из которой не умею стрелять, и могу вечером записать о дне прошедшем. Ничего яркого: всеобщая забастовка против большевиков. Даже сосед мой, художник, перестал писать картину. Он писал и во время войны, и во время революции, днем при свете масляными красками, вечером при электричестве акварелью, при открытой форточке, через которую слышались выстрелы. Он был моим утешителем. Теперь сказал:

— Не могу.

На улице мороз и снег лежит. Бывало, радуешься и слышишь:

— С обновкой, с обновкой.

А теперь думаешь об армии, что она голодная и холодная.

За день на трамваях и на улицах много раз слышишь язвительные замечания насчет 3/4 фунта хлеба на два дня:

— А обещали!

И видел я на Невском много лошадей, которые подохли от истощения.

Неужели так скоро будет и с нами? Кто выручит нас, кто разделит между нами наследство умирающей матери, неужели мы доведем до суда? Если дойдет до суда (Европы?), я от своей части отказываюсь.

Талант — это быт внутреннего свободного человека, это дом свободы.

Мы все смеялись над племянницей моей Соней, как она весной прыгала по революции, восхищалась красными флагами, пела вместе с толпой «Вставай, поднимайся», и прозвали ее Козочкой.

Как она раз после одного выстрела из пушки прибежала к нам в восторге:

— Вот такое ядро над головой пролетело! И показала руками диаметр в аршин. Как мы смеялись!

Теперь Козочка больше не прыгает: она ничего не боится, но ей все противно на улице и стрельба теперь ненавистна. Раз видела где-то в театре красивого кавказца и от душевного голода влюбилась в него. Идешь с ней по улице, вдруг вся преобразится и сияет радостью.

Увидела где-то своего легендарного кавказца.

Наверно, не тот, но все равно похоже, лишь бы имел вид кавказца.

В церкви много народа, священник молится:

— Господи, умили сердца!

А на улице за оградой церковной кто-то спрашивает:

— Ну, пришли хоть к какому-нибудь соглашению?

Отвечает другой:

— Никакого не может быть с ними соглашения.

В церкви молятся:

— Умили сердца!

А я молюсь за церковной оградой: Господи, помоги все понять, все вынести, и не забыть, и не простить!

Скорбная приходит ко мне Козочка: ей бы только прыгать да песенки петь — семнадцать лет! а вот она такая взволнованная, брови рожками, лоб наморщенный — задумала Россию спасать, спрашивает:

— Кто у нас Марат?

— Ты хочешь, как Шарлотта Корде?

— Да, я хочу. Кто Марат: Ленин, Троцкий? Кто похож на жабу?

— На жабу никто не похож, деточка, но, может быть, не побрезгуешь убить Шимпанзе?

— Обезьяну? Нет, обезьяну не хочу.

Пристала и пристала: подавай ей настоящего Марата, похожего на земляную жабу.

Думал я думал, что с голодной бешеной девкой делать, и достал ей билет на Шаляпина, прослушал с ней певца, и забыла про Шарлотту Корде.

Отвел Шаляпин сердце девочки или долетела молитва из церкви:

— Господи, умили сердца!

Радуюсь я за Козочку, <*2 нрзб.*>, слава Богу, миновала чаша ребенка, а для себя, потихоньку твержу неустанно, но верно свою молитву, обращенную к неведомому, но верю, твердо верю настоящему Богу: «Господи, помоги мне все понять, все вынести, и не забыть, и не простить!»

11 Ноября. У последнего конца.

Мар. Мих. говорит, что слышала от лица, бывшего в штабе Савинкова, еще до восстания Корнилова, что Керенский сказал Савинкову: «Вместе с Корниловым вы вызываете контрреволюцию, я умываю руки».

Одни говорят, что все дело погубил Керенский, другие — Савинков. Ненужно разбираться в документах для выяснения этого. Ясно, что Савинкову нужен был Корнилов для подавления Советов, а Керенский примыкал к Советам. И оба погубили себя, один генералом, другой Советом.

Всюду говорят, что социалисты-революционеры погубили и себя, и Керенского, не оказав ему поддержки.

Вся революция показывает невероятное непонимание демократической интеллигенцией народа и обратно. По-видимому, первопричина этого непонимания лежит в различии самой веры первых революционеров и веры народа. Большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции. Большевистский интернационализм ничто иное, как доведенная до крайности религия человечества. Это и погубило Россию, а не как теперь говорят: погубили Советы, погубил Савинков, погубил Керенский (меньше всех виноват Корнилов).

Еще часто говорят, что Правительство с самого начала должно было заявить державам, что мы не можем воевать: в результате худшим было бы нынешнее положение. Но это явно было невозможно, потому что тогда громадное большинство населения было на стороне «буржуазии».

Собирается крестьянское совещание — последние судороги партии с. р-ов: в угождение армии хотят выдвинуть Чернова. Напрасные усилия: при германской поддержке русское общечеловечество будет доведено до своего последнего конца.

В процессе движения к интернационалу целые группы интеллигенции свертывали с пути, заключая компромиссы с народной верой (нар. социалисты),— так возникли зародыши патриотизма.

12 Ноября. Армия не существует, золото захвачено, общество разбито, демократия своими руками разрушает фундамент своего жилища — что же есть? Плывущие по воде предметы, за которые можно ухватиться: Чернов, который популярен еще в армии через свое понимание зе-

мельного вопроса, Учредительное Собрание при заткнутых ртах? А что будет дальше? Все пожимают плечами, и слово «оккупация» у всех на устах.

И вот подумаешь: «А что было, может быть, ничего не было?» Была маниловщина и больше ничего.

Политические деятели, как бешеные, и спорят теперь уже не о будущем, а о прошлом: кто виноват. Работает задний ум. Спорят — как нужно было поступать Керенскому. Один говорит, надо было уйти, другой говорит, что уйти было невозможно.

— А кто у нас не Манилов?

Бурные волны разогнали с утеса царственных птиц, разбегаются, прыгают и скатываются пеной. Придет время, конечно, размоют волны утес, но эта буря пройдет так, утес останется, разлетевшиеся в бурю хищные птицы скоро опять сядут на вершину, а мягкие волны опять будут лизать и подмывать.

Разбежались бушующие волны океана, ударили о гранит, смыли царственных птиц, и неведомо куда разлетелись хищные орлы.

Бушуют, бьют волны, не дают садиться никому на утес. Но скоро они утихнут, и птицы опять полетят на утес.

Скоро опять будет утро и на утесе орел, а внизу мягкие волны будут по-прежнему лизать гранитную скалу, и не зная, что так размывая гранит — подножие власти, они ближе к цели, чем в бурное время.

Говорили раньше: «У нас в России». Теперь так не скажешь: где это у нас, какое это наше такое пространство и кто эти мы, русские, пожирающие друг друга чудовища.

Мы теперь находимся в антракте перед новым действием, в котором будут принимать участие иностранцы.

Родина стала насквозь духовной, мы знаем, что это никто не может отнять у нас и разделить, но не ведаем, как воплотится вновь этот дух.

Гость сказал: — Россию погубил не Совет с. р-ов и с. д., а погубила самочинная шайка Исполнительного Комитета: выступления Бабушки и «Марсельеза» — все это красные флаги, которые дразнили быка.

Ходишь:

— Чай! Чай!

Кончился, говорят, чай, а в лавочке нету.

— Ну ладно, давайте кашу.

— Крупы нет, вот сало и больше ничего.

Поел сала и опять махать крюком. И вот есть же, значит, в земле не одна война и разделение, есть в ней и союз: как ни худо, а мечта [остается] о каком-то настоящем покосе. (Военная организация и школы прапорщиков сельского хозяйства.)

Обобществление: помещик думал, что это на него валится, а оно на всех. Черный передел.

21 Декабря. Не уехал в деревню — тут остался, в аду.

Посещение Тат. Вас. Майской: догорает закат.

Настоящая буржуазия и что под этим словом теперь.

А мои спутники по «Воле Народа» — истинные мещане.

Я отвечал: — Тем хуже мещанство, но Адам, который занял землю и устроился благополучно,— мещанин настоящий. И второй Адам пришел, когда земля занята,— кто из них лучше?

Разрешение — страдал второй Адам — вопрос насыщения его, а не духа.

«Вопрос о мерах к ослаблению роста революционного движения дошел даже до палаты лордов и вызвал здесь чрезвычайно любопытные дебаты» («Новая Жизнь», № 207).

На улице метель. После двенадцати, когда потухло электричество, мы зажгли купленную в монастырском подворье восковую свечу и продолжали беседу.

Упрекали меня, что я написал: «Русский народ погубил цвет свой, бросил крест свой и присягнул князю тьмы Аваддону».

— Аваддон,— говорили,— это дух мещанства, корысти, а русский народ глубоко страдает, лица рабочих и солдат — это лица больных, тут убийство, и покаяние, и всё — только не лоснящееся благополучие духа тьмы. Черту русский человек не переходил.

Начался длинный спор. Большинство было против меня, и посетитель, самый прямой человек, сказал:

— Да, я думаю тоже, что черты русский человек не переходил и во всех своих гадостях он может покаяться. Найдется выход.

Вздохнув, кто-то сказал:

— Да, тяжело быть палачом в стране, где многие святыни созданы разбойниками.

На это простой человек из чайной сказал:

— Русскому человеку нужно пуп от Бога отрезать, тогда все и определится: на одной стороне будет добро, на другой зло. А пока будет Бог, все будет путаться.— Подумав, он прибавил: — Когда пуп отрежете от Бога, то человек будет заключен в себе и разбойнику тогда выхода не будет к нам через «тот свет»: тогда разбойнику голову отрубить будет очень просто.

Мы спросили, каким же способом русскому человеку можно пуп от Бога отрезать.

И раздумчивый человек на это нам так ответил:

— Тут не нужно стараться: когда наперекор идешь, то еще больше в божественном вязнешь. Способ дан: пойдут от немцев дешевые ситцы, и всякая штука, и ученье для выгоды, и расчет жизни — так само собой и отрежется пуп, и человек будет заключен, выхода ему не будет.

— А что Керенский, что большевики,— говорил он еще, это, по-моему, все равно, они все наперекор божественному идут, но мыслимо ли долгое время все наперекор, придет час — умирятся, и цап! их и покрыло божественным покрывалом голубым. Хулиганчики разные хулиганят по винному делу, пукают из винтовок, топят в Фонтанке людей, в тюрьмы сажают буржуев праведных и благоразумных. А придет час, и покаются, какие хорошие станут. Выйдут из тюрьмы тогда буржуи праведные и скажут в умилении: хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас было божественного!

— Только,— продолжал, раздумывая, человек,— теперь это не будет, немцы не дадут, отрежут, потому что правильно вы сказали...

Он обратился ко мне:

— Русский человек перешел черту, и к прежнему возвратиться ему невозможно.

Мы хотели еще поговорить об этой черте, но вдруг погасло электричество. Ощупью мы выбрались из темного дома на улицу и в разные стороны разошлись.

На улице была метель и ни одного человека, все равно как в самой глухой пустыне. Внезапно охватил меня страх, и я бросился бежать к Большому проспекту в надежде, что там увижу людей и трамваи. Но и на Большом никого не было — стало еще страшнее, и еще быстрее бежал по Большому к своей линии. Завернув на свою линию и уже недалеко от своего дома увидел я: в метели мчалось на меня что-то огромное, черное.

Поморозило меня и пробежало в голове:

— Ужо тебе!

И вдруг это огромное, черное стало маленькой черной собачкой.

Так из метели вышел пудель, а когда я в своей квартире вспомнил разговор наш, то из пуделя вышел какой-то русский Мефистофель и все говорил мне:

— Русскому человеку нужно пуп от Бога отрезать.

Общее положение

На вопрос мой одному крестьянину: «Кому теперь на Руси жить хорошо?» — он ответил: «У кого нет никакого дела с землей». Солдат ответил: «У кого нет дела с войной», купец — с торговлей. Словом, всем плохо выходит.

Значит, если есть какой-нибудь смысл в событиях, то смысл этот заключается в сознании людей в жертве своим настоящим для будущего.

Тогда я опять спросил крестьянина, чем он теперь жертвует. Он ответил, что ему плохо, но жертвы он не приносит.

Солдат сказал: «Довольно жертв!» Купец: «Мы сами жертвы, а какому Богу — неведомо».

Так, расспросив разных людей, я не нашел в них смысла текущих событий по их ответам и понял одно: все эти люди ждут или чают чего-то лучшего — огромная масса людей только чающие, как те калеки, которые ожидали движения воды в Силоамской купели.

Другая сторона — те, кто обещает спасение, кто жертвует собой, чтобы сдержать обещание,— кто же эти люди, оценкой действий которых историк по старым приемам осветит время, потерявшее [всякий] смысл?

В России не вижу еще таких людей, но слуг их знаю, они работают на каких-то хозяев мирового дела. Кто же эти хозяева? Вхожу в интерес мировой истории — очень интересно, вот сегодня делаю вырезку из газеты: но как, как это жить повседневно, не могу: вот, например, по-прежнему называют русских свиньями и иначе не называли [как] свинья, так французы тоже нас так называют.

И перехожу к Вильгельму, Ллойд-Джорджу, к организованным рабочим всех стран, выписываю из газет — любопытные дебаты. И так приближаюсь к какому-то мировому смыслу — очень интересно, и я решаю: значит, все дело там, и предаюсь этому делу.

Конечно, европейцы: там ключ всему. На одной стороне Вильгельм со своим народом, на другой стороне Англия. Просвещенная часть русского общества стояла за Англию, ожидая от нее устройства такой жизни, в которой будет обеспечено существование личности с европейски организованными способностями. Простой народ воевал за царя, образованные, чтобы свергнуть царя. Немцы во всех отношениях ближе к русскому народу, чем англичане, и потому, когда царь был свергнут, то воевать за англичан стало ненужно. Тогда образованная часть русского общества [отвернулась] от народа, царь свергнут, но то, из-за чего он свергался, не пришло.

В настоящее время весь народ русский находится во власти сил мировой истории человечества и покорно предался их воздействию на себя. Теперь все русские люди спе-

шат занять удобные места в зрелище, за которое заплатили так дорого.

30 Декабря. Когда стучусь к Ремизову и прислуга спрашивает: «Кто там?» — я отвечаю, как условились с Ремизовым, по-киргизски.

— Хабар бар?

Значит, есть новости.

Девушка мне отвечает со смехом:

— Бар!

И я слышу через дверь, как она говорит Ремизову:

— Грач пришел!

Киргизские мои слова почему-то вызывают в ней образ грача, и всегда неизменно. Сама же Настя белая, в белом платочке, и притом белоруска. Кто-то сказал ей, что Россия погибает. Сегодня она и передает нам эту новость: Россия погибает. И на вопрос мой киргизский: «Хабар бар?»

— Есть,— отвечает,— Россия погибает.

— Неправда,— говорим мы ей,— пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

— Как,— спрашивает,— Леу?

— Толс-той.

— Леу Толс-той.

Пушкина тоже заучила с трудом, а Достоевский легко дался: Пушкин, Лев Толстой и Достоевский стали для Насти какой-то мистической троицей.

— Значит, они нами правят?

— Ах, Настя, вот в этом-то и дело, что им не дают власть, вся беда, что не они. Только все-таки они с нами.

Как-то пришел к нам поэт Кузмин, читал стихи, Настя подслушивала, потом спрашивает:

— Это Леу Толстой?

Потом пришел Сологуб, она опять:

— Это Леу Толстой?

Ей очень нравятся стихи, очень!

Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке

пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе:

— Не верьте ему, товарищи, пока с нами Леу Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

31 Декабря. Есть люди, которые живут на ходу,— остановился и стал бессмысленным. И есть читатели, которые массу читают, но после прочтения ничего не помнят. Так теперь, похоже, и мы все в государстве Российском в заключение Нового года: испытав такую жизнь, никто не знает, что будет дальше и что нужно делать.

Я вам скажу, что нужно делать: нужно учиться, граждане Российской республики, учиться нужно, как маленькие дети. Учиться!

Комментарии

Настоящий том представляет собой второе издание книги М. М Пришвина «Дневники 1914-1917», изданной в 1991 г. В ходе подготовки тома к переизданию в архиве Пришвина (РГАЛИ) была обнаружена папка под названием «Отдельные листы 1914-1916», которая находилась внутри материалов, относящихся к «Раннему дневнику» (1905-1913). До сих пор считалось, что дневник 1916 года, за исключением нескольких записей, включенных в первое издание, утрачен. Анализ обнаруженных архивных материалов позволил восполнить в настоящем издании этот существенный пробел. Несколько записей 1914 и 1915 гг. также были включены в дневник

При подготовке текстов слова, которые не удалось прочесть по рукописи, обозначаются в тексте угловыми скобками <> либо даются предполагаемые составителем слова в квадратных скобках [].

Комментарии и алфавитый указатель в данном издании переработаны.

В алфавитный указатель не включаются имена неизвестных по биографическим материалам Пришвина крестьян, людей, которых он встречает во время поездок на фронт в годы Первой мировой войны или в Петербурге в течение 1917 года.

Дневник Михаила Михайловича Пришвина (1873-1954) представляет собой уникальный документ, хронологически охватывающий пятьдесят лет (1905-1954) — годы катастрофической ломки всех форм жизни.

Первые сохранившиеся страницы дневника относятся к 1905 г., обозначившему начало новой политической ситуации в России, а последние записи сделаны в январе 1954 г.— дата, позволяющая говорить о начале кризиса сложившейся политической системы.

Таким образом, текст дневника воссоздает подлинное лицо целой эпохи, связанной с процессом насильственного переустройства мира, в котором существование и творческая деятельность личности неминуемо сопряжены с трагедией. Пришвин ощущает себя выразителем этого, в его понимании, главного содержания эпохи: «Хочется и надо — это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь».

Текст дневника представляет собой некое двуединство, в основе которого лежит интуиция коллективной души народа и творческой личности. При этом очень существенно, что путь Пришвина как писателя определяется стремлением не сочинять, а воплощать коллективную душу народа в форме сказки или мифа («Не сочинительство, а бессознательное поэтическое описательство»).

С одной стороны, дневник как особый жанр, свидетельствующий о стремлении художника выйти за границу искусства, раскрывает присущую искусству тайну, делает возможным прямые идеологические высказывания и логические обобщения. Дневник Пришвина содержит огромный пласт исторических и жизненных реалий — эклектичный, хаотичный мир дневника соответствует действительности. С другой стороны, своеобразие дневника заключается в том, что даже в этом жанре Пришвин сохраняет художественный способ познания мира. Важной частью дневника Пришвина является связь с его художественным творчеством: в дневнике часто впервые появляются художественный образ — исток будущего произведения, синтезирующий смысл того или иного события, черновые варианты рассказов или очерков, которые часто без всякой обработки переносятся в художественное произведение или становятся им. Важной особенностью дневника оказывается рефлексия писателя на собственный художественный мир, свой творческий путь.

Отличительной чертой художественного стиля Пришвина, присущей ему с первых произведений, является антиномичность субъективного и объективного, исповедального и очеркового, экспрессии художника и материала. В дневнике эта антиномичность приобретает особенную силу:

факты реальной жизни, сохраняя на первый взгляд абсолютную случайность, предстают перед нами, овеянные потоком поэтического сознания, который выявляет их лицо, их смысл. Это так существенно, что без натяжки можно сказать: дневник Пришвина представляет собой единый художественный текст, в котором текст дневника каждого года часто организуется вокруг одной, главной темы, выступает как бы завершенным фрагментом целого.

Если для обыденного сознания хронология — в значительной степени условный ритм жизни (календарь), то в художественном сознании Пришвина это факт художественного мышления, выражающий единство природного, исторического и человеческого времени.

В дневнике 1914 г. главной темой становится женское движение, которое рассматривается писателем в широком контексте русской и мировой культуры (Венера, образы Гёте и Гоголя, идеи Розанова). В свете женского движения получают интерпретацию вопросы истории (памятник Екатерине, образы женщин-революционерок), общественное движение (диспут по женскому вопросу, «передовая» женщина), проблемы семьи, брака, материнства, любовь, христианская проблема девства, проблема личности, идеи женственности коллективной русской души и женского начала в творчестве.

В пришвинской метафизике мужского и женского обращает на себя внимание следующее соотношение: женственность русской души — творчество легенды — женственность самой личности художника.

С августа 1914 г. ведущей темой в дневнике становится война. Но предметом внимания писателя являются не военные события сами по себе. Война становится своеобразной призмой, сквозь которую воспринимается теперь образ России: возникает оппозиция «Россия — Германия», встает вопрос о русском национальном характере, об исторической судьбе России. Война в дневнике существует как событие, нарушившее историческое течение времени и обнажившее в жизни ее архаическое, реликтовое основание («По образу жизни люди возвращаются к народам кочующим», «дух наш возвратился к вопросам первобытных времен»). Это возвращение чревато возможностью социального срыва в обществе, что Пришвин пророчески предвидит уже в августе 1914 г. («если разобьют, то революция ужасающая»): победа представляется ему в это время единственной возможностью сохранить преемственность истории.

Однако в 1915 г. катастрофический ход событий становится очевидным («это страшный суд начинается»), и на этом фоне возникают две важные темы, которые впоследствии получают развитие в дневнике революционных лет: тема отцеубийства («интеллигенция... убивает отчее, быт») и тема движения русской религиозной души в сторону мифа о земном рае («Последствием этой войны, может быть, явится какая-нибудь земная религия»).

Война в дневнике Пришвина предстает символом мужского дела («настоящей женщины нет на войне... все сопротивляется ей»), но в то же время в сознании писателя происходит сложное сопряжение мужского и жен-

ского: война сравнивается с родами — то и другое связано с творчеством новой, неизвестной жизни.

Очень важно отметить, что в творческой судьбе Пришвина-писателя война сыграла особенную роль. На фронте, куда он попадает в качестве корреспондента, к нему приходит постижение природы, как части космоса, то есть мира упорядоченного, осмысленного человеком, внутри же хаоса, который приносит война, места природе не находится («почему на войне исчезает природа?»). На войне он обнаруживает связь природы с творческой природой человека и поднимает вопрос о соизмеримости природного и человеческого ритма, о природе сопереживающей, сочувствующей или «равнодушной». Кроме того, война предельно обострила восприятие — так или иначе в 1915 г. впервые отдельные картины природы сложились в дневнике в мощную общую картину весны. Природа осознается Пришвиным как та сфера, в которой он с определенностью чувствует себя художником.

Дневник 1916 г. зафиксировал уникальную точку зрения писателя – из глубины провинциальной русской народной жизни, в которой он ничего не изучает, а живет как все: писатель-пахарь, собственник земли. И это положение открывает ему новый угол зрения на войну: оппозиция «Россия – Германия» превращается в оппозицию «русские – немцы» («В этой войне мерятся между собой две силы: сила сознательности человека и сила бессознательного. Мы русские – сила бессознательная, и вещи наши на место не расставлены») и постепенно вообще перестает быть оппозицией («В конце концов: мы заслужим порядок, закон, мы поставим вещи на свое место, а немцы потеряют это, но зато получат вкус и радость глубины»), а становится способом культурного диалога. С этой точки зрения крайне интересным оказывается появление пленных австрийцев в качестве работников, которые становятся носителями европейской культуры в русской провинции. В то же время во всей глубине раскрывается перед писателем двойственность русского национального сознания, эта загадка русской души, предстоящая всему миру («почему русский человек, каждый в отдельности - жулик, вор, пьяница, вместе взятый становится героем», «Кто-то из иностранцев сказал, что Россия не управляется, а держится глыбой»). Так или иначе, Пришвин понимает, что война до последних основ потрясла мир («Как завеса спало с мира все человеческое, и обнажился неумолимый механизм мира»), обнаружив предел возможностей культуры («как мало живут по книгам, а оттого, что нас с детства учили, кажется нам, будто книга — самое главное»).

В первой записи дневника 1917 г. появляется мотив двойственности, которая в русской культуре традиционно связывалась с Петербургом. Пришвин воспроизводит ситуацию, в которой оппозиция реального и нереального, жизни и идеи теряет четкие очертания. Двойственность пронизывает человеческое существование, деятельность петербургских министерств, трагически обнаруживается в положении императора, а затем и в процессе формирования новой власти. Изменяется и положение самого Пришвина: был писатель, а теперь писатель-пахарь, собственник земли. Наконец, эта

двойственность проникает в само слово («О мире всего мира!» — возглашают в церкви, а в душе уродливо отвечает: «О мире без аннексий и контрибуций»). В течение всех последующих лет Пришвин отмечает проблему языковой трансформации реальности под воздействием навязанных языку идеологических стереотипов («И как сопоставишь это в церкви и то, что совершается у людей, то нет соответствия»).

Революция обнаруживает свою подлинную природу, несущую умаление, уничтожение бытия. Это, по сути, оказывается продолжением движения к примитивным формам жизни, и смысл ответа на исконно русский вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» заключается в отказе от настоящего, реального — теряется связь с бытом, домом («хорошо бродячему, плохо оседлому»).

В дневнике 1917 г. идея отцеубийства соотносится с библейской притчей о блудном сыне, получая одновременно историческое и религиозное измерение («социализм говорит «нет» отцу своему и отправляет блудного сына все дальше и дальше»).

В 1917 г. Пришвин необычайно чуток к самопроявлению народной стихии. Народная жизнь приходит в движение и обретает голос, и народное сознание мгновенно персонализирует этот голос. «Митинга видел»,— записывает Пришвин чьи-то слова. Не столько в идеях, сколько в движении стихии с ее душой, живущей по законам мифа, утопии, Пришвин пытается искать смысл исторических событий. Он расширяет историческое пространство революции до времени Петра I и Великой французской революции, то есть включает ее в контекст русской и мировой истории, а в современном политическом пространстве представляет революцию ареной действия «сил мировой истории человечества».

Историософская оценка происходящего выявляет патриотизм Пришвина, в котором чувство вины перед родиной соседствует с верой в нее: «Мы теперь дальше и дальше убегаем от нашей России для того, чтобы рано или поздно оглянуться и увидеть ее. Она слишком близка нам была, и мы годами ее не видели, теперь, когда убежим, то вернемся к ней с небывалой любовью».

Религиозный смысл русской истории, который традиционно определялся чаянием Царства Божия, теперь осмысляется Пришвиным через слова Христа: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы», в которых отвергнутый людьми Христос обещает уже не Царство, а покой, помощь людям, способным обратиться к Нему...

Однако понимание апокалиптического характера истории не уничтожило в Пришвине здоровую натуру художника. В последней, предновогодней записи дневника с изрядной долей иронии и самоиронии над растерянностью перед лицом неизвестной и еще непонятной жизни Пришвин советует гражданам нового государства учиться, учиться, учиться — слова, которым по иронии судьбы было суждено стать крылатыми.

Я. Гришина, В. Гришин

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Круг жизни – Пришвина В.Д. Круг жизни. М.: Художественная литература. 1981.

ЛН – Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М.: 1963.

Личное дело... – Личное дело Михаила Михайловича Пришвина. Воспоминания современников. СПб.: ООО «Издательство"Росток"», 2005.

Цвет и крест. – Пришвин М.М. Цвет и крест. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2004.

Путь к Слову. – Пришвина В.Д. Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984.

Собр. соч. 1956-1957 – Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1956-1957.

Собр. соч. 1982-1986 – Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982-1986.

Собр. соч. 2006. – Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Терра-Книжный клуб. 2006.

Хлыст. – Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998.

РГАЛИ – Российский Государственный Архив литературы и искусства.

1914 г.

С. 5. *д. Песочки под Новгородом.*— В 1911 Пришвин с семьей живет в разных деревнях Новгородской губернии, и в последующие годы, по крайней мере, до 1915, время от времени туда наезжает. Чаще всего он останавливается в деревне Песочки, описание которой выражает присущий Пришвину способ поэтического обживания нового места: писатель не только включает деревню Песочки в культурное пространство, но и создает такой образ действительности, в котором взаимодействие исторических, религиозных и природных реалий рождает новое качество мира (сосна-свеча).

Ср.: «На высоком берегу Шелони, где были некогда новгородские битвы, есть маленькая деревушка Песочки, возле нее сохранилась старая заповедная роща и в ней древняя часовенка замшелая. Часовня, как деревья: ког-

да снег зимой выпадет и облепит белый ствол, часовня тоже стоит белая, а когда весной снег растает, и от весенних теплых дождей мох на стволе начинает зеленеть, зеленеет и часовня. На крыше ее зеленой стоит небольшой темный крест, а сосны вокруг прямые и чистые, словно свечи. Так и кажется, что с незапамятных времен собрались они сюда помолиться, привыкли и стали свечами стоять» (Ранний дневник 1905-1913). *

...я видел во сне судьбу свою, Вас...— речь идет о Варваре Петровне Измалковой, русской студентке Сорбонны, с которой Пришвин познакомился в Париже в 1902 г., путешествуя по Европе после окончания Лейпцигского университета. Роман с ней был кратковременным, но вскрыл всю глубину и сложность отношения Пришвина к женщине, обнаружил в нем натуру художника, стал источником его поэзии. Впоследствии дневниковые записи Пришвина выявляют в этом романе, во-первых, типично символистское утопическое стремление превратить «Варвару Петровну в Варю», «чужую ему и малоинтересную девушку» — в Невесту, Альдонсу — в Дульцинею («безумный роман с Альдонсой, обязанной быть Дульсинеей»); во-вторых, выявляет также типично символистское стремление превратить ее в Недоступную («Несознаваемая какая-то сила подменяла простейший акт сложнейшей паутиной любви к Недоступной»). Собр. соч. 1956-1957. Т. 5. С. 308-310.

Измалкова — прототип Инны Ростовцевой, героини автобиографического романа «Кащеева цепь».

С. 7. *Однажды в кругу нашей духовной аристократии...*— имеется в виду петербургское Религиозно-философское общество, членом которого Пришвин был с 1909 г.

...вообще филистеров...— филистер - человек с узкими, рутинными представлениями, косными и ханжескими.

Мы принимали свое крещение от Августа Бебеля... — имеется в виду юношеское увлечение Пришвина марксизмом: будучи студентом Рижского политехникума Пришвин принимает участие в работе одного из первых марксистских кружков (1895-1896), где, в частности, переводит книгу А. Бебеля «Женщина и социализм».

...«пролетарии всех стран». — Лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь» впервые прозвучал в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848).

С. 8. *Месяц ясный, двенадцать лысых, мороз сломайте!* — Имеется в виду бытовавшее в Архангельской области поверье: если в сильный мороз выйти на улицу, насчитать из прохожих двенадцать лысых, то на нос последнего пересядет мороз. Ср.: «Заклинание морозу: "Морозик молодой, тебе на стояние, а мне на доброе здоровье". Подносит месяцу свиное рыло и ухо.

---

* Ранний дневник (1909-1913) выйдет из печати в ближайшее время. В дальнейшем ссылка: Ранний дневник.

“Мороз, мороз, поросенка не морозь, иди с нами ухо свиное кушать. Двенадцать лысых мороз сломите!”» (Ранний дневник).

С. 9. *...прислала дочку свою Лизу...*— см.: *Мартынович А.* Девочка из дневника Пришвина // Личное дело... С. 54-56.

С. 11. *...рамочное пчеловодство...*— рамочное пчеловодство пришло на смену колодам и дуплянкам (изобретение П. Прокоповича, 1814 г.), что позволило вмешиваться в жизнь пчел, корректировать их развитие и пр.

...в поисках Беловодья...— в горных районах Бухтарминского Алтая сектанты и старообрядцы искали таинственную идеальную страну Беломорье, в которой, по их вере, сохранилось и древнее благочестие, и «реки медовые в кисельных берегах».

...кабинетская земля...— имеются в виду земли, которые находились в ведении кабинета Его Величества — административного учреждения, занимающегося собственностью императора.

С. 14. *...стоснула по мужу...*— стоснуть *(пск., новг.)* — стосковаться.

Клумова из Лейпцига.— С А. А. Клумовой Пришвин познакомился в Русском пансионе в Лейпциге в 1902 г. Ср.: «Роман “Идиот”, в котором Клумовой отводилась роль Аглаи». (РГАЛИ).

С. 15. *...любовь некоего интеллигента к неизвестному безликому образу...* — здесь и далее записи о любви относятся к юношескому роману Пришвина с Варей Измалковой. В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «1902. Сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча (4 момента) и последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение до сего дня (1918)». Дневники 1918—1919. С. 366.

Пошава ... (новг. пск., олонец.) — повальная болезнь.

С. 16. *...фигура капитана Гаттераса...*— персонаж романа Жюль Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» (1866).

С. 17. *По́шерсть* – поветрие, повальная болезнь.

...Собрание Религиозно-философского общества...— в октябре 1909 г. Пришвин становится действительным членом Петербургского Религиозно-философского общества (1907-1915), что было исключительно важно для него с двух точек зрения. Во-первых, писателя крайне интересовала проблема современного религиозного сознания, которая занимала существенное место в деятельности Религиозно-философского общества. В Петербурге, а также во время путешествия (1908) к Светлому озеру («У стен града невидимого» 1909) Пришвин столкнулся с народным религиозным поиском

сектантского толка, с яркими представителями сектантских общин и увидел в этом одну из главных проблем современности. Во-вторых, знакомство с кругом петербургских символистов становится для Пришвина той необходимой «школой», «крещением "огнем и духом" символизма» (А. Блок), которое сыграло важную роль в формировании его художественного стиля («день – год в моем развитии»); в то же время он осознает, что его разделяет с символистами принципиальное противостояние идее «двоемирия» с присущим символизму разделением мира на земной и небесный и безусловным приоритетом небесного, духовного, мистического («трава зеленая против духа, как это может быть?»). Забегая вперед, можно отметить, что теоретически обозначенная символистами перспектива развития постсимволистской литературы — «реалистический символизм» (Вяч. Иванов) оказывается в значительной мере актуальной для творчества Пришвина.

...для исключения Розанова.— В этот день состоялось заседание но вопросу об исключении философа, публициста и писателя В. В.Розанова из Религиозно-философского общества, в связи с его позицией по «делу Бейлиса». См.: «Суд» над Розановым. Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества.// В. В.Розанов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. П. С. 184-215. Исключение Розанова было инициировано Д. С. Мережковским. См.: «Суд» над Розановым. Общее собрание Религиозно-Философского общества. 16 января 1914 г. Стенографический отчет // В. В. Розанов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 184-215 (Указано А. Медведевым).

...Розанов меня исключал из гимназии...— Обстоятельства конфликта с Пришвиным в Елецкой мужской гимназии, в которой Розанов был учителем географии, он описал в письме к Н. Н. Страхову от 21 марта 1889 г. (*Розанов В. В.* Собр. соч. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 200-201). См. также: *Мамонтов О. И.* Новые материалы к биографии М. М. Пришвина // Русская литература. 1986. № 2. Факт исключения Пришвина из гимназии, инициатором которого был Розанов, их встреча в Религиозно-философском обществе стали определяющими в судьбе Пришвина «как человека и литератора» (дневник от 22 мая 1919). Пришвин постоянно возвращается к факту исключения из гимназии в Дневнике, пытаясь осознать его и преодолеть. От сознания своей правоты Пришвин постепенно приходит к признанию своей вины в этом конфликте (Пришвин о Розанове // Контекст-1990. М.: Наука, 1990. С. 200, 206). Примиряющим финальным аккордом звучат слова Т. В. Розановой в письме к В. Д. Пришвиной от 6 апреля 1969 г.: «Очень хорошо Вы мне сообщили, что Михаил Михайлович уже в гимназии сознал, что *и* он виноват. Это делает ему большую честь. Я помню, что Михаил Михайлович мне говорил, что сожалеет, что описал В<асилия> В<асильевича> в плохом виде <...>» (Контекст-1990. М.: Наука, 1990. С. 214) (Коммент. А. Медведева).

Их встреча на собраниях Религиозно-философского общества интересна не только в свете глубоких и сложных отношений близости и отталкивания, которые связывали Пришвина с Розановым, но и в свете проблемы преемственности философско-эстетических взглядов и литературного стиля Розанова в творчестве Пришвина. Ср.: Пришвин о Розанове //сб.: Контекст 1990. М.: Наука, 1990. С. 161-218.

С. 18. *...взял я себе напрокат «Светлого иностранца»...* — «Впечатление чужестранного» от Мережковского осмыслял Розанов в статье «Среди иноязычных (Д. С. Мережковский)» (Новый путь. 1903. № 10. С. 219-225) (*Розанов В. В.* Собр. соч.: О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 145-163). (Указано А. Медведевым).

Ср.: «За его (Мережковского.— *Я. Г.*) исключительную утонченность и образованность его идейные приверженцы звали «светлый иностранец», светлый, в отличие от темных, приносящих нам в Россию не цветы европейской культуры, а шипы конкуренции: всеобщую правду и разделение». (Ранний дневник).

Киевская черешня и ветхозаветная смоковница. – Пришвин, считавший неправильным смешивать политику (киевское дело Бейлиса) с литературой, ближе всего, пожалуй, находится в этом вопросе к позиции Вяч. И. Иванова, выступившего против исключения Розанова: «<...> писатель, целиком взятый, столь нежный и целостный организм, что разбивать его на части и вырывать их из контекста нельзя. Тогда пришлось бы исключить и Достоевского, и Сологуба, и, конечно, Мережковского <...> Писателя не должно судить и писателя вовсе не нужно исследовать. Дайте ему амнистию раз и навсегда, проявите к нему великодушие или благодарность – как хотите» («Суд» над Розановым. Общее собрание Религиозно-Философского общества. 16 января 1914 г. Стенографический отчет Записки // В. В. Розанов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 198-199). (Коммент. А. Медведева).

...Розанов пишет в «Уединенном»... — ошибка: см. в «Опавших листьях» (Короб первый). Ср.: *Розанов В. В.* Опавшие листья (Короб первый) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 253-254.

...как такая дерзкая мысль могла придти в голову – исключить основателя Религиозно-философского общества... – Ср.: Н. А. Макшеева: «Этого человека приветствовали, превозносили до небес, называли русским Лютером, доходили до крайностей, которыми так изобилует русская жизнь. И теперь его же, В. В. Розанова, хотят исключать из Религиозно-философского общества, которое он питал своими вдохновениями, которое развилось под толчками его искрометной мысли» («Суд» над Розановым. Общее собрание Религиозно-Философского общества. 16 января 1914 г. Стенографический отчет Записки // В. В. Розанов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 201). (Указано А. Медведевым).

С. 19. *...дело Бейлиса...* — см.: Дневники 1930-1931. С.675. Коммент. к с. 301.

...Розанов и писал свои наиболее возмущающие общество статьи. – См.: В. В. Розанов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн.1. С.461-462.

...Розанов для Мережковского не просто облик Розанова, а «всемирно-гениальный писатель», какой-то предтеча Антихриста, земля, Пан... — Ср.:

«Ницше, со своими откровениями нового оргиазма, «святой плоти и крови», воскресшего Диониса – на Западе; а у нас, в России, почти с теми же откровениями – В. В. Розанов, русский Ницше. Я знаю, что такое сопоставление многих удивит; но когда этот мыслитель, при всех своих слабостях, в иных прозрениях столь же гениальный, как Ницше, и, может быть, даже более, чем Ницше, самородный, первозданный в своей антихристианской сущности, будет понят, то он окажется явлением, едва ли не более грозным, требующим большего внимания со стороны церкви, чем Л. Толстой, несмотря на всю теперешнюю разницу в общественном влиянии обоих писателей» (Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский (1900-1902) // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 150). (Указано А. Медведевым).

С. 20. *Мережковский... вдруг неистово закричал: — Падаль, падаль!* — Имеется в виду известный спор Мережковского с рабочим Виноградовым на заседании РФО. Ранний дневник.

С. 21. *Апис.*— Священный бык в египетской мифол., символ плодородия.

...Алпатов снимал тогда комнату...— здесь и далее записи, представляющие собой материалы к роману «Кащеева цепь». Алпатов — герой романа, alter ego писателя.

С. 22. *...моя подруга Сонная Грезица.*— Образ, возникающий в снах, грезах, видениях и сопровождающийся воспоминаниями о первой любви и утраченной невесте; в снотворчестве выражает целый комплекс противоречивых эротических переживаний в духе символистской идеи Вечной Женственности. Для Пришвина всегда будет очевидным поэтико-символическая природа сновидений («Спящая голова творит свободно такие вещи, каких наяву никто не создаст, и бред сумасшедших, иногда полный музыки и красок природы, бесконечно талантлив, но не ценится»); в течение всей жизни он записывает в дневник сны и связывает это с собственной писательской природой («из таких снов вышел из меня добрый поэт»). Ср.: Дневники 1926-1927. С. 567.

С. 23. *...письмо от настоящей, живой!* — Речь идет о Варе Измалковой.

Мало ли из-за чего попадают в тюрьму! — Михаил Алпатов попал из-за женщины будущего.— Речь идет о периоде жизни Пришвина, когда он, будучи студентом Рижского политехникума, стал членом марксистского кружка, организованного В.Д. Ульрихом, и, в частности, занимался переводом книги А. Бебеля «Женщина и социализм» (Ср.: «Никакой поэзии не было в книге «Фрау унд Социализмус», но для меня книга пела о женщине будущего»). В 1897 г. Пришвин был арестован и помещен в тюрьму города Митавы (ныне Елгава) под Ригой.

С. 25. *...М. И. Терещенко и «Сирин»...* — крупный сахарозаводчик и политический деятель М.И. Терещенко в 1912 г. основывает символистское издательство «Сирин» (1912-1914).

С. 26. *...голубые бобры...*— символ, не только связанный с образом умершего отца, своеобразный завет отца сыну, но и знак иной судьбы, обозначивший рождение личности, сознания в мальчике. В романе «Кащеева цепь» название «Голубые бобры» получило первое звено, посвященное детству Алпатова, в котором символика голубого цвета играет очень важную роль. Голубой бобер — геральдический символ древнего рода. Ср. запись от 13 Июня 1914.

С. 28. *...Шингарев и Кокошкин — вот красноречивые защитники женщин.* — В Государственной думе представители партии кадетов А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин принимали активное участие в обсуждении женского вопроса и выступали за расширение прав женщин.

С. 29. *...против суфражисток.* — Суфражистки (англ. suffrage - избирательное право), участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав.

...и, должно быть, Иванов-Разумник... — автор одной из первых критических статей о Пришвине «Великий Пан» (1910-1911).

Ремизова как человека нет совершенно... — с писателем А. М. Ремизовым и его женой Серафимой Павловной Пришвин познакомился в 1907 г. и вошел в «Обезьянью Великую и Вольную палату» («Я был очень близок Ремизову и не откажусь теперь признать его своим учителем», «Через Ремизова я поверил в себя»). Их взаимоотношения представляют интерес как с точки зрения влияния художественного мира Ремизова на Пришвина, так и с точки зрения последующего преодоления этого влияния («Теперь вспомнить стыдно, какой вздор писал под Ремизова»). РГАЛИ.

С. 30. *К рассказу «Невеста»...* — рассказ под таким названием неизвестен.

...Маруха эта самая. — Маруха (местн.) — возлюбленная, разлучница.

...в Шамордине... — имеется в виду Казанская Шамординская женская пустынь, связанная с деятельностью иеросхимонаха, старца Козельской Свято-Введенской Оптиной пустыни, преподобного Амвросия.

...директор английского банка...— Пришвин ошибочно считал, что Измалкова, оставшись за границей, стала директором английского банка.

С. 36. *...Верочкина мать, героиня, заяц.*— Герои первого утраченного рассказа Пришвина «Домик в тумане» — «униженные и оскорбленные» люди петербургской окраины. Диалог с Ф. М. Достоевским занимает существененное место в дневнике Пришина (Ср.: «Читаю “Записки из подполья”. Что-то пережитое. Что-то осталось большое... будет приходить опять и уходить. Но что это, я сказать не могу. Как близка мне эта сцена в ресторане, сколько тут из моей темы “я маленький”»). Ранний дневник.

С. 37. *...я – Лермонтов...*– один из прафеноменов творческой личности Пришвина («по-настоящему я Лермонтов») связан со стих. М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины».

С. 38. *...образ Венеры Милосской...* — женское движение рассматривается Пришвиным в широком контексте русской и мировой культуры. Классический идеал античности осмысляется им как образец синтеза противоположных начал — мужского и женского — тема, существенная для русской культуры начала века.

С. 39. *Существо из Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны...*– здесь: персонажи повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» олицетворяют утопический идеал патриархальной жизни, замкнутой на самой себе и не выдерживающей столкновения с реальностью. Ср.:«Смерть Пульхерии Ивановны перед географической картой». с. 326.

С Розановым сближает меня страх перед кошмаром идейной пустоты...– В русской мысли рубежа веков Розанов, критикуя рациональную парадигму Нового Времени, ведущую к нигилизму, совершает онтологический поворот: «Реальность есть нечто высшее, нежели разумность и истина; потому что сама истина имеет лишь настолько значение, насколько она не мнима, не призрачна, насколько она подходит под признаки реального» (*Розанов В. В.* Литературные очерки (1899) // Розанов В. В. Собр. соч.: Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. М.: Республика, 1996. С. 190). Бытийная захваченность особенно углубилась у Розанова в рамках темы пола и семьи. (Коммент. А. Медведева).

С. 40. *...полное погружение в «жизнь» ... Гриша.*– Житель города Ельца, служивший швейцаром в Петербурге, с которым Пришвин поддерживал отношения. О характере этих отношений, в частности, говорит сохранившийся в дневнике черновик письма Пришвина:

«Гриша, ты своим молчанием на мое письмо говоришь: "Убирайся от меня прочь, я иду своей дорогой, ступай своей и не мешай". К сожалению, не могу исполнить твоего совета в точности: до зарезу нужны деньги. Нашелся капиталист, который под обеспечение акциями (8000 р.) готов мне ссудить 2000 р. Будь так добр, оставь эти акции какому-нибудь лицу или банку с надписью: "Выдать М. М. Пришвину по предъявлении им записки моей".

Прошу тебя и даже умоляю не задержать ответом, потому что деньги весьма нужны, а то лицо скоро уедет». РГАЛИ.

С. 41. *...крушение революции — вехи.*– В статьях сб. «Вехи» (1908) содержалась критика русского революционного движения. Ср.: «Кто ежеминутно готов умереть, для того, конечно, никакой ценности не могут иметь ни быт, ни вопросы нравственности, ни вопросы творчества и философии сами но себе. Но ведь это есть не что иное, как самоубийство, и бесспорно, что в течение многих лет русская интеллигенция являла собой своеобразный монашеский орден людей, обрекших себя на смерть, и притом на возможно

быструю смерть... Огромное большинство нашей средней интеллигенции все-таки живет и хочет жить, но в душе своей исповедует, что свято только стремление принести себя в жертву. В этом — трагедия русской интеллигенции». *Изгоев А. С.* Об интеллигентной молодежи. // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости (АПН). 1990. С. 205-207.

...Розанов с книгой «О понимании» и «Уединенное».— ...Розанов с книгой «О понимании» и «Уединенное».— Пришвин рассматривает проблему «великого спора» интеллигенции и народа через образы трагедии Гёте «Фауст» и личность Розанова, воплощающую для него путь от рациональности, «умственности» («Фауст») книги «О понимании. Опыт исследования природы, границ внутреннего строения науки как цельного знания» (1886) к ветхозаветному мифотворчеству рождения, пола и семьи («Маргарита») в книгах «Уединенное» (1912) и «Опавшие листья» (1913, 1915). Ср.: «Есть какая-то несовмещаемость между христианством и «разверстыми ложеснами» (Достоев.)» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 247); «Волновали и притягивали, скорее же очаровывали — груди и беременный живот. Я постоянно хотел видеть весь мир беременным. <...> От «живота» не меньше идет идей, чем от головы (довольно пустой), и идей самых возвышенных и горячих. Идей самых важных, *жизнетворческих»* (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 258); ««Песнь песней» надо сближать с тем местом Иезекииля (14-я или 16-ая глава), где говорит через пророка Б., как он встретил деву Израиля: «и груди (только что) поднялись у тебя»... «и волосы показались»... и «Я взял кольцо и вдел тебе в ноздри, и повесил в уши запястья»... И т. д. «Но ты... всем проходящим по дороге давала жать свои сосцы... и Ассуру, и Египтянину»...» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 447). (Коммент. А. Медведева)

...у меня семья...— в 1903 г. Пришвин, работая агрономом в Клину, познакомился с Е. П. Смогалевой, крестьянкой из Смоленской губернии, которая стала его женой. Отношения с Ефросиньей Павловной с самого начала были непростыми, таившими корни будущей семейной драмы. В разное время Пришвин писал:

«Мы сошлись сначала просто. Потом мне начала нравиться простота ее души, ее привязанность... Я привык к этой женщине... Но, кажется, я никогда не отделаюсь от двойственного чувства к ней», «Ефросинья Павловна была настолько умна и необразованна, что вовсе и не касалась моего духовного мира», «Семейные сцены проносятся как ураганы в пустынях... Жизнь трещит по швам», «Ефросинья Павловна предана дому, а не лицу. Из этого понятно ее подчас полное пренебрежение к моему личному...». Ср.: Личное дело. С. 38-39.

С. 43. *Дуничка...—* (орф. автографа). Е. Н. Игнатова, двоюродная сестра Пришвина, была членом народовольческой организации «Черный передел», проработала всю жизнь учительницей в деревенской школе, организованной на собственные средства. Через Дунечку в раннем детстве Пришвин вос-

принял идеи народничества, а сама жизнь Дунечки стала для него символом кризиса народничества. В летописи жизни в 1918 г. Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Дуничка учит любить человека (с Некрасовым)». Дневники 1918-1919. С. 365.

С. 45. *Девятого января, когда пули свистели...*— расстрел царскими войсками мирного шествия петербургских рабочих 9 января 1905 года («Кровавое воскресенье») стал началом первой русской революции.

...В. и Ф.— Имеется в виду Варя Измалкова и Фрося, жена Пришвина.

С. 46. — *Бросьтесь в чан, и мы воскресим вас...*— чан — важный атрибут хлыстовского культа. У Пришвина в период изучения хлыстовства становится символом народной стихии, массы, поглощающей личностное начало. После революции чан — ключевой символ в ее осмыслении. Ср.: Большевик из балаганчика (Ответ Александру Блоку). Цвет и Крест. С. 170-171.

...говорил Легкобытов.— С П. М. Легкобытовым, основателем одной из хлыстовских сект «Начало века» («Новый Израиль») Пришвин был знаком в 1908-1909 гг. в Петербурге. Легкобытов интересовал его как человек, выражающий стихию народного религиозного сознания. (Ранний дневник).

Сопоставить с искушением сатаны.— Мф. 4, 1—11.

С побегом Толстого.— Имеется в виду уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны 28 октября (10 ноября) 1910 г.

...нет ничего тайного, что не стало бы явным.— Мк. 4, 22.

С. 47. *...«Охтенская богородица» не виновата...* — Дарья Васильевна Смирнова — основательница одной из религиозных сект в Петербурге, была привлечена к суду по обвинению в совращении лиц православной веры в секту, а также в поношении святынь и хуле на православную церковь. Слушание дела продолжалось с 7 по 17 марта 1914 г. Обвиняемая была приговорена к ссылке в Сибирь и лишению состояния. Ср.: Астраль (Возле процесса Охтенской богородицы). // Собр. соч. 1982-1986. Т. 2. С. 582-592.

...благодаря Бонч-Бруевичу доказано...— имеется в виду предпринятое В. Д. Бонч-Бруевичем за рубежом и продолженное с 1908 г. в России издание: «Материалы к истории и изучению русского сектантства».

...новгородские гении, Игорь Грабарь...— с 1914 по 1917 г. И. Грабарь, член Общества защиты и сохранения памятников (Петербург), работал в составе экспедиции по обследованию исторических памятников в Новгороде.

...хочу дом купить...— запись открывает важную для Пришвина тему, связанную с идеей дома. Смысл жизненного пути для Пришвина характе-

ризуется стремлением не только создать дом, но и поэтически обжить его, сделать предметом художественного преображения действительности. Эту задачу Пришвин решает в течение всей своей жизни.

...кавалер из Луна-парка. – Театр «Луна-парк» находился на той же Офицерской улице в Петербурге, на которой жил Блок.

С. 48. *...Книжник вертится...* — Книжником называл Пришвин П. М. Легкобытова; имеется в виду хлыстовская ритуальная техника достижения экстаза – кружения. См.: Хлыст. С. 454-486.

...это все «шалуны». — Так назвал интеллигентов-богоискателей П. М. Легкобытов.

С. 53. *...такая радость охватит всех, какая не известна ни одному защитнику света.* — Метафизика цвета (света) играет существенную роль в поэтике Пришвина Зд.: голубой — цвет мечты (*голубые бобры*), утопии – народники (*если голубое исчезнет, то они умрут (Дуничка)*); суть полемики заключается в преодолении идеи амбивалентности мира (высокое-низкое, голубое-реальное) и стремлении к единству, надо сказать, необычайным «пришвинским» способом; не утопическое стремление пересилить зло словом – преобразить мир (народники (Дунечка) и символисты), а творческая попытка переиграть зло, признавая его реальность, и пир как пространство этого уникального поединка (*«разведите-ка самовар, накрывайте скатерти и твердите во все уголки: – Жалуйте, жалуйте! Явятся рогатые и пузатые, не брезгуйте... Вступите с ними в остроумную беседу и до рассвета пейте, ешьте и веселитесь»*). Существенно, что ожидаемый результат – не уничтожение зла (что по Пришвину утопично), а радость и доверие к этой всеохватывающей победной радости.

С. 55. *...прочел «Биржевку»...* — имеется в виду «Биржевые ведомости», ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге с 1861 по 1917 г, одна из наиболее популярных и читаемых газет в России.

С. 60. *...в этом зеркале-озере все видно...* — зеркало-озеро, в котором мир должен зеркально отражаться в полном соответствии с действительностью, на самом деле воссоздает некий зазеркальный мир, одновременно и похожий и непохожий на реальный, так как содержит его подлинный, прекрасный образ, а также обладает удивительным свойством выявлять его смысл.

...не из Хрущева... – имение Хрущево, где родился и провел детство будущий писатель, находилось в тридцати верстах от Ельца и принадлежало матери писателя, М.И. Пришвиной — мотив зазеркалья, двойничества позволяет писателю противопоставить реальному месту тот сложный мир, откуда появляется художник.

С. 64. *Тени Щедрина — «единственное представление»...* — речь идет о спектакле по пьесе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» (1862). Через содержание пьесы Салтыкова-Щедрина Пришвиным осмысляется оппозиция «Петербург — коренная Россия», которая в дневнике 1917 г. получит дальнейшее развитие. Петербургская тема занимает значительное место в творчестве Пришвина («Я начал свою литературную жизнь в городе света... я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты... этот город света... в своей трагической славе встает передо мной и поднимает меня». Собр. соч. 2006. Т.3. С. 583-587) и с полным правом может быть включена в так называемый «петербургский текст» (термин В.Н. Топорова). Кроме дневника, где постоянно возникают обращения к поэме «Медный Всадник», к мифу о Петре, оппозиция «Петербург-Москва», «Петербург-коренная Россия», «Петербург-Ленинград», мотивы большого города и «маленького человека» в нем и т.д., петербургская тема развивается в очерках и художественных произведениях писателя, начиная от первого, утраченного рассказа «Домик в тумане» (1905), рассказа «Голубое знамя» (1918), романа «Кащеева цепь» до рассказа «Город света» (1943) и романа-сказки «Осударева дорога» (1948-1954).

С. 65. *Чуйки переделываются...* — чуйка — суконный кафтан халатного покроя, армяк.

Занесло меня в Троицу к Троице. — Имеется в виду Троице-Сергиева Лавра.

С. 67. *...сочинения проф. Смирнова о «бабах богомерзких»...* — имеется в виду: *Смирнов С. И.* Бабы богомерзкие // Сборник статей в честь В. О. Ключевского. М.: 1909. «Бабами богомерзкими» называли в России ведьм, знахарок, акушерок и пр.

С. 68. *...лежит каменная баба...* — древние надгробные изваяния, встречающиеся в районах половецких курганов.

Лебедь, Царь, Карнаухий, Годунов. — Названия колоколов Троице-Сергиевой лавры. О судьбе этих колоколов см.: Дневники 1930-1931. С. 5-32.

... изящной колокольни Растрелли... — ошибка: строительство колокольни Троице-Сергиевой лавры осуществлялось под руководством архитекторов И.Ф. Мичурина и Д.В. Ухтомского.

...не было сатаны, не было гор... — имеется в виду искушение Господа в пустыне. Мф. 4,1-11; Мк. 1, 12-13; Лк.4, 1-14.

С. 69. *...(о. Егор)...* — об о. Георгии Коссове из села Спас-Чекряк (Болховского уезда Орловской губ.) см.: Ранний дневник; Спас-Чекряк // Собр.соч. 1982-1986. Т.1; Усов Н. Н. «Источник Воды Живой. Священноисповедник протоиерей Георгий Коссов». М.: 2004.

С. 70. *...счастливый человек может быть тоже неудачник (Иов)...* — Библ. Учительные книги. Кн. 1. Иов.

С. 71. *...женитьба на крестьянке по принципу.*— Записи носят автобиографический характер и являются разработкой образа главного героя романа «Кащеева цепь». Боборыкин, Онегин — предполагаемые фамилии главного героя.

С. 72. *... устроили из него кургауз.* – (устар.) — курорт.

....женскими высшими курсами имени Стебута.— Речь идет о высших женских сельскохозяйственных курсах для лиц, организованных в 1904 г. при Императорском сельскохозяйственном музее по инициативе проф. И. А. Стебута . Ср.: Княжий двор (О высших сельскохозяйственных курсах). // Русские ведомости. 1914, 8 июля.

С. 74. *Черногузы летят!* — В народе «черногузами» иногда называли жителей далеких земель, которые способны прилетать в облике птиц.

С. 75. *...кусовая барыня.* – Барыня в сильно затянутом, шнурованном корсете.

С. 76. *...и падают и поют вопленицы.* – Вопленица (плачея), плакальщица по покойнику, исполнительница причитаний.

С. 77. *Аракчеевского поселения Новгородской губернии...*— имеются в виду получившая после Отечественной войны 1812 г. распространение инициатива императора Александра 1 о расселении армии в сельскохозяйственных районах («самоокупаемость») среди крестьян; земли под военные поселения сделали государственными, крестьяне, пригодные к военной службе, стали солдатами. В 1815 г. А. Аракчеевым, ближайшим сподвижником императора, было разработано «Положение о военном поселении».

С. 80. *После чтения «Каиновой легенды»...* — возможно, имеется в виду пьеса Леонида Андреева «Каинова печать» (1913).

С. 83. *...самоуправление возле казенки.* — В годы Первой мировой войны так называлась государственная винная лавка.

С. 85. *«Солнце, остановись».*— Иисус Навин. 10,12.

С. 86. *Сказано у Экклезиаста... Душа одна у людей и у животных.* – Так называется одна из самых поздних частей Ветхого завета. Можно предположить аллюзию на следующий текст:

Ибо участь сынам человека и участь скота –
Одна и та же им участь:
Как тому умирать, так умирать и этим,
И одно дыхание у всех,
и не лучше скота человек
Ибо все—тщета.
Еккл. 3,19-21.

С. 89. *Фрося превратилась... в злейшую Ксантиппу...* — имеется в виду Ксантиппа – жена афинского философа Сократа, известная своим злым, вздорным и сварливым характером; имя стало нарицательным: фурия, мегера — архетип плохой жены.

С. 96. *Совсем было решил ехать зайцем...* — речь идет о поездке Пришвина военным корреспондентом на фронт с 24 сентября по 18 октября 1914 г. Ср.: На братскую линию.// Цвет и крест. С. 466-478.

...следовало ли закрываться «Старым годам»? — Имеется в виду журнал «Старые годы» — ежемесячник для любителей искусства и старины, который издавался в Петербурге-Петрограде в 1907 —1916 гг. В августе 1914 г. в петербургских газетах шла полемика между А. Н. Бенуа и Н. Н. Врангелем, которые были сотрудниками журнала, о целесообразности его издания в военные годы.

С. 97. *...в Галиции...* — Ср.: На братскую линию. Впервые: Речь. 1914. 30 октября и 2 ноября. // Цвет и крест. С. 466-478.

...пела свои русинские песни. – Имеется в виду русинское население Закарпатья, на протяжении всей истории подвергавшееся национальной дискриминации. Интересно, что песня всегда занимала очень большое и особое место в культуре русинов.

В этом споре Роллана и Гауптмана... — имеется в виду открытое письмо Ромена Роллана Герхарту Гауптману, который в годы Первой мировой войны поддался милитаристским и шовинистическим настроениям, по поводу обстрела Реймсского собора: «Чьи же вы внуки Гёте или Атиллы?». http://www.firstwar.info/books/index.shtml?2_16

Моя Америка и тоска по ней... — один из прафеноменов творческой личности Пришвина — побег «в Америку» (в других записях «в Азию»), который он совершил с елецкими друзьями-гимназистами в 1885 г. Ср.: Собр. соч. 1982-1986. Т. 2. С. 69-82. См. коммент. к С. 269-270

С. 105. *Первая увиденная мной униатская церковь...* — униатская церков основана на союзе (унии) православной церкви с католической на условиях признания главенства папа римского и католической догматики при сохранении обрядов и церковно-славянского языка при богослужении.

Хасиды и цадики — последователи религиозного движения хасидизма, признающего истинной религиозностью не талмудическую ученость, а сердечную привязанность к Богу. Хасид – благочестивый, цадик — праведник, учитель хасидов.

С. 112. *...в память Люблинской Унии.* – Имеется в виду соглашение 1569 г. об объединении Польши и Великого княжества Литовского в одно государство – Речь Посполитую.

С. 113. *... русские увезли митрополита, австрийцы — монахов-студентов, учителей школы Шептицкого.* – Речь идет о первоиерархе униатской (греко-католической) церкви в Галиции (1901-1944) митрополите Андрее Шептицком, который в годы Первой мировой войны боролся за отделение от Российской церкви, против власти Святейшего Синода и назначение епископов украинской ориентации и который был выслан за антиправительственную агитацию в Киев. Известен его секретный меморандум, написанный в августе 1914 г. австрийскому правительству о необходимости создания украинского государства-гетманства под протекторатом Вены.

С. 114. *... от взрыва пироксилина...* — образующиеся при взрыве пироксилина газы содержат и ядовитую смесь углерода.

С. 116. *Орден Базилиан...* — имеется в виду греко-униатский монашеский орден св. Василия Великого, существовавший с XVII в. в Польше, затем в Галиции. Под влиянием ордена иезуитов, которые в течение XVII столетия постоянно присылались в монастыри ордена, происходило его постепенное окатоличивание, то есть характерные черты восточного обряда постепенно утрачивались.

...Сараевское убийство... – речь идет об убийстве 28 июня 1914 года эрцгерцога и наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его жены в Сараево, послужившее поводом для начала Первой мировой войны.

С. 117. *Воскресла легенда об одноглазке...*— одноглазка – один из вариантов мифологического образа Лиха.

С. 124. *... разговаривали о Достоевском и его Катерине Ивановне.* — У Достоевского две героини с этим именем: Катерина Ивановна Мармеладова («Преступление и наказание») и Катерина Ивановна Верховцева («Братья Карамазовы»). О последней Пришвин упоминает в Дневнике (февраль 1920 г.) как примере свободного, непредсказуемого поведения писателя по отношению к читателю: «Достоевский делает с читателем почти то же, что его Грушенька с Катериной Ивановной: читатель целует ему ручку, и вдруг он берет читательскую ручку и говорит: "А что, если я-то вашу и не поцелую"... и напакостит. Вот читатель Горький и осатанел от этого, восстал на него, как гордая Катерина Ивановна на мерзавку Грушеньку» (Пришвин М. «Какая остается Россия после бесов». Из дневниковых записей о Ф. М. Достоевском / Вст. заметка, примечания и публикация Л. А. Рязановой // Дружба народов. 1996. №11. С. 186).

Пришвин с детства запомнил мать, читающей толстые журналы, которые она выписывала из Петербурга, поэтому не удивительно, что первый сон после ее кончины оказался «литературным».

С. 125. *...добрый и умный Виктор Иванович.*— С В.И. Филипьевым, петербургским чиновником, Пришвин познакомился в 1902 г. и стал его помощником в работе над «Полной энциклопедией русского сельского хозяйства», выходившей под общей редакцией Филипьева.

С. 126. *...(Лысые Горы)...* — аллюзия на роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Лысые горы — имение князя Болконского.

С. 130. *...двенадцать лет под гипнозом.*— Имеются в виду годы, прошедшие с момента встречи с Варей Измалковой.

С. 131. *Та фантастическая женщина... похожа на страшное зеркало, в котором самый хороший человек все равно будет с кривой рожей.* – В постоянные воспоминания Пришвина о любви также проникает мотив двойничества – в этом случае зазеркальный мир демонстрирует искаженный (кривой) образ мира (человека), выявляя соотношение иллюзии и реальности в его первой любви.

С. 132. *... как будто я в чем-то виноват (аквариум на окне)...* — Ср.: «Город и штамп: улицы, дома – все штампованное. Он шел мимо окна и видел, как свет отражался на золотой рыбке и зеленых водорослях в аквариуме, и его опять кольнуло: это счастье – обладать таким аквариумом, положительно счастье. Он не знал того, что красота отраженного света на золотой рыбке и водоросли была его собственная способность видеть красоту, не знал он, что аквариум штампованный, не знал – ворчливая старуха наполняла водой этот аквариум... Вокруг него было все штампованное: и улицы, и дома, и вещи, выставленные в окнах, и часто в домах эти штампованные вещи брались напрокат или покупались не потому, что они красивы, а потому, что «принято так», и что, пробудь он с ними в такой обстановке три дня, он бежал бы от них. Чем же манили его, едущего под дождем на верхушке омнибуса, эти так радостно освещенные квартиры? Манили они его покоем и радостью: казалось, что у них там, в этом штампованном царстве, нет этой боли одиночества. На том месте, где у него острая боль одиночества, – там... радость связи со всем этим огромным штампованным царством.» Ранний дневник.

1915 г.

С. 136. *...взять Дарданеллы.*— Вступление Турции в войну на стороне центральноевропейских держав и закрытие Дарданелл отрезало Российскую империю от мирового рынка и поставило ее в условия экономической блокады. См.: *Верт Н.* История советского государства. 1900 – 1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия. 1992. С. 63.

С. 137. *...встреча с... Горьким.*— Пришвин познакомился с М. Горьким в 1911 г. Поводом к знакомству послужил восторженный отзыв Горького на повесть Пришвина «Черный араб» (1910), рассказ «Птичье кладбище» (1910) и предложение издать сочинения Пришвина в издательстве «Знание». Встречи с Горьким были нечасты, но многие годы их связывала переписка. См.: ЛН. С.319-362.

Поездка в Карпаты от «Русских ведомостей» корреспондентом.— С 15 февраля по 15 марта 1915 г. Пришвин совершает вторую поездку на фронт. Ср.: Отзвуки боя. Очерк был подготовлен к печати (Речь. 1914. Сент.) , но

по указанию цензуры изъят из набора). Указано В.А. Фатеевым. См.: Цвет и крест. С. 478-481. Ср. также: В Августовских лесах. // Собр. соч. 1982-1986. Т. 2. С. 602-608.

Философов занимается фуфайками. – Видимо, имеется в виду сбор одежды для отправки на фронт.

С. 141. *Вот когда прошло все совершенно...* — имеется в виду роман с Варей Измалковой.

...Смысл этой жизни в той способности без ропота отдавать людей (гладиаторство). Из этого складывается смысл и рождаются слова ответа врагам: нас еще очень много, очень! И мы готовы терпеть все до конца! – В годы войны важнейшая для Пришвина тема личности («я») и оппозиция «личность – власть» осмысляется в традиции «гладиаторства»: у римлян – гладиаторские бои носили религиозный характер жертвоприношения богу войны Марсу; максима: «нас еще очень много... мы... готовы терпеть... до конца» определяет как отношение власти к народу, так и народное самосознание.

Религия, напрокат взятая у народа, в то время как самому народу она стала ненужной. Время, когда верхние слои общества обратили свое новое внимание на религию народа, и когда народ охотно отдал бы её задешево напрокат. – Кризис религиозного сознания, выразившийся, прежде всего, в широком распространении сектантского движения в народе, а также в неподдельном интересе к церковным и религиозным вопросам со стороны художественной и интеллектуальной элиты русского общества (Ранний дневник), в контексте войны обрастает, в понимании Пришвина, новыми смыслами, грозящими поставить общество перед другой дилеммой: («Смерть и разрушение создают теперь в воображении человечества силы стремления к земному счастью», «Последствием этой войны, быть может, явится какая-нибудь земная религия: человек здесь, на земле»).

...моя тетушка, ученая на медные деньги...— речь идет о матери писателя М. И. Пришвиной, которую он в дневнике называет иногда «тетушкой», иногда «маркизой».

С. 143. *...все Митюхи...* – Митюха – разиня; так называли рядовых солдат.

С. 144. *Отзвуки боя.*— Военный очерк Пришвина под таким названием был опубликован в газ. «Русские ведомости», 1915, 4 марта. См.: Цвет и крест. С. 478-481.

Один большой художник...— речь идет о К. С. Петрове-Водкине, с которым Пришвин в это время поддерживал дружеские отношения.

С. 148. *Как человек, погибал корпус...*— Пришвин попадает на передовые позиции, в отряд, которому было поручено спасти корпус, заблудившийся в лесах, занятых неприятелем. Ср.: Собр. соч. 1982-1986. Т. 2. С. 602-608.

С. 149. *...записать и что снится...*— текст дневника содержит большой материал снов, который имеет важное значение как для понимания глубинных пластов психологии Пришвина-писателя, так и для понимания сна как формы художественного творчества; в поэтике Пришвина генезис сна, в частности, связан с развитием жанра малой художественной формы – уловить, восстановить явившийся во сне образ («как человек погибал корпус»).

С. 152. *Коньяк Шустова.* – В начале XX века фирма купцов Шустовых (эмблема – колокол) была главным поставщиком коньяка ко двору и широко известна в России и за границей.

С. 159. *«Смертию смерть поправ!»* — Слова из тропаря пасхального богослужения.

С. 165. *Вы для меня непобедимый вечный сюжет.*— Имеется в виду Варя Измалкова.

С. 171. *При поездке в «невидимый град» (то же и «непуганые птицы»)...*— имеются в виду книги: «У стен града невидимого» (1909), написанная после путешествия к Светлому озеру и «В краю непуганых птиц» (1907), написанная после путешествия на Север, в Выговский край.

...я получил все от Германии...— в годы учебы на философском факультете (агрономическое отделение) в Лейпцигском университете (1900—1902) Пришвин получает не только естественное образование и профессию агронома, но и знакомится с Кантом, Ницше, Р.Вагнером — немецкая культурная традиция становится важнейшей частью его мировоззрения.

...Развелся с «Русскими Ведомостями»...— в 1907 г. Пришвин стал корреспондентом газ. «Русские ведомости», одним из редакторов которой был его двоюродный брат И. Н. Игнатов. О трудном положении Пришвина в газете упоминает А.М. Ремизов: «Пришвин корреспондент "Русских Ведомостей". Под постоянным выговором своего двоюродного брата Сергея (ошибка: Ильи. — *Я.Г.)* Николаевича Игнатова. "Писать надо с выводами". А он бы хотел без выводов, как Чехов...». *Наталья Кодрянская.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 322.

С. 172. *...земская служба...*— в 1903 г. Пришвин работал земским агрономом в Клину под Москвой, где занимался организацией сельскохозяйственных складов, а также пропагандой прогрессивных методов землепользования. См.: *Волынцев Е. Н.* Молодой земский агроном. //Личное дело. С. 32-34.

...в министерстве — курьезная служба... — речь идет о кратковременной службе в 1902 г. в одном из петербургских министерств, имевших отношение к сельскому хозяйству.

...в Заветах...– журн. «Заветы» издавался с 1912 по 1914 г. Ср.: «Беллетристика “Заветов” посвящена описаниям мучений человека — многообразным» (*Блок А.* Дневник 1912. М.: Советская Россия, 1989. С. 125). Тем не менее, темы очерков и рассказов Пришвина, опубликованных в журнале «Заветы», очень разнообразны: «Иван Осляничек (Из сказаний Семибратского кургана)», 1912. № 2; «По градам и весям», 1912. № 8-9; «В законе отчем», 1913. № 3; «Славны бубны» (под названием «Трагикомедия»), 1913. № 9; «Крыса», 1913. № 11; «Астраль (Возле процесса Охтенской богородицы)», 1914. № 4.

...«Черного араба» превратить в целую «экзотическую» книгу...— к этому времени вышла повесть «Черный араб» (1910), однако работа над ней продолжалась (в 1925 г. вышла вторая, а в 1948 г. третья редакция «Черного араба»). См. об этом: *Дворцова Н.П.* Три редакции «Черного араба» М. Пришвина // Творчество М.М. Пришвина. Исследования и материалы. Воронеж, 1986. С. 103-110.

...«Птичье кладбище» — в книгу земли русских сказок...— замысел не осуществлен. Рассказ «Птичье кладбище» впервые опубликован с подзаголовком «Сельские эскизы» в 1911 г. См.: Собр. соч. 1982-1986. Т. 2. С. 603—621.

...«Книга войны».— Замысел не осуществлен.

...«Птичье кладбище» превратить в книгу четырех времен года.— Замысел книги, в которой календарь выражает важнейшие природные (планетные) ритмы, создающие время человеческой жизни, был осуществлен Пришвиным много позднее – в книге «Календарь природы» (1935).

С. 173. *Книга рассказов «Старички».*— Рассказ под этим названием был опубликован в газете «Русские ведомости», 1914, 22 июня.

...«Домик в тумане»... — первый утраченный рассказ Пришвина, известный только по его дневниковым записям в разные годы. См.: Путь к Слову. С. 105-109.

...Колобок.– Имеется в виду вторая книга Пришвина «За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере и Норвегии)» (1908).

С. 176. *...несуразный поп: устроил чтение 12-ти Евангелий в заутреню в пятницу.* – Это чтение на Страстной неделе совершается в Великий четверг, на вечернем богослужении.

С. 179. *... наметкой у берегов рыбу ловили...*— приспособление в виде сачка, треугольником прикрепленного к длинному шесту для ловли рыбы в прибрежных водах, в речной траве.

С. 184. *...нужно плыть в Царьград.*— Цареград — древнерусское название Константинополя, взятие которого (Дарданеллы) было одной из целей России в Первой мировой войне.

Вечер, проведенный с Шаляпиным.— С Ф.И. Шаляпиным Пришвина познакомил М. Горький, по-видимому, в январе 1915 г. О впечатлении от личности Шаляпина см. С. 518.

Ср. с восприятием Шаляпина Розановым как глубоко национального и природного явления в статье «На концерте Шаляпина» (Новое Время. 1913. 28 апр.): «Прекрасный "бог" Руси, – "бог" и эллинский и былинный, – весь стройный, высокий, весь какой-то глубоко природный, не сделанный, а *выросший* – улыбался, был счастлив... <...> точно вышел из темного волжского леса, надел не идущий к нему фрак... но забыл о *фраке, о нас*, – и, положив щеку в широкую русскую ладонь, запел... И точно все волжские леса, зеленые и ласковые, запели с ним и в нем» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Среди художников. М.: Республика, С. 413-413). (Указано А. Медведевым).

...девица, похожая на N. ... — имеется в виду Варя Измалкова.

...о старосветских помещиках...— аллюзия на одноименную повесть Н. В. Гоголя.

С. 185. *...законченные образы прошлого в людях: Маша...*— М.В. Игнатова — двоюродная сестра Пришвина, оказала большое влияние на жизнь и творчество писателя. «Двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)», — отмечает Пришвин в летописи своей жизни в 1918 г. См.: Собр. соч.1982-1986. Т. 2. С. 33-53; Дневник 1918-1919. С. 365.

С. 193. *Легкобытов не дождался будущего и объявил «воскресение» — так и марксисты объявляют воскресение.* – О типологической близости сектантства и марксизма см.: Эткинд А. Хлыст. С. 20-25, 454-486; Ранний дневник.

Встреча со Щетининым...— Щетинин — один из петербургских сектантов, которого Пришвин характеризует как «кочующего между хлыстами, революционерами и сыскным отделением департамента полиции» (Ранний дневник).

С. 196. *Разговоры по случаю нашей военной неудачи...*— в мае 1915 г. Российская армия потерпела поражение по всему фронту, в результате которого Литва, Галиция и Польша перешли под контроль государств германо-австрийского блока.

...елецкие типы — Григорий, швейцар в Петербургской гостинице... смердяковщина. — Аллюзия на персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Смердякова выявляет в личности земляка писателя с одной стороны, лакейское, с другой — бунтующее начало и превращает его из цельного человека, «елецкого (народного) типа» в сложную современную личность.

Разговор о Душечке...— Душечка — персонаж одноименного рассказа А. П. Чехова.

С. 198. *...можно хорошо воспользоваться (как Розанов «Новым временем»)...* — имеется в виду сотрудничество В.В. Розанова в изданиях различных направлений, в частности, в газ. консервативного направления «Новое время».

С. 199. *...Коля вдруг... сзывает всех родных, устраивает пир.* — Ср.: «Брат мой Николай имел душу такую же, как и я, но был несчастлив. Он ждал священной встречи с другом. И замечательно, когда он получил от своей дамы сердца согласие, то этот застенчивый до болезни человек, объявил свою свадьбу, как пир на весь мир... По пути на этот пир священный ... на какой-то пересадке забыл в вагоне свой новый, только для пира сшитый сюртук и вдруг через это одумался...» Путь к Слову. С. 16-23.

...Работа над повестью из эпохи кающейся интеллигенции... — речь идет о замысле, к которому Пришвин неоднократно возвращается, условно называя задуманную повесть «Начало века». Замысел осуществлен не был. Ранний дневник, «Богоискательство».

С. 200. *...идет кулак рубить вишневый сад — чем кулак плох?* — Аллюзия на пьесу А.П.Чехова «Вишневый сад» с перекодировкой символов: в свете современности акцент в драматической коллизии уничтожения сада переносится на смысл происходящего; ситуация теряет очевидность и осложняется вопросом, на который оказывается необходимым ответить.

С. 201. *Вспомнил «Конь Бледный» Ропшина.* — Имеется в виду роман В. Ропшина (Б. Савинков) «Конь Бледный» (1909).

С. 202. *...как нос, убежавший с лица...* — Аллюзия на повесть Н.В. Гоголя «Нос».

С. 203. *...я задумал изобразить в «Марксистах»...* — речь идет о замысле повести «Начало века».

С. 206. *Типы 2×2=4: Голованов...* — участник религиозных собраний в трактире «Капернаум» в Новгороде, которые посещал Пришвин в 1909 г. Ср.: «Дитя общественное. Вывелся на людях (вера... неясность мысли, но все делает)». Ранний дневник.

Типы 2×2=5: Кукарин... — сектант, тип религиозного народного искателя — участник собраний в «Капернауме». Ср.: «Кукарин — личность. Душа Кукарина: живчик в душе, который никак нельзя поймать». Ранний дневник.

...бегут, кричат:— Царя убили! — О переживании «страшной катастрофы» 1 марта 1881 г. как историко-культурном феномене писал В. В. Розанов: «Нас поразила эта сухость сердца, этот взгляд на человека и отношение к нему. <...> Этот злобный смех на такие страдания, *при которых нам всем было бы трудно,* это равнодушие и вся политика перетрусившей печати, это холодное безучастие "интеллигентного" общества, когда одному че-

ловеку так больно, весь этот цинизм какой-то не то развращенной, не то от рождения не пробуждавшейся души — нам был невыносим и отвратителен. Это было главное и самое сильное впечатление, необыкновенно яркое и *которое не мешало задумываться, потому что оно было одиноко.* <...> «цель оправдывает средства»? <...> Этот недостаток универсальности в приложении принципов — было второе, что нас поразило тогда. "Мера одна для нас, которую мы требуем, а для других будет та мера, которую мы приложим к ним", — это всегдашнее требование эгоизма и несправедливости продолжало действовать и в тот момент, о котором нас хотели уверить, что он открывает собою эру изгнания из истории всякого насилия, эгоизма и несправедливости» (*Розанов В. В.* Литературные очерки (1899) // Розанов В. В. Собр. соч.: Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. М.: Республика, 1996. С. 162-163). (Коммент. А. Медведева).

Убийство царя Александра II народовольцами в 1881 г., когда Пришвину было 8 лет, он сам всегда считал началом своей сознательной жизни, одним из прафеноменов собственной личности.

Нянька причитывает: — Пойдут теперь мужики к господам с топорами.

— В воспоминаниях Пришвина традиционный в русской литературе образ няни, рассказывающей ребенку сказки и поющей народные песни, вытесняется и переосмысляется. Евдокия Андриановна, няня в семье Пришвиных, непостижимым чутьем понимающая трагичность и неизбежность наступающего времени и не скрывающая этого понимания от ребенка, воспитывала в мальчике готовность к будущему.

С. 208. *...речи депутатов первого дня...* — имеется в виду заседание Государственной думы.

С. 210. *Смоленские болота оказываются лучше Орловского чернозема.* –Автобиографические мотивы в записи очевидны: речь идет о взаимоотношениях с Ефросиньей Павловной, которая была родом из Смоленской губернии.

Учебник Иловайского... — учебники по всеобщей и русской истории Д. И. Иловайского были широко распространены в России в те годы, когда учился Пришвин.

С. 211. *...возвращение людей к идеалу пяти заповедей Моисея.* — Исх. 20, 13-17.

С. 212. («*Смертию смерть*»). – См. коммент. к с. 159.

...Казенка. — См. коммент. к с. 83 на с 566.

С. 214. *Благословенные поля и нивы...* — строка из стих. Ф. Сологуба «Не презирай хозяйственных забот...» (1915), впоследствии вошедшего в сб. «Соборный благовест» (1918).

С. 216. *Весть о смене верховного командования...*— речь идет о смещении великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего русских войск.

Идея правительства общественного доверия...— Прогрессивный блок, созданный в IV Государственной думе буржуазными партиями, настаивал на образовании так наз. министерства доверия, предполагаемый состав которого был опубликован в августе 1915 г. в газ. «Утро России».

С. 218. *...и переходить к новому.*— До 1940 г. путешествие было для Пришвина основным способом художественного освоения мира с соответствующими ему пространственно-временными характеристиками — далекое и проходящее. В дальнейшем характер художественного поиска меняется: внимание с природы в ее бесконечном многообразии переносится на природу в близком и соразмерном для человека качестве, чему соответствуют и принципы художественного восприятия — не далекое, а близкое, не проходящее, а вечное становится объектом внимания писателя.

...решением правительства распустить Думу... — заседания Государственной думы были прекращены по приказу императора Николая II. Ср.: Власть и пахари. Собр. соч. 1982-1986. Т. 2. С. 595—597.

С. 219. *Всю тебя, земля родная...*— строки из стих. Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1885).

С. 222. *...по ночам вертеть столики.*— Имеется в виду распространенное мнение об увлечении великого князя Николая Николаевича спиритизмом.

Гринев у Пугачева. — Персонажи повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

С. 223. *Лука, вероятно, представляет из себя проповедника Христа-утешителя.* - Речь идет о пьесе М. Горького «На дне» (1902).

С. 227. *...так прошел первый день нового собственника.*— Речь идет об имении Хрущево, часть которого по завещанию матери стала собственностью Пришвина.

С. 231. *Однажды, в таком состоянии духа я встретил женщину...* — автобиографические мотивы в данной записи очевидны: речь идет о встрече с Ефросиньей Павловной.

С. 234.... *прямо бичом выгнал торгующих из храма:* — Ин. 2, 13-23.

С. 238. *...легенда о Божьей матери на Аргамаче...* — 26 августа 1395 г. во время встречи иконы Владимирской Божией Матери в Москве (в честь

этого установлен праздник Сретения иконы Владимирской Божией Матери) Тамерлан, находясь на горе Аргамачьей под Ельцом (в устье Быстрой Сосны), во сне увидел великую гору, на которой явилась Небесная Дева, окруженная ангелами с мечами и повелела ему оставить пределы России. *Горлов В., Новосельцев А.* Храм иконы Елецкой Божией Матери. Липецк: Липецкое издательство, 1995. С. 7, 29-30. (Указано А. Медведевым).

С. 241. *Жизнь, заключенная между той и другой.* — Речь идет о Ефросинии Павловне и Варе Измалковой, которую Пришвин называет в дневнике по-разному: «невеста», «мечта», «муза».

С. 244. ...*«чемоданы»* — такое прозвище в народе получило дальнобойное орудие немцев — артиллерийские снаряды большого калибра, обладающие огромной взрывной силой.

С. 245. ... *человек — это звучит гордо.* — Аллюзия на пьесу М. Горького «На дне» (1902). Ср.: «В самом деле, что значит этот Человек с большой буквы, которым везде подчеркнуто восхищается Горький?». Дневники 1926-1927.С. 539.

С. 251. ... *молчаливый шкипер (Цусима)*... — по-видимому, имеется в виду шкипер – командир одного из судов русской эскадры, принимающей участие в Цусимском морском сражении (май 1905) во время Русско-японской войны (1904-1905), и разгромленной.

Автомобиль в лесу первым наткнулся на немцев... — ср.: Августовские леса.// Собр. соч. 1982-1986. Т. 2. С. 602-608. Впервые: под назв. «В Августовских лесах (Отзвуки войны)» в газ. «Биржевые ведомости», 1915, 4 и 17 апреля. Входит в цикл «Слепая Голгофа».

1916

С. 264. *...коровьими хвостами подхлестывая кубари.* – Традиционная народная игра в «Кубарь» заключается в том, чтобы вращающийся кубарь, – для этого его подхлестывают кнутиком – двигался в сторону ворот противника. Игрок выигрывает очко, если кубарь пересек линию ворот, продолжая крутиться.

С. 269-270. *Я... тот же самый, который бежал в Америку, и вся жизнь, как развитие этого «американского существа».* – Действительно, свою первую книгу «В краю непуганых птиц» Пришвин назвал так же, как с друзьями они называли свой побег, а вторую книгу «За волшебным колобком» предваряет посвящение: «Посвящаю свой труд стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежали. Посвящаю и тем трем друзьям, которые разделили тогда со мной детские грезы» — начинающим писателем Пришвин вернулся к тому моменту, когда в 1885 г., будучи гимназистом Елецкой мужской гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц».

(Кащеева цепь.//Собр. соч.2006.Т.1.С.95-111). Ср.: «Никто и никогда не пытался создать подобие энциклопедического словаря, где приводились бы биографии популярных личностей, начавших свою карьеру с того, что в детстве они удрали из дому. В нынешние времена Майн Рид хоть и переиздается, но особой популярностью среди молодежи его книги не пользуются. На рубеже XIX и XX столетий картина была совершенно иная, и русские гимназисты, начитавшись Майн Рида, в массовом порядке удирали "в Америку". Их ловили ... с позором возвращали домой, но они все равно бредили бескрайними прериями, индейцами... и прочей подобной экзотикой». Евгений Манин (Филадельфия). Журн. «Чайка», 22 июля 2002.

С. 270. *Назначение Штюрмера Распутиным...*— в настоящее время эта точка зрения некоторыми историками оспаривается.

С. 271. *... только что прочитанную... драму Синга.* – Имеется в виду пьеса ирландского драматурга Джона Миллингтона Синга «В сумраке долины» (1903).

Экклезиаст с его изжогой бытия: «суета сует!» — Имеется в виду библейская книга Екклесиаста или Проповедника, пронизанная настроениями пессимизма и разочарования в ценности бытия. Рефрен 12-ти глав книги: «Суета сует, — все суета <...> и томление духа». Еккл. 1-12.

С. 273. *Сугробы и субои...* – субой, субойный (тул.) – снежный сугроб.

С. 275. *...с мелом Бога владеет.* — Фонетическая игра слов: «с мелом — смелым».

С. 279. *...товар его не подлежал секвестру...* — запрещению или ограничению, налагаемому государственной властью на использование.

С. 283. *...продает свое первенство за чечевичную похлебку.* - Быт. 25, 31-34.

Фацелия. Ехали мы с агрономом Зубрилиным.— Запись является первоначальным вариантом поэмы «Фацелия» (Лесная капель. // Собр. соч. 1982-1986. Т. 5. С. 6-8), в которой трансформация образа утраченного счастья осмысляется через развитие символики цвета. В силу смещения от лилового к синему (синее поле — синие птицы) символ цвета получает общекультурное наполнение. Завершающая поэму «Фацелия» строка из А. С. Пушкина подтверждают значимость литературного контекста.

С. 286. *Тушинскому вору наш город низко поклонился...* — речь идет о Лжедмитрии П, который выдавал себя за русского царя Дмитрия Ивановича, якобы выжившего в Угличе и спасшегося (Смутное время). В 1607—1608 г.г. под Болховом (Орловская губ.) Лжедмитрий разбил войска Василия Шуйского и направился к Москве — некоторые города сдавались ему почти без боя — и разбил лагерь в Тушине.

...Семик – на Русальной... — распространенный в средне- и южнорусских областях и на Украине праздник отмечался в четверг на 7-ой неделе после Пасхи, отчего неделя получила название русальной или зеленой — один из древнеславянских языческих праздников, сохранивший в христианской культуре не религиозный, а игровой характер: хороводы, игры, гадания, плетение венков.

С. 288. *Никола Сидящий.* — Ср.: очерк «Никола Сидящий» (1923) в цикле «От земли и городов». // Цвет и крест. С. 528-532.

...Плохой был полеток... — (устар.) заработок за все лето.

С. 290. *В потребилке* — (простореч.) – Магазин потребительского общества, кооперативная лавка.

...Не хочу поступать в члены общества из-за сахара... — см.: Сахар. // Цвет и крест. С. 494-497.

С. 296-297. *... одна Коробочка завела себе рабочих-австрийцев...* — аллюзия на поэму Н. В. Гоголя «Мертвые души».

С. 300. *Мы теперь будто в Америке – время совсем другое, быстрое.* – Хронотоп этого времени отражает эпоху общественного, политического и культурного слома, когда старое, укорененное в жизни и новое, современное, странно и сложно взаимодействуют. Тогда внутри пространства *(«в это время до того ясно, что Россия – в пространстве»)* сосуществуют два разнонаправленных вектора времени: во-первых, сжатое, быстрое «американское» линейное время (*«страх... как бы не отстать»*), которому соответствует огромное пространство, где идет война, совершается история, где смерть рядом с жизнью, где все – герои; во-вторых, обратное (возвратное) концентрическое время, незаметное для самого движущегося, которому соответствует от века знакомый путь к дому, где живут *«негодяи»,* где женщины с плачем провожают мужчин на войну, где сеют и убирают урожай (*«горизонт сливается — небо, на небе навозная дорога и овраги, кажется, лошади бегут назад»*). А художник живет одновременно в обеих системах координат – не только потому, что ездит на фронт корреспондентом и пашет землю (писатель-пахарь), но и потому что пишет свою летопись (*«я жил перед чем-то: дневник»*).

С. 304. *...Амвросий.*— Конец записи следующий: «Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны». См.: *Иоанн (Маслов),* игумен. Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие. Курсовое кандидатское сочинение по кафедре патрологии МДА. Приложение: Избранные изречения Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, извлеченные из разных источников и расположенные в алфавитном порядке. МДА, Загорск, 1968-1969. С. 159.

У старца Амвросия в Оптиной пустыни бывала Мария Ивановна Пришвина. Домашние разговоры о старце Пришвин помнил с детства.

С. 306. *...(лешат) в поле...* — здесь: разбивают на полосы, размечают.

С. 309. *Гарный...* — не только красивый, но и умный парень.

С. 310. *... в необходимости общей «повинности», в гладиаторстве...*—в процессе работы в архиве были обнаружены еще несколько записей, относящихся к 1916 году:

14 Июля. В начале войны каждый старался подыскать смысл и оправдание своих чувств, теперь никто из «чающих» не ищет смысла, а только ждет, как бы поскорее все кончилось.

Все стало похоже на огромную молотилку, в которую бросают безропотный народ. И смысл этой молотьбы известен только неизвестному нам Хозяину.

Нужно вечно хлопотать, а чтобы схлопотать, нужно очень хорошо знать местные условия. Хорошо сказать: «Возьмите австрийца!» Да его так просто не возьмешь: нужно похлопотать. «Выхлопотали?» – вот как спросит понимающий человек. Зная свой край, я не только выхлопочу австрийца, а достану всякую штуку. Есть люди в хозяйстве, которых никем нельзя заменить.

Словом, я подхожу к делу, к своему проекту, который я развивал сейчас только на дворе своего хутора при большом одобрении слушателей.

Я предлагаю реквизировать на время войны мой хутор со всеми его запасами, сделать моих рабочих и меня самого военнообязанными и подчинить нас военному праву. Я и мои рабочие в том возрасте, в котором не посылают на позиции и заставляют обслуживать тыловые учреждения.

А разве имение, поставляющее зерно для общества и армии не может быть тыловым учреждением? Выгода государству будет огромная: я заинтересован получить имение в будущем опять в личную собственность, буду его охранять, как охраняю теперь, это раз, а во-вторых, качество моего труд здесь, конечно, будет другое.

Недалеко, может быть, то время, когда будет объявлена всеобщая мобилизация.

Старое и вечно новое: завеса бытия закрытая, вечное рабство, невозможность. По старой липовой аллее иду, шумя листьями засохшими, золотыми пахучими, иду, шатаясь от тоски, бреду к старому лентяю в гости от нечего делать, а мама будто видит меня сверху, и говорит там: вот он пошел, дурак, пошел и пошел... Ей все известно: необходимо я должен туда идти, и ей известно, куда я завтра пойду: мне свобода, а ей необходимость; там нет удивления ничему и ничего нет для них в свете нового...

Пришел из леса старичок, Николай Акимыч Лошинский, приказчик, рассказывал, как он живет: в землянке живет, а печку ему прислать забыли, так и живет в землянке без печи, рассказывал, что мышь одолела, в этом году мыши очень много, сундук его весь изгрызли, а тут еще вода, откуда-то взялась вода, каждый вечер отливает. – Не остаться бы там, – сказал Акимыч, – а и так сказать, пора уж, 75 лет! Ну-те, а как о замирении не

слышно? – Нет, – отвечаем, – не слышно. – А говорят, будто англичанка с туркой мир заключили. – Пустяки! – Так и я думаю: пустяки-с. Намедни покупает мужик дрова, прошу его: отвези кучку мою в город. – Ну что ж, – говорит, – отвезу, у меня там жена штаны шьет на армию. – Я спросил, какие штаны. – Стеганые! Так я и понял: ежели стеганые, то мир долгий, зимовать будут.

– В тот момент, когда я ругаюсь с мужиками, я чувствую себя почти хорошо: я ругаюсь за правду, и это меня тешит и разжигает дальше ругаться, Только потом, когда очнешься, почувствуешь, будто провалился куда-то и даже [начинаешь] видеть то место, где ругался. Понемногу это заживет, как рана какая, и снова начинаешь ткать совю паутину о народе, о мужике (Алекс. Мих. Ростовцев).

Лавочник Федот Денисов закрыл лавочку и поступил на место: рождь ссыпать в кредитном товариществе, этим он хотел избежать воинской повинности. Но только что поступил, ему повестка пришла явиться к воинскому начальнику. И так многих берут. Когда представить себе, что на войне сказали бы так, что кто хочет, идет домой, а не хочет, воюет, то много бы осталось?

Факт громадного, хотя бы только одного этнографического значения: внедрение в нашу русскую жизнь многих сотен тысяч иностранных работников. Из них громадное большинство людей, которые дают полный отчет своему тяжелому невольному опыту, не по книгам, через ученые очки, а крестным путем, в распятии своей плоти узнает теперь Европа Россию: прежде зерцалом в гадании, теперь лицом к лицу.

С. 311. *...свесив ноги с грядки...* — имеется в виду боковой край кузова или ящика телеги (облучок), иногда окованный медью или обитый железом.

С. 313. *Утром рабочий этот просит расчет...* — см.: Быстрое время. // Цвет и крест. С. 491-494.

С. 315. *«Столица и Усадьба»...* — Журн. «Столица и Усадьба» (1913-1917) с описанием старинных усадеб и прошлого быта, а также впервые в России с фотографиями великосветских дам выходил в Петербурге.

В «Старых Годах» не быт, а музей — ежемесячный журн. «Старые годы» (1907-1916) «для любителей искусства и старины», выходил при Кружке любителей русских изящных изданий и публиковал материалы по истории искусства, истории С.-Петербурга, информировал об аукционах, знакомил с деятельностью музеев, уделял много внимания проблемам сохранения памятников искусства и старины России, реставрации и пр.

С. 317. *...земцы ревнуют к Красному Кресту.* — Ср.: Под влиянием военного и экономического кризиса 1915-1916 гг. в России создавались раз-

личные комитеты и общества, фактически параллельные существующим министерствам: Комитет Красного Креста постепенно подчинил себе всю санитарную администрацию страны, Земский и городской союзы (Земгор) пытались централизовать военные поставки, особенно со стороны малых предприятий, видные представители промышленных и деловых кругов создали Центральный военно-промышленный комитет, который занимался организацией производства для оборонных нужд и распределения заказов между крупными предприятиями. Благодаря этой деятельности удалось несколько улучшить снабжение армии и в июне 1916 г. даже развернуть успешное наступление в Галиции. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия. 1992. С. 64-65.

С. 318. *Это было в день трех Святителей...* —день трех великих вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго отмечается православной Церковью 12 Февраля (30 января).

С. 320. *...везде Гектор и Андромаха....* — в «Илиаде» Гомера Гектор – герой Троянской войны, а Андромаха – его верная и любящая жена, предчувствующая грозящую Гектору опасность.

С. 322. *Только она никогда не простит...* — имеется в виду Варя Измалкова.

С. 323. *...седая от росы нетронутая трава – и сердце шепчет: «Богородице Дево, радуйся!»* — Пришвина часто упрекали и упрекают в том, что он прятался от жизни и пр. Пожалуй, можно сказать, что в это кризисное грозное время он создал свое собственное, ни от чего и ни от кого не зависимое пространство, в котором время можно было бы считать циклическим, если бы не свет –одновременно звезды, луны, солнца, кленов и ясеней и чистого неба, если бы не было так тихо и любовно, если бы не трава – нетронутая и не молитва в душе; все это указывает в сторону божественной полноты, обнаруживая универсальный, открытый хронотоп природы, пронизанной смыслом (словом); здесь можно жить, но невозможно прятаться.

...Первые угрозы зимы. — Перефраз из стих. А. С. Пушкина «Осень» (1833).

С. 329. *Вчера я проходил полями...* — Пришвин посылает заметки в петербургские газеты.

С. 333. *Предавали анафеме Бердяева за его книгу.* — Видимо, речь идет книге Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916). Книга вызвала резкую критику В. В. Розанова, Д.С.Мережковского и А. Карташова и восторженную Л. Шестова, В. Зеньковского.

С. 338. *... мы встретились с ней в чужом краю...* — Имеется в виду Варя Измалкова.

С. 349. *Известен он был у нас как художник...* — Ср.: рассказы «Загадка», «Наш сад» //Собр.соч. 2006. С. 592-603.

С. 357. *Кирасиры не ушли?* – Солдаты или офицеры гвардейского (кирасирского) полка, в парадную форменную одежду которых входила кираса – защитное вооружение из 2-х металлических пластин, выгнутых по форме спины и груди и соединенных пряжками на плечах и боках.

С. 361. *... оспенный детрит...*— соскоб оспенных пузырьков с кожи искусственного зараженного животного для приготовления вакцины.

1917

С. 365.*....типы заячьего ведомства...*— попытка понять дух современности («двойственность существования») соединяется у Пришвина с мотивом ремизовской игры в идеальное человеческое общество, противостоящее действительности («Обезьянья Великая и Вольная палата», в которой у Пришвина был чин резидента заяшного ведомства). После Февральской революции (см. запись от 6-7 марта 1917 г.) этот мотив становится знаком другого ощущения жизни («Заячье ведомство распущено — все стали людьми»).

С. 366. *...социалистической газеты «День»...*— имеется в виду ежедн. газ. И. Д. Сытина «День» (1912—1918); с июня 1917 г. меньшевистского направления.

Из статьи Леонида Андреева...— в статье «Картина Петрова-Водкина ("Мир искусства")» («Русская воля», 23 февраля 1917 г.) речь идет о картине «На линии огня» (1915-1916), экспонировавшейся в дни Февральской революции в Петербурге и вызвавшей противоречивую реакцию в обществе. Ср.: Вернисаж.//Собр. Соч. 1982-1986. Т. 2. С. 627-629. Ср. также: «16 Апреля 1949. Война 1914 года подходила к концу, и все в обществе начинали чувствовать близость какого-то конца. О победе и речи не было, поражение? оно, это состояние, и было уже поражением. Молодой талантливый художник N (Петров-Водкин.— *Я.Г.)*, занимаясь своей большой картиной, вдруг понял, что в его картине не хватает, если посмотреть со стороны «души» и если к себе завернуть вопрос, то не хватает поведения самого художника. Он писал это громадное полотно уже три года и начал его, когда в обществе были налицо патриотические чувства». (РГАЛИ).

С. 367. *...повести верхние Дон-Кихотские<...> «Апис» и ... «Раздел».* — Имеется в виду цикл очерков под общим названием «Грезица» (Летопись. 1917. № 2-4), очерк «На посеве» (Речь. 1916, 24 апреля), рассказы «У горелого пня», «Радий» (Собрание сочинений в 3-х т. СПб.: Знание, 1912-

1914. ТТ. 1, 3), «Иван Осляничек (Из сказаний Семибратского кургана)» (Заветы. 1912, № 2,3), <Никон Староколенный» (Альм. «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 18). Очерки «Апис» и «Раздел» написаны, по-видимому, не были.

С. 372. *...а на что нам Константинополь...* – ср.: Адам (1917) // Цвет и крест. С. 333.

С. 373. *...говорил Андрей Белый о состоянии духа, вышедшего за пределы черепа...*— имеется в виду один из излюбленных антропософских мотивов о выходе астрального тела за пределы тела физического; встречается в разных статьях А. Белого в 1910—1930-е гг. В частности, см. в кн.: *Андрей Белый* Революция и культура. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. 1917.

Пришвин познакомился с А. Белым в 1908 г. у Мережковских.

С. 374.... *начинают разбивать ренсковые погреба.* – магазины, торгующие виноградными винами (арх.: название всякого виноградного вина – «ренское», букв. рейнское).

С. 376. *...весть о соглашении двух комитетов...*— имеются в виду Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов.

...«Вставай, подымайся» – («Боже, Царя» – не существует). – В основу революционной песни «Рабочая Марсельеза» (1875) легли стихи, написанные русским философом, теоретиком народничества П. Л. Лавровым (с 1870 г. в эмиграции), в подражание известной песне времен Великой французской революции и гимну Франции «Марсельезе» (автор музыки и текста Руже де Лиль). Во время революции 1905 г. песня была популярна в России, а после Февральской революции 1917 г. была объявлена гимном Российской республики. «Боже, Царя храни» (текст В. А. Жуковского, муз. А.Ф. Львова) – до Февральской революции государственный гимн Российской империи.

С. 377. *...что они печатают в «Известиях».* — Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, в который вошли эсеры, беспартийные и большевики принял решение издавать ежедн. революц. Газ. «Известия».

...Товарищ Максим со своей «Летописью»...— речь идет о М. Горьком и его ежемес. литерат. журн. «Летопись» (1915-1917).

...Говорили о сборнике «Скифы»... — организатором изд-ва «Скифы» и редактором двух сборников (1917) был Р.В. Иванов-Разумник; пафос первого сборника был направлен против войны, второго — против тактики Временного правительства. В первом сб. «Скифы» был опубликован рассказ Пришвина «Страшный суд». (См.: Цвет и крест. С. 316-320). Третий сборник, предполагалось открыть поэмой Блока «Скифы».

С. 378.... *митрополит арестован, царь отказался, другой царь отказался...* —речь идет об аресте митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова), который 1 марта 1917 был арестован, поскольку не присоединился к одному из первых актов Синода, принятых после отречения императора и его брата, о возглашении во время службы многолетия «Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству», а также о двух отречениях от престола 2-3 марта: Николая П и Михаила.

...«Козочка» скакала по революции радостная. — Так называет Пришвин свою знакомую Софью Васильевну Ефимову, соседку по дому на Васильевском острове, где писатель снимал квартиру. Ср.: Цвет и крест (1-я и 2-я редакция) // Цвет и крест. С. 31-63.

С. 379. *«И восстенаете тогда от царя вашего...* – I Цар. 8,18.

С. 380. *Вслух не все можно сказать (свобода слова?).* — С первых дней революции ставит Пришвин под сомнение реальность ее основных лозунгов.

...Бородаевский сочинил гимн... — имеется в виду стих. В. В. Бородаевского «Песнь народу русскому», который претендовал на роль гимна.

С. 381. *...для «Нивы»...* — популярный российский еженед. журн. (1870-1917, изд-во А. Ф.Маркса) с приложениями, ориентированный на «семейное чтение». К. И. Чуковский с 1917 г. был редактором приложения к журн. «Нива» («Для детей»).

...300 строк о Ремизове про Обезьянье ведомство.– Очерк Пришвина на эту тему неизвестен.

С. 382. *Трагично положение этой маленькой кучки полуобразованных людей сектантского строя психики, овладевшей властью над всей огромной страной...* — в Раннем дневнике Пришвина обнаруживается целый ряд записей, в которых революционные идеи, деятели, структуры уподобляются сектантским: «История секты Легкобытова есть не что иное, как выражение скрытой мистической сущности марксизма... получается не земля просто, но земля обетованная ... государство будущего вместо обыкновенного государства». Ср.: Ранний дневник («Богоискательство»); Хлыст. 454-486.

С. 383. *(Из «Невидимого Града».)* – Имеется в виду книга Пришвина «У стен града невидимого» (1909).

С. 384. *....в годину Варнавы ночью в церкви...*— ср.: Собр. соч. 2006. С. 428-429.

Позади их Петр и «Марсельеза». – С первых дней Пришвин включает революцию в контекст русской и мировой истории.

С. 387. *В своих очерках «От земли и городов»...* — в течение 1917-1918 гг. Пришвин печатает очерки в газ. «Новая жизнь», «Дело народа», «Воля

народа», «Воля вольная», «Воля страны», «Раннее утро» и др. См.: Цвет и крест. Многие записи дневника 1917 г. представляют собой законченные очерки.

С. 389. *«Речь» или «Новая жизнь»?* — Ежед. газ. «Речь» (1907-1917) — орган партии кадетов. Газ. «Новая жизнь» (1917-1918) издавалась по инициативе меньшевиков-интернационалистов, группировавшихся вокруг журн. «Летопись». Соредактором газеты был М. Горький.

С. 390. *...говорил, как безумный, Медному Всаднику: «Ужо тебе...* — Аллюзия на повесть А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833). Через Евгения и Медного всадника мотив противостояния личности и власти осмысляется Пришвиным как трагедия раздвоения быта и бытия.

С. 394. *... Истолкование «Речью» поражения* на Стоходе — Стоход — река в Волынской области, приток Припяти.

...«О мире всего мира Господу помолимся!» — Прошение на Великой Ектении.

С. 396. *...купила бы себе «саку» и «еспри».*— Сак — женская длинная верхняя одежда с рукавами. Еспри (от фр. esprits) — декоративное украшение дамских шляп в виде пера или нескольких перьев, укрепленных с помощью обруча.

...теперь, при «Четыреххвостке»... — сокр. название демократической избирательной системы, включающей четыре требования: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

С. 400. *...низвергнут господина пролетария и назовут его Аваддоном.* — Аваддон (евр.) – имя «ангела бездны» (От. 9, 11), в Ветхом Завете – обозначение преисподней (Иов 26, 6; Притч. 15, 11; 27, 20).

С. 403. *...при неудаче с Самсоновым в Восточной Пруссии...* — имеется в виду гибель армии генерала А.В. Самсонова в конце августа 1914 г. в Восточной Пруссии.

С. 407. *Блудный сын выгнал из дома отца своего...* — в революционные годы Пришвин по-разному осмысляет ситуацию в свете евангельской притчи о блудном сыне; в данном случае, разрушение евангельской парадигмы соответствует разрушению отношения человека с Богом (Отцом) и оставляет «блудного сына» (человека) в безбожном (архаическом) мире, оторванном от родовой, культурной и религиозной практики (*«и взял в свои руки дела, которые делали отцы и деды, а он не касался»*).

С. 409. *... рожь... зачичкалась...* — (диалектн.) – съежилась, захилела.

С. 412. ... *женские бурнусы.* – Род старинной верхней одежды, в виде просторного пальто.

С. 416. ...*возвращаюсь к поверочному молебну в нашем селе.* – Ср.: Поверочный молебен. // Цвет и крест. С. 73-76.

С. 421. *«Приидите ко Мне все труждающиеся, обремененные...* – Мф. 11, 28.

...*От земли и городов.* – Такое название получил впоследствии цикл из 8 очерков, каждый из которых с 4 мая по 5 июня 1918 г.публиковался в газ. «Раннее утро». См.: Цвет и крест. С.195-209.

...*пленник Соловьевской волостной республики.* – Ср.: Земля и власть (Восстановление Соловьевской республики). // Цвет и крест. С. 70-73.

В процессе работы в архиве были обнаружены еще несколько записей, относящихся к 1916 году:

Ср.: Волостные республики. Распадаются области, одна за другой объявляя себя республикой самостоятельной, губернии, каждая живет за себя, не сознавая, что опора их – уезды, каждый стремится жить независимо, и в уездах волости, даже села превратились в волостные и сельские республики.

Нечему тут удивляться и нечего пугаться: раз царский трон повален и царем каждый стал, кто захотел, раз признан основной новый жизненный закон самоопределения, то непременно так и быть должно, чтобы всякое сельцо заявило себя особой республикой. Рано или поздно придет время, когда эти самоопределившиеся республики, как муравьи, потащат все свое на постройку целого государства: пугаться тут нечего. Теперь же пока что происходит так, будто муравьиную кучу все муравьи потащили в разные стороны.

Представьте себя на минуту в лесу, в раздумье вы смотрите на муравьиную кучу и вдруг видите, что куча тает на ваших глазах, присматриваетесь и видите, что муравьи стремительно растаскивают ее все в разные стороны. Вы знаете, что тут, не зная законов лесной жизни, ровно ничего не поймешь, удивишься, скажешь: «Стало быть, так нужно» или «Дивны дела Твои, Господи». Только я, зная муравьиную природу, вообще не очень обеспокоился: стащат куда-нибудь, и через день-два куча будет стоять под другим деревом.

Каждый из нас теперь муравей, [несет] свою тяжкую ношу и охвачен тревогой.

Стало тепло. Соловьи запели. Сидим на террасе и думаем, как быть с садом: арендатор наверно откажется, самим охранять – не найдешь караульщика, и не нужны яблоки, лишь бы, обрывая зеленые, не обламывали ветвей. Что делать? Разве цветы оборвать, но как их оборвешь? Или яблоки зеленые оборвать – опять работа немаленькая, ничего не выйдет. Попробовать разве сговориться с деревней, чтобы взяли они половину дохода себе и за это охраняли бы? Но так сделать – подумают, что колеблемся в правах своих на сад. Так ни до чего и не додумались.

Прошлою весну я сводил лес и на эти деньги строил дом для семьи и за этим делом, чуждым моей природе, не видал весны. Теперь мы строим дом для всего народа – государство – и опять не видим весны. Для некоторых в этом строительстве жизнь, другие это считают лишь формой жизни, ее домом. Лева приходит ко мне и, не в состоянии выговорить «социалист», говорит: «Папа, я специалист-революционер!» Другой тихий мальчик говорит: «Всё какие то приключения, когда только окончатся эти приключения!»

Напрасно ждет он конца, эти приключения теперь никогда не окончатся, но только рано или поздно мы к ним привыкнем, приспособимся и, живя, будем их миновать, как летучая мышь летает, не цепляясь в пространстве, опутанном железными проволоками.»

С. 422. *Обе деревни, Шибаевка и Кибаевка...* – местные прозвища жителей этих деревень: шибай – барышник, кибай – буян, драчун. Ср.: Базар (Пьеса для чтения вслух) // Цвет и крест. С. 342.

С. 426. *...с мечтой социализма Земли и Воли...* – Имеются в виду народовольческие идеи, связанные с именами А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. «Земля и воля» так назывались революционные организации в 60-70-е гг. Х1Х в.

С. 427. ... *тощие коровы пожрали тучных...* – Быт. 41, 17-20.

С. 437. *...яко тает воск от лица огня.* – Слова из молитвы «Да воскреснет Бог». Пс. 67, 2-4.

С. 439. ... *Левину, описанному графом Толстым.* – Аллюзия на роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

С. 440. *Шемякин суд.* – Нарицательное выражение, обозначающее неправедный суд. Связано с одноименным названием русской сатирической повести 2-ой пол. XVII в., основанной на распространенном сказочном сюжете.

С. 453. ... *право на землю, как на воздух.* – А.И. Герцен полагал, что земля, подобно воздуху ничья, Божья и не может быть предметом купли-продажи, а должна быть коллективной собственностью крестьян.

«Черный передел»... – народническая организация, возникшая в авг.-сент. 1879 г., название которой связано с распространенными среди крестьян слухами о близком всеобщем «черном» переделе земли.

С. 456. *Как терялись тезисы...* – имеется в виду апрельское выступление В. И. Ленина с тезисами «О задачах пролетариата в данной революции» (1917), представляющих план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

С. 458. *Кому на Руси жить хорошо?* — Название поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863) превращается у Пришвина в важнейший вопрос, который писатель задает времени; ответ на этот вопрос ставит под сомнение результаты Февральской революции, провозгласившей земельный вопрос одним из основных.

С. 465. *...а все еще снится* — Варя Измалкова.

С. 467. *...новый крест для народа русского, я смутно чувствовал еще раньше, неминуемо должен прийти, чтобы искупить — что искупить?* – Пришвин стремится понять происходящее в контексте христианской традиции искупления вины (греха) — отсюда скрытый диалог с Александром Блоком (незаконченная поэма «Возмездие», 1910-1921) и новый, требующий ответа, вопрос. В первые послереволюционные годы в дневнике появляется ряд записей, в которых развивается мотив вины («Русский народ погубил цвет свой, бросил крест свой и присягнул князю тьмы», «цвет измят, крест истоптан, всюду рубят деревья, как будто хотят рубить себе из них новый крест»), а также артикулируется стратегия Пришвина-писателя в этой ситуации («Я, может быть, больше многих знаю и чувствую конец на кресте, но крест – моя тайна, моя ночь, для других я виден как день, как цвет»). Ср.: Цвет и крест. С. 7; Дневники 1918-1919. Коммент. к с. 207. С. 368.

С. 468. *Россия погибает. Боже мой, да ее уже и нет, разве Россия эта с чувством христианского всепрощения, эта страна со сказочными пространствами, с богатствами неизмеримыми.* – Именно в это время между двух революций отмечает Пришвин истощение еще недавно живых русских мифов, которые связывали земную реальность с небесной, одухотворяя повседневность, придавая ей культурный статус. Ср.: запись от 22 Сентября 1916 г.

С. 470. *Мне приходилось странствовать в необъятных степях Семипалатинской области...* — имеется в виду поездка в заиртышские степи (1909), в результате которой была написана повесть «Черный араб» (1910).

С. 486. *Государство настоящего построено на основе личного обладания вещами и на праве продавать их и передавать потомству. Отказать в этом людям-собственникам — значит обидеть не только их, но и отцов их, матерей и дедов.* – Пришвин обнажает самую суть еще не различимых будущих катастрофических последствий уничтожения собственности, которое приведет к разрушению исторической памяти, искажению картины социального прошлого каждого человека, уничтожению преемственности культурной традиции в обществе. Отрыв от корней воспроизводит ситуацию «блудного сына», оказавшегося в этой роли не по личному, пусть ошибочному, выбору, а по принуждению и безвыходности – ситуация, в которой «блудному сыну», вопреки евангельской парадигме, некуда и незачем возвращаться (*«этот социализм, похожий на искусство, все это явно или тайно говорит «нет» отцу своему и отправляет блудного сына все дальше и дальше»*). Интересно, что уже в это время Пришвин улавливает

в социализме его «художественное», родственное искусству происхождение: стремление «моделировать подлинное бытие». Ср.: *Парамонов Борис.* След: Философия. История. Современность. М.: Издательство Независимая газета, 2001. С. 9–25.

С. 489. *...Московское совещание...* — организованное Временным правительством состоялось в Москве 12–15 авг. 1917 г. с целью объединения всех контрреволюционных сил России.

С. 490. *... ложные пророки Гоги и Магоги...* — Откр. 20, 7.

...не одним хлебом жив человек. — Мф. 4, 4.

С. 492. *Разумник в «Скифах» проповедует...* — см. коммент. к С. 377.

С. 493. *«Осанна Сыну Давидову!»* — Мф. 21, 9

...лес для пожарного сарая (сопрели рукава). – Пожарные рукава предназначены для подачи воды и водных растворов.

...произведения, подобные Горьковским повестям о босяках... — имеются в виду «Емельян Пиляй» (1893), «Челкаш» (1895), «Мальва» (1897) и др. В статье «Разложение материализма (1907) Д.В. Философов отмечает, что «"Босяк" — тип не только социальный, но и общечеловеческий тип бессознательного анархиста», который у Горького «соединяется чисто внешним образом с социализмом», «полусознательное, механическое соединение двух непримиримых идей – материалистического социализма и иррационального анархизма – пагубно повлияло на творчество Горького».

С. 494. *...мы на короткие дни встретились и навсегда расстались.* — Имеется в виду Варя Измалкова.

С. 496. *Дети-присыпуши...* — (фольк.) – дети, задавленные своими матерями во время сна и поступающие в распоряжение нечистой силы. Ср.: Присыпуши.// Русские ведомости, 1 янв. 1912. Собр. соч. 1982-1986. С. 503.

С. 502. *О, бедный Смольный, о, моя Грезица...* — см. коммент. к С. 22.

...так исхитриться, продавая, чтобы остаться неподкупным. – Не пафосное, трезвое (народное) или «пушкинское» («не продается вдохновенье, но можно рукопись продать») отношение к своему творчеству (которое он то и дело называет «ремеслом») и в дальнейшем остается одним из главных принципов писательской стратегии Пришвина.

С. 503. *...в подвале клуб «Земля и Воля».* – После Февральской революции 1917 г. левое крыло партии эсеров объединилось вокруг газ. «Земля и воля».

С. 505. *...начинается заворошка...*— путаница, замешательство, неожиданное осложнение в каком-нибудь деле. В 1913 г. вышла книга Пришвина «Заворошка», представляющая собой цикл очерков, посвященных ситуации в деревне после 1905 г. Собр. соч. 1982-1986. Т. 1.

С. 506. *Прекрасная Дама поцеловала варвара, а он поспешил сделать ее своей любовницей.* – Образ Прекрасной Дамы – музы и женского идеала символизма по определению асексуального, оказавшейся в статусе любовницы, становится метафорой России во власти варвара – верх и низ в культуре меняются местами.

С. 507. *...не могу подписывать свое имя в Черновской газете* — по-видимому, имеется в виду газ. правых эсеров «Дело народа».

С. 509. *На демократическом Совете 14 сентября.* – Имеется в виду Всероссийское Демократическое совещание, которое состоялось в Петрограде 14 сентября 1917 г. К этому времени А. Ф. Керенский был главой Временного правительства.

...может с пафосом кричать о категорическом императиве... —категорический императив – базовое понятие этики Канта, имеющее силу безусловного принципа человеческого поведения.

С. 514. ... *(раздвоение Андрея Белого).* – По-видимому, имеется в виду увлечение Белого философией Р. Штейнера и оценка происходящего в России с точки зрения оккультизма (в годы Первой мировой войны Белый участвует в строительстве антропософского храма в Швейцарии).

...Циммервальд. — Имеется в виду Циммервальдская конференция (сент. 1915), в результате которой был выпущен манифест, призывающий начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.

Мир через «и» десятеричное или «i» с точкой <...> Мир через «и» восьмеричное... — буква «и» до орфографической реформы 1917 г. стояла в алфавите на восьмом месте («и» восмеричное), после реформы оказалась на десятом месте, а буква «i», которая была на десятом месте («i» десятичное) исчезла.

С. 516. *...отличаетесь от большевиков «Рабочего пути»?* – «Рабочий путь» —ежедн. легальная газета, орган ЦК РСДРП(б), издававшаяся с 16 сент. по 8 ноябр. 1917 г. вместо газ. «Правда»

«Константинополь будет наш и се буде, буде!» — Ср.: «Константинополь рано ли, поздно ли должен быть наш». Дневник писателя, 1876, июнь, гл. П., ч. IV. // *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1981, Т. 23. С. 48.

Толпою, как на Ходынке... — имеются в виду трагические события на Ходынском поле 18 мая 1898 г. (начало современного Ленинградского проспекта) в день торжества по случаю коронации Николая П; давка во время выдачи подарков привела к гибели и ранениям трех тысяч человек.

С. 519. *...чем страшно описание у Адама Смита разделения труда при изготовлении булавок.* – Имеется в виду труд Адама Смита «Богатство народов» (1776), в котором на примере булавочной мануфактуры он показал рост производительности труда, благодаря внедрению специализации.

С. 520. *...войти в новую газету Савинкова «Час».*— Имеется в виду антибольшевистская газ. «Час», организованная Д.С. Мережковским, З.Н.Гиппиус вместе с эсером Б. Савинковым, одним из руководителей Боевой организации партии эсеров, организатором ряда террористических актов. Известно, что от участия в этой газ. отказался А. Блок. В дневнике имеется черновик письма к Д.С. Мережковскому, в котором Пришвин объясняет причину своего отказа:

«Дорогой Дмитрий Сергеич.

Нет, я не могу принять участие в газете «Час». Потому что Савинков (все равно как и Керенский), отказавшись от убийства, возвращаются под давлением каких-то причин к смертной казни. Ни под каким видом возвращение от высшей природы к низшей для меня неприемлемо и разговаривать нам не о чем.

«Воля народа», «Речь», «Русское слово» — что угодно, только не «Час», потому что там я участвую не по правде, а тут почему-то, я так чувствую, нужно по правде (иначе зачем менять положения?).

Мне тяжело думать, что своим поступком Вас могу оскорбить, и больно, что я не с Вами сейчас вместе и что все так расходятся. Знаю, однако, что на моем месте и Вы бы не приняли участие в газете, а если принимаете, то у Вас есть какие-то непройденные мною пути к этому. Я с напряженным вниманием буду следить за Вами, и, если мы сойдемся, то встретите во мне не такого вялого сотрудника, каким бы я был теперь неизбежно.

Я очень сочувствую позиции Дмитрия Владимировича (Философова.—*Я. Г.)* в «Речи», только не совсем понимаю, зачем он смущает добрых людей — он виновник единственный той смуты, которая владела мной три дня со времени его предложения.

Пауков ужасно боюсь, мышей и смертной казни».

С. 521. *Одно из сит демократии — «Воля народа»...*— имеется в виду газ. правых эсеров, редактором которой после Февральской революции 1917 г. был секретарь Л.Ф. Керенского П. Сорокин.

Еще раз была встреча во сне... — имеется в виду Варя Измалкова.

С. 522. ... *«вихри враждебные»...* — имеется в виду «Варшавянка» (авт. В. Свенцицкий, 1863, русск. перевод Г. Кржижановского, 1897) получила массовое распространение во время Первой русской революции.

С. 526. *Иудушкино племя.* – Аллюзия на роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1875).

...Я уйду в Жиронду. – Жирондисты – политическая группировка периода Великой французской революции, представлявшая интересы торгово-промышленной и земледельческой буржуазии.

С. 533. *..завалили швырком.*– швырок (простореч.) – короткие дрова для печей.

...солдатская Вальпургиева ночь. – В германской народной традиции праздник, отмечающийся в ночь с 30 апреля на 1 мая, посвященный весне, плодородию и сопровождающийся изгнанием ведьм, сжиганием чучела ведьмы и пр. Здесь: солдатский разгул с начавшейся «охотой на ведьм».

С. 534. *... разговор о Дикой дивизии...* – речь идет о кавказской Конной Туземной Дивизии, сформированной в августе 1914 г. и получившей название Дикой дивизии, в которую входили шесть полков: Дагестанский, Ингушский, Кабардинский, Татарский, Черкесский и Чеченский, а также Осетинская Пешая Бригада и 8-ой Донской Казачий Артиллерийский Дивизион. Постепенное разложение в армии не коснулось Дикой дивизии, которая оставалась боеспособной и дисплинированной; по приказу генерала Корнилова Дикая дивизия двигалась к Петрограду с целью отставки Временного правительства и низложения Советов и разгрома революции. Однако Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов сделал все, чтобы не допустить появления конницы в Петрограде.

...юношей ходил из угла в угол по камере тюрьмы... – имеется в виду арест в 1897 г. за участие в работе марксистских кружков (1895-1896) и одиночное заключение в Митавской тюрьме.

...по Эрфуртской программе... – программа Социал-демократической партии Германии (1891) с перечнем демократических реформ.

...кто у нас Марат... – имеется в виду Жан Поль Марат – член Конвента, председатель Якобинского клуба в период Великой французской революции.

...роль Шарлотты Корде – французская аристократка, которая в июле 1793 г. заколола Марата кинжалом, за что была гильотинирована якобинцами.

С. 542. *Русскому человеку нужно пуп от Бога отрезать...* – эти слова принадлежат сектанту П. А. Легкобытову.

...сколько в вас было божественного! — Слова, услышанные Пришвиным в 1908 г. от сектанта-хлыста Рябова. Ср.: Астраль, Голубое знамя // Собр.соч. 1982-1986. Т. 2.

С. 543. *На улице была метель...* — запись является черновым наброском к будущему рассказу «Голубое знамя». // Там же.

С. 544. *...как те калеки, которые ожидали движения воды в Силоамской купели.* — Неточность. Имеется в виду Овчая купель (Вифезда). Ин. 5, 2-4.

Я. Гришина

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А.М. — см. *Коноплянцев А.М.*

А. П. — см. *Устьинский А. П.*

Авдотья — см. *Столярова А.*

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943), русский политический деятель, социалист-революционер — 501, 519, 520

Азимовы, соседи Пришвиных по имению — 72

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — 54, 217, 325

Александр II (1818—1881), российский император Александр Николаевич Романов — 206, 477

Александр III (1845—1894), российский император Александр Александрович Романов — 11

Александра Федоровна (наст. имя и фамилия Алиса Гессен-Дармштадтская; 1872—1918), российская императрица, жена Николая II — 396,420

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), русский военачальник — 326

Алпатов-Пришвин Лев Михайлович (1906—1957), сын М. М. Пришвина — 38, 54, 61, 170, 178, 187, 232, 321, 413, 425

Амвросий (в миру Гренков Александр Михайлович; 1812—1891), оптинский старец — 44, 304, 360

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — 137, 366

Анзимов Владимир Александрович (1859—1920), журналист, общественный деятель, издатель газеты «Копейка» —132

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — 77

Афанасий, священник — 95, 316

Батый (Бату; 1208—1255), монгольский хан, внук Чингисхана, предводитель похода в Восточную и Центральную Европу (1236—1243). С 1243 г. хан Золотой Орды — 238

Бебель Август (1840 — 1913), немецкий политический деятель, социал-демократ — 7, 129, 400

Бейлис Мендель Тевье (1874—1934), приказчик кирпичного завода в Киеве, обвиненный в совершении ритуального убийства; оправдан судом — 19

Белый Андрей (наст. имя и фамилия Бугаев Борис Николаевич; 1880—1934) — 47, 63, 373, 397, 514, 520

Бельтов — см. *Плеханов Г. В.*
Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), русский художник и искусствовед — 96
Бердяев Николай Александрович -философ 333
Бетман-Гольвег Теобальд (1856—1921), германский рейхсканцлер в 1909-1917 гг. — 212
Блок Александр Александрович (1880—1921) — 47, 137, 506
Бобринский — 104
Богданов (Малиновский) *Александр Александрович* (1873—1928), деятель российского революционного движения, экономист, философ — 502
Бозенков, полковник, командир Измайловского полка — 384
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955), деятель большевистской партии, автор работ по истории религиозно-общественных движений в России — 47
Брем Альфред Эдмунд (1829—1884), немецкий зоолог — 217
Брешко-Брешковская (урожд. Вериго) Екатерина Константиновна (1844—1934), деятельница российского революционного движения, одна из организаторов партии эсеров — 395, 420, 453, 455, 499, 530, 541
Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — 137

Ван Дейк Антонис (1599—1641), фламандский живописец — 18
Вейс Константин Александрович, полковник — 366
Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), литературовед — 206
Вересаев (наст. фам. Смидович Викентий Викентьевич; 1867—1945) писатель, литературовед — 104
Верн Жюль (1828—1905) — 16
Виктор Иванович — см. *Филипьев В. И.*
Виленский Дмитрий Гермогенович, приятель Пришвина — 162
Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король в 1888—1918 гг. — 84, 97, 198, 204, 225, 228, 245, 275, 293—294, 319, 385, 461, 525, 535, 544
Водовозов Василий Васильевич (1864/1865—1933), публицист — 375, 379
Волконская, княгиня, деятельница Российского Красного Креста — 103
Володина Евгения Николаевна— 49, 50
Володина Мария Николаевна — 49
Володина Софья Николаевна — 49
Володины — елецкие знакомые семьи Пришвиных — 48—50
Волуйский — 360
Волуйский, елецкий городской голова — 227
Волуйский Николай, гимназист — 310—312
Волынцев Е. Н., учитель, знакомый Пришвина но Клинскому уезду —
Врангель Николай Николаевич (1882—1915), искусствовед — 96

Гауптман Герхарт (1862 —1946), немецкий писатель, драматург — 97
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ — 6
Гедройц Сергей (наст. имя Вера Игнатьевна; 1876—1932) — 377

Герасимов Михаил Михайлович — 248, 250, 252
Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 453, 456
Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 543
Гинденбург Пауль Людвиг Ханс Антон (1847—1934), немецкий полководец — 393
Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — 7, 17, 47, 48, 223, 233, 520
Гоголь Николай Васильевич (1809—1852)— 18, 39, 70, 184, 277, 297, 326, 328, 512, 540
Голованов, сектант, знакомый Пришвина по Новгороду — 206
Гомер —320
Гончаров Иван Алесандрович (1812—1891) — 52
Горемыкин Иван Логинович (1839—1917), председатель Совета министров в 1906 и 1914—1916 гг. — 221, 320
Горький М. (Пешков Алексей Максимович; 1868—1936) — 29, 137, 140, 164, 165, 205, 206, 222—224, 245, 288, 327,335,377, 385, 386, 395, 396, 442, 493, 514—519
Грабарь Игорь Эммануилович (1870—1960), русский художник, искусствовед — 47
Греч Николай Иванович (1787 — 1867), русский литератор, журналист — 467
Грибков Степан Алексеевич, заведующий хозяйством саратовского лазарета — 247
Григорий, швейцар петербургской гостиницы, знакомый Пришвина по Ельцу — 40, 138, 162, 189, 196, 342, 366
Гучков Александр Иванович (1862—1936), лидер октябристов — 374, 381
Гюйо Жан Мари (1854 — 1888), французский философ— 233

Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель — 73

Давыдов, математик — 193

Дворищин Исай Григорьевич, Исайка (1876—1942), секретарь и друг Ф. И. Шаляпина — 192
Деммени Евгений Сергеевич (1898—1969), актер и режиссер — 370, 375, 382, 398
Дефо Даниэль (1660—1731), английский писатель, публицист — 400, 474
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — 112, 124, 196, 442, 516, 517, 529, 545, 546
Дуничка — см. *Игнатова Е. Н.*

Евгения, подруга С. В. Ефимовой — 532, 534
Евдокия Андриановна, няня в семье Пришвиных — 206, 264
Егор (отец Егор Косов; 1854—1928), священник, канонизирован в 2000 г. — 69
Екатерина II (1729—1796), императрица Екатерина Алексеевна — 26, 28
Екатерина, подруга С. В. Ефимовой — 532, 534

Ефимов Иван Васильевич, сосед Пришвина по дому в 1917 г.— 528, 529, 531
Ефимова Софья Васильевна, «Козочка», сестра И. В. Ефимова (1900–?) – 378, 386, 521, 522, 532, 534, 537, 538
Ефросинья Антоновна, хозяйка пришвинской квартиры в Петрограде в 1917 г., монархистка – 525, 527, 533, 536

Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), народная героиня Франции – 44
Жорес Жан (1859–1914), вождь французских социалистов – 501
Жоффр Жозеф Жак (1852–1931), главнокомандующий французской армией в Первой мировой войне – 215
Забелин Семен Карпович, рабочий, посетитель заседаний Петербургского Религиозно-философского общества – 81, 82
Зайцева (урожд. *Столярова Елизавета Дмитриевна*; 1901), жительница деревни Песочки Новгородской губернии – 9
Замятин Евгений Иванович (1884–1937), русский писатель – 164, 285
Ибсен Хенрик (1828–1906), норвежский драматург – 22
Иван IV Васильевич Грозный (1530 –1584), русский царь – 72
Иван Михайлович, житель деревни Хрущево (родины М. М. Пришвина) – 194, 227, 288, 303,333, 408–411, 451
Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), русский поэт – 17
Иванов-Разумник (наст. фамилия *Иванов Разумник Васильевич*; 1878–1946), литературный критик – 29, 162, 202, 221, 374, 376, 377, 395, 492, 499, 500, 503, 507, 521
Игнатов Илья Николаевич (1858–1921), двоюродный брат М. М. Пришвина, публицист – 93, 205, 206, 210, 284,342
Игнатова Евдокия Николаевна (1852–1936), двоюродная сестра М. М. Пришвина, учительница – 43, 52, 185, 195, 210, 284, 431, 481
Игнатова Мария Васильевна (18...– 1908), двоюродная сестра М. М. Пришвина – 185, 195, 303
Игнатовы – 284
Измалкова Варвара Петровна, первая любовь М. М. Пришвина – 5, 22, 23, 45, 131, 165, 166, 170, 184, 322, 338, 494
Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1921), историк – 210
Иоанн Кронштадский (в миру *Иван Ильич Сергеев*; 1829–1869), протоирей, писатель; святой праведный – 355

Каледин Алексей Максимович (1861 – 1918), русский военачальник – 500, 532
Каменев (Розенфельд) *Лев Борисович* (1883–1936), деятель большевистской партии – 509
Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ – 11
Карташов (Карташев) *Антон Владимирович* (1875, по другим данным 1870–1960), русский философ, историк церкви – 17, 137
Керенский Александр Федорович (1881–1970), русский политический деятель – 84, 375, 440, 455, 472, 476, 477, 483, 496, 502, 509, 510, 520, 525, 526, 528, 532, 535, 536, 538–540, 542

Киреевский Владимир, монах — 265
Клумова А. А., знакомая Пришвина но Лейпцигу — 14, 45
Книжник — см. *Легкобытов П. М.*
«Козочка» — см. *Ефимова С. В.*
Кокошкин Федор Федорович (1871—1918), юрист, публицист, лидер партии кадетов, депутат 1-й Госуд. думы — 28
Коля — см. *Пришвин Н. М.*
Коновалов Александр Иванович (1875 — 1948), министр торговли и промышленности во Временном правительстве —335, 381
Коноплянцев Александр Михайлович, товарищ М. М. Пришвина но гимназии — 47, 196, 338
Коноплянцева Софья Павловна, жена А. М. Коноплянцева — 338
Корде д'Армон Шарлотта (1768-1793), убийца Ж.-П. Марата — 532, 534, 538
Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), русский военачальник — 499, 502, 513, 515, 520, 538, 539
Корсаков Федор Петрович, сосед Пришвиных но имению — 54
Корсакова Варвара Александровна, жена Федора Петровича — 55
Котляревский Сергей Андреевич (1873 — 1939), историк, видный член кадетской партии — 167
Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921), госуд. деятель, министр земледелия Российской империи (1908—1915) — 221
Кромвель Оливер (1599—1658), деятель Английской буржуазной революции XVII в. — 528
Кропоткин Амплий Сергеевич, кн., деятель Российского Красного Креста — 161, 245, 247, 249, 259, 260
Крюков Федор Дмитриевич (1870—1920), русский писатель — 459
Крючков Кузьма Фирсович (1890—1919), донской казак, первый георгиевский кавалер в 1914 г.— 86, 253
Ксения Николаевна, дальняя родственница Пришвиных — 231, 268, 274, 275
Кугель Александр Рафаилович (1864—1928), русский театральный критик — 393
Кузнецов — 369, 376
Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936), русский поэт — 545
Кузьмина, медицинская сестра, сотрудница санитарного поезда — 121
Кукарин, сектант, знакомый Пришвина но Новгороду — 206, *567*
Куракин, кн., особоуполномоченный Красного Креста в Гродно— 161, 247, 249
Кускова Е. Д. — см. *Прокопович Е. Д.*

Лева — см. *Алпатов-Пришвин Л. М.*
Левитов Александр Иванович (1835—1877), писатель — 206
Легкобытов Павел Михайлович (Книжник; 1863—1937), один из руководителей хлыстовской секты «Новый Израиль» — 46, 48, 193, 223
Ленин (Ульянов) *Владимир Ильич* (1870—1924) — 524, 528, 530, 533—535, 538
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 37, 112, 128, 137, 521

Лесков Николай Семенович (1831—1895), русский писатель — 282, 425
Лжедмитрий II (?—1610), самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного Дмитрия — 286
Либер (Гольдман) *Михаил Исаакович* (1880—1937), один из видных деятелей РСДРП (бундовец, затем меньшевик) — 501
Лида, Лидя — см. *Пришвина Л. М.*
Лиза — см. *Зайцева Е. Д.*
Ллойд Джордж Дэйвид (1863—1945), английский политический деятель — 212, 544
Лопатины, соседи Пришвиных по имению — 54, 284
Лопухин, сотрудник Российского Красного Креста — 117, 121, 255
Любовь Александровна — см. *Ростовцева Л. А.*

Майская Татьяна Васильевна — 541
Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957), один из лидеров партии кадетов — 114
Мальцев Петр Романович, старший врач саратовского лазарета — 161, 246
Марат Жан Поль (1743—1793), один из вождей якобинцев — 532, 534, 538
Мария Федоровна, российская императрица (1847—1928) — 12
Маркс Карл Генрих (1818—1883) —7, 129, 400
Маслов Семен Леонтьевич (1873—1938), видный деятель партии эсеров — 390, 509, 520
Масловский — см. *Мстиславский С. Д.*
Мейер Александр Александрович (1875—1939), русский философ, религиозный мыслитель — 196
Мейерша — см. *Половцева К.А.*
Мендель Грегор Иоганн (1822—1884), австрийский естествоиспытатель — 73, 76
Мензбир Михаил Александрович (1855—1935), русский зоолог — 217
Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), публицист, литературный критик — 84
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941), русский писатель — 17—20, 29, 48, 50, 51, 188, 223, 232, 518, 520
Мережский, профессор —126
Миклашевский Михаил Петрович (псевдоним Неведомский; 1866—1943), писатель, публицист — 321
Милюков Павел Николаевич (1859—1943), русский политический деятель, историк — 222, 302
Минин Кузьма (?—1616), народный герой, в национально-освободительной борьбе русского народа в 1611—1612гг. — 238, 248
Михаил Александрович, вел. кн. (1878—1918) — 378
Михаил Евтихиевич, елецкий купец, знакомый М. М. Пришвина — 47, 170
Михаил Михайлович, сын Михаила Евтихиевича —170
Мицкевич Адам (1798—1855), польский поэт — 100
Мишуков, председатель земской управы — 408—411, 440

Мстиславский (Масловский) *Сергей Дмитриевич* (1876—1943), русский писатель, участник революционного движения — 375, 377, 378

Надежда Александровна — см. *Толмачева Н. А.*
Накашидзе, кн. Л., секретарь отдела торгового мореплавания министерства торговли и промышленности — 380
Наконидзе Л.— см. *Накашидзе Л.*
Наполеон I Бонапарт, французский император (1769—1821) — 94, 511, 520
Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/1878), русский поэт — 467
Нестор, игумен (в Новгороде) — 248, 252
Николай II (Николай Александрович Романов; 1868—1918), российский император — 90, 91, 108, 169, 216, 265,320, 371, 376, 378—380, 383, 388, 391, 392, 393, 396, 414, 417, 420, 422, 427, 443, 446, 462, 463, 467, 511, 524, 536
Николай (отец Николай Брянцев?), елецкий священник — 63, 136, 176, 186, 192, 318, 413, 416, 446
Николай Николаевич (1856—1929), вел. кн. — 91, 222, 378
Нирдкевич — см. *Радкевич Е. А.*
Ницше Фридрих (1844—1900), немецкий философ, писатель — 89

Окулич Иосиф Константинович (1871—1949), товарищ министра торговли и промышленности — 337, 339,340,341, 365, 374, 383 385, 395, 456, 474, 532

Пантелимон Сергеевич — см. *Романов П. С.*
Перовская Софья Львовна (1853 — 1881), русская революционерка — 44
Петр I (1672—1725), российский император Петр Алексеевич Романов — 384, 387, 390, 400
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939), русский художник — 137, 144, 366, 369, 372, 377, 396, 400, 500, 536
Питирим —(в миру: Окнов Павел Васильевич; 1858—1919), митрополит Петроградский и Ладожский — 378
Плеханов Георгий Валентинович (псевдоним: Бельтов; 1856 —1918), деятель русской социал-демократии — 395, 400
Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Св. Синода в 1880—1907 гг. — 176, 186
Половцева Ксения Анатольевна (1886—1948), художник-график, архитектор, секретарь Совета Петроградского религиозно-философского общества в 1915—1917 гг.; жена А. А. Мейера — 196
Пришвин Александр Михайлович (1868—1911), брат М. М. Пришвина — 185, 211
Пришвин Дмитрий Михайлович, дед М. М. Пришвина — 227
Пришвин Михаил Дмитриевич (18... —1880), отец М. М. Пришвина — 26, 48, 227, 413, 439
Пришвин Михаил Петрович, прадед М.М. Пришвина — 227, 238
Пришвин Николай Михайлович (1869—1919), брат М. М. Пришвина — 90, 185, 191, 199, 288, 303, 321, 403, 454, 470, 471, 476, 481

Пришвин Петр Михайлович (1909–1987), сын М.М. Пришвина – 232, 413, 425

Пришвин Сергей Михайлович (1875–1917), брат М. М. Пришвина – 185, 189

Пришвин Л. М.– см. *Алпатов-Пришвин Л. М.*

Пришвина (урожд. Бадыкина, в первом браке *Смогалева Ефросинья Павловна* (1883–1953), жена М. М. Пришвина в 1903–1937 гг. – 42, 45, 53–55, 61, 79, 89, 128, 131, 189, 284, 285,303, 413, 425, 464, 467, 495

Пришвина Лидия Михайловна (1866–1918), сестра М. М. Пришвина – 53, 123, 185, 194, 195, 199, 284, 303, 431, 440, 467

Пришвина (урожд. Игнатова) *Мария Ивановна* (1842–1914), мать М. М. Пришвина – 23, 24, 26, 41, 53, 55, 60, 124–127, 169, 185, 189, 190, 194, 195, 200, 205, 228, 231, 232, 239, 275, 302,309,318, 320, 321, 404, 413, 421, 456, 481, 482, 488, 492, 493

Прокопович (урожд. Есипова, в первом браке *Кускова Екатерина Дмитриевна*; 1869–1958), видный деятель кадетской партии – 514, 515

Протопопов Алексей Дмитриевич (1866 – 1917/1918), русский политический деятель –333, 339, 369, 370, 374, 375

Проханов Иван Степанович (1869–1935), русский сектант, издатель – 48

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948), профессор-агрохимик, впоследствии академик – 396

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742–1775), донской казак, предводитель крестьянского восстания – 222, 386

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» – 89, 248

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – 40, 71, 112, 203, 211, 222, 390, 467, 492, 504, 518, 545, 546

Радкевич Евгений Александрович, русский военачальник – 247

Радко-Дмитриев (Радко-Димитриев Димитрий Радкович, наст. Русков Руско Димитров; 1859–1918), болгарский генерал, состоявший на русской военной службе – 120

Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671), донской казак, предводитель крестьянского восстания – 512

Разумник – см. *Иванов-Разумник Р. В.*

Распутин (Новых) *Григорий Ефимович* (1864 или 1865–1916) –81, 83, 221, 270, 339, 355, 396, 442, 531

Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (Бартоломео) (1700–1771), русский архитектор – 68, 502

Редько-Дмитриев – см. *Радко-Дмитриев Д. Р.*

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606 –1669) – 18

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), русский писатель – 29, 48, 92, 164, 205,285, 370, 377, 381, 385, 395, 487, 527, 528, 545

Ремизова (урожд. Довгелло) Серафима Павловна (1876–1943), жена А. М. Ремизова – 29, 30, 92, 370, 395

Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892), французский писатель, мыслитель – 193

Репин Илья Ефимович (1844—1930), русский живописец, передвижник — 519
Римская-Корсакова Варвара Александровна — 359
Риттих Александр Александрович (1868—1930), министр земледелия в 1916-1917 гг. — 378
Робеспьер Максимильен Франсуа Мари Изидор де (1758—1794), один из вождей якобинцев — 439, 499
Родзянко Михаил Владимирович (1859 — 1924), русский политический деятель — 372, 374, 381, 476
Родичев Федор Измаилович (1853—1932), один из лидеров партии кадетов — 210
Розанов Василий Васильевич (1856—1919), русский писатель, мыслитель — 17—19, 39—41, 48, 173, 198, 205, 206, 355
Роллан Ромен (1866—1944) — 97
Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938), русский писатель — 413, 421
Ропшин В.— см. *Савинков Б. В.*
Ростовцев Александр (Алексей?) Михайлович, елецкий помещик, цветовод, муж Л. А. Ростовцевой — 127, 227, 264, 359, 360
Ростовцев Николай А., член Государственной думы — 265, 375, 499
Ростовцева Любовь Александровна, урожд.Ладыженская, соседка Пришвиных по имению — 128, 185, 194, 359, 360, 406
Ростовцевы, соседи Пришвиных по имению — 51, 359
Рубенс (Рюбенс) *Питер Пауэлл* (1577—1640), фламандский живописец — 18
Руднев Д. Д., бывший председатель Елецкого отделения Союза русского народа — 464
Руссо Жан-Жак (1712—1778), французский философ, писатель — 324, 339, 340
Рязановский Иван Александрович (1869—1927), историк-краевед, археограф — 223, 520

Сабашников Михаил Васильевич (1871—1943), русский книгоиздатель — 202
Савинков Борис Викторович (псевдоним: Ропшин; 1879 — 1925), писатель, революционный деятель — 201, 519—521, 538
Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927), министр иностр. дел в царском правительстве с 1910 по 1916 г. — 91, 269, 320
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — 64, 526
Самсонов Александр Васильевич (1859—1914), русский военачальник — 403
Сватиков Сергей Григорьевич, русский историк, публицист — 376
Семашко Николай Александрович (1874—1949), деятель большевистской партии, товарищ М. М. Пришвина но гимназии — 390
Семенов-Тян-Шанский Андрей Петрович (1866—1942), русский зоолог, энтомолог — 528
Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616) — 136, 209, 366, 367, 532
Сиверс Фаддей Васильевич (1853 — 1916), русский военачальник — 247
Синг Джон Миллингтон (1871—1909), ирландский драматург — 271

Слуцкая Вера Климентьевна (Берта Брониславовна) (1874—1917), член Петроградского комитета большевиков — 532

Смирнов Сергей Иванович (1870—1916), историк церкви — 67

Смирнова Дарья Васильевна, основательница религиозной секты в Петербурге — 47, 189

Смит Адам (1723—1790), шотландский экономист и философ — 519

Смогалев Яков Филиппович (ум. в 1919), пасынок М. М. Пришвина — 61, 128, 321, 359, 464

Смогалева Е. Ф.— см. *Пришвина Е. Ф.*

Собинов Леонид Витальевич (1872 —1934), русский певец — 108

Сологуб Федор (наст. имя и фамилия: Федор Кузьмич Тетерников; 1863 — 1927), русский поэт — 25, 90, 92, 137, 205, 214, 545

Сопешко, профессор медицины — 117, 118

Софокл (ок. 496—406 до н. э.), древнегреч. поэт-драматург — 202

Софья Андреевна — см. *Толстая С. А.*

Спиридович Александр Иванович (1873—19?), жандармский генерал — 390, 400

Спиридонова Мария Александровна (1884—1941), руководительница партии левых эсеров — 501, 503

Стахович А., сотрудник Российского Красного Креста — 109, 316

Стахович Михаил Александрович (1861—1923), сосед Пришвиных по имению — 43, 197, 432, 434, 436, 440, 451, 457, 495, 496

Стаховичи — 124, 317

Стебут Иван Александрович (1833—1923), агроном, основатель высших женских сельскохозяйственных курсов (1904) —72, 77

Стеклов Юрий Михайлович (Нахамкис Овсей Моисеевич; 1873—1941), член исполкома Петроградского Совета, редактор «Известий» — 376, 384

Стенковский Виктор Иванович, депутат Государственной думы от Задонска — 333

Степанов Владимир Николаевич, помощник коменданта военно-санитарной станции — 97

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), русский государственный деятель —501

Столярова Авдотья, жительница деревни Песочки Новгородской губернии — 9

Струве Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, философ, публицист — 85

Суханов Н. (*Гиммер Николай Николаевич*; 1882—1940), экономист, публицист, с 1903 г. — эсер, с 1917 — меньшевик — 337

Терещенко Михаил Иванович (1886—1958), меценат, издатель, министр Временного правительства — 25, 351, 520

Толмачева Надежда Александровна, урожд. Ладыженская, соседка Пришвиных по имению — 359, 481

Толстая (урожд. *Берс Софья Андреевна*; 1844—1919), жена Л. Н. Толстого — 192, 196

Толстой Илья Львович (1866—1933), сын Л. Н. Толстого, спутник М. М. Пришвина по экспедиции Красного Креста — 109

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – 46, 70, 112, 164, 192, 193, 206, 211, 232, 235, 239, 272, 325, 425, 439, 441, 472, 504, 545, 546
Трепов Александр Федорович (1862–1928), с 1914 по 1917 г.– министр путей сообщения, затем председатель Совета министров – 240
Троцкий (Бронштейн) *Лев Давидович* (1879–1940), один из вождей большевистской революции – 521, 531, 533–535, 538
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – 310, 313, 335,395, 425, 504
Тэн Ипполит Адольф (1828–1893), французский философ, писатель – 395
Тютчев Федор Иванович (1803–1873), русский поэт – 219

Ульрих Василий Данилович (1857–1932), социал-демократ, большевик – 130
Успенский Глеб Иванович (1843–1902), русский писатель – 86, 425, 520
Устьинский Александр Петрович (1854–1922), священник – 95
Фаррар (правильно Фэррар) *Фредерик Уильям* (1831–1903), английский богослов – 193
Федор Петрович – см. *Корсаков Ф. П.*
Феррари – см. *Фаррар Ф.-У.*
Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), русская революционерка – 44, 501, 530
Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович; 1782–1867), митрополит, русский церковный деятель –65
Филипьев Виктор Иванович (1857–1906), русский энтомолог, лесовод – 125
Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940), русский публицист – 137, 520
Фишман Яков Моисеевич (18...–1961), один из видных левых эсеров – 503
Флуг Василий Егорович (1860–1955), русский военачальник – 247
Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), с 1897 г. министр императорского двора и уделов – 371

Хабалов Сергей Семенович (1858–1929), военный комендант Петрограда – 374, 398
Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), министр внутренних дел России с 1915 по 1916 г. – 265
Хрущева М. А. (монахиня Антония) – 44

Чернов Виктор Михайлович (1873 – 1962), один из основателей партии эсеров – 472, 476, 494, 500, 501, 505, 507, 509, 510, 539
Чехов Антон Павлович (1860 – 1904), русский писатель – 196
Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фамилия: Николай Васильевич Корнейчуков) (1882–1969), русский писатель, журналист – 137, 205, 381
Чулков Георгий Иванович (1879–1939), русский поэт, литератор – 17
Чхеидзе Николай Семенович (1863–1926), русский политический деятель – 384

Шагинян Мариэтта Сергеевна (Шагинянц Марианна Саркисовна) (1888—1982), русская писательница — 48

Шаляпин Федор Иванович (1873—1938), русский певец — 108, 184, 335, 518, 538

Шаховской кн. Дмитрий Иванович (1861—1939), один из видных деятелей кадетской партии — 374, 375, 398

Шекспир Уильям (1564—1616) — 271

Шемякин, помещик Новгородской губернии, бывший секретарь К. П. Победоносцева — 176, 186

Шептицкий гр. Анджей (Роман Александр Мария) (1865—1944), глава униатской церкви — 108, 113

Шереметев Алексей Федорович, ливенский уездный предводитель дворянства — 231, 232

Шестов Лев (наст. имя и фамилия: Лев Исаакович Шварцман; 1866—1938), русский религиозный философ и писатель — 84

Шингарев Андрей Иванович (1869—1918), земский деятель, публицист, врач, один из лидеров партии кадетов, депутат 2 и 4-й Госуд. дум — 28, 375

Шипо́в Дмитрий Николаевич (1851 — 1920), один из лидеров партии кадетов — 96

Штейн Алекс[андр?] Павлович, доктор, сотрудник санитарного поезда — 121

Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917), председатель Совета министров России с 20 янв. по 10 ноября 1916 г. — 268, 270

Щедрин — см. *Салтыков М. Е.*

Щетинин Алексей Г. — 193

Эпштейн — 247

Яша — см. *Смогалев Я. Ф.*

СОДЕРЖАНИЕ

М. М. Пришвин. ДНЕВНИКИ

1914 3

1915 133

1916 261

1917 363

Комментарий 547

Указатель имен 594

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин

ДНЕВНИКИ

1914–1917

Корректор: *Т. Н. Беднякова*
Художественное оформление: *Г. Расторгуев*

Подписано в печать 03.05.07. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Бум. офсетная. Гарнитура Octava. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,00. Тираж 3000 экз.
Зак. № 4226

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

